

Министерство внутренних дел Российской Федерации

Юридическая наука и практика:

Вестник Нижегородской академии МВД России

**Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год**

№ 2 (46)

Legal science and practice:

Journal of Nizhny Novgorod academy
of the Ministry of internal affairs of Russia

**Founded in 2001
Published 4 times a year**

Нижний Новгород 2019

Адрес редакции и издателя:
603144, Нижегородская область,
Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3.
Нижегородская академия МВД России
Редакционно-издательский отдел
Тел.: (831) 421-73-21

E-mail: rio_na@mvd.gov.ru

**Включен ВАК при Минобрнауки России
в Перечень рецензируемых
научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук**

**Включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)**

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-38354
от 11 декабря 2009 года

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России»: 80785

Главный редактор В.М. Баранов
Редактор Н.А. Якушева
Компьютерная верстка Г.А. Федуловой
Дизайн обложки К.А. Быкова

Подписано в печать 28.06.2019.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 33,17.
Гарнитура Ариал. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 231.
Свободная цена.
Дата выхода в свет 16.07.2019

Отпечатано в отделении полиграфической
и оперативной печати
Нижегородской академии МВД России.
603144, Нижегородская область,
Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3

© Нижегородская академия
МВД России, 2019

Юридическая наука и практика

16+

**Вестник Нижегородской академии МВД России
№ 2 (46)**

2019

Редакционный совет

Председатель:

Архипов Дмитрий Николаевич — начальник Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент, член Российской академии юридических наук

Заместитель председателя:

Черных Евгения Евгеньевна — заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент

Члены редакционного совета:

Баранова Марина Владимировна — профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Баулин Олег Владимирович — профессор кафедры гражданского права и процесса Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Бондарь Николай Семенович — судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации

Вавилин Евгений Валерьевич — проректор по научной работе Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор

Власенко Николай Александрович — главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Грибунов Олег Павлович — заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России (по научной работе), доктор юридических наук, доцент

Ершова Елена Александровна — заведующая кафедрой трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор

Исаков Владимир Борисович — заведующий кафедрой теории и истории права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Союза писателей Российской Федерации

Капустин Анатолий Яковлевич — первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Карагодин Валерий Николаевич — заместитель директора Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Лазарев Валерий Васильевич — заведующий отделом имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Мацкевич Игорь Михайлович — заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Москалькова Татьяна Николаевна — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Поляков Михаил Петрович — профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор

Попондопуло Владимир Федорович — заведующий кафедрой коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Санинский Роман Александрович — председатель Арбитражного суда Нижегородской области, кандидат юридических наук

Старилов Юрий Николаевич — декан юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Терещенко Людмила Константиновна — заместитель заведующего отделом административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

Тихомиров Юрий Александрович — главный научный сотрудник — руководитель фундаментальных исследований Центра публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Alfonso Serrano-Maillo (Альфонсо Серрано-Майло) — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (Мадрид, Испания), доктор права, профессор

Antonius Maria van Kalmthout (Антониус Мария ван Кальмтаут) — профессор Тилбургского университета (Королевство Нидерландов), доктор права, профессор

**Address of the editorial
and publishing office:**

Editorial and publishing department,
Nizhny Novgorod academy
of the Ministry of internal affairs of Russia
3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod region, Nizhny
Novgorod, 603144, Russia
Tel.: (7-831) 421-73-21

E-mail: rio_na@mvd.gov.ru

**The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific journals and publications,
where main research results
of doctoral dissertations should
be published**

**The journal is included in the system of
the Russian Science Citation Index**

Published 4 times a year

The Journal is registered
at the Federal Service for Supervision
of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Certificate number PI no. FS77-38354
as of December 11, 2009

Subscription index
at the General catalogue
«The Press of Russia»: 80785

Editor-in-chief V.M. Baranov
Editor N.A. Yakusheva
DTP G.A. Fedulova
Cover design K.A. Bykov

Signed to print 28.06.2019.
Format 60x84/8.
Conventional print sheets 33,17.
Font Arial. Offset printing.
1000 copies. Order no. 231.
Free price.
Release date 16.07.2019

Printed at the printing section of
Nizhny Novgorod academy
of the Ministry of internal affairs of Russia.
3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod region, Nizhny
Novgorod, 603144, Russia

Legal science and practice

**Journal of Nizhny Novgorod academy
of the Ministry of internal affairs of Russia
№ 2 (46)**

2019

Editorial council

Chairman:

Arkhipov Dmitry N. — Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Member of the Russian Academy of Legal Sciences

Vice-chairman:

Chernykh Evgeniya E. — Deputy Director (for Research) of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

Members of editorial board:

Baranova Marina V. — Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Candidate of Sciences (Cultural Studies), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Baulin Oleg V. — Professor, Department of Civil Law and Procedure, Voronezh State University, Doctor of Law, Professor

Bondar Nikolay S. — Justice of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation

Vavilin Evgeniy V. — Vice-rector for Research, Saratov State Academy of Law, Doctor of Law, Professor

Vlasenko Nikolay A. — Chief Scientific Officer of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation, Professor of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Gribunov Oleg P. — Deputy Head for Research, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor

Yershova Yelena A. — Head of Department of Labor and Social Security Law, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor

Isakov Vladimir B. — Head of the Department of Theory and History of Law, National Research University «The Higher School of Economics», Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Writers' Union of the Russian Federation

Kapustin Anatoly Ya. — First Deputy Director, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Karagodin Valery N. — Deputy Director, Institute for Advanced Training, Moscow Academy of the Investigation Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Lazarev Valery V. — Head of Department of Implementation of Court Decisions in the Legislation of the Russian Federation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Matskevich Igor M. — Head of Department of Criminology and Penal Law, Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Moskalkova Tatyana N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Polyakov Mikhail P. — Professor of the Department of Criminal Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor

Popondopulo Vladimir F. — Head of the Department of Commercial Law, St. Petersburg State University, Doctor of Law, Professor

Saninsky Roman A. — Chairman of Arbitration Court of Nizhny Novgorod Region, Candidate of Legal Sciences

Starilov Yuri N. — Dean of the Law Faculty of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Tereshchenko Lyudmila K. — Deputy Head of Department of Administrative Legislation and Procedure, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Tikhomirov Yuriy A. — Senior Researcher — Head of Fundamental Research, Center for Public Law Research, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Alfonso Serrano-Maillo — Head of the Department of Criminal Law and Criminology, National University of Distance Education (Madrid, Spain), Doctor of Law, Professor

Antonius Maria van Kalmthout — Professor, University of Tilburg (Netherlands), Doctor of Law, Professor

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Баранов Владимир Михайлович — помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Заместитель главного редактора:

Смолин Алексей Юрьевич — начальник редакционно-издательского отдела Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук

Члены редакционной коллегии:

Анисимов Алексей Павлович — профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), доктор юридических наук, профессор

Бирюков Павел Николаевич — заведующий кафедрой теории государства и права, международного права и сравнительного правоведения юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Болтанова Елена Сергеевна — заведующий кафедрой гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, доцент

Бут Надежда Дмитриевна — заведующая отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук

Валеев Дамир Хамитович — заместитель декана юридического факультета Казанского федерального университета по научной деятельности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан

Гусев Алексей Васильевич — профессор кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент

Демин Александр Васильевич — профессор кафедры коммерческого, предпринимательского и финансового права Юридического института Сибирского федерального университета, доктор юридических наук

Демичев Алексей Андреевич — профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Кириллов Михаил Андреевич — профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор

Кодан Сергей Владимирович — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Уральской академии государственной службы, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Корнев Аркадий Владимирович — заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Крохина Юлия Александровна — заведующая кафедрой правовых дисциплин высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета имени Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

Крусс Владимир Иванович — заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Кузнецов Александр Павлович — профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации

Кучеров Илья Ильич — заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Лушников Андрей Михайлович — заведующий кафедрой трудового и финансового права Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор

Мартынов Алексей Владимирович — директор Института открытого образования, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, доцент

Мионов Анатолий Николаевич — профессор кафедры конституционного и муниципального права Владимирского филиала РАНХиГС, доктор юридических наук, доцент

Моисеев Алексей Александрович — вице-президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, доктор права Австралии

Оборотов Юрий Николаевич — заведующий кафедрой теории государства и права Национального университета «Одесская юридическая академия», член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Украины

Орлова Александра — вице-декан факультета по науке и аспирантуре, профессор Департамента криминологии Университета Райерсона (Торонто, Канада), доктор права, профессор

Павлов Вадим Иванович — начальник кафедры теории и истории государства и права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Сафин Завдат Файзрахманович — заведующий кафедрой экологического, трудового права и гражданского процесса Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор

Сергеев Владимир Анатольевич — директор Центра прикладного уголовного правосудия, профессор Западного Иллинойского университета (США)

Соловьева Татьяна Владимировна — профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, член экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, доктор юридических наук, доцент

Субанова Наталья Викторовна — ученый секретарь Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, почетный работник прокуратуры Российской Федерации

Тарасов Анатолий Михайлович — главный советник Генерального директора АО «Лаборатория Касперского», главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации

Терехин Владимир Вячеславович — профессор кафедры уголовно-процессуального права Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент

Тимофеев Лев Александрович — профессор кафедры земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования

Толстик Владимир Алексеевич — начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Фатьянов Алексей Александрович — заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Шестерякова Ирина Владимировна — профессор кафедры трудового права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, доцент

Editorial board

Editor-in-chief:

Baranov Vladimir M. — Assistant to Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Research Development, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Deputy editor-in-chief:

Smolin Aleksey Yu. — Head of the Editorial and Publishing Department, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Law)

Members of editorial board:

Anisimov Aleksey P. — Professor of Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Institute of Management — a Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Biryukov Pavel N. — Head of Department of Theory of State and Law, International Law and Comparative Law, School of Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor

Boltanova Yelena S. — Head of Department of Civil Law, National Research Tomsk State University, Doctor of Law, Associate Professor

But Nadezhda D. — Head of Department of Problems of Prosecutor's Supervision and Strengthening the Legality in the Sphere of Economics, Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law

Valeyev Damir Kh. — Deputy Dean for Research, School of Law of Kazan Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

Gusev Aleksey V. — Professor of the Department of Criminalistics, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor

Demin Aleksandr V. — Professor, Department of Commercial, Entrepreneurial and Financial Law of the Law Institute of Siberian Federal University, Doctor of Law

Demichev Alexey A. — Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Candidate of Sciences (History), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Kirillov Mikhail A. — Professor, Department of Criminal and Penal Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor

Kodan Sergey V. — Head of the Department of Theory and History of State and Law, Ural Academy of Public Administration, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Kornev Arkady V. — Head of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor

Krokhina Yulia A. — Professor, Head of the Department of Legal Disciplines, Supreme State Audit School (Faculty) of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Law, Professor

Kruss Vladimir I. — Head of Department of Theory of Law, Tver State University, Doctor of Law, Professor

Kuznetsov Alexander P. — Professor of the Department of Criminal and Penal Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation

Kucherov Ilya I. — Deputy Director, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian

Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Lushnikov Andrey M. — Head of Department of Labor and Financial Law, Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Professor

Martynov Alexey V. — Director of the Institute of Open Education, Head of Department of Administrative and Financial Law, Law School, National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Doctor of Law, Associate Professor

Mironov Anatoly N. — Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Vladimir Branch of the Russian Academy of Science, Doctor of Law, Associate Professor

Moiseyev Alexey A. — Vice-president, Russian Association of International Law, Doctor of Law, J.D. (Australia)

Oborotov Yuri N. — Head of the Department of Theory of State and Law, the National University «Odessa Law Academy», Corresponding Member of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Ukraine

Orlova Alexandra — Associate Dean-research and Graduate Studies, Associate Professor in the Department of Criminology at Ryerson University (Toronto, Canada), Doctor of Law, Professor

Pavlov Vadim I. — Head of the Department of Theory and History of State and Law, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Sciences (law), Associate Professor

Safin Zavat F. — Head Department of Environmental Law, Labor Law and Civil Procedure, School of Law, Kazan (Privolzhsky) Federal University, Doctor of Law, Professor

Sergevin Vladimir A. — Director of the Center for Applied Criminal Justice, Professor, Western Illinois University (USA)

Solovyeva Tatyana V. — Professor, Department of Civil Procedure, Saratov State Academy of Law, a member of the Advisory Board under the Committee of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation on Constitutional Legislation and State-Building, Doctor of Law, Associate Professor

Subanova Natalya V. — Deputy Director of the Research Institute of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Honorary Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Tarasov Anatoly M. — Chief Advisor to the General Director of Kaspersky Lab JSC, Chief Scientist, Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Employee of the Internal Affairs of the Russian Federation

Terekhin Vladimir V. — Professor of the Department of Criminal Procedure Law, Volga Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor

Timofeyev Lev A. — Professor, Department of Land and Environmental Law, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Tolstik Vladimir A. — Head of the Department of Theory and History of State and Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Fatyanov Aleksey A. — Head of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines, Plekhanov Russian Economic University, Doctor of Law, Professor

Shesteryakova Irina V. — Professor, Department of Labor Law, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Associate Professor

Институт рецензирования

Белоусов Сергей Александрович — заведующий кафедрой теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, доцент

Булатов Борис Борисович — начальник Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Горшенков Геннадий Николаевич — профессор кафедры уголовного права и процесса Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор

Головкин Роман Борисович — профессор кафедры теории и истории государства и права Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, доктор юридических наук, профессор

Карташов Владимир Николаевич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Марфицин Павел Григорьевич — профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор

Овчинников Алексей Игоревич — и. о. заведующего кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, профессор кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор

Романовская Вера Борисовна — заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор, член Российской академии юридических наук, действительный член Академии гуманитарных наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Ромашов Роман Анатольевич — профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Сенякин Иван Николаевич — профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Тарасов Николай Николаевич — профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

Кроме того, к рецензированию поступающих в редакцию статей на постоянной основе привлекаются кафедральные коллективы Нижегородской академии МВД России.

Reviewers

Belousov Sergey A. — Head of the Department of Theory of State and Law, Saratov State Academy of Law, Doctor of Law, Associate Professor

Bulatov Boris B. — Head of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Gorshenkov Gennady N. — Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Doctor of Law, Professor

Golovkin Roman B. — Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Vladimir state university named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Doctor of Law, Professor

Kartashov Vladimir N. — Head of the Department of Theory and History of State and Law, Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Marfitsin Pavel G. — Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Doctor of Law, Professor

Ovchinnikov Aleksey I. — Deputy Director of the Department of Theory and History of State and Law of the Southern Federal University, Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Rostov branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor

Romanovskaya Vera B. — Head of the Department of Theory and History of State and Law, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Doctor of Law, professor, Member of the Russian Academy of Legal Sciences, Full Member of the Academy of Humanities, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Romashov Roman A. — Professor of Department of Theory of Law and Law Enforcement Activity of St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Senyakin Ivan N. — Professor of the Department of Theory of State and Law, Saratov State Academy of Law, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Tarasov Nikolai N. — Professor of the Department of Theory of State and Law, Ural State Law University, Doctor of Law, Professor

In addition the reviewing of the submitted articles is done on a regular basis by department faculty groups of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Общетеоретические и исторические проблемы юридической науки и практики

- Ватлецов С.Г.** Риск формирования юридического языка **10**
- Головкин Р.Б., Ерин Д.А.** Правоохранительные органы СССР на защите экономических интересов социалистического государства (1934—1941 гг.) **16**
- Демичев А.А., Илюхина В.А.** К вопросу о месте закрепления принципов права в нормативных правовых актах (сравнительный анализ российского и армянского опыта) **23**
- Керимов А.Д.** Демократия как идеология и способ властвования мировой капиталистической элиты **28**
- Коробова А.П., Карев Д.А.** Сочетание частных и публичных начал в регулировании муниципальной службы в Российской Федерации **34**
- Скурко Е.В.** «Свобода движения знаний»: юридические стимулы и ограничения **38**
- Соболева А.К.** Нормрайтер как ономотет, творец и ремесленник **43**
- Сухова Н.И.** Нейтрализация рисков противодействия осуществлению закона **49**
- Цыбулевская О.И., Милушева Т.В.** Свобода и достоинство личности: философский и правовой аспекты **55**

Отраслевые проблемы юридической науки и практики

- Александрова И.А., Сафарзода А.И.** Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за незаконную банковскую деятельность **61**
- Беглова Е.И., Трусов Н.А., Ломтев С.П.** Термины «взятка», «лихоимство» в историческом развитии в деловой и разговорной речи **67**
- Беликов Е.Г., Пастушенко Е.Н.** Трансформация финансовой правосубъектности Банка России в условиях цифровой экономики **73**
- Вершинина С.И.** Проблемы правового регулирования залога как меры пресечения **78**
- Власова С.В., Рябков Е.М.** О расширении понятийного аппарата науки, объясняющего сущность и назначение уголовного процесса **84**
- Гриненко А.В., Иванов Д.А.** Совершенствование мер процессуального принуждения в российском уголовном судопроизводстве **91**
- Дворянсков И.В., Панфилов Е.Е.** Особенности детерминации и профилактики современного делинквентного поведения несовершеннолетних **97**
- Карпычев В.Ю., Карпычев М.В.** Smart-контракт: перспективы роботизации договорного права **104**
- Маркушин А.Г., Морозов О.Л.** Совершенствование правового регулирования совместной оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности полиции — залог повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений (история и современность) **110**

The problems of general theory and history of legal science and practice

- Vatletsov S.G.** The risk of forming the language of law **10**
- Golovkin R.B., Erin D.A.** Law enforcement agencies of the USSR on the protection of the economic interests of the socialist state (1934—1941) **16**
- Demichev A.A., Ilyukhina V.A.** On the issue of the place of consolidation of the principles of law in normative legal acts (a comparative analysis of the Russian and Armenian experience) **23**
- Kerimov A.D.** Democracy as ideology and way of the world capitalist elite ruling **28**
- Korobova A.P., Karev D.A.** The combination of private and public principles in the regulation of municipal services in the Russian Federation **34**
- Skourko E.V.** “Freedom of movement of knowledge”: legal incentives and restrictions **38**
- Soboleva A.K.** “Norm-writer” as nomothetēs, creator and craftsman **43**
- Sukhova N.I.** Neutralizing the risks of countering the implementation of the law **49**
- Tsybulevskaya O.I., Milusheva T.V.** Freedom and human dignity: philosophical and law aspects **55**

Branch problems of legal science and practice

- Aleksandrova I.A., Safarzoda A.I.** Improvement of criminal legislation on liability for illegal banking activities **61**
- Beglova E.I., Trusov N.A., Lomteev S.P.** Terms of “bribe” (vzjatka, lihoimstvo) in historical development in business and conversational speech **67**
- Belikov E.G., Pastushenko E.N.** Transformation of financial legal personality of Bank of Russia in the context of digital economy **73**
- Vershinina S.I.** Problems of legal regulation of bail as a preventive measure **78**
- Vlasova S.V., Ryabkov E.M.** On the expansion of the conceptual apparatus of science, explaining the nature and purpose of the criminal process **84**
- Grinenko A.V., Ivanov D.A.** Improvement of measures of procedural coercion in Russian criminal proceedings **91**
- Dvoryanskov I.V., Panfilov E.E.** Features of the determination and prevention of contemporary delinquent behavior of the minors **97**
- Karpychev V.Yu., Karpychev M.V.** Smart contract: prospects of contract law robotization **104**
- Markushin A.G., Morozov O.L.** Improvement of legal regulation of joint operatively-search and criminal procedure activities of the police is the key to improving the efficiency of disclosure and investigation of crimes (history and modernity) **110**

СОДЕРЖАНИЕ

- Николайченко О.В.** Трансформация внешних гарантий процессуальной независимости суда, исполняющего обязанности по пересмотру судебных актов в кассационном порядке **118** **Nikolajchenko O.V.** Transformation of external guarantees of procedural independence of the court acting on the review of judicial acts in a cassation order
- Петрянина О.А., Антонов И.Ю.** Конституционно-правовые основы оперативно-разыскной деятельности **125** **Petryanina O.A., Antonov I.Yu.** Constitutional and legal basis of operational-search activity
- Погодина Т.Г.** Взаимодействие органов внутренних дел и органов здравоохранения как основа первичной профилактики общественно опасных действий, совершаемых лицами с психическими расстройствами **130** **Pogodina T.G.** Interaction between internal affairs and health authorities as the basis for the primary prevention of socially dangerous acts committed by persons with mental disorders
- Поляков М.П., Смолин А.Ю.** Концептологический анализ феномена электронных доказательств **135** **Polyakov M.P., Smolin A.Yu.** Concept-centred analysis of the phenomenon electronic evidence
- Попов В.В., Тришина Е.Г.** Об изменении правосубъектности участников налоговых обязательств в условиях цифровизации сферы налогообложения **146** **Popov V.V., Trishina E.G.** On changing the legal personality of participants of tax liabilities in the conditions of digitalization of the sphere of taxation
- Пронина М.П.** Коллизии интерпретационных положений Особенной части УК РФ в части определения критериев оценочного признака потерпевшего «беспомощное состояние» **152** **Pronina M.P.** Conflicts of the interpretative provisions of the Special part of the Criminal code of the Russian Federation regarding the definition of the criteria for such an assessment of the victim as a “helpless state”
- Савченко И.А., Снегирева Л.А., Устинкин С.В.** Истоки коррупции в эмпирическом измерении **157** **Savchenko I.A., Snegireva L.A., Ustinkin S.V.** Corruption sources in empirical measurement
- Сучкова Е.В., Кулик С.Д., Никонец Д.А.** Оценка возможности применения статистической обработки результатов исследования при производстве судебной биологической экспертизы волос с головы человека **164** **Suchkova E.V., Kulik S.D., Nikonets D.A.** Evaluation of the possibility of statistical processing of the results of the forensic microscopical analysis of the human hair
- Сычёв П.Г.** Об отдельной главе Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о производстве по уголовным делам в отношении предпринимателей **170** **Suchev P.G.** On a separate chapter of the Code of criminal procedure of the Russian Federation on criminal proceedings against entrepreneurs
- Федюнин А.Е., Алферов В.Ю.** Сущность и понятие преступлений экстремистской направленности: вопросы квалификации и расследования **176** **Fedyunin A.E., Alferov V.Yu.** The essence and concept of extremist crimes: issues of qualification and investigation
- Хужин А.М., Шутова А.А.** О квалификации преступлений в отношении имущества умершего: уголовно-правовой и гражданско-правовой аспекты **182** **Khuzhin A.M., Shutova A.A.** About qualification of crimes in relation to the property of the dead: criminally legal and civil legal aspects
- Чеботарев В.С., Ионов В.А.** Правовое регулирование повышения эффективности государственного управления как основного фактора в осуществлении прорывного научно-технологического и социально-экономического развития России **187** **Chebotarev V.S., Ionov V.A.** Statutory regulation pertaining to the increase in the efficiency of public administration as the main factor in the implementation of the breakthrough scientific, technological and socio-economic development of Russia
- Черных Е.Е., Васильев П.В.** Инновационная модель проведения юридических научно-представительских мероприятий: критерии результативности и эффективности **192** **Chernykh E.E., Vasiliev P.V.** Innovative model of legal research and representation activities: criteria of effectiveness and efficiency
- Шарифзода Ф.Р.** Роль оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в обеспечении национальной безопасности Республики Таджикистан **198** **Sharifzoda F.R.** The role of operational-search activity of the internal affairs bodies in ensuring national security of the Republic of Tajikistan
- Интеграция правовой науки
и высшего юридического образования
(дидактический аспект)**
- Мартынова Л.И.** Формирование педагогического мастерства преподавателя Академии МВД России **205** **Martynova L.I.** Developing pedagogical know-how of Instructors working at Academies of the Ministry of internal affairs of Russia
- Integration of legal science
and higher legal education
(didactic aspect)**

Трибуна молодого ученого

- Арефьев С.А.** Общее и особенное в структуре преступной деятельности в топливно-энергетическом и оборонно-промышленном комплексах России (по материалам оперативных подразделений органов внутренних дел) **210**
- Арзамасов В.Ю.** Современное состояние модели правового регулирования, устанавливающей уголовную ответственность за нарушение норм лесного законодательства **217**
- Благодатин А.Б.** Направления совершенствования института оконченного преступления в отечественном уголовном законодательстве **225**
- Бобков А.Г.** Некоторые аспекты состояния правоприменения в сфере жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации **232**
- Зуева Ю.В.** Самозащита в системе юридических механизмов обеспечения социально-правового статуса субъекта права (введение в проблему) **239**
- Игнатьева Е.Ю.** Народные юридические обычаи и обычное право в трудах российских юристов периода «Великих реформ» 1860—1870-х годов **245**
- Ковалев А.Ф.** Сравнительно правовой анализ системы уголовных наказаний романо-германской и англосаксонской правовых семей **251**
- Сергачев Д.М.** Право и ценности в процессе формирования социально-исторической памяти **260**
- Чукичева Н.В.** Преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд как угроза экономической безопасности **265**

Конференции, семинары, круглые столы

- Парилов О.В., Треушников И.А.** О состоявшейся в Нижегородской академии МВД России конференции «Коррупция как угроза развития общества и государства» **271**

Рецензии

- Беляева Л.И.** Рецензия на монографию Н.В. Павличенко «Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности» (М., 2016. 185 с.) **276**
- Зуева Ю.В., Козлов А.Ф.** Необходимая оборона как элемент системы гражданской самозащиты (общеправовой аспект). Рецензия на книгу М.А. Фомина «Необходимая оборона. Как доказать правомерность действий» (М., 2019. 448 с.) **281**

A young scientist's forum

- Arefev S.A.** General and particular in the structure of criminal activity in the fuel and energy and military-industrial complexes of Russia (based on materials of the operational units of the internal affairs bodies)
- Arzamasov V.Yu.** The current state of the model of legal regulation establishing criminal liability for violation of the norms of forest legislation
- Blagodatin A.B.** Directions of the Institute over crimes in national criminal law
- Bobkov A.G.** Some aspects of the state of law enforcement in the sphere of housing and communal services of the Russian Federation
- Zuyeva Yu.V.** Self-defense in the system of legal enforcement mechanisms social and legal status of the subject of law (introduction to the problem)
- Ignatieva E.Yu.** Folk legal customs and customary law in the writings of Russian jurists of the period of “Great reforms” of 1860—1870 years
- Kovalev A.F.** Comparative legal analysis of the criminal penalties of the Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal family
- Sergachev D.M.** Law and values in the process of formation of socio-historical memory
- Chukicheva N.V.** Crimes in the sphere of procurement of goods, works, services for state and municipal needs as a threat to economic security

Conferences, round tables, seminars

- Parilov O.V., Treushnikov I.A.** About on the conference held in Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia “Corruption as a threat to the development of society and the state”

Reviews

- Belyaeva L.I.** Review of the monograph N.V. Pavlichenko “Legal and theoretical problems of ensuring secrecy in operational investigative activities” (Moscow, 2016. 185 p.)
- Zuyeva Yu.V. , Kozlov A.V.** Necessary defense as an element of the civil self-defense system (general legal aspect). Review of M.A. Fomin’s book “Necessary defense. How to prove the legality of actions” (Moscow, 2019. 448 p.)

УДК 340.115.4
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10201

Ватлецов Сергей Германович
Serge G. Vatletsov

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и иностранных языков
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени
Н.И. Лобачевского (603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23)

candidate of sciences (linguistics), docent, associate professor of department of linguistics and foreign
languages

National research Lobachevsky State university of Nizhny Novgorod (23 Gagarina av., Nizhny
Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: vatletsov@mail.ru

Риск формирования юридического языка

The risk of forming the language of law

В статье предлагается попытка определить и анализировать явление гипернормализации юридического языка как преобладание в речи юристов нормализованных, чрезмерно клишированных абстрактных языковых элементов. Автор считает, что гипернормализация predetermined предыдущим этапом развития языка — советским периодом. Она неверно обобщает человеческий опыт и искажает когнитивную функцию языка. Гипернормализация юридического языка обезличивает и освобождает речь от логической аргументации, подменяя ее эмоциональными и оценочными суждениями, тем самым обесценивает речь и провоцирует безответственность и коррупцию.

Ключевые слова: гипернормализация, язык права, риск, правоприменение, правотворчество, коррупция.

The article deals with an attempt of defining and analyzing the phenomenon of hypernormalization of the language of law as a prevailing of normalized, overclichéd abstract language elements in the speech of lawyers. The author argues that hypernormalization is predetermined with the previous stage of the language development — the Soviet period. It misconceptualizes and misrepresents cognitive function of the language. Hypernormalization of the language of law impersonalizes and exempts speech from logical argumentation, replacing it with emotional and evaluated judgments, thus it devalues speech and provokes irresponsibility and corruption.

Keywords: hypernormalization, the language of law, risk, law enforcement, legislation, corruption.

Объект исследования — юридический язык, точнее *юридический субъязык*, поскольку язык — явление национальное, а субъязык — «особая функционально и тематически ограниченная форма существования общенародного языка, его функциональная подсистема» (О.В. Фельде, Ю.М. Скребнев). Юридический субъязык — это язык, обслуживающий сферу юриспруденции или иную коммуникативную сферу, которая может быть связана с профессиональной деятельностью юристов, с одной стороны, а с другой — это сумма текстов устной речевой деятельности и результат речевых произведений правотворчества и правоприменения, зафиксированных памятью или на письме.

По справедливому замечанию Ю. Хабермаса, «язык есть средство доминирования и социальной силы. Он служит для законодательного закрепления отношений организованной власти. Насколько законодательно закреплённые (легитимные) отношения не выражены, настолько язык идеологизирован». Р. Водак писал, что каждый дискурс и каждый текст связаны с другими синхронически и диахронически и должны рассматриваться в связи с другими дискурсами [1]. Э. Сепир ввел понятие дрейфа языка, смысл которого сводится к утверждению, что те изменения, которые происходят в языке сегодня, неизбежно predetermined изменениями, которые свершились ранее. «Дрейф языка

© Ватлецов С.Г., 2019

осуществляется через неконтролируемый говорящими отбор тех индивидуальных отклонений, которые соответствуют какому-то predetermined направлению» [2, с. 213].

Гипотеза нашего исследования звучит так: современный юридический субъязык сохраняет и продолжает испытывать влияние тех его структур, которые выражают ставший для многих россиян привычным социалистический уклад. Социалистические ценности и нормы по-прежнему влияют на миропонимание и критерии оценок россиян. Вместе с этим, капиталистическое мировоззрение оказывает свое воздействие. Но оно, скорее, вторично по отношению к социалистическому. Такой гомеостазис описан в юридической литературе оксюморонами «управляемая демократия», «суверенная демократия», «плебисцитная демократия». Однако юриспруденция — языковая сфера, где смысловая наполняемость элементов юридического субъязыка неизбежно переходит в их функциональность. Это свойство приобретает первостепенное значение, особенно при интерпретации правоведами юридически значимых фактов. Здесь ставшее нормальным контрастное миропонимание содержит потенциальный риск сначала *гипернормализации речи юристов*, затем *гипернормализации юридического языка*.

Понятие «гипернормализация языка» ввел А. Юрчак, который объяснял его как «процесс, в результате которого в языке возникает большое количество стандартных («нормализованных») фраз и происходит постепенное их усложнение в сторону раздувающейся громоздкости. Буквальный смысл подобных высказываний крайне не определен. В результате процесса гипернормализации языка передаваемый смысл оказывается не суженным, а, напротив, расширенным — такой язык открывается для самых разных, новых, непредсказуемых интерпретаций. Форма этого языка заостренная и все больше преобладает над смыслом, и тем самым звучит абсолютно предсказуемо» [3].

К. Лефор писал о гипернормализации советского языка, который был призван компенсировать разрыв между «идеологическими декларациями» и «идеологическим правлением» [4]. Это была лакуна между тем, что декларировала советская власть, и тем, что было на самом деле. Гипернормализация также свидетельствовала о том, что и граждане, и политики смирились и приняли необходимость притворного существования общества. Гипернормализованный язык отображал советскую гиперреальность, сюрреальность, которая являлась ее настоящей

реальностью [5, с. 123], когда политики с трудом контролировали происходящие в обществе процессы, кругом ложь, коррупция, лицемерие, а общество такую жизнь считало нормальной. Нам кажется, что современные общественные отношения с определенной степенью уверенности также можно характеризовать понятием гипернормализации. Пламя в огонь подливают лицемерные политики, ангажированная журналистика, фейковые новости, гибридные войны, тролли, пранкеры, хакеры, которые размывают само понятие нормы.

Так, например, 19 сентября 2018 года во время заседания ЦИК журналистам раздали справку о результатах губернаторских выборов в Приморском крае. В ней говорится:

«В связи с тем, что на сегодняшний день невозможно с достоверностью определить, в чью сторону мог быть перевес голосов (так как и документация, и все данные протоколы определенное время оставались в помещении ТИК по объективным обстоятельствам без должного контроля со стороны членов комиссии), считаем, что при таких обстоятельствах достоверно определить результаты повторного голосования и результаты выборов губернатора в целом по краю невозможно».

«Анализ жалоб, — пришли к выводу в ЦИК России, — дает основание полагать, что имело место грубое вмешательство в избирательную кампанию с применением административного ресурса». При этом зампред ЦИК... призвал кандидатов отозвать свои жалобы на председателей участковых избирательных комиссий. По его мнению, они действовали под давлением властей, фальсифицируя выборы. «Эти люди ни в чем не виноваты. Те, кто виновен, вы на них подайте заявления. У вас смелости не хватает, кишка тонка бороться против власти, — цитирует его Интерфакс. — Их [руководителей участковых комиссий] заставили, если они сделали что-то. Их заставили! Боритесь с теми, кто истинно виновен, а вы боретесь с женщинами. Стыдно. И выигрывать выборы таким образом стыдно, подставляя других» [6].

По-нашему, это типичный образец гипернормализованной речи. В нем абстрактные фразы «имело место грубое вмешательство в избирательную кампанию»; «административный ресурс»; «невозможно определить» [результаты выборов]; «по объективным обстоятельствам документы находились без должного контроля»; «давление властей»; «их заставили»; «стыдно выигрывать, подставляя других» говорят не просто о том, что пойманные за руку фальсификаторы губернаторских выборов

стремятся избежать как моральной, так и юридической ответственности, а также покрывают заказчиков фальсификаций («тех, кто истинно виновен»). Такова позиция гипернормализованного человека: «все обманывают, все воруют, власть злоупотребляет своими полномочиями — это нормально; председатели избирательных комиссий не виноваты — их заставили врать и подменять результаты выборов; они — подчиненные».

Подобная речь адресована родственному, гипернормализованному сознанию. Только оно способно сопереживать и терпеть противоправное поведение. «Мы живем в России. В России возможно все. Хотя воруют и врут везде» — такова позиция гипернормализованного человека. Он имморален, для него не важны ценности, не знает универсальных механизмов права, морали. Он недоверчив и лукав. С другой стороны, это «государственный человек», в том смысле что он другой системы не знает, не видит, ориентируется на государство и в то же время не верит ему. Человек предельно коррумпированный, потому, что вся его жизнь построена на таких «неясных», «серых» сделках [7].

Э. Сепир писал, что «система культурных стереотипов каждой цивилизации упорядочивается с помощью языка, выражающего данную цивилизацию. “Реальный мир” в значительной степени неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [2, с. 214].

А. Горнфельд когда-то указал, что язык социализма растет «в стране с притупленным личным почином, жизнь которой искони в значительной степени определяется начальством» [8, с. 14]. Э. Морен писал о «монополии истины»: «Некоторые моменты в языке не являются результатом свободного народного творчества, а привнесены извне, навязаны языку «сверху». Власть дает наименования и определения, что есть «демократично» и «недемократично», «истинно» и что «неистинно», «предательство» и «патриотизм» [5, с. 57—59].

В докладе Центра стратегических разработок совместно с Научно-исследовательским университетом «Высшая школа экономики» «Регуляторная политика в России: основные тенденции и архитектура будущего» (далее — Доклад) сообщается, что система разработки, обсуждения и корректировки законов и подзаконных актов в

России пришла в негодность и требует реформ. Основное препятствие, стоящее на пути оптимизации регуляторной политики — это «реактивный» характер российского законодательства. Новые законодательные акты создаются не в рамках заранее сформированного плана, а в качестве ответа государства на различные события.

Еще один недостаток системы — утрата общего центра принятия решений по регуляторным вопросам. Так, с одной стороны, экономическим блоком Правительства Российской Федерации декларируется снижение административной нагрузки на бизнес, а с другой (во многом под давлением органов, отвечающих в широком смысле за безопасность) — постоянно вводятся все новые ограничения. При этом наблюдаются явные противоречия между законодательными актами равной силы различных государственных институтов: сначала правительство внедряет «единое окно» для получения разрешений на строительство, а затем размывает его требованием отдельной экологической экспертизы. Новые требования обрастают навязываемыми «коммерческими» предложениями по решению связанных с ними проблем, а нередко и отменяются — уже после того, как компании успевают потратиться на их выполнение [9].

Газета «Коммерсант», комментируя Доклад, приходит к выводу: «государство стимулирует предпринимательский оппортунизм и крайне короткий срок планирования инвестиций, что тормозит экономический рост, как и сохранение советского подхода к нормотворчеству, свойственного централизованной системе, но не дающего свободы предпринимательству» [10].

Мы разделяем такую точку зрения, что количественное увеличение законов и формализованное или конвейерное их принятие — унаследованная от советской власти привычка издавать декреты, своего рода рефлекторная реакция на вызовы времени. В Докладе приводятся факты, что «ежегодно в Российской Федерации принимается порядка 20 000 нормативных правовых актов. Более того, низкое (в том числе и в связи с такой скоростью выпуска) качество законов влечет за собой и прирост числа подзаконных актов. Своего рода традицией становится создание «незавершенного» регулирования, количества отсылочных и бланкетных норм во многих из принимаемых в последние годы законов достигает нескольких десятков, делегируя все новые и новые полномочия на уровень исполнительной власти [9].

«Важно, чтобы у нас не было наименований конкретных предприятий, отраслей, товаров и

продуктов», — сказал спикер Государственной Думы Российской Федерации В. Володин на заседании совета по законотворчеству, на котором обсуждался законопроект о контрсанкциях. Председатель высказался за принятие более универсальных норм, которые дадут соответствующие полномочия Президенту и Правительству Российской Федерации [11]. И такая позиция спикера скорее говорит о слабой традиции разделения властей в Российской Федерации, об «отсутствии должного баланса в системе сдержек и противовесов, о крене в пользу исполнительной ветви власти, о недостаточной четкости в распределении полномочий между президентом и правительством» [12] и подтверждает тезисы Доклада о том, что законодательная власть делегирует широкие пределы усмотрения исполнительной власти при реализации норм, но при этом она, получается, позволяет себе быть выше антикоррупционного законодательства. Вместе с этим, «принятие федерального закона, акта Правительства Российской Федерации, ведомственного нормативного правового акта, а зачастую и просто плана реализации тех или иных мер (но снова преимущественно регуляторного характера) позиционируется в качестве неотъемлемого, а часто конечного этапа выполнения своих функций органам власти, стоящим выше в иерархии, и “подменяет” подотчетность властей обществу» [9].

Формализм правотворца и правоприменителя транслируется правильными словами. Но потому он и есть формализм, что за такими словами не следуют правильных действий. Рису гипернормализации речи подвержена любая отрасль права. Однако особого внимания заслуживает правоприменительная практика по «экстремистским» статьям: 2801, 282, 3541, 148 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Например, «до 2014 года административным правонарушением являлась демонстрация нацистской символики в целях пропаганды, то есть нужно было доказывать, что задачей было “прославление и пропаганда нацизма”. А после внесения поправок союз “и” был заменен на союз “или”, и это важнейшее обстоятельство доказывать стало необязательным. Показал свастику — пятнадцать суток или штраф. И количество дел, соответственно, выросло» [13].

По мнению управляющего «ВКонтакте» А. Рогозова, «правоохранительные органы часто не принимают во внимание контекст, не отличают публикацию от репоста, а изображение с сомнительной шуткой приравнивают к действительно опасным уголовным преступлениям» [14]. Директор информационно-аналитического центра

«Сова» А. Верховский считает, что «качество проводимых экспертиз является сегодня низким, что напрямую связано с их огромным количеством, поскольку кроме уголовных дел есть дела о запрете материалов, прокурорские и доследственные проверки, и ко всему этому привлекаются эксперты — если уголовные дела исчисляются сотнями, то если сложить все, их будут тысячи в год. Это очень большая нагрузка, и поэтому многими людьми она делается на потоке — они уже не очень-то и читают то, что пишут» [15].

Уголовные дела заводят за оскорбления чувств верующих и оскорбление атеистов. Один из районных судов Екатеринбурга, вынося приговор, указал следующие обстоятельства: «обвиняемый отрицает существование Иисуса и пророка Мухаммеда, таким образом совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 148 УК РФ. Он оскорбил многочисленные чувства разнообразных социальных групп не только в речевой форме, но и двигательной активностью лица» [16]. Уголовному преследованию по части 1 статьи 282 УК РФ подвергся поэт М. Дроздов за строки: «Людей нет хуже мерзких атеистов, мы все же инквизицию вернем!» [17].

В докладе международной правозащитной группы «Агора» «Россия против истории» говорится, что «история становится опасной наукой». Согласно этому исследованию в последние годы увеличилось число административных и уголовных дел, заведенных за высказывания по спорным историческим вопросам. Доклад «Агоры» содержит сто случаев неправомерных, по мнению авторов, преследований и запретов под предлогом защиты от фальсификации истории. По словам юриста «Агоры» Д. Гайнутдинова, «опаснее всего критиковать те аспекты российской истории, которые связаны с ролью СССР во Второй мировой войне. По его мнению, вопросы преследований за историю следует рассматривать в общем контексте ужесточения и ограничения свободы слова. Это взаимосвязанные вещи, и очень часто критика власти переплетается с обсуждением вопросов истории» [13].

«Борьба с экстремизмом — приоритетная задача, которую ставит перед силовиками государство», — объясняет П. Чиков. «А борьба выражается в количестве возбужденных дел, в количестве обвинительных приговоров. Система работает по пути наименьшего сопротивления. Разыскать, внедриться и собрать доказательства на банду или террористов — это нужно много сил и средств. Проще помониторить Интернет по ключевым словам и собрать доказательства, не выходя из собственного кабинета» [18].

Есть надежда, что на правоприменительную практику по «экстремистским» статьям повлияет Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 сентября 2018 года № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности”. Верховный Суд Российской Федерации, в частности, разъяснил, что сама по себе экстремистская публикация или ее репост не могут служить доказательством преступления, нужно доказать наличие умысла, то есть, что целью автора было именно возбудить ненависть или вражду. Наличие цели должно подтверждаться и другими доказательствами, в том числе данными о личности обвиняемого, его участии в экстремистских объединениях или приверженности радикальной идеологии. Суд должен учитывать и контекст публикации.

С другой стороны, формализм правоприменителей можно объяснить особенностями современного человека. Сегодня, в эпоху постмодерна, природа юридического труда сильно изменилась. С внедрением искусственного интеллекта во все сферы жизни можно говорить о начале эпохи «цифрового сознания» и «цифрового мышления», которые вступают в противоречие с аналоговым мировоззрением, прежде всего, в праве, поскольку практически все действующие нормативные правовые акты были изданы в аналоговом мире.

Социологи говорят, что в цифровую эпоху люди мыслят блоками из текста, которые легко переносятся из одного текста в другой. Юридические документы все больше напоминают готовые бланки, которые нужно заполнить необходимыми данными. Тексты строятся наподобие блочного строительства: выделяются фрагменты из предыдущего текста, переносятся в новый текст или замещают старый фрагмент. Такое отношение к созданию текстов не может не провоцировать абстрагированность, удаленность, интуитивное отчуждение автора от созданного им произведения, что в итоге понижает конечную ценность текста и уровень ответственности автора за созданное. Тем не менее современных юристов и неюристов сегодня объединяет общее качество: низкая личная ответственность за речевые блоки-штампы, которые они создают. По замечанию А.Н. Гвоздева, «речевые штампы теряют образность вследствие их привычности вследствие того, что словесное выражение остается застывшим, примелькавшимся, в него перестают вдумываться...» [19, с. 28].

Итак, современное состояние национально-го языка, как основной общественно значимой (опосредованной мышлением) формы отображения окружающей человека действительности и самого себя, то есть формы хранения знаний о действительности, а также средства получения нового знания [20, с. 604], свидетельствует о том, что переход от социализма к капитализму в России затянулся так, что российское общество оказалось в вакууме безвременья. Социальная и правовая неопределенность выражается в языке права его гипернормализацией: преобладанием в речи формализованного, чрезмерно клишированного, абстрактного дискурса, провоцирующего низкую ответственность субъектов общественных отношений и коррупцию.

Примечания

1. Цит. по: Карасик В.И. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2011. Вып. 4 (38). С. 286—291.

2. Цит. по: Алматов В.М. История лингвистических учений: учебное пособие. М.: Языки русской культуры, 1998.

3. Yurchak A. Everything Was Forever until It Was No More. The Last Soviet Generation. Princeton University Press, 2006. Цит. по: Адам Кертис о «гипернормализации» и о том, чем ему интересен В. Сурков. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-37840025> (дата обращения: 05.11.2016).

4. Цит. по: Каспэ И. Границы советской жизни: представления о «частном» в изоляционистском обществе // НЛО. 2009. № 100. URL: magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ka39-pr.html (дата обращения: 10.10.2018).

5. Морен Э. О природе СССР. Тоталитарный комплекс и новая империя / пер. с франц. А.В. Карлова и М.А. Чешкова. М.: Наука для общества. РГГУ, 1995.

6. ЦИК решил отменить итоги выборов в Приморском крае. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-45570851> (дата обращения: 19.09.2018).

7. Большинству россиян не важны их права и свободы, главное — порядок. Информационно-аналитический центр «Лига». URL: http://news.liga.net/news/world/882036-rossiyanam_ne_vazhny_ikh_prava_i_svobody_glavnoe_poryadok.htm (дата обращения: 27.07.2013).

8. Горнфельд А.Г. Новые словечки и старые слова: речь на съезде преподавателей русского языка и словесности в Петербурге 5 сентября 1921 г. Петербург: Колос, 1922.

9. Голодникова А.Е., Ефремов А.А., Соболев Д.В., Цыганков Д.Б., Шлярук М.С. Регуляторная политика в России: основные тенденции и архитектура будущего / редакция М.О. Комин. М.: Высшая школа экономики, 2018. URL: csr.ru/wp-content/uploads/2018/05/

REGULYATORNAYA-POLITIKA-V-ROSSII_INTERNET.pdf (дата обращения: 04.10.2018).

10. Сапожников О. Закон понятной силы не имеет // Коммерсант. 2018. № 90. URL: <https://www.komersant.ru/doc/3642527> (дата обращения: 28.05.2018).

11. Володин: в проекте о контрсанкциях не должно быть наименований товаров и предприятий. URL: <https://tass.ru.ekonomika/5192135> (дата обращения: 11.05.2018).

12. Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета. 10.10.2018. 10 октября.

13. Павлова С. Опасная история. Преследования за иной взгляд. URL: <https://www.svoboda.org/a/29219137.html> (дата обращения: 13.05.2018).

14. The Bell: преследование за репост рассчитано на самоцензуру. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45205326> (дата обращения: 13.05.2018).

15. Обещал вернуть инквизицию — получил уголовное дело. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41675538> (дата обращения: 19.11.2017).

16. Отрицает существование Иисуса: 10 цитат из приговора Соколовскому. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-39883972> (дата обращения: 11.05.2017).

17. На краснодарского поэта завели дело за оскорбление чувств атеистов. URL: ntv.ru/1941764 (дата обращения: 18.10.2017).

18. Зотова Н. Сел за мемасик. Как в России наказывают за экстремизм в соцсетях. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-45062731> (дата обращения: 06.08.2018).

19. Фасенко А., Фасенко Т. Русский язык при советах. Нью-Йорк, 1955.

20. Кибрик А.Е. Язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

References

1. Cit. by: Karasik V.I. Critical linguistics and critical analysis of discourse. *Political linguistics / ch. ed. A.P. Chudinov*. Ekaterinburg, 2011. Vol. 4 (38). Pp. 286–291. (In Russ.)

2. Quoted from by: Almatov V.M. History of linguistic teachings: a textbook. Moscow: Languages of Russian culture Publ., 1998. (In Russ.)

3. Yurchak A. Everything Was Forever until It Was No More. The Last Soviet Generation. Princeton University Press, 2006. Cit. by: Adam Curtis about «hyper-normalization» and about how he is interested in V. Surkov. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-37840025> (accessed 05.11.2016). (In Russ.)

4. Cit. by: Kaspé I. Borders of Soviet life: ideas about the “private” in an isolationist society. *UFO*, 2009, no. 100. URL: magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ka39-pr.html (accessed 10.10.2018). (In Russ.)

5. Morin E. On the nature of the USSR. Totalitarian complex and the new empire / transl. from French

A.V. Karlov and M.A. Cheshkov. Moscow: Science for society. Russian State Humanitarian University Publ., 1995. (In Russ.)

6. The CEC decided to cancel the election results in the Primorye Territory. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-45570851> (accessed 19.09.2018). (In Russ.)

7. For most Russians, their rights and freedoms are not important, the main thing is order. Information and Analytical Center «Liga». URL: http://news.liga.net/news/world/882036-rossiyanam_ne_vazhny_ikh_prava_i_svobody_glavnoe_poryadok.htm (accessed 27.07.2013). (In Russ.)

8. Gornfeld A.G. New words and old words: speech at the congress of teachers of Russian language and literature in St. Petersburg on September 5, 1921. Petrograd: Kolos Publ., 1922. (In Russ.)

9. Golodnikova A.E., Efremov A.A., Sobol D.V., Tsygankov D.B., Shklyaruk M.S. Regulatory policy in Russia: the main trends and architecture of the future / edited by M.O. Comin. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2018. URL: [csr.ru/wp-content/uploads/2018/05/REGULYATORNAYA-POLITIKA-V-ROSSII_INTERNET.pdf](http://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/05/REGULYATORNAYA-POLITIKA-V-ROSSII_INTERNET.pdf) (accessed 04.10.2018). (In Russ.)

10. Sapozhnikov O. The law does not have clear force. *Kommersant*, 2018, no. 90. URL: <https://www.komersant.ru/doc/3642527> (accessed 28.05.2018). (In Russ.)

11. Volodin: in the project on counter-sanctions there should not be names of goods and enterprises. URL: <https://tass.ru.ekonomika/5192135> (accessed 11.05.2018). (In Russ.)

12. Zorkin V. The letter and the spirit of the Constitution. *Russian newspaper*, 2018. October 10th. (In Russ.)

13. Pavlova S. Dangerous story. Persecution for a different look. URL: <https://www.svoboda.org/a/29219137.html> (accessed 13.05.2018). (In Russ.)

14. The Bell: repost persecution is designed for self-censorship. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45205326> (accessed 13.05.2018). (In Russ.)

15. He promised to return the Inquisition – received a criminal case. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41675538> (accessed 19.11.2017). (In Russ.)

16. Denies the existence of Jesus: 10 quotes from the sentence of Sokolovsky. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-39883972> (accessed 11.05.2017). (In Russ.)

17. In the Krasnodar poet started a case for insulting the feelings of atheists. URL: ntv.ru/1941764 (accessed 18.10.2017). (In Russ.)

18. Zotov N. Sat down for memasik. How in Russia is punished for extremism in social networks. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-45062731> (accessed 06.08.2018). (In Russ.)

19. Fassenko A., Fassenko T. The Russian language under the Soviets. New York, 1955.

20. Kibrik A.E. Language. *Linguistic Encyclopedic Dictionary / ch. ed. V.N. Yartseva*. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1990. (In Russ.)

УДК 351.74
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10202

Головкин Роман Борисович
Roman B. Golovkin

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права
Юридический институт имени М.М. Сперанского Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» (600000, г. Владимир, ул. Студенческая, д. 8).

doctor of sciences (law), professor of the department theory and history of state and law
Law Institute named after M.M. Speransky of the Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs (8 Studencheskaya st., Vladimir, Russian Federation, 600000)

E-mail: jusvlg@mail.ru

Ерин Дмитрий Александрович
Dmitry A. Erin

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета
Владимирский юридический институт ФСИН России (600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67Е)

candidate of sciences (law), associate professor of the department of state and legal disciplines of the law faculty
Vladimir law institute of the Federal penitentiary service of Russia (67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Russian Federation, 600020)

E-mail: dmitry-0333@mail.ru

Правоохранительные органы СССР на защите экономических интересов социалистического государства (1934—1941 гг.)

Law enforcement agencies of the USSR on the protection of the economic interests of the socialist state (1934—1941)

В статье рассматривается деятельность органов Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) — Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР, прокуратуры и судебной системы в период 30-х годов. На основе анализа документальных материалов раскрывается место и роль правоохранительных органов СССР по обеспечению экономической безопасности Советского Союза.

Ключевые слова: история государства и права России, правоохранительные органы, органы государственной безопасности, милиция, прокуратура, суды, экономическая безопасность СССР.

The article discusses the activities of the bodies of the United State Political Administration — the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR, the prosecutor's office and the judicial system during the 30s. Based on the analysis of documentary materials, the place and role of the law enforcement agencies of the USSR in ensuring the economic security of the Soviet Union is revealed.

Keywords: history of the state and law of Russia, law enforcement agencies, state security agencies, the militia, the prosecutor's office, the courts, the economic security of the USSR.

Обеспечение безопасности государства всегда является важнейшим условием существова-

ния независимого государства. Функционирование любого государства вне зависимости от

© Головкин Р.Б., Ерин Д.А., 2019

формы правления или политического режима во многом зависит от состояния экономики и степени ее защиты от внешних и внутренних угроз.

Во все исторические эпохи государство вынуждено принимать все меры к обеспечению безопасности своей экономики. Российское государство не является исключением. Правоохранительная система страны всегда выступала и выступает важнейшим субъектом обеспечения экономической безопасности страны. Именно поэтому возникает необходимость обратиться к опыту организации и деятельности системы правоохранительных органов СССР, которые обеспечивали защиту экономики в период 30-х годов XX века.

Развитие СССР начала 30-х годов происходило в условиях «экономического рывка», связанного с проведением индустриализации и коллективизации, призванных создать основу для поступательного развития социалистического государства и общества. Безусловно, проведение подобных широкомасштабных экономических преобразований не могло происходить в идеальных условиях. Создание социалистической экономики, ликвидация частной собственности создали предпосылки для роста преступности, в первую очередь связанной с хищениями социалистической собственности и спекуляцией.

Советское руководство всегда предавало первостепенное значение противодействию хищениям социалистической собственности, которые наносили значительный вред экономике советского государства. Не случайно И.В. Сталин на мартовском пленуме Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевики) (ЦК ВКП(б)) 1937 года подчеркивал, что «...революционная законность нашего времени направлена своим острием... против воров и вредителей в общественном хозяйстве... против расхитителей общественной собственности. Основная забота революционной законности в наше время состоит, следовательно, в охране общественной собственности... Вот почему борьба за охрану общественной собственности всеми мерами и всеми средствами, представляемыми в наше распоряжение законами советской власти — является одной из основных задач партии» [1, с. 509—510], а следовательно является приоритетной задачей всей системы советских правоохранительных органов.

Необходимо отметить, что формирование советских правоохранительных органов происходило на фоне создания командно-административной системы управления советской экономикой и

обществом, а следовательно, вся правоохранительная система, призванная обеспечить защиту складывавшегося правопорядка, не избежала централизации и выстраивания жесткой вертикали управления. С начала 30-х годов ведущее положение в советской системе карательных органов занимало ОГПУ СССР, а с 1934 года, с созданием союзно-республиканского наркомата внутренних дел СССР, в состав которого были включены органы и войска ОГПУ, милиция, пожарная охрана и система мест лишения свободы, именно НКВД СССР на долгие годы стал основным ведомством, обеспечивавшим безопасность социалистического государства.

В структуре ОГПУ—НКВД СССР всегда существовали специальные подразделения, осуществлявшие борьбу с контрреволюционными преступлениями в сфере социалистической экономики. В начале 30-х годов, до образования НКВД СССР, в ОГПУ подобную деятельность осуществляли Экономическое управление (ЭКУ) и его территориальные органы — экономические отделы, организованные 1 апреля 1931 года при каждом Политическом представительстве ОГПУ, и установленные с 20 декабря 1932 года в каждом районном органе ОГПУ штатные должности по линии экономических отделов. Сотрудники экономических подразделений осуществляли оперативное обслуживание важнейших промышленных и сельскохозяйственных объектов. Нельзя не согласиться с О.Б. Мозохиним, который отмечал, что условия строительства социалистической экономики, индустриализации и коллективизации, а также возмущавшего сопротивления рабочих и крестьян, которое проявлялось в различных формах вредительства, «...выдвинули Экономическое управление на одну из первых ролей в ОГПУ» [2, с. 103]. Особое значение в деятельности ОГПУ сыграл приказ от 14 сентября 1932 года, в котором объявлялась Инструкция по применению постановления Центрального исполнительного комитета (ЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) СССР от 7 августа 1932 года о борьбе с хищениями и спекуляцией. К компетенции ОГПУ относились все дела о хищениях, совершенных организованными группировками, с большим количеством арестованных, а также дела о хищениях, сопровождавшиеся массовыми выступлениями, насильственными действиями в отношении представителей советской власти, поджогами и террористическими актами.

Значительный вклад ОГПУ в борьбу по обеспечению экономической безопасности государства определялся характером резонансных

преступлений, которые были раскрыты благодаря работе сотрудников экономических подразделений ОГПУ. Например, разоблачение в 1934 году преступной группировки в Объединенной расчетной системе (ОРС) станции Таганрог, где по делу проходило более сотни человек, а размеры хищенного определялись суммой свыше 1 млн рублей.

В целом, итоги работы экономических служб ОГПУ подтверждаются соответствующими цифрами. Например, только за первое полугодие 1934 года органами ОГПУ СССР за хищения государственного и общественного имущества из товаропроизводящей и заготовительной сети колхозов, совхозов и промышленности было привлечено к ответственности 18 662 человека [2, с. 247].

С образованием НКВД СССР в системе наркомата было образовано Главное управление государственной безопасности (далее — ГУГБ), в структуре которого обеспечение экономической безопасности возлагалось на экономическое и транспортное управления. Однако в 1936—1937 годах экономический и транспортные управления ГУГБ НКВД были расформированы, а в 1938 году воссозданы вновь в статусе второго главного управления — экономического и третьего главного управления — транспортного. Причем основные направления деятельности, осуществлявшиеся ранее в ОГПУ, сохранялись.

Значительная роль в деле обеспечения экономической безопасности страны и борьбе с наиболее массовыми видами хищений, спекуляцией, растратами и т. д. возлагалась на советскую милицию. В первой половине 30-х годов милиция оказывала содействие органам государственной власти в проведении коллективизации, осуществляя «силовое» сопровождение мероприятий по организации колхозов и выселению социально опасного элемента, а также охране колхозного имущества и произведенной продукции. Милиция непосредственно осуществляла борьбу за сохранность урожая, в первую очередь хлеба, заготовленного для нужд Советского государства. Кроме того, противодействовала хищениям во всех сферах экономики, советской торговли, на транспорте, а также борьба со спекуляцией в период 30-х годов являлись основным направлением деятельности советской милиции. Милиция в лице участковых уполномоченных, сотрудников постовой службы осуществляла подобную деятельность на протяжении всего периода 30-х годов.

Активное участие рабоче-крестьянской милиции (далее — РКМ) в кампаниях по обеспе-

чению сохранности урожая подчеркивает не только важность решения подобной задачи для государства, но и указывает на приоритетное направление деятельности советской милиции в период коллективизации и ее место в борьбе за сохранность социалистического и общественного имущества. Например, по данным оперативного отдела Главного управления РКМ НКВД СССР от 10 сентября 1933 года в спецсообщении «Об охране урожая» отмечалось, что за весь период уборочной кампании органами милиции было привлечено к ответственности за кражи хлеба: по Северо-Кавказскому краю 1 273 человек, по Крымской АССР — 212, по Центрально-Черноземному округу — 2 259, по Западной области — 1 348, по Уральской области — 4 046, по Нижне-Волжскому краю — 7 880 человек и т. д. [3, с. 121—122].

Значительное место в работе милиции занимала борьба со спекуляцией промышленными товарами. Например, органами милиции СССР только за период с января по май 1936 года к ответственности было привлечено 30 852 человека [4, с. 521—524]. Однако, несмотря на то что органы милиции активно участвовали в борьбе со спекуляцией, качество дел, возбужденных и расследованных милицией, оставалось неудовлетворительным, что неоднократно отмечалось руководством НКВД СССР. Неслучайно в приказе наркома внутренних дел от 17 марта 1936 года «Об итогах борьбы РК милиции с преступностью за 1935 год» всем органам милиции предписывалось уделять пристальное внимание качеству расследования дел о хищениях социалистической собственности и спекуляции [4, с. 520—521]. В приказе НКВД СССР от 23 июля 1936 года «Об усилении борьбы со спекуляцией» весь оперативный состав и наружные службы милиции ориентировались на активную борьбу со спекулянтами и пресечение спекуляции мануфактурой, обувью и другими предметами широкого потребления, а также промтоварами и продуктами питания. Обращалось особое внимание на выявление спекулянтских групп и их пособников из числа работников торговых организаций.

Ликвидация в системе ГУГБ экономических подразделений повлекла за собой формирование в структуре РКМ подразделений, основной задачей которых являлась борьба с хищениями социалистической собственности и спекуляцией. Этим органом стала служба по борьбе с хищениями социалистической собственности (БХСС), созданная в 1937 году [5, с. 105]. Органы БХСС осуществляли борьбу со всеми вида-

ми хищений социалистической собственности, осуществляли противодействие спекуляции, а с 1940 года боролись с фальшивомонетничеством. С 1937 года во всех территориальных органах РКМ были созданы соответствующие подразделения БХСС.

Новая служба активно включилась в борьбу с экономическими преступлениями, среди которых значительное место занимали хищения всех видов продовольствия: зерна, хлеба, хлебопродуктов, мяса, молока. Необходимо констатировать, что масштабы хищений зерна в отдельных областях страны были достаточно серьезными. Например, органами БХСС Управления РКМ Управления НКВД Куйбышевской области за три месяца 1939 года в 8 районах были пресечены действия как организованных групп, так и единичные случаи хищений семенного и зернового фонда из колхозных хранилищ. Кроме того, были вскрыты хищения с комбикормового завода комбикормов и мешкотары для последующей реализации [6, с. 742]. В Воронежской области, Краснодарском крае только в течение августа 1939 года органами БХСС были пресечены крупные хищения зерна и муки из элеваторов и складов системы «Заго-зерно» [6, с. 778—779].

Безусловно, важнейшим элементом системы органов, осуществлявших обеспечение экономической безопасности Советского государства, выступала прокуратура СССР. Изъятие прокуратуры из подчинения судебной системе было проведено летом 1933 года. На основании постановления ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 года «Об учреждении Прокуратуры Союза ССР» [7] в системе советских правоохранительных органов была учреждена Прокуратура СССР. Согласно постановлению от 20 июня 1933 года одной из целей создания Прокуратуры провозглашалось укрепление социалистической законности и должная охрана общественной собственности от «...покушений со стороны противообщественных элементов» в масштабах всего Советского Союза [7]. На прокуратуру возлагались надзор за соответствием подзаконных актов наркоматов и ведомств, а также законов республик СССР положениям Конституции и общесоюзному законодательству, надзор за исполнением законов органами советского правосудия, возбуждение уголовного преследования и поддержания обвинения, а также надзор за законностью и деятельностью органов ОГПУ, милиции, уголовного розыска и исправительно-трудовых учреждений.

Необходимо подчеркнуть, что к концу 30-х годов приоритетным направлением деятельности

прокуратуры являлось следствие. Не случайно на Всесоюзном совещании прокуроров, происходившем 21—22 мая 1938 года, Прокурор СССР А.Я. Вышинский неоднократно подчеркивал, что «...основное — это следствие... Потому что следствие — это важнейший инструмент государственной власти в борьбе с преступниками и преступностью» [8, с. 8—9].

Роль советской прокуратуры в обеспечении экономической безопасности Советского государства проявилась в реализации постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Органы прокуратуры СССР в рамках обеспечения настоящего постановления в течение всего периода 30-х годов обеспечивали в рамках установленной компетенции проведение всех посевных и хлебозаготовительных компаний, проводившихся советскими сельскохозяйственными организациями — колхозами и совхозами. Например, совместно с органами ОГПУ — НКВД СССР советская прокуратура принимала активное участие в возбуждении и расследовании дел, связанных с весенней посевной кампанией 1934—35 годов [9, с. 7—8].

Не случайно весной 1938 года Прокурором Союза ССР подчеркивалось, что «весенний сев — это общегосударственное дело, имеющее исключительное значение для всего... народного хозяйства, в весеннем севе должны принять самое активное участие и органы прокуратуры», при этом предписывалось не допускать злоупотреблений в проведении массовых карательных мероприятий, а «острие репрессий нужно направлять против... расхитителей социалистической собственности, дезорганизаторов сельскохозяйственного производства и других преступных элементов, пытающихся сорвать весенний сев текущего года» [10, с. 56].

В рамках заготовки мяса и молока и на основании указаний Прокуратуры СССР 1934 года «О задачах прокуратуры в борьбе за выполнение планов мясо- и молокопоставок» от 14 октября и 24 декабря распоряжением от 14 апреля 1935 года всем областным и краевым прокуратурам предписывалось в случаях повторного невыполнения колхозниками и единоличниками обязательств по сдаче государству мяса и молока немедленно возбуждать дела, проводить расследование в 2-дневный срок и добиваться судебного рассмотрения в 3-5-дневный срок [11].

Учитывая роль «стахановского движения» не только с политической, но и экономической точки зрения, государство всячески поощряло массовое вовлечение трудящихся в этот процесс. Вместе с тем, среди значительной части народа подобное движение в силу различных причин вызывало непонимание, переходившее в противодействие «стахановцам» от физического воздействия до порчи машин, оборудования стахановцев. Поэтому циркуляр Прокурора Союза ССР «О борьбе с преступлениями, направленными к дезорганизации стахановского движения» от 2 декабря 1935 года ориентировал все прокуратуры, среди прочих мер противодействия подобным правонарушениям, квалифицировать порчу машин, станков, агрегатов, произведенную с целью срыва работы стахановцев, как вредительство или диверсионный акт (ст. 58-7, 58-9 УК РСФСР 1926 года); расследование по подобным делам осуществлять в декадный срок [12].

Аналогичная работа проводилась прокуратурой по участию в мероприятиях в борьбе за сохранность урожая. В докладной записке прокурора при Управлении Прокуратуры РСФСР от 10 сентября 1935 года отмечалось, что в рамках этой кампании в Калининской области возбуждено 66 уголовных дел и привлечено к административной ответственности 166 человек. Особое внимание уделялось подготовке к приему зерна складов и зернохранилищ, их санитарному состоянию, а также строительству новых и ремонту старых. Например, в ходе проверки готовности предприятий к приему урожая, проведенной прокуратурами Красноярска, Куйбышевского края, Крымской АССР, Московской области, Удмуртской АССР, в отношении виновных ответственных работников контор «Заготзерно», не обеспечивших своевременную подготовку зернохранилищ, приемку зараженного клещем зерна, недобросовестную дезинфекцию складов, возбуждались уголовные дела [13, с. 588—593].

Немаловажное значение в системе народного хозяйства СССР всегда отводилось транспорту, который выступал важнейшей составляющей социалистической экономики государства. Именно поэтому обеспечение нормального функционирования советского железнодорожного и водного транспорта приобретало немаловажное значение в деятельности всех правоохранительных органов СССР. Роль прокуратуры в обеспечении бесперебойной работы транспорта, сохранности имущества и подвижного состава, а также пресечении краж грузов осве-

щалась в «Задачах прокуратуры в навигацию 1938 года». В частности, подчеркивалось, что неудовлетворительная работа водного транспорта СССР приводит к многомиллионным убыткам, что во многом связано с низким качеством работы соответствующих судебно-прокурорских органов. Всем органам прокуратуры на водном транспорте предписывалось усилить борьбу с хищениями, порчей, утратой и засылкой грузов, сократить сроки расследования по указанным делам и повысить их качество, исключавшее отмены приговоров в судах, а также добиваться вынесения самых суровых приговоров всем расхитителям социалистической собственности на водном транспорте [14, с. 4].

Важнейшим направлением деятельности прокуратуры в предвоенное время выступала борьба с выпуском недоброкачественной продукции по Закону от 8 декабря 1933 года (ст. 128-а УК РСФСР 1926 года). В частности, отмечалось, что прокуратуры многих республик СССР не уделяли достаточного внимания расследованию подобных дел. Следственному отделу прокуратуры СССР предписывалось установить особый контроль за расследованием подобных дел.

Советская юстиция как часть карательной системы всегда следовала в русле решения партии и советского правительства по проведению очередных хозяйственных кампаний, проводимых руководством страны. Руководство Народного комиссариата юстиции акцентировало внимание всех народных судов на вынесении решений в точном соответствии с реальными потребностями борьбы с тем или иным видом преступности. Особое внимание советская юстиция периода 30-х годов, уделяла рассмотрению дел, связанных с правонарушениями, направленными на подрыв социалистического хозяйства как основы всего советского социалистического государства и общества.

Количество судебных приговоров, вынесенных всеми категориями судов советской судебной системы за период с 1933 по 1935 год, показывает, что за все виды преступлений в 1933 году было осуждено 2 016 513 человек, в 1935 году — 1 235 346 человек. Причем необходимо отметить, что количество приговоров по всем видам преступлений, направленных на подрыв экономического фундамента социалистического государства, занимает значительное место. В рамках указанных цифр необходимо подчеркнуть, что в РСФСР по Указу от 7 августа 1932 года (хищение общественной и государственной собственности) в 1933 году

было осуждено 103 388 человек, в 1934 году — 33 729, в 1935 году — 11 232. По пунктам «г» и «д» статьи 162 УК РСФСР (хищения из государственных и общественных хранилищ), в 1933 году — 147 159 человек, в 1934 году — 49 330, в 1935 году — 49 497. В СССР за преступления, связанные с весенним севом, в 1933 году было осуждено 64 393 человека, за преступления, связанные с уборкой урожая, осуждено 21 219 человек, за преступления, связанные с хлебосдачей — 83 513 человек [15, с. 5—9]. Учитывая политическое значение Указа от 7 августа 1932 года, советское правосудие достаточно сурово подходило к рассмотрению дел о хищениях социалистической собственности. Например, только в первом полугодии 1933 года из общего количества вынесенных приговоров по данному Указу к смертной казни было приговорено 1,8%, к лишению свободы — 93,8% осужденных, причем к 10 годам лишения свободы — 85,9%, во втором полугодии — к высшей мере 0,9%, к лишению свободы — 98,8%, в том числе к десяти годам — 95,2% [15, с. 15—16].

По данным на 1936 год, количество дел, связанных с весенней посевной кампанией, существенно уменьшилось в сравнении с аналогичными делами за 1934 и 1935 года. Как отмечал прокурор Чувашской АССР, «...весенний сев проходит без особых судебных репрессий». Если на 1 мая 1935 года народными судами Куйбышевского края количество осужденных по делам, связанным с весенним севом, было 1 240, то на 1 мая 1936 года — всего 568. Аналогичные цифры осужденных были практически по всем краям и областям страны. Всего на указанный период по делам, связанным с весенним севом, по всей РСФСР, за исключением нескольких краев и областей, было осуждено 8 476 человек [13, с. 810—817]. Причем, необходимо подчеркнуть, что количество приговоренных к лишению свободы составляло 26,6%, тогда как в 1935 году — 21,8%. Это позволяет утверждать, что количественный показатель репрессированных был снижен, тогда как количество приговоров, связанных с лишением свободы, увеличилось. Дела в основном подразделялись на три категории: невыполнение единоличниками обязательств по севу, хищническое отношение колхозников к тяглу (коням), а также хищения посевного материала и горючего. Например, за первый квартал 1936 года в Воронежской области за хищения посевного материала осуждено 182 человека из 352, в Ивановской области за хищения — 118 из 546, в Западной области за хищения — 184 из 428 [13, с. 816—817].

Вместе с тем, несмотря на значительные усилия судов и прокуратуры, нельзя не отрицать массовых фактов нарушения социалистической законности со стороны работников судов и прокуратур. Например, в спецсообщении УНКВД по Воронежской области «О недочетах в работе суда и прокуратуры» от 16 октября 1938 года [13, с. 414—417] отмечалось, что в некоторых районах области работники суда и прокуратуры грубо нарушают революционную законность, занимаются взяточничеством, самоснабжением, допускают волокиту при рассмотрении уголовных дел, определяют меры наказания, не соответствующие совершенным правонарушениям. В сообщении УНКВД по Свердловской области от 7 февраля 1937 года [13, с. 417—419] также подчеркивалось, что в результате бездеятельности народного суда только в Красноуфимском районе скопилось 440 нерассмотренных дел, имевших не только политическое, но и экономическое значение, к их числу относились дела о нарушении закона о торговле хлебом, спекуляции и т. д.

Таким образом, эффективное строительство социалистического государства и общества в достаточно короткие сроки во многом связано с формированием советской правоохранительной системы, основной задачей которой являлась защита социалистического государства и всего социалистического строя, основой которого выступала социалистическая экономика. Советские правоохранительные органы в условиях командно-административной системы и функционирования мобилизационного типа советской экономики обеспечили надежную защиту социалистической собственности, что позволило стране обеспечить победу в годы Великой Отечественной войны.

Примечания

1. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 10-е. изд. М., 1937. 616 с.
2. Мозохин О.Б. ВЧК — ОГПУ — НКВД на защите экономической безопасности государства. 1917—1941 годы. М., 2016. 624 с.
3. Голод в СССР. 1929—1934 гг. Документы. В 3 т. Т. 3: Лето 1933—1934 гг. М., 2013. 960 с.
4. «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР. 1937—1941 гг. Документы. В 2 т. Т. 2: 1938—1941 гг. М., 2010. 711 с.
5. Органы внутренних дел России. В 2 т. Т. 2. М., 2002. 280 с.
6. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 4: 1935—1939 гг. М., 2012. 983 с.

7. Собрание законодательства СССР. 1933. № 40, ст. 239.
8. Социалистическая законность. 1938. № 6.
9. Струков В.Н. Оформление института прокуратуры СССР в единую централизованную систему // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2018. № 4.
10. Социалистическая законность. 1938. № 3.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8131. Оп. 12. Д. 2. Л. 52—53(об).
12. Российский государственный архив социально-политической истории. Оп. 2. Д. 884. Л. 12—13(об).
13. Трагедия советской деревни. 1927—1939. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. Т. 4. 1934—1936. М., 2002. 1056 с.
14. Социалистическая законность. 1938. № 4.
15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9474. Оп. 16. Д. 79. Л. 5—9, 15—16.
4. «Through the corpses of the enemy for the benefit of the people». «Kulak operation» in the Ukrainian SSR. 1937—1941 Documents. In 2 vol. Vol. 2: 1938—1941. Moscow, 2010. 711 p. (In Russ.)
5. Bodies of internal affairs of Russia. In 2 vol. Vol. 2. Moscow, 2002. 280 p. (In Russ.)
6. Soviet village eyes VChK — OGPU — NKVD. 1918—1939. Documents and materials. In 4 vol. Vol. 4: 1935—1939. Moscow, 2012. 983 p. (In Russ.)
7. *Collection of legislative acts of the RF*, 1933, no. 40, art. 239. (In Russ.)
8. *Socialist legality*, 1938, no. 6. (In Russ.)
9. Strukov V.N. Design of the USSR Prosecutor's Office Institute into a single centralized system. *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4. (In Russ.)
10. *Socialist legality*, 1938, no. 3. (In Russ.)
11. State Archive of the Russian Federation. F. 8131. Op. 12. D. 2. L. 52—53 (back). (In Russ.)
12. Russian State Archive of Social and Political History. Op. 2. D. 884. L. 12—13 (back). (In Russ.)
13. The tragedy of the Soviet village. 1927—1939. Collectivization and dispossession of kulaks: Documents and materials. Vol. 4. 1934—1936. Moscow, 2002. 1056 p. (In Russ.)
14. *Socialist legality*, 1938, no. 4. (In Russ.)
15. State Archive of the Russian Federation. F. Р-9474. Op. 16. D. 79. L. 5—9, 15—16. (In Russ.)

References

1. Stalin I.V. Questions of Leninism. Ed. 10th. Moscow, 1937. 616 p. (In Russ.)
2. Mozokhin O.B. Cheka — OGPU — NKVD to protect the economic security of the state. 1917—1941. Moscow, 2016. 624 p. (In Russ.)
3. Hunger in the USSR. 1929—1934. Documents. In 3 vol. Vol. 3: Summer 1933—1934. Moscow, 2013. 960 p. (In Russ.)

УДК 340.5
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10203

Демичев Алексей Андреевич
Alexey A. Demichev

доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры гражданского права и процесса

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

doctor of sciences (law), candidate of sciences (history), professor, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, professor of the department of civil law and procedure

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: aadem@bk.ru

Илюхина Вера Александровна
Vera A. Ilyukhina

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права

Академия ФСИН России (390000, Рязань, ул. Сенная, 1)

candidate of sciences (law), assistant professor, assistant professor of chair of theory of state and law, international and European law

Academy of the Federal service execution of punishment of Russia (1 Sennaya st., Ryazan, Russian Federation, 390000)

E-mail: eva3011@bk.ru

**К вопросу о месте закрепления принципов права
в нормативных правовых актах
(сравнительный анализ российского и армянского опыта)**

**On the issue of the place of consolidation
of the principles of law in normative legal acts
(a comparative analysis of the Russian and Armenian experience)**

На основе изучения кодифицированного законодательства Российской Федерации и Республики Армения авторы исследуют проблему оптимального способа закрепления принципов права в нормативных правовых актах. Выделяются и анализируются различные способы закрепления принципов права в кодифицированных нормативных правовых актах России и Армении.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, принципы права, кодифицированный акт.

Based on the study of the codified legislation of the Russian Federation and the Republic of Armenia, the authors examine the problem of the optimal way to consolidate the principles of law in normative legal acts. Various ways of consolidating the principles of law in the codified normative legal acts of Russia and Armenia are singled out and analyzed.

Keywords: comparative law, principles of law, codified act.

Юридическая техника на современном этапе развития достигла достаточно высокого уровня.

В этой ситуации вряд ли у кого вызывает сомнение важность принципов права. Из относи-

© Демичев А.А., Илюхина В.А., 2019

тельно абстрактной теоретической конструкции они уже давно превратились в эффективный инструмент правового регулирования.

Авторы данной статьи стоят на позиции позитивистского понимания принципов права [1], в рамках которого в качестве таковых признаются только закрепленные в тексте нормативных актов базовые положения, идеи, начала, которые лежат в основе правового регулирования отрасли права, правового института или какой-либо сферы общественных отношений в целом.

Принципы права, с одной стороны, носят объективный характер, так как они закрепляются в тексте нормативных правовых актов. С другой стороны, для правоприменителя важно то, какие из нормативно закрепленных положений законодатель считает именно принципами, а не чем-то иным. Отсюда возникают серьезные проблемы, каким образом и в какой части нормативного правового акта должны быть закреплены принципы права, какие нормативные положения являются принципами права, а какие нет.

Данные вопросы мы рассмотрим на материале российского и армянского права. Такой подход к выбору исследовательской базы обусловливается следующими обстоятельствами. И Россия, и Армения имеют общие корни, принадлежат к континентальной правовой семье и некоторое время назад входили в семью советского права в рамках единого государства — СССР. Сейчас Российская Федерация и Республика Армения — самостоятельные независимые государства с собственными правовыми системами. Это позволяет проводить компаративистские исследования не только исходя из теоретического интереса (такое бывает при сравнении слишком далеких друг от друга правовых систем), но и направленных на взаимное использование национального опыта другого государства.

Ни у российского, ни у армянского законодателя нет единого подхода по вопросу закрепления принципов права в нормативных правовых актах. Проанализировав ряд кодексов Российской Федерации и Республики Армения (в России в настоящее время действуют порядка 20 кодексов, в Армении — 15), мы пришли к выводу, что существует несколько вариантов такого закрепления.

Однако прежде чем рассмотреть эти варианты, необходимо разобраться с самим понятием «принцип права». В задачи данной работы не входит историографический анализ развития данного термина. Мы лишь отметим, что, исхо-

дя из изучения российской и армянской научной литературы и с учетом позитивистского понимания, следует, что принципы права — это основные, исходные, базовые нормативно закрепленные идеи, начала, положения, адресованные субъектам права в качестве руководства к действию.

Как видим, здесь большой разброс синонимов. Для доктрины это нормально. А вот для текстов нормативных актов терминологическое разнообразие, выражающее одну и ту же сущность, — плохо.

В плане компаративистского исследования определенную сложность всегда представляет перевод текста нормативного акта с одного языка на другой. Это касается и принципов права. Приведем пример, характерный для исследуемого предметного поля. Так, в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Армения от 1 июля 1998 года глава 2 называется «Զրեալիան դատախարային սկզբունքները», что в русском переводе, сделанном как носителями языка, так и российскими переводчиками, звучит как «Принципы уголовного судопроизводства». С точки зрения сущности это абсолютно правильный перевод, однако если перевести фразу буквально дословно, сохраняя порядок слов, то получается «Уголовного судопроизводства основы» или «Уголовного судопроизводства начала». Армянское слово «սկզբունքները» в данном контексте переводится как «принципы», но это именно контекстный перевод. Общеупотребительное, главное значение слова «սկզբունքները» — «начала», «основы». Далее, говоря о принципах армянского права, мы будем встречающийся в нормативных правовых актах Армении термин «սկզբունքները» переводить как «принципы».

Первый вариант закрепления принципов права в нормативных правовых актах — принципы права закрепляются в отдельной главе.

Данный способ использован российским законодателем, например, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 года (далее — УПК РФ), Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 года (далее — УК РФ) и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года (далее — КоАП РФ), а законодателем Армении — в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Армения от 1 июля 1998 года (далее — УПК РФ), Судебном кодексе Республики Армения от 7 апреля 2007 года (далее — СК РА)

и Кодексе административного судопроизводства Республики Армения от 28 декабря 2013 года (далее — КАС РА).

В данной статье мы не будем останавливаться на сравнении УПК РФ и УПК РА в интересующем нас аспекте, так как эта проблема ранее специально исследовалась одним из авторов этой работы [2]. Отметим лишь, что в обоих случаях принципы судопроизводства изложены во вторых главах кодексов, которые так и называются — «Принципы уголовного судопроизводства» и в которых перечисляются соответствующие принципы.

Аналогичным образом армянский законодатель поступил при формулировании принципов административного судопроизводства (гл. 2 КАС РА) и принципов деятельности судебной власти (гл. 2 СК РА).

Более сложным и, как нам представляется, менее рациональным путем пошел российский законодатель в УК РФ и КоАП РФ. Так, в первом из названных нормативных правовых актов глава 1 называется «Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации». Собственно принципы формулируются в статьях 3—7, а именно: законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости, гуманизма, и во всех названных статьях законодатель использует слово «принцип».

В КоАП РФ глава 1 называется «Задачи и принципы законодательства об административных правонарушениях». При этом отсутствует четкость в формулировании принципов внутри главы. Можно выделить только три принципа законодательства об административных правонарушениях: принцип равенства перед законом (ст. 1.4, кстати, это единственная статья в данной главе КоАП РФ, где используется слово «принцип»), принцип презумпции невиновности (ст. 1.5) и принцип обеспечения законности при применении мер административного принуждения в связи с административным правонарушением (ст. 1.6).

Второй вариант закрепления принципов права в нормативных правовых актах — принципы права закрепляются в отдельной статье закона.

Этот вариант оказался самым распространенным и в законодательстве России, и Армении. В России он имеет место в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации от 8 января 1997 года (далее — УИК РФ), Земельном кодексе Российской Федерации от 25 октября 2001 года (далее — ЗК РФ), Трудовом кодексе Российской Федерации от 30 декабря 2001 года

(далее — ТК РФ), Градостроительном кодексе Российской Федерации от 29 декабря 2004 года, Лесном кодексе Российской Федерации от 4 декабря 2006 года (далее — ЛК РФ), Водном кодексе Российской Федерации от 3 июня 2006 года (далее — ВК РФ), Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 года (далее — КАС РФ), в Армении — в Гражданском кодексе Республики Армения от 28 июля 1998 года (далее — ГК РА), Семейном кодексе Республики Армения от 8 декабря 2004 года (далее — СК РА), Трудовом кодексе Республики Армения от 14 декабря 2004 года (далее — ТК РА) и Уголовно-исполнительном кодексе Республики Армения от 18 января 2005 года (далее — УИК РА).

В рамках такого варианта закрепления принципов права в кодексах можно выделить четыре подварианта.

1. *В статье через запятую перечисляются принципы без последующего их раскрытия.* Примером может служить статья 8 УИК РФ «Принципы уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации». В части 1 статьи 3 ГК РА «Принципы гражданского законодательства» перечисляются семь принципов гражданского законодательства. Правда, при толковании статьи 3 ГК РА возникают некоторые сложности. Дело в том, что в названии всей статьи имеется слово «принципы», в ее части 1 содержится формулировка «Гражданское законодательство основывается на принципах...». В связи с этим возникает вопрос, можно ли в качестве принципов гражданского законодательства рассматривать положения частей 2 и 3 статьи 3 ГК РА, которые не упоминаются в части 1 этой статьи и при формулировании которых не используется слово «принцип»?

2. *В статье через запятую перечисляются принципы, а в следующих статьях последовательно раскрывается их содержание.* Примером может служить КАС РФ и УИК РА. В статье 6 КАС РФ «Принципы административного судопроизводства» перечисляются принципы административного судопроизводства, а в статьях 7—14 раскрывается их содержание. В статье 5 УИК РА «Принципы уголовно-исполнительного законодательства» перечисляются соответствующие принципы, а в ряде последующих статей (ст. 6—10) их содержание раскрывается.

3. *Принципы перечисляются в одной статье, каждому принципу посвящается отдельный пункт, но содержание принципов не раскрывается.* Так, в Градостроительном кодексе

Российской Федерации в статье 2 «Основные принципы законодательства о градостроительной деятельности» в отдельных пунктах статьи закрепляется 13 принципов. В статье 1 ЛК РФ «Основные принципы лесного законодательства» в 11-ти пунктах перечисляются 11 принципов лесного законодательства. В части 1 статьи 3 ТК РФ «Принципы трудового законодательства» в 10-ти пунктах закрепляются 10 принципов трудового законодательства Армении. В пяти частях статьи 1 СК РФ «Основные принципы семейного законодательства» закрепляется пять принципов. При этом во втором абзаце части 1 и втором абзаце части 5 дается определенный комментарий к предыдущим абзацам, не являющийся раскрытием содержания самого приведенного принципа.

4. Принципы перечисляются в одной статье, каждому принципу посвящается отдельный пункт и при этом раскрывается содержание каждого принципа. Этот способ закрепления принципов имеется в водном и земельном законодательстве России. Так, в 16-ти пунктах статьи 3 ВК РФ «Основные принципы водного законодательства» указываются 16 принципов водного законодательства и раскрывается их содержание. В части 1 статьи 1 ЗК РФ «Основные принципы земельного законодательства» в отдельных пунктах сформулировано 11 принципов, содержание которых раскрывается. Кроме того, в абзаце 2 пункта 11 дополнительно формулируются еще два принципа — «принцип разграничения действия норм гражданского законодательства и норм земельного законодательства в части регулирования отношений по использованию земель, а также принцип государственного регулирования приватизации земли». Названные принципы только декларируются без раскрытия их содержания.

Несколько странный способ закрепления принципов права применяется в ТК РФ. В части 1 статьи 2 «Основные принципы правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений» перечисляются 19 принципов. В качестве второго принципа названо «запрещение принудительного труда и дискриминации в сфере труда». Однако в статье 3 подробно регламентируются вопросы запрещения дискриминации в сфере труда, а в статье 4 — запрещения принудительного труда. Несомненно, эти проблемы весьма важны в современных трудовых правоотношениях, однако в таком случае остается неясным, почему законодатель в статье 2 объединил их в один принцип, а в последующем

рассмотрел две его составляющие в отдельных статьях (ст. 3 и 4). Также остается непонятным, почему остальным принципам в последующем изложении текста нормативного акта не было уделено внимания.

Третий вариант закрепления принципов права в нормативных правовых актах — отсутствует структурный элемент, в названии которого используется термин «принципы».

В рамках данного варианта можно выделить два подварианта.

1. В тексте отсутствует структурный элемент с названием «принципы», однако ряд базовых положений соответствующей отрасли закреплен в статьях, находящихся в первом разделе кодекса «Общие положения». Такой подход имеется в части первой Гражданского кодекса Российской Федерации 30 ноября 1994 года (далее — ГК РФ), Семейном кодексе Российской Федерации от 29 декабря 1995 года (далее — СК РФ), Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации от 24 июля 2002 года (далее АПК РФ), Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации от 14 ноября 2002 года (далее — ГПК РФ) и Избирательном кодексе Республики Армения от 28 мая 2016 года.

В ГК РФ в разделе 1 «Общие положения» в подразделе 1 «Основные положения» в главе 1 «Гражданское законодательство» в части 1 статьи 1 «Основные начала гражданского законодательства» без использования слова «принципы» законодатель изложил основополагающие идеи гражданского законодательства: равенство участников гражданско-правовых отношений, неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты.

В СК РФ в разделе 1 «Общие положения» в главе 1 «Семейное законодательство» основные идеи, лежащие в основе семейного законодательства, закреплены в статье 1 «Основные начала семейного законодательства». Всего в четырех частях данной статьи нашли выражение четыре принципа семейного законодательства.

Достаточно сложная ситуация наблюдается с определением принципов арбитражного процессуального и гражданского процессуального права России. В АПК РФ и ГПК РФ первые разделы, аналогично ГК РФ и СК РФ, называются «Общие положения». Первые главы в АПК РФ и ГПК РФ также называются идентично — «Ос-

новые положения». Ряд статей этих глав содержит положения, являющиеся по своей сути принципами соответствующих отраслей права.

В Избирательном кодексе Республики Армения в разделе 1 «Общие положения» имеется глава 1 «Основные положения». Понятие «принцип» здесь не фигурирует, но статьи из этой главы содержат некие основополагающие идеи избирательного права Армении (общее, равное, свободное, прямое, избирательное право, конфиденциальность голосования, обязательность и периодичность выборов, публичность выборов), которые и являются принципами избирательного права.

2. *Принципы права не закреплены в каком бы то ни было виде.* Если в приведенных выше нормативных актах России и Армении положения, которые не называются принципами права, но являются таковыми, как по существу, так и по месту, занимаемому в документе, закреплены в тексте кодекса, то существуют и кодексы, в которых принципы права не закреплены в каком бы то ни было виде. Примером могут служить Кодекс об административных правонарушениях Республики Армения от 6 декабря 1985 года (этот документ, принятый в советский период, продолжает с изменениями и дополнениями действовать и в настоящее время), Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 года, Налоговый кодекс Российской Федерации (часть 1) от 31 июля 1998 года, Таможенный кодекс Республики Армения от 9 августа 2000 года.

Итак, исходя из всего изложенного выше, мы видим, что ни в России, ни в Армении нет единого подхода, единых правил, единой терминологии при закреплении принципов права в кодификационных актах. Принципы права закрепляются в отдельной главе в трех российских и трех армянских кодексах, в отдельных статьях (в том или ином варианте) — в семи российских и четырех армянских кодексах. В остальных кодексах России и Армении принципы права не закреплены в таких специальных структурных элементах нормативного акта как глава или статья. Однако если в одних кодексах вообще отсутствуют такие положения, которые можно рассматривать в качестве принципов права, то в некоторых (четыре российских и одном армянском) имеются формально неструктурированные положения, которые можно идентифицировать в качестве принципов права.

Исходя из сравнительного анализа комплексов российских и армянских кодексов, отметим, что оптимальным нам представляется закрепление принципов соответствующего законодательства, отрасли права и т. д. в отдельной главе кодекса. Глава должна в своем названии иметь слово «принципы». После этого слова законодателю необходимо конкретизировать, о принципах чего именно идет речь. Оптимальной нам представляются такие формулировки: «Принципы семейного (трудового, уголовного и т. д.) законодательства» либо «Принципы правового регулирования семейных (трудовых, уголовных и т. д.) отношений».

Глава, естественно, должна состоять из статей, каждая из которых посвящена одному принципу. Кроме того, в названии статей необходимо также использовать слово «принцип». Например, «Принцип законности», «Принцип состязательности сторон», «Принцип неприкосновенности частной жизни», «Принцип приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии» и т. п.

Полагаем, что законодателю не стоит ограничиваться только названием соответствующих принципов, но и целесообразно раскрывать их сущность в тексте статьи.

Наконец, законодательство в рассматриваемом нами аспекте необходимо унифицировать, используя единый структурный и терминологический подход к закреплению принципов права в нормативных правовых актах.

Примечания

1. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 5—13.

2. Илюхина В.А. Принципы уголовного судопроизводства Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовой анализ) // Уголовное судопроизводство. 2018. № 2. С. 43—48.

References

1. Demichev A.A. Positivist classification of the principles of modern Russian law. *State and Law*, 2014, no. 5, pp. 5—13. (In Russ.)

2. Ilyukhina V.A. Criminal Proceedings Principles of the Russian Federation and the Republic of Armenia (Comparative Law Analysis). *Criminal Proceedings*, 2018, no. 2, pp. 43—48. (In Russ.)

УДК 34

DOI 10.24411/2078-5356-2019-10204

Керимов Александр Джангирович
Alexander D. Kerimov

доктор юридических наук, профессор, главный редактор научно-практического межотраслевого журнала «Российский журнал правовых исследований», член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, профессор

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 6, оф. 1114—1124)

doctor of sciences (law), professor, chief editor of Russian journal of legal studies, member of the Expert Council under the High Commissioner for human rights in the Russian Federation, professor

Lomonosov Moscow State University

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (1114—1124, 84/6, Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation, 119571)

E-mail: 8017498@mail.ru

Демократия как идеология и способ властвования мировой капиталистической элиты

Democracy as ideology and way of the world capitalist elite ruling

По мнению автора, высший слой мировой буржуазии совершенно подчинил себе демократию, умело приспособил ее идеологию, структуры и институты к своим нуждам. Именно она на современном этапе исторического развития оказалась наиболее приемлемой для капиталистической элиты и посему наиболее востребованной формой ее властвования.

Объяснение этому феномену видится не столько в искусности, умелости и виртуозности власть имущих, сколько в изначальной порочности самой демократии, в ее априорной насыщенности и разнообразными дефектами и недостатками. В работе анализируются лишь те из них, которые представляются самыми важными. Среди такого рода изъянов выделяется абсолютно ничтожное содержательное наполнение демократии. Ведь главнейший принцип названного политического режима и соответствующей идеологии предписывает руководствоваться волеизъявлением большинства, невзирая на качество этой воли, ее направленность, целеустремленную сосредоточенность и идейно-нравственное содержание.

Другой недостаток демократии, непосредственно вытекающий из вышеупомянутого, заключается в том, что она на всем протяжении своего существования вызывает неспособность обеспечить в стане правящего класса государственно организованного социума перманентное и значительное присутствие наиболее достойных (с точки зрения уровня интеллектуального развития, профессиональных навыков и моральных качеств) представителей нации.

According to the author, the top layer of the world bourgeoisie completely subjugated democracy, skillfully adapted its ideology, structures and institutions to their needs. Moreover, it is at the present stage of historical development was the most acceptable for the capitalist elite and therefore the most popular form of its rule.

The explanation of this phenomenon is seen not so much in the skill and virtuosity of those in power, but in the original depravity of democracy itself, in its a priori richness and a variety of defects and shortcomings. The paper analyzes only those that seem to be the most important in the context of this topic. Among such shortcomings, first of all, there is an absolutely insignificant content of democracy. After all, the main principle of the said political regime and the corresponding ideology prescribes always and everywhere to be guided by the will of the majority, regardless of the quality of this will, its direction, purposeful concentration and ideological and moral content.

Another drawback of democracy, which stems directly from the above-mentioned, is that throughout its existence it invariably shows a complete, extremely harmful and therefore extremely depressing inability to ensure in the camp of the ruling class of the state-organized society a permanent and significant presence of the most worthy (in terms of the level of intellectual development, professional skills and moral qualities) representatives of the nation.

© Керимов А.Д., 2019

Ключевые слова: капитализм, демократия, правящая элита, политический режим, идеология, средний класс, революция, монархия, аристократия, народ.

Keywords: capitalism, democracy, ruling elite, political regime, ideology, middle class, revolution, monarchy, aristocracy, people.

Права человека, правовое государство, демократия — эти и некоторые другие западные изобретения активнейшим образом внедряются, особенно начиная с 90-х годов прошлого столетия, как в политико-правовую практику нашего государства, так и в сознание наших сограждан. Об этом свидетельствует великое множество фактов, и в частности, ныне действующая Конституция России, 25-летие которой мы недавно отмечали.

Здесь возникает, однако, вопрос, очевидно имеющий принципиальный характер: во всем ли хороши и приемлемы названные изобретения? Именно в этом ключе и хотелось бы поразмышлять о демократии.

В свое время французский интеллектуал и политический деятель XIX столетия А. де Токвиль задался вопросом, который сам он, очевидно, считал риторическим: «Неужели кто-то полагает, что, уничтожив феодальную систему и победив королей, демократия отступит перед буржуазией и богачами?» [1, с. 23] Победа эта была столь безоговорочной, яркой и значительной, а триумфальное шествие демократии столь наглядным, стремительным и неукротимым, что озвученный вопрос и в самом деле представлялся риторическим. И действительно, демократия, пожалуй, не отступила ни перед капиталистами, ни даже перед их верхним слоем, самыми состоятельными и влиятельными из них — олигархами. Если бы это случилось, то всегда сохранялась бы надежда, что положение можно с течением времени исправить, отвоюя утраченные позиции. Но история очередной раз преподнесла нам коварный сюрприз. Произошло, увы, нечто гораздо худшее, что с трудом поддается коррекции, если вообще поддается. Благодаря изначально заложенным в демократии порокам, магнатам капитала к их вящему удовольствию удалось, если можно так выразиться, полностью приручить ее, прибрать к рукам. Умело овладев демократической идеологией, мастерски освоив соответствующие формы, приемы и методы обретения и удержания власти, правящий класс идеально адаптировал их к реалиям потребительского общества, виртуозно приспособил к своим нуждам. Он всецело подчинил себе демократию, поставил ее на службу собственным интересам, начисто лишив ее всего ценного, безжалостно

выхолостив ее изначально задуманное благородное содержание и высокое предназначение, беспощадно извратив ее исконные бескорыстные смыслы.

Произошло это уж достаточно давно и, разумеется, было замечено многими выдающимися умами прошлого. Так, в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» В.И. Ленин пишет: «Буржуазная демократия, будучи великим историческим прогрессом по сравнению со средневековьем, всегда останется — и при капитализме не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных» [2, с. 252].

Разумеется, в том же ключе высказывался ранее Ф. Энгельс. Еще в 1884 году в письме Э. Бернштейну от 24 марта он настаивает на том, что последовательной формой господства буржуазии является именно демократическая республика [3, с. 112]. Другое дело, что к тому времени, как свидетельствует далее великий философ, она «сделалась слишком опасной вследствие уже достигнутой пролетариатом ступени развития, но, как показывает пример Франции и Америки, она все еще возможна как прямое господство буржуазии» [3, с. 112]. К сожалению, это «все еще» затянулось вплоть до наших дней, на что, конечно же, не рассчитывали не только основоположники марксизма, но и многие другие провозвестники социалистического и коммунистического будущего человечества.

Следует с прискорбием признать, что именно в рамках демократии, ни в коем случае не отказываясь от нее, а, напротив, искусно деформируя и используя ее, капиталу удалось не только удержать, но и существенно укрепить свою власть, особенно после разрушения СССР и мировой социалистической системы. Демократическая республика удивительным, неожиданным и парадоксальным образом стала для буржуазии (благодаря перманентно и энергично предпринимаемым с ее стороны различного рода весьма грамотным действиям, ловким манипуляциям и всевозможным хитрым махинациям) совершенно безопасным, абсолютно безвредным, более того, наиболее удобным способом существования. Но в чем, по-видимому, Ф. Энгельс прав, так это в том, что «демократическая республика всегда останется

последней (выделено Ф. Энгельсом. — А.К.) формой господства буржуазии — той формой, в которой ему приходит конец» [3, с. 113]. Оговорка «по-видимому» в данном случае необходима: нельзя полностью исключать того, что мировая капиталистическая элита в не столь уж отдаленном будущем сочтет целесообразным отказаться даже от видимости демократии, разрушить даже ее фасад и начать использовать откровенно тоталитарные формы и методы властвования.

В сущности, для этой элиты вообще неважно, какой политический режим — демократический, авторитарный или тоталитарный (равно как и какая форма правления и административно-территориального устройства) наличествует в руководимом ею том или ином государственно организованном социуме. Вопрос этот для нее никак не представляется принципиальным или тем более основным, а является скорее второстепенным, малозначительным, не достойным особого внимания, в известном смысле даже презренным, ибо относится к разряду вопросов сугубо тактического, а отнюдь не стратегического уровня. Представители мировой буржуазной элиты втайне смеются над теми слоями обывателей и интеллигенции, которые всерьез дискутируют по этому поводу. Иными словами, глубоким и вместе с тем весьма досадным заблуждением (а таковое, к сожалению, имеет место и, надо признать, даже очень широко распространено) было бы искренне полагать, что демократия имманентно входит в число аксиологических установок и ценностных ориентиров всего правящего класса. Подобного рода простодушие, как показывает история, дорого обходится эксплуатируемым.

Для мировой капиталистической элиты наиглавнейшей целью выступает стремление во что бы то ни стало сохранить статус-кво — сложившуюся в течение нескольких последних столетий капиталистическую систему и свою непререкаемую власть в рамках названного экономического и политического строя. Естественно, что для этого, по мнению правящего класса, все средства хороши и, следовательно, подходит любой политический режим, лишь бы он эффективно работал на достижение означенной цели. На данный момент это и есть демократия.

Итак, перед нами с логической неизбежностью возникает закономерный вопрос, точнее, череда однопорядковых и архиважных вопросов. Почему именно демократия обнаружила такую восприимчивость к пагубному влиянию

на нее со стороны капиталистического правящего класса? Почему она «позволила» подчинить себя и, более того, всемерно содействовала упрочению капиталом своих позиций как на внутригосударственном, так и на международном уровне? Почему она оказалась наилучшим образом приспособленной к обеспечению всевластия буржуазии, особенно крупной? По нашему глубокому убеждению, одной из наиболее существенных причин именно такого сценария развития событий является тот факт, что она, как уже отмечалось в начале статьи, изначально несет в себе немалое количество изъянов. Внутренне и априори присущие демократии недостатки (по крайней мере, наиболее значимые из них) обуславливают принципиальную невозможность, оставаясь в ее узких рамках, разрешить одно из наиболее значимых, фундаментальных социальных противоречий — отчаянное, смертельное противостояние между бедными и богатыми, эксплуатируемыми и эксплуататорами, извечный непримиримый антагонизм и испокон веков делящаяся ожесточенная борьба между ними. В.И. Ленин, безусловно, прав, утверждая в своей известной заметке «Успехи американских рабочих», опубликованной в газете «Правда» (1912 г.), что никакая демократия в мире не устраним ни классовой борьбы, ни всемогущества денег [4, с. 109]. Впрочем, эта мысль красной нитью проходит через многие его произведения, равно как, разумеется, и труды К. Маркса и Ф. Энгельса. Прозорливость этих поистине великих мыслителей и политических деятелей подтвердило время. Демократия, конечно же, не в состоянии одолеть буржуазию. Капиталисты же, в первую очередь их верхний слой (гипербуржуазия, космократия), как красноречиво свидетельствует современная историческая практика, с успехом и, кажется, без особого труда окончательно победили демократию в том смысле, что приспособили ее для обеспечения своих классовых интересов.

Попытаемся в связи с изложенным выявить и осмыслить те ее недостатки, которые, помимо прочего, собственно, и привели к столь трагическим последствиям. Каковы же основные несовершенства, дефекты демократии? Первый наиболее существенный недостаток демократии связан с ее содержательным наполнением. Приходится констатировать, что оно ничтожно. Этот глубинный порок демократии был обнаружен и блестяще описан более века назад великим русским философом Н.А. Бердяевым и с тех пор, как это ни поразительно, был практически предан забвению. Обращаясь к духовным

первоосновам, осмысливая саму идею демократии, он подчеркивает, что «она сама не знает своего содержания и в пределах утверждаемого ею принципа не имеет никакого содержания» [5, с. 466], что она «не хочет знать, во имя чего изъясняется воля народа, и не хочет подчинить волю народа никакой высшей цели» [5, с. 466].

Действительно, демократия, оказавшись изначально в плену у своего собственного доминантного, по сути, определяющего ее признака или, если угодно, ее руководящего начала, главного принципа (которым она «дорожит превыше всего и который ничему не хочет подчинять» [5, с. 466]), а именно — волеизъявления большинства как достаточного и единственного основания для принятия решений и (или) осуществления выбора, сразу же обнаружила свою бессодержательность. Ведь названный принцип — суть принцип сугубо формальный, беззастенчиво отдающий вульгарным механицизмом, призывающий всегда и при всех обстоятельствах покорно склонять голову перед численным превосходством. Демократия, как совершенно справедливо отмечает Н.А. Бердяев, «предоставляет раскрытие истины решению большинства голосов» [5, с. 466]. А почитание, по сути, культ исключительно количественного начала, признание «власти количества, поклонение всеобщему голосованию возможны лишь при неверии в истину и незнании истины. Верующий в истину и знающий истину не отдает ее на растерзание количественного большинства» [5, с. 466].

Демократия, руководствуясь прежде всего принципом волеизъявления большинства, пугающе безразлична к качеству, нравственному и интеллектуальному его содержанию. Она вовсе не озабочена обнаружением далеко не всегда очевидной, а зачастую, напротив, сокровенной, глубинной направленности, целеустремленной сосредоточенности этой воли. В результате демократия выступает довольно примитивным организационным механизмом, не более чем незамысловатой технологией, предлагающей удручающе простой и очевидно неадекватный способ формирования государственно-властных структур и управления современными чрезвычайно сложными и с течением времени все усложняющимися общественными системами.

Наше критическое отношение к демократии многократно усиливается по мере ясного осознания того, что названный ее недостаток в полной мере вообще неустраним. Это понимают, скорее, инстинктивно чувствуют и ее апологеты. Стремясь всеми силами максимально нивели-

ровать описанный изъян демократии, они искусно изобретают и внедряют все новые и новые ее виды. Следует признать, что порой они достигают здесь некоторых незначительных успехов. О какой только демократии не писали и не пишут, какие только ее модели и разновидности не обсуждались и не обсуждаются в научных, околонучных, политических и журналистских кругах. Помимо давно известной и реализуемой на практике прямой и представительной демократии говорили и продолжают говорить о суверенной, делиберативной (совещательной), консенсусной, мажоритарной, минималистской, партисипативной (демократии участия), плебисцитарной, об управляемой, агрегативной, институциональной, экономической и прочих ее видах и концепциях. Но по большей части попытки приверженцев демократии приукрасить ее, точнее, адаптировать к новым феноменам социально-экономической и политической жизни, к стремительно меняющимся реалиям общественного бытия всякий раз оказываются тщетными, терпят очередную крах. И это не удивительно. Ведь неизменным, можно даже сказать незыблемым и при этом доминантным остается основной ее принцип (отказ от него равносителен отказу от самой демократии), а именно принцип поклонения волеизъявлению большинства, начисто выхолащивающий любое живое содержание, позволяющий с легкостью, бездумно и ничтоже сумняшеся в любых ситуациях освобождаться от необходимости нравственного выбора, служения какой-либо вдохновляющей идее или высшей цели.

Описанный нами порок демократии неминуемо порождает следующий. Драматизм ситуации заключается вовсе не в том, что при демократии власть сосредоточена в руках меньшинства, иногда ничтожного меньшинства. (Ведь это неотъемлемый атрибут любого государственно организованного социума вне зависимости от сформировавшегося в нем политического режима). А в том, что меньшинство это вполне может оказаться и нередко оказывается ущербным с точки зрения уровня своего внутреннего, духовно-нравственного и интеллектуального развития. В этом и заключается второй существенный изъян демократии. Она отнюдь не гарантирует того, что бразды правления непременно попадут в руки наиболее достойных представителей нации. На этот порок нередко указывали видные ученые прошлого (достаточно вспомнить, например, суждения Н.И. Кареева, А. де Токвиля, Р. Моля). Разумеется, и в наше время многие обществоведы отмечают

данный недостаток демократии. Так, по мнению видного теоретика права, члена-корреспондента РАН Г.В. Мальцева, практика проводимых президентских, парламентских и региональных выборов свидетельствует о том, что демократия не способна призвать к государственному правлению людей одаренных и честных [6, с. 599].

Казалось бы, люди, будучи существами разумными и, безусловно, желающими себе исключительно блага, в состоянии обеспечить вхождение (путем выборов и иных демократических процедур) во властные структуры тех, кто наилучшим образом, то есть наиболее профессионально, рационально и справедливо сможет руководить государственно организованным социумом. Но этого, к сожалению, не происходит. Зато зачастую происходит обратное. Посему монархия и аристократия нередко оказываются здесь в выигрышном положении по сравнению с демократией. Это, в частности, объясняется тем, что монархия, по удачному выражению Г.В. Мальцева, «изымает высшую власть в государстве из числа предметов домогательства со стороны одержимых властолюбием авантюристов» [6, с. 599].

Итак, демократия сама по себе вовсе не гарантирует, что во власти оказываются лучшие люди страны. Нередко, как свидетельствует всемирно-историческая практика, случается обратное. Н.А. Бердяев занимает в этом вопросе гораздо более радикальную позицию. Он вообще отказывает демократии в способности обеспечивать появление во властных структурах наиболее достойных представителей рода человеческого: «Демократическая идеология количеств не может не вести к царству худших, а не лучших» [7, с. 441]. Как знать, может быть, он прав. Ведь подавляющее большинство выдающихся государственных деятелей приходили к власти отнюдь не демократическим путем.

Общетеоретическое, философское основание, первопричину этого, условно говоря, второго недостатка демократии следует искать в своего рода ее априорной антиномичности. В данном способе формирования, организации и функционирования государственной власти и соответствующей ему идеологии изначально заложено неразрешимое противоречие. Демократии имманентно присущи две цели, каждая из которых, по-видимому, в одинаковой мере может притязать на то, чтобы считаться первостепенной: стремление к наиболее разумному и справедливому решению или выбору и желание опять же во имя торжества справедливости непременно уравнивать всех членов социума в

политической сфере, предоставить всем равные права при принятии решения или осуществлении выбора. Но люди, если иметь в виду их интеллект, нравственные качества, свойства характера, аксиологические установки и прочее, далеко не равны и, кстати, никогда и никаким социумом не рассматривались и по сей день не рассматриваются в качестве равноценных и равнозначных единиц. Предоставляя же неравным индивидам равные права, невозможно достичь ни одну из заявленных целей, а именно, во-первых, гарантировать разумность и справедливость решения или выбора; во-вторых, обеспечить соблюдение основополагающего принципа социальной справедливости — воздаяния каждому по заслугам.

Таким образом, демократия во многом представляется нам изначально ущербной. Демократической идеологии и соответствующему ей способу формирования государственно-властных структур априори присущи такие (описанные в настоящей статье) пороки, которые и привели к тому, что мировая капиталистическая элита (гипербуржуазия или космократия) сумела полностью приспособить демократию к своим нуждам и использовать ее в своих сугубо классовых интересах. Демократия тем самым оказалась формой властвования, наиболее приемлемой для крупной буржуазии.

В заключение отметим, что мы в данной работе вовсе не претендуем на то, чтобы предложить нечто взамен демократии. Допустимые рамки статьи не позволяют этого сделать. К тому же это в принципе чрезвычайно сложно и не под силу одному исследователю. Здесь требуются совместные усилия целого коллектива ученых, представляющих различные отрасли научного знания: философию, юриспруденцию, социологию, политологию, историю и др. Посему мы ограничиваемся критикой демократии и приглашаем коллег к широкой дискуссии о том, как, каким образом, нивелировав выявленные и другие несомненно имеющиеся ее недостатки, сформировать во многом новую, более совершенную политико-правовую и социокультурную модель.

Примечания

1. Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. с фр. М.: Издательство «Весь Мир», 2000.
2. Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 37. М.: Изд-во политической литературы, 1969.
3. Энгельс Ф. Эдуарду Бернштейну в Цюрих // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 36. М.: Издательство политической литературы, 1964.

4. Ленин В.И. Успехи американских рабочих // Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 22. М.: Изд-во политической литературы, 1968.

5. Бердяев Н. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М., 1991.

6. Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013.

7. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии // Бердяев Н. Собрание сочинений. Т. 4. Париж: YMCA-Press, 1990.

References

1. Tocqueville A. de. De la démocratie en Amérique / transl. from France. Moscow: Ves' mir Publ., 2000. (In Russ.)

2. Lenin V.I. The proletarian revolution and the renegade Kautsky. *Full composition of writings. Ed. 5. Vol. 37.* Moscow: Political Literature Publ., 1969. (In Russ.)

3. Engels F. Edward Bernstein in Zürich. *Marks K., Engels F. Writings. Ed. 5. Vol. 37.* Moscow: Political Literature Publ., 1964. (In Russ.)

4. Lenin V.I. The successes of the American workers. *Full composition of writings. Ed. 5. Vol. 22.* Moscow: Political Literature Publ., 1968. (In Russ.)

5. Berdyaev N. New Middle Ages. Thinking about the fate of Russia and Europe. Moscow, 1991. (In Russ.)

6. Maltsev G.V. Cultural traditions of law. Moscow, 2013. (In Russ.)

7. Berdyaev N.A. The philosophy of inequality. Letters to enemies on social philosophy. *Collected works. Vol. 4.* Paris, 1990. (In Russ.)

УДК 342
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10205

Коробова Александра Петровна
Aleksandra P. Korobova

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и философии права
Самарский государственный экономический университет (443090, Самара, ул. Советской Армии, 141)

candidate of sciences (law), associate professor, associate professor of the department of theory and philosophy of law

Samara state university of economics (141 Sovetskoy Armii st., Samara, Russian Federation, 443090)

E-mail: a.p.korobova@inbox.ru

Карев Дмитрий Александрович
Dmitriy A. Karev

старший преподаватель кафедры теории и философии права
Самарский государственный экономический университет (443090, Самара, ул. Советской Армии, 141)

senior lecturer of the department of theory and philosophy of law

Samara state university of economics (141 Sovetskoy Armii st., Samara, Russian Federation, 443090)

E-mail: kdmity07@mail.ru

Сочетание частных и публичных начал в регулировании муниципальной службы в Российской Федерации

The combination of private and public principles in the regulation of municipal services in the Russian Federation

В статье рассматриваются особенности регулирования муниципальной службы как особого вида публичной профессиональной деятельности, связанные с использованием частных и публичных механизмов. Автор приходит к выводу, что частно-правовое регулирование муниципально-служебных отношений должно носить субсидиарный характер: во-первых, такое регулирование допускается лишь в случаях отсутствия публично-правовых норм и, во-вторых, лишь в части, не противоречащей публично-правовому регулированию таких отношений.

Ключевые слова: муниципальная служба, трудовое право, публичное регулирование, императивные нормы, дисциплинарная ответственность, публичные основания прекращения трудового договора.

The article discusses the features of the regulation of the municipal service as a special type of public professional activity associated with the use of private and public mechanisms. The author concludes that private law regulation of municipal service relations should be subsidiary: firstly, such regulation is allowed only in cases of absence of public law norms and, secondly, only in part that does not contradict public law regulation of such relationship.

Keywords: municipal service, labor law, public regulation, mandatory rules, disciplinary responsibility, public grounds for termination of an employment contract.

Правовое регулирование муниципальной службы в значительно большей степени, в отличие от службы государственной, остается в настоящее время в сфере трудового законодатель-

ства. Как известно, трудовое право, в отличие от права служебного, характеризуется большими возможностями индивидуализации конкретных трудовых отношений путем достижения со-

© Коробова А.П., Карев Д.А., 2019

глашений между работодателем и работником (разумеется, не противоречащих трудовому законодательству). Это выражается в том числе в закреплении такого принципа трудового права (правового регулирования трудовых отношений), как принцип сочетания государственного и договорного регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений (ст. 2 ТК РФ) [1, с. 124].

Индивидуальное регулирование, безусловно, имеет место в сфере государственно-служебных отношений. Однако значение его там заметно меньше, чем в сфере отношений трудовых. Как справедливо отмечает Г.А. Корнийчук, «в отличие от государственных служащих, стороны трудового договора более свободны в выборе его условий. Они вправе включать в трудовой договор любые условия, если они не ухудшают положение работника по сравнению с законами, иными нормативными правовыми актами, коллективным договором, соглашениями. Стороны же служебного контракта при определении его содержания ограничены рамками закона» [2, с. 68].

Муниципальные служащие (за исключением главы местной администрации) осуществляют свою профессиональную деятельность по трудовому договору. И хотя условия этого трудового договора в большей степени урегулированы законодательством, чем условия трудовых договоров большинства других работников, степень их возможной индивидуализации явно выше, чем у контрактов, заключаемых с государственными служащими. Таким образом, на муниципальной службе находит свое выражение принцип сочетания государственного и договорного регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, трансформирующийся здесь в *принцип сочетания частных и публичных начал в регулировании муниципальной службы*.

Как отмечается, «согласно ч. 2 ст. 3 на муниципальных служащих распространяется действие трудового законодательства с особенностями, предусмотренными комментируемым Законом. Таким образом, статус муниципального служащего находится и под влиянием частного права» [3]. При этом многие исследователи отмечают «временный» характер подобного положения дел и высказывают мнение, что публично-правовые начала в правовом регулировании муниципальной службы будут укрепляться, а влияние норм частного права — ослабевать [4, с. 380].

Действительный смысл данного принципа выражается в том, что частно-правовое регулирова-

ние муниципально-служебных отношений должно носить субсидиарный характер: во-первых, такое регулирование допускается лишь в случаях отсутствия публично-правовых норм и, во-вторых, лишь в части, не противоречащей публично-правовому регулированию таких отношений.

Нормативная редукция данного принципа в системе законодательства о муниципальной службе представлена достаточно широким спектром различных институтов и правовых норм.

Во-первых, с целью обеспечения публичных интересов муниципальной службы законодательством закрепляются так называемые антикоррупционные стандарты, которые выступают элементом публично-правового статуса муниципального служащего. Согласно Федеральному закону от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — ФЗ № 273) введение таких стандартов предполагает установление для соответствующей области деятельности единой системы запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции в данной области. Указанные ограничения и запреты, предусмотренные в отношении муниципальных служащих статьями 13 и 14 Федерального закона от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 25), предполагают определенное ограничение общегражданских прав в публично значимых целях. Например, запрет заниматься предпринимательской деятельностью направлен на предотвращение коррупции в системе муниципальной службы. При этом в соответствии с принципом сочетания частных и публичных начал в регулировании муниципальной службы допускается выполнение муниципальным служащим иной оплачиваемой работы (работа по совместительству), если это не приводит к ситуации конфликта интересов (ч. 2 ст. 11 ФЗ № 25).

Во-вторых, на обеспечение баланса частных и публичных интересов на муниципальной службе направлен институт недопущения конфликта интересов. Понятие «конфликт интересов» является единым для государственной и муниципальной службы. Согласно статье 10 ФЗ № 273 под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осу-

ществление полномочий). Действующим законодательством предусматриваются различные меры по недопущению или урегулированию конфликта интересов, которые могут заключаться в изменении должностного или служебного положения муниципального служащего и (или) в отказе его от выгоды, явившейся причиной возникновения конфликта интересов.

В-третьих, нормативная реализация принципа сочетания частных и публичных начал в регулировании муниципальной службы выражается также в законодательном закреплении института публичной дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных правонарушений. Такая ответственность была введена как для государственных, так и для муниципальных служащих Федеральным законом от 21 ноября 2011 года № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции». В частности, в ФЗ № 25 была включена статья 27.1, которая предусматривает императивное привлечение к дисциплинарной ответственности за несоблюдение муниципальным служащим ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции. Указание закона, что за подобные деяния «налагаются взыскания» означает, что представитель нанимателя (работодатель) обязан привлечь муниципального служащего к ответственности. Об этом свидетельствует и часть вторая данной статьи, согласно которой в случае непринятия муниципальным служащим, являющимся стороной конфликта интересов, мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, а также в случае непредставления им сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений, он подлежит (в императивном порядке) увольнению с муниципальной службы.

Данный механизм следует отличать от дисциплинарной ответственности, предусмотренной трудовым законодательством, которая предполагает право, а не обязанность представителя нанимателя (работодателя) привлечь муниципального служащего к ответственности за совершенный дисциплинарный проступок и, по существу, носит частно-правовой характер [5].

Непонимание или неучет данного принципа на практике приводит к законодательным «ку-

рьзам», которые можно проиллюстрировать на примере статьи 19 ФЗ № 25.

Данная статья содержит ряд дополнительных оснований увольнения муниципального служащего, которые, по сути, носят ярко выраженный публичный характер: достижение предельного возраста пребывания на муниципальной службе, прекращение гражданства Российской Федерации или приобретение гражданства иного государства (вида на жительство), несоблюдение ограничений и запретов, связанных с муниципальной службой, применение административного наказания в виде дисквалификации. При этом в данной статье говорится о том, что при наличии данных оснований трудовой договор с муниципальным служащим может быть расторгнут по инициативе представителя нанимателя (работодателя). Во-первых, неверным представляется избранная законодателем диспозитивная формула данной нормы «может быть расторгнут». Это противоречит предусмотренному данным же законом публично-правовому регулированию отношений на муниципальной службе. Так, согласно статье 13 прекращение гражданства Российской Федерации, а равно и приобретение гражданства иного государства (вида на жительство) представляет собой ограничение, связанное с муниципальной службой. При этом статья 13 закрепляет норму, что при наличии ограничений, связанных с муниципальной службой, гражданин не может быть принят на муниципальную службу, а муниципальный служащий не может находиться на муниципальной службе. Иными словами, при таких обстоятельствах трудовой договор не может быть расторгнут, а подлежит прекращению (императивная норма).

То же касается и применения к муниципальному служащему административного наказания в виде дисквалификации. Согласно статье 3.11 КоАП дисквалификация заключается в лишении физического лица права замещать должности муниципальной службы, что неизбежно влечет прекращение трудового договора и увольнение с муниципальной службы. Кстати, весьма показательно, что Трудовой кодекс Российской Федерации (далее — ТК РФ) закрепляет аналогичное основание прекращения трудового договора не в 81 статье (Расторжение трудового договора по инициативе работодателя), а в статье 83 (Прекращение трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон), которая предусматривает императивное увольнение работника.

Справедливости ради нужно заметить, что некоторые из названных выше оснований пре-

кращения трудового договора с муниципальным служащим не носят обязательного для представителя нанимателя (работодателя) характера. Так, например, согласно части 2 статьи 19 ФЗ № 25 допускается продление срока нахождения на муниципальной службе муниципальных служащих, достигших предельного возраста, установленного для замещения должности муниципальной службы. Кроме того, нарушение запретов, в отличие от несоблюдения ограничений, не всегда влечет прекращение трудового договора с муниципальным служащим и его увольнение со службы. Однако и в данном случае указание на расторжение трудового договора по инициативе представителя нанимателя представляет собой неоправданное отступление от публично-правового характера регулирования соответствующих отношений.

Трудовым законодательством предусматривается широкая система гарантий при увольнении работника по инициативе работодателя. Так, согласно статье 81 ТК РФ не допускается увольнение работника по инициативе работодателя (за исключением случая ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем) в период его временной нетрудоспособности и в период пребывания в отпуске. Статья 261 ТК РФ исключает возможность увольнения по инициативе работодателя широкого круга лиц в связи с наличием у них семейных обязанностей. Это вполне оправданно, когда прекращение трудового договора осуществляется по частной инициативе работодателя (прогул, появление на работе в состоянии алкогольного опьянения и т. п.). Однако предоставление таких гарантий в рассматриваемых случаях может идти вразрез с публичными интересами муниципальной службы. Например, одним из запретов, связанных с муниципальной службой, направленных на предотвращение коррупции в сфере муниципального управления, является запрет заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц (п. 3. ч. 1 ст. 14 ФЗ № 25). За нарушение данного запрета трудовой договор с муниципальным служащим может быть расторгнут, а сам муниципальный служащий может быть уволен с муниципальной службы. Однако расторжение трудового договора в связи с нарушением запретов отнесено Законом к увольнению по инициативе представителя нанимателя. Это означает, что, например, женщина, имеющая ребенка до трех

лет, обладает иммунитетом от такого увольнения. Безусловно, защита материнства и детства является важной социальной задачей российского государства. Однако в данной ситуации подобное регулирование фактически означает освобождение лица в течение трех лет от обязанности соблюдать запрет на осуществление предпринимательской деятельности. Подобная ситуация видится недопустимой с позиций публичного регулирования и требует изменений в подходах.

Примечания

1. Трудовое право: учебник для прикладного бакалавриата / под ред. В.Л. Гейхмана. М.: Юрайт, 2015.
2. Корнийчук Г.А. Государственные служащие. Особенности регулирования труда. М.: Альфа-Пресс, 2006. 204 с.
3. Комментарий (постатейный) к Федеральному закону от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» / под ред. А.Н. Козырина. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.01.2019).
4. Глушко Е.К. Правовое регулирование муниципальной службы в Российской Федерации // Публично-правовые исследования. Ежегодник Центра публично-правовых исследований. Т. 2. М.: АНО «Центр публично-правовых исследований», 2007. С. 375—394.
5. Пресняков М.В., Чаннов С.Е. Дисциплинарная ответственность гражданских служащих: проблемы нормативной определенности и справедливой дифференциации // Трудовое право. 2009. № 8, 9.

References

1. Labor law: a textbook for applied baccalaureate / ed. V.L. Geihman. Moscow: Yurayt Publ., 2015. (In Russ.)
2. Korniychuk G.A. Civil servants. Features of labor regulation. Moscow: Alfa Press Publ., 2006. 204 p. (In Russ.)
3. Comment (itemized) to the federal law of March 2, 2007 no. 25-ФЗ «On the Municipal Service in the Russian Federation» / ed. A.N. Kozyrin. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 19.01.2019). (In Russ.)
4. Glushko E.K. Legal regulation of municipal service in the Russian Federation. *Public law research. Yearbook of the Center for Public Law Research*, vol. 2. Moscow: ANO «Center for Public Law Research» Publ., 2007. Pp. 375—394. (In Russ.)
5. Presnyakov M.V., Channov S.E. Disciplinary responsibility of civil servants: problems of regulatory certainty and fair differentiation. *Labor Law*, 2009, no. 8, 9. (In Russ.)

УДК 34
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10206

Скурко Елена Вячеславовна
Elena V. Skourko

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (117997, Москва, Нахимовский проспект, 51/21)

candidate of sciences (law), senior researcher
Institute of scientific information for social sciences of the Russian academy of sciences (51/21 Nahimovskiy av., Moscow, Russian Federation, 117997)

E-mail: skourko@mail.ru

«Свобода движения знаний»: юридические стимулы и ограничения
“Freedom of movement of knowledge”: legal incentives and restrictions

В современном мире на фоне развития процессов глобализации с научно-техническим прогрессом, в том числе техническими возможностями, которые предоставляет среда Интернет и новейшие цифровые технологии, на первые планы общественной жизни выдвигается проблема «свободы движения знаний», требование которой в прямой постановке было сформулировано приблизительно с начала нулевых в системе Европейского союза.

К настоящему времени приходит понимание сложности указанной проблемы, а именно осознание того, что, хотя технические возможности современности позволяют практически полностью и неограниченно обеспечивать «свободу движения знаний», беспрепятственный информационный обмен, распространение и поиск информации, принцип свободного движения знаний — в общественных интересах, по соображениям безопасности, этическим, политическим, экономическим и иным представлениям подлежит определенным ограничениям, а с другой стороны, нуждается в особом стимулировании — в интересах общественного развития, национальных (государственных) интересах, в интересах граждан. «Свобода движения знаний» — сфера, нуждающаяся в развитии соответствующего правового регулирования.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15014.

Ключевые слова: свобода движения знаний, общество знаний, научно-техническое сотрудничество, правовые основы сотрудничества в сфере культуры и образования, Европейский союз (далее — ЕС), Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС), правовое регулирование.

In contemporary world, against the background of the development of globalization processes, in terms of scientific and technological progress, including the technical capabilities provided by the Internet and the latest digital technologies, the problem of «free movement of knowledge» is put forward to the first place of public life, though the requirement of the latter was first pronounced approximately from the beginning of the first decade of the century in the European Union.

Today, however, there comes an understanding of the complexity of this issue, namely the understanding of the fact that, although the technical capabilities of modernity allow almost complete and unlimited provision and guarantees of «free movement of knowledge», unhindered information exchange, dissemination and search for information, the principle of the free movement of knowledge — for the public interest, for security reasons, ethical, political, economic and other considerations should be limited by certain restrictions, and on the other hand needs special impetus — for the purposes of social development, national (state) interests, the interests of persons. In general, therefore, it can be argued that «free movement of knowledge» is an arena which requires the development of appropriate legal regulation.

The research is funded by RFBR according to the research project № 18-29-15014.

Keywords: free movement of knowledge, knowledge society, scientific and technical cooperation, legal basis for cooperation in the field of culture and education, European union (EU), Eurasian economic union (EAEU), legal regulation.

В последние годы в Российской Федерации активно происходит развитие правового регулирования в направлении обеспечения свободы движения знаний в интересах общественного развития страны. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 была утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на период с 2017 по 2030 годы (далее — Стратегия развития), в которой прямо устанавливается цель обеспечения условий для формирования в Российской Федерации «общества знаний» [1].

Стратегия определяет общество знаний как «общество, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации», а информационное общество рассматривает как «общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан» [1].

В рамках представленного подхода не вызывает сомнений, что обеспечение «свободы движения знаний» есть необходимое условие для построения и развития не только и не столько информационного общества, сколько «общества знаний» в России. Важной оговоркой в указанной связи становится, кроме того, ссылка на необходимость учета стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, которые прямо формулируются либо вытекают из целей и смысла целого ряда нормативных правовых актов различного уровня, действующих в России сегодня, российского законодательства в целом.

Конституция Российской Федерации (далее — Конституция РФ) в части 4 статьи 29 устанавливает: «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». Вместе с тем, эта свобода в известной мере ограничивается собственно Конституцией и законом. Так, принципиальными положениями в указанной связи являются: во-первых, то, что существует перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяемый федеральным законом (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ); во-вторых, то, что (согласно ст. 24 Конституции РФ) сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются; органы государственной власти и органы местного са-

моуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом. Все иные законные ограничения «свободы движения информации» в основе своей развиваются из указанных и ряда других конституционных норм.

В рамках рассматриваемой проблематики появляется необходимость уточнить и провести различие «информации вообще» и знаний — как информации «особенной».

Так, современная философия определяет знание как «продукт общественной материальной и духовной деятельности людей; идеальное выражение в знаковой форме объективных свойств и связей мира, природного и человеческого» [2, с. 150—151], тогда как «информация» есть «некоторые сведения, совокупность каких-либо данных, знаний» [2, с. 172]. Формально знания и информация должны соотноситься как «часть» и «целое». Этот подход получает отражение, например, в том, когда в Стратегии развития «общества знаний» определяется через представление о (движении) «достоверной информации».

Однако, в действительности, с учетом того что «в знании осуществляется перевод разрозненных представлений в теоретически систематизированную общезначимую форму, удержание того, что может быть сохранено, передано, преемственно развито в качестве устойчивой опоры последующей человеческой деятельности» [2, с. 151], «информацию» и «знание» следует соотносить как «общее» и «особенное». И именно такое представление, с нашей точки зрения, следует соответствующим образом проводить и отражать в том числе в процессе развития законодательства по обозначенному кругу вопросов. Это тем более необходимо, коль скоро в условиях глобализации любое современное государство мира, его граждане, а также юридические лица и другие субъекты права участвуют в тех или иных формах в международном сотрудничестве и информационном взаимодействии, при этом владение знаниями, «право пользования» ими объективно создает преимущества своим обладателям.

Если внутри страны, для ее граждан и иных лиц обладание знаниями, умение ими пользоваться и «распоряжаться» призвано служить общественному благу, в том числе росту общего благосостояния, то должны быть, вместе с тем, поставлены пределы для случаев исполь-

звания знания во вред или в целях причинения вреда для отдельных лиц и государства в целом, а, кроме того, в особенности в плане международного сотрудничества и информационного взаимодействия. С учетом того что владение знаниями в современном мире составляет самобытное «конкурентное преимущество», должны быть оформлены соответствующие ограничения «свободного движения знаний» — для случаев, если это представляет экономическую целесообразность с точки зрения общего экономического развития страны, а также в трансграничном измерении.

Крайне показателен в указанном аспекте опыт Европейского союза.

Так, к настоящему времени в ЕС системно формируется так называемое Европейское исследовательское пространство (далее — ЕИП) и развивается концепция Инновационного союза, фоном для которых выступает продвижение (наряду с известными «четырьмя свободами» — свободой движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы) «пятой свободы» — «свободы движения знаний» [3].

Таким образом, научные исследования и технологические разработки в формате системы ЕС аккумулируются, структурируются, а также управляются в рамках ЕИП, иначе именуемого как «открытое пространство знаний».

Проблема формирования ЕИП занимает прочное место в ряду приоритетов деятельности ЕС, по крайней мере со времени принятия Лиссабонской стратегии 2000 года. Последовавшее за ней принятие стратегии «Европа 2020» развивает и углубляет процессы формирования в рамках ЕС «открытого пространства знаний» ЕИП, ставя государствам-членам задачу построения в ЕС интеллектуальной экономики, основанной на развитии знаний и инноваций [4, с. 6].

Современную нормативную базу ЕИП определяет Лиссабонский договор от 1 декабря 2009 года, устанавливающий порядок регулирования полного комплекса научно-исследовательской деятельности, включая (общеевропейские программы и стратегии с межгосударственным компонентом).

Европейское исследовательское пространство развивается посредством реализации мероприятий, программ и стратегий, которые разрабатываются как на национальном (уровне государства-члена), так и на региональном («внутриевропейском», т. е. во взаимодействии нескольких государств-членов) и общеевропейском уровне ЕС.

В документах и материалах ЕС многократно подчеркивается, что «в то время как большая часть научно-исследовательской деятельности, программ и стратегий ведутся на региональном и национальном уровнях, ни одно государство не располагает достаточными ресурсами для того, чтобы быть конкурентоспособными на мировом уровне. Для усиления ЕИП подобная деятельность и стратегии должны разрабатываться и осуществляться на транснациональном уровне, при необходимости включая трансграничное сотрудничество. Транснациональное сотрудничество позволяет наиболее эффективно использовать национальные и региональные ресурсы» [4, с. 6].

Системные направления формирования ЕИП осуществляются на общеевропейском уровне, а именно: «Это касается, прежде всего, программ государственной поддержки и антимонопольного законодательства, а также ряда соответствующих правил общего рынка. ЕС также развивает и продвигает инструкции и рекомендации добровольного характера, которые используются в качестве общих европейских рекомендаций. Подобные примеры можно найти в таких областях, как карьера исследователей и их мобильность, трансфер знаний и сотрудничество между научными исследованиями и промышленностью» и т. п. [4, с. 6].

Таким образом, как подразумевается, в рамках ЕС по ходу формирования ЕИП «лицам ЕС» в приоритете будет предоставлен доступ к европейскому открытому пространству знаний и технологий, «в котором в полной мере реализуются преимущества транснационального взаимодействия и взаимодополнения» [4, с. 6].

В рамках стратегии «Европа 2020» существенное место занимает проблематика формирования Инновационного союза для целей:

— преобразования ЕС в научный центр мирового уровня;

— устранения барьеров в инновационном развитии (в т. ч. проблемы дорогостоящего патентования, дефицита квалифицированных кадров и др.);

— революции в формах взаимодействия публичного и частного секторов экономики, в особенности за счет развития инновационных партнерств (общеевропейских институтов, правительственных институтов государств-членов с предпринимательским сообществом [5].

Стратегия «Европа 2020» определена для решения пяти «амбициозных задач, затрагивающих вопросы занятости, инноваций, образования, социальной интеграции и климата/энергетики на период до 2020 года» [4, с. 7].

В плане взаимодействия с третьими странами (государствами, не входящими в ЕС) развитие ЕИП и Инновационного союза подчинено интересам ЕС в целом и ограничивается (по всем поддерживаемым ЕС проектам сотрудничества) обслуживанием интересов развития хозяйственной системы ЕС, в том числе с привлечением технологий, соответствующих производств и квалифицированных кадров под свою юрисдикцию, и одновременно коррелирует с идеологией продвижения за пределами ЕС «стереотипов» привлекательности современной европейской культуры и образа жизни, уровня благосостояния, престижности европейского образования и проч.

Этот опыт, несомненно, имеет значение и может быть до определенной степени использован в России в плане построения в стране «общества знаний», способного соответствовать и адекватно отвечать вызовам современности.

Прежде всего речь идет о концептуальной привлекательности «европейской модели» в части применяющихся в ЕС подходов к формированию ЕИП и Инновационного союза как таковых.

Действительно, Российской Федерации следует стремиться к тому, чтобы создать условия для «аккумуляции» под своей юрисдикцией «знаний», включая новейшие технологии и производства, а также привлечения наиболее квалифицированных кадров для работы на своей территории и предприятиях, в особенности в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). С другой стороны, несомненно важно способствовать сохранению культурного наследия страны (материальной и духовной культуры), русского языка, в том числе сохранению за ним статуса «языка межнационального общения» и «языка науки», а кроме того, «популяризации» (постольку, поскольку это возможно) русского языка и культуры, языков и культуры народов России, в том числе в части обеспечения их доступности в различных формах, включая удаленную, по системам связи и массовых коммуникаций, средствами массовой информации и др. «Культурная экспансия» и создание «привлекательного образа» современной России в мире, необходимо признать, сегодня отнюдь не выглядит как старомодный лозунг либо бессмысленное расходование государственных средств, но выступает объективной потребностью, с учетом сложного комплекса современных событий, обстоятельств и отношений в мире. Особенную сферу представляет проблематика образования, лежащая

своего рода «медианой» в диапазоне от потребности укрепления собственного научно-технического потенциала России до необходимости в доступных формах продвижения «привлекательного образа» страны за рубежом.

В плане развития правового регулирования проблематики построения в стране «общества знаний», развития «свободного движения знаний» в требуемом для обеспечения национальных интересов государства и российского общества русле, с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, необходимо комплексное стимулирование, начиная с режимов специальных льгот в налогообложении, прямых государственных инвестиций в инфраструктурные проекты, формирования особых механизмов государственно-частного партнерства и поддержки наукоемких бизнес-проектов и заканчивая оформлением правовых режимов информационно-коммуникационных средств и систем, оптимизацией режимов охраны интеллектуальной собственности, а также развитием гарантий трудоустройства выпускников высших учебных заведений по полученной специальности, введением дополнительных социальных льгот и гарантий для лиц, работающих в сфере науки, образования и культуры.

Значительным образом проблема построения в стране «общества знаний», обеспечения в его рамках «свободы движения знаний» может быть разрешена с привлечением сложившегося механизма приоритетных национальных проектов, подтвердившего за годы своего существования свою эффективность.

Не последнюю роль, кроме того, должно приобрести развитие международных отношений Российской Федерации по вопросам научно-технического сотрудничества, сотрудничества в сфере образования и культуры. Необходимо подчеркнуть, что особенное значение приобретает сегодня выбор приоритетов в указанной сфере.

Так, события последних лет поставили под сомнение надежность целого ряда партнеров России в международных отношениях. Закономерно с новой остротой возникла необходимость не просто поддержания приемлемого уровня, но и дальнейшего развития международного партнерства страны, в особенности в сфере новейших технологий, современных производств, так называемой цифровой экономики и др.

Решению обозначенной проблемы во многом могло бы способствовать постепенное расширение конструкции «общества знаний» и принципа «пятой свободы» — «свободы движения

знаний» — на пространство ЕАЭС [6] — наиболее перспективное как с точки зрения уровня развития правовых форм и направлений сотрудничества государств-членов, так и с точки зрения национальных интересов и приоритетов России сегодня.

Примечания

1. Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2901.
2. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политиздат, 1987. 590 с.
3. Make «knowledge» a fifth Community freedom. CORDIS, 2007-04-05. 2007. URL: https://cordis.europa.eu/news/rcn/27454_en.html (дата обращения: 23.12.2018).
4. Справочник по вопросам научно-технологического сотрудничества Европейского союза, стран — членов ЕС и Российской Федерации / пер. с англ. «Compendium of Science & Technology Cooperation between the European Union, the EU Member States and the Russian Federation» (2011). М.: Представительство ЕС в России, 2012. 143 с.
5. Innovation Union: Aims of the Innovation Union, state of progress and related policy. 2018. URL: https://ec.europa.eu/info/research-and-innovation/strategy/goals-research-and-innovation-policy/innovation-union_en (дата обращения: 23.12.2018).

6. Договор о Евразийском экономическом союзе. Астана, 29 мая 2014 г. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0023611/itia_05062014_doc.pdf (дата обращения: 23.12.2018).

References

1. *Collection of legislative acts of the RF*, 2017, no. 20, art. 2901. (In Russ.)
2. *Philosophical Dictionary* / ed. I.T. Frolov. 5th ed. Moscow: Politizdat Publ., 1987. 590 p. (In Russ.)
3. Make «knowledge» a fifth Community freedom. CORDIS, 2007-04-05. 2007. URL: https://cordis.europa.eu/news/rcn/27454_en.html (accessed 23.12.2018).
4. *Handbook of scientific and technological cooperation of the European Union, countries — members of the EU and the Russian Federation* / transl. from English “Compendium of the European Union, the Member States and the Russian Federation” (2011). Moscow: EU Delegation to Russia, 2012. 143 p. (In Russ.)
5. *Innovation Union: Aims of the Innovation Union, state of progress and related policy*. 2018. URL: https://ec.europa.eu/info/research-and-innovation/strategy/goals-research-and-innovation-policy/innovation-union_en (accessed 23.12.2018).
6. *Treaty on the Eurasian Economic Union*. Astana, May 29, 2014. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0023611/itia_05062014_doc.pdf (accessed 23.12.2018). (In Russ.)

УДК 34

DOI 10.24411/2078-5356-2019-10207

Соболева Ани́та Карловна
Anita K. Soboleva

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права департамента общих и межотраслевых юридических дисциплин факультета права

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (101000, Москва, ул. Мясницкая, 20)

candidate of sciences (philological), associate professor, associate professor of the department of legal theory and history of law, faculty of law

National research university «The Higher school of economics» (20 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation, 101000)

E-mail: asoboleva@hse.ru

Норморайтер как ономотэт, творец и ремесленник

“Norm-writer” as nomothetēs, creator and craftsman

Профессор В.М. Баранов предложил готовить специалистов для написания текстов нормативных актов в рамках нового образовательного направления. Предложенная им профессия норморайтера стала предметом обсуждения в статье, поскольку подготовка специалистов для ведомственного нормотворчества поднимает не только практические, но и научно-теоретические вопросы. Норморайтера можно рассматривать как ратора, создающего тексты определенного рода по правилам искусства риторического изобретения, овладевшего также правилами юридической техники как ремесла. С позиции платоновской теории именования его можно рассматривать также как ономотэта — творца норм как имен, отражающих суть вещей и понятий и соотносящихся с их сущностью. Правильно переданная в слове мысль управляет действием, таким образом текст нормативного правового акта непосредственно влияет на првоприменительную практику, ее эффективность или неэффективность. Подготовка норморайтеров требует особого образовательного стандарта, поскольку может быть только междисциплинарной.

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ, предоставленного на проект «Дискурсивная легитимация права: речевой акт как форма с нормативным содержанием», договор № 18-011-00177/18.

Ключевые слова: норморайтер, риторика права, платоновская теория именования, норморайтер в теории Владимира Баранова, авторство нормативно-го текста.

Professor Baranov suggested to prepare professionals of special kind, who will be able to draft legislative acts and by-laws, and gave a new name to these legal rules writers, which can be transliterated from Russian as «norm-writers». This norm-writer can be presented as Plato's *ὀνοματοθέτης* (Latin *nomothetēs*), that is a name-giver. In terms of classical rhetoric he is a rhetor, who creates the texts of norms using the rules rhetorical art and tools of legislative drafting. The words he uses and the names (definitions) he gives influence the outcome of legal disputes and legal regulation, because if the names are given in a right way, in compliance with their essence, then the practice proceeds in a smooth way, and the things are done correctly, as Confucius instructed. The preparation of the specialists in legal rules writing requires special educational programs of multidisciplinary nature.

The article was prepared within the framework of the RFBR grant provided for the project “Discursive legitimation of a law: speech act as a form with regulatory content”, contract no. 18-011-00177/18.

Keywords: norm-writer, legal rules writer, legislative drafting techniques, Plato's theory of naming, norm-writers as Vladimir Baranov's term, authorship of legislative text.

© Соболева А.К., 2019

1. Норморайтер как *nomothetēs*

В жюри олимпиады по праву однажды довелось оценивать устное выступление старшеклассника, который доказывал, что для улучшения демографической ситуации необходимо ввести налог для бездетных граждан. Оратор привел убедительные, на его взгляд, аргументы в пользу своей позиции, но от членов жюри поступил каверзный вопрос, не приведет ли такой налог к неблагоприятным социальным последствиям, поскольку какие-то семьи, возможно, предпочтут родить детей ради налоговой выгоды, а вот заботиться о детях должным образом не захотят или не смогут. Выступающий явно не задумывался о том, что прежде чем предлагать какие-либо нормы, необходимо просчитать возможные риски, поэтому ответил первое, что пришло ему в голову: тогда надо будет создать специальные государственные комиссии, которые будут выдавать разрешения на рождение детей семейным парам с учетом их материального положения, готовности стать родителями и возможности обеспечить детям условия для надлежащего воспитания и развития. То, что создание таких барьеров приведет не к демографическому взрыву, а к спаду рождаемости и правовому тупику с легализацией детей, рожденных в обход процедуры получения разрешения или при отказе в выдаче такового, учтено не было. Понятно, что школьникам сложно анализировать последствия принятия новой нормы, их никто этому не учил, у них нет необходимой для этого базы, но только ли школьники не готовы стать разработчиками норм? Есть ли необходимые для нормотворчества навыки у выпускников юридических вузов? У сотрудников министерств? У помощников депутатов?

Профессор Владимир Михайлович Баранов в статье «Норморайтер как профессия» [1] предлагает решить проблему с подготовкой кадров для правотворческой работы, введя новую специальность — норморайтера, то есть человека, которого я представляю себе как «сочинителя» норм, особого рода «писателя». В терминах классической риторики я бы определила такого человека как ратора, то есть создателя текста. Современные коммуникативные теории заменили ратора (автора) на «отправителя информации» или «нормоотправителя», читателя на «адресата» или «нормополучателя», а текст на «текст нормы», «послание» или «отправляемое» [2, с. 102], что не меняет сути взаимоотношений внутри классической риторической триады: ритор — текст — аудитория.

Исходя из нее, обучающий навыкам создания любого текста включает в программу и «воспитание ратора» как личности с определенными этическими и ценностными установками, и обучение искусству построения ясной, логичной, непротиворечивой, красивой речи (устной или письменной), и выработку навыка видеть созданный текст глазами аудитории, чтобы быть в состоянии оценить его с точки зрения понятности и последствий применения.

Правовой текст, включая национальное законодательство, международные документы, ведомственные и корпоративные акты, тоже может быть проанализирован в терминах упомянутой триады, берущей начало в классической риторике. Соответственно, для того чтобы правильно поставить задачи перед специалистом, которого мы собираемся готовить, надо будет четко определить, тексты каких жанров ему предстоит писать, кого мы понимаем под автором нормативного текста и кто составляет аудиторию, которую необходимо принимать в расчет при написании норм конкретного акта. О соотношении терминов «автор — текст — аудитория» применительно к праву я уже подробно писала ранее [3], поэтому остановлюсь лишь на тех моментах, которые могут быть интересны при обсуждении роли «творца правил», или норморайтера. Можно провести параллель между творцом правил и творцом слов, которого Пифагор называл ономототэтом (от др.-греч. *ὀνοματοθέτης* — «создатель или творец наименований») [4, с. 196]. Ономототэт дает имена вещам, то есть придумывает слова. «Общий смысл теории именовании, — отмечает профессор Ю.В. Рождественский, — «орудность» имени: слово, именуя вещь, является орудием, с помощью которого в деятельности людей возникает именованная словом вещь». Конфуций кратко формулирует этот принцип так: «Если имя дано неверно, то речь не повинуется, если речь не повинуется, то дело не может быть образовано. Если же имя дано верно, то и речь повинуется, если речь повинуется, то и дело образуется» [5, с. 34]. В древней теории именовании «имя» — не просто название предмета, но и правила обращения с ним, «речь» — не только высказывание, но и одновременно намерение произвести действие; «дело» — это само действие и его результат. Смысл теории именовании состоит в том, чтобы установить правильное взаимоотношение между словами и действиями. Вот и норморайтер как искусный творец должен подыскать такие слова и конструкции, чтобы действия, ими регулируемые,

были правильными, и чтобы дело не стопорилось, а устраивалось оптимальным образом.

Любопытно отметить, что слово «ономатотэт» (в ряде переводов встречается также «ономатет») образовано из двух корней: νόμος (nomos) — закон, τίθημι (tithimi) — «устанавливать», «назначать», «давать» [6]. В словарях [7] и в переводах диалога Платона «Кратил» оно передается как «дающий закон» (lawgiver), «законодатель» [8]. Однако не следует обманываться, пытаясь соотнести платоновского ономатотэта с теми, кого мы называем законодателями сегодня. Во время написания диалога в слово «законодатель» авторами при обсуждении теории происхождения слов естественного языка вкладывался совершенно иной смысл (что не мешает нам сегодня использовать это соответствие метафорически).

В диалоге «Кратил» Платон излагает свою версию, как должны создаваться правильные имена. Для этого, прежде всего, должно существовать разделение труда между тем, кто имя создает, и тем, кто его использует. Творцом имен, или ономатотэтом (nomothetēs), может быть не всякий, а только специалист своего дела, вот его-то Платон и называет законодателем: «...Не каждому человеку... дано устанавливать имена, но лишь такому, кого мы называли бы творцом имен. Он же, видимо, и есть законодатель, а уж этот-то из мастеров реже всего объявляется среди людей» [8, § 389b]. «Слово “законодатель” в диалоге, — комментирует Ю.В. Рождественский, — ни в коем случае нельзя толковать в юридическом смысле. Законодатель — это профессионал, мастер, знаток законов культуры, независимо от того, жрец он или замлепашец, поэт или оратор... Если сущность вещей дается людям в действиях с ними, то законодатель должен прежде всего знать действия человечества с вещами и уметь придумать новые действия, достигающие полезного результата. Для этого он и создает слово (логос), или — иначе — закон. Законодатель есть изобретатель новых социальных норм, к какой бы области деятельности они ни относились» [5, с. 44].

Возникает вопрос, насколько современный разработчик норм является «профессионалом, мастером, знатоком культуры», насколько он «знает действия человечества с вещами» и умеет придумывать новые имена (нормы, законы), которые верно отражают сущность явлений и могут регулировать действия людей. Кто будет оценивать, верно ли задумана норма, выполняет ли свое предназначение, совпадает

ли ее план выражения с планом содержания? По мнению Платона, «законодатель/ономатотэт» работает под контролем общества, созданное им новое слово (в нашем случае — новая норма) оценивается обществом, принимается или отвергается. Законодатель/ономатотэт не может отклониться от правильности имени в плане содержания, поскольку этого не допустит муж-диалектик (кто будет выступать в данной роли в нашем случае — обычный субъект правоотношений, правоприменитель, политик, теоретик права, философ — вопрос пока открытый). Итак, норма должна быть правильной и по форме, и по содержанию; норморайтер занимается искусством создания норм, будучи специалистом по изобретению текстов, а вот сами тексты являются полем деятельности уже совсем других людей — «мужей-диалектиков», «пользователей имен» [9, с. 9].

Итак, нужен ли норморайтер сегодня? Не выполняет ли роль ономатотэта законодатель как коллективный автор? Нет, законодатель не предназначен для выполнения этой роли, потому что он задумывает текст, продвигает и утверждает этот текст, но не «творит» его. Создание текста — это искусство, творчество, потому что текст строится по риторическим, а не по политическим правилам, не даром древние греки считали риторику искусством и относили ее к τέχνη (techne). Политики являются заказчиками и оценщиками текстов (теми самыми диалектиками), но редко бывают хорошими разработчиками, потому что способности к написанию текстов по всем правилам искусства появляются не в момент выборов или назначения на должность, а развиваются в процессе обучения, воспитания и тренировок.

2. Норморайтер как профессионал

Если есть потребность в людях, которые будут квалифицированно писать тексты норм (не только законов, но и инструкций, правил, этических кодексов, положений, регламентов и т. д.), то должна быть и система профессиональной подготовки этих людей. Соответственно, В.М. Баранов задает два резонных вопроса: нужен ли для подготовки норморайтера специальный профессиональный стандарт и требуется ли разработка особого образовательного стандарта?

Вопрос о профессиональном стандарте мне кажется преждевременным — не только потому, что сама идея «впихнуть» все многообразие профессий в узкие рамки стандартов, заорганизовать и представить в виде перечня компетенций любую осмысленную деятельность

нравится далеко не всем и вызывает споры. До появления профессиональных стандартов, как представляется, должна появиться профессия, а вот профессия норморайтера находится пока в зачаточном состоянии. На данном этапе необходимо сформировать потребность в специалистах этого направления, определиться с названием профессии (пока нет уверенности в том, что приживется именно «норморайтер»), продвинуть саму идею, сформировать среди политиков, бизнесменов и управленцев разного уровня культуру обращения к специалистам-норморайтерам. Для этого необходимо долго и упорно на всех площадках рассказывать о негативных последствиях некачественного нормотворчества, с цифрами в руках доказывать его экономическую неэффективность и научить просчитывать потери от непредвиденных рисков и ошибок, которых можно было бы избежать. Когда сложится профессиональное сообщество норморайтеров, тогда они сами смогут выработать стандарт для своей профессии и качественно, со знанием дела описать требования, которые должны предъявляться к кандидатам для допуска в это сообщество.

Что касается стандарта образовательного, то его разработка была бы желательной, поскольку готовить специалистов, которые умеют писать нормативные тексты, надо уже сейчас. Представляется, что наиболее оптимальным был бы вариант специальной программы в магистратуре или в рамках дополнительного профессионального образования. Базовой подготовкой для поступающих на такую образовательную программу может быть юриспруденция или политология. Саму программу хотелось бы видеть междисциплинарной: будущему норморайтеру понадобится не только углубленный курс юридических дисциплин, таких как теория права, конституционное право, юридическая техника, законодательный процесс, составление договоров, правовая аналитика, но и литературное редактирование, грамматика русского языка, практическая стилистика, психология, визуальное восприятие текста, политология, лоббирование.

Профессор В.М. Баранов предлагает модифицировать учебный курс «История государства и права зарубежных стран». С этим следует согласиться, и я бы предложила изучать его по методологии, предложенной Эриком Аннерсом в учебнике «История европейского права» [10]. Аннерс выстраивает курс через изменения юридической техники, так объясняя свой подход: «...юридическая наука с общественной точки

зрения является своеобразным инженерным искусством. Именно юристы являются теми, кто по заданию политической власти разрабатывает и применяет правовые нормы, которые управляют одновременно разделением труда и сотрудничеством между людьми. Поэтому при описании истории европейского права я прежде всего пытался выделить основные направления юридической техники» [10, с. 3]. Сквозь призму такого подхода он пытается ответить, например, на такие вопросы, как и почему римское право достигло высокого уровня юридической техники или почему формирование правовых норм на европейском континенте, в Англии и США происходило на основе различной по своей сути юридической техники, хотя Англия и США впитали основы своего права из европейских корней.

Хочется поддержать и идею о том, что надо учить студентов моделированию законов, подготовке экспертных заключений на законопроекты, анализу правотворческих ошибок. В Высшей школе экономики на занятиях по обязательному для всех бакалавров курсу «Письменная речь юриста» [11] мы выполняем, например, такое упражнение: просим студентов написать проект статьи кодекса для вымышленного государства, в котором решили урегулировать часто возникающую проблему, а затем зачитываем конкретные ситуации, в которых данная норма могла бы применяться. Если предложенная формулировка нормы не позволяет урегулировать ситуацию либо приводит явно к абсурдному или несправедливому результату, первоначальная формулировка дорабатывается. В результате студент понимает, что всегда необходимо просчитывать последствия применения нормы и учиться читать созданный им текст «чужими глазами», глазами правоприменителя. Много полезных упражнений содержится в учебнике английских авторов Уильяма Твининга и Дэвида Миерса «Как управляться с нормами» [12]. Разработка полноценного учебника для «нормотворцев» на русском языке — насущная задача, но она будет решена только в том случае, если появится специальность, а следом за ней и потребность в разработке учебных пособий для этой специальности.

Помимо создания клуба правотворческих игр, предлагаемых В.М. Барановым, возможно проведение межвузовских состязаний по нормотворческой технике — по типу студенческих модельных судов по различным отраслям права, которые в последние годы набрали популярность.

Новая специальность подстегнет и развитие научных исследований в тех острых и слабо-

изученных проблемных областях, о которых говорит В.М. Баранов. Использование длинных названий законопроектов и постановлений Конституционного Суда (в результате чего ссылки на эти документы занимают полстраницы любого научного текста или исполнительно-распорядительного документа), безумных аббревиатур, которые делают тексты нечитаемыми (среди прочего потому, что их нельзя поставить в косвенные падежи с окончаниями), смешение жанров документов — это не только вопрос удобства использования названий и терминов, но и вопрос управляемости в государстве. Стремление к юридической псевдоточности приводит к полной утрате ясности, а вместе с ясностью теряется смысл. Многие ли смогут понять без справки в Интернете, что за организация — ЦМИ ГАУ ИДПО ДТСЗН? А подобным образом стали сокращать названия практически всех государственных органов и организаций.

И, наконец, личные качества нормрайтера должны соответствовать латинскому определению оратора — *vir bonus, dicendi peritus* (человек хороший, в речах искусный). Владение словом, как мы видим, стоит на втором месте, а на первом стоят человеческие качества, внутренний этос. Нельзя не согласиться, что «подлинный специалист по правотворчеству должен уметь сказать “нет” государственной власти, когда от него требуют любым способом “оформить” принятое политика решение» [1, с. 26]. Об этом же говорила в своем интервью 2004 года Т.Г. Морщакова, напоминая, что «еще в 1969 году профессор Михаил Шаргородский выступил на конференции в Ленинграде с такой репликой: “Юридическая наука начинается там, где она говорит законодателю «нет»» [13]. А вот что касается повышенной материальной поддержки нормрайтера, то здесь с уважаемым инициатором обсуждения согласиться не могу — нет сомнений, что у опытного нормрайтера должна быть достойная оплата труда, но это касается любого высококлассного специалиста. Сама должность должна предполагать достойную оплату для тех, кто прошел на нее отбор, но вот особые преференции с самого момента выпуска, повышенное пенсионное обеспечение или льготное медицинское обслуживание представляются мне не только излишними, но и вредными. Если нормрайтер будет пользоваться обычными поликлиниками и больницами и получать пенсию на общих основаниях, то он сможет сказать законодателю «нет», когда в очередной раз начнут «оптимизировать» учреждения социальной сферы или предлагать за-

конопроекты, углубляющие неравенство между людьми.

Примечания

1. Баранов В.М. Нормрайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 16—29.
2. Ван Хук М. Право как коммуникация / пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012.
3. Соболева А. Судьи Европейского Суда по правам человека как «мужи-диалектики»: риторический контекст и платоновская теория именования // Международное правосудие. 2017. № 3 (23). С. 34—46.
4. Донских О.А. Рефлексия над языком в историческом контексте // Проблемы рефлексии: современные комплексные исследования / под ред. И.С. Ладенко. Новосибирск: Наука, 1987.
5. Рождественский Ю.В. Теория языка в античности // Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. С. 32—105.
6. Древнегреческо-русский словарь Дворецкого. URL: <https://classes.ru/all-greek/dictionary-greek-russian-old-term-62152.htm> (дата обращения: 15.05.2019).
7. English Oxford Living Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/nomothetes> (дата обращения: 15.05.2019).
8. Платон. Кратил // Собр. соч. в 4 т. Т. 1.
9. Sedley D. Plato's Cratylus. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
10. Аннерс Э. История европейского права / пер. со швед. М.: Наука, 1994. 397 с.
11. Fundamenta. Учебное пособие для студентов 1 курса бакалавриата / авт.-сост. В.Б. Исаков. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. 517 с. (Автор программы «Письменная речь юриста» — А.К. Соболева, с. 409—440).
12. Twining William and Miers David. How To Do Things With Rules: A Primer of Interpretation. London: Burretworth. 1999. 451 p.
13. Никитинский Л. «...И суда нет. Диагноз доктора Морщаковой» // Новая газета. 2004. 19 июля.

References

1. Baranov V. Legal rules writer as a profession. *Journal of Saratov State Law Academy*, 2017, no. 6 (119), pp. 16—29. (In Russ.)
2. Van Hoecke M. (2002) *Law as Communication*, Oxford: Hart Publishing. (Russian ed.: Van Hok M. (2012) *Pravo kak kommunikatsia*. M.V. Antonov, A.V. Polyakov (transl.). St. Petersburg: Izdatel'skiy dom

S.-Peterb. gos. un-ta, OOO "Universitetskiy izdatel'skiy konsortsiy"). (In Russ.)

3. Soboleva A. Judges of the European Court of Human Rights as dialecticians: rhetorical context and Plato's theory of naming. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2017, no. 3, pp. 34—46. (In Russ.).

4. Donskikh A. Reflection over language in the historical context. *Problems of reflection: contemporary complex research*. Ed. Ladenko I. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987. (In Russ.)

5. Rozhdestvenskiy Yu.V. The ancient theory of language. *Amirova T.A., Ol'khovikov B.A., Rozhdestvenskiy Yu.V. Ocherki po istorii lingvistiki*, Moscow: Glavnaya redakciya vostochnoy literatury izdatel'stva «Nauka», 1975, pp. 32—105. (In Russ.).

6. Ancient Greek — Russian Dictionary by Dvoretzky. URL: <https://classes.ru/all-greek/dictionary-greek-russian-old-term-62152.htm> (accessed 15.05.2019). (In Russ.)

7. English Oxford Living Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/nomothetes> (accessed 15.05.2019).

8. Plato. *Cratylus* (In Russ.).

9. Sedley D. *Plato's Cratylus*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

10. Annars Erik. *History of European law / transl. from Swedish*. Moscow: Nauka Publ., 1994. (In Russ.)

11. *Fundamenta*. Teaching aids for 1st year bachelors in law. Comp. Isakov V. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2017. (In Russ.)

12. Twining William and Miers David. *How To Do Things With Rules: A Primer of Interpretation*. London: Burretworth. 1999. 451 p.

13. Nikitinsky L. «Professor Morshchakova's Diagnoses: There is No Trial». *Novaya gazeta*, 2004, July 19. (In Russ.)

УДК 340.132
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10208

Сухова Надежда Ивановна
Nadezhda I. Sukhova

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права
Саратовская государственная юридическая академия (410056, Саратов, ул. Чернышевского, 94)
candidate of sciences (law), associate professor of department of theory of state and law
Saratov State Law Academy (94 Chernyishevskogo st., Saratov, Russian Federation, 410056)
E-mail: sukhova777@yandex.ru

Нейтрализация рисков противодействия осуществлению закона*

Neutralizing the risks of countering the implementation of the law

В статье на основе теоретических разработок, касающихся феномена риска, автором предпринимается попытка определения риска противодействия осуществлению закона и путей и средств его нейтрализации. Указывается, что названный риск, представляя собой совокупность возможных условий и факторов, вероятно влияющих на эффективность и интенсивность действия закона, сам обусловлен наличием ряда обстоятельств, которые имеют как объективный (например, нестабильность нормативного регулирования, изменение обстановки), так и субъективный характер (возможное неисполнение требований закона адресатами). На протяжении всего процесса правового регулирования риск противодействия осуществлению закона наиболее явно присутствует на стадии его реализации. Однако наличие рисков ситуаций не исключается на других его стадиях. Поэтому нейтрализация рассматриваемого риска с помощью только известных публично-правовых средств не может быть достаточной.

Ключевые слова: действие закона, стабильность закона, риск противодействия осуществлению закона, нейтрализация рисков, средства нейтрализации противодействия осуществлению закона.

In the article on the basis of theoretical developments relating to the risk phenomenon, the author attempts to determine the risk of countering the implementation of the law and ways and means of neutralizing it. It is indicated that the said risk, being a combination of possible conditions and factors likely to influence the efficiency and intensity of the law, is itself due to the presence of a number of circumstances that are both objective (for example, regulatory instability, changing environment) and subjective non-fulfillment of the requirements of the law by the addressees). Throughout the process of legal regulation, the risk of countering the implementation of the law is most clearly present at the stage of its implementation. However, the presence of risk situations is not excluded in its other stages. Therefore, neutralization of the considered risk using only known public law means cannot be sufficient.

Keywords: the operation of the law, the stability of the law, the risk of countering the implementation of the law, the neutralization of risks, the means of neutralizing the opposition to the implementation of the law.

Бойся опасности, пока ее нет; когда же она пришла — борись с ней.

Древнеиндийская мудрость

В юридической среде в последнее время реже стали говорить о так называемом «правотворческом буме», которым ознаменовалось по-

следнее десятилетие прошлого века и которым сопровождалась проводимые в стране преобразования. Упомянутое явление стало истори-

* Понятия «риски противодействия осуществлению закона», «риски противодействия неисполнения закона», «риски противодействия реализации закона» в рамках данной статьи используются как синонимичные и сокращенно обозначаются понятием «риски противодействия».

© Сухова Н.И., 2019

ей, причем для истории юридической практики не очень светлой ее страницей.

В настоящее время в области правотворческой деятельности налицо изменения, которые ведут к повышению качества законодательства как господствующего источника права. О них свидетельствуют и обеспечение комплексности правового регулирования, и «пакетный» характер законодательства, и в большей степени, чем ранее, стремление учесть мнение научного сообщества, и финансовая обеспеченность принимаемых актов законодательства и др. В ушедшем году законодательный орган России принял 576 законопроектов и 233 закона. «...И этим как раз отличается сегодня Государственная Дума, и в целом власть от того, что у нас происходило в 1990-е годы, все законы финансово обеспечены. И поэтому когда мы говорим о решениях, принятых в текущем году, следует понимать, если закон принят, он обязательно будет исполнен» [1], — подчеркнул спикер Государственной Думы Российской Федерации В. Володин.

Действительно, ситуация вокруг вопроса о финансовом обеспечении принимаемых законов изменилась исключительно в положительную сторону благодаря слаженной работе исполнительной и законодательной власти, учету наиболее приоритетных направлений законотворчества, обоснованности применения законодательной формы правовых положений и т. п., иными словами, законопроектная деятельность стала более системной и обоснованной.

Однако высокая исполнимость принимаемых публичной властью актов обусловлена не только материально-финансовой поддержкой и базой, а выполнением целого ряда требований в отношении самого акта, учета особенностей развития объективной и субъективной реальности, в которой закон будет действовать. Самое незначительное нарушение требования социальной адекватности закона может привести к тому, что средства останутся не потраченными, а закон не востребованным, не эффективным, не соответствующим реальному состоянию общественной жизни (например, все законы, сопровождающие пенсионную реформу с 22 августа 2004 г.).

Неслучайно, отмечая положительные тенденции развития современного российского законодательства, называется немало из того, что предстоит сделать в направлении его совершенствования, что позволит преодолеть издержки в правотворческой деятельности предыдущих десятилетий и, действительно, сделает совре-

менную законодательную власть особенной [2], а результаты ее деятельности качественными, своевременными, простыми в применении. Среди прочего можно назвать и решение задачи по выработке алгоритма нейтрализации рисков противодействия осуществлению закона.

Как известно, в литературе сложилось несколько подходов к изучению и определению такого явления, как риск в праве: объективный, субъективный и интегративный. Каждый из названных подходов имеет свой круг сторонников, предлагающих ряд аргументов в пользу отстаиваемой ими позиции. Не имея цели и возможности останавливаться на их критике, укажем, что наиболее предпочтительным выглядит интегративное понимание правового риска. Используя его, автором было сформировано понимание риска, которое наглядно можно выразить так: $\text{РИСК} = \text{ТР} + \text{величина влияния ТР}$. ТР — тело риска, явления объективной реальности, представленные событиями и деятельностью третьих лиц, потенциально могущие влиять на развитие конкретных правовых отношений и получение желаемого результата по причине наличия связей последних с факторами риска. Риск — особый юридический факт или юридический состав, находящийся в непосредственной или опосредованной связи с отношением, испытывающим возможное и неопределенное влияние от наступления фактических рисков обстоятельств [3, с. 359]. Величина риска показывает характер и интенсивность связи между риском и отношением, на которое он может оказать влияние. Понятно, что если связь непосредственная, то и величина риска больше, тогда как опосредованная связь снижает величину риска.

Надо сказать, что риск — явление многовариантное и проявляет себя в отношениях как между отдельными индивидами, так и между крупными корпорациями, что подтверждает тезис о наличии оснований для определения современного общества наряду с другой атрибутикой («общество потребления», «информационное общество» и т. п.) «обществом рисков» [4].

Вариативен и правовой риск. Его конструкция в различных проявлениях используется практически во всех отраслях российского права: конституционные риски [5] (риск нарушения конституционной стабильности, риск блокирования функционирования государства, риск нарушения баланса системы сдержек и противовесов, риск подмены народовластия государственным усмотрением [6] и т. д.), риски безопасности, финансовые риски, банковские риски,

гражданско-правовые, риски по использованию персональных данных, правотворческие риски, правоприменительные риски, риски городских конфликтов и др.

Анализ выделенных правовой доктриной правовых рисков показывает, что у них есть одно объединяющее свойство: все они имеют если не источник появления, то связь с риском противодействия реализации закона. Полагаем, что последний, представляя собой сочетание объективных условий и деятельности субъектов правоотношений, способных оказывать негативное влияние на эффективность, интенсивность и динамику действия закона, в большей своей части представлен все же деятельностью составляющей. Основная цель такой деятельности состоит в том, чтобы не исполнять требования и положения закона, исключить действие закона в сфере требующих правовой регламентации отношений, либо создать выгодные (упрощенные) условия исполнения закона.

Понятно, что наличие риска противодействия в процессе правовой регламентации или увеличение его вероятности негативным образом сказывается на качестве и состоянии правовой системы общества, уровне правопорядка и законности, обеспечении прав и законных интересов индивидуальных и коллективных субъектов, восприятии самого права и т. д. Указанное требует применения адекватных мер для нейтрализации этого явления в ней.

Понятие «нейтрализация» (от лат. *neuter* — ни тот, ни другой) — большее распространение получило в естественных науках, но активно используется и в гуманитарном знании. При этом суть понятия остается прежней — такое взаимодействие двух явлений или процессов, при котором один из них либо преобразуется в иное явление, без вредоносных свойств, либо теряет свои функциональные возможности, заложенные в нем первоначально.

На всем продолжительном и не очень времени действия закона, на всех этапах этого процесса могут возникнуть обстоятельства, о существовании которых предполагалось, но в силу вероятностного их характера не было уверенности в их появлении. Естественно, ситуация требует применения соответствующих мер, направленных на минимизацию негативного для действия закона влияния. Достижение эффективности проведения этой деятельности возможно при соблюдении нескольких условий, касающихся ее самой (комплексность, своевременность, объективность, нейтральность, целенаправленность), а также инструменталь-

но-обеспечительного компонента, представленного тесным сотрудничеством науки и практики, способных, с одной стороны, указать на факты, а с другой, выработать и эмпирически проверить «лекарство» от рисков.

Комплекс мероприятий по нейтрализации рисков противодействия и их ранжирование, как нам видится, должен соответствовать этапам действия закона, работать на трех основных стадиях и представлять соединение блоков средств, обеспечивающих:

- прогнозирование рисков;
- оценку рисков;
- защиту от рисков, которая требуется в условиях нарушения или угрозы нарушения, неисполнения закона.

Прогнозирование рисков соответствует этапу разработки и принятия закона. На этом этапе важно полно и объективно изучить сложившиеся общественные отношения, требующие правовой регламентации, их уровень, ознакомиться с прежней практикой регулирования, оценить ее на предмет просчетов и ошибок, наличие рисков в прежних условиях, на основании чего сделать прогнозы предстоящих рисков ситуаций.

Отметим, что риски противодействия возникают в первую очередь по причине некачественного, неполного и неадекватного правового регулирования, которое затем ведет к несогласованности и непониманию адресатами положений закона, игнорированию его требований из-за их нецелесообразности и принципиальной неисполнимости, к нарушению положений закона. Именно поэтому процесс нейтрализации рисков противодействия начинается с прогнозирования и с обеспечения максимально полного и качественного правового регулирования. В связи с этим представляется весьма полезной практическая реализация идеи о введении в правотворческую сферу норморайтерства [7], обусловленная не столько качественным состоянием актов высшей юридической силы, сколько количественным [8, с. 358].

Минимизация риска противодействия может быть осуществлена рядом специальных средств, обеспечивающих решение задачи обеспечения качества нормативного содержания. Целым рядом нормативных документов предусмотрено проведение технико-юридического, правового, антикоррупционного, лингвистического экспертных исследований [9], а также оценки регулирующего воздействия [10].

Оценка рисков ситуаций противодействия корреспондирует этапу реализации его положений. Именно он становится лакмусовой

бумажкой результатов всей проведенной работы по прогнозированию: показывает упущения и просчеты в проведенном прогнозировании, реально возникающие риски и их развитие в конкретных отношениях, наиболее часто используемые средства противодействия и др. При этом надо иметь в виду, что средства, субъекты противодействия, причины, условия, формы могут быть самыми разнообразными, а не ограничиваться только противоправными вариантами поведения невластных субъектов.

В настоящее время есть сферы государственно-властной деятельности, в которых нередко происходит правомерное противодействие осуществлению закона. Ярким примером выступает налоговая служба. Вот один из множества примеров такого противодействия.

Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 243-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование» (в ред. от 28 декабря 2017 г.) [11] (далее — Закон) изменился порядок начисления и уплаты юридическими лицами страховых взносов, согласно которому обособленные подразделения юридического лица не могут производить названные операции без предварительного уведомления налоговых органов о том, что такие подразделения имеются и они наделены полномочиями по начислению и уплате страховых взносов. Плательщик страховых взносов на основании подпункта 7 пункта 3.4 статьи 23 Налогового кодекса Российской Федерации (ред. от 1 мая 2019 г.) [12] (далее — Кодекс) обязан сообщать в налоговый орган о наделении обособленного подразделения полномочиями (о лишении полномочий) по начислению выплат и вознаграждений физическим лицам в течение одного месяца со дня наделения полномочиями (лишения полномочий). При этом пунктом 2 статьи 5 Закона предусмотрено, что указанные положения Кодекса применяются только в отношении обособленных подразделений, которые наделяются полномочиями по начислению соответствующих выплат и вознаграждений после 1 января 2017 года.

Вроде бы норма вполне ясна. Однако налоговые органы, не обращая внимания на даты и правила, требовали подтверждения описанных выше полномочий от подразделений, созданных до 1 января 2017 года, и отказывали последним в принятии деклараций, выражая

причины своего решения в следующих формулировках: декларация (расчет) содержит ошибки и не принята к обработке; неправильное указание сведений о руководителе организации; представление налогоплательщиком (его представителем) налоговой декларации (расчета) в налоговый орган, в компетенцию которого не входит прием этой налоговой декларации (расчета); обособленное подразделение не наделено полномочиями.

На преодоление неудобств такой практики территориальных налоговых органов Министерство финансов Российской Федерации и Налоговая служба Российской Федерации стали соавторами письма от 23 января 2017 года № БС-4-11/993@ [13], в котором дали разъяснения по сложившейся ситуации.

На этом этапе основными средствами по нейтрализации рисков противодействия могут стать обобщения и обзоры реализации закона, правоприменительной практики. Важное значение при этом имеет введенный не так давно мониторинг правоприменения [14], в осуществлении которого задействованы основные исполнительные, правоохранительные органы и органы правосудия. Конечно, абсолютно все законы подвергнуть мониторинговой деятельности вряд ли удастся, а только органические, комплексные, архиважные при решении проблем правового регулирования отдельной сферы общественных отношений.

Кроме того, полагаем, что для решения задач оценки риска могут пригодиться и быть полезными средства, названные применительно к первому этапу, а именно оценка регулирующего воздействия. На сегодняшний день она проводится только в отношении проектов законов, однако ее природа и смысл не мешает осуществлять ее и на этапе реализации законов.

Однако при условии даже самого качественного и добросовестного выполнения всех указанных выше мероприятий полностью исключить риски нельзя, а продумать *защиту от них* возможно. В процессе осуществления закона успех нейтрализации рисков противодействия зависит от предусмотренных в нем самом, прежде всего, охранительных средств. Их набор в законах публично-правового характера и частноправового характера, на наш взгляд, должен различаться. В публично-правовом законе доминирующее положение занимают меры юридической ответственности, в частноправовом законе — меры защиты. При этом важно установить параметры распределения рисков противодействия между государством и ины-

ми заинтересованными лицами (субъектами правоотношений, которым делегировано право индивидуально-правового регулирования).

Эффективность применения охранительных средств, нейтрализующих риск противодействия или его последствия, предопределена продуманным механизмом распределения риска. Наиболее актуален и исследован этот механизм в отрасли гражданского права, которое регламентирует отношения частных лиц, построенных на началах самостоятельности и риска. Риск пронизывает все институты гражданского права [15, с. 52] и присущ всем или почти всем гражданско-правовым отношениям. Обеспечение стабильности, справедливости, равенства и гарантированности развития частноправовых отношений требует апробированного, действенного института распределения невыгодных имущественных последствий возникновения рисков ситуаций.

Названный механизм распределения риска имеет место не только в частном праве, но и в публичном. Так, при распределении социальных рисков в законодательных конструкциях Конституции Российской Федерации устанавливаются основы распределения рисков: одна их часть возлагается на организацию публичной власти (средства защиты социально-обеспечительной природы), другая — на гражданина (средства защиты трудовозрастной природы). Исходя из этого, формируется многоуровневая система защиты от рисков, включающая обязательные и факультативные формы [16].

Приведенная идея нейтрализации противодействия осуществлению закона далеко не безупречна, имеет весьма широкий спектр возможностей для критики, но также и потенциал для дальнейшей разработки. Вместе с тем, она ярко демонстрирует, что работа по обеспечению верховенства закона не ограничивается только разработкой качественного и финансово обеспеченного акта высшей юридической силы, а требует систематической и имманентно присутствующей всему процессу действия закона работе как правотворческих, так и правоприменительных субъектов, находящихся во взаимосвязи и использующих соответствующие средства нейтрализации рисков.

Примечания

1. URL: <https://ria.ru/20181227/1548822204.html> (дата обращения: 01.02.2019).

2. Синюков В.Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // Lex Russica. 2018. № 10. С. 18—29.

3. Сухова Н.И. Конструкция риска в механизме действия закона // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 357—361.

4. Афанасьев И.А. Социальный риск: методологические и теоретико-философские аспекты анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2004. 22 с.

5. Масловская Т.С. Риски в конституционном праве // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 17—25.

6. Тимофеев Н.С. Местное самоуправление как ожидание новогодней ночи (к 150-летию земства) // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 5. С. 52—58.

7. Баранов В.М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 16—29.

8. Давыдова М.Л. Профессия норморайтера: массовость или элитарность? // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 358—360.

9. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД (в ред. от 27 июля 2018 г.); О мерах по совершенствованию законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации (вместе с Положением о законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации): постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2009 г. № 389 (в ред. от 16 августа 2018 г.); Об обеспечении деятельности Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства: указ Президента Российской Федерации от 29 ноября 2003 г. № 1267 (в ред. от 18 июля 2008 г.); О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 1108 (в ред. от 27 июля 2014 г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2019).

10. О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 1 июня 2004 г. № 260 (в ред. от 7 октября 2017 г.); Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (в ред. от 3 августа 2018 г.); Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 3 августа 2018 г.); Об утверждении Методических рекомендаций по организации и проведению процедуры оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации: приказ Мин-

экономразвития России от 26 марта 2014 г. № 159 (в ред. от 26 июля 2016 г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2019).

11. Собрание законодательства РФ. 2016. № 27, ч. 1, ст. 4176; 2018. № 1, ч. 1, ст. 20.

12. Собрание законодательства РФ. 1998. № 31, ст. 3824; 2019. № 18, ст. 2225.

13. Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2017. № 5.

14. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации (вместе с Положением о мониторинге правоприменения в Российской Федерации): указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 (в ред. от 25 июля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 21, ст. 2930; 2014. № 30, ч. 2, ст. 4286.

15. Агарков М.М. Ценные бумаги на предъявителя // Очерки кредитного права. М., 1926. С. 39—81.

16. Федорова М.Ю. Конституционная коррекция правового механизма управления социальными рисками (на примере постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2016 г. № 1-П) // Российский юридический журнал. 2016. № 6. С. 143—154.

References

1. URL: <https://ria.ru/20181227/1548822204.html> (accessed 01.02.2019). (In Russ.)

2. Sinyukov V.N. Legislation in Russia: problems of social integration. *Lex Russica*, 2018, no. 10, pp. 18—29. (In Russ.)

3. Sukhova N.I. Construction of risk in the mechanism of action of the law. *Legal technique*, 2019, no. 13, pp. 357—361. (In Russ.)

4. Afanasiev I.A. Social risk: methodological and theoretical-philosophical aspects of the analysis: author's abstract... candidate of philosophical sciences. Saratov, 2004. 22 p. (In Russ.)

5. Maslovskaya T.S. Risks in constitutional law. *Journal of Russian law*, 2016, no. 12, pp. 17—25. (In Russ.)

6. Timofeev N.S. Local self-government as the expectation of new year's eve (the 150th anniversary of the Zemstvo). *Constitutional and municipal law*, 2014, no. 5, pp. 52—58. (In Russ.)

7. Baranov V.M. Normaliter as a profession. *Bulletin of the Saratov state Academy of law*, 2017, no. 6 (119), pp. 16—29. (In Russ.)

8. Davydova M.L. Profession normaliter: mass or elite? *Legal science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Russian interior Ministry*, 2018, no. 2, pp. 358—360. (In Russ.)

9. On Regulation of State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: resolution of the state Duma of the Federal Assembly of the Russian Federa-

tion of 22 January 1998, no. 2134-II GD (as amended on July 27, 2018); About measures on improving legislative activities of the Government of the Russian Federation (together with the regulations on legislative activities of the Government of the Russian Federation): the Russian Federation Government decree of 30 April 2009 no. 389 (as amended on August 16, 2018); About ensuring activities of the presidential Council of the Russian Federation on codification and enhancement of civil legislation: the decree of the President of the Russian Federation of November 29, 2003 no. 1267 (as amended on July 18, 2008); On improvement of the Civil code of the Russian Federation: the decree of the President of the Russian Federation of July 18, 2008 no. 1108 (as amended on July 27, 2014). Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 01.02.2019). (In Russ.)

10. About Regulations of the Government of the Russian Federation and regulations on government office of the Russian Federation: decree of the Government of the Russian Federation of 1 June 2004 no. 260 (as amended by October 7, 2017); About the General principles of organization of legislative (representative) and Executive bodies of state power of subjects of the Russian Federation: federal law of 6 October 1999 no. 184-FZ (as amended on August 3, 2018); About the General principles of organization of local self-government in the Russian Federation: federal law of 6 October 2003 no. 131-FZ (as amended on August 3, 2018); On approval of Methodological recommendations on organization and procedure of regulatory impact assessment of draft normative legal acts of constituent entities of the Russian Federation and examination of normative legal acts of constituent entities of the Russian Federation: the order of Ministry of economic development of Russia from March 26, 2014 no. 159 (as amended on July 26, 2016). Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 01.02.2019). (In Russ.)

11. *Collection of legislative acts of the RF*, 2016, no. 27, part 1, art. 4176; 2018, no. 1, part 1, art. 20. (In Russ.)

12. *Collection of legislative acts of the RF*, 1998, no. 31, art. 3824; 2019, no. 18, art. 2225. (In Russ.)

13. *Economics and life (Accounting application)*, 2017, no. 5. (In Russ.)

14. On the monitoring of law enforcement in the Russian Federation (together with the regulations on the monitoring of law enforcement in the Russian Federation): the decree of the President of the Russian Federation of 20 May 2011 no. 657 (ed. from 25 July 2014). *Collection of legislative acts of the RF*, 2011, no. 21, art. 2930; 2014, no. 30, part 2, art. 4286. (In Russ.)

15. Agarkov M.M. Bearer Securities. *Essays on credit law*. Moscow, 1926. Pp. 39—81. (In Russ.)

16. Fedorov M.Yu. The Constitutional correction of legal mechanism of social risk management (for example, decisions of the constitutional Court of the Russian Federation from January 14, 2016 no. 1-P). *The Russian legal magazine*, 2016, no. 6, pp. 143—154. (In Russ.)

УДК 34.01

DOI 10.24411/2078-5356-2019-10209

Цыбулевская Ольга Ивановна
Olga I. Tsybulevskaya

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина — филиал РАНХиГС (410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25)

doctor of science (law), professor, head of law theory department
Presidential Academy of National Economy and Public Administration — Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin (23/25 Sobornaya st., Saratov, Russian Federation, 410031)

E-mail: olga77.54@mail.ru

Милушева Татьяна Владимировна
Tatiana V. Milusheva

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина — филиал РАНХиГС (410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25)

doctor of science (law), associate professor, head of civil law and procedure department
Presidential Academy of National Economy and Public Administration — Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin (23/25 Sobornaya st., Saratov, Russian Federation, 410031)

E-mail: mtv62@mail.ru

Свобода и достоинство личности: философский и правовой аспекты

Freedom and human dignity: philosophical and law aspects

Проблема соотношения свободы, ответственности и достоинства личности является ключевой в системе эффективного функционирования общества и государства. Ответственность имеет нравственную природу. Она интегрирована из идей, чувств, переживаний субъектом полной причастности к социально значимой деятельности и отчетности за нее как перед самим собой, так и перед обществом.

Ключевые слова: свобода, достоинство личности, права человека, право, ответственность, автономия личности.

The issue of correlation of freedom, responsibility and human dignity is crucial for effective functioning of the society and the state. Responsibility has morale essence and integrates such things as ideas, feelings, and human's willingness to be involved in social activity and to account for their actions to the society.

Keywords: freedom, human dignity, human rights, law, responsibility, human autonomy.

Поиск идей, способных преодолеть духовно-нравственные, социокультурные, социально-экономические коллизии в государственно-общественном устройстве России — насущная проблема современности. В связи с этим важнейшим приоритетом становится переосмысление феноменов свободы и достоинства личности в контексте формирования правового государства, утверждение их в качестве

ориентиров, определяющих контуры развития общества.

Свобода — сложнейший и глубоко противоречивый феномен жизни личности и общества. Человек во все времена своего исторического существования стремился к свободе. За свободу боролись, свободу отстаивали, часто не щадя собственной жизни, так как это не только фундаментальное свойство человека, но и

© Цыбулевская О.И., Милушева Т.В., 2019

необходимая форма существования здорового общества.

В иерархии духовных ценностей западной правовой традиции свобода является базовой. В России, с одной стороны, нравственная ценность свободы неоправданно низка и в полной мере не осознана большей частью общества, с другой стороны, многие отмечают ее очевидный дефицит [1]. Противоречивое восприятие и даже неприятие свободы в российском обществе во многом вызвано неопределенностью идеолого-политической парадигмы развития страны, которая трансформируется от либерализма к суверенной демократии как основы неоконсерватизма.

В историческом аспекте понятие свободы прошло длительную эволюцию. Проблема свободы индивида разрабатывалась И. Кантом, Г.В.Ф. Гегелем, А. Шопенгауэром, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартром, К. Ясперсом, Н.А. Бердяевым, В.С. Соловьевым. В течение столетий выработано множество дефиниций свободы, порой не совместимых друг с другом. Единого определения свободы не существует.

Безусловно, свобода — прежде всего философское, этическое понятие, но в качестве социального феномена она проявляется в различных сферах: идеологической, правовой, политической, экономической.

В нравственной философии принято выделять несколько аспектов понимания свободы. При первом подходе свобода трактуется как познанная необходимость. Сегодня подобная точка зрения критикуется многими учеными [2, с. 39], поскольку при таком понимании свободы, по сути, не остается места для независимого выбора, осуществляемого самим человеком. Вместе с тем, нельзя отрицать, что содержание свободы детерминировано культурно-историческими особенностями формирования конкретного социума, а также социально-экономическими факторами его преобразования и развития.

Второй подход, интерпретирующий свободу как выбор того или иного варианта поведения, тесно соприкасается с проблемами свободы воли, границ свободы, ответственности, демократии.

При третьем подходе ученые исходят из экзистенциального толкования свободы как основания человеческого бытия, условия и способа самореализации индивида, включая свободу духа, которая реализуется даже при отсутствии социальной свободы. С точки зрения философов-экзистенциалистов, свобода проявляется, во-первых, через имманентное сопряжение с

личной ответственностью и, во-вторых, через включенность личности в публичное пространство всеобщих взаимосвязей. Из этого следует, что самосовершенствование личности является основой развития свободы и достоинства в общественной жизни. Именно такая свобода и способность ею пользоваться является источником чувства собственного достоинства, присущего человеку.

Философское осмысление свободы не нормативно, так как свобода не есть обязательное к исполнению правило, регулирующее отношения между людьми. Она ориентирует на должное, а не на сущее и являет собой многомерный, как и сам человек, социальный идеал.

Наиболее рельефно свобода проявляет себя в сфере права. Именно здесь этот феномен получает необходимое правовое основание и гарантию в форме юридической свободы. По точному замечанию, «свобода приходит в мир и утверждается в нем в невидимом, но прочном одеянии права» [3, с. 24]. В понимании итальянского правоведа Б. Леони свобода представляет собой прежде всего правовое понятие, потому что из него следует целый комплекс правовых последствий [4, с. 18].

В теоретической юриспруденции по поводу соотношения свободы и права существуют и иные точки зрения. Так, В.П. Малахов полагает, что по отношению к праву как совокупности правил вопрос о свободе невозможен, в противном случае он становится политическим иносказанием, притчей (идеологией) [5, с. 106]. В.В. Лазарев прямо указывает, что именно несвобода является фундаментальной ценностью для понимания права вопреки либертаристским утверждениям [6, с. 32].

Как представляется, ответ на данный вопрос не может быть однозначным. Во-первых, не стоит преувеличивать принудительный, ограничительный аспект права. Принудительность — одна из особенностей права, но отнюдь не его суть. Во-вторых, решение данного вопроса зависит от правопонимания. В позитивистской традиции свобода мыслится в качестве дара личности от государства. Государство допускает свободу в определенной мере, в какой она полезна для самосохранения и сохранения общества.

При непозитивистском (естественно-правовом, либертарном) подходе человек, его права и свободы признаются высшей ценностью. Презюмируется, что права человека и есть проявление присущей ему свободы [7, с. 29]. Автономия воли индивида образует фундамент

нравственного сознания; от того, свободен человек или нет, зависит его способность к осознанному выбору.

Рассуждая о соотношении свободы и права, необходимо разграничивать юридический и фактический смысл данного феномена. Правовая свобода абстрактна от реальных условий ее осуществления, она формальна. В ее основе лежит свобода выбора. Множество вариантов выбора становится условием расширения индивидуальной свободы. В сфере права обычно речь идет не о свободе как таковой, а о мере свободы. По мнению Н.А. Бердяева, право — «лишь минимум человеческой свободы» [8]. Т. Гоббс считал, что «законы придуманы не для прекращения человеческой деятельности, а для ее направления, подобно тому, как природа создала берега не для того, чтобы остановить течение реки, а чтобы направлять его. Мера свободы должна определяться благом граждан и государства» [9, с. 410]. Если же мера свободы в праве сведена к нулю (к полной несвободе), то отношения утрачивают правовой характер [10, с. 51]. Совершенно очевидно, что истинным источником свободы право не является. Оно — лишь форма, логически и исторически предназначенная упорядочивать свободу, определять ее границы и формы реализации.

Понятие свободы тесно связано с идеей достоинства личности. Содержание категории «человеческое достоинство» включает такие составляющие, как ценность человека, ценность конкретной личности (достоинство личности), ценность представителя определенной общности людей, чувство собственного достоинства, уважение к себе, внешнее проявление осознания своей значимости, чести [11, с. 67].

Личностное самосознание человека начинается с осмысления ценности свободы как основы и всеобщего условия аксиологического измерения, в том числе и достоинства личности. Универсальная идея ценности человека не сводится к идее его полезности. Она, прежде всего, определяется мерой ответственности личности, обусловленной ее нравственным выбором.

Быть личностью не просто. Формирование личности — непрекращающийся процесс, который проявляется в постоянной работе над собой, анализе своих поступков, их внутренней мотивации. Эти усилия обеспечиваются развитым правосознанием, автономной волей субъекта, чувством собственного достоинства, создающие в конечном итоге умения относиться к другим людям как к равным по праву. По замечанию Ю. Хабермаса, достоинство челове-

ка — понятийный шарнир, который сочленяет мораль равного уважения к каждому с позитивным правом и демократическими правовыми декларациями [12].

Идея человеческого достоинства является источником прав человека, которые призваны служить его защите. Благодаря правам человека достоинство укореняется в государственно-гражданском статусе, который приобретают граждане в процессе сознательного созидания конституционного государства. В этом смысле обеспечение политических прав способствует формированию демократического правопорядка, гарантирующего равное уважение граждан в их человеческом достоинстве.

Личность, отстаивая свои субъективные права, руководствуется чувством собственного достоинства, самоуважения. Выбирая вариант поведения, индивид следует двум важнейшим ориентирам: во-первых, никогда не поступаться общечеловеческими ценностями; во-вторых, осознавать пределы своих прав.

Внутренняя готовность к свободе — определенная обязанность человека. По утверждению философов, внешняя свобода есть продолжение внутренней свободы, и нельзя освободить человека внешне более того, чем он свободен внутренне. Человек, не освободивший себя внутренне, не может быть творцом внешней, общественной свободы, в лучшем случае становится лишь ее пассивным участником. История не один раз подтверждала эту незыблемую истину.

В начале реформ 1990-х годов общество буквально «упивалось» обрушившейся на него свободой «без берегов», воспринимаемой как освобождение от всех законов, в том числе нравственных.

Результаты социологического исследования проблем свободы человека в современной России свидетельствуют о том, что в последнее пятнадцатилетие идеологическая парадигма общественного развития трансформировалась от либерально-индивидуалистской к патерналистской. Сегодня само государство не только не пытается бороться с проявлениями патернализма, но, напротив, усиливает патерналистские настроения в обществе через риторику угроз и защиты [14].

Патерналистское государство считает своих граждан неспособными без своего содействия к осмыслению происходящего и к принятию самостоятельных решений. Следовательно, патернализм — это своего рода защита человека от него самого. В основе патернализма лежит принцип гетерономии человеческой воли, суть

которого — навязывание человеку правил жизни извне, вследствие чего он не является полновластным хозяином своей воли. «Недеееспособность» человека, обусловленная гетерономией воли, приводит в конечном итоге к формированию в массовом сознании ощущения беспомощности, несамостоятельности и, как следствие, зависимости от государства. Патерналистская модель взаимоотношений между государством и гражданином подразумевает неравноправие между ними. Государство в такой модели отношений выступает в качестве патрона, опекуна; гражданин и общество в целом — защищаемого опекаемого, и в целях этой защиты, то есть ради блага опекаемого, на него налагаются определенные ограничения в правах. В конечном итоге становится невозможным существование права в подлинном смысле этого слова — право на свободу.

Вывести людей из рабского состояния не означает снять с них оковы: нужно помочь им перестать в них нуждаться [15, с. 339]. Важнейшая задача общества и государства — воспитание в гражданах способности к свободе. Духовная зрелость, как правило, способствует обретению политической свободы. Однако для того чтобы воспитывать свой народ в духе свободы, свободным правосознанием должны обладать и общество, и государство.

Стереотипы общественного поведения: «начальству видней», «мы — люди маленькие» и т. п. отражают стремление гражданина быть подале от «опасной» сферы политики, от государственной власти, максимально от них дистанцироваться [16, с. 76]. Дефицит сознательно волевого начала в поведении людей неизбежно приводит к издержкам государственно-властного управления.

Очевидно, что подлинная свобода может реализоваться лишь в определенных условиях, среди которых исторически сложившаяся внутренняя и внешняя правовая культура граждан, базирующаяся на фундаменте нравственности и выступающая средством общественного регулирования индивидуального поведения.

Анализируя российские политико-правовые реалии, следует констатировать, что питательной средой современных социальных аномалий является игнорирование обществом такого незыблемого элемента правового статуса, как достоинство, которое не получило должного уважения и гарантий в первую очередь со стороны государства. Идея высшей ценности человека, основанная на утверждении его прав и свобод, идет вразрез с практикой их реали-

зации, поскольку объем правовой свободы нормируется сегодня государством исходя из его собственного представления о свободе как нормативной категории. Между тем прав Крингс, выражающий кантовский тезис через идею цены свободы: государство не может создать свободы. Свободу может создать только личность. «Цена свободы — это признание личностью свободы других личностей, взаимное признание свободы» [17].

Принцип уважения достоинства личности налагает определенные ограничения в первую очередь на процесс законотворчества, в рамках которого абстрактно формулируются основные права. Исследуя проблему соотношения свободы и закона, Б. Леони призывает отказаться от законодательства при его использовании исключительно в качестве средства подчинения меньшинства, а также в случае, когда люди могут достичь своей цели вне зависимости от решения конкретной социальной группы или при возникновении хотя бы тени сомнения в преимуществе законодательного процесса по сравнению с иными способами, определяющими правила человеческого поведения. Кроме того, законодатель не правомочен самостоятельно устанавливать правила поведения людей, находящихся в его юрисдикции, без сотрудничества со всеми, кого это касается [4, с. 29, 34].

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Э.А. Памфилова отмечала в Докладе 2015 года опасность расцвета «правоограничительного» законотворчества [18]. К сожалению, данная тенденция сохраняется и, более того, нарастает сегодня. История всего XX века показывает, что ограничение государством гражданской активности, полная зависимость общества от государства приводят к негативным последствиям.

Проблема свободы и достоинства личности имманентно связана с категорией ответственности. Очевидно, что не детерминированной ничем свободы не бывает. Свобода всегда имеет границы, связанные с главными критериями человеческого бытия — нравственностью, правовой культурой, ответственностью. По справедливому замечанию С.А. Котляревского, «свобода есть самоограничение, естественным следствием которого является ответственность» [19, с. 351]. Будучи важнейшей духовной ценностью, ответственность предопределяется способностью личности оценивать свои поступки, осознавать свое место и роль в жизни, иными словами, зависит от механизма внутренней

регуляции поведения индивидом, его внутреннего контроля.

Одной из наиболее значимых проблем современного общества, как указывает Н.С. Бондарь, является поиск баланса между безусловными ценностями конституционализма: свободой, властью, собственностью [20, с. 64]. Соглашаясь с мнением ученого, вместе с тем следует отметить, что в данной триаде явно не хватает категории ответственности. Дистанцированность свободы от ответственности — наиболее острая проблема реальной действительности.

Уровень эффективности социальной ответственности субъектов власти обусловлен качеством реализации ими должностных полномочий, в которых и находит свое проявление сущность и социальное назначение государства.

В аксиологическом аспекте ответственность властных субъектов может быть выражена через права и обязанности, являющиеся, по сути, моральными феноменами. Нравственная природа юридической обязанности предполагает иерархическую соподчиненность ценностей социальной справедливости, интереса, совести, вины, долженствования и позитивной ответственности. Субъективная сторона ответственности представителей власти характеризуется мотивами, целями их поведения, а также их отношением к предъявляемым требованиям со стороны общества. Ответственное поведение властного субъекта (как, впрочем, любого иного лица) обусловлено моральными, правовыми, политическими убеждениями, уровнем образования, культуры, его мировоззрением в целом. Личная ответственность предполагает прежде всего сознательное отношение к последствиям тех или иных действий, продиктованных убеждением в их необходимости.

Бедность и политическая несвобода, бесспорно, не являются исключительно экономическими или политическими проблемами современного общества. До тех пор, пока человек перекладывает ответственность на безликие корпоративные институты, забывая о том, что право является не только выразителем свободы, но и обязанности и ответственности, они не будут устранены. Н.И. Матузов верно подметил: «Мысль о том, что демократия предполагает не только права, но и обязанности, сама по себе банальна, но от этого она не перестает быть вечно актуальной и практически значимой. Более того, когда эта бесспорная истина преда-

ется забвению, возникают серьезные проблемы...» [2, с. 281, 283].

Таким образом, свобода, ответственность, достоинство личности — взаимосвязанные, взаимообусловленные явления, в значительной мере детерминированные национальной спецификой. Понимание свободы во многом обусловлено моделью взаимоотношения государства и личности, отношением государства к правам человека, уровнем развитости правосознания, правовой и политической культурой. История развития России с неизменным постоянством доказывает, что в общественном сознании свобода понимается преимущественно как вседозволенность на фоне заниженной личной самооценки, невосприятости ответственности как личного морального и правового долга.

Безусловно, необходимы дальнейшие научные философско-правовые исследования в области обозначенных проблем. Мера соотношения органической взаимозависимости феноменов свободы и ответственности может быть выявлена из анализа таких категорий философии права, как ценность, интерес, благо, долг, совесть, добро. Особенно важно исследование перечисленных понятий в контексте формирования концепции персональной ответственности властных субъектов, отправной точкой которой является изменение отношения к обязанностям, долгу, составляющим значимый аспект их мировоззрения.

При всех зигзагах истории, человечество в целом движется в направлении утверждения гуманистических идеалов, нравственного прогресса. Такие «личностные измерения» человека, как свобода, справедливость, достоинство расширяют и обогащают представления о человеке. Именно они обуславливают и устройство общества, и его соотношение с государством. Императивом развития человека и человечества в эпоху глобализации должно стать формирование личности, способной брать на себя груз личных и общечеловеческих проблем. Единственный путь дальнейшего выживания и достойного существования человека предполагает наличие высочайшей степени духовной свободы и социальной ответственности.

Осознание права как меры свободы и ответственности, понимание значимости идеи достоинства личности в качестве нравственной основы построения правового государства пока еще не получили должного отклика ни у общественности, ни у власти и остаются актуальными в политической повестке дня.

Примечания

1. Поляков А.В. Дефицит свободы как политико-правовая проблема // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 4. С. 37—56.
2. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003.
3. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М., 1997.
4. Леони Б. Свобода и закон / пер. с англ. В. Кошкина; под ред. А. Куряева. М., 2008.
5. Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории. М., 2013.
6. Лазарев В.В. Теория государства и права в науке, образовании, практике. М., 2016.
7. Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М., 1993.
8. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. (Сер.: «Из истории отечественной философской мысли».)
9. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М., 1989. Т. 1.
10. Варламова Н.В. Правоотношения: философский и правовой подходы // Правоведение. 1991. № 4.
11. Цыбулевская О.И., Власова О.В. Достоинство личности и гражданское общество. Саратов, 2008.
12. Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 66—80.
13. Шабанова М.А. Институционально-правовая свобода в меняющемся обществе // Полис. 1996. № 3. С. 52.
14. Захарова О.В. Официальный дискурс прав человека в посткоммунистической России: от либерализма к патернализму // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 82—93.
15. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве // Собр. соч.: в 10 т. / сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М., 1994. Т. 4.
16. Оболонский А.В. Политический цинизм: концепт, практика, альтернатива // Общественные науки и современность. 2016. № 2.
17. Философский словарь: основан Г. Шмидтом / под ред. Г. Шишкофф, В.А. Малинина. М., 2003. 576 с.
18. Панфилова Э.А. Доклад Уполномоченного по правам человека за 2015 г. URL: <http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/appeals/d2015w.pdf> (дата обращения: 20.03.2019).
19. Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. СПб., 2001.
20. Бондарь Н.С. Философия российского конституционализма: в контексте теории и практики конституционного правосудия // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. М., 2010.

References

1. Polyakov A.V. Freedom deficit as a political and law problem. *Articles of State and Law Institute*. 2018. Vol.13. № 4. Pp. 37—56. (In Russ.)
2. Matuzov N.I. *Actual problems of law theory*. Saratov, 2003. (In Russ.)
3. Nersesyants V.S. *Law philosophy: textbook*. Moscow, 1997. (In Russ.)
4. Leoni B. *Freedom and law*. Moscow, 2008. (In Russ.)
5. Malakhov V.P. *Myths of general law theory*. Moscow, 2013. (In Russ.)
6. Lazarev V.V. *State and Law theory in science, education, and practice*. Moscow, 2016. (In Russ.)
7. Chetvernin V.A. *Democratic constitutional state: introduction to the theory*. Moscow, 1993. (In Russ.)
8. Berdyaev N.A. *Philosophy of freedom. The meaning of creating*. Moscow, 1989. (In Russ.)
9. Gobbs T. *Work: in 2 vol*. Moscow, 1989. Vol. 1. (In Russ.)
10. Varlamova N.V. *Legal relationship: philosophical and jural approaches*. *Pravovedenie*, 1991, no. 4. (In Russ.)
11. Tsybulevskaya O.I., Vlasova O.V. *Human dignity and civil society*. Saratov, 2008. (In Russ.)
12. Habermas J. *The concept of human dignity and the realistic utopia of human rights*. *Problems of Philosophy*, 2012, no. 2, pp. 66—80. (In Russ.)
13. Shabanova M.A. *Institutional and law freedom in a changing society*. *Polis*, 1996, no. 3. (In Russ.)
14. Zakharova O.V. *Official discourse of human rights in post communist Russia: from liberalism to paternalism*. *Social sciences and modern time*, 2016, no. 2, pp. 82—93. (In Russ.)
15. Ilin I.A. *General theory of law and the state*. *Collection of works: in 10 vol*. Moscow, 1994. Vol. 4. (In Russ.)
16. Obolonsky A.V. *Political cynicism: concept, practice, alternative*. *Social sciences and modern time*, 2016, no. 2. (In Russ.)
17. *Philosophical dictionary: based by G. Shmidt*. Moscow, 2003. 576 p. (In Russ.)
18. Panfilova E.A. *Report of human rights commissioner in 2015*. URL: <http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/appeals/d2015w.pdf> (accessed 20.03.2019). (In Russ.)
19. Kotlyarevsky S.A. *Power and law. Problem of legal state*. St. Petersburg, 2001. (In Russ.)
20. Bondar N.S. *Philosophy of Russian constitutionalism: in the context of theory and practice of constitutional justice*. *Philosophy of law in the light of constitutionalism and constitutional economy*, Moscow, 2010. (In Russ.)

УДК 343

DOI 10.24411/2078-5356-2019-10210

Александрова Ирина Александровна
Irina A. Aleksandrova

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

doctor of sciences (law), associate professor, professor of the department of criminal and penal law
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: iren-nno@mail.ru

Сафарзода Анвар Ислон
Anwar I. Safarzoda

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и противодействия коррупции

Таджикский национальный университет (734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 17)

candidate of sciences (law), associate professor, head of the department of criminal law and anti-corruption

Tajik National University (17 Rudaki av., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025)

E-mail: anvar_safarov85@mail.ru

Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за незаконную банковскую деятельность

Improvement of criminal legislation on liability for illegal banking activities

Целью исследования является поиск эффективного и соразмерного уголовно-правового средства противодействия незаконной банковской деятельности. Авторами оценивается состояние уголовного законодательства об ответственности за незаконную банковскую деятельность Республики Таджикистан и Российской Федерации в целях его совершенствования и учета положительного опыта противодействия финансовым преступлениям.

Ключевые слова: незаконная банковская деятельность, финансовые преступления, совершенствование уголовного законодательства.

The aim of the study is to find effective and proportionate criminal legal means to combat illegal banking activities. The authors assess the state of criminal legislation on liability for illegal banking activities of the Republic of Tajikistan and Russian Federation in order to improve it and take into account the positive experience of combating financial crimes.

Keywords: illegal banking operations, financial crime, improve the criminal law.

Одним из значимых направлений уголовной политики любой страны является противодействие «финансовым преступлениям» [1], которые представляют большую опасность для государства, населения и бизнеса. Уголовно-правовые средства используются для под-

держания стабильности финансовой системы и установленного порядка осуществления банковской деятельности как ее основы.

Преступления в сфере банкинга подрывают финансовую устойчивость государства, веру в надежность финансовых инструментов, соз-

© Александрова И.А., Сафарзода А.И., 2019

дают реальную угрозу имущественных потерь государству, репутации банков, собственности юридических и физических лиц.

Достаточно вспомнить громкие уголовные дела [2] о незаконной банковской деятельности Сергея Мазина, Вадима Рыбальченко и других, незаконно обналичивших в России более 120 млрд рублей. Теневые дельцы препятствуют осуществлению деятельности законопослушного бизнеса, уклоняясь от уплаты налогов, причиняют ущерб бюджетной системе. Потерпевшими от преступления в сфере банкинга выступают тысячи физических и юридических лиц, денежные средства и (или) иное имущество которых вовлекается в незаконный оборот. Финансовые потери, причиненные такими преступными деяниями гражданам, организациям или государству, велики, и возместить эти убытки весьма затруднительно.

В основе такой незаконной/неразрешенной деятельности лежит жажда наживы — получение дохода преступным путем в нарушение правил осуществления деятельности финансовых организаций. Совершение незаконной банковской деятельности может сопровождаться незаконным образованием (созданием, реорганизацией) юридического лица, незаконным использованием документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица, легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества и другими общественно опасными деяниями.

Угроза безопасности экономики и правам лиц от преступлений, связанных с незаконной банковской деятельностью, усугубляется трудностями выявления, раскрытия и реализации уголовной ответственности за их совершение.

Выявление и расследование финансовых преступлений — одно из приоритетных направлений деятельности ЭБиПК. Так, из выявленных в России за 2018 год 29 833 преступлений в кредитно-финансовой системе 28 906 выявлено сотрудниками ОВД, 3 632 из которых направлены в суд [3]. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 1 полугодие 2018 года осуждено за незаконную банковскую деятельность по части 1 статьи 172 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) — 2 человека, по части 2 статьи 72 УК РФ — 105 человек, за фальсификацию финансовых документов учета и отчетности финансовой организации по части 1 статьи 1721 — 1 человек, за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических

лиц и (или) юридических лиц в особо крупном размере (ч. 2 ст. 1722 УК РФ) — 2 человека [4]. Статистические данные привлечения лиц к уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконной банковской деятельностью, весьма красноречиво свидетельствуют о степени эффективности правового механизма их противодействия и обуславливают внимание научного сообщества [5] и законодателя к вопросам совершенствования уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования в этой сфере.

Сложности противодействия данному виду преступности существуют как в России, так и в Республике Таджикистан. Поскольку наши государства произошли из одной общей правовой семьи, поскольку примерно в одном направлении мы двигаемся в условиях становления рыночной модели экономики наших стран, постольку проблемы в уголовно-правовом строительстве по данному направлению у нас сходные.

Обратимся к состоянию уголовно-правового противодействия финансовым преступлениям в Республике Таджикистан. В Республике Таджикистан стабильность в финансовой сфере поддерживается посредством установления уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность (ст. 263 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее — УК РТ)). Диспозиция данной правовой нормы отличается от аналогичного запрета, существующего в российском уголовном законе.

Преступление, предусмотренное статьей 263 УК РФ, помимо признаков отсутствия регистрации или лицензии, если она обязательна, предполагает осуществление незаконной банковской деятельности с *нарушением условий лицензирования* лицом, обязанным такое разрешение поручить. Нарушение порядка получения лицензии Национального банка Республики Таджикистан и регистрации учреждения или вида деятельности, условий лицензирования влечет за собой уголовную ответственность, если в результате содеянного наступили социально опасные последствия, которые определены альтернативно как крупный ущерб, причиненный государству, организациям или гражданам либо как извлечение дохода в крупном размере.

В Законе Республики Таджикистан «О банковской деятельности» от 19 мая 2009 года № 1154 (ред. от 27.11.2014) (далее — Закон РТ № 1154) [6] устанавливает перечень видов такой деятельности, где наравне с банковскими операциями определяются и «другие сделки

кредитных организаций», которые не относятся к банковским операциям. Исходя из этого, есть предложение дополнить диспозицию статьи 263 УК РТ наряду с термином «банковские операции» дефиницией «или другие сделки кредитных организаций», перечень которых закреплен в части 3 статьи 3 данного Закона.

Практика привлечения к ответственности за осуществление банковской деятельности или совершение банковских операций без лицензии, когда эта лицензия обязательна, в Республике Таджикистан далека от совершенства. В подтверждение можно привести соответствующие примеры правоприменения. Так, З.Т.Р. по предварительному сговору с М.П.П., начиная с апреля 2011 года по май 2015 года умышленно с целью получения денежной прибыли незаконно без специального разрешения (лицензии) Национального банка Таджикистана и регистрации в налоговых органах, открывая пункт обмена валюты в городе Душанбе, занимались предпринимательской деятельностью, осуществляя банковские операции, нанося крупный материальный ущерб на общую сумму 521 653 сомони. Суд района Фирдавси действия З.Т.Р. и М.П.П. оценил по пункту «б» части 2 статьи 259 и пункту «б» части 2 статьи 263 УК РТ как незаконное предпринимательство и незаконная банковская деятельность [7].

Как правильно отмечается в научной литературе, «банковская деятельность является разновидностью предпринимательской деятельности» [8, с. 44—45], отсюда состав преступления, предусмотренный статьей 263 УК РТ, является специальным по отношению к составу преступления, предусмотренному статьей 259 УК РТ. Банковская деятельность может осуществляться только в соответствии с правилами регистрации и лицензирования, установленными Национальным банком Таджикистана. Осуществление банковской деятельности с нарушением установленного порядка или лицензионных условий является противоправным.

Однако судебная практика показывает, что осуществление банковских операций без лицензии с иностранной валютой квалифицируется в Республике Таджикистан не только по статье 263 УК РТ «Незаконная банковская деятельность», но по совокупности со статьей 259 УК РТ «Незаконное предпринимательство». Так, О.Ф.Х. с января 2014 года по июнь 2015 года без соответствующего разрешения в пункте обмена валют, находящегося в ООО «Корвон» города Душанбе, занимался обменом иностранной валюты в крупном размере. Его действия квали-

фицированы по пункту «б» части 2 статьи 259 УК РТ и пункту «б» части 2 статьи 263 УК РТ как незаконная банковская деятельность и незаконное предпринимательство в особо крупном размере [9] в нарушение положений о конкуренции уголовно-правовых норм. Приведенная квалификация ошибочна. Действия виновного должны оцениваться только по статье 263 УК РТ как незаконная банковская деятельность, так как при конкуренции общей и специальной нормы предпочтение отдается специальной норме.

Закон РТ № 1154 (ст. 7) обязывает кредитные организации получать лицензию, без лицензии осуществлять банковскую деятельность вправе только Национальный банк Таджикистана согласно статье 8 Закона РТ «О Национальном банке Таджикистана» от 28 июня 2011 года [10]. Если кредитная организация осуществляет банковские операции по лицензии, приобретенной незаконно, какова должна быть квалификация содеянного? Некоторые ученые считают, что такую деятельность следует квалифицировать как банковскую деятельность с нарушением условий лицензирования, то есть незаконную [11, с. 85]. Другие не согласны с такой формой квалификации, поскольку в данном случае банковская деятельность осуществляется лицом, зарегистрированным в установленном порядке и имеющим лицензию. В связи с тем что руководитель кредитной организации может быть не поставлен в известность о нарушениях законодательства при получении лицензии, а лицо, совершившее эти действия, может не участвовать в осуществлении банковской деятельности, данные действия не подлежат квалификации по статье 263 УК РТ [12, с. 167]. Поскольку неправомерное получение лицензии является отдельным преступлением, постольку необходимо сначала выяснить, какие неправомерные деяния были совершены, а затем уже решать вопрос о привлечении виновного к ответственности.

Осуществление банковской деятельности (банковских операций) без специального разрешения (лицензии) в тех случаях, когда получение такого разрешения (лицензии) обязательно, имеет место даже тогда, когда организация зарегистрировалась в качестве кредитной организации и получила право на осуществление определенных видов банковских операций (лицензию), но осуществляет банковские операции, которые выходят за рамки имеющегося разрешения, либо лицензия досрочно отозвана или потеряла свою юридическую силу по каким либо причинам.

Условиями уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность являются: наступление неблагоприятных последствий — в крупном размере причиненного ущерба либо извлеченного — что выступает материальным основанием и формальной характеристикой криминальной деятельности лица.

Российское уголовное законодательство продвинулось несколько дальше в разработке мер противодействия финансовым преступлениям. В новых условиях партнерства государства и бизнеса реформированный УК РФ расширил возможности применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за финансовые преступления. По замыслу российского законодателя, внесение большего количества изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации, в соответствии с которыми предусматривается уголовная ответственность за отдельные общественно опасные действия в финансовой сфере, позволит адекватно реагировать на активизацию деятельности «финансовых пирамид», фальсификацию бухгалтерской отчетности, учетных записей, счетов и финансовых отчетов компаний [13].

Начиная с 2016 года в России появилось сразу несколько специальных составов преступлений (ст. 172.1, 172.2, 172.3 УК РФ), выделенных из общей нормы статьи 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность», запрещающей действия по осуществлению незаконных (без регистрации или обязательной лицензии, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере) банковских операций (ст. 5 Закона РФ от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 27.12.2018)) [16], включая размещение денежных средств физических и юридических лиц, открытие и ведение банковских счетов таких лиц, перевод денежных средств, инкассацию и кассовое обслуживание, куплю-продажу иностранной валюты.

Деятельность по организации финансовых пирамид (инвестиционных, благотворительных) квалифицировалась ранее по статье 159 «Мошенничество» УК РФ при условии причинения в результате ее функционирования ущерба участникам (вкладчикам), введенным в заблуждение относительно характера используемых финансовых инструментов. Теперь организация «финансовых пирамид» за счет привлеченного имущества (денежных средств) расценивается

как преступление (ст. 172.2 УК РФ) вне зависимости от способа воздействия на потенциального ее участника, используемого виновным. Признается социально опасным любое манипулирование низменными чувствами (жаждой наживы) до степени отнесения деяния к преступлению (деяния, при отсутствии признаков обмана, являющегося по характеру гражданско-правовым).

Отметим, что новая норма, дополнив главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», сузила сферу применения статьи 159 УК РФ.

Теперь включены в главу 22 УК РФ нормы об ответственности за фальсификацию финансовых документов учета и отчетности финансовой организации, в целях сокрытия признаков банкротства либо оснований для отзыва (аннулирования) у организации лицензии и (или) назначения в организации временной администрации (ст. 172.1 УК РФ); за сокрытие денежных средств, фактически размещенных физическими лицами или индивидуальными предпринимателями путем невнесения о них сведений в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации (ст. 172.3 УК РФ).

В основу формулирования преступлений, описанных в статьях 172.1, 172.3 УК РФ, легли действия, способствующие введению в заблуждение субъектов финансовых отношений, уполномоченных принимать решения в финансовой системе Российской Федерации. По сути оба новых преступления, сформулированных российским законодателем, представляют собой фальсификацию как способ сокрытия правонарушений в финансовой сфере. Данные общественно опасные деяния, связанные с банковской деятельностью, совершаются лицом, предоставляющим в нарушение требований законодательства Российской Федерации финансовые услуги, использующим в финансовой сфере мошенническую бухгалтерию.

Так, 20 января 2016 года за фальсификацию отчетности Банка Дорогомилевским районным судом города Москвы привлечен к уголовной ответственности по статье 172.1 УК РФ гр. Мельников В.В. — бывший заместитель Председателя Правления Банка [15]. Ранее факты фальсификации финансового положения организаций оценивались как стадия предварительной преступной деятельности, направленной на совершение мошенничества, преднамеренного банкротства, манипулирование финсведениями и финотчетностью, что при наличии признаков состава преступления позволяло вменять при-

своение или растрату, злоупотребление полномочиями.

Теперь правоприменитель обязан выявлять финансовые преступления и привлекать лиц, их совершивших, к уголовной ответственности по-новому, новеллы призваны «упростить правоприменение» [16, с. 18]. Эффективность противодействия финансовым преступлениям, оказывающим негативное влияние на российский финансовый рынок, ущерб от которых несоизмерим, поставлена в зависимость от конкретизации правонарушения, которое может привести к уголовной ответственности лица, его совершившего.

После дифференциации российского законодательства о мошенничестве в зависимости от сферы поражаемых экономических отношений [17] (в частности, внесение в УК РФ отдельных положений о мошенничестве для субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности) установление специальных норм к составу «незаконная банковская деятельность» вполне объяснимо. Если от материнского состава мошенничества отпочковалось предпринимательское мошенничество, не удивляет привнесение в УК РФ более узких норм, описывающих уголовно наказуемое недобросовестное (с намерением обмануть) поведение субъекта в сфере предпринимательской деятельности, заключающееся в фальсификации или создании «финансовых пирамид».

Содержание российских законодательных решений [18] «в части усиления уголовной ответственности за преступления в финансовой сфере» [19] привлекает внимание таджикских ученых, исследующих проблемы поддержания правопорядка уголовно-правовыми средствами в сфере предпринимательской деятельности в Республике Таджикистан. Впрочем, и российским коллегам интересен современный правовой опыт противодействия этому виду преступности в Таджикистане.

Действующие меры уголовно-правового воздействия на незаконную банковскую деятельность, закрепленные в УК РФ, развиваются по общей правовой модели [20], правоприменительная практика в данной сфере сталкивается с похожими проблемами. Следовательно, есть потребность взаимного учета нашего совместного опыта противодействия преступлениям в финансовой сфере в целях совершенствования национального законодательства об ответственности за незаконную банковскую деятельность.

Примечания

1. Общественно опасные деяния, посягающие на финансово-экономические отношения, урегулированные нормами финансового (в том числе налогового, валютного) права, по формированию, распределению, перераспределению и использованию фондов денежных средств (финансовых ресурсов) государства, органов местного самоуправления, иных хозяйствующих субъектов. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.02.2019).
2. Пресненский районный суд г. Москвы. Уголовное дело №10-15122/2017. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/> (дата обращения: 19.02.2019).
3. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/> (дата обращения: 19.02.2019).
4. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759> (дата обращения: 19.02.2019).
5. Александров А.С., Александрова И.А. Особый (частно-публичный) организационно-правовой механизм применения уголовного закона в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Журнал российского права. 2018. № 2 (254). С. 80—93.
6. URL: http://base.mmk.tj/view_sanadhoview.php?showdetail=&sanadID=206 (дата обращения: 18.02.2018).
7. Архив суда района Фирдавси города Душанбе. Уголовное дело № 1-258/15.
8. Барчуков В.К. Особенности уголовно-правовой квалификации и расследования незаконной банковской деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 1. С. 44—47.
9. Архив суда района Фирдавси города Душанбе. Уголовное дело № 1-478/15.
10. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2011. № 6, ст. 435; законы РТ от 26.07.2014, № 1112; № 1113.
11. Завидов Б.Д., Гусев О.Б. Преступления в сфере экономики: Уголовно-правовой анализ и квалификации. М., 2001.
12. Костылева Г.В. Незаконная банковская деятельность: способы совершения // Сборник материалов всероссийских научно-практических конференций / под общ. ред. А.В. Шарковой. М., 2016. С. 165—170.
13. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/286345-7;> <http://sozd.duma.gov.ru/bill/881156-6> (дата обращения: 19.02.2019).
14. Собрание законодательства РФ. 1996. № 6, ст. 492.
15. Дорогомиловский районный суд г. Москвы. Уголовное дело № 01-0034/2016. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/dorogomilovskij/> (дата обращения: 19.02.2019).
16. Лопашенко Н.А. Уголовно-правовое воздействие в современной России: цифры, факты, парадоксы и иллюстрации // Уголовно-правовое воздей-

ствие и его роль в предупреждении преступности (III Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции (Саратов, 29—30 марта 2018 г.) / под общ. ред. Н.А. Лопашенко; ред. А.В. Голикова; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2018. С. 9—28.

17. Александрова И.А. Новое законодательство о мошенничестве в свете разъяснений Президиума Верховного суда РФ. Статья 1. Новейшая практика применения ст. 159, ст. 1591—1596 УК // Российский следователь. 2014. № 4. С. 32—35.

18. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 30 марта 2016 г. № 78-ФЗ; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 530-ФЗ. Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 19.02.2019).

19. Пояснительная записка к Законопроекту № 286345-7. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/286345-7> (дата обращения: 19.02.2019).

20. Установленные законодателем запреты основаны на положениях Модельного Уголовного кодекса для государств — участников СНГ, статьи 263 УК РТ «Незаконная банковская деятельность» (работает в редакции Закона РТ от 21.07.2010 № 617).

References

1. Socially dangerous acts encroaching on financial and economic relations regulated by the rules of financial (including tax, currency) law on the formation, distribution, redistribution and use of funds of funds (financial resources) of the state, local governments and other economic entities. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (accessed 12.02.2019). (In Russ.)

2. Presnensky district court of Moscow. Criminal case no. 10-15122/2017. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/> (accessed 12.02.2019). (In Russ.)

3. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/> (accessed 12.02.2019). (In Russ.)

4. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759> (accessed 12.02.2019). (In Russ.)

5. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Special (private-public) legal mechanism for the application of criminal law in the field of business and other economic activities. *Journal of Russian Law*, 2018, no. 2 (254), pp. 80—93. (In Russ.)

6. URL: http://base.mmk.tj/view_sanadhoview.php?showdetail=&sanadID=206 (accessed 18.02.2018). (In Russ.)

7. The archives of the court of Firdausi district of Dushanbe in 2015. Criminal case no. 1-258/15. (In Russ.)

8. Barchukov V.K. Features of criminal and legal qualification and investigation of illegal banking. *Bulletin of the Vladimir law Institute*, 2013, no. 1, pp. 44—47. (In Russ.)

9. The archives of the court of Firdausi district of Dushanbe in 2015. Criminal case no. 1-478/15. (In Russ.)

10. Ahbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan, 2011, № 6, article 435; Laws of the Republic of Tajikistan dated 26.07.2014, № 1112; №1113.

11. Zavidov B.D., Gusev O.B. Crimes in the economic sphere: Criminal—legal analysis and skills. Moscow, 2001. (In Russ.)

12. Kostyleva G.V. Illegal banking activities: the methods for performing. *Collection of materials of Russian scientific—practical conference* / under the general ed. by A.V. Sharkova. Moscow, 2016. Pp. 165—170. (In Russ.)

13. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/286345-7>; <http://sozd.duma.gov.ru/bill/881156-6> (accessed 19.02.2019). (In Russ.)

14. *Collection of legislative acts of the RF*, 1996, no. 6, art. 492. (In Russ.)

15. Dorogomilovsky district court of Moscow. Criminal case no. 01-0034/2016. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/dorogomilovskij/> (accessed 19.02.2019). (In Russ.)

16. Lopashenko N.A. Criminal-legal impact in modern Russia: figures, facts, paradoxes and illustrations. *Criminal-legal impact and its role in crime prevention (III Saratov criminal-legal readings): collection of articles on the materials of the III all-Russian scientific-practical conference (Saratov, March 29—30, 2018)* / under general ed. N.A. Lopashenko; ed. A.V. Golikova; FSBEI HE «Saratov state law Academy». Saratov: Publishing House of Saratov state law academy, 2018. Pp. 9—28. (In Russ.)

17. Aleksandrova I.A. New legislation on fraud in the light of explanations of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation. Article 1. The newest practice of applying art. 159, art. 1591—1596 of the Criminal Code. *Russian investigator*, 2014, no. 4, pp. 32—35. (In Russ.)

18. On Amendments to the Criminal code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: federal law of March 30, 2016 no. 78-FZ; On Amendments to the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedure code of the Russian Federation: federal law of December 27, 2018 no. 530-FZ. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 19.02.2019). (In Russ.)

19. Explanatory note to Bill no. 286345-7. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/286345-7> (accessed 19.02.2009). (In Russ.)

20. The prohibitions established by the legislator are based on the provisions of the Model Criminal code for the CIS member States, article 263 «Illegal banking» of the criminal code works in the wording of the Law of the Republic of Tatarstan dated 21.07.2010 № 617. (In Russ.)

УДК 8' 81. 80; 343.352
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10211

Беглова Елена Ивановна
Elena I. Beglova

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

doctor of sciences (law) philology, docent, professor of the department of foreign language and culture of speech

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (3 Ankudinovskoe shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: beglova-elena@yandex.ru

Трусов Николай Александрович
Nicolai A. Trusov

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Нижегородская академия МВД России (603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3)

candidate of sciences (law), associate professor, head of the department of constitutional and international law

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (3 Ankudinovskoe shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: nikevor@yandex.ru

Ломтев Сергей Петрович
Sergei P. Lomteev

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник

Российский государственный университет правосудия (117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69)

doctor of sciences (law), professor, honored scientist of the Russian Federation, chief researcher Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya st., Moscow, Russian Federation, 117418)

E-mail: opospd@rsuj.ru

Термины «взятка», «лихоимство» в историческом развитии в деловой и разговорной речи

Terms of “bribe” (vzjatka, lihoimstvo) in historical development in business and conversational speech

В статье исследуются конкретные слова: устаревший термин *лихоимство* и термин *взятка*. Значение этих терминов прослеживается в их историческом развитии. При этом используются сведения из законов, словарей, других документов. Особое внимание уделяется современным терминологическим аналогам, отражающим российское законодательство. Исследуемые термины анализируются с точки зрения значения, в котором

они употребляются в текстах документов и разговорной речи, с позиций их статуса в русском литературном языке, а также с точки зрения стилистической окраски и сферы употребления на протяжении столетий.

Ключевые слова: термин, взятка, лихоимство, закон, синонимы, устаревшие слова, фразеологизмы, деловая речь, разговорная речь.

© Беглова Е.И., Трусов Н.А., Ломтев С.П., 2019

The article analyzes specific words: the outdated term *lihoimstvo* and the term *vzjatka* (both mean bribe). The meaning of these terms is traced in their historical development. The information from laws, dictionaries and other documents is used. Particular attention is paid to modern terminological analogues reflecting Russian legislation. The selected terms are analyzed from the point of view of the meaning in which they are used in

the texts of documents and conversational speech, from the standpoint of their status in the Russian literary language, as well as from the point of view of stylistic coloring and sphere of use over the centuries.

Keywords: term, *vzjatka*, *lihoimstvo*, law, synonyms, obsolete words, idioms, business speech, conversational speech.

Лексика права (юридическая лексика) отражена в памятниках деловой письменности Древней Руси («Русская правда», судебники), как и слова, являющиеся терминами сферы делопроизводства, которые активно исследуются в настоящее время лингвистами и правоведами. Например, изучены устаревшие термины уголовного права, встречающиеся в деловом языке XVII—XIX веков: *головник* — убийца, *голова* — убитый, *послух* — свидетель и др. [1]; устаревшие слова, отражающие терминологию права и делового языка, с точки зрения актуальных лексико-тематических групп, свойственных деловому языку XVI—XVII веков, новых терминов, образовавшихся и закрепившихся в деловой речи XVIII века, и др. Так, Л.Ф. Копосов выделил и описал актуальную для деловой речи XVI—XVII веков лексико-тематическую группу «названия канцелярских служащих», включающую в слова *дьяк*, *подьячий*, *дьячок*, которая в XVIII веке пополнилась новыми терминами деловой речи: *канцелярист*, *подканцелярист*, *копиист*, *секретарь* и др. [2, с. 154—158].

Исследования памятников письменности («Русская правда», судебники разных лет) [3] свидетельствуют о том, что первое упоминание о борьбе с коррупцией в России (если употребить современное слово «коррупция») встречается в Судебнике 1497 года. В нем фиксируются два термина *мздоимство* и *лихоимство*, являющиеся устаревшими словами с точки зрения современной языковой нормы. Именно они в первую очередь послужили предметом нашего исследования в данной статье. Следует отметить, что эти термины являются архаизмами — словами, называющими понятия, существующие в настоящее время как в деловой, так и в разговорной речи, которые именуются синонимичными словами, более современными. Проанализируем их с точки зрения семантики в текстах законов, в словарях, а также употребления в официально-деловой и разговорной речи.

Обратимся к словарю В.И. Даля, который с хронологической точки зрения и содержания лексического материала включает слова бо-

лее ранних словарей русского языка [4]. В нем термин *мзда* объясняется синонимами, отличающимися друг от друга семантикой и оценочностью: 1) нейтральные слова: *награда* или *возмездие*, *плата*, *вознаграждение*, *воздание*; 2) оценочные: *барыш*, *прибыток*, *корысть*, *добыча* [4, с. 324].

Первый ряд слов-синонимов показывает, что слово *мзда* служило названием значимых для общества явлений и соотносилось этимологически и семантически со словом *возмещение*. Второй ряд слов-синонимов, кроме нейтральных слов *добыча*, *прибыток*, включает слова с отрицательной оценкой явлений и семой «незаконное получение прибыли»: разговорные слова *барыш* и *корысть* [4, с. 324].

Следует отметить, что в словаре В.И. Даля особое внимание уделено сложным словам с первой частью *мздо-*, которые имеют компоненты значения (семы) «подкуп», «продажность». По значению их можно дифференцировать следующим образом: 1) слова, обозначающие действия (глаголы): *мздодавать*, *мздовоздавать*, имеющие противоположные значения: а) награждать, жаловать по заслугам, б) карать; 2) они порождают ряд слов с положительной оценкой, именующих лиц, совершающих эти действия (существительные): *мздодаватель* — *мздодаватель*, *мздовоздатель* — *вознаградитель*, *уплатчик* за труды по заслугам; 3) слова, именующие явление по действию: *мздоимание*, *мздоимство* — взимание приносов [4, с. 324].

Все названные выше слова, содержащие корень *-мзд-*, являются терминами, определяющими действия государственных служащих и самих служащих как юридических лиц, поэтому они имеют положительную общественную оценку: юридическое лицо выполняет функцию, положительно влияющую на человека.

Однако, заметим, что в словаре В.И. Даля особо фиксируются слова с разными значениями, но выражающие отрицательную оценку называемых явлений или действий с тем же корнем *-мзд-*: 1) обозначающие действия: *мздоимать*, *мздоимничать*, *мздоимство-*

вать — брать подарки, подношения, взятки; быть продажным человеком; 2) называющие лицо (существительные): *мздоимец*, *мздоимка* — продажная душа; *мздоприемец* — кто берет взятки, поборы, приношения, творит суд из корысти; *мздолюбец* — охотник до поборов; 3) слова, именующие явление по действию: *мздоимание*, *мздоимство* — подкупы, взяточничество [4, с. 324].

Эти переносные значения образовались от прямых значений терминов, обладающих нейтральной окраской, получив дополнительный смысловой оттенок, то есть сему «брать, нарушая закон». Итак, следует отметить тот факт, что термины с корнем *-мзд-* в современных законодательных документах не употребляются, они являются архаизмами.

В Судебнике 1497 года термин *мздоимство* употребляется в значении «получение *мзды*, то есть *взятки*». По историческим данным, первая казнь на Руси за *мзду*, то есть *взятку*, состоялась в 1556 году. Казнили дьяка, который принял от посетителя гуся с начинкой из большого количества монет: «...гуся, нашпигованного монетами принял, слишком большой посул взяв». По царскому указу сначала ему отрубили ноги по колено, а затем руки по локоть. «Вкусно ли гусиное мясо?» — поинтересовался царь на казни у осужденного, и только потом дьяку отрубили голову. После этого смертная казнь вошла в российскую практику борьбы со взятками [5, с. 11].

В 1558 году французский посол Арнольд Шемо писал в Париж: «Московию не узнать: страх смерти изменил эту страну так, что наши купцы теперь не знают, как дела вести. Даже местные княжны подарков не берут, ибо каждый день мздоимцев прилюдно разрубают на куски прямо на городской площади» [5, с. 11].

Как свидетельствуют исследования истории законов и правителей, за годы своего правления Иван Грозный публично казнил с особой жестокостью 8 тысяч чиновников, что составляло примерно 34% от общего числа государственных служащих того времени. Известны исторические факты, что при Николае II главным взяткополучателем был министр путей сообщения, а затем министр финансов Сергей Юльевич Витте, который был одновременно и известным реформатором [5, с. 11].

Явление коррупции (взяточничество) получило свое обозначение в разговорной речи, о чем свидетельствует фразеологический словарь русского языка, в котором отмечается фразеологическая единица, именуемая *взятку*:

барашек в бумажке — устаревшее, *взятка* [6, с. 33]. Данная фразеологическая единица, обладающая иронической окраской, метафорически определяет такое явление, как подношение: деньги или еще что-либо, завернутые в бумагу, что сигнализирует о сокрытии действий, о желании скрыть совершаемое как лицом, дающим *взятку*, так и лицом, берущим *взятку*.

Как показывают наши наблюдения за значениями и употреблением слов *взятка* и *лихоимство*, в отличие от термина *взятка*, который существует в современной деловой речи (нормативных правовых актах), термин *лихоимство* является устаревшим, то есть не является современным правовым термином. Он фиксируется в Судебнике 1550 года в значении «получение должностным лицом судебных органов завышенных пошлин». Согласно Судебнику 1550 года, в XVI веке за *лихоимство* как преступление предусматривалось наказание в виде временного и бессрочного тюремного заключения, а также вводилась смертная казнь [5, с. 10].

В толковом словаре XIX века В.И. Даля фиксируются глагол *лиходательствовать*, обозначающий противоправное действие в значении «давать *взятки*, подкупать кого-либо», а также глаголы *лихоимствовать*, *лихоимничать* в значениях «брать *взятки*, вымогать подарки», «пускаться в незаконные поборы», «быть подкупным служителем». Это слова, являющиеся антонимами, демонстрируют противоположные действия: *лиходательствовать* (давать *взятку*, подкупать) — *лихоимствовать*, *лихоимничать* (брать *взятки*, вымогать подарки) [4, с. 257].

В XVIII—XIX веках отмечаются термины, именующие лицо, обладающие противоположными значениями (антонимы): лицо, дающее *взятки*, подкупающее кого-либо — *лиходатель*; лицо, вымогающее *взятку*, подарки — *лихоимец/лихоимщик*; термин, определяющий явление: *лихоимство* — взяточничество [4, с. 257].

Следует обратить особое внимание на значения слова *лихой*. Во фразеологическом и толковых словарях русского литературного языка слово *лихой* имеет два значения: 1) *разбойный*, связанный со словосочетанием *лихие люди* — *устаревшее*; разбойники, грабители [7, с. 288], свойственное разговорной речи XVI—XIX веков. Именно это значение послужило основой новых значений однокорневых слов, которые зафиксированы в словаре синонимов русского языка и употреблявшихся в разговорной речи названного периода: *лиходей* — преступник, *лиходейский* — преступный, *лиходейство* — преступление [8, с. 213]; 2) *переносное*, удалой, молодецкий [4,

с. 257; 9, с. 289]; 3) *устаревшее, просторечное; приносящий беду, злой, тяжкий* [9, с. 288]. Именно первое значение легло в основу значения юридического термина *лихоимство*.

Таким образом, термин *лихоимство* и другие производные от прилагательного *лихой* (разбойник) называют противоправные действия, лицо, совершающее противоправные действия, и само явление: слова с противоположными значениями, то есть антонимы *лиходательствовать* (давать взятку) — *лихоимствовать/лихоимничать* (брать взятку); антонимы *лиходатель* (дающий взятку) — *лихоимец/лихоимщик* (подкупной служащий, вымогатель подарков). При этом слова с частью *-лихо-* именуют отрицательные, запрещенные законом явления или совершаемые лицом действия. В отличие от них, слова с корнем *-мзд-*, именующие лицо (*мздодающий, мздодаватель, мздовоздатель*), обозначают положительные действия этого лица, следующего требованиям закона, выполняющего свои обязанности, возложенные властью, определяемые законом. Как показал произведенный нами анализ значений слов с частью *-мзд-* и *-лихо-*, на протяжении XV—XIX веков они служили терминологическими обозначениями разных явлений: положительных и отрицательных, законных и незаконных.

Слова с нейтральной окраской, обозначающие юридических лиц и их действия (т. е. термины) свойственны официально-деловой речи как в прошлом, так и в настоящем. Слова с отрицательной окраской употреблялись ранее и употребляются ныне в разговорной речи (*лихоимец, мздоимец, мздолюбец*).

Отметим, что юридические термины *взятка, взяточничество, лиходатель, лихоимец* и лексема *взяточничать* активно использовались в публицистических произведениях XVIII—XIX веков, в частности, в публицистике известного русского писателя XIX века Н.С. Лескова, например, в статье «Полицейские врачи в России» [1, с. 96—97, 100]. Следовательно, описанные нами выше термины и понятия, определяемые ими, были актуальны в России этого периода, что свидетельствует о распространенности противоправных действий государственных служащих и других лиц.

В настоящее время в законодательных актах отсутствуют термины с частью *-лихо-*, то есть они устарели, стали архаизмами. Но слово *лихой* в современном русском языке существует и имеет несколько омонимичных и полисемичных значений. В современном словаре русского литературного языка оно фиксируется в следу-

ющих омонимичных, то есть связанных метафорически, значениях: 1) значения, связанные с семей «зло», развившие многозначность: а) *народно-разговорное, поэтическое*: причиняющий вред, злой; б) полный тягот, бед, тяжелый (о времени), суровый (о жизни); 2) значения с семей «быстрый»: а) *разговорное*: смелый, храбрый; б) быстрый, стремительный (о движении); в) задорный; г) бойкий, проворный [10, с. 321]. Таким образом, в современном русском языке слова *лихо* и *лихой* имеют разговорную окраску и свойственны ситуации неофициального профессионального или бытового общения, то есть используются в разговорной речи.

Производные от прилагательного *лихой* — *лихоимство, лиходатель, лихоимец, лиходательствовать, лихоимствовать* и другие, зафиксированные в словаре В.И. Даля, в словарях современного русского языка не фиксируются, то есть они не являются общеупотребительными, так как это устаревшие термины права. В толковом словаре С.И. Ожегова фиксируются как устаревшие слова: *лихоимец* в значении «взяточник, ростовщик» [9, с. 288]; *лихоимство* — устаревшее, «взяточничество, ростовщичество» [9, с. 288].

Устаревшие термины *мзда, мздоимствовать, мздоимец* и другие производные от них слова сначала совпали по значению с терминами *лихоимство, лихоимствовать, лихоимец* и другими производными от них: «брать подношения, взятки, вымогать подарки», «лицо, берущее взятки». Следует особо отметить тот факт, что в XIX веке наряду с ними употреблялись термины *взятка* и *взяточничество*.

Итак, в современном законодательстве термины *мзда, мздоимствовать, лихоимство, лихоимствовать* и производные от них отсутствуют, но их заменили новые слова и словосочетания, то есть появились следующие синонимичные юридические термины: *взятка, взяточничество, взяткодательство, взяткодатель, взяткополучатель, дача взятки*. Современные термины выносятся в заголовки статей Уголовного кодекса Российской Федерации: статья 290 «Получение взятки»; статья 291 «Дача взятки»; статья 291.1 «Посредничество во взяточничестве»; статья 291.2 «Мелкое взяточничество».

Сравним аналоги (синонимы) терминов с позиций хронологии: **устаревшее — современное**: 1) **устаревшие термины**: *мздоимать, мздоимничать, мздоимствовать, лихоимничать, лихоимствовать* — брать взятку; *мздодающий, мздодаватель, лиходатель* —

взятодатель; *мздоприемец, лихоимец, лихоимщик* — взятополучатель; *мздоимство, мздоимание, лихоимство* — взяточничество; 2) **современные термины:** *взятка, взяточничество, взятокодательство, взятокодатель, взятополучатель, дача взятки.*

Следует особо остановиться на разговорных синонимах юридических терминов, которые на протяжении эпох порождались в бытовом и неофициальном профессиональном общении. В частности, проанализированные нами выше термины права получили в разговорной речи синонимичные названия действий, явлений, отраженных в законодательстве, в том числе и действий, лиц, явлений, связанных с нарушением законов. Продемонстрируем сказанное.

В современном русском литературном языке отмечается следующий ряд синонимов, то есть современных общеупотребительных и разговорных аналогов термина *взятка*: 1) стилистически нейтральные, общеупотребительные синонимичные слова и словосочетания: *подарок, благодарность, подкуп, нелегальный/побочный доход* [11, с. 60]; 2) устаревшие, разговорно-просторечные синонимы: *бакшиш, посул, хабар, халтура* [11, с. 60], *хапанцы, барашек в бумажке* [8, с. 64; 6, с. 33], *подмазка* (совр.) [8, с. 64].

Отмечаются синонимы слова *взяточник*: 1) устаревшие: *лихоимец, мздоимец, алтынник* [11, с. 60, 205]; 2) современные стилистически нейтральные, общеупотребительные синонимы: *подкупной, взяточник* [11, с. 60, 205]; 3) разговорно-просторечные, устаревшие: *живоглот, куроцап, куроед, хапун, хапала, продажный* (совр.) [11, с. 60].

Зафиксированы следующие синонимы устаревшего термина *лихоимствовать*: *мздоимствовать* (устар.), *брать взятки* (совр.), фразеологизмы *хватить хабары* (устар.), *хаптусгевезен* (устар.) [11, с. 60]. В словарь синонимов З.Е. Александровой включены синонимы устаревших терминов: *лихоимство* — взяточничество, *лихоимец* — взяточник [8, с. 213].

Интересен факт образования слов и фразеологических единиц, служащих разговорными синонимами юридических терминов, в которых отражаются ментальные общественные оценки и отношение какой-либо группы членов российского общества к правовым и неправовым действиям, к лицам, нарушающим законы. Так, в современном русском литературном языке наблюдаются фразеологические единицы, то есть устойчивые обороты речи с единым целостным значением, отражающие номинации лиц, со-

вершающих противоправные действия, например: *барашек в бумажке, брать взятку* и др. [6]. Подобного рода фразеологизмы и разговорные варианты терминов образовывались в процессе бытового непринужденного общения. Они, как правило, содержат в своих значениях разного рода оценки, отражают эмоции, о чем свидетельствует данные современных словарей русского литературного языка.

Таким образом, устаревшая юридическая терминология (например, термин *мзда* и его производные, *лихоимство* и его производные) была заменена в XIX—XX веках синонимичными вариантами, то есть новыми терминами, функционирующими в современном официально-деловом языке. Так, проанализированные нами устаревшие юридические термины были заменены аналогами, ставшими современными терминами права: *мзда* — **взятка**, *мздоимство* — **взяточничество**, *мздоимец, мздоприемец, лихоимец* — **взятополучатель, лихоимствовать** — **брать взятки, лиходатель** (дающий взятку) — **взятокодатель, лихоимец/лихоимщик** (подкупной служащий, вымогатель подарков) — **взятополучатель; лиходательство** — **дача взятки, взятокодательство, давать взятку; лихоимство** — **взяточничество, получение взятки.**

Примечания

1. Головачева О.А. Прагматико-стилистический потенциал слова Н.С. Лескова (язык публицистики 60-х годов XIX века): дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2017. 538 с.
2. Копосов Л.Ф. Названия канцелярских служащих в ранних словарях русского языка // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции (г. Москва, 27 февраля 2017 г.) / отв. ред. О.В. Шаталова. М.: МГОУ, 2017. С. 154—158.
3. Хабургаев Г.А. Локальная письменность XVI—XVII вв. в исторической диалектологии // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978. Т. 2.
5. Косорукова М. «Воруют-с!» // Загадки истории. 2018. № 31. С. 10—11.
6. Фразеологический словарь русского языка / под. ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
7. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII—XX вв. / под. ред. А.И. Федорова. М.: Топикал, 1995. 608 с.
8. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. 2-е изд. М.: Русский язык, 1968. 600 с.

9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1983. 816 с.

10. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. и сост. С.А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.

11. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 5-е изд., испр. и доп. М.: Русские словари, 1994. 524 с.

References

1. Golovacheva O.A. Pragmatical and stylistic potential of the word N.S. Leskova (the language of journalism of the 60s of the XIX century). Dissertation... doctor of philology sciences. Smolensk, 2017. 538 p. (In Russ.)

2. Kopusov L.F. Names of clerical servants in the early dictionaries of the Russian language. *Russian language in Slavic intercultural communication: a collection of scientific tr. on the basis of the Intern. scientific conf. (Moscow, February 27, 2017) / resp. ed. O.V. Shatalova.* Moscow: MGOU, 2017. P. 154—158. (In Russ.)

3. Khaburgaev G.A. Local writing XVI—XVII centuries. in historical dialectology. *Study of the Russian language and source study.* Moscow, 1969. (In Russ.)

4. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. in 4 vol. Moscow: Russian language, 1978. Vol. 2. (In Russ.)

5. Kosorukov M. «Stealing, sir!». *Mysteries of history*, 2018, no. 31, pp. 10—11. (In Russ.)

6. Phraseological dictionary of the Russian language / ed. by A.I. Molotkov. Moscow: Russian, 1986. 543 p. (In Russ.)

7. Phraseological dictionary of the Russian literary language of the end of the XVIII—XX centuries / ed. by A.I. Fedorov. Moscow: Topikal, 1995. 608 p. (In Russ.)

8. Aleksandrova Z.E. Dictionary of the Russian Synonyms: 2nd ed. Moscow: The Russ. Lang, 1968. 600 p. (In Russ.)

9. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. Moscow: Russian, 1983. 816 p.

10. Modern explanatory dictionary of the Russian language / ch. ed. and comp. S.A. Kuznetsov. Moscow: Reader's Digest, 2004. 960 p. (In Russ.)

11. Abramov N. Dictionary of the Russian Synonyms and Similar Expressions. 5th ed., rev. and add. Moscow: The Russian Dictionaries, 1994. 524 p. (In Russ.)

УДК 347.73

DOI 10.24411/2078-5356-2019-10212

Беликов Евгений Геннадьевич
Eugeny G. Belikov

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права

Саратовская государственная юридическая академия (410056, Саратов, ул. Вольская, 1)

doctor of sciences (law), associate professor, professor of department of the financial, bank and customs law

Saratov State Law Academy (1 Volskaya st., Saratov, Russian Federation 410056)

E-mail: belikovy79@mail.ru

Пастушенко Елена Николаевна
Elena N. Pastushenko

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права

Саратовская государственная юридическая академия (410056, Саратов, ул. Вольская, 1)

doctor of sciences (law), professor, professor of department of the financial, bank and customs law

Saratov State Law Academy (1 Volskaya st., Saratov, Russian Federation 410056)

E-mail: past_en@mail.ru

Трансформация финансовой правосубъектности Банка России в условиях цифровой экономики

Transformation of financial legal personality of Bank of Russia in the context of digital economy

Рассматриваются отдельные актуальные теоретические вопросы правовой регламентации предполагаемых изменений финансовой правосубъектности Банка России, направленной на достижение целей и задач развития цифровой экономики. Проводится анализ программных актов Российского государства, прежде всего — Банка России, с точки зрения их влияния на издание им нормативных, правоприменительных, интерпретационных актов. Сделан вывод о грядущем расширении нормотворческой и правоприменительной функций Банка России в связи с планируемым наделением его дополнительными полномочиями в области обращения цифровых финансовых активов, что свидетельствует об усилении его фактического статуса как мегарегулятора общественных отношений в финансовой сфере. В связи с этим трансформация его финансовой правосубъектности требует внесения соответствующих изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16102.

Deals with some topical theoretical issues of legal regulation of the alleged changes of legal financial personality of Bank of Russia, directed at achievement of the aims and goals of development of digital economy. The analysis of program acts of the Russian state, first of all — the Central Bank of the Russian Federation, from the point of view of their influence on the edition by Bank of Russia of normative, law enforcement, interpretation acts is carried out. It is concluded that Bank of Russia will expand its regulatory and law enforcement functions in connection with the planned granting of additional powers in the field of circulation of digital financial assets, which indicates the strengthening of its actual status as a mega-regulator of public relations in financial sector. In this regard, the transformation of its financial legal personality requires appropriate amendments to the Federal law «About the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)».

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16102.

© Беликов Е.Г., Пастушенко Е.Н., 2019

Ключевые слова: финансовая правосубъектность, цифровая экономика, Центральный банк Российской Федерации (Банк России), программные акты, цифровые финансовые активы.

Keywords: financial legal personality, digital economy, Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia), program acts, digital financial assets.

Стремительное развитие в последние годы информационных технологий в различных сферах общественной жизни повлекло не только увеличение объема информации в социальном пространстве, но и привело к трансформации правового регулирования использования информационных потоков, в том числе в сфере публичных финансовых отношений. Так, благодаря информатизации деятельности финансово-кредитных органов, в том числе Банка России, появляется возможность оказания государственных (муниципальных) услуг в электронной форме и обеспечивается открытость для населения результатов их деятельности. Активное использование информационных систем, созданных на основании правовых актов субъектов публичной власти, оказывает определенное воздействие на общественные отношения, в том числе на объем правосубъектности их участников, включая изменение их прав, обязанностей, полномочий, ответственности, гарантий обеспечения интересов. Внедрение информационных технологий в ходе финансовых правоотношений требует изменения содержания правосубъектности различных их участников (властных и подвластных) в связи с необходимостью установления дополнительных прав и обязанностей.

Правосубъектность является одной из важнейших категорий юридической науки, поскольку она выступает обязательным условием правового статуса субъекта и специальной предпосылкой возникновения правоотношения в целом. В современной финансово-правовой науке рассматриваемая категория подверглась широкому исследованию, в том числе применительно к Банку России [1, с. 25—75; 2—4]. Однако комплексного концептуального научного исследования, посвященного трансформации правосубъектности участников финансовых правоотношений, в том числе Банка России, в условиях развития цифровой экономики не осуществлялось. В связи с этим представляется важным выявление основных векторов трансформации финансовой правосубъектности Банка России как участника финансовых правоотношений в современных экономических условиях с целью повышения эффективности правового регулирования рассматриваемых

правоотношений, сопровождающихся применением информационных технологий.

Создание условий, обеспечивающих развитие цифровой рыночной экономики, во многом зависит от правовой политики и деятельности публично-правовых образований в сфере публичных финансов, в том числе направленных на установление и реализацию полномочий соответствующих органов, а также прав и обязанностей иных участников финансовых правоотношений, сопровождающихся применением информационных технологий. Современные социально-экономические и политико-правовые реалии свидетельствуют о важности формирования и реализации продуманной экономической и правовой политики в единстве формы и содержания, адекватности правовой формы в отражении экономической сущности явления. Средствами правовой политики выступают правовые акты, к каковым следует отнести программные акты, нормативные акты, правоприменительные акты, интерпретационные акты, которые находятся в системной взаимосвязи и взаимообусловленности.

Так, например, Российское государство разработало и приняло программные документы, направленные на содействие устойчивому развитию и повышению конкурентоспособности финансового сектора экономики и принятию соответствующих нормативных правовых актов. В частности, развитию информационных технологий на финансовом рынке и переходу к цифровой экономике в Российской Федерации способствует реализация таких программ, как Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы [5]; Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016—2018 годов [6]; Цифровая экономика Российской Федерации [7]; Основные направления развития финансовых технологий на период 2018—2020 годов [8]; Стратегия повышения финансовой доступности в Российской Федерации на период 2018—2020 годов [9].

Исследование вышеуказанных программных актов Российского государства, в том числе Банка России, направленных на развитие цифровой экономики, представляется востребованным как с научно-теоретических, так и практических

позиций. В частности, оно актуально с точки зрения их влияния на изменение содержания финансовой правосубъектности Центрального банка Российской Федерации, в том числе воздействия на содержание издаваемых им нормативных, правоприменительных и интерпретационных актов, принятие которых обусловлено разработкой и внедрением инновационных финансовых технологий, продуктов и услуг.

Повышение качества реализации публично-правового статуса Центрального банка Российской Федерации включает вопросы эффективности достижения целей и осуществления функций. В указанном аспекте важно определить приоритеты развития. Для решения указанной задачи как раз оптимальным представляется использование формы программного акта. В свою очередь характеристика, например, Основных направлений развития финансовых технологий на период 2018—2020 годов как программного акта Центрального банка Российской Федерации требует выяснения материально-правовых и процессуально-правовых вопросов подготовки и издания данного программного документа. С позиций принципа законности востребовано издание Банком России нормативного акта о правилах подготовки программных актов и его официальном опубликовании в установленном порядке.

В рамках развития финансовых технологий на период 2018—2020 годов Банк России ставит перед собой следующие цели: содействие развитию конкуренции на финансовом рынке; повышение доступности, качества и ассортимента финансовых услуг; снижение рисков и издержек в финансовой сфере; повышение уровня конкурентоспособности российских технологий. Для достижения указанных целей определены основные направления деятельности Банка России в заявленной сфере общественных отношений. На конкретизацию предусмотренных мер и определение форм реализации поставленных задач направлен План мероприятий («дорожная карта») по реализации Основных направлений развития финансовых технологий на период 2018—2020 годов. Представляется возможным подготовка Банком России консультативных докладов по отдельным основным направлениям развития финансовых технологий как возможная форма общественных консультаций, обсуждение векторов развития и деталей внедрения финансовых технологий с участниками рынка, экспертным и научным сообществом, что немаловажно с позиций финансово-правового принципа гласности финансовой деятельности государства и муниципальных образований.

Проникновение информационных технологий во все сферы общественной жизни, в том числе сферу частных и публичных финансов, требует адекватного правового регулирования. Утверждение Российским государством вышеуказанных программных документов, направленных на содействие устойчивому развитию и повышению конкурентоспособности финансового сектора экономики и принятию соответствующих нормативных правовых актов, требует проработки и внесения в законодательство ряда изменений и новелл. Данные новеллы касаются, в частности, определения статуса цифровых технологий, применяемых в финансовой сфере, установления требований к организации и осуществлению майнинга, регулированию публичного привлечения денежных средств и криптовалют путем размещения токенов. При этом в юридической литературе уже предпринимаются попытки определения предмета и границ правового регулирования государством и его органами, в том числе центральными банками, отношений в области обращения криптовалют и иных цифровых финансовых активов [10—13]. В зарубежных странах правовое регулирование криптовалют осуществляется в основном по нескольким направлениям: противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма; налогообложение операций с криптовалютой и (или) доходов, прибыли от них; защита прав пользователей.

В настоящее время на основе ранее указанных программных документов разработаны и приняты Государственной Думой в первом чтении 22 мая 2018 года проекты федеральных законов «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (о цифровых правах) [14], «О цифровых финансовых активах» [15] и «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» [16]. В частности, в законопроекте «О цифровых финансовых активах» определены ключевые понятия, связанные с цифровыми финансовыми технологиями: «цифровой финансовый актив», «криптовалюта», «токен», «майнинг» и др. В частности, цифровой финансовый актив, объединяющий понятия криптовалюты и токена, определяется разработчиками законопроекта как «имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств». При этом ключевой идеей правового регулирования данного явления является то, что цифровые финансовые активы не являются законным средством платежа на территории Российской Федерации. В то же

время предусматривается возможность совершать сделки по обмену токенов на российскую и иностранную валюту, но только через специального субъекта — оператора обмена цифровых финансовых активов. Отдельные полномочия в области регулирования обращения цифровых финансовых активов на территории Российской Федерации будут возложены на Банк России, что потребует осмысления направлений трансформации его финансовой правосубъектности.

В частности, у Банка России как участника правоотношений в области обращения цифровых финансовых активов в рамках реализации им нормотворческой функции могут появиться дополнительные полномочия. Так, предполагается, что, во-первых, Банк России по согласованию с Правительством Российской Федерации будет устанавливать перечень, порядок и условия совершения иных сделок по обмену цифровых финансовых активов, которые могут совершаться на территории Российской Федерации, то есть кроме тех операций, которые будут предусмотрены законодательно: сделок по обмену токенов на российскую и иностранную валюту через оператора обмена цифровых финансовых активов. Во-вторых, он будет устанавливать порядок открытия, хранения информации о цифровых записях, содержащих сведения о сделках с токенами и иными цифровыми финансовыми активами. Цифровые записи должны будут храниться в цифровых кошельках, открытых сторонам сделки оператором обмена цифровых финансовых активов. В третьих, Центральный банк Российской Федерации будет регламентировать порядок ведения, закрытия цифрового кошелька, а также требования к его защите. Кроме того, в рамках реализации правоприменительной функции Банк России обязан будет регистрировать Правила организованных торгов цифровыми финансовыми активами, в соответствии с которыми должны будут осуществляться сделки по обмену токенов на российскую и иностранную валюту, заключаемые с привлечением оператора обмена цифровых финансовых активов, являющегося организатором торговли.

Ряд обязанностей публичного характера, связанных с выпуском токенов, будет возложен и на эмитентов цифровых финансовых активов. В частности, сам процесс выпуска токенов, исходя из законопроекта, представляется сильно бюрократизированным, что можно объяснить опасением легализации доходов, полученных преступным путем, либо финансирования терроризма и экстремизма. Он предполагает возложение на эмитентов токенов обязанностей

публиковать в сети «Интернет» ряд документов, содержащих массу информации: инвестиционного меморандума, публичной оферты о выпуске токенов, иных определенных эмитентом документов, а также заключать договоры с каждым приобретателем токенов. При этом о процессе выпуска криптовалют и их обращении ничего не указано, что свидетельствует о недостатке законопроекта либо сознательном исключении возможности обмена криптовалют на российскую или иностранную валюту.

Таким образом, в современный период следует подчеркнуть инициативное развитие компетенции Центрального банка Российской Федерации по формированию и реализации финансово-правовой политики, включая правотворческую политику по изданию программных актов, к каковым следует отнести Основные направления развития финансовых технологий на период 2018—2020 годов и Стратегию повышения финансовой доступности в Российской Федерации на период 2018—2020 годов. Необходимо подчеркнуть взаимосвязь и взаимообусловленность указанных программных актов Банка России, их социальное, общественное значение. Действительно, развитие доступности финансовых услуг обусловлено внедрением современных финансовых технологий. Указанный вектор финансово-правовой политики подчеркивает эффективность подхода Банка России к защите прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, а также повышению качества реализации публично-правового статуса Банка России в условиях цифровой экономики. Представляется обоснованным сделать вывод о влиянии отмеченных программных актов Банка России на его нормотворческую, правоприменительную, интерпретационную деятельность.

Указанное ранее расширение нормотворческой и правоприменительной функций Банка России в связи с планируемым наделением его дополнительными полномочиями в области обращения цифровых финансовых активов свидетельствует об усилении его фактического статуса как мегарегулятора общественных отношений в финансовой сфере. В связи с этим трансформация его финансовой правосубъектности требует внесения соответствующих изменений в Федеральный закон от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», направленных на уточнение его компетенции по реализации рассмотренных функций в условиях развития цифровой экономики. Кроме того, появление у Банка России дополнительных полномочий в области обращения

цифровых финансовых активов будет способствовать обеспечению финансовой безопасности государства и защите публичных интересов.

Примечания

1. Пастушенко Е.Н. Правовые акты Центрального банка Российской Федерации: финансово-правовые аспекты теории. Саратов, 2006. 372 с.
2. Древаль Л.Н. Субъекты российского финансового права: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Хабаровск, 2009. 469 с.
3. Арзуманова Л.Л. Правовой статус центральных банков зарубежных стран и России в регулировании денежной системы: сравнительно-правовое исследование // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1 (22). С. 50—66.
4. Рождественская Т.Э. Банк России как мегарегулятор на финансовом рынке: особенности правового статуса // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2014. № 4 (4). С. 54—69.
5. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2901.
6. Вестник Банка России. 2016. № 57.
7. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32, ст. 5138.
8. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/35816/on_fintex_2017.pdf (дата обращения: 13.10.2018).
9. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/37470/str_30032018.pdf (дата обращения: 13.10.2018).
10. Raskin M., Yermack D. Digital Currencies, Decentralized Ledgers, and the Future of Central Banking. Research Handbook on Central Banking. 2016, 19 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=2773973> (дата обращения: 30.09.2018).
11. Artemov N.M., Arzumano L.L., Sitnik A.A., Zenin S.S. Regulation and Control of Virtual Currency: to Be or Not to Be // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2017. Т. 8. № 5. С. 1428—1435.
12. Кучеров И.И. Правовые подходы к легитимации криптовалют // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 183—193.
13. Поветкина Н.А., Леднева Ю.В. «Финтех» и «регтех»: границы правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 46—67.
14. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/424632-7> (дата обращения: 13.10.2018).
15. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 13.10.2018).

16. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/419090-7> (дата обращения: 13.10.2018).

References

1. Pastushenko E.N. Legal acts of the Central Bank of the Russian Federation: financial and legal aspects of the theory. Saratov, 2006. 372 p. (In Russ.)
2. Dreval' L.N. Subjects of Russian financial law: theoretical and legal research. Dissertation... doctor of legal sciences. Khabarovsk, 2009. 469 p. (In Russ.)
3. Arzumano L.L. Legal status of the central banks of foreign countries and Russia in regulation of monetary system: the comparative research. *Actual Problems of Russian Law*, 2012, no. 1 (22), pp. 50—66. (In Russ.)
4. Rozhdestvenskaya T.E. Bank of Russia as the Megaregulator of the Financial Market: Features of Legal Status. *Kutafin University Law Review*, 2014, no. 4, pp. 54—69. (In Russ.)
5. About strategy of the development of the information society in the Russian Federation for 2017—2030: the decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 № 203. *Collection of legislative acts of the RF*, 2017, no. 20, art. 2901. (In Russ.)
6. *Bulletin of Bank of Russia*, 2016, no. 57. (In Russ.)
7. About the approval of the program «Digital economy of the Russian Federation»: the order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 no. 1632-r. *Collection of legislative acts of the RF*, 2017, no. 32, art. 5138. (In Russ.)
8. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/35816/on_fintex_2017.pdf (accessed 13.10.2018). (In Russ.)
9. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/37470/str_30032018.pdf (accessed 13.10.2018). (In Russ.)
10. Raskin M., Yermack D. Digital Currencies, Decentralized Ledgers, and the Future of Central Banking. Research Handbook on Central Banking. 2016, 19 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=2773973> (accessed 30.09.2018). (In Russ.)
11. Artemov N.M., Arzumano L.L., Sitnik A.A., Zenin S.S. Regulation and Control of Virtual Currency: to Be or Not to Be. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2017, vol. 8, no. 5, pp. 1428—1435. (In Russ.)
12. Kucherov I.I. Legal approaches to legitimation of cryptocurrencies. *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2018, no. 2, pp. 183—193. (In Russ.)
13. Povetkina N.A., Ledneva Yu.V. «Fintekh» and «Redtekh»: Boundaries of Legal Regulation. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2018, no. 2, pp. 46—67. (In Russ.)
14. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/424632-7> (accessed 13.10.2018). (In Russ.)
15. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/419059-7> (accessed 13.10.2018). (In Russ.)
16. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/419090-7> (accessed 13.10.2018). (In Russ.)

УДК 343.1
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10213

Вершинина Светлана Ивановна
Svetlana I. Vershinina

кандидат юридических наук, доцент, заместитель ректора — директор института права Тольяттинский государственный университет (445020, Тольятти, ул. Белорусская, 14)

candidate of sciences (law), associate professor, vice-rector, director of Institute of law Togliatti state University (14 Belorusskaya st., Tolyatti, Russian Federation, 445020)

E-mail: svetlana-vershinina@yandex.ru

Проблемы правового регулирования залога как меры пресечения

Problems of legal regulation of bail as a preventive measure

Актуальность статьи продиктована наметившейся в России за последние шесть лет тенденцией к снижению количества применения залога как меры пресечения. Для определения причин этого явления проводится анализ правового регулирования залога как меры пресечения, выявляются пробелы и противоречия в правовом регулировании этой меры и предлагаются новые подходы в определении понятия, содержания и порядка применения залога. Обосновывается, что залог — это мера принуждения, производная от заключения под стражу; мера, являющаяся альтернативой уже примененного ареста. Поэтому в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации следует установить право каждого задержанного или арестованного на освобождение под залог и закрепить правило, ограничивающее применения залога к обвиняемым, не находящимся под стражей.

Ключевые слова: мера принуждения, мера пресечения, залог, основания применения залога, порядок применения залога, обвиняемый, подозреваемый, залогодатель.

The relevance of the article is dictated by emerging in Russia over the past six years the downward trend in the number of application of bail as a preventive measure. To identify the causes of this phenomenon, the analysis of the legal regulation of bail as a preventive measure, identifies gaps and contradictions in the law regulating this action and suggests new approaches in the definition of the concept, content and the manner of application of collateral. The pledge is a measure of compulsion, derived from custody; as an alternative applied arrest. Therefore, in the Code of criminal procedure of the Russian Federation should establish the right of every detained or arrested person on bail and to fix a rule limiting the use of bail for defendants not in custody.

Keywords: coercive measure, measure, pledge, basis of application of collateral, the order of application of bail, the accused, the suspect, pledger.

Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ) предусмотрено семь видов мер пресечения, что позволяет индивидуализировать их применение в каждом случае. Для одного обвиняемого достаточно применить подписку о невыезде, для другого — залог, а для третьего — заключение под стражу. С другой стороны, многочисленность мер пресечения и необходимость выбора лишь одной из них означает, что каждая мера пресечения уникальна и ее избрание связано с наличием специфических обстоятельств, определяющих ее выбор и применение. Но как сделать пра-

вильный выбор, если для всех мер пресечения УПК РФ закрепляет общие основания (ст. 97), одинаковые обстоятельства, обуславливающие выбор одной из них (ст. 99) и единый порядок применения (ст. 101, 110)? Особенно остро этот вопрос возникает при принятии решения о применении залога. До сих пор уголовно-процессуальная наука не дала полного и четкого ответа, в чем уникальность залога как меры пресечения, каково его содержание, пределы применения и что обуславливает эффективность залога в досудебном и судебном производстве. В результате количество примененных залогов в це-

© Вершинина С.И., 2019

лом по России за последние годы существенно снижается: от 1003 примененных залогов в 2011 году, до 498 — в 2016 году [1].

Несмотря на существенное изменение правового регулирования залога, предпринятое Федеральным законом № 60-ФЗ от 7 апреля 2010 года, основные моменты, обуславливающие уникальность и эффективность залога в системе мер пресечения, не нашли своего отражения в действующем законе, на что уже не раз обращалось внимание в современной уголовно-процессуальной литературе [2, с. 54; 3, с. 673; 4, с. 256]. Согласно действующему законодательству (ст. 106 УПК РФ) залог — это мера пресечения имущественного воздействия, применяемая судом по ходатайству обвиняемого, подозреваемого, залогодателя либо по инициативе суда посредством предоставления залогодателем определенного имущества, в целях обеспечения явки обвиняемого в орган расследования или в суд и предупреждения совершения им новых преступлений. Рассмотрим данное определение детально, акцентируя внимание на его отдельных аспектах.

Закрепляя положение о порядке применения судом залога по ходатайству подозреваемого, обвиняемого либо другого физического или юридического лица, закон допускает ряд противоречий. Во-первых, на досудебном производстве орган расследования не уполномочен на обращение в суд с ходатайством о применении залога, что противоречит статьям 97 и 98 УПК РФ, предусматривающим применение следователем и дознавателем залога «в пределах предоставленных им полномочий». Очевидно, что следователь, ведущий уголовное дело, обладает достаточной информацией о личности обвиняемого и обстоятельствах совершения преступления и более других способен правильно оценить ситуацию и принять верное решение о мере пресечения, в том числе о залоге. Поэтому мы не только не согласны с высказыванием Р.З. Шамсутдиновой и Ф.А. Абашевой об ограничении круга лиц, имеющих право ходатайствовать о применении залога [5, с. 207], но и считаем, что перечень таких участников должен быть расширен за счет включения в него следователя и дознавателя. Позволив органу расследования ходатайствовать перед судом о применении залога, законодатель сократит необоснованные обращения в суд с ходатайствами о применении более строгих мер пресечения — домашнего ареста, заключения под стражу или продления срока их применения, что свойственно действующей практике и на что обратил вни-

мание Верховный Суд Российской Федерации в Обзоре судебной практики [6].

Во-вторых, предоставляя суду право по собственной инициативе принимать решение о применении залога в случае отказа в удовлетворении ходатайства следователя об избрании заключения под стражу (ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ), закон упускает важный момент — получить согласие обвиняемого и залогодателя на применение залога. Очевидно, что инициатива суда не может быть реализована без согласия двух участников — обвиняемого и залогодателя. И если до сих пор они не заявляли ходатайства о применении залога, то прежде всего суд должен получить согласие этих участников, а затем обсудить с залогодателем вопросы вида и размера залога. Если же ходатайство заявлено, то «собственная инициатива суда» не имеет места. Следовательно, применение залога — сложная процедура, требующая самостоятельного правового регулирования с учетом того, кто инициирует применение залога и кто выступает в качестве залогодателя. Вполне логично в связи с этим рассматривать данную процедуру, как предлагает Л.Г. Тягянина, в качестве особого производства, осуществляемого в рамках уголовного процесса [7, с. 123].

Однако наличие либо отсутствие согласия обвиняемого на применение залога, хотя и имеет существенное значение, но рассматриваться в качестве специфического основания этой меры пресечения не может. Как верно отметил А.С. Барабаш, основанием применения залога выступают «конкретные данные о личности, позволяющие сделать вывод о применимости залога» [8, с. 117]. Действительно, при согласии обвиняемого и залогодателя на применение залога и гарантиях предоставления ими залогового обеспечения положительное решение будет принято только при установлении обстоятельств, влияющих на формирование позитивного социального статуса обвиняемого, раскрывающих его прочные семейные связи, трудовые отношения, наличие у него иждивенцев и т. д. Если таких связей нет, любой размер залога не сможет гарантировать надлежащее поведение обвиняемого.

С другой стороны, указанные обстоятельства могут вызывать применение и других мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей. В Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), отмечено, что выбор таких мер «основывается на оценке установ-

ленных критериев в отношении как характера и степени тяжести преступления, так и личности, биографии обвиняемого, целей приговора и прав жертв» [9, п. 3.2]. Следовательно, для выявления уникальности залога в группе мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей, недостаточно только этих обстоятельств. И здесь полагаем возможным согласиться с Л.Н. Бабичем, который небезосновательно указывал, что специальным основанием применения залога является «наличие примененной меры пресечения — содержание под стражей» [10, с. 57].

Действительно, действующий закон ограничивает применение залога только к подозреваемым, обвиняемым, содержащимся под стражей, что подтверждает правильность данного высказывания. Однако следует отметить, что само по себе указанное обстоятельство — нахождение лица под стражей — вряд ли достаточно для принятия решения о применении залога. Прежде всего суд принимает во внимание обстоятельства, формирующие социальный портрет обвиняемого, раскрывающие его прочные социальные связи. Только в совокупности указанные обстоятельства вызывают применение залога. Следовательно, применение залога обусловлено двумя видами обстоятельств: содержанием под стражей обвиняемого, подозреваемого и его положительным социальным портретом. Указанная совокупность и является специальным основанием применения залога. Не случайно история залога как меры пресечения связана с Habeas Corpus akt — судебным приказом, гарантирующим арестованному его освобождение под денежное обеспечение.

Следующий не менее важный вопрос касается круга обвиняемых, освобождаемых под залог. В соответствии с частью 3 статьи 106 УПК РФ залог применяется к обвиняемым по всем категориям преступлений, как небольшой тяжести, так и по особо тяжким преступлениям, что нивелирует его уникальность в системе других мер, не связанных с содержанием под стражей. Учитывая характер воздействия залога на поведение обвиняемого посредством существенно ограничения не только имущественных прав залогодателя, но и личных прав обвиняемого, можно констатировать, что использование залога по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести в большинстве случаев чрезмерно, так как не всегда адекватно исходящей от обвиняемых угрозе. Наоборот, рассмотрение вопроса о применении залога по тяжким и особо тяжким преступлениям

должно быть правилом, а применение залога в отношении обвиняемых в совершении преступлений небольшой или средней тяжести — исключением. В связи с этим позволим себе не согласиться с Т.И. Шаповаловой, высказавшей противоположную точку зрения. По ее мнению, применение залога недопустимо в отношении обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, а также тяжких и особо тяжких преступлений против личности [11, с. 12].

К сожалению, такая позиция не единична. О необходимости введения запрета на избрание залога в отношении обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений высказывались и другие ученые [12; 13]. Комментируя данные предложения, обратим внимание на то, что несмотря на свой имущественный характер, залог — это мера принуждения, обеспечивающая надлежащее поведение лица, виновность которого еще подлежит установить в судебном порядке. Поэтому исключать возможность освобождения обвиняемого под залог на основании тяжести инкриминируемого преступления несправедливо и нелогично. Каждый арестованный должен иметь право быть освобожденным под залог, и задача суда — обеспечить достижение целей уголовного судопроизводства при минимальном стеснении личных прав и свобод обвиняемого.

Решить такую задачу можно посредством правильного определения размера залога. Подтверждение тому результаты судебной практики за последние годы, показывающие ежегодный прирост среднего размера применяемого залога и его эффективность. Если в 2010 году средняя сумма одного залога составляла 230 тыс. рублей, в 2011 году после ведения минимальных размеров залога на одну меру пресечения приходится около 550 тыс. рублей; в 2012 году — в среднем 750 тыс.; а в 2013 году — 900 тыс. рублей на один залог и т. д. (см. таблицу).

Ежегодное увеличение размера залога при минимальном пороге 50 тыс. рублей по преступлениям небольшой или средней тяжести и 500 тыс. рублей по преступлениям тяжким и особо тяжким свидетельствует о применении этой меры преимущественно в отношении лиц, обвиняемых в тяжких и особо тяжких преступлениях [1].

Из этой же таблицы видна высокая эффективность залога как меры пресечения при его применении в ходе предварительного расследования. В 98% случаев применения залог достигает поставленных перед ним целей. Значительно больший процент неэффективности залога в судебном производстве заставляет за-

Таблица

Годы	Стадия уголовного производства	Избрана мера пресечения в виде залога			Обращено залога в доход государства			
		Кол-во лиц	рублей	Рублей на одно лицо (среднее)	Кол-во лиц	% лиц	рублей	Рублей на одно лицо (среднее)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
2011	Досудебное производство	905	496 433 517	548 545	32	3,3	17 090 000	534 062
	Судебное производство	98	132 395 000	1 350 969	9	9,1	8 720 000	968 888
2012	Досудебное производство	789	591 616 301	749 830	17	2,15	10 675 000	627 941
	Судебное производство	46	44 700 000	971 739	7	15,2	41 050 000	5 864 285
2013	Досудебное производство	653	588 206 955	900 776	12	1,83	13 930 000	1 160 833
	Судебное производство	49	42 420 001	865 714	8	16,3	9 230 000	1 153 750
2014	Досудебное производство	744	346 783 300	466 106	11	1,47	2 448 000	222 545
	Судебное производство	48	53 845 000	1 121 770	11	22,9	5 011 000	455 545
2015	Досудебное производство	472	469 754 860	995 243	12	2,54	8 425 000	702 083
	Судебное производство	27	50 950 000	1 887 037	2	7,4	3 100 000	1 550 000
2016	Досудебное производство	451	371 738 755	824 254	9	1,99	785 500	87 277
	Судебное производство	47	72 610 000	1 544 893	6	12,7	6 680 000	1 113 333

думаться об особенностях его применения на этой стадии. Отдельного внимания заслуживают колонки 5 и 9 таблицы, при сравнении которых видно, что залог, обращенный в доход государства в расчете на одного обвиняемого, меньше среднестатистического размера залога, применяемого в течение этого года. Можно допустить, что именно этот фактор обусловил его неэффективность в ряде случаев. Полагаем, при правильном определении размера залога эта мера пресечения способна не только обеспечить явку обвиняемого по вызову, но и в целом гарантировать его надлежащее поведение в ходе всего производства по уголовному делу.

Такой подход к пониманию сущности залога принципиально меняет отношение к этой мере пресечения, делает ее понятной для участников судопроизводства и востребованной на практике. Занимая место между мерами, не связанными с содержанием под стражей, и мерами физического воздействия, залог получает свою

собственную сферу применения, хотя и производную от сферы применения заключения под стражу. Ведь при отсутствии оснований для ареста к обвиняемому будут применяться меры психологического воздействия, что автоматически исключает залог. Если же установлены основания для заключения обвиняемого под стражу, то при наличии положительной характеристики у него возникает право и появляется возможность быть освобожденным под залог. Современная российская следственная и судебная практика подтверждают этот тезис: залог применяется только к задержанным или арестованным обвиняемым, подозреваемым в порядке изменения меры пресечения на более мягкую.

Таким образом, решение проблем правового регулирования залога — в кардинальном изменении его сущности и совершенствовании порядка применения. Несмотря на законодательное признание юридического равенства всех мер пресечения, залог не является самостоя-

Вершинина С.И. Проблемы правового регулирования залога как меры пресечения

тельной мерой. Современный залог — это мера принуждения, производная от заключения под стражу; мера, выступающая его альтернативой. В этом есть суть залога и в этом его процессуальное значение. Поэтому в УПК РФ следует ввести ряд правил, закрепляющих производный характер залога от самой строгой меры пресечения — заключения под стражу:

1. Если нет оснований для заключения под стражу, то нет оснований и для применения залога. В таком случае сфера применения залога, выступающего альтернативой заключению под стражу и домашнему аресту, не может принципиально отличаться от сферы применения обозначенных мер.

2. У каждого задержанного или арестованного есть право быть освобожденным под залог, размер которого определяется судом на основании установленных законом критериев.

3. Если лицо содержится под стражей (задержание, домашний арест или заключение под стражу), то при наличии определенных обстоятельств, характеризующих его с положительной стороны, к нему должен применяться залог.

Примечания

1. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей с 2010 по 2016 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika (дата обращения: 20.05.2017).

2. Баландюк О.В. Исполнение обязательств залогодателем при реализации ст. 106 УПК РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 1 (52). С. 54—59.

3. Каштанова Н.С. Отдельные аспекты применения залога как меры пресечения в уголовном судопроизводстве России и Казахстана: теоретико-практическое исследование // Синергия наук. 2017. № 10. С. 673—701.

4. Нарбикова Н.Г. Проблемы эффективности залога как меры пресечения в уголовном процессе // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2015. № 5 (55). С. 256—257.

5. Шамсутдинова Р.З., Абашева Ф.А. Процессуальные проблемы применения меры пресечения в виде залога в уголовном судопроизводстве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2013. № 2—3. С. 207—209.

6. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18.01.2017). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2018).

7. Татьяна Л.Г. Виды особых производств в уголовном процессе России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. Т. 26. № 2. С. 123—126.

8. Барабаш А.С. Основания для избрания заключения под стражу, домашнего ареста, залога и их доказывание // Российский юридический журнал. 2016. № 4 (109). С. 117—131.

9. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением [Токийские правила]. Приняты резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г. URL: <http://www.un.org/ru/documents> (дата обращения: 24.05.2017).

10. Бабич Л.Н. Залог как мера пресечения в Уголовно-процессуальном кодексе ЛНР // Актуальные проблемы права: теория и практика. 2016. № 35. С. 57—63.

11. Шаповалова Т.И. Залог как мера пресечения в уголовном процессе и его применение следователями органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001.

12. Баранов С.А. Залог в современном уголовном процессе России: проблемы нормативного регулирования и практика применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009.

13. Бурлакова Я.Ю. Проблемы избрания и применения мер уголовно-процессуального пресечения, не связанных с лишением или ограничением свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009.

References

1. The review of judicial statistics on the activities of the Federal courts of General jurisdiction and justices of the peace from 2010 to 2016. *Official website of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation*. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika (accessed 20.05.2017). (In Russ.)

2. Balandyuk O.V. Performance of the obligations of the mortgagor in the implementation of article 106 of the Criminal procedure code of the Russian Federation. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 2014, no. 1 (52), pp. 54—59. (In Russ.)

3. Kashtanova N.S. Some aspects of the application of bail as a preventive measure in criminal proceedings of Russia: theoretical-practical study. *Synergy Sciences*, 2017, no. 10, pp. 673—701. (In Russ.)

4. Narbikova N.G. The problem of the effectiveness of bail as a measure of restraint in criminal trial. *Proceedings of the Orenburg state agrarian University*, 2015, no. 5 (55), pp. 256—257. (In Russ.)

5. Shamsutdinova R.Z., Abasheva F.A. Procedural issues of application of the preventive measure in the form of bail in criminal proceedings. *Bulletin of Udmurt University. Series «Economics and law»*, 2013, no. 2—3, pp. 207—209. (In Russ.)

6. Review of practice of consideration by courts of petitions for election of a measure of restraint in form of detention and extension of detention period (approved by the Presidium of the Supreme Court 18.01.2017). Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 20.12.2018). (In Russ.)

7. Tatianina L.G. Types of special proceedings in criminal procedure of Russia. *Vestnik of Udmurt University. Series «Economics and law»*, 2016, vol. 26, no. 2, pp. 123—126. (In Russ.)

8. Barabash A.S. Foundation for a preventive detention, home arrest, pledge and proof. *Russian juridical journal*, 2016, no. 4 (109), pp. 117—131. (In Russ.)

9. Standard minimum rules United Nations in respect of measures not involving imprisonment [the Tokyo rules]. Adopted resolution 45/110 of the General Assembly of 14 December 1990. URL: <http://www.un.org/ru/documents> (accessed 24.05.2017). (In Russ.)

10. Babich L.N. Bail as a preventive measure in the Criminal procedure code LC. *Actual problems of law: theory and practice*, 2016, no. 35, pp. 57—63. (In Russ.)

11. Shapovalova T.I. Pledge as the measure of restraint in criminal proceedings and its application by investigators of the internal Affairs bodies. Author's abstract... candidate of legal sciences. St. Petersburg, 2001. (In Russ.)

12. Baranov S.A. Bail in modern criminal procedure of Russia: problems of regulation and practice. Author's abstract... candidate of legal sciences. Voronezh, 2009. (In Russ.)

13. Burlakov Yu.Ya. Problems of choice and application of measures of criminal procedural measure not related to deprivation or restriction of liberty. Author's abstract... candidate of legal sciences. Vladimir, 2009. (In Russ.)

УДК 343.132
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10214

Власова Светлана Владимировна
Svetlana V. Vlasova

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (law), associate professor, professor of the department of criminal procedure
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: Vlasovasvetla@yandex.ru

Рябков Евгений Маркович
Evgeny M. Ryabkov

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры профессиональной деятельности со-
трудников подразделений экономической безопасности

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

doctor of sciences (law), associate professor, professor of the department of professional activities of
employees of economic security units

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: evg.ryabkov@mail.ru

О расширении понятийного аппарата науки, объясняющего сущность и назначение уголовного процесса

On the expansion of the conceptual apparatus of science, explaining the nature and purpose of the criminal process

Унаследованный от советского правоведения понятийный аппарат науки уголовного процесса устарел и нуждается в обновлении. Одним из понятий, позволяющих по-новому объяснить сущность и назначение уголовного судопроизводства, является категория «экосистема». Междисциплинарное понятие «экосистема» позволяет отказаться от механистического представления о том, что государство посредством уголовного и уголовно-процессуального права противодействует преступности. В основу нового понимания того, как устроен и работает уголовный процесс, положен принцип взаимодействия участников уголовно-правового спора. Эти участники, выступая представителями кросс-команды, на цифровой платформе государства вырабатывают и применяют оптимальное правовое средство разрешения уголовно-правового конфликта.

Ключевые слова: экосистема, механизм уголовно-процессуального регулирования, уголовный процесс, уголовное право, государство как платформа, уголовно-процессуальная экосистема.

The conceptual apparatus of science of the criminal process inherited from Soviet jurisprudence is outdated and needs to be updated. One of the concepts allowing a new explanation of the essence and purpose of criminal proceedings is the category of "ecosystem". The interdisciplinary concept of "ecosystem" makes it possible to abandon the mechanistic idea that the state counteracts crime through criminal and criminal procedural law. The basis of the new understanding of how the criminal process is organized and works is based on the principle of interaction between the participants in a criminal dispute. These participants, speaking as representatives of the cross-team, on the digital platform of the state develop and apply the best legal means of resolving the criminal law conflict.

Keywords: ecosystem, mechanism of criminal procedure regulation, criminal procedure, criminal law, state-as-platform, criminal procedural ecosystem.

© Власова С.В., Рябков Е.М., 2019

В отечественной уголовно-процессуальной науке исторически сложился понятийный аппарат, который детерминирует понимание того, как устроен и действует уголовный процесс, а также в чем его социальное назначение. Система таких понятий, проникнутых следственной идеологией, определяет и круг предложений по «оптимизации» позитивного уголовно-процессуального права.

Центральным понятием, определяющим мировоззрение коллег, является понятие «механизм уголовно-процессуального регулирования», который в свою очередь является производным от аналогичного общетеоретического понятия. В научных дефинициях механизм уголовно-процессуального регулирования представляет собой систему правовых средств, с помощью которых государственными органами осуществляется правовое воздействие на общественные отношения [1, с. 5; 2, с. 15; 3, с. 18, 19]. Несмотря на отдельные различия во мнениях в том, из каких деталей состоит этот «механизм», в исходной — методологической установке на понимание права и государства его сторонники едины.

Полагаем, что подобное «механистическое» представление о праве и процессе его применения в современную эпоху устарело. В него заложено убеждение в том, что государство использует закон в качестве средства воздействия на объект — общество, экономику, общественные отношения и прочее, в том числе и на поведение человека, на него самого. В современную цифровую эпоху это уже не совсем так.

Пришло время посмотреть на уголовный процесс в свете иных научных понятий, которые позволяют по-другому посмотреть на характер взаимодействия государства, населения и бизнеса в цифровой среде.

В качестве такого понятия мы предлагаем понятие «экосистема», которое первоначально было создано биологами, а в настоящее время получило широко употребление в самых разнообразных отраслях научного знания.

Как известно, под «системой» подразумевается некий реальный или воображаемый объект, совокупные свойства которого представляются как результат взаимодействия его составных частей.

С позиции экологии *экосистема* представляет собой диалектическое единство живых организмов с окружающей их средой [4, с. 3].

Представление об экосистеме как единстве организмов и среды возникло в конце XIX столетия, когда научное сообщество активизировало свои изыскания по обозначенной тематике (К. Меби-

ус, 1877; С. Форбс, 1877; В. Докучаев, 1886 и др.). Сам термин «экосистема» был впервые введен в обиход английским специалистом в области экологии А. Тенсли в 1935 году [5, с. 284—307]. А. Тенсли определил экосистему в виде системы физико-химико-биологических процессов.

С развитием биологии представления о сущности и содержании экосистемы менялись. Ф. Эвансом понятие экосистемы было расширено и стало означать любую живую систему, которая взаимодействует с окружением. Он утверждал, что существующие формы жизни любого порядка сложности могут быть рассмотрены в качестве «живого компонента» экосистемы [6, с. 56].

Экосистема выступает в качестве основной функциональной единицы экологии ввиду того, что она вобрала в себя организмы и неживую среду, то есть компоненты, которые взаимно влияют на свойства друг друга, а также жизненно важные условия поддержания жизни в той ее форме, которая существует на Земле.

Английскими учеными Тейлором Дэннисом, Грином Найджелом и Стаут Уилфом экосистема представляется в виде совокупности живых организмов (сообществ) и среды их обитания, которые образуют с помощью круговорота веществ устойчивую систему жизни [7, с. 354]. Другие ученые экосистему понимают в виде функционального единства живых организмов и их среды обитания (<http://www.grandars.ru/shkola/geografiya/ekosistema.html>).

Николай Федорович Реймерс экосистему представлял в виде сообщества живых существ и его среды обитания, объединенных в единое функциональное целое, которое возникает на основе взаимозависимости и причинно-следственных связей, имеющих место быть между отдельными экологическими компонентами [8, с. 601].

По Юджину Одуму экосистема есть единство, вобравшее в себя все организмы на данном участке, которое взаимодействует с физической средой так, что энергетический поток генерирует упорядоченную трофическую структуру, разнообразие видов и круговорот веществ внутри системы [9, с. 84—88].

Д.Ф. Оуэн экосистему определял в виде сообщества живых организмов вместе с неживой частью среды, в которой оно существует [10].

Экосистема представляет собой фундаментальную общность живого и среды его обитания, любую совокупность совместно обитающих живых организмов и условий их существования [11, с. 98].

По мнению В.В. Денисова, экосистемой является любая совокупность организмов и неорганических компонентов окружающей их среды,

в которой может осуществляться круговорот веществ [12, с. 124].

С.А. Остроумов экосистему определяет как совокупность взаимосвязанных живых существ, которые обитают на определенном участке в комплексе со средой их обитания и взаимодействиями между собой и со средой [13, с. 571—574].

Существуют еще и иные определения понятия экосистема, высказанные представителями экологического сообщества [14—18], но в целом они сводятся к тому, что это — исторически сложившаяся биологическая система (самоорганизующаяся, саморегулирующаяся и саморазвивающаяся), которая состоит из сообщества живых организмов, их среды обитания, системы связей, осуществляет обмен веществом и энергией между ними и которые находятся друг с другом в закономерной взаимосвязи.

Тенденции последних десятилетий заключаются в использовании эволюционного подхода к анализу явлений и процессов, которые происходят в государстве, обществе и экономике. Применительно к экономике это можно объяснить тем, что по аналогии с природными системами развитие различного рода систем в экономике осуществляется за счет взаимодействия между ее частями, изменчивости и адаптации друг к другу, а также за счет процессов, схожих с естественным отбором в природе, которые являют результат аккумулированного технологического знания [19; 20; 21, с. 34]. Благодаря данному подходу, термин «экосистема» также используется и в экономике.

В 1989 году Фрош и Галлопулос в своих работах применили термин «промышленная экосистема». Несмотря на провальность данной идеи, авторы указывали на основанность ее на аналогии с природным биоценозом и сопряженность с повсеместной переработкой отходов в природной экосистеме [22].

Термин «предпринимательская экосистема» в 1996 году был предложен Дж.Ф. Муром, который описывал ее как сеть взаимодействий между различными субъектами предпринимательской деятельности по аналогии с природной экосистемой [23, с. 76]. Созданная Дж.Ф. Муром экосистема способна к эволюционированию посредством созидания, расширения, установления господствующего положения в данной экосистеме, обновления или летального исхода.

В 2003 году Митлтоном Келли Е. было введено понятие «социальная экосистема» [24]. Им объясняется существование организации в социальной экосистеме, в рамках которой организация оказывает влияние на иных участников экономической деятельности, представителей

бизнеса, юридических и социальных институтов и в то же время зависит от них.

Ч. Вессенером и Р.У. Айресом был предложен термин «инновационная экосистема» [25—27]. Основная цель, стоящая перед данной экосистемой — улучшить взаимодействие организации с существующими партнерами, повысить конкурентоспособность путем создания инновационных продуктов. Ч. Вессенером даются также уточнения относительно наличия сложной синергии в среде существующих попыток осуществлять приток инноваций на рынок [28, с. 77, 79].

К. Факуда и К. Ватанебе представлялся термин «национальная инновационная экосистема» и были определены принципы ее функционирования, которые можно охарактеризовать с позиции гетерогенной синергии, устойчивого постоянного развития посредством взаимного обмена, самопроизвольного воспроизводства посредством коэволюции [29].

И наконец, Я. Максвелом был применен термин «университетская предпринимательская экосистема» [30]. Данному институту отводилось место некоего звена, позволяющего сплотить вокруг себя ресурсы, которые важны и необходимы для передачи знания, а также выработать умения у компаний по построению своих экосистем.

Пауэр и Джерьян в своей работе указывают на преимущество предпринимательской экосистемы, которая построена на основе какой-то одной компании, имеющей значительное количество связей и взаимодействий [31].

М. Пелтониemi рассматривает предпринимательскую экосистему как комплексную сложную систему, состоящую из независимых, но взаимосвязанных компонентов, которые характеризуются адаптивностью, способностью к самоорганизации и взаимоизменению в процессе развития взаимосвязанных субъектов [19]. Данным автором совместно с У. Вуори было дано определение предпринимательской экосистемы [22] как динамической структуры, состоящей из взаимосвязи «популяций» организаций, причем в данной динамической структуре должны присутствовать одновременно процессы кооперации и конкуренции.

Термин «инновационная экосистема» — появился только после принятия концепции «открытых инноваций» в свете того, что компании были вынуждены повысить уровень взаимодействия и сотрудничества с иными экономическими агентами, стремясь к сетевому взаимодействию, осуществляя так называемое сотворчество, целью которого является создание тех или иных инноваций.

Ч. Весснер высказался о влиянии государства на формирование инновационной экосистемы [32], К. Факуда и К. Ватакабе говорят о существовании инновационной экосистемы на уровне государства [29].

Российские авторы также занимались исследованием понятия «инновационная экосистема». Так, к примеру, С. Юшко определяет ее в качестве совокупности мер, которые направлены на обеспечение усилий для того, чтобы появились люди, способные развивать инновационные проекты, а после этого создавать необходимые условия для их развития [33].

Л. Копейкина говорит об инновационной экосистеме как о совокупности условий, которые обеспечивают рациональное и позитивное создание и развитие инновационных предприятий [34].

А.Ю. Яковлева полагает, что инновационная экосистема является сообществом, которое выступает катализатором кооперации участников для бартера, внедрения и перераспределения знаний и иных ресурсов, а также их модификации [35, с. 48].

После того как мы произвели анализ сущностной составляющей природных экосистем, мы, используя метод аналогий, можем трансформировать понятие «экосистема» в уголовное судопроизводство.

XXI век характеризуется как период масштабных сдвигов в экономике, обществе, государственном управлении. По всему миру происходит четвертая технологическая революция через внедрение цифровых технологий во все сферы жизни, не исключая и сферу противодействия преступности, которая все более становится киберпреступностью.

России необходимо разрешить вопросы, связанные с укреплением экономического суверенитета, построением и укреплением правового государства. В настоящее время во всех сферах жизни и общества осуществляется поиск новых механизмов устойчивого развития и роста национальной экономики, а также разработки новых моделей и механизмов правового регулирования отдельных сфер деятельности государственных органов.

С этой целью осуществляется реализация Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года; приоритетных национальных проектов; мер по стимулированию инноваций на предприятиях [36] и т. д. Во всех этих документах используется термин «экосистема».

Министр связи и массовых коммуникаций Николай Никифоров в 2017 году, выступая на

заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам при Президенте Российской Федерации (далее — Президент РФ), отметил, что цифровая экономика это экономика данных, которая формирует некую экосистему (URL: <https://www.putin-today.ru/archives/48282>).

Герман Греф несколько раз высказался о курсе на создание экосистемы, как о единственном верном (URL: <http://futurebanking.ru/post/3358>). В качестве будущего развития экономики в целом он видит «...платформенную организацию с развитой экосистемой вокруг» (URL: <http://futurebanking.ru/post/3358>).

Аркадий Дворкович в марте 2018 года на Open Innovations Startup Tour в Калининграде заявил, что благодаря Startup Tour число инновационных предприятий в России в последние годы существенно выросло, ярким примером тому является Фонд «Сколково», целью которого является создание экосистемы, которая была бы благоприятна для развития предпринимательства и исследований (URL: <http://www.rvc.ru/press-service/media-review/eco/126853/>).

Президент РФ В.В. Путин на Встрече с финалистами Всероссийского конкурса управленцев «Лидеры России» в феврале 2018 года говорит об экосистеме Сбербанка Российской Федерации (URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56846>).

Указом Президента РФ от 9 мая 2017 года № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы, в числе основных понятий которой обозначено понятие экосистемы цифровой экономики как партнерства организаций, которое обеспечивает постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан (URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687>). Согласно положениям данной Стратегии должно происходить внедрение когнитивных технологий с последующей их конвергенцией с био- и нанотехнологиями, на основе которых должны совершенствоваться технологии сбора и обмена данными, управления различными процессами. Социальные и промышленные объекты, электронные устройства распространяют колоссальные объемы данных, что в итоге ведет к формированию новых технологий, активное и повсеместное применение которых дает начало развитию нового этапа экономики — цифровой экономики — и образованию

ее экосистемы. Развитие российской экосистемы цифровой экономики выступает в качестве национального интереса в области цифровой экономики (URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687>).

А.И. Боровков, выступая с докладом «О дорожной карте “Технет” (передовые производственные технологии) Национальной технологической инициативы» на заседании президиума Совета при Президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию России 14 февраля 2017 года отметил, что цифровая экосистема должна выступать в качестве некой инфраструктуры (URL: <https://technet-nti.ru/article/istoriya-tehnet>).

В Программе развития Цифровой (электронной) экономики в Российской Федерации до 2035 года, которая была представлена Центром изучения Цифровой (электронной) экономики, заметна ее социальная ориентация, стремление содействовать созданию новых возможностей для улучшения жизни всех социальных групп населения. В рамках данной программы должен быть реализован потенциал обновленного экономического уклада для национального благосостояния при полноценном участии государства в выстраивании новой глобальной экономической экосистемы. Цифровая экосистема данной программой рассматривается в качестве центра синергии государства, бизнеса и граждан (URL: <http://aetp.ru/news/item/410256>).

Иными словами, можно прийти к выводу о том, что категория экосистемы стала одним из ведущих элементов в инструментарии исследования экономических, политических, государственно-правовых явлений.

Наиболее ярким тому подтверждением является концепт «Государство-как-Платформа», созданный в Центре стратегических разработок и обретший уже вполне определенные технические и правовые очертания, под которым понимается трансформации государственного управления с использованием возможностей, которые дают новые технологии (URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/02/Gosupravlnie_Web.pdf; Россия онлайн: «Четыре приоритета для прорыва в цифровой экономике». http://image-src.bcg.com/Images/Russia-Online_tcm27-178074.pdf). Согласно данному концепту, «Государство-как-Платформа» является *цифровой экосистемой*. Цифровая экосистема являет собой центр синергии государства, бизнеса, граждан, в котором государство как координатор возьмет на себя управление взаимодействием всех участников платформы, но должно будет выступать создателем

экосреды взаимодействия, а не постоянным *запретительным регулятором*. «Государство-как-платформа» — это цифровая экосистема, технологическая среда с API, где формируется и договор относительно средства правового урегулирования представителями спорящих сторон, заинтересованных в урегулировании возникшего правового спора [37, с. 8].

Перенося эти представления в уголовно-процессуальную сферу, можно сказать, что сущность государства можно свести к понятию «цифровой платформы», через которую населению и бизнесу оказываются услуги по применению уголовного закона к тем, кто его нарушил и тем самым нанес вред законным интересам и правам лиц. Суть платформенной организации государственной власти состоит в приспособлении ее для обслуживания нужд общества — защиты населения и бизнеса от преступлений на основе развитой системы обратной связи между управляющей и управляемой подсистемами.

Процесс применения норм уголовного закона можно понимать как среду уголовного правообразования, как инстанцию формирования основания для применения мер уголовной ответственности к лицу, признаваемому преступником. Это среда взаимодействия между всеми заинтересованными в исходе уголовного дела лицами, то есть *уголовно-процессуальная экосистема*. Эта экосистема в свою очередь будет выступать в качестве средства поддержания в равновесном состоянии экосистемы в ее глобальном понимании.

Примечания

1. Зусь Л.Б. Проблемы правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства. Владивосток, 1978.
2. Зусь Л.Б. Правовое резюмирование, его механизм в сфере уголовного судопроизводства (вопросы теории): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1981.
3. Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2011.
4. Соловьев В.А. Экология и охрана природы. Экосистема: учебное пособие. Л., 1987. 96 с.
5. Tansley A.G. The use and abuse of vegetational concepts and terms. Ecology. 1935. 307 p.
6. Федоров В.Д., Гильманов Т.Г. Экология. М.: Изд-во МГУ, 1980. 464 с.
7. Тейлор Д., Грин Н., Стаут У. Биология: в 3 т. 3-е изд. М.: 2004. Т. 1. 454 с.; Т. 2. 436 с.; Т. 3. 451 с.
8. Реймерс Н.Ф. Природопользование: Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. 637 с.
9. Одум Ю. Основы экологии. М.: Мир, 1975. 740 с.

10. Оуэн Д.Ф. Что такое экология? What is Ecology?: монография / пер. М.О. Долетбаков, ред. В.В. Дежкин. М.: Лесная промышленность, 1984. 185 с.
11. Аствацатуров А.Е. Инженерная экология: учебное пособие. Ростов-н/Д: Издательский центр ДГТУ, 2006. 177 с.
12. Экология: учебное пособие для вузов / под ред. В.В. Денисова). 2-е изд. испр., доп. Ростов-н/Д, 2004. 672 с.
13. Остроумов С.А. Новые варианты определений понятий и терминов «экосистема» и «биогеоценоз» // ДАН. 2002. Т. 383. № 4. С. 571—574.
14. Федоров В.Д., Гильманов Т.Г. Экология. М.: Изд-во МГУ, 1980. 464 с.
15. Begon M., Harper J.L., Townsend C.R. Ecology. 1996. Oxford: Blackwell Science. 1068 p.
16. Алимов А.Ф. Элементы теории функционирования водных экосистем. СПб.: Наука. 2000. 147 с.
17. Шилов И.А. Экология. М.: Высшая школа. 2000. 512 с.
18. Розенберг Г.С., Мозговой Д.П., Гелашвили Д.Б. Экология: элементы теоретических конструкций современной экологии. Самара: Самарский научный центр РАН. 1999. 396 с.
19. Peltoniemi M. Cluster, Value Network and Business Ecosystem: Knowledge and Innovation Approach. Paper Presented at «Organisations, Innovation and Complexity: New Perspectives on the Knowledge Economy» conference, September 9-10 2004, in Manchester, UK.
20. Rothschild M. Bionomics: Economy as ecosystem. New York, NY: Henry Holt and company, Inc. 1991.
21. Яковлева А.Ю. Факторы и модели формирования и развития инновационных экосистем: дис. ... канд. экон. наук. М., 2012.
22. Peltoniemi M., Vuori E. Business ecosystem as the new approach to complex adaptive business environments. URL: <http://www.iwoce.org/definitions-of-ecosystems.pdf> (дата обращения: 15.05.2019).
23. Moore J.F. The death of competition: leadership and strategy in the age of business ecosystems, Harper Business, New York, 1997.
24. Möller K. Sense-making and agenda construction in emerging business networks — How to direct radical innovation, Industrial Marketing Management (2009).
25. Третьяк В.П. Кластеры предприятий. Иркутск, 2006. 220 с.
26. Ayres R. On the lifecycle metaphor: where ecology and economics diverge. Robert Ayres. 48, 2004.
27. Iansiti M., Levien R. Keystone Advantage: What the New Dynamics of Business Ecosystems Mean for Strategy, Innovation, and Sustainability. Harvard Business Press (August 1, 2004).
28. Фоломьев А.Н. Инновационный тип развития экономики. М.: Изд-во РАГС, 2008. 711 с.
29. Fukuda K., Watanabe C. Japanese and US perspectives on the National Innovation Ecosystem. Technology in society. Vol 30. Iss. 1. Jan 2008.
30. Maxwell I. Managing Sustainable Innovation: The Driver for Global Growth. New York: Springer, 2009.
31. Power T., Jerjian G. Ecosystem: Living the 12 principles of networked business. Pearson Education Ltd. 2001. 289 p.
32. Wessner C.W. National Research Council (U.S.). Committee on Capitalizing on Science, Technology, and Innovation: An Assessment of the Small Business Innovation Research Program — 2004/[www.6cpr.net/downloads/03vancouver_wessner.ppt](http://www6.cpr.net/downloads/03vancouver_wessner.ppt)
33. РБК — ключевое звено модернизации экономики. URL: http://www.strf.ru/innovation.aspx?CatalogId=223&d_no=26772 (дата обращения: 15.05.2019).
34. Сетевой бизнес и кластерные технологии: сборник научных статей / Нац. исслед. ун-т «Высшая Школа Экономики», ф-т менеджмента; сост. У.В. Ломакова; науч. ред. В.П. Третьяк, М.Ю. Шерешева. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2011. 335 с.
35. Яковлева А.Ю. Факторы и модели формирования и развития инновационных экосистем: дис. ... канд. экон. наук. М., 2012.
36. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года): распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 28.09.2018) // Собрание законодательства РФ. 2008, № 47, ст. 5489; Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р (ред. от 18.10.2018). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/ (дата обращения: 15.05.2019).
37. Петров М., Буров В., Шклярчук М., Шаров А. Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики М.: Центр стратегических разработок, 2018. URL: <https://www.csr.ru/news/tsifrovaya-transformatsiya-gosudarstva-grazhdanin-i-gosudarstvo-novoj-tsifrovoj-realnosti/>

References

1. Zus L.B. Problems of legal regulation in the field of criminal proceedings. Vladivostok, 1978. P. 5. (In Russ.)
2. Zus L.B. Legal summarizing, its mechanism in the field of criminal proceedings (theory). Author's abstract... doctor of legal sciences. Leningrad, 1981. (In Russ.)
3. Bakhta A.S. The mechanism of criminal procedure regulation. Dissertation... doctor of legal sciences. Moscow, 2011. (In Russ.)
4. Soloviev V.A. Ecology and nature conservation. Ecosystem: Study Guide. Leningrad, 1987. 96 p. (In Russ.)
5. Tansley A.G. The use and abuse of vegetational concepts and terms. Ecology. 1935. 307 p. (In Russ.)

6. Fedorov V.D., Gilmanov T.G. Ecology. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1980. 464 p. (In Russ.)
7. Taylor D., Greene N., Stout U. Biology: in 3 tons. 3rd ed. Moscow, 2004. Vol. 1. 454 p.; Vol. 2. 436 p.; Vol. 3. 451 p. (In Russ.)
8. Reimers N.F. Nature management: Dictionary-reference. Moscow: Thought, 1990. 637 p. (In Russ.)
9. Odum Y. Fundamentals of Ecology. Moscow: Mir, 1975. 740 p. (In Russ.)
10. Owen D.F. What is ecology?: monograph / transl. from M.O. Doletbakov, ed. V.V. Dezhkin. Moscow: Forest industry, 1984. 185 p. (In Russ.)
11. Astvytsaturov A.E. Engineering Ecology: Textbook. allowance. Rostov on Don: Publishing Center DGTU. 2006. 177 p. (In Russ.)
12. Ecology: a textbook for universities / ed. V.V. Denisov). 2nd, corr., ext. Publisher: Rostov; Moscow, 2004. 672 p. (In Russ.)
13. Ostroumov S.A. New versions of the definitions of concepts and terms «ecosystem» and «biogeocenosis». DAN, 2002, vol. 383, no. 4, pp. 571—574. (In Russ.)
14. Fedorov V.D., Gilmanov T.G. Ecology. Moscow: Publishing House, 1980. 464 p. (In Russ.)
15. Begon M., Harper J.L., Townsend C.R. Ecology. 1996. Oxford: BlackwellScience. 1068 p.
16. Alimov A.F. Elements of the theory of functioning of aquatic ecosystems. St. Petersburg: Science, 2000. 147 p. (In Russ.)
17. Shilov I.A. Ecology. Moscow: High School. 2000. 512 p. (In Russ.)
18. Rosenberg G.S., Mozgovoy D.P., Gelashvili D.B. Ecology: elements of theoretical constructions of modern ecology. Samara: Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 1999. 396 p. (In Russ.)
19. Peltoniemi M. Cluster, Value Network and Business Ecosystem: Knowledge and Innovation Approach. Paper Presented at «Organizations, Innovation and Complexity: New Perspectives on the Knowledge Economy» conference, September 9-10, 2004, in Manchester, UK.
20. Rothschild M. Bionomics: Economy as ecosystem. New York, NY: Henry Holt and company, Inc. 1991.
21. Yakovleva A.Yu. Factors and models of the formation and development of innovative ecosystems. Dissertation... candidate of economy sciences. Moscow, 2012. (In Russ.)
22. Peltoniemi M., Vuori E. Business ecosystem for a new approach to complex adaptive business environments. URL: <http://www.iwoce.org/definitions-of-ecosystems.pdf> (accessed 15.05.2019).
23. Moore J.F. The death of competition: leadership and strategy in the age of business ecosystems, Harper Business, New York, 1997.
24. Möller K. International Industrial Management Management (2009).
25. Tretyak V.P. Clusters of enterprises. Irkutsk, 2006. 220 p. (In Russ.)
26. Ayres R. On the lifecycle metaphor: where ecology and economics diverge. Robert Ayres. 48, 2004.
27. Iansiti M., Levien R. Keystone Advantage: Ecogazine for Business Strategy, Innovation, and Sustainability. Harvard Business Press (August 1, 2004).
28. Folomev A.N. Innovative type of economic development. Moscow: Publishing House of the Academy of State Administration, 2008. 711 p. (In Russ.)
29. Fukuda K., Watanabe C. Japanese and US perspectives on the National Innovation Ecosystem. Technology in society, vol 30, iss. 1, Jan 2008.
30. Maxwell I. Managing Sustainable Innovation: The Driver for Global Growth. New York: Springer, 2009.
31. Power T., Jerjian G. Ecosystem: Living the 12 principles of networked business. Pearson Education Ltd. 2001. 289 p.
32. Wessner C. W. National Research Council (U.S.). The International Business Innovation Research Program — 2004/www.6cp.net/downloads/03vancouver_wessner.ppt
33. RVK — a key link in the modernization of the economy. URL: http://www.strf.ru/innovation.aspx?CatalogId=223&d_no=26772 (accessed 15.05.2019). (In Russ.)
34. Network business and cluster technologies: Sat. scientific St. / Nat. researches University of Higher School of Economics, Faculty of Management; status of WC Lomakova; scientific ed. V.P. Tretyak, M.Yu. Sheresheva. Moscow: Izd. DomHys Higher School of Economics, 2011. 335 p. (In Russ.)
35. Yakovleva A.Yu. Factors and models of the formation and development of innovative ecosystems. Dissertation... candidate of economysciences. Moscow, 2012. (In Russ.)
36. On the Concept of the long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020 (together with the Concept of the long-term socio-economic development of the Russian Federation on period until 2020): order of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1662-p (as amended on September 28, 2017). *Collection of legislative acts of the RF*. 2008, no. 47, art. 5489; On approval of the Strategy for the innovative development of the Russian Federation for the period up to 2020: order of the Government of the Russian Federation of 08.12.2011 no. 2227-p (as amended on 18.10.2018). Access from the reference legal system «ConsultantPlus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/ (accessed 15.05.2019). (In Russ.)
37. Petrov M., Burov V., Shklyaruk M., Sharov A. State as a platform. (Cyber) State for the Digital Economy/ Moscow: Center for Strategic Research, 2018. URL: <https://www.csr.ru/news/tsifrovaya-transformatsiya-gosudarstva-grazhdanin-i-gosudarstvo-v-novoj-tsifrovoy-re- alnosti/> (accessed 15.05.2019). (In Russ.)

УДК 343.13
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10215

Гриненко Александр Викторович
Alexander V. Grinenko

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (119454, Москва, проспект Вернадского, 76)

doctor of sciences (law), professor, honored lawyer of the Russian Federation, professor of the department of criminal law, criminal procedure and criminalistics
Moscow state institute of international relations (university) of the Ministry of foreign affairs of the Russian Federation (76 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation, 119454)

E-mail: avgrinenko2@mail.ru

Иванов Дмитрий Александрович
Dmitry A. Ivanov

доктор юридических наук, доцент, почетный сотрудник МВД России, заместитель начальника кафедры предварительного расследования
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, 12)

doctor of sciences (law), associate professor, honorary worker of the Ministry of internal affairs of Russia, deputy head of Department of preliminary investigation
Moscow university of the Ministry of internal affairs of Russia named after V.J. Kikot (12 Akademika Volgina st., Moscow, Russian Federation, 117997)

E-mail: ida_2008_79@mail.ru

Совершенствование мер процессуального принуждения в российском уголовном судопроизводстве

Improvement of measures of procedural coercion in Russian criminal proceedings

Цель данного исследования состоит в выявлении проблем, существующих при применении мер процессуального принуждения в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации, а также в обосновании предложений по их разрешению. Автором вводится в научный оборот термин «принудительное воздействие в уголовном судопроизводстве». Проводится отграничение понятий «принуждение», «предупреждение» и «убеждение» при производстве по уголовным делам. Доказана необходимость комплексного изменения действующего уголовно-процессуального законодательства с целью создания единого механизма законного и обоснованного принуждения в российском уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовное дело, принуждение, заключение под стражу, права личности, следователь, суд, обвиняемый, потерпевший.

The purpose of this study is to identify the problems existing in the application of measures of procedural coercion in the field of criminal proceedings of the Russian Federation, as well as to substantiate proposals for their resolution. The author introduces the term «coercive influence in criminal proceedings» into scientific circulation. The concepts of «coercion», «warning» and «persuasion» in criminal proceedings are delimited. The necessity of complex changes in the current criminal procedure legislation in order to create a single mechanism of legal and reasonable coercion in the Russian criminal proceedings is proved.

Keywords: criminal proceedings, criminal proceedings, coercion, imprisonment, individual rights, the investigator, the court, the accused, the victim.

© Гриненко А.В., Иванов Д.А., 2019

Процессуальное принуждение — это конкретное понятие, оно представляет собой определенную совокупность мер, перечень которых приведен в действующем законодательстве [1, с. 92]. Принуждение вне конкретных мер не существует, как не существует и иных мер принуждения, помимо прямо закрепленных в законе.

Процессуальное принуждение применяется строго в рамках конкретных, уже возникших правоотношений. Это может быть возбужденное уголовное дело, по которому осуществляется предварительное расследование или судебное разбирательство. В качестве исключения некоторые авторы называют случаи, когда такие меры (например, задержание) применяются на первоначальной стадии процесса, при проверке сообщения о преступлении [2, с. 43].

Меры процессуального принуждения применяются лишь теми органами и должностными лицами, в производстве которых находится уголовное дело [3, с. 7—8]. Запрещено предоставлять возможность применения мер процессуального принуждения другим должностным лицам, хотя контроль за фактическим осуществлением этих мер возможен, и другими органами (например, привод осуществляется полицией, контроль за домашним арестом — сотрудниками Федеральной службы исполнения наказаний).

Для применения той либо иной конкретной меры процессуального принуждения требуется наличие соответствующих оснований. Фактическим (материальным) основанием являются доказательства, которые вызывают необходимость применения той либо иной меры, а юридическим (формальным) основанием — составление соответствующего процессуального документа. В качестве оснований в любом случае не должны использоваться какие-либо домыслы, предположения, не подтвержденные доказательствами версии.

При применении мер процессуального принуждения должно использоваться правило их экономии. Принуждение — не самоцель. Если та либо иная задача может быть решена без применения принуждения или с применением принуждения сравнительно небольшой степени, то следователь, суд должны идти по пути наименьшего принудительного воздействия.

И, наконец, при применении мер принуждения в полной мере обеспечиваются права, свободы и законные интересы лиц, в отношении которых принимается соответствующее решение [4, с. 45]. В частности, решение может быть обжаловано в вышестоящий орган, вышестоя-

щему должностному лицу, а в случаях, когда решение затрагивает конституционные права и свободы личности — непосредственно в суд. Решение суда о применении мер принуждения (например, о заключении под стражу) обжалуется в вышестоящий суд. Тем самым установлено, что лицо, в отношении которого применяется процессуальное принуждение, является не объектом воздействия, а субъектом правоотношений с присущими ему не только обязанностями, но и правами.

Настоящее исследование в методическом плане представляет собой анализ российского уголовно-процессуального законодательства, зарубежных законов, нормативных правовых актов международного уровня, а также правоприменительной практики в части, касающейся использования принуждения на различных стадиях уголовного судопроизводства. На основании полученных результатов получены выводы, которые позволили уточнить ряд терминов, установить необходимость системного совершенствования российского законодательства путем введения механизмов, обеспечивающих соблюдение прав, свобод и законных интересов лиц, в отношении которых применяется процессуальное принуждение в ходе уголовного судопроизводства.

Перейдем непосредственно к примерам.

1. Весьма распространенной мерой принуждения является задержание подозреваемого. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) данной процедуре посвящена целая глава 12, где указаны основания задержания, его порядок, а также основания последующего освобождения подозреваемого. Что касается международно-правовых стандартов, то в российском законодательстве, на первый взгляд, этим требованиям все соответствует. Однако отметим, что еще до принятия ныне действующего законодательства возникла существенная проблема соотношения процессуального (официального) задержания и задержания фактического, которое зачастую происходит еще до начала уголовного процесса.

Согласно пункту 11 статьи 5 УПК РФ задержание представляет собой меру процессуального принуждения, которая применяется на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Вместе с тем, «фактическое задержание» и «фактическое лишение свободы» — это по сути синонимические понятия, одно не может быть выводимо из другого и тем более разъяснять его. Исходя из положений

международных стандартов, отраженных прежде всего в статье 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, лицо должно считаться задержанным и получать соответствующие права сразу же с того момента, когда оно лишилось свободы передвижения, независимо от процессуального оформления данного факта. В этой связи требуется более детально отразить в российском законе тот момент, когда лицо фактически лишается возможности передвигаться и становится задержанным со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В статье 91 УПК РФ отражены основания задержания лица. Ими являются конкретные сведения, подтверждающие, что лицо совершило социально негативные действия. При этом в протоколе задержания должен быть отражен не только сам факт совершения таких действий, но и конкретные доказательства, которыми это основание подтверждается.

Статья 94 УПК РФ содержит также и основания освобождения подозреваемого. Такие основания, действительно, имеют место, однако Уголовно-процессуальный закон — это документ, который содержит ограничения права личности на свободу передвижения. Вне прямо закрепленных в законе запретов и ограничений либо обладает полной свободой передвижения, поэтому при отсутствии оснований для задержания дополнительных оснований для его освобождения не требуется.

2. Разновидностью и наиболее значительной частью мер процессуального принуждения являются меры пресечения. В отличие от многих других мер принуждения, они избираются в отношении обвиняемых, и только в исключительных случаях — подозреваемых. По своей сути мера пресечения — это закрепленный в законе способ воздействия на лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, с целью обеспечить его явку по вызовам. Сразу же следует отметить, что любая мера пресечения, а тем более угроза замены одной относительно более мягкой меры пресечения на более строгую не может быть использована в качестве средства собирания доказательств, подтверждающих совершение преступления этим определенным лицом.

Статья 97 УПК РФ содержит основания для избрания мер пресечения. К ним относятся доказательства, которые позволяют обосновать вывод о том, что в случае отказа от избрания следователем той либо иной меры пресечения лицо совершит одно из социально негативных

действий (скроется от расследования и суда, может продолжить преступную деятельность, может препятствовать производству по уголовному делу и т. п.). Сведения должны быть отражены в материалах уголовного дела в виде официальных документов (протоколов следственных действий, справок и др.). Даже полная убежденность должностного лица в необходимости избрания меры пресечения, не будучи подкрепленной доказательствами, не служит основанием для применения процессуального принуждения этого вида.

3. В статье 97 УПК РФ закреплен универсальный перечень оснований для избрания той либо иной меры пресечения из числа содержащихся в законе. Этим гарантируется, с одной стороны, законность и обоснованность избрания любой меры пресечения, с другой — возможность гибкого подхода к избранию конкретной меры из их общего арсенала. Вместе с тем, недопустимы ситуации, когда в постановлении об избрании какой-либо достаточно мягкой меры пресечения (например, подписка о невыезде) указывается, что лицо имеет постоянное место жительства, постоянное место работы, ранее не судимо, на иждивении находятся дети, ввиду чего целесообразно избрать именно данную меру пресечения или иную меру пресечения, не связанную с лишением свободы. Если обвиняемый характеризуется столь положительно, то основания для избрания любой меры пресечения вообще отсутствуют.

4. При наличии оснований фактором, который помогает определить, какую конкретную меру пресечения целесообразно выбрать из их общего перечня, являются обстоятельства, которые дополнительно учитываются в соответствии со статьей 99 УПК РФ. К ним относятся: тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и др. Вместе с тем, в законе не в полной мере выражен постулат о том, что такие дополнительные условия не должны полностью подменять собой собственно основания для избрания той либо иной меры пресечения, а лишь выделять меру пресечения, которая в данном конкретном случае наиболее целесообразна. Например, тяжесть совершенного преступления при избрании конкретной меры пресечения учитывается, однако сама по себе она не может быть единственным основанием для ее избрания в отсутствие других оснований из числа указанных в статье 97 УПК РФ.

Вместе с тем, изучение правоприменительной практики подтверждает обратное. Были

обнаружены многочисленные случаи, когда лицо заключается под стражу без достаточных оснований, а лишь ввиду того, что оно обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Поэтому требуется более четкая дифференциация оснований и условий, как на правоприменительном, так и на законодательном уровнях.

5. Самой строгой из закрепленных в законе мер пресечения, несомненно, является заключение под стражу. Данная мера представляет собой полную изоляцию от общества, отсутствие свободы передвижения и еще ряд ограничений, что создает надлежащие условия для эффективного рассмотрения и разрешения уголовного дела. Вместе с тем, сама по себе ее суровость не означает, что лицо, в отношении которого она применена, утрачивает какие-либо процессуальные права. Поскольку эта мера пресечения избирается на основании ходатайства стороны обвинения судом, заключенный под стражу и его защитник вправе обращаться с жалобой в вышестоящий суд, причем даже в случаях, когда решение вступило в законную силу [5, с. 20].

В части 11 статьи 108 УПК РФ имеется одно весьма важное исключение, на которое следует обратить внимание. Указано, что данная мера ни при каких обстоятельствах не применяется, если, например, было совершено мошенничество в сфере предпринимательской деятельности. Этот запрет был специально установлен на уровне федерального закона, чтобы на предпринимателей не оказывалось излишнее давление со стороны государственных органов.

Вместе с тем, на практике этот запрет сторона обвинения легко обходит. Так, общественно опасные деяния, содержащие признаки преступлений, несмотря на явное наличие двусторонних предпринимательских отношений, квалифицируются как общеуголовные преступления, после чего в отношении обвиняемых мера пресечения избирается в общем порядке. Даже в случаях последующего изменения квалификации в суде должностные лица, представляющие сторону обвинения, юридической ответственности не несут. Представляется, что в случае переквалификации деяния в сторону смягчения ответственности, в том числе в связи с тем, что преступление признано совершенным в сфере предпринимательской деятельности, должна наступать частичная реабилитация обвиняемого, а на должностное лицо со стороны обвинения налагаться юридическая ответственность (дисциплинарная, имущественная, а в установленных законом случаях — уголовная).

6. Достаточно эффективной мерой пресечения является подписка о невыезде. Она заключается в том, что обвиняемый или подозреваемый дает письменное обязательство не покидать постоянного или временного места жительства и являться по вызовам [6, с. 110]. Широкое использование данной меры обусловлено тем, что лицо остается в условиях свободы передвижения, не исключается из своих обычных занятий, может осуществлять трудовую деятельность и т. п. Наряду с этим за невыполнение требований подписки о невыезде обвиняемый (подозреваемый) подвергается иным мерам принудительного воздействия (например, приводу), а мера пресечения может быть заменена на более строгую, в том числе на заключение под стражу.

В статье 102 УПК РФ данная мера пресечения названа чрезмерно широко, как «подписка о невыезде и надлежащем поведении». Следовательно, избирая данную меру пресечения, может неправомерно разъяснить обвиняемому (подозреваемому), что при применении данной меры обязан содействовать предварительному расследованию преступления, в том числе путем дачи показаний. Однако это не соответствует действительности и может повлечь нарушение права лица не свидетельствовать против себя лично, а также против своего супруга и своих близких родственников, предусмотренного частью 1 статьи 51 Конституции Российской Федерации. Поэтому, наоборот, требуется прямо закрепить в законе, что само по себе нахождение лица под действием подписки о невыезде, а равно иной меры пресечения, не порождает у него обязанности давать показания и иным образом содействовать осуществлению в отношении него уголовного преследования.

7. Весьма значительной спецификой характеризуется такая мера пресечения, как личное поручительство. Она состоит в том, что лицо, которое заслуживает доверия, дает письменное обязательство о том, что обвиняемый (подозреваемый) будет являться по вызовам и участвовать в производстве по уголовному делу. Избирая данную меру пресечения, следователь должен оценивать широкий объем доказательств, характеризующих не только обвиняемого (подозреваемого), но и того лица, которое дает поручительство. Иногда на практике за одного и того же человека сразу ручается значительное число людей, что, по их мнению, должно уж наверняка подтвердить явку обвиняемого (подозреваемого). Однако в таком случае ответственность поручителя за поведение лица

размывается, деперсонализируется, что, наоборот, приводит к снижению эффективности данной меры пресечения. С другой стороны, нескольким лицам должна быть предоставлена возможность поручиться за обвиняемого (подозреваемого), но это требуется оформлять с каждым поручителем отдельным документом.

8. К мерам процессуального принуждения российский закон причисляет и наложение ареста на имущество, состоящее в том, что из оборота изымается имущество, которое принадлежит обвиняемому и иным лицам, с целью обеспечения гражданского иска и иных имущественных взысканий по уголовному делу. Гарантией против нарушений прав личности является то, что данная мера процессуального принуждения налагается лишь по судебному решению, принимаемому на основании ходатайства и подтверждающих это ходатайство материалов, которые были в установленном порядке представлены стороной обвинения [7, с. 83].

Несомненным достоинством данной меры является то, что она обеспечивает возмещение вреда, причиненного преступлением, а также иных имущественных взысканий, возникших в связи с фактом общественно опасного деяния. Однако это не снимает со следователя, а впоследствии с суда обязанности устанавливать причинно-следственную связь между наличием определенного имущества, подлежащего аресту, и тем, что данное имущество принадлежит именно обвиняемому или иным лицам, которые могут нести за него гражданско-правовую ответственность.

9. Достаточно важной мерой процессуального принуждения является денежное взыскание. В соответствии со статьей 118 УПК РФ оно налагается судом. Причем в случаях, когда нарушение допущено на стадии предварительного расследования, следователь составляет протокол и также направляет его в суд. Несомненно, судебный порядок наложения денежного взыскания призван обеспечить соблюдение имущественных прав лица, которое подвергается данной мере принуждения. Однако это существенно снижает эффективность ее применения, ведь в каждом случае нарушения следователь должен инициировать весьма громоздкую процедуру: составить протокол, направить его в суд, судья рассматривает его в присутствии лица, в отношении которого составлен протокол, и следователя, и т. п. Это отвлекает следователя от исполнения своих непосредственных обязанностей, в связи с чем денежное взыскание даже при наличии оснований применяется крайне редко.

В данном случае целесообразно установить порядок, когда денежное взыскание будет налагаться самим следователем, а лицо должно получить право обжаловать данное постановление в суд по месту производства предварительного расследования. Это создаст и эффективный механизм воздействия на нарушителей, и гарантии против произвольного наложения денежного взыскания на вовлеченных в уголовный процесс лиц.

10. Мерой процессуального принуждения, весьма сходной по своей сути с мерой пресечения в виде подписки о невыезде, является обязательство о явке. Но наиболее существенное отличие обязательства о явке состоит в том, что оно отбрасывается не только от обвиняемого (подозреваемого), но также от свидетеля и даже потерпевшего. Назначение данной меры — обеспечить участие лица в уголовном судопроизводстве в качестве участника процесса — носителя определенных сведений [8, с. 4]. Если же обязательство о явке применяется в отношении обвиняемого (подозреваемого), то это более щадящий способ ограничения свободы его передвижения, нежели мера пресечения, даже и не связанная с лишением свободы.

В этой связи и нарушение обязательства о явке вызывает различные последствия в зависимости от того, от какого именно участника процесса оно было получено. Если это обвиняемый (подозреваемый), то в отношении него может быть избрана мера пресечения как связанная, так и не связанная с лишением свободы. В отношении же потерпевшего и свидетеля возможная мера воздействия — наложение денежного взыскания и привод. При этом дифференцировать последствия в зависимости от категорий участников процесса желательно не только в правоприменении, но и на законодательном уровне.

11. В качестве принудительного воздействия в российском уголовном судопроизводстве может использоваться привод, то есть принудительное доставление лица, не являющегося без уважительных причин, в орган предварительного расследования или в суд. По своей сути привод представляет собой весьма непродолжительную меру принуждения, ведь после того, как он осуществлен, принудительное воздействие оканчивается. Вместе с тем, и при осуществлении привода вопросы обеспечения прав, свобод и законных интересов являются весьма актуальными.

В соответствии с частью 1 статьи 113 УПК РФ привод осуществляется при неявке по вызову

без уважительных причин. Приводу подлежит не только подозреваемый или обвиняемый, но также потерпевший и свидетель. Для того чтобы лицо было подвергнуто приводу, требуется, чтобы в материалах уголовного дела был зафиксирован факт вызова лица, а также отражены обстоятельства, свидетельствующие о его неявке без уважительных причин.

Однако уважительность или неуважительность причин неявки — оценочная категория, а, кроме того, данный факт может быть установлен уже после того, как лицо будет доставлено, ведь сам привод по письменному постановлению следователя или суда осуществляют сотрудники полиции. Поэтому возникают ситуации, когда привод формально осуществляется по всем правилам закона, однако уважительность или неуважительность причин устанавливается уже после доставления этого лица. В этой связи требуется на законодательном уровне закрепить процедуру, позволяющую не исполнять постановление о приводе лица, если уже после явки к нему сотрудников полиции выяснится, что имеются уважительные причины неявки (например, болезнь, недоставление повестки).

В заключение следует подчеркнуть, что в рамках настоящей статьи была сделана попытка привлечь внимание к сфере законодательного регулирования применения мер принуждения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, рассмотрению ее с позиций обеспечения прав, свобод и законных интересов личности, целесообразности и обоснованности применения данных мер уполномоченными органами и должностными лицами.

Данные меры входят в сферу научных интересов многих ученых, однако они рассматривают в большей мере теоретические проблемы, не вдаваясь в те ошибки законодательного и правоприменительного плана, которые наиболее существенно нарушают права, свободы и законные интересы личности. В частности, требуется конкретизировать доказательственную основу применения мер процессуального принуждения, установить необходимость отражения доказательств не только в материалах уголовного дела, но и непосредственно в документе о применении той либо иной меры.

Примечания

1. Вершинина С.И. О юридической природе, понятии и системе уголовно-процессуального при-

нуждения // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 90—98.

2. Попов А.И. Задержание как мера государственного принуждения, применяемая полицией // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 3. С. 41—44.

3. Баландюк О.В. Субъекты исполнения мер уголовно-процессуального принуждения // Российский следователь. 2016. № 11. С. 6—10.

4. Кожевников С.Н. Государственное принуждение: регулятивно-охранительное назначение, формы // Юридический мир. 2010. № 9. С. 43—50.

5. Волошин В.М., Зайцев А.О. К вопросу о сущности и свойствах международно-правового стандарта применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 5. С. 19—22.

6. Барабаш А.С. Подписка о невыезде и другие меры пресечения, избрание которых не требует решения суда // Российский юридический журнал. 2017. № 1. С. 110—124.

7. Дикарев И.С. Проблемы наложения ареста на имущество в уголовном процессе // Уголовное право. 2009. № 4. С. 81—85.

8. Булатов Б.В. Обязательство о явке // Российский следователь. 2003. № 5. С. 2—6.

References

1. Verшинina S.I. On the legal nature, concept and system of criminal procedural coercion. *Journal of Russian law*, 2016, no. 5, pp. 90—98. (In Russ.)

2. Popov A.I. Detention as a measure of state coercion used by the police. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2013, no. 3, pp. 41—44. (In Russ.)

3. Balandyuk O.V. Subjects of execution of measures of criminal procedural coercion. *Russian investigator*, 2016, no. 11, pp. 6—10. (In Russ.)

4. Kozhevnikov S.N. State enforcement: the regulatory enforcement purpose, form. *Legal world*, 2010, no. 9, pp. 43—50. (In Russ.)

5. Voloshin V.M., Zaitsev A.O. On the nature and properties of the international legal standard for the application of preventive measures in the form of detention. *International criminal law and international justice*, 2017, no. 5, pp. 19—22. (In Russ.)

6. Barabash A.S. Recognizance not to leave and other preventive measures, the election of which does not require a court decision. *Russian legal journal*, 2017, no. 1, pp. 110—124. (In Russ.)

7. Dikarev I.S. Problems of seizure of property in criminal proceedings. *Criminal law*, 2009, no. 4, pp. 81—85. (In Russ.)

8. Bulatov B.V. Obligation to appear. *Russian investigator*, 2003, no. 5, pp. 2—6. (In Russ.)

УДК 343,3

DOI 10.24411/2078-5356-2019-10216

Дворянсков Иван Владимирович
Ivan V. Dvoryanskov

доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник

Научно-исследовательский институт ФСИН России (125130, Москва ул. Нарвская, 15а)

doctor of sciences (law), associate professor, chief researcher

Research institute of the Federal penitentiary service of Russia (15a Narvskaya st., Moscow, Russian Federation, 125130)

E-mail: diw@yandex.ru

Панфилов Евгений Евгеньевич
Evgeny E. Panfilov

проректор по финансово-правовым и кадровым вопросам

Институт законоведения и управления ВПА, (300028, Тула, ул. Болдина, 98)

vice-rector for Finance, law and human resources

Institute of law studies and management VPA (98 Boldina st., Tula, Russian Federation, 300028)

E-mail: 71pee@mail.ru

Особенности детерминации и профилактики современного делинквентного поведения несовершеннолетних

Features of the determination and prevention of contemporary delinquent behavior of the minors

В статье рассматривается актуальная на сегодняшний день проблема профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних. Исследовано состояние профилактики делинквентного поведения, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также рассмотрены пути совершенствования профилактических мер.

Ключевые слова: повторная преступность, несовершеннолетние, делинквентное поведение, профилактика, осужденные к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, места лишения свободы, осужденные к лишению свободы, криминогенные факторы, направления профилактической работы.

The article concerns the actual problem of the prevention of delinquent behavior of the minors. The aspects under the research are the following: the level of the prevention of delinquent behavior, neglect and juvenile delinquency, and the ways of improving of the preventive care.

Keywords: duplicative crime, minors, delinquent behavior, prevention, sentenced to punishment and other criminal law measures without social exclusion, places of detention, sentenced to custodial punishment, criminogenic factors, the directions of prevention approaches.

В современных условиях к числу важнейших комплексных проблем, требующих нового осмысления, выступает организация и проведение профилактической работы с несовершеннолетними, склонными к делинквентному (правонарушающему) поведению. В Российской Федерации — это возраст до 18 лет. На сегодняшний

день преступность несовершеннолетних приобретает качественно новые черты и выходит на более высокий уровень общественной опасности. Все большее распространение получают случаи совершения общественно опасных деяний, содержащих объективные признаки преступления, лицами в возрасте 12—13 лет, осо-

© Дворянсков И.В., Панфилов Е.Е., 2019

бенно в виде умышленного причинения смерти либо причинения тяжкого вреда здоровью граждан, а также участия указанных лиц в преступлениях террористического характера.

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России), за период с января по декабрь 2017 года было зарегистрировано 42 504 преступления несовершеннолетних, удельный вес составил 4,4% от общего объема зарегистрированной преступности [1].

Следует отметить, что государство уделяет особое внимание проблемам детей и подростков в целом, в том числе созданию условий для их благоприятного развития, профилактики девиантного поведения.

Так, Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 года № 240 в Российской Федерации объявлено Десятилетие детства (2018—2027 годы), в рамках которого предполагается проведение системы мероприятий социального, правового и правоохранительного характера [2].

В принятой чуть ранее Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 марта 2017 года № 520-р констатируется необходимость совершенствования системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, включающей комплекс социальных, правовых, психолого-педагогических, медико-социальных, воспитательных, в том числе правовоспитательных, и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних. Указанные меры направлены на раннее предупреждение и коррекцию девиантного (отклоняющегося от норм) и делинквентного поведения детей и подростков с учетом современных научных методов, ресурсов и возможностей, а также должны осуществляться в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении [3].

Особую опасность представляет повторная преступность несовершеннолетних осужденных. Анализ структуры повторной преступности лиц, подвергавшихся различным видам наказаний и мер, не связанных с лишением свободы, свидетельствует, что осуждение к альтернативным видам наказаний для значительной ча-

сти ранее судимых не является препятствием для совершения нового преступления, о неэффективности проводимых антирецидивных мер. Так, согласно официальным статистическим сведениям Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (далее — ФСИН России) на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (далее — УИИ) по состоянию на 2017 год состояло 18 158 несовершеннолетних осужденных, в 2016 году — 19 888, численность в 2015 году — 19 870 человек. Однако несмотря на снижение количества несовершеннолетних, осужденных без изоляции от общества, уровень повторной преступности указанной категории возрастает. Так, по итогам 2017 года уровень повторной преступности составил 677 (3,73%) от общего количества лиц, прошедших по учетам года, согласно АППГ 2016 года уровень повторной преступности составлял 672 (3,38%), по сравнению с предыдущим годом рост повторной преступности превышает на 0,35%, однако по сравнению с 2015 годом рост превышает на 0,92%.

Вместе с тем, полагаем, что высокий уровень рецидива обусловлен не низким потенциалом альтернативных лишению свободы мер, а недостатками системы профилактики в отношении этой категории осужденных. Проведенный нами статистический анализ привел к неожиданному результату. Так, в 2017 году 1 078 несовершеннолетних осужденных совершили преступления после постановки на учет в УИИ с возбуждением уголовных дел (АППГ в 2016 году — 986), а в период с 2015 по 2017 год их число возросло на 19,1%. С каждым годом наблюдается рост преступлений в состоянии алкогольного опьянения, лиц, не занятых трудом или учебой, без определенного места жительства, не имеющих родителей (попечителей) и нарушающих порядок и условия отбывания наказания (иных мер уголовно-правового характера), условий исполнения домашнего ареста. Очевидно, что причинный комплекс повторной преступности следует искать во внешней среде, окружающей подростка, подталкивающей его к противоправному поведению [4].

Нельзя не отметить наблюдаемый в последнее время рост подростковой агрессивности и первично совершаемых насильственных преступлений несовершеннолетними. Происходящие одно за другим чрезвычайные происшествия в российских школах являются подтверждением сказанного.

Как показал анализ ситуации, в большинстве случаев подростки имели причастность к

интернет-сообществам, провозглашающим и культивирующим антиобщественные ценности и лозунги. К настоящему времени наблюдается активизация виртуального моделирования поведения, прежде всего, молодых людей посредством создаваемых в сети «Интернет» групп (страниц) антиобщественной направленности. До недавнего времени наиболее опасными признавались так называемые «группы смерти» («синие киты») — интернет-сообщества, администраторы которых целенаправленно склоняют подростков к совершению самоубийств. Целевая аудитория таких групп — подростки, находящиеся в кризисном психологическом состоянии, вызванном неуверенностью в себе, конфликтами с родителями, сверстниками и т. п. Согласно данным Роспотребнадзора, около 30% всех ссылок, содержащих информацию о суицидах и призывах к ним, ведут на страницы социальной сети «ВКонтакте». С 1 ноября 2012 года по настоящее время Роспотребнадзор заблокировал 9 357 подобных страниц. Администрация «ВКонтакте» отреагировала на подобные заявления и пообещала заблокировать все страницы с суицидальной тематикой. Однако до сих пор это явление не преодолено [5]. К примеру, в Тульской области проделана определенная работа по предупреждению суицидального поведения среди несовершеннолетних. Управлением Роскомнадзора по Тульской области заблокированы 38 интернет-сайтов, пропагандирующих суицидальное поведение. Выявлены 12 подростков, входящих в группы «смерти», с ними организована работа. В 2017 году в области зарегистрирован 1 факт суицида, совершенного несовершеннолетним (за аналогичный период прошлого года — 6) [6].

Еще одним существенным фактором детерминации делинквентного поведения подростков выступает криминогенное явление, обозначаемое аббревиатурой АУЕ. Несмотря на то, что АУЕ стало предметом внимания СМИ относительно недавно, его стремительное распространение, а также нарастающий поток информационных сводок о криминальных событиях, так или иначе сопряженных с этим понятием, заставляют всерьез задуматься о причинах роста интереса подрастающего поколения к этой довольно узкой и мало афишируемой сфере криминальной субкультуры.

Вероятно, мы имеем дело с новой формой виртуально организованной и управляемой преступности, использующей механизм дистанционного управления поведением подростков, который был также апробирован сообщества-

ми «синих китов», склоняющих к самоубийствам, совершению преступлений. Технически организация подобных ранее описанным, если не более жестоких акций одновременно в разных уголках страны не представляет никакой сложности. А это уже угроза национальной безопасности.

Можно выделить **три группы факторов**, оказывающих значительное влияние на формирование делинквентного поведения подростков.

Первая группа факторов — социальные на макро- и микроуровне. Рост или снижение преступности зависят, в первую очередь и главным образом, от изменений в экономических и социальных условиях жизни населения, от состояния общественного сознания. Рассмотрим некоторые аспекты из них более подробно.

Современные тенденции глобализации, к сожалению, относятся и к преступности. Развитие криминальных связей, профессионализма, использование преступными кругами последних достижений науки и техники, в том числе информационных технологий, обуславливают необходимость выработки универсальных подходов противодействия и профилактики преступности, которые учитывали бы величину опасности возникающих угроз и не позволяли бы отойти от гуманистической направленности развития человеческой цивилизации.

Процессы роста криминализации подрастающего поколения происходят на фоне продолжающегося роста бездуховности, девальвации традиционных гуманистических ценностей. Современное общество характеризуется бесцельностью существования человека, все более укрепляющейся в последнее время психологией консьюмеризма (потребительства), вседозволенности и «моральной свободы», пропагандой антиобщественного поведения в массовой культуре, СМИ, интернете. Указанные обстоятельства способствуют формированию девиантной направленности личности, распространению пьянства, наркомании, проституции, а также экстремистских настроений среди молодежи. Все это происходит совместно с психологической неустойчивостью, снижением уровня общей мотивации, неразвитыми правосознанием и правовой культурой несовершеннолетних.

Отмечается сокращение, а порой и полное прекращение функционирования прежде действовавших технических, спортивных, музыкальных и т. п. секций, кружков и клубов, самостоятельных творческих коллективов. Большинство из продолжающих функционировать

названных структур перешло на платную форму оказания услуг.

Результаты анализа причин и условий, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними как впервые, так и повторных, показывают, что основными факторами являются социальная брошенность, педагогическая запущенность, психическая неуравновешенность, социальная незащищенность, низкий уровень воспитания, образования, криминальная субкультура и поддержание несовершеннолетними осужденными связи с криминальной средой (эти же причины характерны и для взрослых осужденных к наказаниям без изоляции от общества).

Проведенный нами опрос сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних МВД России в рамках исследования основных факторов формирования делинквентного поведения подростков, показал, что: а) подавляющее число подростков, состоящих на учете в полиции, склонно к регулярному употреблению алкоголя; б) в большинстве случаев несовершеннолетние совершают противоправные действия именно под его влиянием; в) среди факторов, в наибольшей степени способствующих противоправному поведению несовершеннолетних, респонденты выделили, прежде всего: неблагополучие семьи, отсутствие контроля со стороны законных представителей, неорганизованный досуг несовершеннолетних, пробелы в законодательстве, асоциальные компании.

Большинство несовершеннолетних совершают преступления в свободное время. Эта проблема имеет особое значение, потому что незанятость, как правило, ведет к стихийности поведения, к таким формам ее проявления, как бесцельное хождение по улице, пьянство и т. п., что нередко приводит к совершению преступлений.

Значимым фактором, обуславливающим преобладание преступных традиций, является влияние несовершеннолетних осужденных, содержащихся в воспитательных колониях, или тех, к которым применялись наказания, не связанные с лишением свободы, на своих сверстников. Деформация личности осужденного, особенно находящегося в местах лишения свободы, должна рассматриваться как важный фактор его противоправного поведения. Жизнь по принципу «человек человеку волк», недоверие к другому человеку, общепринятым нормам и ценностям приводят к тому, что несовершеннолетний сознательно выбирает криминальную карьеру, что способствует снижению доверия к

окружающим его людям и окончательному формированию враждебности к ним.

Вторая группа факторов — психобиологические, оказывающие огромное влияние на формирование девиантного поведения несовершеннолетних. К их числу относятся органическая недостаточность нервной системы, которая встречается по оценкам специалистов от 20 до 90% случаев нарушений поведения и правонарушений; психопатии и акцентуации характера (от 4 до 60 % случаев); психопатоподобные состояния после инфекций, травм и интоксикации нервной системы (10—38%); умственная отсталость (3—5% случаев); патохарактерологическое развитие личности (8,5—40,3% случаев). К данной группе факторов относят также дисгармоническое протекание периода полового созревания, его ускорение или задержку, а также различные физические недостатки, дефекты речи, умственную отсталость, внешнюю непривлекательность и т. д. [7, с. 74—75].

Одной из наиболее социально значимых (в связи с распространенностью этого явления и частотой криминального выражения агрессивности) всегда являлась проблема подростковой агрессии. Число стационаризованных подростков с агрессивным поведением в обществе неуклонно растет.

Третья группа факторов, способствующих развитию противоправного поведения подростков, — индивидуально-личностные признаки — занимает значительное место. Например, физическая или умственная развитость несовершеннолетнего могут способствовать при наличии соответствующих условий занятию определенной (уважаемой в своем кругу) ступени в иерархии. И наоборот, подросток, который не может постоять за себя, или умственно отсталый займет низкое положение в группе. Однако ценится не только физическая сила, но и умственные способности. Можно привести немало примеров, когда несовершеннолетний осужденный, отбывавший наказание в воспитательной колонии, физической силой не отличался, но за всех «авторитетов» решал письменные и устные школьные задания и в итоге сам стал одним из «уважаемых».

В литературе отмечается, что, сформировавшись под воздействием неблагоприятных социальных и психобиологических условий, индивидуально-личностные особенности выступают как последнее звено в механизме формирования девиантного поведения: несовершеннолетний уже способен преодолеть любые нравственные преграды, правовые запреты,

страх наказания — готов к совершению преступлений [7, с. 79, 80, 87].

Необходимо исходить из принципа, что направления профилактической работы должны определяться точками соприкосновения подростков с миром взрослых, то есть отражать те сферы, где в действительности происходит их взаимодействие. Полагаем, что какие-либо эффективные мероприятия «на чужом поле», иными словами, внутри подростковой среды неэффективны, кроме случаев позитивного воздействия сверстников. Взрослые внутри общества просто не будут допущены. В лучшем случае будет создано квазиполе общения, где специально для взрослых будут демонстрироваться квазиязык, квазиповедение, квазиценности. Подлинные механизмы и атрибуты общения и взаимодействия будут надежно сокрыты.

С учетом сказанного, эффективным механизмом переориентации поведения несовершеннолетних с системы антиобщественного на социально полезное или как минимум нейтральное необходимо предложить адекватную их потребностям и возрастным возможностям восприятия альтернативу. Так, если мы хотим снизить влияние использующих психологические технологии криминальных интернет-сообществ, нужно использовать эти же средства, но со знаком «плюс». Как известно, выход из любой зависимости требует первичного замещения.

При моделировании такой альтернативы (замещения) необходимо учитывать ряд параметров, имеющих большое значение для подросткового сознания: нужность (персонально и коллективно осознаваемая) — значимость — статусность — перспективность — потребность.

В этой связи требуется исследование в соответствующих референтных группах по трем направлениям: категории подростков; характерные формы поведения; формы противодействия воздействию («самозащита подростков» от вторжения мира взрослых).

Для того чтобы альтернатива воспринималась как таковая, а не как попытка взрослых навязать свою волю, она должна обладать тремя важными характеристиками: простота, понятность и доступность.

При этом альтернатива должна представлять подростку осознаваемую (видимую) перспективу, выражающуюся триадой: авторитетность — развитие — достижение.

Можно назвать следующие (официальные) направления профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних:

— общественная работа;

— педагогическая работа (школа, иное учебное заведение);

— родители, иные родственники;

— общественно-культурные, спортивные мероприятия.

Проведенное нами исследование в референтной группе несовершеннолетних, осужденных к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, позволило прийти к следующим (промежуточным) выводам.

1. Многие практические работники отмечают, что некоторым подросткам не понятен смысл и значение наказания или меры уголовно-правового характера. К сожалению, во многих случаях им доступно не разъясняются негативные последствия невыполнения возложенных обязанностей. Таким образом, неясность наказания или меры уголовно-правового характера может повлиять на совершение ими повторных преступлений или иных правонарушений.

Одним из эффективных средств предупреждения преступности несовершеннолетних, используемых в настоящее время подразделениями по делам несовершеннолетних (далее — ПДН) Нижегородской области и ряда других регионов России, могут служить комиксы с уголовно-правовой и административно-правовой тематикой, которые в доступной подросткам форме и на понятном им языке разъясняют смысл и содержание применяемых мер, последствия уклонения от соблюдения необходимых требований, в том числе с использованием подросткового сленга и яркого визуального сопровождения. В комиксах могут иллюстрироваться правонарушения, которые чаще всего совершают несовершеннолетние, и их негативные последствия, говорить о вреде алкоголя и наркотических средств, приводиться санкции за правонарушения, наиболее часто совершаемые несовершеннолетними и молодежью, а также даваться рекомендации о том, как не стать жертвой правонарушения.

2. На сегодняшний день в связи с загруженностью сотрудников УИИ ФСИН России трудной представляется возможность рассчитать время для разъяснения основ законодательства. В связи с этим было бы продуктивным за каждым несовершеннолетним, осужденным без изоляции от общества, закрепить наставника из лиц примерно того же возраста — студентов юридических вузов, волонтеров.

3. Ввести в практическую деятельность ознакомительные выезды несовершеннолетних, осужденных без изоляции от общества или состоящих на профилактическом учете в ПДН, в вос-

питательные колонии, следственные изоляторы, а также на судебные заседания при решении вопросов отмены условного осуждения за злостное невыполнение возложенных судом обязанностей.

4. Осуществлять выезды к людям с ограниченными физическими возможностями, испытывающими трудности при передвижении, инвалидам, ветеранам боевых действий, в целях оказания помощи, каких-либо услуг. По нашему мнению, это будет вызывать в душе подростка чувства сострадания и милосердия, что необходимо для развития такой категории лиц.

5. Активно развивать кадетское движение, создавать кадетские классы при школах путем заключения совместных соглашений органов образования с высшими учебными заведениями, подведомственными Минобороны России, МЧС России, МВД России, ФСИН России и др. Это будет способствовать подготовке молодых людей к служению Отечеству, воспитанию в них патриотизма. Для учащихся кадетских классов предусматриваются дополнительные занятия по физической подготовке, спецподготовке (использование противогаза, применение боевых приемов борьбы и т. д.), что выгодно отличает их от других сверстников. После окончания таких классов учащиеся смогут получить направления на обучение в образовательные организации соответствующих ведомств. Таким образом, кадетские классы призваны устранять подростков из-под криминального влияния, представляя им четкую и понятную перспективу дальнейшей жизни, формировать правосознание и позитивную ценностную систему и мотивацию.

6. Подросток, подверженный криминогенному влиянию, должен быть максимально занят, для чего необходимо развивать сеть спортивных учреждений (секций, кружков). Было бы целесообразно финансировать за счет государственного и муниципальных бюджетов бесплатные часы для профилактируемых подростков в фитнес-клубах, согласовывать их списки и перечень таких заведений с заинтересованными ведомствами (органами образования, правоохранительными органами) на уровне региональных координационных совещаний.

7. Не должно оставаться в стороне и духовно-нравственное воспитание. Оно может приводиться в рамках деятельности воскресных школ, семинаров с участием священнослужителей, писателей, художников, артистов и др.

8. Важное место должно уделяться организации мероприятий, направленных на пропаганду здорового образа жизни (ЗОЖ) и профилактику алкогольной, наркотической зависимости, таба-

кокурения с участием медицинских работников, спортсменов.

Рассмотрев проблемы профилактики преступлений несовершеннолетней категории лиц, а также пути совершенствования профилактических мер, можно сделать вывод, что описанные методы и средства предупреждения правонарушений несовершеннолетних лиц должны быть предусмотрены в соответствующих региональных и муниципальных планах профилактической работы, совместной работе различных государственных (негосударственных) органов.

Примечания

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2017 года. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/11341800> (дата обращения: 27.02.2018).

2. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 23, ст. 3309.

3. Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года» (вместе с «Планом мероприятий на 2017—2020 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года»): распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 марта 2017 г. № 520-р. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.06.2017).

4. Об итогах деятельности учреждений, органов и предприятий УИС за 2017, 2016, 2015 г. Форма ФСИН-1. Раздел 15. Россия.

5. В Таганроге задержан куратор «группы смерти» из Тулы. URL: <https://myslo.ru/news/criminal/2018-02-21-v-taganroge-zaderzhan-kurator-gruppy-smerti-iz-tuly> (дата обращения: 27.02.2018).

6. О состоянии безнадзорности, правонарушений и подростковой преступности на территории Тульской области в 2017 году и мерах, направленных на снижение детской преступности, безнадзорности в 2017 году. информационное письмо Управления внутренних дел по Тульской области в адрес Уполномоченного по правам ребенка в Тульской области от 1 февраля 2018 г., исх. № 35/234.

7. Астанина Н.Б. Особенности феномена доверия у несовершеннолетних правонарушителей мужского пола: дис. ... канд. психол. наук. М., 2011.

References

1. Crime rate in the Russian Federation for the period from December to January 2017. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/11341800> (accessed 27.02.2018). (In Russ.)

2. On the announcement of the decade of the childhood in the Russian Federation: Presidential decree of the Russian Federation of 29 May 2017 no. 240. *Collection of legislative acts of the RF*, 2017, no. 23, art. 3309. (In Russ.)

3. On the approval of the Concept of the development of the prevention system from neglect and juvenile delinquency for the period up to 2020 (with the action plan of the realization of the Concept of the development of the prevention system from neglect and juvenile delinquency for the period up to 2020 for the period from 2017 to 2020): the Russian government order of 22 March, 2017 no. 520-p. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 11.06.2017). (In Russ.)

4. The results of activities of institutions and bodies of the penal correction system for 2017, 2016, 2015.

Federal Penal Correction Service-1. Section 15. Russia. (In Russ.)

5. Curator of death group from Tula is arrested in Taganrog. URL: <https://myslo.ru/news/criminal/2018-02-21-v-taganroge-zaderzhan-kurator-gruppy-smerti-iz-tuly> (accessed 27.02.2018). (In Russ.)

6. The level of neglect, crime and juvenile delinquency on the Territory of Tula District in 2017, and measures of the decrease of the level of neglect, juvenile delinquency in 2017. Informational Letter by Tula District Department of Internal Affairs to the Commissioner for Children for 1 February, 2018. (In Russ.)

7. Astanina N.B. Peculiarities of the phenomenon of trust in juvenile male offenders. Dissertation... candidate of psychological sciences. Moscow, 2011. (In Russ.)

УДК 346.7
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10217

Карпычев Владимир Юрьевич
Vladimir Yu. Karpychev

доктор технических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Приволжский филиал Научно-производственного объединения «Специальная техника и связь»
МВД России (603134, Нижний Новгород, ул. М. Горького, 71)

doctor of sciences (technical), professor, leading researcher
Privolzhsky branch of the scientific and production association «Special equipment and telecoms»
Ministry of the internal affairs of the Russian Federation (71 M. Gorkogo st., Nizhny Novgorod, Russian
Federation, 603134)

E-mail: kavlyr@yandex.ru

Карпычев Михаил Владимирович
Michail V. Karpychev

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского права и процесса
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (law), associate professor, chief of sub-department of civil law and procedure
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: jurius-nn@yandex.ru

Смарт-контракт: перспективы роботизации договорного права

Smart contract: prospects of contract law robotization

В статье анализируются подходы к внедрению смарт-технологии в качестве средства поддержки классической договорной деятельности и инновационной технологии ее ведения. Рассмотрены особенности правового регулирования смарт-договорных отношений.

Сделан вывод о достаточности действующей правовой базы и законодательных инициатив для внедрения в экономическую и правовую практику смарт-договоров.

Ключевые слова: смарт-контракт, договор, блокчейн, правовое регулирование.

The article analyzes the approaches to the introduction of smart technology as a means of supporting classical contractual activities and innovative technology of its management. The features of legal regulation of smart contractual relations are considered.

It is concluded that the existing legal framework and legislative initiatives are sufficient for the implementation of smart contracts in economic and legal practice.

Keywords: smart contract, contract, blockchain, legal regulation.

Современные информационные технологии (далее — ИТ) не просто обеспечивают поддержку различных областей предметной деятельности, но и существенным образом меняют их содержание и функционал. При этом непрерывное развитие ИТ, как правило, с опозданием отражается в законодательстве, а иногда создает трудности правового регулирования соответствующих отношений.

Подтверждением этого тезиса является блокчейн-технология (БЧ-технология), инвариантная в своей основе предметным областям использования. Особую известность получило ее прорывное проникновение в весьма закрытую и консервативную финансовую сферу. На стадии обсуждения и первых попыток правового регулирования находится внедрение этой и иных ИТ в юриспруденцию.

© Карпычев В.Ю., Карпычев М.В., 2019

Одним из актуальных вариантов применения новых ИТ является *смарт-контракт* (smart-contract, «умный» договор, далее — S-договор) — ранее неизвестный в правовой сфере термин. Отметим, что в специальной правовой литературе предлагается большое количество определений S-договора.

Мы приведем здесь лишь одно определение, предложенное Проектом федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (далее — Проект ФЗ «О ЦФА»): «смарт-контракт — договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств» [1].

А Проект федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Проект ФЗ «О внесении изменений в ГК РФ») предлагает ввести в статью 309 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) понятие автоматизированного исполнения обязательств [2]. Семантический анализ приведенного и доктринальных определений понятия S-договора позволяет сделать следующие выводы: в них сделана попытка интегрировать юридические понятия и понятия из области ИТ. Более того, четко прослеживается желание авторов использовать в сугубо юридическом категориальном аппарате понятия и термины из области ИТ.

При этом с неизбежностью возникает конвергенция терминологии двух предметных областей, порождающая трудности и противоречия, плохо разрешимые в рамках традиционного аппарата предметных областей. Это находит отражение в наличии двух подходов к определению S-договора: «программный код» или «правовой договор».

Прежде всего, заметим, что определять S-договор как «программный код» некорректно с правовой точки зрения, поскольку понятие договора однозначно определено статьей 420 ГК РФ. Видимо, использование термина «S-договор» в смысле «программный код» является вербальным (когнитивным) искажением сложного понятия из области ИТ (вербальное искажение возникает в результате неточности передачи языком. Основные ошибки: логическая ошибка несоизмеримости понятий; смешивание похожих или косвенно относящихся к предмету понятий; упрощение [3]).

Предлагаем свою интерпретацию: в области ИТ S-договором может именоваться специализированное программное обеспечение (программа ЭВМ в значении ст. 1261 ГК РФ, ПО), содержащее элементы искусственного интеллекта (смарт) и предназначенное для поддержки экономической деятельности в части фиксации условий договора, автоматического их исполнения при реализации набора детерминированных условий и хранения данных по исполненным договорам. Таким образом, термин «S-договор» в данном контексте является ИТ-жаргонизмом и всего лишь указывает на использование в договорных отношениях смарт-технологии, реализованной в ПО (далее — S-ПО) с конкретным назначением и функциональной архитектурой.

Рассмотрим основные функции S-ПО, вытекающие из его назначения и определяющие правовую природу S-договора.

Смарт-функция. В простейшем случае под *фиксацией* условий договора следует понимать представление сформулированных на естественном языке условий договора и обязательств сторон в электронном виде. При этом простой набор текста договора в редакторе не меняет его естественно-языковую природу, но позволяет рассматривать при закреплении электронной подписью как электронный документ. Такого рода документы давно признаны в юриспруденции и широко используются на практике.

Принципиально более сложная техническая и новая для юриспруденции задача заключается в автоматизации выявления фактов возникновения predetermined условий договора и выполнения соответствующих обязательств. Для решения этой задачи недостаточно естественно-языкового текста договора, в том числе в электронной форме. Такого рода задачи в ИТ решаются методами и средствами искусственного интеллекта (смарт).

Одной из основных технических проблем, требующих решения при создании S-ПО, является формализация естественно-языковых условий договора, под которой мы понимаем представление смысла и естественно-языкового текста договора на языке ЭВМ (в программном коде).

Возможность формализации договора определяется возможностью представления юридического профессионального языка и языковых конструкций в терминах и выражениях формального (машинного) языка. Поэтому можно говорить о формализуемых и неформализуемых условиях договоров. Для формализации многих условий договора хорошо подходит логическая

конструкция: «Если... И... То... Иначе...». Такие условия, как правило, входят практически в любой договор и связаны с определенными событиями (в т.ч. наступление определенного момента времени или истечение периода времени) или действиями, при наступлении которых S-ПО должно выполнить заданные при проектировании функции (обязательства сторон).

Плохо формализуемыми (неформализуемыми) условиями договора являются условия, которые не могут быть интерпретированы на машинном языке доступными средствами, и, соответственно, не могут быть включены в S-ПО.

Отметим, что современные юридические лексика и правовые конструкции относятся к плохо формализуемому языку. Характерной трудностью является недостаточная лингвистическая определенность многих терминов, используемых в предметной области (что влечет необходимость истолкования условий договора судом в порядке ст. 431 ГК РФ).

Тем не менее, по нашему мнению, можно средствами формального языка достаточно корректно описать не только условия и обязательства договора, но и порядок разрешения спора; порядок определения ответственности сторон и др.

Несколько сложнее отразить процедуру оценки качества товара и тем более услуги. Особенно трудно формализовать субъективные оценочные условия, например, «стороны должны действовать добросовестно» (п. 3 ст. 307 ГК РФ). Однако такого рода задачи в той или иной степени решаются методами инженерии знаний [4].

Проведенное описание смарт-функции соответствует определению программного робота, приводимого, например, в работе П. Берка [5]: средства роботизированной автоматизации процессов (Robotic Process Automation, RPA-инструменты) — «это программные “роботы”, использующие правила бизнес-логики для выполнения четко заданных, повторяющихся функций и рабочих процессов точно так же, как это сделал бы человек». В S-функционал входит проверка различных критериев, на основании которых принимается решение о выполнении/невыполнении бизнес-процедур.

Блокчейн-технология S-ПО. Строго говоря, наличие смарт-функционала является необходимым, но недостаточным для такой программы. Полная архитектура S-ПО предполагает также использование технологии распределенного реестра (блокчейна) данных всех транзакций (исполнения обязательств), выполняемых про-

граммой. В контексте данной статьи блокчейн рассматривается как «многофункциональная и многоуровневая информационная технология, предназначенная для надежного учета различных активов» [6].

Основным назначением БЧ-функционала в S-ПО является хранение хронологии транзакций (исполнения обязательств по договорам и договоров в целом). Также в S-ПО в той или иной степени используются иные уникальные характеристики БЧ-технологии (неизменность, децентрализация, анонимность, доступность, защищенность и др.) [6; 7]. В частности, одной из особенностей S-договора является невозможность его изменения в силу специфики хранения информации в БЧ. Эта особенность, с одной стороны, может быть гарантией от одностороннего изменения обязательств, но с другой — исключает легитимное внесение изменений в умный договор, расторжение его в одностороннем порядке.

Еще одним важным с правовой точки зрения свойством БЧ-технологии является придание S-договору статуса электронного документа. Дело в том, что непосредственно программный код S-функционала не обладает свойствами электронной подписи и поэтому не может придать S-договору юридическую силу электронного документа. Эта задача решается записью транзакций в БЧ, которая может рассматриваться как электронная подпись.

Инкорпорация S-ПО в договорное право

Новые пользовательские возможности S-ПО, предназначенного для поддержки договорных отношений, широко могут быть востребованы экономическими субъектами только при признании за S-договором статуса юридически значимого соглашения (ст. 420 ГК РФ). С правовой точки зрения это означает инкорпорацию исследуемой ИТ в существующую систему правового регулирования договорных отношений или внесения в нее некоторых изменений, не нарушающих основ договорного права.

Задача инкорпорации S-ПО в договорное право не является тривиальной. Теоретически возможны две модели S-договора: технологическая и инновационно-правовая. Предложенные названия следует рассматривать как условные, отражающие правовой режим S-ПО в S-договоре, соответственно:

- технологическое дополнение к традиционному правовому договору;
- новая юридически значимая ИТ-форма договора.

В любом случае S-договор должен подтверждать факт заключения договора, а также права и обязанности сторон, которые зафиксированы в БЧ.

Технологическая модель S-договора (далее — ST-ПО) предполагает использование S-ПО исключительно как инструментального средства, предназначенного для поддержки договорной деятельности в части автоматического исполнения обязательств и БЧ-хранения их результатов.

В этом подходе юридически значимое соглашение обеспечивается традиционной технологией ведения договоров. Функционал и правовой режим (в т. ч. все формализуемые и неформализуемые условия) такого договора (далее — ST-договора) должны быть оговорены в бумажной версии договора, текст которого должен содержать указание на исполнение данного договора с использованием S-ПО. При этом ST-ПО не имеет самостоятельного правового режима.

Мы не видим правовых проблем в применении этой модели в договорах и согласны с авторами, указывающими на наличие соответствующей правовой базы. Ограничениями могут быть экономические и организационные условия конкретных сделок.

В качестве специального условия в ST-договоре может быть предусмотрен порядок действий сторон при некорректной работе ST-ПО (технический сбой или ошибки программирования), в результате которой нарушается воля сторон или в случае возникновения обстоятельств, требующих досрочного расторжения или изменения контракта.

Инновационно-правовая модель инкорпорации S-ПО (далее — SL-ПО) в договорное право предполагает легитимацию S-ПО и на этой основе отказ от бумажной версии договора, признание юридического статуса договора за соглашением, заключенным с использованием S-ПО, без выполнения каких-либо иных формальностей (такие соглашения далее будут именоваться SL-договоры).

Действующее законодательство позволяет признать юридическую силу договора (ст. 432 ГК РФ) в электронной форме, существенные условия которого представлены в программном коде. Покажем это.

Форма SL-договора. SL-договор соответствует правилам о форме гражданско-правового договора, поскольку пункт 2 статьи 434 ГК РФ допускает заключение договора путем «обмена электронными документами, передаваемыми по каналам связи, позволяющими достоверно

установить, что документ исходит от стороны по договору».

По общему правилу выполнение требования достоверного установления авторства сторон обеспечивается электронной подписью (ст. 6 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»). Включение в S-ПО криптографического функционала БЧ-технологии удовлетворяет этому требованию, что позволяет говорить о SL-договоре как об электронном документе.

Вместе с тем, следует учитывать, что в случаях, предусмотренных законом (например, продажа недвижимости) или соглашением сторон, договор в письменной форме может быть заключен только путем составления одного документа, подписанного сторонами договора (п. 4 ст. 434 ГК РФ).

В Проекте ФЗ «О внесении изменений в ГК РФ» предлагается дополнить статью 160 ГК РФ: «Если иное не предусмотрено законом или соглашением сторон, письменная форма считается соблюденной также в случаях выражения лицом своей воли с помощью электронных или иных аналогичных технических средств (например, путем передачи сигнала, в том числе при заполнении формы в сети «Интернет»), если по условиям принятия такого волеизъявления совершения указанных действий достаточно для выражения воли, или если из сложившегося в соответствующей сфере деятельности обычая следует, что совершение указанных действий признается соблюдением письменной формы сделки».

Нетрудно видеть, что SL-договор удовлетворяет этим правилам. Таким образом, действующее законодательство позволяет определить форму SL-договора: простая письменная, с применением электронной подписи сторон. Отметим, что Проект ФЗ «О ЦФА» прямо вводит новую договорную форму — электронную.

Предмет SL-договора. В качестве предмета многих договоров может выступать экономический оборот активов различной природы (имущества — в терминах гражданского права). Основная процедура оборота — *обмен* (передача) активов.

В современной экономике некоторая часть активов существует в форме документированной цифровой информации, в том числе сведений о количестве актива. Тогда оборот актива — не что иное, как уменьшение количества актива у одного субъекта отношений и приращение его — у другого.

Предметом SL-договора может быть цифровой актив — имущество в электронной форме. Проект ФЗ «О ЦФА» вводит понятие «цифро-

вой финансовый актив» — имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств. Однако акцент на финансовой природе актива и использовании криптографических средств создает понятийный диссонанс и существенно сужает понятие цифрового актива [8].

В случае вещной природы актива в цифровом формате можно представлять права на актив. Тогда предметом договора будут права на актив, а физический оборот вещи будет следовать за оборотом прав. При таком подходе SL-договор может быть заключен в отношении любого актива.

В структуре экономической деятельности существуют виды, в которых оборот осуществляют только средства оплаты обязательств (активы) одной из сторон. Другая сторона не имеет обязательств по передаче каких-либо активов (например, договор оказания услуг). Использование S-договоров в таких отношениях возможно при наличии условий и обязательств (например, оплаты), которые могут быть выполнены в автоматическом режиме.

Субъектный состав SL-договора. Требования к субъектному составу S-договора не могут иметь отличий от аналогичных требований к бумажной версии договора, например, в части наличия у сторон дееспособности (ст. 21 ГК РФ). Спецификой SL-договора может быть обеспечиваемая БЧ-технологией повышенная анонимность (для внешних интересантов) сторон. Однако при заключении и исполнении SL-договора БЧ-технология предусматривает обязательную процедуру аутентификации лиц, исключающую несанкционированный доступ к цифровым активам.

Поэтому, представляется, что статьи 21 и 179 ГК РФ в необходимых случаях могут быть применимы в отношении сторон SL-договора. При этом непосредственно SL-договор позволяет установить волеизъявление, но не волю сторон. Обстоятельства формирования волеизъявления лежат за пределами договорной деятельности и, соответственно, за рамками настоящей статьи.

Таким образом, проведенный анализ позволяет согласиться с мнениями А.И. Савельева: соглашение, «заключенное посредством компьютера, не влияет на возможность его квалификации в качестве договора в гражданско-правовом смысле», так как присутствуют все основные признаки договора [9], и Л. Новоселовой: «смарт-контракт не является отдельным видом договора, а представляет собой особенную форму оформления и реализации сделок» [10].

Перспективы применения S-договоров

Исходя из вышеизложенного, наиболее вероятно использование S-договоров в массовых простых сделках, обычно оформляемых в настоящее время типовыми договорами. Технологическим обеспечением таких S-договоров могут быть специализированные оболочки, шаблоны S-ПО, созданные для конкретных договорных отношений, то есть программный продукт, позволяющий пользователю не проводить программирование, а только формализовать и вводить данные, используя предоставленные оболочкой возможности.

Авторы полагают, что внедрение S-технологии в договорное право может и должно идти поэтапно, эволюционным путем, по нескольким направлениям. Прежде всего, предлагается использование S-ПО в качестве технологического приложения к классическому правовому договору, поддерживающего исполнение отдельных условий договора. В рамках этого направления можно производить:

— разработку оболочек типовых S-договоров для различных видов экономической деятельности, а также утилит к ним — специальных программ, отражающих на естественном языке содержание S-договоров;

— наработку технических решений по формализации естественно языковых юридических конструкций и расширению перечня формализуемых договорных условий;

— формирование общей и ситуативной психологической готовности широкого круга экономических субъектов к использованию S-технологии ведения договорной деятельности.

В случае технической сложности задач первого этапа потребуется введение лицензирования разработки и сертификации программных оболочек (и утилит) S-договоров. Это позволит разрешить проблему обеспечения технического и правового качества S-договоров.

Рассмотренные особенности S-договоров делают логичным следующее предложение: возложить на начальных этапах внедрения риски использования S-договоров на стороны, в том числе применить модель регулирования отношений, аналогичную регулированию обязательств из игр и пари (п. 2 ст. 1062 ГК РФ), то есть отказ в судебной защите по требованиям, связанным с использованием S-договоров.

В некоторой степени этот подход реализован в Проекте ФЗ «О внесении изменений в ГК РФ», в котором предложено дополнить статью 309 ГК РФ правилом: факт совершенного компьютерной программой исполнения сделки

не оспаривается (кроме случаев вмешательства в действие ПО).

Решение этих задач позволит перейти к завершающему этапу внедрения S-договоров — судебному рассмотрению споров.

Заключение

В настоящее время априори невозможно оценить соотношение в будущем классических и S-договоров, которое во многом будет зависеть от возможности формализации сложных договоров с особыми объективными и субъективными обстоятельствами и условиями, а также надежности и удобства S-договоров.

Также следует отметить, что перспективы широкомасштабного внедрения коррелированы экономической эффективностью S-договоров и психологической готовностью экономических агентов и судебного сообщества к их применению. Однако эти аспекты новой ИТ являются темами отдельных исследований.

С правовой точки зрения, на наш взгляд, предстоят дальнейшие дискуссии по регулированию порядка заключения S-договоров; их правовому статусу; возможности расторжения договора в одностороннем порядке, полной или частичной отмене и др.

Примечания

1. Законопроект № 419059-7 «О цифровых финансовых активах». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=419059-7> (дата обращения: 17.03.2019).

2. Законопроект № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/B91DEDFBCF19B4E04325825C0032641E/%24FILE/424632-7_26032018_424632-7.PDF?OpenElement (дата обращения: 17.03.2019).

3. Гауб С. Теория искажения смысла. URL: <https://www.proza.ru/2015/01/26/668> (дата обращения: 17.03.2019).

4. Червинская К.Р. Извлечение экспертных знаний: трудности и пути их разрешения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 3-2. С. 23—33.

5. Берк П. Когда стоит применять программных роботов // ITWeek. URL: <https://www.itweek.ru/ai/article/detail.php?ID=189893> (дата обращения: 17.03.2019).

6. Свон М. Схема новой экономики. М.: Олимп-Бизнес, 2016. 224 с.

7. Тапскотт Д. Технология блокчейн. То, что движет финансовой революцией сегодня. М.: Эксмо, 2017. 560 с.

8. Шапсугова М.Д. Реализация принципов цифровой экономики и технологии смарт-контракта в правовом регулировании предпринимательской деятельности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 76-82.

9. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «Умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32—59.

10. Новоселова Л. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 29—44.

References

1. The Draft law no. 419059-7 «On digital of financial assets». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=419059-7> (accessed 17.03.2019). (In Russ.)

2. The Draft law no. 424632-7 «On amendments to the first, second and fourth parts of the Civil code of the Russian Federation». URL: http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/B91DEDFBCF19B4E04325825C0032641E/%24FILE/424632-7_26032018_424632-7.PDF?OpenElement (accessed 17.03.2019). (In Russ.)

3. Howb S. Theory of distortion of meaning. URL: <https://www.proza.ru/2015/01/26/668> (accessed 17.03.2019). (In Russ.)

4. Chervinskaja K. R. acquisition of expert knowledge: challenges and ways of their solution. *Vestnik St. Petersburg University. Episode 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2009, no. 3-2, pp. 23—33. (In Russ.)

5. Burke P. When to use software robots. *IT-Week*. URL: <https://www.itweek.ru/ai/article/detail.php?ID=189893> (accessed 17.03.2019). (In Russ.)

6. Swan M. Scheme of the new economy. Moscow: Olympus-Business Publ., 2016. 224 p. (In Russ.)

7. Tapscott D. Technology of the blockchain. What drives the financial revolution today. Moscow: Eksmo Publ., 2017. 560 p. (In Russ.)

8. Shapsugova M.D. Implementation of the principles of the digital economy and smart technology-contract in the legal regulation of business activity. *North Caucasian legal Bulletin*, 2018, no. 2, pp. 76—82. (In Russ.)

9. Saveliev A.I. Contract law 2.0: Smart contracts as the beginning of the end of classical contract law. *Bulletin of civil law*, 2016, no. 3, pp. 32—59. (In Russ.)

10. Novoselova L. «Tokenization» of objects of civil law. *Economy and law*, 2017, no. 12, pp. 29—44. (In Russ.)

УДК 33; 343
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10218

Маркушин Анатолий Григорьевич
Anatoly G. Markushin

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

doctor of sciences (law), professor, professor of the department of management
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: kafupna@gmail.com

Морозов Олег Леонидович
Oleg L. Morozov

кандидат экономических наук, начальник факультета профессиональной подготовки
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (economics), head of the faculty of vocational training
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: morozoole@yandex.ru

**Совершенствование правового регулирования совместной
оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности
полиции — залог повышения эффективности раскрытия
и расследования преступлений (история и современность)**

**Improvement of legal regulation of joint operatively-search
and criminal procedure activities of the police is the key to improving
the efficiency of disclosure and investigation of crimes (history and modernity)**

В данной статье в исторической ретроспективе рассматриваются вопросы объединения ресурсов и возможностей уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел для обеспечения правосудия.

In this article, in historical retrospect, the issues of combining the resources and capabilities of criminal procedure and operational investigative activities of the internal Affairs bodies to ensure justice are considered.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная и оперативно-разыскная деятельность, уголовное дело, предварительное следствие, дознание, правовые нормы, доказательства, законодательство, судопроизводство, правовая коммуникация, правосудие.

Keywords: criminal-procedural and operational-search activity, criminal case, preliminary investigation, inquiry, legal norms, proofs, legislation, jurisdiction, legal communication, justice.

Современный этап России отличается всеобъемлющими, но, к сожалению, не всегда позитивными изменениями в экономике, политике, идеологии, которые повлекли за собой массу актуальных жизненно важных проблем, прямо или косвенно повлиявших на детерминанты

преступности. Многие из них (социально-экономические, социально-психологические, культурные, нравственные и другие детерминанты) не только активизировали ранее существовавший причинный комплекс преступности, но и породили новые даже более опасные криминальные

© Маркушин А.Г., Морозов О.Л., 2019

явления. Можно сказать, что криминальный профессионализм нередко превосходит профессиональное мастерство оперативных сотрудников полиции.

Так, заметно усилились сращивание государственной власти с преступностью и реальная угроза терроризма [1, с. 8]. Особую озабоченность вызывает противодействие криминальным правонарушениям.

В своем выступлении на расширенном заседании коллегии МВД Российской Федерации 28 февраля 2018 года Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что, несмотря на некоторые улучшения работы по раскрытию отдельных видов преступлений, в том числе убийств, разбойных нападений, квартирных краж, снизился практически до 43% общий уровень раскрываемости. Кардинального видимого улучшения ситуации пока, к сожалению, не происходит. Среди приоритетных задач — противодействие экстремизму, организованной преступности в сфере экономики, в банковской системе, в строительных областях, снижение коррупции, незаконного оборота наркотиков и других опасных правонарушений [2].

Насущной задачей фундаментальных исследований в современных условиях является совершенствование системы антикриминального законодательства на основе позитивно-критической оценки современной уголовной политики и, в первую очередь, оперативно-разыскной. Сегодня уже нет сомнений ни у руководства страны, ни у сотрудников правоохранительных органов, что своевременное проникновение в криминальную среду, познание механизма преступных технологий реально только на основе объединения всех ресурсов и возможностей, прежде всего органов внутренних дел, уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) для обеспечения правосудия посредством реализации целей и задач, возложенных на них федеральным законодательством (ст. 69 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), ст. 1, 2 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее — ФЗ об ОРД)).

Согласование и взаимодействие всех составляющих данной сложной системы должно строиться на эффективной информационно-правовой коммуникации сторон, позволяющей связать в единую правовую информационно-коммуникационную сферу процесс уголовного судопроизводства. В этой связи очень интере-

сен исторический вывод известного отечественного ученого А.А. Квачевского: «Как в основу общественного устройства положено объединение, так и судебный порядок принял то же свойство: одно начало проникало его насквозь — розыск» [3, с. 71].

Для осмысленного восприятия возможностей современной интерпретации правовой коммуникации целесообразно, на наш взгляд, хотя бы кратко коснуться истории развития российской практики сближения этих видов деятельности в установлении виновных лиц в совершении правонарушений. Потому как без мониторинга исторической и юридической ретроспективы, объединяющей события и факты, будет проблематично осознать сущность правового происхождения современных явлений и это вполне закономерно, так как в обществе всегда имеются остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего [4, с. 110].

В этой связи особое внимание заслуживают работы нижегородских ученых, на которые опирались авторы.

Схематично, на наш взгляд, вполне допустимо определить пять основных этапов становления и формирования оперативно-разыскной (сыскной) деятельности и ее фундаментальных целей, связанных по временным рамкам с периодами эволюции российского государства и национального законодательства. Первый этап — это сыск IX—XVII веков. Второй этап — развитие сыского дела в период правления Петра I в XVII—XVIII веках. Третий — совершенствование розыскной (сыскной) сферы правоохранительной службы во время административных преобразований XIX—XX веков. Четвертый революционный — эпоха советской власти с 1917 по 1991 годы. И, наконец, пятый — настоящее время [5, с. 17—18].

Все эти этапы делятся равным образом на свои исторически заметные фазы развития.

Во время процесса создания основ государственного устройства суть сыскной деятельности заключалась в проведении сыска и тайного сбора сведений разнообразного характера. Данные мероприятия позволяли, например, получать русским князьям данные о готовящихся набегах степных племен, местах нахождения и совершения преступлений «разбойных людей», устранять угрозы заговоров внутри удельных княжеств.

С постепенной централизацией власти на Руси меняется вместе с государственными институтами и процедура розыскных действий (сыск).

Как заявлено в Псковской судной грамоте 1467 года, сыскная деятельность является узаконенной при разбирательствах в делах о преступлениях. Констатация роли и места розыскного процесса целенаправленно прослеживается в Судебнике 1497 года с дальнейшей корректировкой в Судебнике 1559 года и законодательным утверждением обязанностей по сыску в Соборном уложении 1649 года, где официально прописаны должностные лица — сыщики. Именно эти государственные чиновники по данному нормативному акту были определены уполномоченными судебной-сыскной вертикали государственной структуры.

Характерными свойствами юридического процесса в том историческом отрезке времени являлись: активность суда, отсутствие сторон, сращивание судебной власти с административной.

Для систематизации и придания порядка в этой отрасли правоохранного процесса Петром I особым законным актом учреждается фискальное ведомство. Оно функционировало на конспиративной основе. Чиновники этого ведомства были наделены набором властных и распорядительных функций, таких как проведение визуальной слежки, доставление и проведение бесед с подозреваемыми и гражданами, обладающими информацией о «злоумышленниках», «кто неправду чинил».

При Екатерине II были утверждены Учреждения о губерниях и Устав Благочиния. В соответствии с ними было установлено, что административное управление существует обособленно от судебной власти. При этом предварительное производство по уголовным делам осуществлялось полицией.

В период, предшествующий преобразованиям законодательства в 1864 году, досудебное производство различалось как предварительное и формальное следствие. Предварительное следствие было простым и не стесненным ограничениями, проводилось без жесткой регламентации. Во время его проведения законодательно допускалось применение сыскных форм деятельности, позволяющих найти следы преступления, установить обстоятельства его совершения и виновных лиц. Целью формального следствия было «приводить обстоятельства дела в такую ясность и полноту, чтобы судебное место не могло встретить никакого затруднения или сомнения для постановления по оному приговору».

Несмотря на это, проведение обоих этих видов расследований вменялось в обязанности полиции.

Трансформация России в капиталистический тип государства характеризуется проведением основательной судебной реформы, изменившей правовой статус, формы и методы сыскной работы.

Александром II подписаны важные нормативные акты — Учреждение судебных следователей, «Наказ полиции» о производстве первоначальных исследований. В соответствии с этими документами производство расследований всех преступлений и проступков было возложено на особых чиновников — судебных следователей. Расследование было исключено из сферы деятельности полиции. Полиции поручалось только проведение первичных действий, для того чтобы выяснить, есть состав преступления или проступка в происшествии или нет.

Существенные и особо значимые положения судебной реформы обозначены в Судебных уставах (1864 г.). В них входили: Учреждение судебных установлений, Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Введение Судебных уставов обусловило гигантский рывок, который приблизил судебную систему России по качеству демократических преобразований к судебным системам европейских государств. Реализация судебной реформы растянулась на длительное время, до начала XX века. До 1910 года было принято около 700 дополнительных законодательных актов и поправок [6, с. 53].

Особо отметим, появляется понятие — дознание. Исследование законодательных и иных источников показывает, что в правоприменительной деятельности дознание является той составляющей уголовного судопроизводства, которая устанавливает следы и квалифицирующие признаки деяния, позволяющие сделать вывод о противоречии его существующему законодательству, и доказательства, изобличающие подозреваемого в совершении правонарушения.

Дознание в том историческом периоде называли и розыском (сыском). Исследователи в разные времена подчеркивали закономерность и необходимость появления данного направления в борьбе с преступностью. Так, профессор Н.А. Селиванов писал: «Чтобы судить о том, что розыск (сыск) необходим в каждом преступном деле, что он основа каждого предварительного следствия, не нужно никаких специальных знаний: это истина столь простая, что ее нельзя и доказывать» [7, с. 292].

По Уставу уголовного судопроизводства роль полиции в деятельности по криминальным про-

ступкам сводилась к дознанию, проводимому при помощи:

— розысков, негласных наблюдений, опросов (ст. 254 Устава уголовного судопроизводства);

— использования «негласного полицейского изыскания» (ст. 253, 312 УУС);

— поиска подозреваемого, сбора информации, подтверждающей виновность указанного лица, при необходимости — осуществления следственных мероприятий перед осмотром интересующего участка местности судебным следователем: обследований, освидетельствований, обысков, выемок в случаях наличия рискованных ситуаций, при которых «следы могли сгладиться» (ст. 254, 258 УУС), а также в условиях, когда полицейские оказались на месте совершающегося преступления или обнаружили, что оно недавно произошло (ст. 218 УУС).

Детализируя функции сыскной полиции, данный правоустанавливающий документ в статье 312 УУС предоставляет ей прерогативу «негласного полицейского разведывания».

В прилагающихся разъяснениях обращалось внимание на то, что «повод и основания к началу следствия добываются именно доказыванием, поэтому судебный следователь не имеет права на производство дознания, так как это право вовлекало бы его в роль полицейского сыщика, преследователя преступлений, то есть такую роль, которая не согласна с основными началами его деятельности — беспристрастием» [8, с. 108]. Исходя из этих соображений законодатель не обязывал следователя проводить дознание. Вместе с тем, ему предоставлялось по закону возложить данную процедуру на полицию. Помимо этого, следователь обладал правом вменять полиции задания, касающиеся проведения «розысков» (ст. 271, 483 Устава). Проводя мероприятия, большей частью связанные с сыскной деятельностью, дознание было предназначено для специального (оперативно-разыскного) обеспечения уголовного судопроизводства. Однако оно проводило и следственные действия.

С момента перехода всех собранных документов судебному следователю полиция «прекращала свои действия до получения особых поручений» (ст. 259 УУС).

Он, в свою очередь, обладал полномочиями инспектировать, вносить дополнения, аннулировать итоги работы полиции «по произведенному ею первоначальному исследованию» (ст. 269 УУС). Вместе с тем, данные функции не являлись прерогативой следователя — перерабатывать и проводить ревизию работы по-

лицейских при условии отсутствия острой потребности. Поэтому следователь, как правило, не подвергал сомнению истинность, непроверяемость и подлинность отработанных материалов. Но «неизменные и непроверенные акты полиции, оставляемые судебным следователем без отмены ее, должны быть признаны за его собственные и лежать на его ответственности» [3, с. 84].

С точки зрения настоящего времени несложно рассмотреть устойчивое стремление законодателей тех времен обозначить совокупность первоочередных направлений деятельности органов полиции и института судебных следователей в установлении обстоятельств совершения и расследовании правонарушений, зарождение основ и характера их сотрудничества.

Далее законотворческая деятельность развивалась стремительно, кардинально менялись сложившиеся нормативные установки, что, как правило, отрицательно сказывалось на практике борьбы с преступностью — введение института судебных следователей, признание метода негласного расследования, вводились оперативно-следственные мероприятия и т. п.

Режим дознания стал приближаться к режиму следствия, и эта тенденция не только сохранилась, но и приобрела в дальнейшем сугубо процессуальную форму.

При этом сборники документов, определяющие правила действий полиции, освещая правоустанавливающие каноны, ориентировали органы, проводящие мероприятия по сыску, на предоставление всемерной поддержки и ассистирование следственным подразделениям. Обращая внимание на складывающиеся отношения между этими правоохранительными структурами, известный ученый В.В. Гросс отмечал: «правильное положение полиции будет отведено в том случае, если судебный следователь будет себя ни возвышать, ни унижать перед полицией и в интересах дела будет работать с ней рука об руку, будет постоянно сообщать ей о новых обстоятельствах, добытых им, и только то поставит себе в действительную заслугу, что доведет дело до удачного конца» [9, с. 22].

Если максимально упростить общую оценку органов, уполномоченных вести борьбу с преступностью, то фактически каждый исторический период имеет определенную закономерность, выраженную в стремлении объединить усилия розыскной (сыскной) полиции с должностными лицами, ведущими расследование. С этой же целью готовились и соответствующие нормативные правовые акты.

В 1917 году происходит радикальное изменение социальных институтов. С появлением новой политической формации стали необратимыми преобразования в юридических нормах, подходах и в организации общественного мироустройства, не исключая сферу охраны правопорядка.

Создавшаяся криминальная ситуация побудила лидеров страны и исполнительную власть прибегнуть к исторически сложившейся структуре проведения работы по сыску. Была сформулирована следующая задача: «Необходимо производить раскопки при помощи разведок, направленные иногда на довольно отдаленные источники или довольно кружным путем, обратить самое серьезное внимание на вскрываемые злоупотребления и преступления, произвести через тайную следственную комиссию строжайшее расследование, сначала, безусловно, секретное» [10, с. 397].

Далее в РСФСР наблюдается стремительное принятие нормативных актов по слиянию либо разъединению оперативно-разыскных и следственных органов. Так, в 30-е годы в системе уголовного розыска было организовано следственное подразделение. Также произошло и в ОБХСС. Затем следствие было передано в прокуратуру.

Нельзя обойти вниманием и период репрессий и произвола. С 1929 года начали действовать внесудебные органы — «тройки», наделенные полномочиями рассматривать крупные хозяйственные и политические дела. Активную деятельность в этом направлении развернули органы НКВД и МГБ. Этот период серьезно подорвал авторитет сотрудников правоохранительных органов. Отрицательно сказались это и на институтах ОРД, особенно на взаимодействии с гражданами. Развивалась психология нетерпимости к «доносительству» и «стукачеству».

Вместе с тем, достаточно прогрессивным был период с принятием Основ уголовного судопроизводства (1958 г.) и УПК, в которых было зафиксировано в ходе расследования принятие оперативно-разыскных мер. В 90-е годы законодательно было разрешено использование результатов ОРД с доказыванием после их проверки [11, с. 168].

В последующем вместо тщательной проработки проблемы и нормативного урегулирования прогрессивных возможностей законодательно была объявлена недопустимость использования в процессе доказывания оперативно-разыскных данных [12, с. 41].

Прав профессор А.Ф. Волынский, когда делает вывод о том, что толерантный подход и

демократизация уголовного судопроизводства (УПК РФ 2001 г.) неразрывно существовали с надуманно утвержденными препонами в области применения ОРД при проведении мероприятий по совершенным правонарушениям, а полученные при этом сведения затруднительно было использовать в ходе установления истины [13, с. 31].

Обратимся к действующему УПК РФ. Что касается его предписаний относительно взаимодействия уголовно-процессуальной и ОРД, то они, на наш взгляд, не только стали более совершенными, но скорее более запутанными.

В УПК РФ возвращено понятие «дознание», но уже в новом, далеко, по нашему мнению, не лучшем смысле для практики борьбы с преступностью.

Статья 40 в части 1 определяет: «К органам дознания относятся органы внутренних дел Российской Федерации, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с Федеральным законом (имеется в виду ФЗ об ОРД. — А.М., О.М.) полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности». В данной норме имеются иные органы, не уполномоченные на это. Мы будем касаться только уполномоченных органов на осуществление ОРД. Без сомнения, такое предписание УПК РФ вполне закономерно. Но вот положение, с трудом понимаемое в части 2 этой статьи, где сказано «На органы дознания возлагаются: 1) дознание по уголовным делам, по которым производство *предварительного следствия необязательно*, — в порядке, установленном главой 32 настоящего Кодекса». Это весьма противоречиво. Нормы оперативно-разыскного законодательства статей 1 и 2 ФЗ об ОРД ясно определяют цель и основные направления деятельности подразделений, которым предписано проводить мероприятия по охране жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств. Вполне понятно, что посягательства на эти ценности образуют составы тяжких и особо тяжких преступлений, а норма УПК РФ призывает их к дознанию о малозначительных преступлениях. Далее не более ясно. Часть 2 статьи 41 предупреждает: «*не допускается* возложение полномочий по проведению дознания на то *лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия*». Нормативная логика, на наш взгляд, труднодоступна для понимания. Как правило, оперативный работник проводил

оперативно-разыскные мероприятия (далее — ОРМ) в рамках дела оперативного учета (разработка) по тяжким преступлениям, а его не допускают к дознанию не только по его материалам, но даже и к преступлениям, по которым предварительное следствие не обязательно, и оперативную работу по требованию УПК РФ он должен бросить, если приступил уже к дознанию по этому делу.

Обратимся к статье 144 УПК РФ (порядок рассмотрения сообщения о преступлении). В части 1 этой нормы сказано: «*Дознаватель, орган дознания, следователь при проверке сообщения о преступлении при необходимости обязан давать органу дознания (имеется в виду орган, осуществляющий ОРД. — А.М., О.М.) обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий*». Разумеется, данный орган ОРД «*обязан исполнять поручение в письменной форме органа дознания, следователя...*» (ст. 14 ч. 2 ФЗ об ОРД).

Здесь явный правовой парадокс — «орган дознания» поручает «органу дознания». На практике можно наблюдать явление, когда малоопытные следователи идут в орган дознания, чтобы согласовать подготовленное или отдельное письменное поручение о проведении ОРМ, а из органа дознания их препровождают в соответствующие оперативно-разыскные аппараты.

Приведем еще несколько положений, требующих нормативной ясности. В части 2 статьи 163 УПК РФ (Производство предварительного следствия следственной группой) сказано: «*К работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность*». Заметим, не дознаватель, а оперативный сотрудник, не обладающий уголовно-процессуальным статусом. Естественно, возникает вопрос — в качестве кого он участвует в работе? Если он член следственной группы, то в части 5 этой нормы сказано, «*члены следственной группы вправе участвовать в следственных действиях, лично проводить следственные действия*». Сложное дело по тяжким преступлениям — идет предварительное расследование, а оперативный работник не обладает процессуальными правами. Близкое к указанной ситуации и положение части 7 статьи 164 УПК РФ (Общие правила производства следственных действий), которое разрешает привлечь к участию в следственном действии должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, о чем делается отметка в протоколе. Так о чем же эти отметки?

Закономерно взглянуть на содержание статьи 166 УПК РФ (Протокол следственного действия). В ней ясно сказано, что в протоколе указываются установочные данные участвующего в следственном действии, в соответствии с пунктом 10 «*протокол должен также содержать запись о разъяснении участникам следственных действий (в указанных ситуациях по участию сотрудника ОРД в реализации требований ст. 163 и 164 УПК РФ. — А.М., О.М.) в соответствии с настоящим Кодексом их прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия, которая удостоверяется подписями участников следственных действий*», о чем делается отметка в протоколе. Здесь и содержатся нормативные неясности и даже противоречия.

В завершение анализируемой проблемы обратимся к выводу, сделанному в 2002 году в Комментарие к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (практическое руководство для следователей, дознавателей, прокуроров, адвокатов) под общей редакцией В.В. Мозякова: «Анализ ст. 41 (дознаватель) и главы 22 (предварительное следствие) свидетельствует о том, что их полномочия не отличаются друг от друга».

Закономерно возникает вопрос — зачем же в такой форме представлять в УПК РФ органы, осуществляющие ОРД, на материалах которых базируются ключевые данные о возможностях раскрытия и расследования преступлений.

Добавим, что и ведомственные нормативные правовые акты относительно органов дознания обращают внимание на совершенствование их управленческой деятельности по вопросам исполнения своих обязанностей по успешному расследованию уголовных дел, лежащих в пределах определенных им полномочий как органа расследования. Так, в ведомственном нормативном правовом акте, посвященном организации деятельности органов дознания, нет даже намека об их оперативно-разыскных функциях и их возможностях по содействию уголовному судопроизводству [14].

Совершенно однозначно в пунктах 7, 8 и 24 статьи 5 (Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе) определено, что «дознаватель — должностное лицо органа дознания, уполномоченное осуществлять предварительное расследование в форме дознания», а «дознание — форма предварительного расследования, осуществляемая дознавателем по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно».

Иначе говоря, дознание — это не оперативно-розыскной орган, а дознаватели — не оперативные сотрудники.

В целях совершенствования правовой коммуникации между участниками уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, устранения двусмысленности понимания анализируемых и иных правовых норм и, разумеется, существенного повышения эффективности борьбы с преступностью целесообразно, на наш взгляд, в УПК РФ ввести самостоятельную норму с закреплением уголовно-процессуального статуса за должностными лицами органов, осуществляющих ОРД (без камуфлирования под органы дознания). При этом должны быть сформулированы нормативные условия вхождения данного субъекта в уголовный процесс (наличие признаков тяжких и особо тяжких преступлений, наличие разрешения прокурора или санкции суда в ситуациях, предусмотренных федеральными законами и др.).

Сегодня особое внимание ученых и практиков привлекает еще одна проблема — использование результатов ОРД в уголовном судопроизводстве. При имеющихся трактовках понятия результатов ОРД, в том числе и авторских, приведем законодательные определения.

В действующем УПК РФ в числе основных понятий, используемых в Кодексе, представлено и понятие результатов ОРД (п. 36.1 ст. 5) — «Результаты оперативно-розыскной деятельности — сведения, полученные в соответствии с Федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда». Определение довольно четкое. В ФЗ об ОРД представлены основания и условия получения таких результатов, а в нормативном правовом акте Министерства внутренних дел Российской Федерации дано определение добытым результатам. Оно фактически тождественно процессуальному.

Это хороший пример согласованной правовой коммуникации. Однако в уголовном процессе нет даже упоминаний о возможностях использования признанных результатов, но в главе 11 «Доказывание» сформулирована специальная норма статьи 89 «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности». При всей привлекательности ее наименования она своим содержанием накладывает запрет на их использование, а

именно: «В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом».

Такая конструкция правовой нормы в сочетании позитивного наименования и запрета по содержанию является в определенной мере уникальной не только для уголовно-процессуального или оперативно-розыскного права, но и для отечественного права вообще.

Вызывает серьезное сомнение в необходимости принятия ее в данной форме и с таким содержанием, так как в специальных нормах относительно доказательств четко решен вопрос о признании или недопустимости тех или иных сведений.

Так в части 2 статьи 74 УПК РФ (доказательства) в числе сведений, которые допускаются в качестве доказательств, результаты (сведения) ОРД не значатся; часть 1 статьи 75 содержит указание о том, что «Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми». Наконец, имеется собственное уголовно-процессуальное определение результатов (сведений) ОРД, в котором указано, что они получены на основе ФЗ об ОРД. Значит, они никак не могли отвечать требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом. Оценивая такое демонстративное отношение к юридической несостоятельности результатов ОРД, можно согласиться с мнением известного профессора В.Т. Томина, «определить как проявление уголовно-процессуального шовинизма» [15, с. 6].

Заметим, что в законодательстве США, Франции и других стран сыскная и процессуальная деятельность представляют единое целое [16, с. 198]. По пути признания за результатами ОРД доказательственных свойств в своем законодательстве пошли и некоторые государства на постсоветском пространстве.

В заключение о необходимости и ценности результатов ОРД, о возможности нормативного закрепления их вхождения в уголовный процесс обратимся к Конституции Российской Федерации, в которой в части 2 статьи 50 сказано: «При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением Федерального закона». Проведенные исследования с изложением некоторых фрагментов в данной статье позволяют сделать вывод о том, что результаты ОРД могут быть использованы в доказывании, если они получены в соответствии с ФЗ об ОРД и проверены на со-

ответствие требованиям к доказательствам по настоящему Кодексу. Разрешение данной проблемы принесет существенный не только правоохранный, но и экономический эффект.

Примечания

1. Долгова А.И. Проблемы детерминации и предупреждения преступности / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2017.
2. URL: <https://iz.ru/714493/2018-02-28/putin-dal-otcenku-rabote-mvd> (дата обращения: 14.03.2019).
3. Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. СПб., 1866.
4. Керимов Д.Ю. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права: монография. М., 2000.
5. Мулукаев Р.С. Полиция: от прошлого до настоящего. Сборник статусных нормативных документов: научно-практическое пособие / сост. и авт. вступ. статьи Р.С. Мулукаев, В.В. Черников. М.: Издательство Юрайт, 2014.
6. Галай Ю.Г. Суд и административно-полицейские органы в пореформенной России (1864—1879 годы): монография. Н. Новгород: Нижегородский юридический институт МВД России, 1999.
7. Селиванов Н.А. Судебно-полицейский розыск у нас и во Франции // Юридический вестник. 1884. № 2.
8. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. СПб., 1864.
9. Гросс Г.Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд. перепеч. с изд. 1988 г. М., 2002.
10. Ленин В.И. Собрание сочинений. Т. 45. М., 1982.
11. Гирько С.И. Роль и функции милиции в уголовном процессе России. М., 2005.
12. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992.
13. Вольнский А.Ф. Оперативно-разыскная деятельность: почему возможное по УПК России недопустимо? // Оперативник (сыщик). 2017. № 3 (52).
14. Вопросы организации деятельности подразделений дознания (организации дознания) территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 23 ноября 2012 г. № 1051.
15. Маркушин А.Г., Аменицкая Н.А. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. Н. Новгород, 2017.

16. Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Издательство «Зерцало-М», 2002.

References

1. Dolgova A.I. Problem determination and crime prevention / ed. by A.I. Dolgova. Moscow: Russian criminological Association, 2017. (In Russ.)
2. URL: <https://iz.ru/714493/2018-02-28/putin-dal-otcenku-rabote-mvd> (accessed 14.03.2019). (In Russ.)
3. Kvachevsky A.A. On criminal prosecution, inquiry and preliminary investigation of crimes under judicial statutes of 1864. St. Petersburg, 1866. (In Russ.)
4. Kerimov D.Yu. Methodology of law: Subject, functions, problems of philosophy of law: monograph. Moscow, 2000. (In Russ.)
5. Molokai R.S. Police: from the past to the present. Collection of status normative documents: scientific and practical guide / comp. and auth. Intro. article R.S. Molokai, V.V. Chernikov. Moscow: Yurayt Publishing House, 2014. (In Russ.)
6. Galay Yu.G. Court and administrative and police authorities in post-reform Russia (1864—1879): monograph. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod law Institute of the Russian interior Ministry, 1999. (In Russ.)
7. Selivanov N.A. Forensic police investigation here and in France. *Legal Gazette*, 1884, no. 2. (In Russ.)
8. Judicial charters on November 20, 1864 with the statement of reasonings on which they are based, published by the state office. St. Petersburg, 1864. (In Russ.)
9. Gross G.G. Manual for court investigators as the system of criminalistics. New ed. reprint. with ed. 1988. Moscow, 2002. (In Russ.)
10. Lenin V.I. Collected works. Vol. 45. Moscow, 1982. (In Russ.)
11. The Role and functions of the police in the criminal process of Russia. Moscow, 2005. (In Russ.)
12. The concept of judicial reform in the Russian Federation. Moscow, 1992. (In Russ.)
13. Volynsky A.F. Operational-investigative activity: why is it possible for Russian criminal procedure code is inadmissible? *Operative (detective)*, 2017, no. 3 (52). (In Russ.)
14. Questions of the organization of activity of divisions of inquiry (the organization of inquiry) of territorial authorities of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation: the order of the Ministry of internal Affairs of Russia of November 23, 2012 no. 1051. (In Russ.)
15. Markushin A.G., Amenitskaya N.A. Operational and investigative support for the disclosure and investigation of crimes: textbook. Nizhny Novgorod, 2017. (In Russ.)
16. Gutsenko K.F., Golovko L.V., Filimonov B.A. Criminal trial of Western States. Ed. 2-e, ext. and rev. Moscow: Publishing House «Zertsalo-M», 2002. (In Russ.)

УДК 347.97
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10219

Николайченко Ольга Викторовна
Olga V. Nikolajchenko

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса
Саратовская государственная юридическая академия (410056, Саратов, ул. Вольская, 1)
candidate of sciences (law), assistant professor of the department of civil procedure
Saratov state law academy (1 Volskaya st., Saratov, Russian Federation, 410056
E-mail: olga-nikolajchenko@yandex.ru

**Трансформация внешних гарантий процессуальной независимости суда,
исполняющего обязанности по пересмотру судебных актов
в кассационном порядке**

**Transformation of external guarantees of procedural independence
of the court acting on the review of judicial acts in a cassation order**

Федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 года № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» стало масштабным событием, которое изменило российское судопроизводство с целью укрепления независимости судебной власти и структурной подчиненности. В статье исследуются независимость суда, на которую указывают ряд международных актов, и ее проявление в гражданском судопроизводстве (преимущественно в кассационном производстве). Автор делает вывод, что одних только организационных методов недостаточно, и только в совокупности с процессуальными они могут повлиять на исполнение судом обязанностей, что подтверждается примером из практики.

Ключевые слова: независимость, гарантии независимости, обязанность, исполнение процессуальных обязанностей судом, гражданское судопроизводство, пересмотр судебных актов, кассационное производство.

The Federal law constitutional of 29 July 2018 no 1-FCL «On amendments to the Federal constitutional law “on the judicial system of the Russian Federation” and certain federal constitutional laws in connection with the establishment of cassation courts of General jurisdiction and appellate courts of General jurisdiction» will become a large-scale event that will change the Russian judicial procedure in order to strengthen the independence of the judiciary and structural subordination. The article examines the independence of the court, which is indicated by a number of international acts, and its manifestation in civil proceedings, mainly in cassation proceedings. The author concludes that the organizational methods alone are not enough and only in conjunction with the procedural methods they can affect the performance of the court's duties, which is confirmed by an example from practice.

Keywords: independence, guarantees of independence, obligation, performance of procedural duties by the court, civil proceedings, revision of judicial acts, cassation proceedings.

В последнее время внимание российского законодателя сосредоточено на том, чтобы утвердить судебную власть как независимую и влиятельную силу, способную осуществить цивилизованное правосудие. Укрепление независимости прошло «красной нитью» в ряде программ, среди которых революционным стало принятие Федерального конституционного за-

кон от 29 июля 2018 года № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» [1] (далее — ФКЗ № 1). Указанный нормативный акт направлен на обес-

© Николайченко О.В., 2019

печение в подсистеме судов общей юрисдикции самостоятельности и структурированности судебных инстанций, что позволит в конечном счете лицам, заинтересованным в судебной защите их нарушенных прав, добиться вынесения судебным органом постановления в условиях его независимости и самостоятельности функционирования.

Независимость судей является основополагающим началом справедливого судебного разбирательства, что прямо следует из контекста пункта 1 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и принятых в ее исполнение Рекомендаций № R (94) 12 Комитета министров Совета Европы «О независимости, эффективности и роли судей» [2]. В национальном законодательстве независимость провозглашена в качестве приоритетного принципа, исходя из содержания части 1 статьи 120 Конституции Российской Федерации и статьи 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе в Российской Федерации». В указанных нормативных актах содержится прямое и недвусмысленное указание каждому: суды независимы от какого-либо вмешательства в их процессуальную деятельность.

Эффективное исполнение судьей обязанности по осуществлению правосудия без какого-либо вмешательства обеспечивается в том числе организационными гарантиями, которые носят обеспечительный характер в деятельности судебного органа. Результат этой деятельности выражается в реализации законоустановленной цели, заключающейся в защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов лиц, обращающихся за защитой прав в порядке гражданского судопроизводства. Очевидно, реализация законоустановленных целей не должна возлагаться целиком на правоприменителей, противопоставляя слабым полномочиям сторон сильные полномочия судьи, разрешающего дело, поскольку она может быть достигнута только единством двух методов: внесением изменений в процессуальное законодательство, изменяющее процедуру разрешения спора, то есть собственно процессуальным, и организационным. В соответствии с ФКЗ № 1 с 1 октября 2019 года судебные органы в Российской Федерации увеличились количественно за счет привлечения новых штатных единиц и качественно за счет создания абсолютно новых с организационно-правовой точки зрения кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции.

По своему правовому статусу кассационный суд общей юрисдикции и апелляционный суд общей юрисдикции будут относиться к федеральным судам общей юрисдикции, действующим в пределах территории соответствующего судебного округа. Учитывая территориальные границы нашего государства, в целях приближения правосудия к месту нахождения или месту жительства лиц, участвующих в деле, находящихся или проживающих в отдаленных местностях, в составе кассационного суда общей юрисдикции могут быть образованы постоянное судебное присутствие, расположенное вне места постоянного пребывания суда. Постоянное судебное присутствие кассационного суда общей юрисдикции является обособленным подразделением суда и осуществляет его полномочия (ч. 3 ст. 23 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 года № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [3]).

Функционирование кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции в качестве самостоятельного обособленного судебного органа направлено на реализацию положений Конвенции и выработанного на его основе Заключения Консультативного совета европейских судей (КСЕС), в котором было закреплено, что основой для обязанностей судей служат независимость и беспристрастность [4]. Без совершенствования процедуры пересмотра судебных постановлений структурное реформирование будет полумерой, направленной на создание механизма разрешения/пересмотра дела независимым судом. В частности, обращает на себя внимание статья 381 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), устанавливающая процедуру изучения кассационной жалобы (представления). Судья соответствующего судебного органа альтернативно изучает жалобу (представление):

— по представленным материалам, приложенным к жалобе (представлению). Например, копии судебных постановлений, принятых по делу и т. п.;

— по материалам истребованного дела.

Однако действующее процессуальное законодательство не предусматривает вынесения судьей, изучающим кассационную жалобу (представление), какого-либо процессуального оформления для истребования материалов дела, например, определения. Анализ действующего процессуального законодательства, в частности, пункта 1 части 2 статьи 381, ста-

ть 387 ГПК РФ, позволяют сделать вывод об *основаниях истребования дела*: если имеются сомнения в законности обжалуемого судебного постановления. Наряду с этой обязанностью у судьи появляется право вынести определение *о приостановлении исполнения решения суда* до окончания производства в суде кассационной инстанции. Тем не менее реализация такого права ставится законодателем в зависимость от определенного условия, связанного с действием принципа диспозитивности. Таким условием является просьба заинтересованного лица, обращенная к суду, рассматривающему кассационную жалобу (представление).

Результат изучения кассационных жалобы, представления завершается вынесением судьей определения: *об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции*, которое должно содержать согласно статье 383 ГПК РФ определенные сведения. На этом рассмотрение жалобы (представления) в суде кассационной инстанции оканчивается, но не прекращается (что принципиально важно), поскольку у Председателя Верховного Суда Российской Федерации или его заместителя существует законодательно закрепленная возможность не согласиться с таким определением судьи.

Одним из условий рассмотрения кассационной жалобы (представления) в судебном заседании суда кассационной инстанции — в случае *передачи кассационных жалобы, представления с делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции* — является вынесение судьей кассационной инстанции соответствующего определения. В определении о передаче кассационной жалобы (представления) наряду с другими требованиями, предъявляемыми к форме определения судьи о передаче кассационных жалобы, представления с делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, должны быть мотивированно изложены основания для передачи дела на рассмотрение в судебном заседании в суд кассационной инстанции, а также должны быть изложены предложения судьи и выводы.

Результатом рассмотрения кассационной жалобы/представления может стать, наряду с оставлением постановлений суда первой, апелляционной или кассационной инстанции без изменения, оставление без удовлетворения кассационных жалобы, представления, отмена постановлений суда полностью либо в части с направлением дела на новое рассмотрение в

соответствующий нижестоящий суд (ч. 1 ст. 390 ГПК РФ). При направлении дела на новое рассмотрение суд может указать на необходимость рассмотрения дела в ином составе судей. В этой связи заслуживает внимания в обеспечении независимости судьи не только организационная самостоятельность, но и части 3 статьи 390 ГПК РФ в следующей формулировке: «Указания вышестоящего суда о толковании закона являются обязательными для суда, вновь рассматривающего дело». Означает ли то, что предоставление суду кассационной инстанции возможности давать указания о толковании закона может быть решено неоднозначно? Так, если указания суда кассационной инстанции о толковании закона являются обязательными, то суд, рассматривающий дело, не вправе игнорировать данные указания, что препятствует новому пересмотру решения и тем самым влияет на объективность, несмотря на запрет суда кассационной инстанции устанавливать фактические обстоятельства по делу иначе, чем суд первой или второй инстанции [5]. Поэтому, не допуская ограничения независимости судей, следует лишить суд кассационной инстанции права давать указания о толковании закона суду нижестоящей инстанции, оставив правильное толкование закона прерогативой Верховного Суда Российской Федерации.

Единственным оправданием процессуально-парадокса может стать небезосновательное опасение, которое было недвусмысленно провозглашено в нижеследующем примере судебным органом [6]. Е. обратился в суд с иском, в котором просил взыскать солидарно с ПАО «Сбербанк России» и ПАО «МТС» убытки, неустойку, компенсацию морального вреда, судебные расходы и штраф и проценты за пользование чужими денежными средствами. Решением районного суда исковые требования Е. удовлетворены частично.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда решение районного суда изменено по причине того, что списание денег со счетов истца произошло не только вследствие использования незаконно выданной сотовым оператором SIM-карты, но и при помощи постоянного пароля, который истец не должен был передавать третьим лицам, суд взыскал денежную сумму с ПАО «МТС» в пользу Е. с учетом степени его вины, убытки, неустойку, компенсацию морального вреда, штраф.

Постановлением президиума областного суда апелляционное определение судебной кол-

легии по гражданским делам областного суда по кассационной жалобе отменено. Дело направлено на новое апелляционное рассмотрение в судебную коллегию по гражданским делам.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда решение районного суда отменено, принято новое решение об отказе Е. в удовлетворении данных требований.

Определением судьи областного суда гражданское дело истребовано в областной суд, жалоба с делом передана для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции по причине того, что имеются основания для отмены апелляционного определения. Суд первой инстанции пришел к выводу о надлежащем оказании банковских услуг истцу и отсутствии причинно-следственной связи между действиями кредитной организации и причиненными истцу убытками. Суд апелляционной инстанции с этими выводами суда первой инстанции согласился, правильно применив нормы материального права с учетом установленных по делу обстоятельств.

Доводы кассационной жалобы в этой части фактически направлены на переоценку установленных судами обстоятельств и представленных в дело доказательств, что *не входит в компетенцию суда кассационной инстанции*. Согласно части 2 статьи 390 ГПК РФ при рассмотрении дела в кассационном порядке суд проверяет правильность применения и толкования норм материального права и норм процессуального права судами, рассматривавшими дело, в пределах доводов кассационных жалобы, представления. Суд кассационной инстанции не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены либо были отвергнуты судом первой или апелляционной инстанции.

Взыскивая с ПАО «МТС» убытки в полном объеме, суд первой инстанции пришел к выводу о наличии причинно-следственной связи между действиями указанного лица по выдаче дубликата SIM-карты неустановленному лицу и списанием денежных средств с банковских счетов истца через систему «Мобильный банк» с использованием данной SIM-карты. При этом суд установил, что в результате действий сотового оператора истец был лишен доступа к сообщениям, направляемым банком посредством сотовой связи, в связи с чем не смог своевременно сообщить ему о несанкционированном списании денег. В то же время неустановленное лицо получило возможность пользоваться

услугами связи с абонентского номера истца и управлять его банковскими счетами, в том числе получать одноразовые пароли, поступающие из банка на данный номер, без которых списание средств было бы невозможным. Причиненные истцу убытки, а также неустойку за период просрочки в удовлетворении требований истца о возмещении ему оператором этих убытков суд первой инстанции взыскал в полном объеме с ПАО «МТС». С учетом этого он определил и размер штрафа, подлежащего взысканию в пользу истца как потребителя, а также размер госпошлины.

Отменяя и изменяя в данной части решение суда первой инстанции, судебная коллегия *при повторном рассмотрении дела* пришла к выводу, что для доступа к счетам истца и совершения операций по переводу денежных средств получение от банка одноразовых паролей было недостаточно. Первичным в таких операциях является введение постоянного пароля, доступ к которому мог находиться только у истца. Наличие SIM-карты у третьего лица не обеспечивало само по себе возможности доступа к счетам истца через систему «Сбербанк Онлайн». В связи с этим судебная коллегия сделала вывод об отсутствии причинно-следственной связи между неправомерной заменой ответчиком SIM-карты и списанием денежных средств истца и об отсутствии вины ПАО «МТС» в несанкционированном использовании данных клиента банка.

В то же время *суд апелляционной инстанции сделал противоположные выводы* в части требований истца о взыскании с данного ответчика компенсации морального вреда, штрафа и судебных расходов. Суд признал, что ПАО «МТС» нарушило требования закона и права истца, незаконно выдав дублирующую SIM-карту с абонентским номером истца неустановленному лицу. В результате этого последнее получило доступ к персональным данным истца и иным сведениям, хранящимся на данном электронном носителе информации, в том числе сведениям о подключенных услугах и т. п. В связи с этим суд признал ответчика виновным в нарушении прав истца, взыскав с него компенсацию морального вреда, штраф и судебные расходы.

Указанные выводы являются взаимоисключающими, что не соответствует положениям статьи 195 ГПК РФ о законности и обоснованности судебного решения.

Кроме того, суд апелляционной инстанции в указанной части нарушил требования части 3 статьи 390 ГПК РФ об обязательности для суда,

вновь рассматривающего дело, указаний вышестоящего суда о толковании закона.

Однако в своем постановлении, которым отменено ранее вынесенное по данному делу апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам областного суда, президиум областного суда указал, что в силу пункта 3 статьи 401, статьи 1098 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), а также пункта 4 статьи 13 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» при наличии утверждения потребителя услуг о ненадлежащем их исполнении отсутствие вины, а также факт надлежащего исполнения обязательства доказывается исполнителем услуги.

Президиум областного суда, давая толкование приведенным нормам права, указал, что одновременное установление факта причинения убытков потребителю и указание на то, что списание денежных средств было произведено в результате получения третьим лицом идентификационных данных истца не по вине ответчика, приводит к вынесению внутренне противоречивого судебного постановления.

Кроме того, Президиум областного суда указал на необходимость оценки сведений о движении средств на счете, согласно которым списание денежных средств со счета истца производилось путем введения разовых паролей, направленных на телефонный номер, то есть путем активации карты при помощи СМС-паролей с использованием номера телефона, а не в результате доступа в личный кабинет истца в системе «Сбербанк Онлайн» путем ввода логина и пароля.

Однако эти обстоятельства вновь остались без исследования судебной коллегией при повторном рассмотрении дела, которая ограничилась лишь указанием на то, что первичный доступ в банк был осуществлен с использованием постоянного пароля истца. При этом коллегия не проверила, мог ли он быть сохранен в памяти SIM-карты для последующего упрощенного доступа истца с мобильного телефона в банк, в результате чего неустановленному лицу достаточно было получить дублирующую карту. Кроме того, коллегия не дала оценки тому, что постоянный пароль применяется для входа в систему, само же распоряжение средствами, находящимся на счете клиента, осуществляется при помощи одноразовых паролей, поступающих из банка на номер абонента после входа в систему. Соответственно, отсутствие дублирующей SIM-карты делало невозможным списание средств со счетов истца.

В силу статьи 1098 ГК РФ продавец или изготовитель товара, исполнитель работы или услуги освобождается от ответственности в случае, если докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или нарушения потребителем установленных правил пользования товаром, результатами работы, услуги или их хранения.

Суд установил, что в ходе рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции представитель ПАО «МТС» признал факт того, что SIM-карта была выдана с нарушением установленной процедуры, без предъявления паспорта и установления личности обратившегося. Соответственно, положения статьи 1098 ГК РФ об ответственности исполнителя услуги за причиненный вред подлежали применению с учетом данных обстоятельств, что не было выполнено судом апелляционной инстанции.

При новом рассмотрении, отметил суд кассационной инстанции, *следует учесть изложенное, правильно определить круг юридически значимых обстоятельств и, оценив представленные доказательства, постановить законное и обоснованное решение.* Итогом рассмотрения дела в суде кассационной инстанции стало направление дела на новое рассмотрение в судебную коллегию по гражданским делам областного суда. Таким образом, суд апелляционной инстанции, исполняя процессуальные обязанности, допустил судебную ошибку [7, с. 93—94], которая выразилась в неправильном применении норм материального и процессуального права одновременно. Примечательно также отметить, что указания суда кассационной инстанции в рамках реализации нормы части 3 статьи 390 ГПК РФ не предотвратили нарушений, допущенных судебным органом (суд неправильно установил фактические обстоятельства дела).

Достижением законодательных новелл от 9 декабря 2010 года № 353-ФЗ [8] стало то, что суды кассационной инстанции должны заниматься проверкой судебных постановлений, вступивших в законную силу, с точки зрения их соответствия вопросам права, то есть на соответствия нормам материального и процессуального закона. Проверка же правильности и полноты установленных обстоятельств, их доказанность достоверными доказательствами не входят в полномочия суда кассационной инстанции. Вследствие этого суды кассационной инстанции не вправе:

1) устанавливать новые обстоятельства, которые не были установлены либо были отвергнуты судом первой или апелляционной инстанции;

2) считать доказанными обстоятельства, которые не были доказаны заинтересованными лицами в суде первой или апелляционной инстанции;

3) предрешать вопросы о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, преимуществе одних доказательств перед другими;

4) определять, какое судебное постановление должно быть принято при новом рассмотрении дела.

Однако все эти нововведения будут безрезультативными, если суд, рассматривающий дело, будет окован предписаниями своих коллег. Другой вывод следует из приведенного нами примера, когда суд апелляционной инстанции дважды применяет норму, которая не нуждается в дополнительном толковании: статья 1098 ГК РФ, а также пункт 4 статьи 13 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года (в ред. от 04.07.2018) № 2300-1 «О защите прав потребителей» [9]. Так, при наличии утверждения потребителя услуг о ненадлежащем их исполнении отсутствие вины, а также факт надлежащего исполнения обязательства доказывался исполнителем услуги. Итогом неоднозначной интерпретации правовой нормы судебным органом стало рассмотрение приведенного выше гражданского дела более двух с половиной лет, несмотря на то, что высшим судебным органом в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [10] были даны соответствующие разъяснения. Вследствие изложенного, дополнительные «наставления» вышестоящего судебного органа (суда кассационной инстанции) проворчат принципу независимости судей, заботу о котором все более проявляет современный законодатель.

Примечания

1. Российская газета. 2018. 31 июля.
2. Официально документ опубликован не был. Доступ из СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/70390724/> (дата обращения: 01.08.2018).
3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110271/ (дата обращения: 01.08.2018).
4. Заключение консультативного Совета Европейских судей (КЕСЕ) «О принципах и правилах, регулирующих профессиональное поведение судей, в частности этические нормы, несовместимое с должностью поведение и беспристрастность», Страсбург,

19 ноября 2002 г. URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?p=&id=1050737&Site=COE&direct=true> (дата обращения: 01.08.2018).

5. Подробнее о полномочиях суда кассационной инстанции см. комментарий к статье 390 ГПК РФ. Комментарий к гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. М.А. Вкут. М: Юрайт, 2012. С. 487—490. Автор главы — О.В. Николайченко.

6. Постановление Президиума Новосибирского областного суда по делу № 44Г-22/2018 4Г-137/2018 4Г-2899/2017 от 13 декабря 2017 г. по делу № 2-1729/2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/3tM94UUPaKT/?regular-txt=%D1%> (дата обращения: 12.12.2018).

7. В приведенном примере судебная ошибка интерпретируется в контексте, предложенным И.М. Зайцевым, который понимал под судебной ошибкой любые нарушения, которые допускают суды на различных стадиях производства по делу. См.: Зайцев И.М. Судебные ошибки // Совершенствование законодательства и правоприменительной деятельности. Ярославль, 1989. 124 с.

8. Федеральный закон «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107761 (дата обращения: 01.08.2018).

9. Российская газета. 1993. 14 июля; 2018. 6 июля.

10. Доступ из СПС «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70094860/> (дата обращения: 12.12.2018).

References

1. *Rossiyskaya gazeta*, 2018, July 31. (In Russ.)
2. The document was not officially published. Access from the reference legal system «Garant». URL: <http://base.garant.ru/70390724/> (accessed 01.08.2018). (In Russ.)
3. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110271/ (accessed 01.08.2018). (In Russ.)
4. Conclusion the consultative Council of European judges (CCJE) «On principles and rules governing the professional conduct of judges, in particular ethics, incompatible with the position of the behavior and bspri-passion», Strasbourg, November 19, 2002. URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?p=&id=1050737&Site=COE&direct=true> (accessed 01.08.2018). (In Russ.)
5. Read more about the powers of the court cassational instance, see the commentary to article 390 of the CPC of the Russian Federation. The commentary to the Civil procedural codex of the Russian Federation / under the editorship of M.A. Vikat. Moscow: Yurayt, 2012. P. 487—490. The author of head — O.V. Nikolajchenko. (In Russ.)

ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

6. Decree of the Presidium of the Novosibirsk regional court № 44G-22/2018 4G-137/2018 4G-2899/2017 of 13 December 2017 in case no. 2-1729/2016. URL: [\(http://sudact.ru/regular/doc/3tM94UUPaKT/?regular-txt=%D1%\)](http://sudact.ru/regular/doc/3tM94UUPaKT/?regular-txt=%D1%) (accessed 12.12.2018). (In Russ.)

7. In the given example, the judicial error is interpreted in the context proposed by I.M. Zaitsev, who understood as a judicial error any violations that are allowed by the courts at various stages of the proceedings. See: Zaitsev I.M. Judicial error. Improved legislation and enforcement. Yaroslavl, 1989. 124 p. (In Russ.)

8. Federal law «On amendments to the Civil procedure code of the Russian Federation» from December 9, 2010 no 353-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107761Oh? (accessed 01.08.2018). (In Russ.)

9. Rossiyskaya gazeta, 1993, 14 July; 2018, 6 July. (In Russ.)

10. Access from the reference legal system «Garant». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70094860/> (accessed 12.12.2018). (In Russ.)

УДК 34

DOI 10.24411/2078-5356-2019-10220

Петрянина Ольга Александровна
Olga A. Petryanina

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (law), assistant professor of the char of constitutional and international law
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russian (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: petryanina-oa@yandex.ru

Антонов Игорь Юрьевич
Igor Yu. Antonov

кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов
внутренних дел

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (law), associate professor of the operational investigative department of the
internal affairs agencies

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russian (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: antonoviu@yandex.ru

Конституционно-правовые основы оперативно-разыскной деятельности

Constitutional and legal basis of operational-search activity

Значение и роль оперативно-разыскной деятельности в области противодействия преступности придает этому виду профессиональной занятости особый правовой статус. В этой связи встает вопрос о ее конституционно-правовых основах. В данной статье представлено авторское видение реализации конституционных норм в развитии оперативно-разыскного законодательства. Продемонстрированы основополагающие точки соприкосновения норм конституционного и оперативно-разыскного права. Обоснован вывод о поступательной конституционализации оперативно-разыскного законодательства.

Ключевые слова: конституция, оперативно-разыскная деятельность, право, принципы, законодательство, законность, уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

The importance and role of operational investigative activities in the field of combating crime, gives this type of professional employment a special legal status. This raises the question of its constitutional legal basis. This article presents the author's vision of the implementation of constitutional norms in the development of operational-search legislation. The fundamental points of convergence of the norms of constitutional and operational-search law are demonstrated. The conclusion about the progressive constitutionalization of the operational-search legislation is substantiated.

Keywords: constitution, operational-investigative activity, law, principles, legislation, legality, respect for and observance of the rights and freedoms of man and citizen.

Выбор научного направления для проведения исследования обусловлен рядом значимых факторов.

Во-первых, в Российской Федерации был взят за основу демократическо-правовой курс

развития государства, поставлена цель по созданию юридических регуляторов, соответствующих основным международным стандартам, в области охраны интересов личности, общества и государства.

© Петрянина О.А., Антонов И.Ю., 2019

Во-вторых, качество обеспечения вышеотмеченных благ и ценностей потребовало формирования новой основы всей национальной правовой системы страны. Сегодня она представлена в положениях Основного закона государства — Конституции Российской Федерации (далее — Конституция России).

В-третьих, декларирование новых правовых, социальных и экономических приоритетов повлекло за собой существенное видоизменение курса, в том числе и в области борьбы с преступностью.

В-четвертых, мутация современной преступности требует от государственных органов не только оперативного реагирования на возникающие от нее угрозы, но и применения новых инструментов противодействия, не выходящих за рамки правового поля и соответствующих основным конституционным положениям. Не последнее место в их реализации занимает и оперативно-разыскная деятельность (далее — ОРД), качество и результативность которой напрямую зависит от соблюдения конституционных принципов, придающих ей законный, то есть легитимный характер. Такая консолидированная, неразрывная связь конституционного и оперативно-разыскного законодательства свидетельствует о политической значимости ОРД.

В-пятых, наступательное усиление роли оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации в выявлении, документировании, а в том числе и профилактике различных форм криминального поведения требует более четкого определения роли Конституции России в решении оперативно-тактических задач, стоящих перед ОРД.

Хотя вышеотмеченные аргументы не являются исчерпывающими, однако именно они актуализируют проведение такого исследования и позволяют определить приоритеты дальнейшего развития оперативно-разыскного противодействия как неотъемлемого элемента современной политики, курс которой закладывается властью, в том числе в лице Президента Российской Федерации В.В. Путина. В своих посланиях он постоянно акцентирует свое внимание на том, что основу ее образуют традиционные ценности, охрана которых выступает в качестве приоритетных задач современной России [1; 2]. В этой связи ОРД — это одно из средств обеспечения безопасности личности, государства и общества [3].

Начать научные изыскания в данной области необходимо с рассмотрения основополагающих точек соприкосновения конституционного

и оперативно-разыскного законодательства — принципов, создающих легитимный базис в профессиональной деятельности оперативных подразделений.

Обратившись к Конституции России и Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ об ОРД), видим, что методологическую основу оперативно-разыскного законодательства представляют два следующих принципа:

Конституция России	ФЗ об ОРД
Ст. 15 «Принцип законности»	Ст. 3 «Принцип законности»
Ст. 17 «Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина»	Ст. 3 «Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина»

С помощью анализа мы и попытаемся продемонстрировать содержательную часть конституционно-правовых основ ОРД, так как сам законодатель отнес их к категории таковых. Иными словами, мы наблюдаем ее конституционализацию путем насыщения рассматриваемого отраслевого законодательства конституционной идеологией [4].

Говоря о принципе законности, отраженном в статье 3 ФЗ об ОРД, подчеркнем, что, кроме конституционных его положений, в него включены и отраслевые элементы, детализирующие и уточняющие как содержание данного принципа, так и направления обеспечения, с учетом сформировавшегося опыта практической деятельности оперативных подразделений [5].

Раскрывая его, необходимо обратить внимание не только на статью 3 ФЗ об ОРД, но и на иные его положения, дающие основания утверждать, что законность — это не просто принцип, а целая система гарантий, что прямо отражено в преамбуле. В ней в императивной форме закреплено, что законность является базисом всей системы гарантий ОРД. Это предполагает, что при ее осуществлении точно и неукоснительно должны соблюдаться все юридические предписания, дающие основания относить такую профессиональную деятельность к допустимой, нацеленной на решение задач, стоящих перед ней (ст. 2 ФЗ об ОРД). В науке правильно сформировано мнение, что реализация рассматриваемого принципа основана на формуле «все, что прямо не разрешено законом, — запрещено» [6]. Такая позиция дает возможность неукоснительно гарантировать соблюдение основных прав и свобод граждан,

а также иных благ и ценностей. Полагаем, что рассматриваемый принцип является обеспечивающим в части реализации следующей основополагающей конституционно-правовой идеи ОРД — уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, то есть фактически мы говорим об их соподчиненности.

Содержательная часть этих двух принципов доказывает социальную обусловленность и потребность в ОРД, выступающей эффективным инструментом противодействия преступности [7, с. 52]. Они имеют существенное значение как в области охраны нарушаемых в результате совершения общественно опасных деяний благ и ценностей, так и прав, и свобод лиц, совершивших эти преступления. Представленная двойственность подчеркивает социальную обусловленность и потребность в оперативной работе, вытекающих как из самого понятия ОРД, так и задач, перед ней стоящих. Отмеченная позиция фактически легитимизирует частичное нарушение или ограничение конституционных прав и свобод в отношении лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет или планирующих совершить преступление, при проведении оперативно-разыскных мероприятий. Сама Конституция России и узаконила в 1993 году возможность ограничения ряда основных прав и свобод личности (ч. 3 ст. 55). Но такая возможность допускается при соблюдении особых условий, прямо закрепленных в ФЗ об ОРД. Именно они позволяют не допустить существенного нарушения прав личности и определить границы дозволенного. В этой связи в рамках оперативно-разыскного законодательства в том числе используется такая юридическая категория, как «вынужденное причинение вреда» (ст. 16). Представленная обтекаемая формулировка, не встречаемая больше ни в одном из нормативных источников уголовно-правового характера, и обусловлена наличием неопределенности в установлении баланса между борьбой с преступностью и возникаемой в этой связи потребностью в частичном нарушении прав человека [8]. В этой связи условия установления границ правомерности причинения вреда напрямую зависят как от непосредственного содержания, так и предназначения принципа законности.

С нашей точки зрения, объем конституционных принципов ОРД не ограничивается статьей 3 одноименного нормативного акта. Например, статьи 8, 9, 11 основаны на принципах неприкосновенности жилища, тайны телефонных или иных переговоров и прямо затрагивают статьи 23 и 25 Конституции России. Их ограни-

чение возможно только на основании судебного решения.

Реализация вышеотмеченных юридико-технических приемов ставит вопрос об определении перечня оперативно-разыскных мероприятий, связанных с непосредственным ограничением прав и свобод граждан. С одной стороны, отвечая на него, можно ограничиться теми оперативно-разыскными мероприятиями, которые в императивном порядке требуют судебного разрешения на их проведение. В соответствии со статьей 8 и частью 1 статьи 6 ФЗ об ОРД к ним относятся: обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; снятие информации с технических каналов связи; получение компьютерной информации. Даная точка зрения имеет свое право на существование [9], хотя излишне сужает идею реализации конституционных принципов, нацеленных на соблюдение основных прав и свобод в рамках ОРД. Решение поставленного вопроса имеет более широкие границы. Как верно отмечает профессор Н.С. Железняк, напрямую зависит от содержания выполняемых субъектами ОРД сыскных действий, подразумевающих возможность ограничения конституционных прав и свобод. Например, наблюдение как один из видов оперативно-разыскных мероприятий не требует получения санкции суда. Но если его проведение требует проникновения в жилище, которое осуществляется вопреки воле собственника, она становится необходимой. Четкая правовая и доктринальная позиция по данному вопросу отсутствует. Первая группа представителей науки настаивает на том, что проникновение в жилище под благовидным предлогом с согласия лиц, там проживающих, не нарушает права на неприкосновенность жилища и как следствие не требует получения судебного решения [10, с. 202]. Вторая, указывая на обязательную легитимизацию таких действий, настаивает на их санкционировании [9]. Полагаем, что представленная законодательно-доктринальная неопределенность ставит под угрозу результаты ОРД, и данный вопрос должен быть решен незамедлительно. Основой должна стать концепция ОРД, в том числе создающая предпосылки для придания оперативно-разыскному законодательству статуса отдельной отрасли права [11].

Подводя итог в проведенном исследовании и не отрицая роль и значение внутриотраслевых основополагающих идей, не оспоримым остается факт их прямой зависимости от кон-

ституционно-правовых принципов, представляющих методологический базис основ оперативно-розыскной деятельности, неукоснительное соблюдение которых не только обосновывает целесообразность частичного нарушения конституционных прав и свобод, но и способствует наступательно-качественному противодействию преступности.

Все принципы ОРД взаимообусловлены и взаимосвязаны. Их соблюдение позволяет не допускать существенных ошибок в деятельность оперативных подразделений. Они создают правовой базис для принятия и вынесения правильных, законных решений.

Проведение оперативно-розыскных мероприятий, затрагивающих основные права и свободы должны не нарушать, а лишь ограничивать их. В этом и видится основное предназначение конституционных принципов, закрепленных в оперативно-розыском законодательстве. Оно выражается в законно-волевом поведении специально уполномоченных на то органов, для решения задач, стоящих перед оперативными аппаратами.

Завершая свои размышления подчеркнем, что поступательная конституционализация оперативно-розыскного законодательства создает предпосылки для становления оперативно-розыскного права как самостоятельной отрасли права.

Примечания

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2019).
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 г. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2019).
3. Зникин В.К. Диагноз, прогноз и развитие научной специальности 12.00.09 // Оперативник (Сыщик). 2012. № 3 (32). С. 7—9.
4. Михайлов Б.П., Хазов Е.Н. Место и роль Конституции Российской Федерации в правовом обеспечении оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 11. С. 31—37.
5. Смирнов М.П. Комментарий законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации и за рубежом: учебное пособие (постатейный). 5-е изд., расширенное и перераб. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2019).
6. Корж П.А. Принципы оперативно-розыскной деятельности и технико-юридические особенности их

изложения // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. 2018. № 1 (4). С. 185—194.

7. Малыгин С.С., Четчин А.Е. Основы оперативно-розыскной деятельности. Екатеринбург: УЮИ МВД России, 2001.

8. Захарцев С.И., Сальников В.П., Кирюшкина Н.О. Конституционные права человека: возможны ли ограничения // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20—22 мая 2016 г. / под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С. 127—138.

9. Железняк Н.С. К вопросу о реализации в оперативно-розыскной деятельности положений статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XX международной научно-практической конференции: в 2 ч. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России. 2017. С. 279—282.

10. Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. 4-е изд., перераб. М.: Норма : ИНФРА-М, 2017.

11. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации: монография: в 3 т. Т. III: Основные положения. Кн. 1. Объект, предмет и система оперативно-розыскной науки. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2015. С. 10—14.

References

1. The message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of December 1, 2016 [Electronic resource] URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 15.04.2019). (In Russ.)
2. The message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation on March 1, 2018. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 15.04.2019). (In Russ.)
3. Znikin V.K. Diagnosis, prognosis and development of scientific specialty 12.00.09. *Operative (Detective)*, 2012, no. 3 (32), pp. 7—9. (In Russ.)
4. Mikhailov B.P., Khazov E.N. The place and role of the Constitution of the Russian Federation in the legal support of operational investigative activities. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 11, pp. 31—37. (In Russ.)
5. Smirnov M.P. Comments on the legislative regulation of investigative activities in the Russian Federation and abroad: textbook (article). 5th ed., expanded and reworked. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 04.03.2019). (In Russ.)
6. Korzh P.A. Principles of operational-search activity and technical-legal features of their statements.

Bulletin of Luhansk Academy of internal Affairs named after E.A. Didorenko, 2018, no. 1 (4), pp. 185—194. (In Russ.)

7. Malygin S.S., Chechetin A.E. Fundamentals of operational and investigative activities. Yekaterinburg: UYul MVD Ministry of internal Affairs of Russia, 2001. (In Russ.)

8. Zahartsev S.I., Salnikov V.P., Kiryushkina N.O. Constitutional human rights: are there any limitations. *Methodology of modern constitutionalism: the constitutionalization of positive rights; the constitutional axiology of proportionality: proceedings of the XIV International scientific-practical conference on constitutional law, St. Petersburg, 20—22 May 2016* / under the general ed. of A.A. Liverovskii, V.P. Salnikov. St. Petersburg: University Foundation, St. Petersburg state University of Economics, 2017. Pp. 127—138. (In Russ.)

9. Zheleznyak N.S. On the issue of implementation of the provisions of the articles in operational investigative activities. 23 and 25 of the Constitution of the Russian Federation. *Actual problems of fighting crime: issues of theory and practice: Materials of XX international scientific-practical conference: in 2 parts*. Krasnoyarsk: Siberian law Institute of the Russian interior Ministry, 2017. Pp. 279—282. (In Russ.)

10. Theory of operational-search activity / ed. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinsky. 4th ed. Moscow: Norma, INFRA-M Publ., 2017. (In Russ.)

11. Shumilov A.Yu. Operational-search science in the Russian Federation: monograph: in 3 vol. Vol. III: Basic provisions. B. 1. Object, subject and system of operative-search science. Moscow: Publishing house Shumilova I.I., 2015. Pp. 10—14. (In Russ.)

УДК 343.222
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10221

Погодина Татьяна Григорьевна
Tatyana G. Pogodina

доктор медицинских наук, доцент, профессор кафедры криминалистики
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

doctor of sciences (medical), associate professor, professor of the department of criminalistics
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: tatiana.pogodina@mail.ru

**Взаимодействие органов внутренних дел и органов здравоохранения
как основа первичной профилактики общественно опасных действий,
совершаемых лицами с психическими расстройствами**

**Interaction between internal affairs and health authorities as the basis
for the primary prevention of socially dangerous acts committed
by persons with mental disorders**

В статье рассматриваются вопросы прогноза общественной опасности психически больных. Анализируются проблемы взаимодействия органов внутренних дел и органов здравоохранения для ее профилактики. Обосновывается необходимость совершенствования правовой базы, регулирующей данное взаимодействие.

The article deals with the prediction of the public danger of the mentally ill. The problems of the interaction of internal affairs bodies and public health authorities for its prevention are analyzed. The necessity of improving the existing legal framework governing this interaction is substantiated.

Ключевые слова: общественная опасность, психическое расстройство, врач-психиатр, сотрудник полиции.

Keywords: social danger, mental disorder, psychiatrist, police officer.

Проблема отношений психического расстройства, криминального поведения и социума активно обсуждается специалистами в области психического здоровья и становится все более актуальной. Связано это с тем, что в последние годы во всем мире отмечается рост психопатологии у населения. Так, по данным проведенных в 60 странах мира эпидемиологических исследований за 90 лет, ее распространенность увеличилась в 6,4 раза. В соответствии со сведениями, представленными Европарламенту в 2011 году, до трети населения Европы (около 160 миллионов человек) страдает от различных форм психических расстройств [1].

Вследствие нарушения познавательной деятельности при этих заболеваниях меняется мироощущение и возможно совершение противо-

правных поступков. Тогда данные лица попадают в поле зрения правоохранительных органов.

По данным медицинской статистики, лица с тяжелыми психическими расстройствами, исключаящими вменяемость, ежегодно совершают около 1% всех зарегистрированных в стране деяний, повлекших возбуждение уголовных дел. При этом, по данным Р.И. Валеева, чаще других это лица с умственной отсталостью (41%); несколько меньшее количество — страдающие органическими психическими расстройствами (29,3%). Более 16% общественно опасных действий (далее — ООД) совершили лица, направленные на судебно-психиатрическую экспертизу в связи с сомнением в состоянии психического здоровья, но признанных здоровыми [2].

© Погодина Т.Г., 2019

В своей деятельности сотрудник полиции зачастую должен первым принимать решения о возможности привлечения к ответственности лица, совершившего общественно опасные действия в связи с наличием у него психического расстройства. Более того, на участках уполномоченных ложится обязанность наблюдать за гражданами, имеющими данную патологию, и контролировать их состояние [3]. Им приходится решать вопрос о возможной общественной опасности данных лиц и принимать меры по ее предотвращению. При этом отсутствие специальных знаний в области психиатрии не позволяет это сделать профессионально. Несмотря на краткий курс судебной психиатрии, преподаваемый в рамках первоначальной подготовки, знания в области психического здоровья носят чаще бытательский характер. Как показывает опыт общения на занятиях, бытует мнение, что все больные с психопатологией могут быть общественно опасны и непредсказуемы, а контакт с психиатрами проблематичен, из-за того что госпитализировать таких больных очень сложно. С другой стороны, за психическое расстройство ими могут приниматься личностные особенности и социальные отклонения.

Многочисленные исследования, проведенные в США, Канаде Австралии, Великобритании, результаты которых опубликованы в печати (Godfredso et al. 2010; Pinfold et al. 2003), показали, что полицейские всего мира, сталкиваясь с данной проблемой, испытывают неудовлетворенность от контакта со специалистами, связанную со сложной процедурой направления на лечение и освидетельствование.

Прогноз общественной опасности больного с психическим расстройством является сложной задачей не только для сотрудников полиции, но и для профессионалов — врачей-психиатров, о чем свидетельствуют громкие преступления последних лет с участием лиц, состоящих на учете в психоневрологическом диспансере [напр.: 4].

Общественная опасность лица с психопатологией подразумевает возможность совершения им противоправного действия. Одним из наиболее существенных признаков ее является факт уже совершенного деяния, относимого по объективным проявлениям к уголовно наказуемым. Но понятие общественной опасности не может быть сведено лишь к регистрации происшествия, оно должно включать в себя и оценку вероятности совершения такого деяния, то есть элемент прогноза. Специалисты-психиатры (Ф.В. Кондратьев, 2010; М.М. Мальцева,

В.П. Котов, 1995, О.А. Макушкина, Е.Н. Жарова, К.А. Буравцев, 2016) выделяют несколько подходов к этой проблеме: на основе триады «синдром — личность — ситуация»; психопатологических механизмов «негативно-личностных» и «продуктивно-психотических»; использования «Шкалы оценки риска насилия» [5—7].

Важно не только правильно распознать наличие болезни, поставить диагноз, но и учесть факторы, способствующие росту общественной опасности, то есть индивидуальные социально-психологические особенности больного, признаки социальной дезадаптации, а также ситуационные факторы.

Справиться с данной задачей в рамках одного ведомства невозможно. Это стало понятным в период становления психиатрической службы в России. Взаимодействие полиции и органов здравоохранения для профилактики противоправных действий стало постоянным с конца XIX века, когда происходил процесс передачи функций организации и финансирования «домов или приютов для умалишенных» на уровень земств. Тогда, как указывают историки, до 60% больных с психопатологией госпитализировались в психиатрические больницы по инициативе полицейских [8].

Сегодня порядок и основания помещения в психиатрический стационар рассмотрены в Федеральном законе от 2 июля 1992 года № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», согласно которому освидетельствование и госпитализация в недобровольном порядке возможны лишь при наличии соответствующего заключения комиссии врачей-психиатров и по постановлению судьи. За незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую помощь в стационарных условиях, предусмотрена уголовная ответственность в соответствии со статьей 128 Уголовного кодекса Российской Федерации [9, с. 103].

С 1997 года вопросам взаимодействия территориальных органов здравоохранения и внутренних дел Российской Федерации посвящен совместный приказ двух ведомств, разъясняющий порядок координации действий [10]. Утверждена Инструкция, где содержатся указания на выделение группы активного диспансерного наблюдения в психоневрологических диспансерах, включающей лиц, склонных к совершению общественно опасных действий из-за психического расстройства. Туда входят также больные, совершившие в прошлом общественно опасные действия и прошедшие принудитель-

ное лечение. Указывается на необходимость их обследования врачом-психиатром ежемесячно. Данный список направляется сотрудниками психоневрологического диспансера в орган внутренних дел по месту жительства лиц с психическими расстройствами. В случае совершения ими общественно опасных деяний, появления особенностей поведения, свидетельствующих об изменении состояния, сотрудники полиции обязаны известить врачей психоневрологического диспансера и организовать превентивную госпитализацию.

По данным руководителя отдела судебно-психиатрической профилактики Федерального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского, Оксаны Макушкиной под активным диспансерным наблюдением в России находится более 50 тысяч пациентов. Неоднократно после резонансных происшествий поднимался вопрос о том, чтобы включать в такую базу всех больных, страдающих психическими расстройствами, что является грубым нарушением действующего законодательства в сфере охраны здоровья граждан [11, с. 162]. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп.) к основным принципам охраны здоровья относит сохранение врачебной тайны. Не все люди, страдающие психическими расстройствами, являются общественно опасными, и это действие было бы нарушением их гражданских прав.

Теоретически в соответствии с действующей Инструкцией весь порядок действий, сроки оповещения расписаны. Но при этом есть ряд существенных проблем. Во-первых, в соответствии с действующим законодательством персональные данные больных, находящихся под активным диспансерным наблюдением, врачи могут передавать правоохранительным органам лишь с письменного согласия пациентов или их законных представителей, так как это является врачебной тайной. Исключения возможны лишь по запросу органов дознания, следствия или суда.

Во-вторых, при смене места проживания такие больные исчезают из поля зрения психиатров и юридически нет основания для того, чтобы их разыскивать, если они не успели совершить противоправные действия.

Несмотря на то что во взаимодействии заинтересованы оба ведомства (как полиция, так и работники психиатрической службы), участковые уполномоченные нередко встречаются с от-

казом в госпитализации опасных, по их мнению, граждан. Кроме этого, такая профилактическая работа не является центральной в их профессиональной деятельности и зачастую на нее не хватает времени.

С другой стороны, ежемесячное наблюдение со стороны врачей-психиатров также не позволяет своевременно выявлять агрессивные тенденции, особенно если больной диссимулирует имеющиеся расстройства, мало-контактен или импульсивен. Присутствует также дефицит кадров врачей-психиатров, в связи с чем один врач вынужден обслуживать несколько участков. В связи с этим проблема профилактики общественно опасных действий со стороны лиц, страдающих психическими расстройствами, остается по-прежнему не разрешенной.

Кроме этого, в настоящее время назрела необходимость пересмотра действующей с 1997 года Инструкции в связи с тем, что изменилось законодательство, появляются новые категории осужденных, например, страдающие педофилией, где задействован новый надзорный орган.

В таких случаях органам внутренних дел необходимо взаимодействовать не только с медицинскими организациями, оказывающими амбулаторную психиатрическую помощь, но и с уголовно-исполнительными инспекциями.

Понятным остается тот факт, что снизить количество ООД, совершенных лицами с психическими расстройствами, возможно лишь на основе интенсификации первичной профилактики, которая должна проводиться силами общепсихиатрической сети в тесном взаимодействии с органами внутренних дел. Она представляет собой регулярные наблюдения за лицами с психическими расстройствами, активное диспансерное наблюдение, тесный контакт с их родственниками. В случае необходимости должна применяться вторичная профилактика, направленная на применение принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, уже совершивших ООД.

Примечания

1. Михаил Решетников: большинство преступлений совершены теми, кто скрывал свои психиатрические патологии. URL: <https://www.interfax.ru/russia/633882> (дата обращения: 15.03.2019).

2. Валеев Р.И., Шваб Д.В., Егоров Д.Б., Кирьянов Ф.Ф. Объем экспертной деятельности судебно-психиатрической экспертной службы в 2006—2016 гг. // Электронный научно-образовательный вестник «Здо-

ровые и образование в XXI веке». 2017. ULR: <https://cyberleninka.ru/.../obem-ekspertnoy-deyatelnosti-sudebno-psihiatricheskoj-eks> (дата обращения: 15.03.2019).

3. В соответствии с приказом МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 участковый уполномоченный полиции в целях успешного выполнения поставленных перед ним задач обязан «участвовать в пределах компетенции совместно с органами здравоохранения в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в наблюдении за лицами, страдающими психическими расстройствами, больными алкоголизмом или наркоманией и представляющими опасность для окружающих, в целях предупреждения совершения ими преступлений и административных правонарушений; оказывать содействие медицинским работникам в осуществлении назначенной судом принудительной госпитализации лиц в медицинские организации». ULR: <http://base.garant.ru/70344228/b89690251be5277812a78962f6302560/#ixzz5i8YzyMLi> (дата обращения: 14.03.2019).

4. «Дело Белова» в Нижнем Новгороде (2015); В Муроме женщина, получившая «приказ» на Хеллоуин, убила свою 12-летнюю дочь; в Струнино душевнобольная плеснула кислотой в глаза соседскому ребенку (2016) и пр.

5. Кондратьев Ф.В. Судьбы больных шизофренией: клинико-социальный и судебно-психиатрический аспекты: монография. М., 2010.

6. Мальцева М.М., Котов В.П. Опасные действия психически больных: психопатологические механизмы и профилактика: монография. М., 1995.

7. Макушкина О.А., Жарова Е.Н., Буравцев К.А. Дискуссионные вопросы прогнозирования риска общественной опасности // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2016. № 1. С. 45—51.

8. Ходжева Е.А. Контроль за психическим здоровьем как часть профессиональных обязанностей участковых уполномоченных МВД в России // Журнал исследований социальной политики. 2015. ULR: <https://cyberleninka.ru/.../obem-ekspertnoy-deyatelnosti-sudebno-psihiatricheskoj-eks> (дата обращения: 14.03.2019).

9. Гарин Л.Ю. Практические аспекты медицинского права: учебное пособие / под ред. И.А. Камарева. Н. Новгород: Изд-во Нижегородской государственной академии, 2018. 176 с.

10. О мерах по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами (вместе с Инструкцией об организации взаимодействия органов здравоохранения и органов внутренних дел Российской Федерации по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами): приказ Минздрава России № 133, МВД России № 269 от 30 апреля 1997 г. ULR: base.garant.ru/11900260/ (дата обращения: 14.03.2019).

11. Погодина Т.Г., Борисов Д.Е. О создании единой базы психически больных как меры профилактики общественно опасных действий, совершенных лицами с психическими расстройствами // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 162—164.

References

1. Mikhail Reshetnikov: most of the crimes were committed by those who hid their psychiatric pathologies. ULR: <https://www.interfax.ru/russia/633882> (accessed 15.03.2019). (In Russ.)

2. Valeev R.I., Shvab D.V., Egorov D.B., Kiryanov F. The Volume of expert activity of forensic psychiatric expert service in 2006—2016. *Electronic scientific and educational Bulletin «Health and education in the XXI century»*. 2017. ULR: <https://cyberleninka.ru/.../obem-ekspertnoy-deyatelnosti-sudebno-psihiatricheskoj-eks> (accessed 15.03.2019). (In Russ.)

3. In accordance with the order of the interior Ministry from December 31, 2012 no. 1166 the district police Commissioner for the purpose of successful accomplishment of the tasks set for it is obliged «to participate within competence together with health authorities in the cases and the order provided by the legislation of the Russian Federation in supervision of the persons suffering from mental disorders, patients with alcoholism or drug addiction and representing danger to people around for the purpose of the prevention of Commission of crimes and administrative offenses by them; to assist medical workers in the implementation of the court-appointed compulsory hospitalization of persons in medical organizations.» ULR: <http://base.garant.ru/70344228/b89690251be5277812a78962f6302560/#ixzz5i8YzyMLi> (accessed 14.03.2019). (In Russ.)

4. «Belov's case» in Nizhny Novgorod (2015); In Murom, a woman who received an «order» for Halloween killed her 12-year-old daughter; in Strunino, a mental patient splashed acid in the eyes of a neighbor's child (2016), etc.

5. Kondratyev F.V. Fates of patients with schizophrenia: clinical, social and forensic psychiatric aspects: monograph. Moscow, 2010. (In Russ.)

6. Maltseva M.M., Kotov V.P. Dangerous actions of mentally ill: psychopathological mechanisms and prevention: monograph. Moscow, 1995. (In Russ.)

7. Makushkina O.A., Zharova E.N., Buravtsev K.A. Discussion questions of forecasting of risk of public danger. *Siberian Bulletin of psychiatry and narcology*, 2016, no. 1, pp. 45—51. (In Russ.)

8. Hodzheva E.A. Control of mental illness as part of the professional duties of district commissioners of the Ministry of interior in Russia. *Journal of social policy studies*, 2015. ULR: <https://cyberleninka.ru/.../obem-ekspertnoy-deyatelnosti-sudebno-psihiatricheskoj-eks> (accessed 14.03.2019). (In Russ.)

9. Garin L.Yu. Practical aspects of health law: textbook / ed. by I.A. Kamaev. Nizhny Novgorod: publishing

House of Nizhny Novgorod state Academy, 2018. 176 p. (In Russ.)

10. About measures on prevention of socially dangerous actions of persons with mental disorders (along with the Instruction about the organization of interaction of health bodies and of the bodies of internal Affairs of the Russian Federation for the prevention of socially dangerous actions of persons with mental disorders): the order of Ministry of health of Russia no. 133, Minis-

try of internal affairs of the Russian Federation no. 269 of April 30, 1997. ULR: base.garant.ru/11900260/ (accessed 14.03.2019). (In Russ.)

11. Pogodina T.G., Borisov D.E. On the creation of a unified database of mentally ill as a measure of prevention of socially dangerous actions committed by persons with mental disorders. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2016, no. 1 (33), pp. 162—164. (In Russ.)

УДК 343.1

DOI 10.24411/2078-5356-2019-10222

Поляков Михаил Петрович
Mikhail P. Polyakov

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

doctor of sciences (law), professor, professor of department of criminal process
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoe shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: polmihpet@rambler.ru

Смолин Алексей Юрьевич
Aleksey Yu. Smolin

кандидат юридических наук, начальник редакционно-издательского отдела
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (law), head of the editorial and publishing department
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoe shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: A.Y.Smolin@yandex.ru

Концептологический анализ феномена электронных доказательств

Concept-centred analysis of the phenomenon electronic evidence

В рамках разрабатываемой авторами концепции «Уголовный процесс как технология» в настоящей статье исследуется такой ее элемент, как электронные доказательства. Последние авторами рассматриваются не столько в техническом, сколько в концептуальном технологическом и идеологическом аспекте и трактуются в контексте доказательств, в максимальной степени не привязанных ни к субъекту, ни к форме.

Ключевые слова: электронные доказательства, уголовно-процессуальный технологический уклад, идеология, информационные технологии, уголовно-процессуальная форма, тип уголовного судопроизводства.

Within the concept «Criminal procedure as technology» developed by the authors, in this article such an element as electronic evidence is examined. They are considered not so much in the technical, but in the conceptual, technological and ideological aspect and are interpreted in the context of evidence, as far as possible not tied to the subject or to the form.

Keywords: electronic evidence, criminal procedural technological structure, ideology, information technology, criminal procedural form, type of criminal procedure.

«В начале было Слово...». Как же точно этот известнейший библеизм передает вхождение феномена электронных доказательств в юридические миры. Вначале возникает термин, возмущающий о появлении неведомой ранее породы доказательств. Правда, термином его назвать можно лишь условно, поскольку за ним не обнаруживается четкого научного понятия. Этого,

адекватного феномену, понятия не было изначально, и вряд ли будет ошибочной констатация, что оно отсутствует до сих пор. Пока можно говорить лишь о немногочисленных и в большинстве своем не особо продуктивных попытках подобраться к сущности этого феномена.

Возникает парадоксальная ситуация, когда слова «электронные доказательства» становят-

© Поляков М.П., Смолин А.Ю., 2019

ся востребованными и в сфере юридической науки, и в сфере практического судопроизводства, а активного постижения процедурно-технологической сущности этого феномена до сих пор нет. Подобными наблюдениями делится и профессор П.Г. Марфицин, подчеркивая, что, с одной стороны, указанное словосочетание становится модным, а с другой — «само понятие данного явления пока четко никем не сформулировано. Более того, желающих осуществить такую работу не так уж много» [1, с. 106].

Немногочисленные энтузиасты пытаются штурмовать это понятие в лоб, пытаясь переносить акценты его интерпретации преимущественно в техническую сферу. Поэтому техническая (информационно-технологическая) анатомия этого феномена изучена глубоко, а вот мир его «процессуальной души» все еще представляет потемки.

В свое время (лет сто пятьдесят назад) криминалистику определяли весьма просто — как «техническую науку о доказательствах». Складывается впечатление, что сегодня мы имеем детально разработанное криминалистическое (читай — техническое) понятие электронных доказательств, а вот сугубо процессуальное (судопроизводственное) понятие электронных доказательств отсутствует. И вполне вероятно, что отсутствует потому, что процессуальную сущность этого понятия пытаются искать не там, где она действительно спряталась. Может быть эта сущность рассыпается на целый ряд аспектов и прячется в разных местах.

Приведем несколько примеров юридического определения понятия электронных доказательств. Так, Д.В. Замула предлагает понимать под электронным доказательством «информацию, содержащуюся на электронном носителе, способную передаваться по информационно-телекоммуникационным сетям или обрабатываться в информационных системах, и имеющую значение для рассмотрения и разрешения конкретного дела» [2, с. 187].

В понимании В.Б. Вехова, «электронные доказательства — это любые сведения, сообщения (данные), представленные в электронной форме, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в определенном процессуальном законодательством порядке устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела» [3, с. 47].

Даже поверхностный взгляд на предложенные дефиниции позволяет заключить, что здесь

мы имеем дело в некотором роде с «приспособительным» подходом. Авторы пытаются приспособить свое понимание электронных доказательств к действующей информационной трактовке доказательств, воспринятой всеми процедурными отраслями права. Подобный подход не является ошибочным и тем более бесполезным. Более того, он является необходимым исследовательским шагом в постижении сущности электронных доказательств, поскольку в нем есть «отмычка» к юридической квинт-эссенции электронного доказательства.

Авторы дают понять, что вся эта сущность в конечном итоге упирается в новую — электронную — форму этих доказательств. Причем, формула «электронный носитель» здесь менее удачна, а вот термин «электронная форма» очень даже подходящий. Естественно, что само понятие электронной формы является почти безразмерным. В современной науке представлено все техническое разнообразие трактовки этой электронной формы [4]. Но вся эта техническая спецификация, которая, несомненно, передает уважение к феномену электронных доказательств, в то же время напускает туман на понимание особой доказательственной природы доказательств. Поэтому даже в техническом смысле научная общественность сегодня в большей степени опирается на интуитивное и бытовое понимание «электронных доказательств».

В юридическом же смысле эта терминология вообще обозначает не образ явления, а лишь его особые приметы. Концептуальная сущность электронной формы (в контексте специфического осмысления самого понятия доказательства) как бы выносится за скобки процессуальной деятельности в техническую сферу. Вопрос о том, что инновационного может дать теории доказательств и практике доказывания эта электронная форма, затушевывается. И хуже того, сугубо физическая трактовка электронных доказательств приводит к тому, что среди юристов формируется сообщество, отношение которого к электронным доказательствам может быть выражено в следующей цитате: «считаем нецелесообразным введение нового источника доказательства — цифровое доказательство» [5, с. 90].

Таким образом, сегодня можно говорить об успешном развитии технического аспекта понятия «электронное доказательство». Этот аспект, естественно, крайне важен, поскольку именно через него возможен выход на отдельные нюансы процессуальной формы, связан-

ные с технологической стороной использования «электронной информации». А вот что касается осмысления этого феномена с точки зрения идеологии и методологии доказывания, то здесь нужны новые подходы и даже, может быть, неадекватные современной научной парадигме концептуальные решения и прогнозы.

Но чтобы выйти на данный уровень осмысления, необходимо применить особые интеллектуальные инструменты. Полагаем, что в качестве «умственного эхолота» можно использовать некогда очень любимый французским философом Мишелем Монтенем жанр — эссе. Только свободные рассуждения о феномене электронных доказательств помогут нащупать новые подходы к проблеме. Подобные рассуждения и составляют основу нашей статьи.

И начнем мы эти рассуждения с возвращения к тезису, которым и открывался этот раздел, — о том, что термин «электронное доказательство» появляется раньше соответствующего этому термину понятия. Но появляется, естественно, не на ровном месте, а в связи с определенными технологическими метаморфозами, которые затрагивают широкие сферы общественной жизни.

С одной стороны, формула «электронные доказательства» появляется в юридическом мире спонтанно, но с другой — она возникает на фоне активного проникновения в жизнь и судопроизводство новых технических свершений, позволяющих особенным (почти волшебным) образом работать с информацией. В плане понимания феномена электронных доказательств важно подчеркнуть, что не отдельные технические новинки, не «цифровые» вкрапления, а именно массовое революционное наступление информационных технологий, замещение ими привычных способов работы с информацией породили запрос на внедрение адекватного этим технологиям инновационного вида доказательств.

Складывается впечатление, что наука интуитивно чувствует, что «электронные доказательства» несут в теорию доказательств не только технические нюансы, но и свидетельствуют о предпосылках методологических перемен. Уголовный процесс всегда был чуток к глобальным информационным преобразованиям (свои размышления мы строим преимущественно на базе уголовного судопроизводства, но в теоретическом плане они могут быть вполне применимы и к другим отраслям процессуальной деятельности). В свое время изобретение письменности (первая информационная революция) вызвало к жизни новый тип уголовного судопроизводства — разыскной тип процесса. Сегодня мало

кто связывает типологическую эволюцию уголовного судопроизводства именно с информационно-технологическими сдвигами. Эта связь не особо заметна, и для того чтобы распознать ее, нужно спрессовать века в мгновенья. Но при всей своей внешней неуловимости эта связь присутствует, и осознание ее многое позволяет объяснить в становлении современной системы доказательств.

Именно письменность породила целый пласт новых доказательств в уголовном процессе. Протоколы и документы — самый яркий пример. Но письменность — это не только форма фиксации информации, это еще и особый логический способ ее производства и обработки. Описание объекта — это специфический способ постижения действительности. Поэтому письменная форма, за которую так сильно порой критикуют современный уголовный процесс, является неотъемлемым спутником судопроизводства на протяжении многих веков. И она не пережиток, а надежный процессуальный инструмент.

Письменность может быть потеснена в уголовном процессе только более совершенной формой работы с информацией. Это, образно говоря, должен быть более совершенный вид письменности. И такие формы инновационной письменности время от времени проникали в уголовный процесс — фотография, кинематография, звукозапись, видеозапись. Но все они становились лишь приложением к традиционной письменности и не породили потребности в принципиально новом виде доказательств. Они всего лишь расширяли список письменных доказательств.

Третья информационная революция, связанная с внедрением технологий на базе электричества, много чего дала криминалистике, но почти никак не отразилась на развитии института уголовно-процессуальных доказательств. Во всяком случае, никому в голову не пришло говорить о появлении особенных «электрических доказательств». А если нет слова, то нет и явления.

Теперь есть слово «электронные доказательства», а следовательно, существует и явление, которое пытается через это слово воплотиться в жизнь, пробиться не только в практику, но и в теорию судопроизводства. Вполне очевидно, что не электричество само по себе, не электрические помощники судопроизводства (магнитофон, видеокамера, электроприборы криминалистической техники и т. п.), а именно компьютер призвал к жизни новый феномен и породил

соответствующую ему терминологию. Не случайно, что первым именем для феномена электронных доказательств было — «компьютерные доказательства». Впоследствии в связи с развитием цифровых технологий, переселением их в фотоаппараты, телефоны, магнитофоны, видеокамеры и т. д. названная формулировка стала тесноватой для соответствующего феномена и ей на смену пришло более универсальное имя «электронные доказательства».

Сегодня немало научных работ посвящено разграничению этих терминологических обозначений. Авторы весьма обстоятельно доказывают, что недопустимо смешивать такие оттенки понятий, как «компьютерный», «электронный», «цифровой» [6]. Нам же представляется, что для понимания концептуальной сути анализируемого феномена его первое, второе, третье и прочее имя здесь не столь важны. Не имеет большого идеологического и технологического значения, как будут называться доказательства — компьютерными, электронными, цифровыми, информационно-технологическими и т. д. Принципиально важно другое, что современные виды судопроизводства не могут игнорировать повсеместное внедрение микропроцессорных технологий. И это внедрение должно приниматься ими не только на утилитарно-инструментальном уровне.

Четвертая информационная революция, по праву именуемая цифровой, неминуемо ведет к переосмыслению информационно-доказательственной идеологии и методологии уголовного процесса. В свое время, как мы уже отметили, уголовный процесс не смог проигнорировать изобретение письменности. Он принял ее и сделал своим важнейшим инструментом. Сегодня уголовный процесс должен сделать такой же дружественный шаг и в отношении письменности иного технологического рода. Условно мы можем назвать эту письменность «цифрописью».

«Цифропись» порождается потребностью в теоретическом осмыслении и практическом внедрении принципиального нового вида доказательства, основанного не на слове, а на «цифре». В современном уголовном процесс «слово» уже не является монополистом. Письменность в свое время позволила ослабить зависимость слова от человека, позволила «консервировать» это слово в письменных актах. Но описание, как главный инструмент доказательственной технологии, несмотря на расширение технических средств наглядности, было ключевым интеллектуальным принципом судопроизводства. Именно слово во все времена лежало в основе

уголовного судопроизводства. И сам принцип устности судебного разбирательства есть некая дань символического уважения Слову.

Но времена безраздельного царства слова в уголовном процессе уходят. И этот уход вряд ли растянется на века. «Цифропись» — это не только детище научно-технического прогресса, которое станет новым удобным приложением к слову. «Цифропись» — это уже не только технологическая, но и идеологическая революция для самого уголовного судопроизводства. Поэтому не следует удивляться, что «электронные доказательства» на сегодняшний день — это не столько юридическое понятие, сколько метафора, задающая общее направление поиска новых идеологических оснований для методологической революции в теории доказательств и практике доказывания.

Феномен электронных доказательств пока лишь концепт (зародыш), из которого еще только-только начинает развиваться новая уголовно-процессуальная информационная технология, способная составить конкуренцию технологии, основанной на формальной логике, усиленной традиционной письменностью. Но этот концепт уже есть реальность современного уголовно-процессуального мира. Он знаменует приближение революционных перемен. Термин «электронное доказательство» становится лозунгом нового времени, своеобразным ответом на пока еще четко не сформированный общественный запрос в цифровом правосудии. Возникает ощущение, что это терминологическое авторство носит массовый характер и сам термин «электронные доказательства» является в какой-то степени народным. Неслучайно, что никто не пытается отстаивать свое авторское право на этот термин.

Именно под этим народным именем феномен электронных доказательств ненавязчиво, но неотступно проникает в научный и практический оборот, становится популярным и даже модным, но при этом весьма противоречивым трендом. Кого-то термин «электронные доказательства» окрыляет, раскрывая огромные горизонты и перспективы; кто-то, напротив, пытается убедить себя и других в том, что это всего лишь модное слово, за которым невозможно рассмотреть оснований для корректировки теории доказательств; что новым является лишь «электронное перо» сама же письменность остается прежней.

Сегодня имеется достаточно публикаций, в которых авторы убедительно (как им кажется) показывают, что таинственный феномен элек-

тронных доказательств в конкретной жизненной ситуации рассыпается на два хорошо знакомых элемента, которые легко вписываются в устоявшиеся виды доказательств: это либо письменные доказательства (документы), либо доказательства вещественные. Все зависит лишь от того — является в данной ситуации электроника инструментом или же она лишь электронное хранилище следов. К примеру, в рамках данной «ретроградной» традиции электронный документ — это всего лишь документ, изготовленный с помощью компьютера, а электронный носитель информации, хранящий «видеоотчет о преступлении», — не более, чем вещественное доказательство.

Таким образом, все усилия по обоснованию уникального вида электронных доказательств с точки зрения физики доказательств представляются им столь же бессмысленными, как, к примеру, гендерные рассуждения по поводу «третьего пола» с точки зрения человеческой физиологии.

Но физика и физиология не всегда способны дать все необходимое для понимания нового феномена. Так и «электронные доказательства» не могут быть поняты исключительно на уровне привычной физики и традиционной юриспруденции. Помещая феномен электронных доказательств в контекст привычных понятий и устоявшегося мировоззрения, мы оказываемся неспособными разглядеть ту суть, которая как раз и порождает уникальность этого феномена, определяет его особую доказательственную миссию.

Но чтобы увидеть суть, нужен не технологический подход, а подход идеологический. И здесь весьма полезную услугу нам может оказать концептологический анализ феномена электронных доказательств. Этот анализ есть своеобразное инструментальное воплощение идеологического подхода к предмету исследования, разрабатываемого представителями Нижегородской (Томинской) школы процессуалистов (М.П. Поляков, А.Н. Конев, А.Ю. Шуров). Суть этого анализа заключается в том, чтобы представить исследуемое явление в виде ключевой идеи (концепта), из которого, собственно, и развивается это явление.

И в этом смысле маргинальное сравнение электронного доказательства с так называемым «третьим полом» совсем не случайно. Сегодня в представлении ученых мужественность и женственность — это не только физиологическая данность, это уже некая социокультурная категория. И в этой связи на помощь традиционно-

му понятию пола призывают понятие гендера. А гендер — это не просто пол, это социальный пол; понятие, характеризующее совершенно иной срез мужского и женского бытия.

Так и феномен электронных доказательств следует оценивать в особом историческом и культурном контексте, не открещиваясь порой и от присущих ему метафизических ноток. И уже от этих разнородных концептуальных представлений начинать движение к технической и юридической составляющим соответствующего понятия.

Если всмотреться в феномен электронных доказательств не только умом, но и сердцем, то можно почувствовать, что сам термин «электронные доказательства» имеет в некотором смысле магическое значение. Этот термин каким-то особым своим звучанием («электронным») знаменует начало новой «волшебной» эпохи в доказывании. Он словно глашатай, вещающий приближение новой электронной эры в судопроизводстве, эры таинственной и пугающей и вместе с тем многообещающей.

А в том, что такая эра грядет, сомневаться уже не приходится. Все приметы, как говорится, налицо. Это понимают уже не единицы, этот факт становится доступным всему научному и юридическому сообществу. Достаточно посмотреть на название научных дискуссий последних лет. Так, летом 2018 года в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации была организована работа XIII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов на тему «Право в условиях цифровой реальности» (при этом на сайте, представившем информацию об этом научном собрании, внимание постарались привлечь очень проблемным заголовком — «Правовая защита в преддверии киберреальности: технологии не должны манипулировать человеком») [7]. На интернет-ресурсе Международной ассоциации содействия правосудию было инициировано обсуждение статьи С.В. Власовой «К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности» [8]. 29 мая 2018 года в Московском городском суде состоялась международная конференция на тему «Суд XXI века: технология на службе правосудия» [9].

Последнее мероприятие было интересным еще и тем обстоятельством, что в качестве обращения к нему была озвучена правительственная телеграмма. Вот выдержка из нее: «Технологии меняют все общественные институты. И судебные системы по всему миру не стали исключени-

ем. Благодаря новым возможностям правосудие становится более эффективным, прозрачным и доступным. А значит, растет доверие людей и к государству, и к праву — как способу решения любых споров. <...> Сохранение и развитие правовых основ, создание нового права цифровой эпохи — вот задача, которая стоит сегодня перед профессиональными юристами».

Таким образом, можно без иронии обсуждать приближение революционных информационно-технологических перемен в правосудии, масштаб которых нам пока предсказать трудно. Но определенно есть предчувствия грандиозности предстоящих перемен. И общественный запрос на термин «электронные доказательства» — это как раз запрос, исходящий из цифровой эры правосудия. На повестке дня стоит смена не только технологии, но и идеологии уголовного судопроизводства.

Для того чтобы современные информационные технологии чувствовали себя уютно в уголовном процессе, необходима соответствующая теоретико-идеологическая подготовка. Для того чтобы началось широкое внедрение информационных технологий, необходимы соответствующие мировоззренческие перемены во всем обществе. Требуется информационно-технологическая перестройка уголовного процесса на базе инновационного для уголовного процесса «нецифрового» мировоззрения. Несколько в упрощенном и метафоричном виде смену процедурных укладов можно представить следующим образом. Первый уголовно-процессуальный технологический уклад был от Бога, второй — от человека, а третий, судя по всему, будет от компьютера или, говоря шире, от техники (информационных технологий).

Пока уголовно-процессуальная наука и практика смотрят на этот надвигающийся уклад с явным недоверием и опаской. Это вызвано тем, что третий «уголовно-процессуальный технологический уклад», по сути, есть уклад в некотором смысле постчеловеческий. Это, конечно же, не может не настораживать. Это уже будет не просто революция в области уголовного процесса, а нечто большее по масштабам и последствиям.

Идеологическая инерция и настороженность пока не позволяют перенастроить цели научного поиска. Современная наука приняла термин «электронные доказательства», но объективно и разносторонне осмыслить существо самого этого феномена она пока не в состоянии. Анализ публикаций показывает, что ученые пытаются подобрать смысловую формулу для понятия

электронных доказательств, исходя из действующей научной парадигмы, опирающейся на традиционные представления об информации и веществе. Кроме того, у ряда ученых есть явное желание во что бы то ни стало вписать «электронные доказательства» в действующие научно-законодательные представления о доказательствах. А они, если быть объективным, не особо вписываются, либо вписываются весьма неуклюже.

Заметим, что подобный подход (и это мы уже отмечали выше) нельзя считать недостатком. Это необходимый этап в понимании феномена электронных доказательств. Сегодня мы переживаем переходный период от одной уголовно-процессуальной идеологии к другой. Процессуалисты азартно сражаются за разные идеологии. Сторонники состязательности громят поклонников розыска, те отвечают им тем же. На два антагонистических лагеря поделило уголовно-процессуальную науку и отношение к объективной истине. Однако настоящий «идеологический экватор», имеющий глобальное методологическое значение, сегодня следует искать в другом месте — на стыке традиционной письменности как выражения современной интеллектуально-познавательной культуры, и «цифрописи», как воплощения новой информационно-познавательной основы организации социокультурного пространства.

Но чтобы осознать необходимость смены доказательственной парадигмы не на уровне общих философских рассуждений, а на реальном научно-нормативном и прикладном уровне, необходимо полностью разувериться в успешности попыток найти особое место для «электронных доказательств» в действующих доказательственных системах. Без существенного изменения основных методологических принципов трактовки понятия доказательств и доказывания сделать это будет невозможно.

Таким образом, в переходный период научный подход, заключающийся в отрицании собой специфики электронных доказательств, просто необходим. Хотя бы для того, чтобы понять, наконец, что электронное доказательство (как феномен) — это нечто принципиально новое. Возможно, придется на этом переходном этапе говорить об электронных доказательствах в широком и узком виде. Но, без всякого сомнения, необходимо выделить из народного бытового понимания электронных доказательств признаки особой породы цифровых доказательств, которые выпадают из классического понимания доказательств как единства сведений и источ-

ника, либо наполняют это содержание совершенно новым смыслом.

А если аргументы в пользу того, что цифровая эра несет вместе собой принципиально новый вид доказательств, не найдутся, то тогда отпадет и необходимость введения в научный оборот специфического понятия. Нужно просто будет в очередной раз прибегнуть к правилу бритвы Оккама и вспоминать об «электронных доказательствах» лишь как об условном (криминалистическом) обозначении определенной группы доказательств, вписывающихся в традиционные источники.

По нашим наблюдениям, юридическая наука пока находится в состоянии, когда нет весомых аргументов ни «за», ни «против» эксклюзивного понятия электронных доказательств. Но налицо факт, что термин «электронные доказательства» не собирается покидать юридическую арену и сфера его терминологического распространения становится все шире. Сам факт этой экспансии можно трактовать как весомый эмпирический аргумент в пользу продолжения поиска особой формально-информационной сущности феномена электронных доказательств.

Для поиска этой сущности необходимо вырваться из традиционных идеологических и методологических оков, в которых несколько десятилетий находятся представления о доказательствах. Прежде всего, нужно попытаться извлечь новые смыслы из самого концепта «электронности». Те смыслы, которые позволят иначе взглянуть и на существо самого уголовного судопроизводства.

Современная юридическая наука активно исследует определитель «электронный», буквально разбирая его по электронам. Но это неизбежно уводит юридическую мысль в техническую колею, в мир файлов, процессоров, накопителей, электромагнитных сигналов. Все это невероятно интересно, но для понимания процессуальных аспектов доказывания с помощью электронных доказательств важно примерно так же, как понимание особых нейронных связей, возникающих в мозгу свидетеля при наблюдении им события преступления. Уголовному судопроизводству важен лишь факт доверия к источнику доказательств, а не нюансы физических процессов. Хотя нельзя отрицать, что криминалистические наработки, направленные на разъяснение информационной природы того или иного источника доказательств, создают необходимую базу для доверительного отношения к этому источнику. Именно поэтому в теории электронных доказательств очень важен техни-

ческий раздел. И вместе с тем, этот раздел дает лишь основание для веры в надежность метода и источника.

Для того чтобы переключиться с технической сути на концептуальную сущность феномена электронных доказательств (в так называемом узком смысле), необходимо включить иной подход, к которому и приближает концептологический анализ. Наряду с постижением технических нюансов «электронных явлений», нужно попытаться представить саму «электронность» в виде определенной идеи (особого концепта), которая несет особые тенденции в самые разные отрасли. Представить не физическую сущность «электронности», а ее потенциальную конструктивно-созидательную роль для уголовно-процессуальной формы. Необходимо понять, несет ли «цифра» уголовному процессу нечто новое, или же она повышает эффективность уже имеющихся инструментов «слова».

Электрификация всей страны не создала в свое время особого «электрического судопроизводства». Никто и не пытался смотреть на уголовное судопроизводство через призму электричества. Электричество трансформировало преимущественно энергетические объекты. Но энергия для уголовного процесса — вопрос второй. А вот информация — первый. Поэтому и «электронность» становится интересной преимущественно в том ключе, который затрагивает вхождение в уголовный процесс принципиально новых источников и форм информации. Только такой концептуальный подход позволит скорректировать методологические представления о ключевых понятиях научной доктрины об уголовном судопроизводстве.

Но рассмотреть эти особенности можно лишь в более широком аспекте. Задумаемся над тем, что сегодня дает концепт «электронности» в самом широком социальном контексте. Даже при поверхностной оценке многообразной и многочисленной погруженности в способы проявления «электронности» в повседневном быту мы в состоянии осознать, что это явление зачастую связано с отказом от прежней формы привычных объектов, либо с существенной модификацией этой формы. Именно в таком ключе можно трактовать, к примеру, такие бытовые новинки, как электронная книга, электронный дневник школьника, электронный журнал класса и т. д.

Новая электронная форма несет в себе явные элементы удобства. К этим удобствам сегодня активно добавляются всяческие онлайн-сервисы, притаившиеся в маленькой коробочке

смартфона и позволяющие переместиться из сферы материального обмена в обмен сугубо информационный. Это очень удобно, когда в твоём кармане круглосуточно открыт Сбербанк и без перерыва на обед работают почта и интернет-магазин.

Но, как известно, этими удобными действиями мы плетем потенциальные доказательства, депонируем информацию о себе в различных базах данных. Повседневными, ежеминутными свидетелями нашего бытия становятся технические устройства. И жизнь социума организуется таким образом, что человеку не избежать, не уклониться от цифровой фиксации своего бытия. Возникает параллельное цифровое запечатление нашей повседневности, которое и является одной из предпосылок для появления потенциальных электронных доказательств. Получается, что электронное свидетельство (как сведения о самой нашей жизнедеятельности) может формироваться без нашего интеллектуального участия и даже без какого-либо юридического дела.

Подобные размышления мы приводим не для того, чтобы присоединиться к многоголосой дискуссии об ужасах «цифровой прозрачности». Мы лишь хотим показать принципиальное формальное следствие, которое несет в себе концепт «электронности». Это возможность существенного упрощения материальной формы, вплоть до ее полной примитивной унификации. Если абстрагироваться от необходимости пока еще весьма дорогостоящего электронного оборудования (уже имеющего вполне универсальную форму), то можно говорить о том, что формы многих явлений в привычном их представлении исчезают вовсе.

В виртуальном мире, который теснит мир реальный, исчезают здания, организации, и главное — люди, как необходимые посредники в информационно-материальном обмене. Механизм посредничества в электронном мире максимально упрощается: остается только потребитель информации и его маленький волшебный прибор — гаджет. И в этом незатейливом по форме приборе реализуется заветная мечта любого изобретателя: «лучшая система — это когда системы нет, но функция ее выполняется». Электронная почта, онлайн-банк, интернет-магазин и многое другое: функция остается, но меняется форма, и, главное, из этой формы устраняются люди как посредники в информационном и прочем обмене. Минимизация человеческого фактора, вот что нужно отметить особо, оценивая концепт «электронности».

Именно этот момент крайне важен для понимания феномена электронного доказательства в его инновационном смысле в сфере судопроизводства. Он позволяет ставить вопрос о потенциальной способности идеи «электронности» подарить уголовному процессу основания для разработки процессуальной конструкции «бесформенного доказательства» или (что может быть точнее) доказательства, индифферентного к форме.

Мы видим, что «электронность» в определенных сферах приводит к унификации материальной формы, устраняет ее разнообразие. Точнее, разнообразие как бы остается (множество программных продуктов, приложений и т. д.), но в целом все сводится к одной электронной (компьютерной, цифровой) форме. Так, если мы посмотрим на гаджет и рядом с ним визуально представим его «материальное» наполнение в виде сотен томов виртуальной библиотеки, толстых альбомов фотографий, разной офисной техники и т. д., то мы увидим, что все это многообразие форм умещается в небольшом и в общем-то неказистом устройстве.

Формальное многообразие реального мира сжимается в картинку мира виртуального. Информационно-материальный продукт (где форма и содержание существуют неразрывно) превращается по сути в чисто информационный продукт. Материальная форма выражения информации становится универсальной — это прибор с экраном; то, что мы называем компьютером в самом широком смысле.

Именно этот компьютер в каком-то смысле и олицетворяет универсальную форму электронных доказательств (опять же в специфическом понимании этих доказательств). Следовательно, через электронные доказательства реализуется идея доказательства как чистой информации, не привязанной к форме. Феномен электронного доказательства в его исконном концептуальном виде как раз и олицетворяет отрыв доказательства от своего источника. Источник как бы есть, но он универсален. По сути, компьютер и есть электронное доказательство в формальном смысле. Подобно вещественному доказательству он хранит и демонстрирует следы. И при этом информация не привязана к конкретному компьютеру, как следы к веществу. Будучи копируемой с одного носителя на другой, она, в отличие от информации вещной природы, не становится производной; она так и остается первоначальной.

Тот же компьютер через подключенные к нему устройства ввода информации фиксиру-

ет информацию, которая может стать доказательственной. Техника, как мы уже отметили, осуществляет перманентный процесс запечатления действительности, и фрагмент этого непрерывного технического «свидетельства» может стать электронным доказательством.

В чистом концептуальном понимании электронное доказательство — это доказательство, от начала до конца сформированное электронным устройством. Точнее, устройство формирует не доказательство (в его сложившемся понимании), а фиксирует кусок действительности, который содержит информацию, имеющую отношение к делу. По канонам современной теории доказательств доказательство, чтобы стать таковым, должно предъявить всю свою «родословную» и особенно позаботиться о тщательном представлении источника. Если мы посмотрим на место технических устройств в технологии доказывания, то увидим, что в отношении них действует скрытая презумпция недоверия. Сам факт их применения должен быть подобным образом описан: кто, где, когда, при каком освещении и т. д. применил это устройство. Техническое устройство в доказательственном мире не существует автономно.

Но подобные критерии допустимости применения информации, полученной при помощи технических устройств, являются уже устаревшими. Они возникли на базе стереотипа настороженного отношения к технике. И концепт «электронности» пытается по-новому трактовать тему информационного доверия к техническим устройствам. Презумпция надежности компьютера (а сегодня от нее уже не уклониться) создает концептуальные предпосылки для постулата о том, что вопрос об источнике электронной информации может быть ограничен техническим устройством. Цифровая фиксация фрагмента действительности при помощи технического устройства может быть признана объективной информацией сама по себе. Источником объективности становится техника (факт ее надежности, защищенности от антропогенного вмешательства в корректировку данных и т. д.)

Таким образом, сам свершившийся «цифровой акт» фиксации информации может рассматриваться уже сам по себе ценным в доказательственном смысле и, следовательно, отодвинуть на второстепенный план субъекта, приводящего в действие электронное устройство. Этого субъекта может и не быть вовсе. Компьютер — это универсальная форма, которая мгновенно оживляет электронную информацию. И хотя его и называют уничтожительно

«железом», он в полной мере уже не может быть отнесен к сугубо материальному носителю информации, ибо информация там хранится очень даже особым образом, недоступным для человеческого восприятия без особого прибора.

Подчеркнем еще раз, что, по сути, электронное доказательство только тогда является электронным (в том самом искомом узком смысле), когда оно формируется не человеком, а машиной. Понятно, что подобное заявление едва ли может вписаться в ядро современного понимания доказательств как сведений, формируемых человеком как субъектом доказывания. И не может лишь потому, что в понятии источника доказательств, как правило, присутствует человеческий фактор.

Исключение составляют лишь вещественные доказательства. Там носителем следов выступает материальный объект. И вопрос извлечения информации из овеществленных следов не всегда бывает простым делом. Здесь далеко не всегда хватает невооруженного глаза и может понадобиться помощь специалиста, оснащенного необходимым научным оборудованием. Электронное доказательство тоже может быть разным. Оно может заключаться в простой демонстрации сюжета, доступной для интерпретации субъектами доказывания, а может требовать и помощи уникального специалиста.

К пониманию сущности электронных доказательств совершенно справедливо привлекают метод сравнения их с вещественными и письменными доказательствами. Сама терминология, придуманная для этих информационных групп, здесь неслучайна, поскольку наука пытается в самом термине отразить информационно-формальную сущность этого типа доказательств. И те, и другие доказательства объединяет тот факт, что они представляют собой «неличную» форму хранения информации. Для хранения информации человек здесь (как в случае с показаниями) оказывается ненужным. Конечно, при желании можно так организовать рассуждения, что доказательственная информация и в этих случаях может обязательно увязываться с ее антропогенным происхождением.

Но для нас здесь важно другое обстоятельство — неличная, нечеловеческая форма хранения и передачи информации создает потенциальную возможность для юридического учета анонимности. Уголовно-процессуальная доктрина с этой анонимностью тщательно борется. Именно допустимость анонимности остается главным камнем преткновения в проблеме использования результатов оперативно-

разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. Права анонимной информации на уголовно-процессуальное применение в случае с личными источниками информации не признаются абсолютно. В случае с неличными источниками информации предпочтение отдается такому же подходу. Анонимности говорят — нет. Однако сам концепт анонимности при этом сохраняется, как и потребность в его легализации применительно к неличным источникам доказательственной информации.

Представляется, что специфическое концептуальное понимание феномена электронных доказательств сможет позволить примирить его с таким недопустимым для обычного доказательства явлением, как анонимность источника доказательств. В случае с электронным доказательством (при презумпции технической надежности) источник в виде человека не столь важен. Важна лишь содержательная относимость и техническая аутентичность информации (исключение факта умышленной трансформации информации).

Таким образом, главным информационным принципом работы с электронными доказательствами становится интерпретация содержания. Электронное доказательство позволяет минимизировать количество интерпретационных ступенек познания по уголовному делу. Так, видеосюжет, отражающий момент совершения преступления, позволяет органам, ведущим уголовный процесс, погрузиться в восприятие очевидца. И причем погрузиться не только этим органам, но и гражданам. Хорошим примером этому может служить показанный по всем телевизионным каналам в январе 2019 года сюжет о похищении из Третьяковской галереи картины Куинджи «Ай-Петри». Вся страна имела возможность наблюдать факт этого злодеяния, благодаря видеоролику, предоставленному правоохранительными органами. По сути, населению было предъявлено электронное доказательство объективной стороны преступления, которое не требовало особых комментариев. И едва ли кто задавался вопросом о технических и юридических нюансах этой съемки — фрагмент действительности был реанимирован и оживлен компьютером. И сыграл этот сюжет не только информационную, но и пропагандистскую роль. Приведенный пример сегодня далеко не единственный.

Поэтому при разработке подходов к понятию электронных доказательств важна не столько техническая подоплека, сколько идеологическая оценка анализируемого феномена. В поиски но-

вой сущности целесообразно отправляться лишь вооружившись гипотезой, согласно которой электронные доказательства — это действительно доказательства нового вида и даже нового типа.

Скорее всего найти универсальную формулу, уместящуюся в термин «электронное доказательство», вряд ли получится. Законодатель не случайно использует множественную форму для вещественных и письменных доказательств, поскольку эти виды доказательств вмещают в себя весьма разнообразные информационные группы. Таким же образом неизбежно придется поступить и с «электронными доказательствами».

Эти доказательства не растворятся в письменных и вещественных доказательствах. Скорее всего, они аккумулируют в себе все электронное, что имеется в указанных выше видах доказательств. Но и в этом разнообразном виде доказательств («электронные доказательства») нужно непременно разыскать тот особый концепт, который составляет сущность самой идеи электронного доказательства. А эта идея вне всякого сомнения есть. И подобраться к ней можно не через теорию доказательств, а через идеологию информационных технологий. Идеологический момент заключается в формировании доверия и даже веры в надежность цифровых технических устройств. Электронное доказательство сможет иметь особую роль и особое содержание только там, где компьютер займет статус технического божества. Этот процесс уже идет полным ходом. Именно компьютерная техника становится источником подлинной объективности.

Идеологическая и методологическая разработка понятия электронных доказательств предполагает неизбежную корректировку «антропоцентристской» модели доказывания, внедрение в нее цифровой технологии сначала на правах помощника, а затем и на ключевых ролях тоже. Человек и техника становятся в уголовном процессе конкурирующими субъектами. Конкурируют они не только в области методологии, но и в области идеологии.

Концептологический анализ феномена электронных доказательств позволяет рассмотреть соответствующие тенденции, в рамках которых уголовный процесс готовится к широкому принятию и внедрению информационных технологий. Именно для этого, к примеру, сегодня активно продвигается концепция ускорения и упрощения судопроизводства. Уголовный процесс перестает быть чисто культурным феноменом. Он все более стремится превратиться из

социальной технологии, в которой центральное место принадлежит человеку, в чисто информационную технологию.

Электронные доказательства все чаще называют цифровыми. А ведь и в невинном слове «цифровой» тоже содержится серьезный идеологический подвох. Цифровизация уголовного процесса — это явный переход процесса из информационно-логического мира слова в информационно-визуальный мир картинок. «Слово и цифра» — в этой формуле они, конечно, не противоречат друг другу. Но сегодня приведенная формула в уголовном процессе меняется на обратный порядок слов — «цифра и слово». А это уже серьезная мировоззренческая подвижка. По сути, вместе с уменьшением ниши Слова, в уголовном процесс будет сокращаться зона человеческой рациональности. А ведь человеческая рациональность — это именно то, что и составляет костяк антропоцентристской идеологии методологии уголовного судопроизводства — основание для веры в уголовно-процессуальный метод.

Поиск сущности понятия электронных доказательств еще подарит науке массу новых открытий и направлений. И совсем неплохо, что первый опыт конструирования основ теории электронных доказательств ставит много нерешенных вопросов. Ведь главная задача науки — формулировать проблемы. Феномен электронных доказательств требует от исследователей особого мышления. Техника дала нам серьезный повод задуматься над этим феноменом, но обдумать его за нас она пока, к счастью, еще не в состоянии.

Примечания

1. Марфицин П.Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (38). С. 106—109.
2. Замула Д.В. Понятие электронных доказательств // Вестник современных исследований. 2018. № 8.4 (23). С. 187—189.
3. Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: История, теория, практика. 2016. № 4. С. 46—50.
4. Основы теории электронных доказательств: монография / под ред. С.В. Зуева. М., 2019.
5. Савчук Т.А. Дискуссионные вопросы о понятии и законодательном закреплении «электронных»

(«цифровых») доказательств в уголовном процессе // Уголовная юстиция в свете интеграции правовых систем и интернационализации криминальных угроз. Минск, 2017. С. 88—91.

6. Ионова А.Ю., Калитин С.В. Понятие доказательств, имеющих электронную форму и цифровое содержание: проблемы и перспективы // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2013. № 1. С. 49—61.

7. URL: http://fparf.ru/news/all_news/news/50508/ (дата обращения: 05.04.2019).

8. Власова С.В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 9—18.

9. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/news/mezhdunarodnaya-konferentsiya-sud-21go-veka-tehnologii-na-sluzhbe-pravosudiya> (дата обращения: 05.04.2019).

References

1. Marfitsin P.G. Several approaches to the formulation of the concept of “electronic evidence” in criminal proceedings. *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal Affairs of Russia*, 2017, no. 3 (38), pp. 106—109. (In Russ.)
2. Zamula D.V. The concept of electronic evidence. *Bulletin of modern research*, 2018, no. 8.4 (23), pp. 187—189. (In Russ.)
3. Vekhov V.B. Electronic evidence: problems of theory and practice. *Legal order: history, theory, practice*, 2016, no. 4, pp. 46—50. (In Russ.)
4. Fundamentals of the theory of electronic evidence: monograph / ed. S.V. Zuev. Moscow, 2019. (In Russ.)
5. Savchuk T.A. Discussion questions about the concept and legislative consolidation of «electronic» («digital») evidence in criminal proceedings. *Criminal justice in the light of the integration of legal systems and the internationalization of criminal threats*. Minsk, 2017. Pp. 88—91. (In Russ.)
6. Ionova A.Yu., Kalitin S.V. The concept of evidence in electronic form and digital content: problems and prospects. *Bulletin of Khabarovsk state academy of economics and law*, 2013, no. 1, pp. 49—61. (In Russ.)
7. URL: http://fparf.ru/news/all_news/news/50508/ (accessed 05.04.2019). (In Russ.)
8. Vlasova S.V. To the question of adaptation of the criminal procedure mechanism to digital reality. *Library of criminalist. Scientific journal*, 2018, no. 1, pp. 9—18. (In Russ.)
9. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/news/mezhdunarodnaya-konferentsiya-sud-21go-veka-tehnologii-na-sluzhbe-pravosudiya> (accessed 05.04.2019). (In Russ.)

УДК 336.225
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10223

Попов Василий Валерьевич
Vasily V. Popov

доктор юридических наук, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовская государственная юридическая академия (410056, Саратов, ул. Вольская, 1)

doctor of sciences (law), professor of the department of financial, banking and customs law Saratov State Law Academy (1 Volskaya st., Saratov, Russian Federation, 410056)

E-mail: vpopov1970@rambler.ru

Тришина Елена Геннадьевна
Elena G. Trishina

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Саратовская государственная юридическая академия (410056, Саратов, ул. Вольская, 1)

candidate of sciences (law), associate professor of the department of civil procedure Saratov State Law Academy (1 Volskaya st., Saratov, Russian Federation, 410056)

E-mail: 06yana@bk.ru

Об изменении правосубъектности участников налоговых обязательств в условиях цифровизации сферы налогообложения

On changing the legal personality of participants of tax liabilities in the conditions of digitalization of the sphere of taxation

В статье рассматриваются вопросы изменения правосубъектности налоговых органов и налогоплательщиков в рамках цифровизации сферы налогообложения. Обращается внимание на цифровые технологии, используемые во взаимоотношениях между указанными субъектами при осуществлении налоговых обязательств. При этом указывается, какие положительные моменты, а также ограничения и риски обуславливают использование таких технологий при реализации прав и обязанностей названными субъектами.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16102 «Трансформация правосубъектности участников налоговых, бюджетных и публичных банковских правоотношений в условиях развития цифровой экономики».

Ключевые слова: налогоплательщики, налоговые органы, правосубъектность, налоговое обязательство, администрирование, цифровые технологии, изменение, положительные аспекты, риски, ограничения.

The article deals with the issues of changing the legal personality of tax authorities and taxpayers in the framework of digitization of the taxation scope. Attention is paid to digital technologies used in the relationship between these entities in the implementation of tax liabilities. It also indicates what positive aspects, as well as limitations and risks, make use of such technologies when implementing rights and obligations of the named subjects.

The article was funded by RFBR according to the research project no 18-29-16102 "Transformation of legal personality of participants of tax, budgetary and public banking legal relationships in the context of development of digital economy".

Keywords: taxpayers, tax authorities, legal personality, tax liability, administration, digital technologies, change, positive aspects, risks, restrictions.

Любое государство «свои регулятивные, распорядительные, контрольные и иные организационно-властные функции» реализует

с помощью права [1, с. 15]. Исключением не стала и цифровизация жизнедеятельности российского общества. Так, 9 мая 2017 года Ука-

© Попов В.В., Тришина Е.Г., 2019

зом Президента Российской Федерации № 203 была утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы, направленная на применение информационных и коммуникационных технологий, формирование национальной цифровой экономики, реализацию стратегических национальных приоритетов [2]. Во исполнение названного Указа Правительством Российской Федерации принята Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением от 28 июля 2017 года № 1632-р [3], которая в том числе связана с повышением степени информированности и цифровой грамотности населения, улучшением доступности и качества государственных услуг для граждан. Как отмечают специалисты, «цифровая экономика представляет собой экономику, способную предоставить высококачественную ИКТ-инфраструктуру и мобилизовать возможности ИКТ на благо потребителей, бизнеса и государства» (ИКТ — информационные и коммуникационные технологии) [4, с. 259]. Данная Программа имеет непосредственное отношение и к цифровизации сферы налогообложения, информационной регламентации отношений между налогоплательщиками и налоговыми органами, включая налоговое администрирование. Однако сказать, что сфера налогообложения до принятия Программы оставалась вне поля информационного (цифрового) регулирования, нельзя, поскольку с введением в действие Налогового кодекса Российской Федерации [5] (далее — НК РФ) в кодифицированный акт постоянно вносились нормативные новшества, связанные с цифровыми технологиями, определяя совершенно новый качественный уровень отношений между государством в лице фискальных органов и налогоплательщиками, касаясь трансформации содержания налоговой правосубъектности названных участников. И, безусловно, совершенствование цифровых технологий побуждает к дальнейшему нормативному их закреплению в законодательстве о налогах и сборах [6, с. 460]. К примеру, в США еще в 1995 году в числе государственных приоритетов было намечено создание глобальной национальной инфраструктуры, основанной на универсальности услуг для населения через телекоммуникационные и информационные технологии [7], и этот процесс постоянно совершенствуется.

Известно, что правосубъектность представляет собой предусмотренную нормами права возможность или способность быть субъектом права, то есть «правоспособность и дееспособ-

ность, вместе взятые» [8, с. 349], основу которых составляют права и обязанности. В основании правового регулирования сферы налогообложения лежит прямая обязанность налогоплательщиков — платить законно установленные налоги и сборы согласно статье 57 Конституции Российской Федерации. В связи с этим они вступают в обязательственные отношения с налоговыми органами, касающиеся исполнения этой обязанности, то есть налоговые обязательства, которые легально не определены в НК РФ, но данный термин широко применяется в научных исследованиях [9, с. 112]. Между тем законодательная дефиниция имеется относительно гражданского правового обязательства [10, ст. 307], на которую можно ориентироваться. И часть ученых полагает, что гражданское правоотношение порождает налоговое обязательство [11].

Как указывает Конституционный Суд Российской Федерации: «Налог — необходимое условие существования государства, поэтому обязанность платить налоги... распространяется на всех налогоплательщиков в качестве безусловного требования государства...» [12]. Этим подчеркивается важность четкой регламентации налогового обязательства.

Еще в 2014 году для облегчения взаимодействия между налоговыми органами и налогоплательщиками в НК РФ введена статья 112, определяющая личный кабинет налогоплательщика как информационный ресурс на сайте Федеральной налоговой службы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для реализации сторонами своих прав и обязанностей. Для налогоплательщика и налогового органа — это возможность получения и передачи документов (информации), сведений в электронной форме, включая налоговые декларации, наряду с традиционными способами взаимодействия, то есть речь идет о налоговом инструменте, нужном для обеих сторон [13]. Стоит отметить, что в таком случае можно говорить о дискреции [14, с. 45] — возможности выбора. Например, документы, подписанные квалифицированной электронной подписью, признаются электронными документами, равнозначными документам на бумажном носителе, подписанным налогоплательщиком [15, п. 1 ст. 6].

Исполнение непосредственно самой обязанности по уплате налогов возможно различными способами, и констатацией факта ее исполнения для налоговых органов в рамках налогового администрирования считается момент передачи физическим лицом — налогоплательщиком в банк поручения на перечисление в бюджетную

систему без открытия банковского счета денежных средств, предоставленных кредитной организации физическим лицом, при их достаточности для перечисления [5, подп. 1.1 п. 3 ст. 45; 16]. Здесь речь идет об электронных деньгах [17, с. 68], правовой базой использования которых является Федеральный закон от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [18]. На основании статьи 3 указанного Федерального закона электронные денежные средства — деньги, которые предварительно даны одним лицом другому, учитывающему размер предоставленных средств без открытия банковского счета для исполнения денежных обязательств первого лица перед третьими лицами и относительно которых лицо, предоставившее деньги, имеет право передавать распоряжения исключительно с применением электронных платежных средств. Такие переводы осуществляет оператор электронных денежных средств без открытия банковского счета. Среди них можно назвать: QIWI, WebMoney, Яндекс.Деньги и др. Оператором является и кредитная организация, как банковская, так и небанковская, имеющая право на осуществление переводов денежных средств без открытия банковских счетов и связанных с переводами иных операций банка. Обращение этих денег возможно исключительно в рамках отдельной электронной платежной системы, а счета необходимы лишь для ввода и вывода денежных средств, включая уплату налогов или зачисление денег налогоплательщику при возврате налоговых платежей, излишне уплаченных или взысканных.

Какие же плюсы есть для налогового органа в рамках налогового администрирования в связи с возможностью наличия у налогоплательщика личного кабинета и применением наряду с обычными деньгами электронных денежных средств при наличии определенных киберрисков [19; 20, с. 19—48]?

Не всегда налогоплательщик уплачивает налоги в установленные сроки и в полном размере, что связывается в том числе и с его неправомерными действиями [21, с. 200—201; 22, с. 401], в силу чего он извещается об этом налоговым органом посредством требования об уплате налоговой недоимки [5, п. 1 и 2 ст. 69]. Причем требование может быть передано не только традиционными способами (лично под расписку, заказным письмом), но и в электронной форме по телекоммуникационным каналам связи или через личный кабинет налогоплательщика. При невыполнении в установленные сроки требования в отношении организаций и

индивидуальных предпринимателей как налогоплательщиков производится взыскание недоимки путем направления налогового поручения на бумажном носителе или в электронном виде в банк, в котором имеются счета налогоплательщика, на списание и перечисление в бюджетную систему соответствующей суммы средств [5, п. 2 ст. 46]. При их недостаточности или отсутствии взыскание может быть осуществлено и за счет электронных денег в соответствии с налоговым поручением на перевод электронных денег на счет налогоплательщика [5, пп. 6.1 ст. 46]. Что касается физических лиц, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, при невыполнении ими обязанности по уплате налога, фискальные органы правомочны обратиться в суд с заявлением о взыскании налога, в том числе за счет электронных денег, переводы которых реализуются благодаря персонифицированным электронным средствам платежа. Помимо изложенного налоговые органы широко применяют в качестве одного из наиболее действенных способов обеспечения уплаты налогов приостановление операций по банковским счетам, включая переводы электронных денег [5, п. 1 ст. 76].

Таким образом, использование цифровых технологий при осуществлении налогового администрирования достаточно широко практикуется, на что обращается внимание не только российскими специалистами, но и зарубежными [23, с. 691—701; 24, с. 145—152].

В свою очередь, налогоплательщик при использовании своего права на зачет суммы излишне уплаченного налога в счет предстоящих платежей может направить в налоговый орган не только письменное заявление, но и заявление в электронном виде с усиленной квалифицированной электронной подписью по телекоммуникационным каналам связи или через личный кабинет [5, п. 4 ст. 78]. Воспользоваться электронным заявлением налогоплательщик может и с целью реализации своего правомочия на возврат суммы излишне взысканного налога [5, п. 5 ст. 79], о чем уже упоминалось. Пункт 1 статьи 80 НК РФ допускает право составлять налоговую декларацию также в электронной форме и передавать в налоговый орган аналогичным способом.

Важно обратить внимание, что в свете изменений, внесенных в НК РФ Федеральным законом от 30 ноября 2016 года № 401-ФЗ [21] в настоящее время закреплена возможность уплаты налога за налогоплательщика иным лицом без конкретизации состава таких субъектов [25, с. 119], что позволяет говорить и о право-

мочности уплаты налогового платежа за счет электронных денежных средств.

В то же время законодательство о налогах и сборах содержит некоторые ограничения относительно использования электронных денежных средств. Так, банки как третьи лица в налоговых обязательствах предоставляют право использовать корпоративные электронные средства платежа для переводов электронных денег: во-первых, российским организациям и иностранным некоммерческим неправительственным организациям при их деятельности на территории Российского государства через отделения; аккредитованным филиалам; представительствам иностранных организаций; индивидуальным предпринимателям, но лишь при наличии сведений об идентификационном номере налогоплательщика, коде причины и дате постановки на налоговый учет; во-вторых, иным иностранным организациям; частным нотариусам; адвокатам, учредившим адвокатские кабинеты, но при предъявлении свидетельств о постановке на учет [5, п. 1, ст. 86]. Также банк обязан проинформировать налоговый орган о предоставлении или прекращении права налогоплательщика использовать электронные средства платежа для переводов электронных денег, а также об изменении реквизитов такого средства [5, п. 1, 1.1 ст. 86].

Тем самым цифровые технологии уже давно практикуются во взаимоотношениях между налоговыми органами и налогоплательщиками, хотя и несут риски использования персональных данных и денежных средств налогоплательщиков иными лицами для достижения противоправных целей, то есть касаются налоговой безопасности [26, с. 169]. Специалисты в этой связи резюмируют, что «проникновение информационных и телекоммуникационных технологий в экономику обострило проблемы охраны персональных данных, коммерческой, корпоративной и банковской тайны» [27, с. 260]. Стоит добавить к этому перечню и налоговую тайну как значимый вид конфиденциальной информации. Констатируется, что денежные средства организаций и физических лиц в банках наиболее уязвимы перед правонарушителями, о чем свидетельствуют данные опроса — 81,5% подтверждающих этот вывод респондентов. Примером является ситуация, когда преступники, применив вредоносную программу и похищенную цифровую подпись, получив доступ к счетам агентов систем электронных платежей, перечислили безналичные деньги на лицевые счета абонентских номеров телефонов, а затем обналичили [27, с. 261]. В результате бюджет-

ная система не досчиталась доходов, так как отсутствие денег на счетах сводит на нет возможность уплаты налогов при наступлении такой обязанности. Согласно статистике только за первое полугодие 2017 года правоохранительными органами было выявлено 66 460 экономических преступлений, включая 9 197 преступлений в финансово-кредитной сфере [28, с. 721].

В.А. Лаптев обращает внимание еще на одну значимую проблему использования цифровых активов: правовые последствия в связи с утратой паролей от цифрового кошелька (лицевого счета). По его мнению, если цифровой пароль можно восстановить с помощью других лиц, значит, система электронных платежей уязвима, поскольку есть риск неправомерного завладения паролем [29, с. 203].

Таким образом, цифровые технологии существенным образом изменили правосубъектность участников налоговых отношений, в первую очередь, налоговых органов и налогоплательщиков, повлияв на содержание налогового обязательства и расширив способы обмена налоговой информацией. Однако цифровизация сферы налогообложения вместе с тем обусловила появление новых киберрисков и киберправонарушений, что требует серьезного осмысления и правового решения рассмотренной проблематики.

Примечания

1. Баранов В.М. Энциклопедия юриспруденции: сущность, структура, ценность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 13—35.
2. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2901.
3. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32, ст. 5138.
4. Суходолов А.А., Колпакова Л.А., Спасенников Б.А. Проблемы противодействия преступности в сфере цифровой экономики // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 2. С. 258—267.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 3 августа 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31, ст. 3824; 2018. № 32, ч. I, ст. 5072.
6. Хабриева Т.Я. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в условиях цифровизации экономики: стратегические задачи и пра-

новые решения // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 4. С. 459—467.

7. Brown R.H., Irving L., Prabhakar A., Katzen S. The global information infrastructure: agenda for cooperation, 1995. URL: <https://www.ntia.doc.gov/report/1995/global-information-infrastructure-agenda-cooperation> (дата обращения: 12.10.2018).

8. Рассказов Л.П. Теория государства и права: учебник для вузов. 6-е изд. М.: РИОР: ИНФРА, 2014. 475 с.

9. Печенкина А.А. Налоговое обязательство как институт налогового права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. № 3 (12). С. 112—116.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 3 августа 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2017. № 31, ч. I, ст. 4808.

11. Красюков А.В. Особенности юридических фактов в налоговом праве // Налог. 2016. № 3. (18-22).

12. По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 1996 г. № 20-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1996. № 5.

13. Braithwaite V. Responsive regulation and taxation: Introduction. Law and Policy, 2007, no. 29 (1), pp. 3—10.

14. Демин А.В. Дискреция в налоговом праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Выпуск 35. С. 42—55.

15. Об электронной подписи: федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (в ред. от 23 июня 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15, ст. 2036; 2016. № 1, ч. I, ст. 65.

16. Попов В.В., Тришина Е.Г. Участие банков в налоговых правоотношениях: отдельные вопросы правосубъектности и защиты прав // Банковское право. 2015. № 5. С. 50—57.

17. Кучеров И.И., Хаванова И.А. Налоговые последствия использования альтернативных платежных средств (теоретико-правовые аспекты) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Выпуск 35. С. 66—72.

18. О национальной платежной системе: федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (в ред. от 27 июня 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27, ст. 3872; 2018. № 27, ст. 3950.

19. Gercke M. Understanding Cybercrime: Phenomena, Challenges and Legal Response. Geneva: Telecommunication Development Bureau, 2012. 357 p.

20. Alexander R.D., Panguluri S. Cybersecurity Terminology and Frameworks. Cyber-Physical Security: Protecting Critical Infrastructure at the State and Local Level, Cincinnati: Springer, 2017. Vol. 3. 281 p.

21. Самаруха В.И., Самаруха А.В., Самаруха И.В. Проблемы противодействия налоговым преступлениям // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 2. С. 199—210.

22. Макаров А.В., Жукова А.С., Макаренко Т.Д. Проблемы уголовно-правового противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 2. С. 396—406.

23. Lindawati A.S.L., Setyawati R., Junita. The digital era stages on taxation: An experimental study of text mining and pattern recognition for controlling tax on business online transaction. *International Journal of Applied Business and Economic Research*, 2017, no. 15 (24), pp. 691—707.

24. Pijnenburg M., Kowalczyk W. Applying analytics for improved taxpayer supervision. Proceedings of the European Conference on e-Government, 2016, pp. 145—152.

25. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2016 г. № 401-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49, ст. 6844.

26. Демин А.В. Общий концепт исполнения налоговых обязательств третьими лицами. К постановке проблемы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 117—121.

27. Саттарова Н.А., Шохин С.О. Отдельные вопросы государственного администрирования в сфере обеспечения финансовой безопасности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Выпуск 40. С. 167—185.

28. Суходолов А.А., Колпакова Л.А., Спасенников Б.А. Проблемы противодействия преступности в сфере цифровой экономики // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 2. С. 258—267.

29. Артемов Н.М., Арзуманова Л.Л., Болтинова О.В., Саламова С.Я., Ситник А.А., Чо Ын Джин. Ответственность за нарушение финансового законодательства: уголовно-правовая и криминологические характеристики преступлений, совершаемых в финансовой сфере // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 717—730.

30. Лаптев В.А. Цифровые активы как объекты гражданских прав // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 199—204.

References

1. Baranov V.M. Encyclopedia of jurisprudence: essence, structure, values. *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2016, no. 2 (34), pp. 13—35. (In Russ.)

2. The strategy of the Information Society Development in the Russian Federation for 2017—2030: the decree of the President of the RF of May 9, 2017 no. 203. *Collection of legislative acts of the RF*, 2017, no. 20, art. 2901. (In Russ.)

3. The program «The digital economy of the Russian Federation»: the order of the Government of the RF of July 28, 2017 no. 1632-p. *Collection of legislative acts of the RF*, 2017, no. 32, art. 5138. (In Russ.)
4. Sukhodolov A.P., Kolpakova L.A., Spasenikov B.A. Issues of counteracting crimes in the sphere of digital economy. *Russian Journal of Criminology*, 2017, no. 2, pp. 258—267. (In Russ.)
5. The Tax Code of the Russian Federation (part I): the federal law of July 31, 1998 no. 146-FL (as amended on August 3, 2018). *Collection of legislative acts of the RF*, 1998, no. 31, art. 3824; 2018, no. 32, part I, art. 5072. (In Russ.)
6. Khabrieva T.Ya. Counteraction to the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism in the context of the digitization of economy: strategic objectives and legal solutions. *Russian Journal of Criminology*, 2018, no. 4, pp. 459—467. (In Russ.)
7. Brown R.H, Irving L., Prabhakar A., Katzen S. The global information infrastructure: agenda for cooperation, 1995. URL: <https://www.ntia.doc.gov/report/1995/global-information-infrastructure-agenda-cooperation>. (accessed 12.10.2018).
8. Rasskazov L.P. Theory of State and Law: textbook for universities. 6th ed. Moscow: RIOR: INFRA, 2014. 475 p. (In Russ.)
9. Pechenkina A.A. Tax liability as an institution of the tax law. *Journal of Omsk University. Series «Law»*, 2007, no. 3 (12), pp. 112—116. (In Russ.)
10. The Civil Code of the Russian Federation (part I): the federal law of November 30, 1994 no. 51-FL (as amended on August 3, 2018). *Collection of legislative acts of the RF*, 1994, no. 32, art. 3301; 2017, no. 31, part I, art. 4808. (In Russ.)
11. Krasnyukov A.V. Features of legal facts in tax law. *Taxes*, 2016, no. 3, pp. 18—22. (In Russ.)
12. On the case of verifying the constitutionality of paragraphs 2 and 3 of part one of article 11 of the Law of the Russian Federation of June 24, 1993 «On the federal tax police authorities: the resolution of the Constitutional Court of the RF of December 17, 1996 no. 20-R». *Bulletin of the Constitutional Court of the RF*, 1996, no. 5. (In Russ.)
13. Braithwaite V. Responsive regulation and taxation: Introduction. *Law and Policy*, 2007, no. 29 (1), pp. 3—10.
14. Demin A.V. Discretion in Tax Law. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2017, no. 35, pp. 42—55. (In Russ.)
15. About electronic signature: federal law of April 6, 2011 no. 63-FL (as amended on June 23, 2016). *Collection of legislative acts of the RF*, 2011, no. 15, art. 2036; 2016, no. 1, part I, art. 65. (In Russ.)
16. Popov V.V., Trishina E.G. Participation of banks in tax legal relations: certain issues of legal personality and protection of rights. *Banking law*, 2015, no. 5, pp. 50—57. (In Russ.)
17. Kucherov I.I., Khavanova I.A. Tax Consequences of Using Alternative Means of Payment (Theoretical and Legal Aspects). *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2017, no. 35, pp. 66—72. (In Russ.)
18. On the national payment system: the federal law of June 27, 2011 no. 161-FL (as amended on June 27, 2018). *Collection of legislative acts of the RF*, 2011, no. 27, art. 3872; 2018, no. 27, art. 3950. (In Russ.)
19. Gercke M. Understanding Cybercrime: Phenomena, Challenges and Legal Response. Geneva: Telecommunication Development Bureau, 2012. 357 p.
20. Alexander R.D., Panguluri S. Cybersecurity Terminology and Frameworks. *Ciber-Physical Security: Protecting Critical Infrastructure at the State and Local Level*, Cincinnati: Springer, 2017, vol. 3, 281 p.
21. Samarukha V.I., Samarukha A.V., Samarukha I.V. Problems of counteracting tax crimes. *Russian Journal of Criminology*, 2018, no. 2, pp. 199—210. (In Russ.)
22. Makarov A.V., Zhukova A.S., Makarenko T.D. Problems of criminal-law counteraction to the legalization (laundering) of proceeds from crime. *Russian Journal of Criminology*, 2018, no. 3, pp. 396—406. (In Russ.)
23. Lindawati A.S.L., Setyawati R., Junita. The digital era stages on taxation: An experimental study of text mining and pattern recognition for controlling tax on business online transaction. *International Journal of Applied Business and Economic Research*, 2017, no. 15 (24), pp. 691—707.
24. Pijenburg M., Kowalczyk W. Applying analytics for improved taxpayer supervision. *Proceedings of the European Conference on e-Government*, 2016, pp. 145—152.
25. On amendments to parts one and two of the Tax Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation: federal law of November 30, 2016 no. 401-FL. *Collection of legislative acts of the RF*, 2016, no. 49, art. 6844. (In Russ.)
26. Demin A.V. General concept of the fulfillment of tax obligations by third parties. To the problem statement. *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2018, no. 2 (42), pp. 117—121. (In Russ.)
27. Sattarova N.A., Shokhin S.O. Some Issues of Public Administration in the Sphere of Financial Security. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2018, no. 40, pp. 167—185. (In Russ.)
28. Sukhodolov A.P., Kolpakova L.A., Spasenikov B.A. (2017). Issues of counteracting crimes in the sphere of digital economy. *Russian Journal of Criminology*, 2017, no. 2, pp. 258—267. (In Russ.)
29. Artemov N.M., Arzumanova L.L., Boltinova O.V., Salamova S.Ya., Sitnik A.A., Cho Eun Jin. Liability for violating financial legislation: criminal law and criminological characteristics of financial crimes. *Russian Journal of Criminology*, 2017, no. 4, pp. 717—730. (In Russ.)
30. Laptev V.A. Digital assets as objects of the civil rights. To the problem statement. *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2018, no. 2 (42), pp. 199—204. (In Russ.)

УДК 343.3/7

DOI 10.24411/2078-5356-2019-10224

Пронина Мария Петровна
María P. Pronina

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (law), associate professor of the department civil law and procedure
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: mpronina2010@mail.ru

**Коллизии интерпретационных положений Особенной части
Уголовного кодекса Российской Федерации в части определения критериев
оценочного признака потерпевшего «беспомощное состояние»**

**Conflicts of the interpretative provisions of the Special part of the Criminal code
of the Russian Federation regarding the definition of the criteria
for such an assessment of the victim as a “helpless state”**

В данной статье рассматриваются разъяснения, даваемые Пленумом Верховного Суда Российской Федерации по вопросам уголовно-правовой охраны интересов личности, в части определения критериев такого оценочного признака потерпевшего, как «беспомощное состояние»; выявляются многочисленные коллизии, затрудняющие правоприменительную деятельность; определяется юридическое значение факта приведения в беспомощное состояние; исследуются его критериобразующие признаки; предложены авторские редакции постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: толкование, интерпретационная деятельность, уголовное законодательство, коллизии, правовая охрана интересов личности, «беспомощное состояние».

This article examines the explanations given by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the issues on criminal and legal protection of the interests of the individual with regard to determining the criteria for such a trait of the victim as a «helpless condition»; There are numerous conflicts that impede law enforcement activities; it determined legal significance of the fact of bringing to a helpless state; studies its criteria-forming characteristics; suggests author's editions of the Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: interpretation, criminal legislation, conflicts, legal protection of the interests of the individual, “helpless condition”.

Исследования интерпретационных положений Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), даваемые судебным органом, выявили многочисленные коллизии, затрудняющие правоприменительную деятельность. Примером могут служить разъяснения, даваемые по вопросам уголовно-правовой охраны интересов личности.

В первую очередь хотелось бы обратить внимание на разъяснения, даваемые Пленумом Верховного Суда Российской Федерации (далее — Пленум ВС РФ) в части определения

критериев такого оценочного признака потерпевшего, как «беспомощное состояние». В VII разделе УК РФ он встречается в девяти составах преступлений (ст. 105, 111, 112, 117, 120, 125, 1271, 131, 132 УК РФ).

Характеристики беспомощности определяются тем, что признаки, заложенные в его содержание, вытекают не из нормативных предписаний, а исключительно из субъективного восприятия правоприменителя, с учетом конкретных обстоятельств содеянного [1, с. 97]. Это и предполагает различные варианты толкова-

© Пронина М.П., 2019

ния таких оценочных категорий [2, с. 42], однако учитывая, что рассматриваемый признак относится котягчающему и закреплен в статье 63 УК РФ, излишне расширительное его толкование недопустимо. Осознавая это, высшая судебная инстанция неоднократно предпринимала попытки по определению содержательной части беспомощного состояния, закладывая в него разные признаки.

В настоящее время такие разъяснения содержатся в двух постановлениях Пленума ВС РФ [3]. Ознакомление с ними показало, что в них наличествуют существенные несовпадения, что свидетельствует об их неидентичности [4], хотя все эти деяния имеют единый родовый объект, в качестве которого выступают наиболее значимые интересы личности, однако Пленум требует различать содержание беспомощного состояния при убийстве и совершении посягательств на половую неприкосновенность или половую свободу, с чем нельзя согласиться. Полагаем, что рассматриваемый признак в рамках однородной группы преступлений должен иметь единые критериообразующие признаки, на чем и акцентируем свое внимание.

Первое отличие заключается в юридическом значении самого факта приведения в беспомощное состояние потерпевшего. Так, если в постановлении Пленума ВС РФ от 4 декабря 2014 года № 16 на этом сделан акцент и отмечено, что на квалификацию не влияет, кто привел потерпевшего в беспомощное состояние, то в постановлении от 27 января 1999 года № 1 Пленум ушел от разъяснения этого признака, что повлекло за собой разночтения в судебной практике. Так, если при квалификации изнасилований или иных насильственных действий сексуального характера признак беспомощности вменяется вне зависимости от того, что стало причиной данного состояния потерпевшего [5], то при правовой оценке убийств, совершаемых в отношении лиц, находящихся в беспомощном состоянии, введение в такое состояние оценивается лишь как способ совершения деяния и тем самым не влечет вменение пункта «в» части 2 статьи 105 УК РФ [6], хотя в том и другом случае введение потерпевшего в беспомощное состояние было направлено на создание условий для дальнейшей реализации умысла виновного.

В доктрине складывается мнение о том, что такое различное толкование беспомощного состояния вытекает из законодательных формулировок, отраженных в статьях 105, 131 и 132 УК РФ. Так, если в статье 105 УК РФ использует-

ся такая трактовка, как «заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии», то в статьях 131 и 132 УК РФ — «с использованием беспомощного состояния» [4]. Используя прием буквального толкования, можно прийти к выводу о том, что заведомость в статье 105 УК РФ предполагает, что потерпевший находится в рассматриваемом состоянии независимо от воли субъекта преступления, и это, конечно, исключать нельзя, однако не следует исключать и то обстоятельство, что виновный умышленно создает условия для того, чтобы потерпевший впал в это состояние, и, по нашему мнению, это обязательно должно повлиять на квалификацию.

Говоря же об «использовании беспомощного состояния», можно предположить, что при отсутствии признака заведомости необходимо приведение в данное состояние потерпевшего лица, что и делает субъект преступления. Это подтверждается вышеприведенными примерами судебной-следственной практики. Трудно согласиться с таким подходом по причине реализации субъективного вменения в российском уголовном праве, поэтому отсутствие объективной осведомленности о нахождении потерпевшего в беспомощном состоянии не дает правовых оснований для учета этого признака.

Считаем, что поднятую полемику можно продолжать и дальше, но мы должны понимать, что объективное нахождение потерпевших в беспомощном состоянии или умышленное приведение их в него облегчает совершение деяния, тем самым не может оставаться за рамками квалификации преступлений. Эту идею разделяют 57% проанкетированных респондентов, хотя судебная-следственная практика испытывает существенные проблемы при определении признаков беспомощного состояния, о чем свидетельствуют изменения в 89% случаев судебных решений первых инстанций [7]. Причина в отсутствии четких критериообразующих признаков и единообразия толкования беспомощного состояния в рамках раздела VII УК РФ.

Еще раз акцентируя внимание на единстве родового объекта, составов преступлений, включающих в себя рассматриваемый признак, полагаем, что его толкование должно носить унифицированный характер и распространяться на все нормы, в которых он используется. Только в таком случае можно говорить о достижении целей и задач, а также соблюдении принципов уголовного закона в области охраны наиболее значимых общественных отношений — интересов личности.

Считаем, что первым критериобразующим признаком беспомощного состояния должны стать психические или физические характеристики потерпевшего. В частности, это те психические или физиологические заболевания или отклонения потерпевшего, исключающие возможность с его стороны либо осознать характер совершаемых с ним действий, либо оказывать активное сопротивление. Для его признания не имеет значения, что стало причиной нахождения в беспомощном состоянии потерпевшего.

Следующий признак, порождающий дискуссии при установлении исследуемого состояния, — это возрастные характеристики потерпевшего. Например, в статьях 105, 131 и 132 УК РФ используется такая возрастная категория, как малолетний, в толковании которой разночтения при его определении.

Так, в соответствии со статьей 28 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) малолетними признаются лица, не достигшие 14 лет [8]. Данный подход сегодня является общепринятым во всех отраслевых законодательствах, хотя статьи 131 и 132 УК РФ не содержат данную формулировку, в отличие от статьи 105 УК РФ, однако пункт «б» части 4 статьи 131 УК РФ и пункт «б» части 4 статьи 132 УК РФ содержат четкое указание на возраст жертвы (не достигшее 14 лет), что также указывает на несовершеннолетний возраст потерпевшего. Но, обратившись к примечанию к статье 131 УК РФ, приходим к выводу, что в отличие от мнения Пленума ВС РФ, содержащегося в постановлении от 27 января 1999 года № 1, в целом подтверждающего закрепленный в ГК РФ подход, в рамках преступлений, посягающих на половую неприкосновенность и половую свободу личности, возраст беспомощного состояния снижен.

Кроме этого, введение примечания к статье 131 УК РФ привело к рассогласованию внутри самой нормы, так как критерий беспомощности используется в диспозиции статьи, более того, он еще учтен и в примечании к ней, однако в части 1 статьи 131 и части 1 статьи 132 УК РФ он является оценочным, исходя из рекомендаций постановления Пленума ВС РФ от 4 декабря 2014 года № 16, а рассматриваемое примечание определяет четкие возрастные границы.

Такой подход вызвал неоднозначную оценку со стороны ученых. В целом следует согласиться с мнением представителей доктрины в том, что акцентирование внимания исключительно на возрасте является недостаточным при

определении беспомощного состояния. Резкая акселерация детей указывает на то, что психологический возраст не всегда соответствует физическому [9; 10]. Психическое развитие может быть детерминировано, что свидетельствует о полном осознании происходящего [11], поэтому законодательное требование при определении возраста обязательно учитывать внешние и внутренние факторы не всегда обоснованно. В этой связи необходимо поддержать К.А. Барышеву, считающую, что ошибочным является законодательное утверждение, указывающее на неспособность осознания лицами, не достигшими 12 лет, характера и содержания совершаемых с ними действий [4].

В этой связи дискуссионным выглядит и предложение разработчиков законопроекта о дополнении ряда статей УК РФ такимотягчающим признаком, как «в отношении лица, достигшего 70-летнего возраста» [12]. Как правильно было отмечено в отзыве на данный законопроект со стороны ВС РФ, само достижение этого возраста не может объективно свидетельствовать о беспомощности. Это понятие является оценочным и основывается на физическо-психологическом состоянии личности, что еще раз подтверждает выдвигаемую нами гипотезу.

Поэтому, говоря о возрасте как признаке беспомощности, мы поддерживаем имеющуюся идею отнесения малолетних к данной категории, но с обязательным указанием на их психическое состояние, исключающее возможность осознать характер совершаемых с жертвой действий. В случае наличия у потерпевшего лица реальной возможности осознать характер таких действий, а также возможности активно сопротивляться, признак беспомощности, указанный в примечании к статье 131 УК РФ, отсутствует.

Еще одно противоречивое толкование беспомощного состояния можно обнаружить в вышеуказанных постановлениях. В частности, в постановлении Пленума ВС РФ от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» осталось за рамками разъяснений понятие беспомощного состояния, а в постановлении Пленума ВС РФ от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» состояние опьянения рекомендуется относить к беспомощному. Неоднозначная трактовка поставила в затруднительное положение следственно-судебную практику. В частности, многократно принимаемые первой инстанцией решения о признании

состояния опьянения беспомощным отменяются. Так, например, в определении Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 17 ноября 1999 года по делу Быченкова отмечено, что сам факт нахождения потерпевшего в состоянии опьянения не может рассматриваться как беспомощное состояние [13, с. 19].

И эта позиция является наиболее распространенной [14, с. 12], хотя имеются и другие, учитывающие состояние опьянения как беспомощное при посягательствах на жизнь. Примером может стать определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 12 августа 1997 года по делу Хайруллина [15, с. 9—10]. В обосновании правильности квалификации была положена сильная степень алкогольного опьянения.

Вышеизложенное определяет необходимость в предложении единообразных правил учета состояния опьянения потерпевших как разновидности беспомощного состояния в рамках VII раздела УК РФ, так как их отсутствие влечет за собой снижение превентивного влияния уголовного законодательства на охрану высших ценностей.

Разрешая выявленную проблему, нами были проанкетированы респонденты по вопросу: «Нужно ли учитывать состояние опьянения жертв насильственных преступлений какотягающую вину с отнесением его к беспомощному?». Дали положительный ответ 53% респондентов. Согласимся с данной точкой зрения, но встал еще один вопрос о степени опьянения, которая должна учитываться при квалификации. По мнению респондентов (61%), это должна быть та степень опьянения, при которой потерпевший не может осознавать характера совершаемых с ним действий либо оказать активное сопротивление виновному. Предлагаемая характеристика в полной мере соответствует признакам беспомощного состояния, закрепленным в анализируемых постановлениях Пленума ВС РФ, и должна быть взята за основу.

Практика отнесения состояния опьянения к беспомощному положительно зарекомендовала себя за рубежом, что еще раз актуализирует выявленную проблему и пути ее разрешения. Примером может стать Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 года № 1 «О квалификации некоторых преступлений против жизни и здоровья человека» [16].

На основании вышеприведенного исследования, сделанных выводов и выделенных признаков, предлагаем дополнить пункт 7 поста-

новления Пленума ВС РФ от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» абзацем следующего содержания: *«Малолетний может быть отнесен к категории лиц, находящихся в беспомощном состоянии, при обязательном установлении его психического состояния, исключающего возможность осознавать характер совершаемых с ним действий и оказывать активное сопротивление виновному. В случае наличия у малолетнего лица реальной возможности осознавать характер таких действий и оказывать активное сопротивление или защищать себя признак беспомощности отсутствует».*

Дополнить первый абзац пункта 7 данного постановления предложением следующего содержания: *«К беспомощному состоянию также относится состояние опьянения, степень которого лишает потерпевшего возможности осознавать характер совершаемых с ним действий либо оказывать активное сопротивление виновному или защищать себя».*

Дополнить пункт 5 постановления Пленума ВС РФ от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» абзацем следующего содержания: *«Малолетний может быть отнесен к категории лиц, находящихся в беспомощном состоянии, при обязательном установлении его психического состояния, исключающего возможность осознавать характер совершаемых с ним действий и оказывать активное сопротивление виновному. В случае наличия у малолетнего лица реальной возможности осознавать характер таких действий и оказывать активное сопротивление или защищать себя, признак беспомощности отсутствует».*

Примечания

1. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. Волгоград, 1973.

2. Лопашенко Н.А. Еще раз об оценочных категориях в законодательных формулировках преступлений в сфере экономической деятельности // Уголовное право. 2002. № 2.

3. О судебной практике по делам об убийстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3; О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

4. Барышева К.А. Коллизии определения наличия признака беспомощности потерпевшего в некоторых составах преступлений // Право: журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 118—128.

5. Постановление Президиума Московского областного суда от 25 мая 2011 г. № 209 по делу № 44у-167/11.

6. Приговор Московского городского суда от 2 июля 2012 г. по делу № 2-0075/2012.

7. Буликеева Д.Ж. Проблемы применения квалифицирующего признака «иное лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии» // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 17 (308). Право. Вып. 37. С. 54—57.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

9. Скрипченко Н.Ю. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Уголовное право. 2015. № 2. С. 57—62.

10. Шиян В.И. Беспомощное состояние потерпевшего как объективный признак в преступлениях против личности, совершаемых с применением насилия // Уголовное право. 2014. № 5. С. 103—105.

11. Долгова С.В. К вопросу о содержании понятия «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2008. № 9. С. 79—84.

12. Официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации на проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 105 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 25 декабря 2013 г. № 2-ВС-5687/13. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 15.08.2017).

13. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 8.

14. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 1999 г. по делу Зеленко // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 5.

15. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 4. С. 9—10.

16. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30105456#pos=0;3 (дата обращения: 15.08.2017).

References

1. Naumov A.V. Use of criminal precepts of law. Volgograd, 1973. (In Russ.)

2. Lopashenko N.A. Once again about estimated categories in legislative formulations of crimes in the sphere of economic activity. *Criminal law*, 2002, no. 2. (In Russ.)

3. About jurisprudence on cases of murder: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian

Federation of January 27, 1999 no. 1. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 1999, no. 3; About jurisprudence on cases of crimes against sexual integrity and sexual freedom: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 4, 2014 no. 16. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2015, no. 2. (In Russ.)

4. Barysheva K.A. Collisions of definition of existence of sign of helplessness of the victim in some corpora delicti. *Right: magazine of Higher School of Economics*, 2016, no. 4, pp. 118—128. (In Russ.)

5. The resolution of Presidium of the Moscow regional court of May 25, 2011 no. 209 on the case no. 44u-167/11. (In Russ.)

6. A sentence of the Moscow City Court of July 2, 2012 on the case no. 2-0075/2012. (In Russ.)

7. Bulikeeva D.Zh. Problems of use of the qualifying sign «the other person, obviously for the guilty person being down and out». *Bulletin of the Chelyabinsk state university*, 2013, no. 17 (308). *Right*, Issue 37, pp. 54—57. (In Russ.)

8. The civil code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 no. 51-FZ. *Collection of legislative acts of the RF*, 1994, no. 32, art. 3301. (In Russ.)

9. Skripchenko N.Yu. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 4, 2014 no. 16 «About jurisprudence on cases of crimes against sexual integrity and sexual freedom». *Criminal law*, 2015, no. 2, pp. 57—69. (In Russ.)

10. Shiyan V.I. A helpless condition of the victim as objective sign in the crimes against the personality committed with use of violence. *Criminal law*, 2014, no. 5, pp. 103—105. (In Russ.)

11. Dolgova S.V. To a question of the maintenance of the concept «the lag in mental development which isn't connected with a mental disorder». *Bulletin of the Baltic federal university of I. Kant*, 2008, no. 9, pp. 79—84. (In Russ.)

12. An official response of the Supreme Court of the Russian Federation on the draft federal law «About Introduction of Amendments to Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation» of December 25, 2013 no. 2-BC-5687/13. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». URL: www.consultant.ru (accessed 15.08.2017). (In Russ.)

13. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2000, no. 8. (In Russ.)

14. The resolution of Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of December 15, 1999 in the matter of Zelenko. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2001, no. 5. (In Russ.)

15. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 1998, no. 4, pp. 9—10. (In Russ.)

16. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30105456#pos=0;3 (accessed 15.08.2017). (In Russ.)

УДК 343.9.01

DOI 10.24411/2078-5356-2019-10225

Савченко Ирина Александровна
Irina A. Savchenko

доктор социологических наук, кандидат психологических наук, доцент,

профессор кафедры психологии и педагогики

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3);

профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова (603155, Нижний Новгород, Минина, 31а)

doctor of sciences (sociology), candidate of sciences (psychology),

associate professor, professor of the department of psychology and pedagogics

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950);

professor of the department of philosophy, sociology and the theory of social communication

Dobroljubov state linguistics university of Nizhny Novgorod (31a Minina st, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603155)

E-mail: teosmaco@rambler.ru

Снегирева Людмила Анатольевна
Lyudmila A. Snegireva

кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (psychology), associate professor, head of the of the department of psychology and pedagogics

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: sla_sq@mail.ru

Устинкин Сергей Васильевич
Sergey V. Ustinkin

доктор исторических наук, профессор,

директор

Приволжский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (603000, Нижний Новгород, пер. Холодный, 4);

декан факультета международных отношений, экономики и управления

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова (603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а)

doctor of sciences (history), professor,

director

Volga Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (4 Kholodnyy lane, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603000);

dean of the faculty of international relations, economics and management

Linguistics University of Nizhny Novgorod (31a Minin st., Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603155)

E-mail: sv.ustinkin@gmail.com

© Савченко И.А., Снегирева Л.А., Устинкин С.В., 2019

Истоки коррупции в эмпирическом измерении

Corruption sources in empirical measurement

Цель статьи — компаративный анализ понимания источников коррупции различными группами населения. Выявлены и проанализированы сходства и отличия в восприятии проблемы коррупции сотрудниками сферы правопорядка и лицами гражданских профессий, курсантами образовательных учреждений МВД России и студентами вузов. Предпринята попытка научного объяснения выявленных противоречий.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное поведение, сотрудники органов внутренних дел, лица гражданских профессий, курсанты, студенты, администрирование, менталитет, профессиональная деформация, корпоративная среда.

В понимании причин коррупционного поведения представителями различных областей социально-гуманитарного знания: экономики, юриспруденции, управленческого администрирования [1, с. 158—159], с одной стороны, и психологии, социологии и политологии, философской и социальной антропологии [2, с. 11—12] — с другой, обнаруживаются определенные концептуальные отличия [3]. Констатация различий в научных объяснениях причин коррупции позволяет думать, что аналогичные различия могут наблюдаться и среди представителей различных групп населения: гендерных, социально-статусных, этнокультурных, профессиональных и возрастных.

Именно на профессиональных и возрастных различиях в понимании причин коррупционного поведения сфокусировали внимание авторы настоящего исследования в ходе проведения анкетного опроса с рабочим названием «Истоки коррупционного поведения».

Критерием дифференциации профессиональных групп стала задействованность индивида в деятельности правоохранительных органов. Выборка респондентов была поделена на две большие категории: (сотрудники (будущие сотрудники) органов внутренних дел и представители (будущие представители) гражданских профессий). В возрастном аспекте выборка также разделилась надвое: лица, уже работающие в своей профессии (как сотрудники ОВД, так и люди гражданских профессий) и лица, на данный момент овладевающие своей профессией.

Article purpose is a comparative analysis of understanding of corruption sources by various population groups. Similarities and differences in corruption problem perception are revealed and analysed on the example of police officers and persons of civilian professions, cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation and students of higher education institutions. An attempt of a scientific explanation of the revealed contradictions is made.

Keywords: corruption, corruption behavior, police officers, persons of civilian professions, cadets, students, administration, mentality, professional deformation, corporate environment.

Анкетное исследование было проведено в четырех выборках. Первую выборку составили действующие офицеры полиции в количестве 164 человек в возрасте от 23 до 52 лет, представляющие различные регионы Приволжского федерального округа: Нижний Новгород и Нижегородскую область, республику Мордовию, Самарскую область, Кировскую область, Пермский край. Вторая выборка включила в себя 132 представителя широкой общественности (возраст — 23—54 года) — людей гражданских профессий, также проживающих в Приволжском федеральном округе: Нижнем Новгороде, Дзержинске, Кирове, Перми, Саранске, Чебоксарах, Саратове и Самаре.

Третью выборку составили 143 будущих сотрудника полиции: курсантов и слушателей 2—4 курсов Нижегородской академии МВД России (возраст — 18—22 года). В четвертую выборку вошли 139 студентов 2—4 курсов гражданских вузов г. Нижнего Новгорода (возраст — 18—22 года).

Вторую и четвертую выборки можно охарактеризовать как «гражданские», внешние по отношению к деятельности полиции. Первую и третью — как «ведомственные», представляющие действующих и будущих сотрудников полиции.

Как мы видим, представленные выборки распределяются в двух плоскостях: профессиональной и возрастной. Первую и вторую выборки (сотрудники и работники) можно условно назвать «взрослыми»; а третью и четвертую (курсанты и студенты) — молодежными.

Результаты опроса и их обсуждение.

Опрашиваемым предстояло ответить, каковы, по их мнению, истоки коррупционного поведения. Респондентам предлагались утверждения, где высказывалось мнение о какой-либо детерминанте коррупционного поведения, и предлагалось высказать свое отношение к тому, что эта детерминанта действительно является основной. Ответы ранжировались по пятибалльной шкале: (1) «Полностью согласен», (2) «Частично согласен», (3) «Трудно сказать, согласен или не согласен», (4) «Частично не согласен», (5) «Совершенно не согласен».

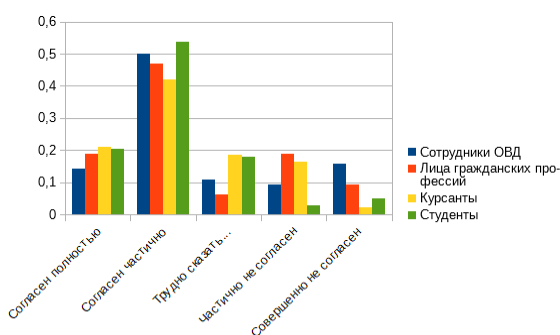

Рис. 1. Оценка респондентами правильности утверждения «Причины коррупционного поведения нужно искать в особенностях законодательства, правосудия и пенитенциарной системы в той или иной стране» (%)

Как видно из диаграммы на рисунке 1, половина всех респондентов частично согласна с тем, что «причины коррупционного поведения нужно искать в особенностях законодательства, правосудия и пенитенциарной системы в той или иной стране». Весьма примечательно, что курсантами было представлено наименьшее число респондентов, несогласных с данным утверждением (2,3%), в то время как количество сотрудников, не склонных абсолютизировать законодательно-правовые источники коррупции, является наибольшим среди всех групп респондентов — 15,6%. Вероятно, курсанты на стадии обучения профессиональной деятельности в ОВД склонны к некоторой абсолютизации законодательно-правовых источников коррупции. Действующие же сотрудники в силу профессионального опыта склонны к осознанию того, что помимо безусловно важных юридически детерминированных источников коррупционного поведения имеют место и другие, например, социокультурные.

Диаграмма на рисунке 2 наглядно иллюстрирует, что сотрудники правоохранительной сферы опять же в силу накопленного профессио-

нального опыта в наименьшей степени склонны считать детерминантой коррупционного поведения экономический фактор, заключающий в себе особенности экономической системы в государстве. Более того, именно среди сотрудников немалая доля респондентов (14,1%) в принципе отрицает значимость экономического фактора в коррупционном поведении.

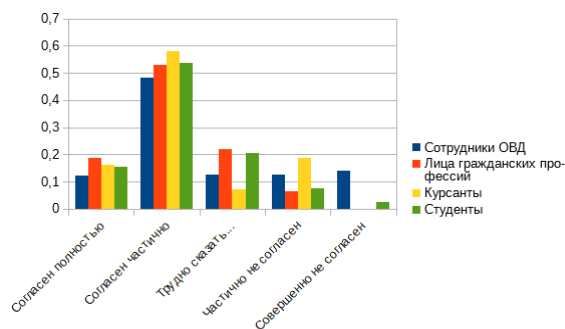

Рис. 2. Оценка респондентами правильности утверждения «Истоки коррупции — в особенностях экономической системы в государстве» (%)

Обратим внимание на то, что в «гражданских» выборках (лица гражданских профессий и студенты) больше представлены те, кто в принципе не уверен, есть у коррупционного поведения экономические причины или нет. Это говорит о том, что представители «ведомственных» выборок (сотрудники ОВД и курсанты) в силу действительной или получаемой профессии в большей степени рефлексировать проблемы коррупции.

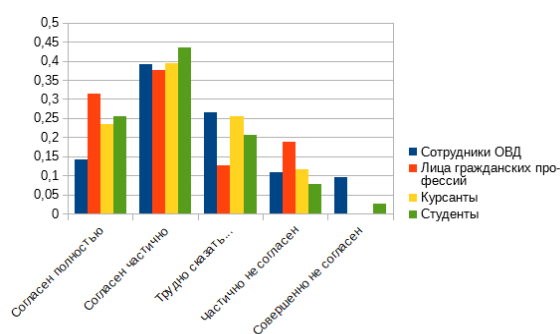

Рис. 3. Оценка респондентами правильности утверждения «Причины коррупции нужно искать в неправильном администрировании в организации» (%)

Искать причины коррупции в исключительно неправильном администрировании в организации (диаграмма на рисунке 3; ответ «полностью согласен») в несколько большей степени склонны представители гражданских выборок,

в то время как количество частично согласных с утверждением, приведенном в диаграмме 3, примерно одинаково в трех выборках.

У сотрудников ОВД подтвердилась уже наметившаяся тенденция не возводить в абсолют внешние по отношению к культуре и внутреннему миру личности факторы коррупционного поведения. В данных условиях вполне закономерно, что 9,4% офицеров полиции в принципе отрицают действие административного фактора коррупционного поведения, в то время как в других категориях респондентов ответ «совершенно не согласен» не представлен или представлен в очень слабой степени (2,6% студентов).

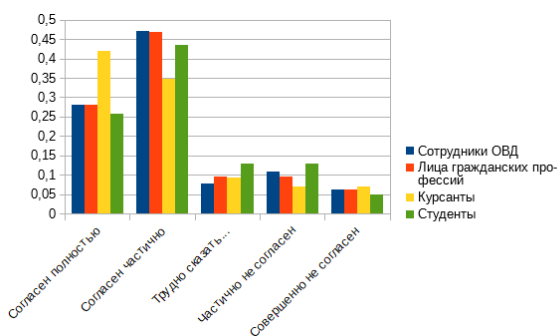

Рис. 4. Оценка респондентами правильности утверждения «Источники коррупции нужно искать в особенностях общественного мировоззрения, менталитета, национального характера» (%)

Данные, представленные в диаграмме на рисунке 4, свидетельствуют о редком единодушии всех категорий респондентов к социокультурным факторам коррупционного поведения. Так, абсолютное большинство представителей четырех выборок либо полностью, либо частично согласны, что источники коррупции следует искать в особенностях общественного мировоззрения, менталитета, национального характера. В данном случае зафиксированное единодушие в ответах, вероятнее всего, можно объяснить именно мировоззренческой и ментальной общностью большинства респондентов. Как известно, в русской культуре и даже повседневном дискурсе понятия ментальности и национального характера традиционно считаются весьма значимыми.

Мы видим, что во всех группах большая часть респондентов согласна (полностью или частично) с тем, что причины коррупции действительно нужно искать в особенностях корпоративной среды (диаграмма на рисунке 5). Тем не менее в гражданских выборках (студенты и

лица гражданских профессий) мы наблюдаем более явное единодушие в данном вопросе.

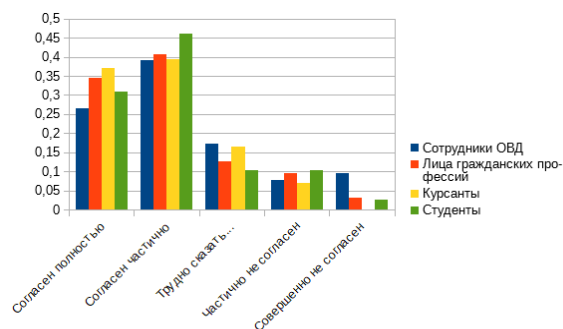

Рис. 5. Оценка респондентами правильности утверждения «Причины коррупции нужно искать в особенностях корпоративной среды, в которой работает коррупционер. Такая среда способствует профессиональной (корпоративной) деформации» (%)

Неодинаковое отношение к феномену профессиональной деформации обнаружилось в ведомственных выборках. Так, 9,4% сотрудников ОВД не согласны с тем, что данный фактор способствует коррупции, в то время как ни один курсант так не считает. Данный фактор коррупционного поведения считают ведущим 37% курсантов и только 26,6% сотрудников ОВД. На наш взгляд, подобное распределение ответов требует дополнительных пояснений.

Понятие профессиональной деформации было введено в научный оборот П. Сорокиным [4, с. 303—304], который подчеркивал, что эффект профессиональной деформации в той или иной степени свойственен многим профессиям: предпринимательским, административным, управленческим, педагогическим, медицинским и, конечно же, правоохранительным и правоприменительным. Между тем в отечественной науке наибольшее исследовательское освещение проблема профессиональной деформации уже в течение многих десятилетий получала [5] и продолжает получать [6] в работах, направленных на изучение специфики деятельности правоохранительных органов. Обширный исследовательский опыт в изучении вопросов профессиональной деформации способствовал тому, что проблема профессиональной деформации стала предметом активного обсуждения в образовательном процессе юридических вузов, прежде всего, в вузах МВД России [7]. Это в какой-то степени объясняет повышенное внимание курсантов к фактору профессиональной деформации.

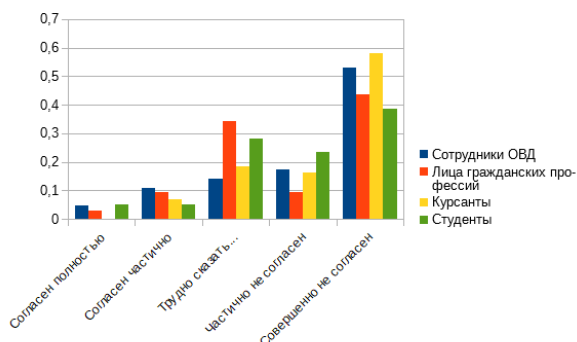

Рис. 6. Оценка респондентами правильности утверждения «Склонность к коррупционной деятельности — врожденная патология» (%)

Данные, представленные в диаграмме на рисунке 6, говорят о том, что во всех категориях респондентов абсолютное большинство не может согласиться с натуралистическим (природно детерминированным) объяснением коррупционного поведения. Однако респонденты все же задумываются над этим вопросом. Например, в гражданских выборках число «сомневающихся» несколько больше, чем в ведомственных выборках. В то же время среди курсантов количество полностью отрицающих врожденную предрасположенность к коррупции является наибольшим по отношению к трем другим выборкам. По видимому, такое мнение обусловлено знаниями, полученными в процессе обучения и воспитания, а также определенным оптимизмом в отношении профилактики и коррекции коррупционного поведения (поскольку теоретически «скорректировать можно все, что не заложено генетически»). В то же время примерно 15% офицеров полиции полностью или частично согласны с действием природной детерминанты коррупционного поведения. По всей видимости, сотрудники, которым приходилось в профессиональной деятельности сталкиваться с преступлениями коррупционного характера, в ряде случаев, анализируя причины, которые могли подтолкнуть индивида на подобное коррупционное деяние, не могли обнаружить реального мотива и в отдельных ситуациях объясняют коррупцию природным началом.

Как видно из диаграммы на рисунке 7, объяснять коррупционное поведение глубинными комплексами и внутренней ущербностью склонны немногие. Однако в гражданских выборках процент тех, что отрицают действие внутренних комплексов, выше. В этих же выборках больше число тех, кому сложно оценить влияние комплексов на коррупционное поведение. Весьма важно, что курсанты, благодаря психолого-

педагогическим знаниям, полученным в образовательном процессе, склонны рефлексировать влияние комплексов на коррупционное поведение: около 26% курсантов полностью (4,8%) либо частично 23,3% согласны с тем, что комплекс может детерминировать коррупционную активность. Что касается офицеров полиции, то среди них в наибольшей степени (7,8%) представлены те, кто полностью признает комплексно-компенсаторный фактор коррупционного поведения.

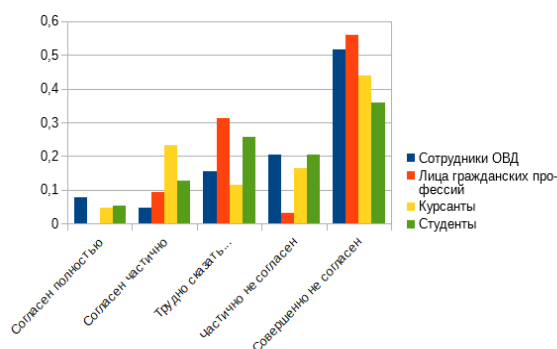

Рис. 7. Оценка респондентами правильности утверждения «Коррупционер — глубоко ущербный, закомплексованный человек, который коррупционными действиями компенсирует свою ущербность» (%)

Респондентам предлагалось оценить степень взаимосвязи опыта нужды и бедности в детстве с коррупционным поведением в зрелом возрасте (рисунок 8). В данном случае мы убедились в том, что внутри каждой выборки мнения крайне разнообразны.

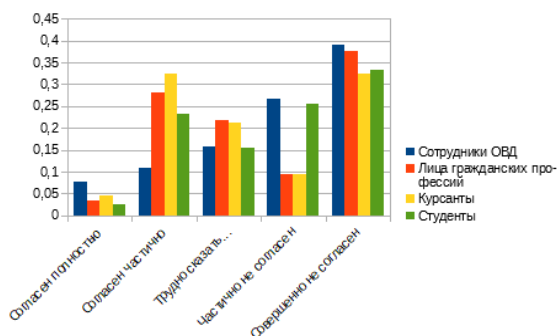

Рис. 8. Оценка респондентами правильности утверждения «Как правило, в детстве будущий коррупционер познал настоящую нужду. Став взрослым, этот человек в коррупции ищет «гарантии от возможной бедности»» (%)

И все же мы отчетливо видим, что сотрудники ОВД в наименьшей степени склонны объяснять коррупционную активность стремлением

обрести «гарантии от возможной бедности». Это вновь объясняется профессиональным (в данном случае, бесценным) опытом офицеров полиции, многие из которых могли в процессе выполнения служебных обязанностей убедиться, что коррупционерами далеко не всегда становятся люди, познавшие нужду, — многие коррупционеры вышли из вполне благополучных семей.

Представленные в диаграмме (рисунок 9) данные являются, на наш взгляд, весьма важными. Они свидетельствуют о зрелой гражданской позиции, преобладающей во всех четырех категориях респондентов. Полное или частичное согласие с утверждением, что «коррупционное поведение никак не связано с материальным состоянием родительской семьи будущего коррупционера» свидетельствует о том, что граждане в своем большинстве не склонны «наклеивать ярлыки» и каким-либо образом объяснять поведение коррупционера материальным состоянием его семьи (богатством либо, наоборот, бедностью).

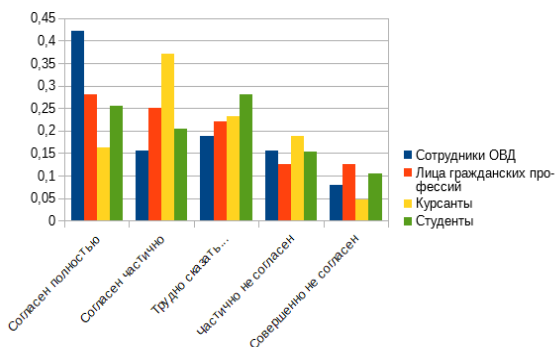

Рис. 9. Оценка респондентами правильности утверждения «Коррупционное поведение никак не связано с материальным состоянием родительской семьи будущего коррупционера» (%)

Вместе с тем, заметим, что в ведомственной выборке действующие сотрудники ОВД более четко сформировали свою позицию (42,2% «полностью согласных»), в то время как позиция курсантов находится в стадии формирования (37% «частично согласных» и 16,3% «полностью согласных») и будет сформирована окончательно в процессе будущей профессиональной деятельности.

Особенности семьи будущего коррупционера не исчерпываются ее материальным благополучием или, напротив, неблагополучием. В диаграмме на рисунке 10 представлена степень согласия респондентов с утверждением, что истоки коррупционного поведения следует

искать в особенностях семейного воспитания будущего коррупционера в детстве. Среди лиц гражданских профессий оказалось более всего тех, кому «трудно сказать» (40,6%). Очевидно, что такая неуверенность связана с позицией родителя, воспитателя собственного ребенка, который, конечно, не всегда уверен, что он делает правильно, а что — нет. Родитель, как правило, выбирает лучшие пути воспитания своего ребенка, но при этом, безусловно, может и сомневаться в собственном выборе.

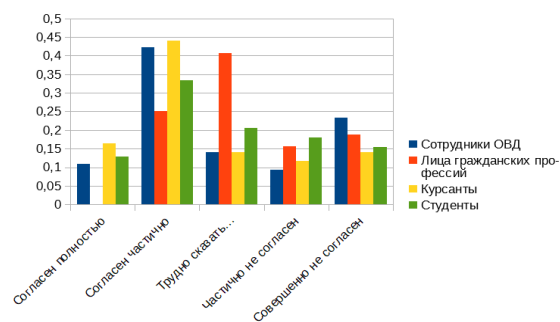

Рис. 10. Оценка респондентами правильности утверждения «Истоки коррупционного поведения следует искать в особенностях семейного воспитания будущего коррупционера (в детстве)» (%)

В то же время среди полностью или частично согласных с тем, что родительское воспитание так или иначе влияет на формирование личности коррупционера, больше курсантов (60,4%) и офицеров полиции (53,1%). По видимому, в данном случае решающую роль сыграли психолого-педагогические знания, которые курсанты получают в образовательном процессе, а офицеры — в процессе профессионально-служебной деятельности.

Тем не менее обратим внимание на то, что среди офицеров полиции в наибольшей степени (23,4%) представлены те, кто полностью не согласен с тем, что семейное воспитание в детстве каким-либо образом влияет на коррупционное поведение во взрослом возрасте. Это можно объяснить тем, что офицерам полиции знакомы случаи, когда человек становился коррупционером несмотря на то, что личности его родителей, обстановка в семье никак не располагали к формированию преступной личности.

Вопрос о том, насколько особенности нынешней семьи коррупционера (диаграмма на рисунке 11) воздействуют на его коррупционное поведение, обнаружил заметные разногласия во всех четырех респондентских группах. Достаточно интересно, что именно

участники «взрослых выборок» — сотрудники ОВД (26,6%) и лица гражданских профессий (26,6%) — оказались «наиболее сомневающимися» в данном вопросе. Наиболее «осведомленными» в данном случае оказались курсанты: половина из них (51%) полностью или частично согласна с тем, что «причины коррупции нужно искать в нынешней семье коррупционера», поскольку «именно ближайшее окружение (супруги, дети) подталкивают человека к коррупционному деянию».

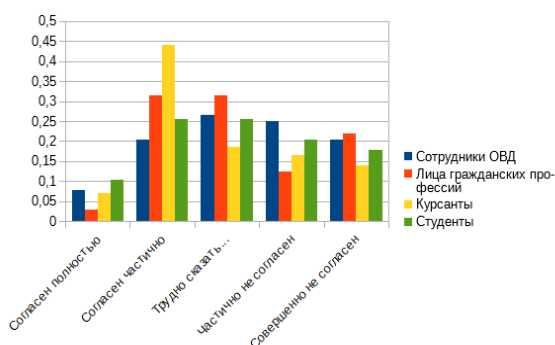

Рис. 11. Оценка респондентами правильности утверждения «Причины коррупции нужно искать в нынешней семье коррупционера. Ведь именно ближайшее окружение (супруги, дети) подталкивают человека к коррупционному деянию» (%)

В рамках данного опроса мы не стремились установить, насколько специфические черты личности влияют на становление индивида как коррупционера, поскольку ответ на этот вопрос — тема нашего следующего исследования.

Подводя итоги проведенной работы, отметим, что эмпирический поиск позволил понять многоплановость коррупции как социального явления, так и отражения в общественном сознании. Мы увидели, насколько неоднозначно трактовались респондентами причины коррупции, и убедились, что более осведомленные категории респондентов (в первую очередь, сотрудники ОВД) с большей долей уверенности склоняются к тому, что истоки коррупции часто имеют феноменологическое объяснение и социокультурную основу.

Примечания

1. Архипов Д.Н. Причины современной экономической преступности в ракурсе инновационного доктринального анализа // Юридическая наука и прак-

тика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 158—159.

2. Треушников И.А. «Коррупционная среда» и российская государственность на современном этапе // Вестник Нижегородской правовой академии. 2017. № 13 (13). С. 11—12.

3. Савченко И.А., Снегирева Л.А., Устинкин С.В. Причины коррупции в кросс-методологическом измерении // Власть. 2018. № 5. С. 146—149.

4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

5. Чуфаровский Ю.В. Психология в оперативно-розыскной деятельности (установление и развитие контактов с субъектами заинтересованности). М.: Право и закон, 1996. 128 с.

6. Борисова С.Е. Профессиональная деформация личности сотрудников Госавтоинспекции // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 352—356.

7. Караваев А.Ф., Марьин М.И., Петров В.Е. Основы психопрофилактики профессиональной деформации личности сотрудников органов внутренних дел: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2007. 168 с.

References

1. Arkhipov D.N. Causes of modern economic crime in the perspective of innovative doctrinal analysis. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2017, no. 3 (39), pp. 158—159. (In Russ.)

2. Treushnikov I.A. «Corruption environment» and Russian statehood at the present stage. *Bulletin of the Nizhny Novgorod law Academy*, 2017, no. 13 (13), pp. 11—12. (In Russ.)

3. Savchenko I.A., Snegireva L.A., Ustinkin S.V. Causes of corruption in cross-methodological dimension. *Power*, 2018, no. 5, pp. 146—149. (In Russ.)

4. Sorokin P.A. *Person. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat Publ., 1992. 543 p. (In Russ.)

5. Chufarovskiy Yu.V. *Psychology in operative-search activity (establishment and development of contacts with subjects of interest)*. Moscow: Law and regulation, 1996. 128 p. (In Russ.)

6. Borisova S.E. Professional deformation of the identity of traffic police officers. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia*, 2015, no. 10, pp. 352—356. (In Russ.)

7. Karavaev A.F., Maryin M.I., Petrov V.E. *Fundamentals of psychoprophylaxis of professional deformation of the personality of employees of internal Affairs: textbook*. Omsk: Omsk Academy of the Russian interior Ministry Publ., 2007. 168 p. (In Russ.)

УДК 343.983.7:343.982.323
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10226

Сучкова Елена Владимировна
Elena V. Suchkova

кандидат биологических наук, заместитель начальника отдела экспертиз биологических объектов управления медико-биологических экспертиз и учетов
Экспертно-криминалистический центр МВД России (125130, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 5)

candidate of sciences (biology), deputy head of the department of biological objects examination
Forensic center of the MIA of Russia (5 Z. and A. Kosmodemyanskiy st., Moscow, Russian Federation, 125130)

E-mail: evsuchkova@mail.ru

Кулик Сергей Дмитриевич
Sergey D. Kulik

доктор технических наук, профессор кафедры компьютерных систем и технологий
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (115409, Москва, Каширское шоссе, 31)

doctor of sciences (engineering), professor of computer systems and technologies department
National research nuclear university "MEPhI" (31 Kashirskoe shosse, Moscow, Russian Federation, 115409)

E-mail: sedmik@mail.ru

Никонец Денис Артурович
Denis A. Nikonets

кандидат технических наук, программист баз данных
ООО «МРФК» (117105, Москва, Нагорный проезд, 12, корп. 1)

candidate of sciences (engineering), DB programmer
MRFK LTD (12/1 Nagorniy proezd, Moscow, Russian Federation, 117105)

E-mail: denis_n@mail.ru

**Оценка возможности применения статистической обработки
результатов исследования при производстве
судебной биологической экспертизы волос с головы человека**

**Evaluation of the possibility of statistical processing of the results
of the forensic microscopical analysis of the human hair**

Предложен новый подход к проведению идентификации человека по комплексу морфологических признаков волос человека. Итогом работы является разработка математической модели для количественной оценки идентификационной значимости комплекса совпадающих признаков объекта и сравнительных образцов волос, а также алгоритма ее применения.

A new approach to forensic human identification using of the set of the morphological characteristics of the human hair is proposed. The result of the work is the development of a mathematical model for the evaluating of the probability of a set of the matching features in the investigated hair object and comparative hair samples, as well as the algorithm of its application.

© Сучкова Е.В., Кулик С.Д., Никонец Д.А., 2019

Ключевые слова: морфологическое исследование волос, вероятностно-статистическая оценка, идентификация человека, математическая модель.

Keywords: microscopical hair analysis, probability evaluation, forensic identification, mathematical model.

Известно, что волосы часто встречаются на местах происшествий. При дефиците иных следов особенно важным становится получение как можно более полной информации об обнаруженных волосах, а также безошибочность действий эксперта при производстве судебной экспертизы [1, с. 474]

Для оценки доказательственного значения результатов экспертизы волос человека важным является то, известен ли круг лиц, возможно причастных к расследуемому событию. Для ответа на вопрос о происхождении исследуемого волоса с головы человека от проверяемого лица в рамках производства судебной биологической экспертизы эксперту необходимо исследовать его образцы волос (не менее 10 волос с каждой из перечисленных областей головы: лобная, теменная, правая височная, левая височная, затылочная). Если совпадают все индивидуально значимые микроморфологические признаки представленного волоса и образцов волос, формулируется вероятный положительный вывод [2] Категоричный отрицательный вывод теоретически может формулироваться в том случае, если не совпадает хотя бы один из индивидуально значимых признаков.

В случае исследования волос с головы человека возникает вопрос: можно ли достичь такого уровня вероятности встречаемости выявленных признаков, при котором эксперты могут констатировать практически неповторимую совокупность и сформулировать вывод в категорической форме, а также вместо вывода о возможности формулировать вывод о вероятности происхождения волоса от проверяемого лица?

Несмотря на то, что впервые волосы были использованы в качестве вещественного доказательства в 1861 году [3], в настоящее время в доступной криминалистической литературе практически отсутствуют данные о статистических исследованиях, касающиеся сравнительного этапа исследования волос. Не изучена возможность использования совокупности качественных и количественных показателей и статистической обработки полученных результатов. Отсутствует информация о частоте встречаемости комплексов микроморфологических признаков волос.

Оценка возможности применения математической обработки микроморфологических при-

знаков волос человека для получения статистического обоснования выводов эксперта требует подготовки специальных экспериментальных данных. Необходимо понимать, какие из этих признаков можно описать количественными характеристиками, а какие могут быть описаны только качественными. Также следует учесть возможную зависимость признаков друг от друга и получить информацию о частоте их встречаемости на малой выборке.

Для решения задач, поставленных в данной работе, при определении объема выборки учитывали тот факт, что с ростом объема выборки новые признаки совокупности появляются все реже и практически перестают обнаруживаться. В итоге принимается решение прекратить сбор образцов, несмотря на наличие информации о существовании признаков, не вошедших в данную выборку [4; 5]. В связи с этим было изучено 22 500 волос с головы 450 человек мужского и женского пола разных возрастов (от 7 месяцев до 90 лет), проживающих в различных субъектах Российской Федерации [6].

Для успешного осуществления идентификации выбираются признаки, отвечающие ряду условий: специфичность, воспроизводимость (способность к неоднократному отображению), выраженность, относительная устойчивость, с учетом того, что все объекты материального мира подвержены изменениям [7]. Характеристики идентификационно значимых морфологических признаков волос не противоречат условию воспроизводимости и устойчивости: определенное сочетание признаков проявляется на каждом волосе головы человека. Одинаковые проявления основных (идентификационно значимых) признаков стабильны, обнаруживаются как на протяжении одного волоса, так и на всех волосах с головы одного человека [8; 9]. Ранее проведенные исследования показали, что основные микроморфологические признаки волос с головы человека не изменялись на протяжении 12 лет. Также имеются данные, что воздействие низкой температуры и ультрафиолетовое облучение не исключают возможности установления происхождения волоса от конкретного человека [10]. Выявленность признака, то есть отсутствие сомнений в его наличии, обеспечивается возможностью его обнаружения в поле зрения микроскопов разных моделей

несколькими экспертами. Специфичность совокупности признаков определяется как сочетанием различных признаков, так и наличием в этой совокупности отдельных оригинальных (редко встречающихся) признаков. Не все известные в судебной экспертизе микроморфологические признаки обнаруживались в исследуемых образцах волос изучаемой выборки. Чем оригинальнее признак, тем выше его идентификационная значимость.

В рамках настоящей работы проводились исследования 77 качественных и 9 количественных признаков, характеризующих волосы. Данные признаки выявляются при исследовании с помощью светового микроскопа.

Семьдесят семь микроморфологических признаков являются только качественными, они объединены в соответствующие группы. Среди них можно выделить шесть основных групп идентификационно значимых признаков: рисунок кутикулы, цвет фона коркового слоя, цвет, размер, архитектура и расположение пигмента. Другие признаки (наличие седины, обесцвечивания, окрашивания, повреждений, заболеваний волос и т. д.) являются дополнительными. Каждый из них может иметь несколько вариантов проявления.

Девять признаков — количественные, также объединены в три группы (максимальная толщина волос, максимальное количество линий кутикулы на 1 мкм, максимальная длина пигментов). Кроме того, в расчет введены качественные признаки, которые являются производными от количественных признаков. Таким образом, с целью унификации расчетов все количественные признаки были преобразованы в качественные признаки.

В процессе работы было выделено несколько вариантов проявления каждого микроморфологического признака, учитываемых при исследовании волос человека, которым присвоены числовые индексы. Затем исследовались микроморфологические признаки волос с головы каждого донора. Волосы помещали на предметные стекла в капли просветляющей жидкости (дистиллированная вода), накрывали покровными стеклами. Микроморфологические признаки волос (кутикула, сердцевина, корковый слой, пигмент, корневые и периферические концы, оптический край) изучали в обычном проходящем свете микроскопа «Leica DM 1000» при увеличениях 100х, 200х и 400х. Исследование проводили в соответствии с имеющимися методическими рекомендациями [11—13]. Для оценки вероятности появления

комплекса качественных признаков в изучаемых образцах волос полученное описание волос было выражено в виде условных числовых индексов.

Опираясь на эти данные, разработана математическая модель для оценки частоты встречаемости и значимости индивидуализирующих признаков волос с головы человека. В случае увеличения выборки, полученная модель позволит вносить дополнения в индексируемый перечень при обнаружении новых признаков.

Исследование имеющейся выборки показало, что некоторые из выявленных признаков обязательно присутствуют в случае одновременного наличия иных признаков, то есть данные признаки могут быть зависимы друг от друга. Известно, что наличие зависимых признаков в рассматриваемой совокупности изменяет идентификационную значимость данной совокупности [14; 15]. В этой связи важно определить и учесть в расчетах степень зависимости признаков друг от друга [14—16]. Для определения зависимых признаков следует опираться как на экспертные наблюдения, основанные на изучении признаков объекта, так и на методы математической статистики. Так, если эксперту, исходя из его опыта, известно, что признак X встречается всегда вместе с признаком Y, то для расчета суммарной идентификационной значимости будет использован только один из них. Также в рамках исследования решается задача выявления частичной статистической зависимости для пар признаков. Для этого в каждом из шести основных показателей (групп микроморфологических признаков) введены дополнительно групповые признаки. Всего было введено 8 групповых признаков. С использованием разработанной математической модели выполнен расчет идентификационной значимости этих групповых признаков. Таким образом, если они встретятся в исследуемом образце, то для получения суммарной идентификационной значимости используется значимость именно соответствующего группового признака, при этом идентификационные значимости отдельных признаков не будут учитываться. Применение данных методов позволит учесть зависимость признаков.

Одним из критериев значимости (информативности) идентификационных признаков является частота встречаемости (значимость идентификационных признаков обратно пропорциональна частоте их встречаемости в объектах множества, в которое входит искомый объект) [17, с. 114—115].

Оценка возможности применения статистической обработки совпадающих микроморфологических признаков волос человека состоит из трех этапов исследования:

1) разработка математической модели для вычисления на следующем этапе идентификационной значимости совокупности совпадающих индивидуализирующих признаков волос человека;

2) получение конкретных значений частоты встречаемости и вычисление идентификационной значимости для каждого признака;

3) анализ полученных результатов и вывод о возможности применения статистической обработки микроморфологических признаков волос человека для получения статистического обоснования выводов эксперта.

Для статистической обработки совпадающих частных признаков традиционно в отечественной криминалистике используют вероятностно-статистическую оценку совпадающих частных признаков, то есть оценку вероятности появления такого набора признаков [4; 5; 18—20].

Задача получения вероятностно-статистической оценки совпадающих частных признаков почерка формулируется следующим образом [4; 5; 18; 19]:

Пусть $\Theta = \{\theta_1, \dots, \theta_m\}$ — множество m признаков, характеризующих волосы проверяемых лиц. Пусть все проверяемые лица образуют множество Z (в качестве данной совокупности можно использовать, например, население Земли или Российской Федерации). Пусть n человек (в данном исследовании $n = 450$), образцы волос которых были использованы как экспериментальные данные, образуют множество Z^n , являющееся подмножеством Z (то есть $Z^n \subseteq Z$).

Рассмотрим k -го человека Z_k , где $k = 1 \div n$, а Z_k — элемент множества Z^n , то есть $Z_k \in Z^n$. Для человека Z_k характерен набор из l признаков, встречающихся в его волосах $S = \{\theta_{j_1}, \dots, \theta_{j_l}\}$. Будем считать, что в набор $S = \{\theta_{j_1}, \dots, \theta_{j_l}\}$ входят первые l признаков из множества частных признаков $\Theta = \{\theta_1, \dots, \theta_m\}$. Следовательно, нужно рассматривать набор из l признаков $S = \{\theta_1, \dots, \theta_l\}$, $l = 1 \div m$. Требуется получить (оценить) вероятность $P(S)$ появления такого набора признаков $S = \{\theta_1, \dots, \theta_l\}$, то есть получить оценку $\hat{P}(S)$ для вероятности $P(S)$ на основе изучения выборки Z^n . Данная оценка и будет количественной оценкой вероятности появления комплекса совпадающих признаков у проверяемого/искомого лица и признаков образца.

Оценку будем искать в виде одностороннего доверительного интервала. В качестве оцен-

ки неизвестной истинной вероятности появления совокупности признаков волос у человека возьмем верхнюю границу одностороннего доверительного интервала, то есть будем использовать заведомо завышенное значение вероятности по сравнению с истинной вероятностью $P(S)$. Иными словами, $\hat{P}(S)$ — верхняя граница доверительного интервала вероятности появления совокупности признаков $P(S)$, то есть $P\{P(S) \leq \hat{P}(S)\} = \gamma$, где γ — заданный коэффициент доверия. Далее будем использовать в качестве оценки суммарной идентификационной значимости $\hat{I}(S)$ следующее выражение [4; 5; 18—20]: $\hat{I}(S) = \lg(\hat{P}(S)^{-1})$. Для принятия решения об идентификации человека предложен следующий порядок действий эксперта:

— установление пригодности исследуемых объектов и образцов волос для решения задачи о происхождении каждого объекта от проверяемого лица;

— выделение совпадающих признаков исследуемых объектов и образцов волос на сравнительном этапе экспертизы; для каждого из таких признаков по заранее известным табличным данным рассчитываются значения соответствующих оценок идентификационных значимостей;

— определение оценки суммарной информативности (суммы оценок идентификационных значимостей всех признаков для одного человека);

— принятие решения об идентификации человека по микроморфологическим признакам волос с помощью заданного порога Q ; если оценка суммарной идентификационной значимости $\hat{I}(S)$ больше заданного порога, то есть $\hat{I}(S) \geq Q$, тогда принимается решение об идентификации человека по микроморфологическим признакам волос. Чем выше порог принятия решения Q , тем меньше вероятность ошибки, но тем реже будет приниматься решение об идентификации.

В качестве порогов Q принятия решения о тождестве (идентификации) человека по волосам выбрано значение, равное $Q = 9.845$ (учитывая, что $\frac{1}{10^{9.845}} \approx \frac{1}{7 \cdot 10^9}$, получим примерно 1 случай на 7 млрд (это примерно соответствует численности населения Земли)).

Таким образом, показана принципиальная возможность статистической обработки результатов исследования и условия применения статистической оценки комплекса микроморфологических признаков волос с головы человека.

Рассчитана величина идентификационной значимости микроморфологических признаков волос с головы человека, при этом учтена статистическая зависимость микроморфологических признаков волос человека.

Разработан новый подход, позволяющий проводить идентификацию человека по комплексу морфологических признаков единичного волоса. Итогом работы является разработка математической модели для количественной оценки идентификационной значимости комплекса совпадающих признаков объекта и сравнительных образцов волос, а также алгоритма ее применения.

Примечания

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: Курс общей теории. М.: Норма, 2006.
2. Сучкова Е.В. Судебно-экспертное исследование волос человека и животных: монография. М.: Юрлитинформ, 2015.
3. Bisbing R.E. The forensic identification and association of human hair. Forensic science handbook / ed. by R. Saferstein. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall Regents, 1982.
4. Челышев М.М., Кулик С.Д., Бажакин Г.А. [и др.]. Методика определения пола исполнителя кратких рукописных текстов. М.: ВНКЦ МВД СССР, 1990.
5. Челышев М.М., Кулик С.Д., Бажакин Г.А. и др. Методика определения возраста исполнителя рукописных текстов. М.: ЭКЦ МВД России, 1995.
6. Сучкова Е.В., Кулик С.Д., Никонец Д.А. Статистическая оценка результатов исследования морфологических признаков волос с головы человека при производстве судебной экспертизы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 6 (35). С. 231—235.
7. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном и уголовном процессе. М.: Норма, 2009.
8. Стегнова Т.В., Печерский В.Л., Князенков С.Н. Волосы головы человека как объект судебно-биологической экспертизы. М.: ВНИИ МВД СССР, 1990.
9. Разоренова О.И., Никифорова Ж.М. [и др.]. Комплексное исследование волос человека: учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 1997.
10. Сучкова Е.В. Влияние некоторых факторов внешней среды на морфологические признаки волос человека // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. Тула, 2016. Вып. 2—2. С. 191—198.
11. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: / под ред. А.Ю. Семёнова. Ч. 2. М.: ЭКЦ МВД России, 2012.
12. Пименов М.Г., Разоренова О.И., Сучкова Е.В. [и др.]. Современные методы исследования волос человека: учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2008.

13. Сучкова Е.В., Кондрашов С.А. Морфологические признаки пораженных волос человека: справочное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2011.

14. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2. М.: Юрист, 1997.

15. Колдин В.Я. Судебная идентификация. М.: Лекс Эст, 2002.

16. Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть: теоретические и методические основы / под науч. ред. В.Ф. Орловой; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 2006.

17. Гамаюнова Ю.Г. Комплексная трасолого-волоковедческая экспертиза: научно-методическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2009.

18. Кулик С.Д., Никонец Д.А. Использование существующих почерковедческих методик для идентификационного поиска исполнителя рукописи // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. 2016. № 9. С. 64—70.

19. Kulik S., Nikonets D. Forensic Handwriting Examination and Human Factors: Improving the Practice through Automation and Expert Training // Proc. 2016 Third International Conference on Digital Information Processing, Data Mining, and Wireless Communications (DIPDMWC). Pp. 221—226.

20. Kulik S.D. Neural network model of artificial intelligence for handwriting recognition // Journal of Theoretical and Applied Information Technology, 2015. Vol. 73. No. 2 (20th March 2015). Pp. 202—211.

References

1. Averjanova T.V. Forensic Science. Moscow: Norma Publ., 2006. (In Russ.)
2. Suchkova E.V. Forensic microscopical analysis of the human and animal hair: monograph. Moscow: Jurlitinform Publ., 2015. (In Russ.)
3. Bisbing R.E. The forensic identification and association of human hair. Forensic science handbook. Saferstein R., editor. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall Regents, 1982.
4. Chelysheff M.M., Kulik S.D., Bazhakin G.A. et al. The technique for determining gender of brief handwritten text performer. Moscow: VNKTs MIA of the USSR Publ., 1990, 185 p. (In Russ.)
5. Chelysheff M.M., Kulik S.D., Bazhakin G.A. et al. The technique for determining age of handwritten text performer. Moscow: Forensic Center of the Ministry of Interior Affairs of Russia Publ., 1995, 255 p. (In Russ.)
6. Suchkova E.V., Kulik S.D., Nikonets D.A. Statistical evaluation of results of the study of morphological characteristics of hair from the head of a human in forensic examination. *Library of the criminalist. Science magazine*, 2017, no. 6 (35), pp. 231—235. (In Russ.)
7. Rossinskaya E.R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. Moscow: Norma Publ., 2009. (In Russ.)

8. Stegnova T.V., Pechersky V.L., Knyazhenkov S.N. Human head hair as an object of the forensic biological expertise. Moscow: All-Russian research institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1990. (In Russ.)
9. Razorenova O.I., Nikiforova Zh.M. et al. Complex forensic examination of the human hair. Moscow: Forensic Center of the MIA of Russia Publ., 1997. (In Russ.)
10. Suchkova E.V. The influence of some environmental factors on the morphological characteristics of human hair. *Izvestiya Tula state university. Economic and legal sciences*, Tula, 2016, vol. 2—2, pp. 191—198. (In Russ.)
11. Typical forensic techniques for evidence examination / ed. by A.Yu. Semenov. Part 2. Moscow: Forensic Center of the MIA of Russia Publ., 2012. (In Russ.)
12. Pimenov M.G., Razorenova O.I., Suchkova E.V. et al. Modern forensic methods for human hair examination: educational book. Moscow: Forensic Center of the Ministry of Interior Affairs of Russia Publ., 2008. (In Russ.)
13. Suchkova E.V., Kondrashov S.A. Morphological characteristics of the injured human hair. Moscow: Forensic Center of the MIA of Russia Publ., 2011. (In Russ.)
14. Belkin R.S. The course of criminalistics: in 3 vol. Vol. 2. Moscow: Yurist Publ., 1997. (In Russ.)
15. Koldin V.Ya. Forensic identification. Moscow: Leks Est Publ., 2002. (In Russ.)
16. Forensic Handwriting Examination. The Common Part: Theoretical and Methodological Foundations. Moscow: Nauka Publ., 2006. (In Russ.)
17. Gamayunova Yu.G. Comprehensive forensic trasological-fiber examination: methodical manual. Moscow: Jurlitinform Publ., 2009. (In Russ.)
18. Kulik S.D., Nikonets D.A. The using of existing handwriting techniques for writer identification *Neurocomputers: design and application*, 2016, no. 9, pp. 64—70. (In Russ.)
19. Kulik S., Nikonets D. Forensic Handwriting Examination and Human Factors: Improving the Practice through Automation and Expert Training. *Proc. 2016 Third International Conference on Digital Information Processing, Data Mining, and Wireless Communications (DIPDMWC)*, 2016, pp. 221—226.
20. Kulik S.D. Neural network model of artificial intelligence for handwriting recognition *Journal of Theoretical and Applied Information Technology*, 2015, vol. 73, no. 2 (20th March 2015), pp. 202—211.

УДК 34
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10227

Сычёв Павел Геннадиевич
Pavel G. Sychev

кандидат юридических наук, заместитель начальника контрольно-методического управления Следственный департамент МВД России (125009, Москва, Газетный пер., 6)

deputy chief kontrolno-methodical management
Investigation department of the Russian interior ministry (6 Gazetnyy lane, Moscow, Russian Federation, 125009)

E-mail: 4402898@mail.ru

**Об отдельной главе Уголовно-процессуального кодекса
Российской Федерации о производстве по уголовным делам
в отношении предпринимателей**

**On a separate chapter of the Code of criminal procedure
of the Russian Federation on criminal proceedings against entrepreneurs**

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 48 констатировало наличие особенностей уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Неизбежно встает вопрос о создании отдельной главы в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ), но для этого необходимо решить некоторые трудноразрешимые вопросы.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, преступления в сфере предпринимательской деятельности, дифференциация, равенство перед законом и судом.

Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 15, 2016 no. 48 stated the presence of features of criminal proceedings in cases of crimes in the sphere of entrepreneurial and other economic activities. Inevitably the question arises of creating a separate chapter in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, but for this it is necessary to solve some difficult questions.

Keywords: criminal proceedings, crimes in the sphere of business activity, differentiation, equality before the law and the court.

Государственная политика, направленная на либерализацию уголовного судопроизводства по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, имеющая термин «*doing business*» [1], отличается стабильностью и не меняется на протяжении многих лет. Ежегодно в своих посланиях Федеральному Собранию Президент Российской Федерации В.В. Путин обращается к проблематике применения к предпринимателям неоправданно суровых уголовно-процессуальных мер, не стало исключением и послание от 20 февраля 2019 года, в котором, в частности, затрагивались вопросы необоснованной квалификации преступлений в сфере предпри-

нимательской деятельности как совершенных группой лиц по предварительному сговору только на основании совместной работы в одной компании, необоснованного продления сроков содержания обвиняемых под стражей без проведения с ними следственных действий и др. [2].

Принятие 27 декабря 2018 года Федерального закона № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76¹ и 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [3] в очередной раз подтвердило неизменность и последовательность указанной политики. Следует отметить, что это уже одиннадцатый законодательный акт

© Сычёв П.Г., 2019

в данном направлении. В период с 2009 по 2016 год Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации приняла десять федеральных законов, которые ввели в УПК РФ, и изменила десять норм об особенностях судопроизводства по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (Федеральные законы от 29 декабря 2009 года № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 7 апреля 2010 года № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты», от 6 декабря 2011 года № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ и от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 2 ноября 2013 года № 302-ФЗ и от 21 июля 2014 года № 218-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 22 октября 2014 года № 308-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования основания и порядка освобождения от уголовной ответственности» и № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»).

15 ноября 2016 года Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» [4] (далее — постановление № 48) суммировал своего рода промежуточные результаты этого законодательного процесса. Пленум констатировал наличие особенностей уголовного судопроизводства по делам о некоторых преступлениях, предусмотренных главами 21 и 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). К этим особенностям отнесены, в частности, порядок рассмотрения сообщения о преступлении (части 7—9 статьи 144 УПК РФ) и возбуждения уголовно-

го дела (часть 3 статьи 20, часть 1² статьи 140 УПК РФ), признания предметов и документов вещественными доказательствами (статья 81¹ УПК РФ), применения меры пресечения в виде заключения под стражу (часть 1¹ статьи 108 УПК РФ), а также особенности освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования (статья 76¹ УК РФ, статья 28¹ УПК РФ).

В данный список не вошел особый порядок оглашения приговора по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, предусмотренный частью 7 статьи 241 УПК РФ. Возможно, что причиной исключения явилось то, что в редакции Федерального закона от 6 декабря 2011 года № 407-ФЗ данная норма содержала только фразу «по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности», однако в действующей редакции, введенной Федеральным законом от 21 июля 2014 года № 251-ФЗ, в ней также содержатся постатейно перечисленные преступления террористической направленности, по которым применяется такой же порядок оглашения приговора.

Использование в уголовно-процессуальном законе и документах высшего судебного органа термина «преступления в сфере предпринимательской деятельности» дает основания обратиться к его гражданско-правовому определению. В статье 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) указано, что она направлена на систематическое получение прибыли. А пункт 1 статьи 50 ГК РФ гласит, что извлечение прибыли — основная цель деятельности коммерческой организации. Таким образом, предпринимательская деятельность не возможна без коммерческой организации. Это значит, что преступления, включенные в главу 23 УК РФ, совершенные в отношении или с участием коммерческой организации, являются преступлениями в сфере предпринимательской деятельности, а статья 23 УПК РФ о порядке возбуждения уголовных дел об указанных преступлениях должна быть отнесена к процессуальным особенностям в постановлении № 48.

Наличие такого количества норм, имеющих обособленный предмет процессуального регулирования, при этом «разбросанных» по УПК РФ, не может не навести на мысль о возможности (или необходимости) собрать их в отдельной главе.

Наиболее ранние предложения подобного рода касались включения в УПК РФ главы 50¹ о производстве по уголовным делам с участи-

ем юридических лиц, в которую предлагалось включить статьи 432¹—432⁷, касающиеся общих положений об участии юридического лица в уголовном судопроизводстве, осуществлении его процессуальных прав, признании его орудием преступления в случае использования при совершении такового и т. д. [5, с. 43—46].

На тот момент автор исходил из того, что юридическое лицо в составе участников уголовного судопроизводства было главным критерием отнесения преступления к разряду экономических. Позже вышеописанный законотворческий процесс сместил акценты, и предпринимательская деятельность сама по себе стала определяющим фактором. Предложения о создании главы 50¹ УПК РФ трансформировались, она получила название «Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности». Помимо уже существовавших на тот момент в УПК РФ процессуальных особенностей заключения под стражу подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности, возбуждения и прекращения уголовных дел о преступлениях данной категории, предлагалось также ввести нормы о признании фирм-однодневок, использованных при совершении преступлений, орудиями преступления, а фактических владельцев юридических лиц (бенефициаров), получивших выгоду от совершенных преступлений, привлекать в уголовных делах в качестве гражданских ответчиков [6—9].

Соответствующий проект Федерального закона, разработанный в Следственном департаменте МВД России, для дачи оценки направлялся в Комитет Государственной Думы Российской Федерации по конституционному строительству, параллельно в аппарате Уполномоченного по защите прав предпринимателей разрабатывался свой проект. Несовместимость двух законопроектов в силу диаметрально противоположных идеологий, заложенных в их основу, не позволила объединить усилия и довести решение вопроса до положительного результата.

В настоящее время выдвигаются предложения аналогичного характера. Так, Л.В. Попова предлагает ввести в УПК РФ главу 52¹ «Особенности досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных в связи с хозяйственно-экономической деятельностью, осуществляемой в организационно-правовых формах предпринимательства», в которую включить статьи 452¹—452⁸ о предмете и условиях данного вида досудебного производства,

особенностях рассмотрения сообщения о преступлении и возбуждения уголовного дела, избрания меры пресечения, изъятия и признания вещественными доказательствами предметов и документов, предъявления обвинения и допроса обвиняемого и т. д. [10, с. 261—275]. Необходимо поприветствовать не столько «реанимацию» старых процессуальных идей, сколько свежий и нетрадиционный взгляд на процессуальное регулирование этого предмета.

Сама по себе идея заслуживает внимания, поскольку дифференциация уголовного судопроизводства является закономерным развитием данной отрасли права. Еще профессор М.Л. Якуб писал: «Дифференцированный порядок судопроизводства по делам различных категорий — необходимое условие эффективного и рационального построения процесса» [11, с. 79]. Т.С. Манова объясняет это тем, что «развитие форм уголовного судопроизводства определяется двумя внешне противоречивыми факторами: потребностью создания действительных гарантий защиты прав и законных интересов его участников и необходимостью рационального использования процессуальных и материальных средств при осуществлении соответствующей деятельности, необходимостью повышения эффективности судопроизводства» [12, с. 23].

Создание в УПК РФ отдельной главы, подобной существующим 32, 32¹, 40, 40¹, 42, 50, 51, 51¹ и 52 главам, — логичный результат такого развития. Однако для этого необходимо решить несколько проблем юридико-технического и отчасти политического характера.

В 2002 году при введении в действие нового УПК РФ в уголовное судопроизводство вошел ряд сугубо экономических терминов. Так, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, лицом, вносящим залог за подозреваемого, и т. д. может быть юридическое лицо (статьи 42, 44, 54, 106 УПК РФ), что и побудило автора настоящей публикации внести в 2006 году предложение о создании отдельной главы в УПК РФ. Кроме этого, ведена статья 116 УПК РФ о наложении ареста на ценные бумаги (в том числе бездокументарные), а в 2015 году в части восьмой статьи 115 УПК РФ появились особенности снятия ареста с безналичных денежных средств. Нет сомнений, что это инструменты хозяйственного оборота и при совершении экономических преступлений юридические лица бездокументарные ценные бумаги, безналичные деньги применяют весьма активно. Особенности производства процессуальных

действий с ними, безусловно, должны быть отнесены к производству по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности.

Однако юридическое лицо может быть потерпевшим и гражданским истцом по делам о преступлениях против собственности (кражах, грабежах, разбоях, вымогательствах), а гражданским ответчиком — по делам о дорожно-транспортных происшествиях, которые к разряду экономических не относятся. Ценные бумаги могут быть в собственности лиц, привлекаемых в качестве обвиняемых за совершение преступлений, которые могут также не относиться к экономическим. Так называемый бесконтактный сбыт наркотических средств в настоящее время осуществляется за безналичные денежные средства через анонимные платежные системы типа «Qiwí», «Veb-money» и др. Как отграничить процессуальные особенности дифференцированного производства с указанными гражданско-правовыми объектами от стандартных действий ординарного производства — задача, решения у которой пока что нет.

В названии постановления № 48 и далее по тексту речь идет о производстве по отдельному виду преступлений. Однако каждая процессуальная норма, указанная в нем, или *de jure*, или *de facto* затрагивают (а точнее, расширяют) процессуальные права и гарантии подозреваемого и обвиняемого в преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Особый процессуальный режим формируется для лиц, обладающих статусом предпринимателей.

Профессор Л.В. Головкин по этому поводу указал, что «законодатель пытается создать по некоторым преступлениям (статьи 159, 160, 165 УК РФ) особый режим для предпринимателей, <...> такой режим возникает в случае совершения преступлений “в сфере предпринимательской деятельности”. <...> Что в уголовно-процессуальном смысле есть “сфера предпринимательской деятельности”. <...> Классический предметный критерий (конкретный состав преступления) здесь не подходит, поскольку статья 159 и др. УК РФ не исключают применения заключения под стражу в целом, а лишь ограничивают его использование в сфере предпринимательства. <...> Есть еще целевой критерий, используемый в ГК РФ (статья 2), на который обратил внимание Верховный Суд Российской Федерации. Но если его применять буквально, то получится, что законодатель считает мошенничество совершенным в сфере

предпринимательской деятельности, если оно направлено на “систематическое получение прибыли” (гражданско-правовой критерий) или, говоря старым добрым уголовно-правовым языком, совершено в виде “промысла”. <...> Остается персональный критерий, то есть запрет применения заключения под стражу не в “сфере предпринимательской деятельности”, а именно к *предпринимателям* как особой и строго формализованной категории лиц» [13, с. 55,56].

Анализируя хронологию толкования и разъяснения термина «преступления в сфере предпринимательской деятельности», следует констатировать, что законодатель и высший судебный орган в течение семи лет пытались разрешить фактически неразрешимую проблему: определить категорию деяний, совершаемых конкретной категорией лиц, путем характеристики вида их деятельности, пытаясь избежать их персонального определения, при этом давая все более и более подробную его субъективную характеристику. Законодатель мог бы сразу предотвратить непредсказуемое развитие судебной практики и неоднократные ее разъяснения, если бы в законодательной норме сразу был назван статус того, кого необходимо освободить от наиболее строгих мер процессуального принуждения.

После введения Федеральным законом от 7 апреля 2010 года № 60-ФЗ в статью 108 УПК РФ части 1¹, где впервые используется термин «преступления в сфере предпринимательской деятельности», он разъяснялся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» от 29 октября 2009 года № 22 (в ред. от 10 июня 2010 года). Федеральный закон от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ в части третьей статьи 20 УПК РФ дал более широкое определение предпринимательской деятельности применительно к возбуждению уголовного дела, которое постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» распространил на порядок заключения под стражу. В постановлении № 48, наконец, дано самое подробное на сегодняшний день толкование этого термина.

Итак, для решения вопроса о создании отдельной главы о производстве по уголовным делам указанной в здесь категории необходимо сделать первый шаг: признать, что это произ-

водство не по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а по уголовным делам в отношении предпринимателей.

В этом случае новая глава органично займет свое место между главой 50 УПК РФ «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних» и главой 51 «Производство о применении принудительных мер медицинского характера», принимая во внимание, что у последней дифференциации своя особая цель — не приговор о признании лица виновным в совершении преступления, а констатация факта общественно опасного деяния и назначение лицу, его совершившему и признанному невменяемым, соответствующего лечения.

Неизбежно возникает вопрос: а как же принцип равенства всех перед законом и судом, провозглашенный в части первой статьи 19 Конституции Российской Федерации?

Здесь следует отметить, что статья 4 УК РФ предусматривает принцип равенства граждан перед законом и говорит о том, что они подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности и т. д., то есть это уголовно-правовой принцип.

Несмотря на то, что в главе 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства» аналогичной нормы нет, в теории уголовно-процессуального права такой принцип все же существует. Анализируя его, С.В. Романов указывает: «речь не идет об абсолютном равенстве, а только о равенстве лиц, объективно находящихся в идентичных условиях. <...> Поэтому закон вполне обоснованно содержит нормы об особенностях производства в отношении отдельных категорий лиц, об обеспечении для некоторых лиц дополнительных уголовно-процессуальных гарантий и т.п. Важно лишь, чтобы такие особенности были необходимыми, справедливыми и затрагивали именно категории лиц, не превращаясь в персональные привилегии» [14, с. 271—272].

Если идейные вдохновители либерализации уголовного судопроизводства для предпринимателей смогут ответить на вопросы о ее справедливости по отношению к остальному обществу, то создание отдельной главы в УПК РФ с концептуальных позиций можно считать обоснованным.

Примечания

1. Головки Л.В. Два направления уголовной политики по делам об экономических и финансовых

преступлениях: *crime control and doing business* // Закон. 2015. № 8.

2. URL: <http://cremlin.ru/> (дата обращения: 10.04.2019).

3. Собрание законодательства РФ. 2018. № 53, ч. 1, ст. 8459.

4. Российская газета. 2016. 24 ноября.

5. Сычев П.Г. Юридическое лицо в уголовном деле. М.: ООО «ИнтелБилд», 2006.

6. Сычев П.Г. Правовая защита субъектов предпринимательской деятельности: проблемы уголовного судопроизводства // Предпринимательское право. 2012. № 4. С. 30—34.

7. Сычев П.Г. Предпосылки дифференциации порядка судопроизводства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности // Законодательство. 2013. № 1. С. 71—77.

8. Сычев П.Г. Проблематика уголовно-правовой защиты имущественных отношений хозяйствующих субъектов России // Имущественные отношения. 2013. № 2. С. 81—87.

9. Сычев П.Г. Досудебные стадии судопроизводства по уголовным делам об экономических преступлениях: тенденции развития и правоприменения // Российский следователь. 2013. № 21. С. 38—41.

10. Попова Л.В. Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2019.

11. Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., «Юридическая литература», 1981.

12. Манова Н.С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

13. Головки Л.В. Концептуальные основы уголовной политики в сфере экономики // Закон. 2011. № 9. С. 43—56.

14. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016.

References

1. Golovko L.V. Two directions of criminal policy in cases of economic and financial crimes: *crime control and doing business*. *Law*, 2015, no. 8.

2. URL: <http://cremlin.ru/> (accessed 10.04.2019). (In Russ.)

3. *Collection of legislative acts of the RF*, 2018, no. 53, part I, art. 8459. (In Russ.)

4. *Russian gazeta*, 2016, 24 November. (In Russ.)

5. Sychev P.G. Legal entity in a criminal case. Moscow: ООО «Interbild» Publ., 2006. (In Russ.)

6. Sychev P.G. Legal protection of business entities: problems of criminal proceedings. *Business law*, 2012, no. 4, pp. 30—34. (In Russ.)
7. Sychev P.G. Prerequisites differentiation of the procedure for criminal proceedings on crimes in the field of economic and business activities. *Legislation*, 2013, no. 1, pp. 71—77. (In Russ.)
8. Sychev P.G. Problems of criminal-legal protection of property relations of economic entities of Russia. *Property relations*, 2013, no. 2, pp. 81—87. (In Russ.)
9. Sychev P.G. Pre-trial stages of criminal proceedings on economic crimes: trends in development and law enforcement. *Russian investigator*, 2013, no. 21, pp. 38—41. (In Russ.)
10. Popova L.V. Features of criminal procedural regulation of pre-trial criminal proceedings on economic crimes committed in the field of business. Dissertation... candidate of legal sciences. Volgograd, 2019. (In Russ.)
11. Yakub M.L. Procedural form in the Soviet criminal proceedings. Moscow: «Legal literature» Publ., 1981. (In Russ.)
12. Manova N.S. Theoretical problems of criminal proceedings and differentiation of their forms. Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 2005. (In Russ.)
13. Golovko L.V. Conceptual bases of criminal policy in the sphere of economy. *Law*, 2011, no. 9, pp. 43—56. (In Russ.)
14. The course of the criminal process / ed. by L.V. Golovko. Moscow: Statute, 2016. (In Russ.)

УДК 344.651
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10228

Федюнин Антон Евгеньевич
Anton E. Fedyunin

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса
Саратовская государственная юридическая академия (410056, Саратов, ул. Вольская, 1)

doctor of sciences (law), associate professor, professor of criminal proceedings department
Saratov state law academy (1 Vol'skaya st., Saratov, Russian Federation, 410056)

E-mail: aef@bk.ru

Алферов Владимир Юрьевич
Vladimir Yu. Alferov

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности

Саратовский социально-экономический институт (филиал) «РЭУ имени Г.В. Плеханова»
(410003, г. Саратов, ул. Радищева, 89)

candidate of sciences (law), associate professor, assistant professor of justice and law enforcement department

Saratov Socio-Economic Institute (branch) «RG Plekhanov» (89 Radishchev st., Saratov, Russian Federation, 410003)

E-mail: va18343@yandex.ru

Сущность и понятие преступлений экстремистской направленности: вопросы квалификации и расследования

The essence and concept of extremist crimes: issues of qualification and investigation

В статье рассмотрена проблема законодательного определения преступлений экстремистской направленности. Его отсутствие в уголовном законодательстве Российской Федерации является значительным препятствием для реализации системного подхода к выявлению, раскрытию и расследованию таких преступлений. Экстремизм рассматривается как деятельность, направленная на достижение определенных целей путем насилия, пропаганды национальной, социальной, политической, идеологической, расовой, религиозной ненависти или вражды. Авторы считают, что основным свойством экстремизма является публичность и направленность вовне, а также его сопряженность с противоправными (криминальными) действиями. В статье сделан вывод о том, что преступлениями экстремистской направленности являются исключительно уголовно наказуемые деяния, мотивами совершения которых является религиозная или социальная, политическая или идеологическая, расовая или национальная ненависть или вражда. Преступления экстремистской и террористической направленности имеют единую социально-криминальную обусловленность, однако различны по правовым последствиям.

The article deals with the problem of the legislative definition of extremist crimes. Its absence in the criminal legislation of the Russian Federation is a significant obstacle to the implementation of a systematic approach to the identification, disclosure and investigation of such crimes. The authors consider extremism as an activity aimed at achieving certain goals through violence, propaganda of national, social, political, ideological, racial, religious hatred or enmity. According to the authors, the main property of extremism is publicity and outward orientation, as well as its connection with illegal (criminal) actions. The article concludes that extremist crimes are exclusively criminal offenses motivated by religious or social, political or ideological, racial or national hatred or enmity. Crimes of extremist and terrorist orientation have a single social and criminal conditioning, but they differ in legal consequences.

© Федюнин А.Е., Алферов В.Ю., 2019

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, экстремистская деятельность, виды экстремизма, классификация экстремизма.

Keywords: extremism, extremist crimes, extremist activity, types of extremism, classification of extremism.

Повышение эффективности производства по делам о преступлениях экстремистской направленности является одной из наиболее важных задач, стоящих перед современным российским уголовным судопроизводством. По данным МВД России, в стране ежегодно растет количество проявлений экстремизма. Если в 2004 году на территории Российской Федерации были зарегистрированы 130 преступлений, которые можно отнести к экстремистским (за исключением преступлений террористической направленности), то в 2014 году количество таких преступлений составляло 1 034, а к 2017 году эта цифра выросла до 1 521 [1].

Следует отметить, что в приведенной статистике учитывается лишь преступления, при расследовании которых основной признак (мотив) экстремизма был установлен в ходе предварительного расследования и попал в статистическую отчетность. На основании этого можно предположить, что реальное количество преступлений, мотивируемых экстремистскими побуждениями, на практике значительно больше, поскольку рассмотренная нами статистика не в состоянии отразить полного масштаба интолерантности, ксенофобии, иных видов и проявлений социальной нетерпимости, существующих в обществе.

Изучению проблематики борьбы с экстремистскими преступлениями посвятили свои труды А.И. Алексеев, Д.И. Аминов, Г.И. Белокуров, А.К. Боковиков, В.Н. Арестов, А.С. Грачев, П.С. Дагель, Н.В. Ерохина, С.М. Иншаков, А.А. Козлов, О.Н. Коршунова, В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунеев, Н.И. Матузов, Д.В. Ольшанский, А.В. Павлинов, Е.П. Сергун, В.Н. Томалинцев, А.А. Чичановский и многие другие. Однако, несмотря на значительное количество монографических и диссертационных работ, статей и иных публикаций российских юристов по указанным проблемам до настоящего времени выявление, регистрация и расследование преступлений экстремистской направленности представляет значительные трудности в связи с разнообразными видами и формами его проявления. И во многом это связано с тем, что в российской правовой науке до сих пор не сформировано единое, теоретически обоснованное представление о сущности экстремизма, которое поз-

воляло бы однозначно квалифицировать соответствующие деяния, возбуждать уголовные дела и формировать по ним соответствующую доказательственную базу. Существующий в российском законодательстве понятийный аппарат, относящийся к экстремизму, нуждается в уточнении как с учетом социальной и психологической сущности данного явления, так и его политической природы.

По своему этимологическому содержанию экстремизм является антонимом понятию «демократическое правосознание» и рассматривается в европейской науке как антипод демократическому устройству общества. Как отмечал немецкий политолог Уве Бакес, «экстремистская позиция прямо или косвенно отрицает демократическое конституционное государство» [2, с. 11]. По мнению Е.П. Сергуна, экстремизм — это «непримиримая враждебность к конституционному строю демократического государства, его правилам и нормам, в том числе полное отклонение связанных с ним общественных и экономических устоев» [3, с. 23]. Подобное представление об экстремизме закреплено в части 3 Резолюции 1344 Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). В ней указывается, что экстремизм является такой разновидностью политической деятельности, сама природа которой прямо или косвенно отвергает демократические принципы, а идеология, политическая практика и средства реализации основаны на пропаганде исключительности, интолерантности, ксенофобии, ультра национализме, антисемитизме [4].

Несмотря на тот факт, что Россия является полноправным членом ПАСЕ и, следовательно, должна учитывать существующую в европейских странах правовую и судебную практику, дефиниция экстремизма в отечественном законодательстве имеет существенные отличия от того, что принято в Европейском сообществе. Отечественное определение данного понятия больше схоже с тем, которое было предложено Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом в 2001 году [5]. Стоит отметить, что в России попытки законодательно сформулировать определение экстремизма и регламентировать борьбу с ним носили системный характер. В 2002 вступил в

силу Федерального закон «О противодействии экстремистской деятельности», статья 1 которого содержала определение экстремизма и экстремистской деятельности [6]. В 2008 году Указом Президента России в составе Министерства внутренних дел был образован специальный Департамент, занимающийся борьбой с преступлениями экстремистской направленности [7]. В 2016 году были внесены поправки в Федеральный закон «О противодействии терроризму», которые, в частности, были направлены на предупреждение преступлений экстремистского характера [8].

Становление антиэкстремистского законодательства в современной России происходило в условиях значительных социально-политических изменений, которые сопровождались появлением и ростом ряда негативных общественных явлений. В частности, произошло значительное увеличение актов терроризма и экстремизма, которое некоторые авторы называют не иначе как «третьей мировой войной» из-за распространения этих явлений по всему миру, затронувших практически каждое государство [9, с. 4].

Как представляется, появление и распространение экстремизма в России нужно исследовать через призму совокупности социальных, политических, экономических, духовных и идеологических причин, а также внешних факторов, негативно влияющих на сознание людей, из которых в качестве основных можно выделить следующие: агрессивное внешнее давление других стран, навязывающих свою идеологию; отсутствие государственной идеологии; признание идеологического многообразия и как следствие — отсутствие общенациональной идеи; правовой нигилизм; рост террористической и экстремистской активности в мире, а также в близлежащих странах и распространение ее на территорию России; стремительное расслоение населения по доходам, слабое развитие среднего класса; коррупция; бюрократизм; невозможность для значительной части населения, отстаивания своих прав законными способами; отсутствие доверия к правоохранительной системе, судам; неурегулированные межнациональные конфликты внутри страны.

По мнению В.В. Лунеева, в России причиной экстремизма во многом стал экономический, религиозный и общественный кризис, неправильная политика внутри государства, неспособность правительства адекватно и корректно управлять соответствующими государственными механизмами и институтами, снижение уровня социального обеспечения граждан и т. д. [10, с. 77]

Понятие «экстремизм» происходит от латинского «*extremitas*» («крайность») и соответствующего ему «*extremus*» («крайний») [11, с. 1533]. Исходя из этимологии данного понятия, Л.И. Залиханова характеризует экстремизм как нечто, «что выходит за рамки общепризнанного и общепринятого» [12, с. 156]. В настоящее время экстремизм все чаще определяется как социально обусловленное негативное явление. При этом акцентируются присущие его природе признаки субъективного и объективного характера, через которые отражается специфика психологической стороны поведения индивидуума, выражающаяся в пропаганде крайних взглядов, либо совершении противоправных деяний [13, с. 13].

Шанхайская конвенция [5] определяет международный экстремизм как «деяние, которое направлено на узурпацию власти либо ее противоправное удержание силовым методом, либо самовольное свержение легитимного конституционного строя государства, попытка нарушить общественную безопасность, а также создание незаконных вооруженных групп, преследуемые в соответствии с национальным законодательством сторон».

Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [6] определяет экстремизм как деятельность, которой присущи такие характерные черты, как осуществление общественно опасным, насильственным способом, а также ее мотивирование этой деятельности идеологической, политической, национальной, расовой, социальной или религиозной нетерпимостью.

Несмотря на закрепление понятий, связанных с экстремизмом, в ряде нормативно правовых актов, в том числе Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ), в теории юриспруденции нередко происходит смешение данного понятия с понятием «терроризм», «радикализм», «фундаментализм». Например, А.И. Алексеев отмечает, что данные термины часто трактуются как синонимы, что нельзя признать правильным, так как во главе радикализма всегда стояла глобальная идея. Экстремизм же ставит во главу средства и методы реализации своей деятельности, отводя на задний план «идейность» [14, с. 333].

Вместе с тем, в научных работах принято выделять такие типы экстремизма, как государственный и оппозиционный; мировой и внутренний; политический и религиозный и др. [15, с. 140]. Как представляется, ныне наиболее отчетливо проявляются следующие виды экстре-

мизма: международный, направленный одним государством против другого для достижения определенных целей (например, для свержения действующей власти в Ираке, Ливии или попытки свержения действующего президента в Венесуэле); государственный, направленный на запугивание общества, борьбы с инакомыслием внутри страны (например, насаждение русофобии в странах Балтии и Украине); политический, направленный на устранение оппозиции и конкурентной борьбы внутри властных структур; религиозный, направленный на установление единоверия и уничтожение других конфессий; национальный направленный на разжигание ненависти между различными народами и этносами; экономический, направленный на подрыв экономики государства через введение санкций, препятствий в торговле (санкции США в отношении России, Китая, Ирана, Европейских стран) и т. д.

Разумеется, приведенная классификация не является единственно возможной. Каждый из перечисленных видов экстремизма также может подразделяться на подгруппы, а некоторые из указанных групп, напротив, могут быть объединены. Например, национальный экстремизм может повлечь за собой разжигание экстремизма религиозного.

Во многом перечисленные виды экстремизма в определенной степени существовали на протяжении всей многовековой истории Российского государства и продолжают существовать сейчас в виде разных проявлений. Присутствие экстремизма в жизни любого общества обусловлено множеством объективных и субъективных условий и факторов, которые негативно влияют в том числе и на проживающих в России граждан [16, с. 22].

По своей сути экстремизм — это деятельность, направленная на достижение определенных целей путем насилия, разжигания политической, идеологической, расовой, национальной, социальной, религиозной ненависти или вражды. Экстремистские проявления в большинстве случаев публичны, направлены вовне и сопряжены с определенными противоправными действиями. Вместе с тем, несмотря на свой антиобщественный характер, не любая экстремистская деятельность является преступлением. Согласно положениям УК РФ ответственность наступает лишь за конкретные действия с квалифицирующими признаками экстремизма.

Таким образом, экстремизм имеет социальный характер, поскольку является продуктом

социума, влекущий, в зависимости от складывающейся ситуации, административную либо гражданско-правовую, а также уголовную ответственность. Данное разделение представляется особенно важным, поскольку привлечение лица к уголовной ответственности за совершенные действия экстремистской направленности предполагает абсолютно четкое и однозначное разграничение криминального (уголовно наказуемого) экстремизма от всех других его проявлений.

В настоящее время дефиниция преступлений экстремистской направленности законодательно определена в примечании 2 к статье 282¹ УК РФ. На наш взгляд, в соответствии с данным примечанием экстремистскими следует считать преступления, квалифицирующим признаком которых является религиозная или социальная, расовая или национальная, политическая или идеологическая ненависть или вражда. То есть мы видим те же самые преступления, которые попадают под действие пункта «е» части 1 статьи 63 УК РФ.

Приведенное определение позволяет прийти к логическому и вполне однозначному выводу о том, что теоретически любое преступление, предусмотренное УК РФ, может иметь квалифицирующие признаки экстремизма. Данный вывод подтверждается Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, который в своем разъяснении относит к числу преступлений экстремистской направленности те деяния, мотивами совершения которых является политическая или идеологическая, религиозная или социальная, расовая или национальная ненависть или вражда [17].

Примененное в рассматриваемом постановлении пленума Верховного Суда Российской Федерации словосочетание «преступления, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ», по нашему мнению, допускает произвольное и достаточно широкое его толкование правоприменителями при осуществлении уголовного преследования. Данный тезис подтверждается на примере совместного Указания МВД России № 1 и Генпрокуратуры России № 870/11 от 27 декабря 2017 года «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», в котором описана несколько иная трактовка рассматриваемого понятия, основанная на перечислении конкретных статей особенной части УК РФ [18].

Следующим не менее значимым моментом рассматриваемой проблемы является сложность разграничения понятий «экстремистская деятельность» и «террористическая деятельность». Согласно части 2 пункта 1 статьи 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», под такой деятельностью следует понимать в том числе террористическую деятельность и публичное оправдание терроризма. Из данного положения закона следует, что террористическая деятельность обладает всеми признаками экстремистской и является ее крайним выражением. Однако законодатель разграничил данные понятия, четко определив террористическую деятельность в УК РФ конкретными составами преступлений. Но по логике законодателя эти же преступления можно отнести к экстремистским, что противоречит идее разделения в УК РФ ответственности за совершение преступлений террористического и экстремистского характера.

В связи с изложенным представляется, что норма, закрепленная в примечании 2 к статье 282¹ УК РФ является некорректной, допускающей смешение понятий и произвольное толкование, кроме того, она дословно совпадает с пунктом «е» части 1 статьи 63 УК РФ. Для устранения данного недостатка необходимо примечание 2 к статье 282¹ УК РФ изложить в следующей редакции: «2. Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления с квалифицирующим признаком, указанным в пункте «е» части первой статьи 63, за исключением преступлений, перечисленных в примечании 2 к статье 205² настоящего Кодекса». На наш взгляд, данное предложение избавит правоприменителя от необходимости обращения к толкованию рассмотренных норм УК РФ при квалификации деяния и установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Примечания

1. Официальный сайт МВД России. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 02.09.2018).
2. Extremismus in Deutschland. Erscheinungsformen und aktuelle Bestandsaufnahme // Bundesministerium des Innern. Berlin, 2004.
3. Сергун Е.П. Экстремизм в Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты: учебное пособие / под. ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. 100 с.

4. Resolution 1344 (2003) «Threat posed to democracy by extremist parties and movements in Europe» // Официальный сайт ПАСЕ. URL: <http://assembly.coe.int>. (дата обращения: 02.09.2018).

5. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 41, ст. 3947.

6. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3031.

7. О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. № 1316 (ред. от 05.09.2011) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 37, ст. 4182.

8. О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 18.04.2018) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11, ст. 1146.

9. Грачев А.С. Политический экстремизм. М.: Мысль, 1986. 271 с.

10. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 912 с.

11. Прохоров А.М. Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Советская Энциклопедия, 1983. 1600 с.

12. Залиханова Л.И. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика возбуждения национальной, расовой и религиозной вражды: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2001. 221 с.

13. Некрасов Д.Е. Расово-этнический экстремизм: криминологический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. 28 с.

14. Алексеев А. И. Криминология: курс лекций. М.: Щит-М, 1998. 336 с.

15. Мыльников Б.А. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 177 с.

16. Истомин А.Ф., Лопаткин Д.А. К вопросу об экстремизме // Современное право. М.: Новый Индекс, 2005. № 7. С. 19—24.

17. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 03.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

18. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: совместное Указание Генпрокуратуры России № 870/11, МВД России № 1 от 27 декабря 2017 г. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.04.2019).

References

1. The official website of the Ministry of internal affairs of Russia. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (accessed 02.09.2018). (In Russ.)
2. Extremismus in Deutschland. Erscheinungsformen und aktuelle Bestandsaufnahme. *Bundesministerium des Innern*, Berlin, 2004.
3. Sergun E.P. Extremism in the Russian Federation: criminally-legal and criminological aspects: textbook / under. ed. B.T. Razgildieva. Saratov: Publishing house of the Saratov State Academy of Law, 2005. 100 p. (In Russ.)
4. Resolution 1344 (2003) «Threat posed to democracy by extremist parties and movements in Europe». *PACE official website*. URL: <http://assembly.coe.int>. (accessed 02.09.2018).
5. Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism (Shanghai, June 15, 2001). *Collection of legislative acts of the RF*, 2003, № 41, art. 3947. (In Russ.)
6. On Counteracting Extremist Activity: federal law no. 114-FZ of July 25, 2002 (as amended on November 23, 2015). *Collection of legislative acts of the RF*, 2002, no. 30, art. 3031. (In Russ.)
7. On some issues of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Presidential decree of 06.09.2008 no. 1316 (redaction from 05.09.2011). *Collection of legislative acts of the RF*, 2008, no. 37, art. 4182. (In Russ.)
8. On Countering Terrorism: federal law of 06.03.2006 no. 35-FZ (ed. on 18.04.2018). *Collection of legislative acts of the RF*, 2006, no. 11, art. 1146. (In Russ.)
9. Grachev A.S. Political extremism. Moscow: Mysl' Publ., 1986. 271 p. (In Russ.)
10. Luneev V.V. Criminality of the 20th century: global, regional and Russian trends. 2 nd ed., revised. and additional. Moscow: Volters Kluver, 2005. 912 p. (In Russ.)
11. Prokhorov A.M. Soviet encyclopedic dictionary. 2nd ed. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1983. 1600 p. (In Russ.)
12. Zalikhanova L.I. Criminally-legal and criminological characteristic of excitation of national, racial and religious enmity. Dissertation... candidate of legal sciences. Rostov-n/D, 2001. 221 p. (In Russ.)
13. Nekrasov D.E. Racial-ethnic extremism: the criminological aspect. Author's abstract... candidate of legal sciences. Ryazan, 2006. 28 p. (In Russ.)
14. Alekseev A.I. Criminology: the course of lectures. Moscow: Shchit-M, 1998. 336 p. (In Russ.)
15. Mylnikov B.A. Counteraction to crimes of an extremist orientation: криминологический and criminally-legal aspects. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2005. 177 p. (In Russ.)
16. Istomin A.F., Lopatkin D.A. To the question of extremism. *Modern law*, Moscow: New Index Publ., 2005, no. 7, pp. 19—24. (In Russ.)
17. On Judicial Practice in Criminal Cases on Crimes of an Extremist Direction: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28 June 2011 no. 11 (as amended on 03.11.2016). *Bulletin of the Supreme Court of Russian Federation*, 2011, no. 8. (In Russ.)
18. On the enactment of lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting: joint statement of the Prosecutor General of Russia no. 870/11, Ministry of Internal Affairs of Russia no. 1 dated December 27, 2017. The document was not published. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 19.04.2019). (In Russ.)

УДК 34
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10229

Хужин Альфир Мухатович
Alfir M. Khuzhin

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

doctor of sciences (law), associate professor, professor of the department of civil law and process
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail:alfirhuzhin@mail.ru

Шутова Альбина Александровна
Albina A. Shutova

преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

teacher of the of department of criminal and penal law
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail:Shutova1993@inbox.ru

О квалификации преступлений в отношении имущества умершего: уголовно-правовой и гражданско-правовой аспекты

About qualification of crimes in relation to the property of the dead: criminally legal and civil legal aspects

В статье рассматриваются проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений, совершаемых в отношении имущества умершего лица. В качестве дополнительной аргументации некоторых спорных проблем квалификации выступает гражданско-правовой анализ. На основе сделанных выводов уголовно-правового и гражданско-правового характера формируется унифицированный подход в квалификации преступлений в отношении имущества умершего.

Ключевые слова: квалификация преступлений, имущество умершего, хищение, надругательство, право собственности, наследование.

The article deals with the problems of criminal law qualification of crimes committed in relation to the property of the deceased person. As an additional argument, some controversial issues of qualification are civil law analysis. Based on the findings of the criminal law and civil law, a unified approach is being formed in the qualification of crimes in relation to the property of the deceased.

Keywords: qualification of crimes, the property of the deceased, theft, abuse, ownership, inheritance.

В современном мире наблюдается духовно-нравственный кризис, вызванный переоценкой общечеловеческих ценностей, а также общим снижением общекультурного уровня граждан. В связи с этим распространенным явлением стало совершение таких действий, как осквернение могил, глумление над трупом, поврежде-

ние надмогильных сооружений, хищение имущества (памятники, венки, игрушки, продукты питания и более ценные вещи), находящегося в гробу возле тела или с тела умершего.

Общественная опасность подобных безнравственных поступков велика по причине того, что указанные деяния нарушают сложив-

© Хужин А.М., Шутова А.А., 2019

шийся в обществе комплекс отношений между людьми, а также общественный порядок, выражая явное неуважение к обществу, к общепринятым нормам человеческой морали и публичной нравственности. Такое пренебрежительное отношение оскорбляет память об усопшем, чувства родственников к умершему. Помимо того, своими действиями правонарушители причиняют вред не только общественной нравственности (например, когда раскидывают венки, делают надписи на могилах), но и другим объектам, в том числе отношениям собственности. При таких обстоятельствах обоснованными кажутся вопросы верной квалификации действий виновных. Однако в доктрине и в судебной практике остается до сих пор дискуссионным вопрос уголовно-правовой оценки хищения имущества, находящегося на теле умершего, при трупе, в могиле, или из мест захоронения. По причине отсутствия единообразного подхода к юридической оценке считаем необходимым провести углубленное изучение указанной проблемы с учетом ее несомненной актуальности и последующую разработку практических рекомендаций для сотрудников правоохранительных органов.

Не обращаясь ко всем признакам хищения, указанным в примечании к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), которые уже достаточно подробно раскрыты в специальной литературе, отметим только последний из них — причинение ущерба собственнику или иному владельцу этого имущества. Смерть человека разрывает всякие правовые отношения, так как умершие субъектами правоотношений выступать не могут. Определение иных владельцев после смерти лица в рамках хищения имущества остается затруднительным по причине существования различных подходов, кардинальным образом отличающихся друг от друга.

Сторонники первой концепции придерживаются точки зрения, согласно которой хищение имущества, находящегося на теле умершего, при трупе, в могиле, или из мест захоронения необходимо квалифицировать как тайное хищение чужого имущества (ст. 158 УК РФ) или умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 167 УК РФ) в связи с тем, что объектом преступного посягательства в данном случае выступают отношения собственности [1]. Авторы полагают, что предметы, находящиеся при трупе или на трупе, являются собственностью тех лиц, которые передали вещи при погребении умершего, — чаще всего

наследников, принявших решение о захоронении указанного имущества вместе с усопшим. В связи с этим в результате хищения страдают отношения собственности, охраняемые уголовным законом. Поэтому специалисты предлагают хищение имущества с тела умершего или из могилы квалифицировать по правилам реальной совокупности преступлений, предусмотренных статьей 158 УК РФ и статьей 244 УК РФ.

Сторонники другой точки зрения полагают, что случаи изъятия имущества с трупа, из гроба или из могилы нельзя квалифицировать как тайное хищение чужого имущества по той причине, что наследники сознательно в процессе погребения отказались от этого имущества, распорядившись с ним подобным образом [2, с. 89—97].

В судебной практике подобный подход по юридической оценке действий также используется. Так, *Домашенкин В.В. вступил в преступный сговор с Голицыным А.М. на совершение повреждения и осквернения места захоронения ФИО14 с целью неправомерного завладения захороненных с трупом ценностей. Они подошли к месту захоронения ФИО14 — к склепу на кладбище, где, оскверняя место захоронения, повредили кирпичную стенку склепа, извлекли гроб, в котором находилось тело умершего ФИО14, после чего неправомерно завладели ценными предметами, захороненными вместе с трупом, — двумя кольцами из металла желтого цвета, одним серебряным кольцом, серебряной цепочкой с крестиком. С указанными ценностями Домашенкин В.В. и Голицын А.М. с места преступления скрылись, совершив своими действиями надругательство над телом умершего ФИО14 и местом его захоронения. Действия указанных лиц были квалифицированы по пункту «а» части 2 статьи 244 УК РФ* [3].

Рассмотрим второй пример, наглядным образом иллюстрирующий юридическую оценку указанных выше деяний. *Кедас В., находясь в состоянии алкогольного опьянения в дальнем секторе вторых ворот на территории Вилъюского кладбища, с целью завладения сотовым телефоном, находящимся в гробу возле тела покойного, раскопал лопатой могилу покойного, сорвал крепления основания крышки гроба, разорвал внутреннюю обшивку гроба, тем самым повредил место захоронения покойного, завладел сотовым телефоном, причинив при этом родителям покойного психические и нравственные страдания, а именно являющемуся отцом покойного. Кедас В. был признан*

виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 244 УК РФ [4].

Стоит согласиться с указанной позицией в той части, что статья 244 УК РФ направлена на охрану отношений нравственности, по этой причине указанной уголовно-правовой нормой непосредственно отношения собственности не охраняются. Объективная сторона преступления, предусмотренного статьей 244 УК РФ, состоит в надругательстве над телами умерших либо уничтожении, повреждении или осквернении мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением. Корыстные мотивы, которые преследует виновный, не охватываются составом преступления, предусмотренным статьей 244 УК РФ. По этой причине и возникают дискуссионные позиции авторов о необходимости квалификации действий по признакам тайного хищения чужого имущества.

Интересно обратиться к опыту зарубежных стран в области правовой регламентации ответственности за хищения имущества, находящегося на теле умершего, при трупе, в могиле, или из мест захоронения. В законодательстве большинства стран содержится специальный уголовно-правовой запрет на совершение подобных деяний, не относящийся к хищению и не направленный на первостепенную охрану отношений собственности. Так, в Уголовном кодексе Белоруссии [5] преступлением признается надругательство над трупом или могилой, «либо хищение предметов, находящихся в захоронении» (ст. 347). Подобный подход наблюдается и в статье 258 Уголовного кодекса Грузии, в которой содержится состав преступления, предусматривающий ответственность за хищение предметов, помещенных в захоронение или находящихся на поверхности места захоронения; в Уголовном кодексе Кыргызской Республики [6] установлен запрет надругательству над телами умерших либо уничтожению, повреждению или осквернению мест захоронения, надмогильных сооружений, а равно похищению находящихся в могиле или на могиле предметов (ст. 263). Можно заметить, что основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления выступают общественные отношения, охраняющие общественный порядок и общественную нравственность, а не интересы собственности, которые выступают в качестве дополнительного непосредственного объекта.

Для выработки унифицированного подхода необходимо обратиться в первую очередь к

нормам гражданского законодательства, регламентирующего право собственности и право наследования. К сожалению, представителям уголовно-правовой науки не всегда удается определить статус собственника, иных законных владельцев, а также тех правомочий, которые они имеют в отношении имущества умершего. Так, например, указывается, что «имущество умершего в момент его смерти и до приобретения этого имущества наследниками не находится в их собственности, и оно вообще не находится ни в чьей собственности. Не находится оно и во владении потенциальных наследников» [7, с. 32—34]. Безусловно, все это выглядит абсурдно. Получается, что имущество, которое не имеет собственника, является бесхозным, согласно статье 225 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)? Как же квалифицировать ситуации, когда происходит фактическое принятие наследства без оформления наследственных прав в отношении имущества (п. 2 ст. 1153 ГК РФ)? Да и при юридическом принятии наследства, как правило, никто не лишает потенциальных наследников правомочия владения имуществом умершего.

Право собственности над вещью носит абсолютный и универсальный характер. Сама генеральная идея наследственного правопреемства заключается в сохранении вещно-правового господства над имуществом умершего наследниками. Вся совокупность наследуемых прав и обязанностей переходит наследнику в момент открытия наследства [8, с. 351]. Другой вопрос, с какого момента, в каких случаях и в отношении какого имущества возникает у наследников права? Попробуем поэтапно разобраться в этих вопросах.

Итак, как известно, смерть является юридическим фактом, прекращающим правоспособность гражданина, а стало быть, и право собственности умершего. С момента смерти гражданина все имущество, а также имущественные права и обязанности, за некоторым исключением (неразрывно связанных с личностью наследодателя и ограниченных в обороте вещей), входят в состав наследства.

Несмотря на то, что еще с римского права, открытое, но еще не приобретенное наследство имело особое свойство *praeiudicium* (лежащего) наследства (*hereditas iacens*), на него тем не менее при отсутствии наследников распространялись правила выморочного имущества. В настоящее время порядок перехода прав в рамках наследственного правопреемства стал еще более усовершенствованным. Как извест-

но, наследование может осуществляться по завещанию и по закону. Разберем обе ситуации относительно возникновения прав в отношении имущества умершего до его принятия.

В рамках завещания наследодатель сам определяет как наследников, так и имущество (его часть), которое им будет принадлежать. Завещатель также вправе сделать распоряжения в отношении наследников, принимающих наследство, в том числе по организации похорон. Более того, согласно новой редакции статьи 1139 ГК РФ, вступившей в силу с 1 сентября 2018 года, завещатель может в рамках завещательного возложения указать на «действие по погребению наследодателя в соответствии с его волей» [9]. Аналогичные правила распространяются и на исполнителя завещания (душеприказчика). Поэтому, уже в самом завещании наследодатель может указать лиц (отказополучателей и душеприказчика), а также само действие (его характер, ритуал, включая вещи, которые могут преданы с умершим) в процессе погребения. В связи с этим, завещанием может быть установлено имущество, которое должно быть погребено вместе с умершим, а также указаны иные права в отношении лиц и вещей наследодателя.

При наследовании по закону принятое наследство принадлежит наследнику со дня открытия наследства вне зависимости от времени его фактического принятия и регистрации прав, если такая регистрация требуется (п. 4 ст. 1152 ГК РФ). Пункт 34 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» прямо называет таких наследников собственниками имущества независимо от времени и способа принятия наследства [10]. Данное положение уже снимает вопрос о принадлежности имущества умершего и правах на его вещи. Сам же срок для принятия наследства лишь определяет законный период времени для осуществления права для принятия наследства и установления всех наследников по закону.

В отношении предметов обычной домашней обстановки и обихода приоритетным правом, согласно статье 1169 ГК РФ, пользуется наследник, совместно проживавший на день открытия наследства. Подразумевается, что такое лицо в приоритетном порядке вправе распорядиться вещами домашнего обихода, в том числе принадлежащими умершему. Фактическое наследование также подразумевает права владения и управления наследством, защиту его от посягательств третьих лиц.

Таким образом, как при наследовании по завещанию, так и при наследовании по закону статус имущества и имущественных прав в отношении наследства умершего достаточно четко определен. Относительно рассматриваемой проблемы можно четко квалифицировать лиц, имеющих вещные права в отношении имущества умершего, а значит и потерпевших лиц в результате хищения этого имущества.

Несколько в ином ключе должна рассматриваться ситуация, когда наследники отказываются от имущества (драгоценностей, денег, предметов домашнего обихода и т. п.), путем его захоронения вместе с телом умершего. С юридической точки зрения с их стороны происходит отказ собственника от движимых вещей согласно статье 226 ГК РФ. В связи с этим действия, определенно свидетельствующие об устранении владения, пользования и распоряжения имуществом умершего без намерения сохранить какие-либо права на это имущество свидетельствуют об отказе от права собственности.

Итак, сделаем следующие выводы.

Полагаем, что если хищение имущества умершего совершается до момента захоронения, то указанные действия необходимо квалифицировать по статье 158 УК РФ по той причине, что родственники умершего еще не отказались от имущества и являются потенциальными наследниками, а также могут выступать потерпевшими в результате хищения. Так, в Астрахани эксперт экспертно-криминалистического центра при УМВД России Умаров выехал в составе следственно-оперативной группы на место происшествия, где при осмотре трупа тела мужчины им был обнаружен мобильный телефон, который он похитил. Органы предварительного расследования квалифицировали содеянное по части 1 статьи 285, части 2 статьи 158 УК РФ [11]. После захоронения умершего действия в отношении завладения имуществом, погребенного с умершим, следует квалифицировать по статье 244 УК РФ.

Возможны ситуации, когда умысел на хищение имущества возникает после совершения посягательства на жизнь человека. А.М. Хаборов после совершения убийства ФИО4 и надругательства над ее трупом тайно похитил из копилки 500 руб., а также золотое кольцо стоимостью 1408 руб., золотое кольцо стоимостью 695 руб., золотое кольцо стоимостью 1848 руб., золотые серьги стоимостью 2640 руб. с трупа ФИО4, а также сотовый телефон «Самсунг» стоимостью 1861 руб. 50 коп., принадлежащие ФИО4, после чего с похищенным

имуществом с места преступления скрылся и распорядился им по своему усмотрению, причинив значительный материальный ущерб на общую сумму 8952 руб. 50 коп. Указанные действия Хаборова А.М. были квалифицированы по пункту «в» части 2 статьи 158 УК РФ — тайное хищение чужого имущества, совершенное с причинением значительного ущерба гражданину [12]. Полагаем, что вменение подобного квалифицирующего признака кражи как причинение значительного ущерба гражданину является не оправданным по той причине, что смерть человека разрывает всякие правовые отношения, так как умершие субъектами правоотношений выступать не могут.

Примечания

1. Лопашенко Н.А. Посягательство на собственность: монография. М.: Норма. Инфра-М, 2012.
2. Калужская А.В. Квалификация надругательства над телами умерших и местами их захоронения, сопряженного с тайным хищением, а также умышленным уничтожением или повреждением чужого имущества: проблемы и пути их решения // Вестник Московского университета МВД России. 2017. (4). С. 89—97.
3. URL: <https://rospravosudie.com/court-petushinskij-rajonnyj-sud-vladimirskaya-oblast-s/act-105040965/> (дата обращения: 29.01.2019).
4. URL: <https://rospravosudie.com/court-yakutskij-gorodskoj-sud-respublika-saxa-yakutiya-s/act-495767834/> (дата обращения: 29.01.2019).
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З (с изм. и доп. по сост. на 18.07.2017). Включен в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь 14 июля 1999 года, № 76, 2/50. URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 29.01.2019).
6. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года № 68 (с изм. и доп. по сост. на 02.08.2017) // «Эркинтоо» от 24 октября 1997 года № 96-99; «Слово Кыргызстана» от 14 октября 1997 года № 78.
7. Миллеров Е.В. О проблемах квалификации хищения предметов, находящихся при теле умершего // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2012. № 4 (11). С. 32—34.
8. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. М.В. Карпычева, А.М. Хужина. М., 2018. 560 с.
9. О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31, ч. 1, ст. 4808.
10. О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда Рос-

сийской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

11. URL: <https://regnum.ru/news/1586243.html> (дата обращения: 05.02.2019).

12. URL: <https://rospravosudie.com/court-kalininskij-rajonnyj-sud-g-tyumeni-tyumenskaya-oblast-s/act-103382208/> (дата обращения: 05.02.2019).

References

1. Lopashenko N.A. Infringement of property: monograph. Moscow: Norma. Infra-M Publ., 2012. (In Russ.)
2. Kaluzhskaya A.V. Qualification of abuse of bodies of the dead and places of their burial, involving secret theft, as well as intentional destruction or damage to other people's property: problems and solutions. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, (4), pp. 89—97. (In Russ.)
3. URL: <https://rospravosudie.com/court-petushinskij-rajonnyj-sud-vladimirskaya-oblast-s/act-105040965/> (accessed 29.01.2019). (In Russ.)
4. URL: <https://rospravosudie.com/court-yakutskij-gorodskoj-sud-respublika-saxa-yakutiya-s/act-495767834/> (accessed 29.01.2019). (In Russ.)
5. Criminal code of the Republic of Belarus no. 275-Z of 9 July 1999 (with changes and additions for status. on 18.07.2017). Included in the national register of legal acts of the Republic of Belarus on 14 July 1999, no. 76, 2/50. URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (accessed 29.01.2019). (In Russ.)
6. Criminal code of the Kyrgyz Republic of 1 October 1997 No. 68 (C izm. and additional for status. on 02.08.2017). *Erkinotoo*, 1997, October 24, no. 96—99; *Word of Kyrgyzstan*, 1997, October 14, no. 78.
7. Millerov E.V. On the problems of qualification of theft of objects in the body of the deceased. *Vector of science TSU. Series: Legal Sciences*, 2012, no. 4 (11), pp. 32—34. (In Russ.)
8. Civil law: the textbook: in 2 vol. Vol. 2 / under the general ed. of M.V. Karpychev, A.M. Huzhin. Moscow, 2018. 560 p. (In Russ.)
9. About modification of part one, the second and the third of the Civil code of the Russian Federation: the Federal law of July 29, 2017 no. 259-FZ (ed. of 23.05.2018). *Collection of legislative acts of the RF*, 2017, no. 31, part 1, art. 4808. (In Russ.)
10. About judicial practice on cases of inheritance: the resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2012 no. 9. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2012, no. 7. (In Russ.)
11. URL: <https://regnum.ru/news/1586243.html> (accessed 05.02.2019). (In Russ.)
12. URL: <https://rospravosudie.com/court-kalininskij-rajonnyj-sud-g-tyumeni-tyumenskaya-oblast-s/act-103382208/> (accessed 05.02.2019). (In Russ.)

УДК 342

DOI 10.24411/2078-5356-2019-10230

Чеботарев Владислав Стефанович
Vladislav S. Chebotarev

доктор экономических наук, профессор, начальник кафедры экономики и экономической безопасности

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

doctor of sciences (economics), professor, head of the department of economy and economic safety
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: vschebotarev@rambler.ru

Ионов Владимир Алексеевич
Vladimir A. Ionov

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экономики и экономической безопасности
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (law), associate professor, associate professor of the department of economy and economic safety

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: ionovva@mail.ru

Правовое регулирование повышения эффективности государственного управления как основного фактора в осуществлении прорывного научно-технологического и социально-экономического развития России

Statutory regulation pertaining to the increase in the efficiency of public administration as the main factor in the implementation of the breakthrough scientific, technological and socio-economic development of Russia

Статья посвящена решению актуальной задачи — повышению эффективности государственного управления на всех уровнях власти. Эффективная модель государственного управления должна соответствовать современным реалиям, а значит, быть способной к решению задач, стоящих перед российским обществом. В статье обосновывается значимость открытого диалога населения с представителями органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также предложенных авторами изменений в законодательство, которые положительно скажутся на достижении национальных целей и стратегических задач развития России на период до 2024 года.

Ключевые слова: государственное управление, эффективность, ответственность, открытость, показатели оценки, прямой диалог, прорывное развитие, национальные проекты.

The article is dedicated to the solution of the urgent task — the increase in the efficiency of public administration at all levels of governance. The effective model of public administration should accord with modern realities, and therefore should be usable as a tool for tackling challenges which the society in Russian is facing. The article substantiates the necessity for an open dialogue between the public and the officials of Executive Authorities of the entities of the Russian Federation. Similarly it is affirmed that legislative amendments suggested by the author will have a positive impact on the achievement of national goals and strategic development objectives of the Russian Federation for the period until 2024.

Keywords: public administration, efficiency, accountability, openness, indicators for evaluation, direct dialogue, breakthrough development, national projects.

© Чеботарев В.С., Ионов В.А., 2019

Эффективное государственное управление на всех уровнях власти является одним из наиболее значимых составляющих в стабильном развитии государства и должно быть в первую очередь направлено на решение как внешних, так и внутренних проблем. Важнейшим направлением государственного регулирования является социально-экономическая сфера. Прежде всего государственная власть должна быть нацелена на решение проблем в сфере повышения уровня жизни всего общества в целом. В статье 7 Конституции Российской Федерации [1] закреплено, что политика государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, то есть в Основном законе государства определена одна из базовых ценностей — государство для граждан.

Государственное регулирование в социально-экономической сфере должно соответствовать общественным запросам, а значит, должно быть построено на отношении доверия, открытости и взаимопонимания между государственными органами власти, обществом и гражданами.

На современном этапе эффективное использование государственных ресурсов в сфере достижения национальных целей развития России — это вопрос политической стабильности. Важно подчеркнуть, что социально-политическая реальность, характеризующаяся усилением нестабильности и непредсказуемости, определяет необходимость повышения уровня государственного управления. Способность на всех уровнях власти результативно решать все многообразие вызовов и угроз и является сегодня фундаментом политической стабильности России. В Послании Федеральному Собранию от 1 марта 2018 года В.В. Путин обозначил важность повышения прозрачности государственного управления.

В Указе Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [2] в числе основных вызовов и угроз экономической безопасности названо «недостаточно эффективное государственное управление». Важно подчеркнуть, что государственное управление является непрерывным процессом и должно соответствовать современным реалиям, а значит, в пер-

Так как всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага.

Аристотель

вую очередь работа должна строиться на таких принципах, как открытость, адаптивность, оперативность, то есть на способности к совершенствованию, возможности своевременно решать задачи независимо от изменяющихся факторов внешней и внутренней среды.

Председатель комитета Госдумы по бюджету и налогам А. Макаров в рамках программы Санкт-Петербургского международного экономического форума в мае 2018 года озвучил, что в России две беды: абсолютная неэффективность и абсолютная безответственность. По его мнению, это потому что в стране никто не отвечает за результаты, которые должны быть достигнуты. На наш взгляд, данная позиция заслуживает особого внимания.

Приведем лишь один пример, подтверждающий данную «резкую» позицию. Одним из государственных инструментов создания благоприятных условий для развития предпринимательских инициатив является федеральная финансовая программа поддержки малого и среднего предпринимательства (далее — МСП), реализуемая Минэкономразвития России с 2005 года. Финансирование программы и количество регионов — получателей средств представлены в следующем виде (рис. 1 и 2).

Рис. 1. Финансирование программы в 2005—2018 гг. (млрд рублей)

Ежегодно только Минэкономразвития России выделяет значительные объемы финансовых ресурсов на поддержку МСП, а в 2016 году руководитель Счетной палаты Российской Федерации (далее — СП РФ) Т. Голикова в докладе Президенту Российской Федерации сообщила, что объем господдержки МСП в России составил 346 млрд рублей [3].

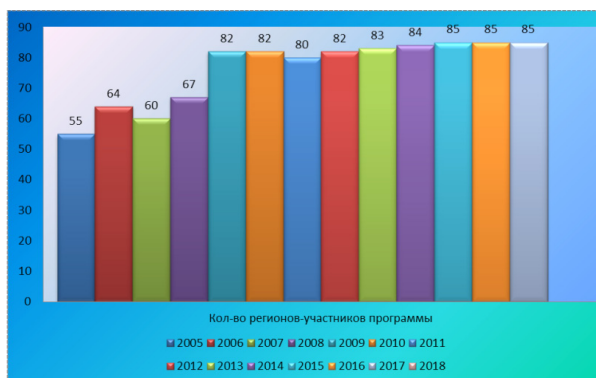

Рис. 2. Количество регионов — участников программы

Приведем несколько фактов, показывающих проблемы в данной сфере:

— Коллегия СП РФ представила результаты экспертно-аналитического мероприятия «Анализ эффективности мер поддержки МСП в рамках реализации Плана действий Правительства Российской Федерации, направленных на обеспечение стабильного социально-экономического развития Российской Федерации в 2016 году». В программе приняли участие 85 регионов. Финансовая поддержка была оказана в 2015 году — 4% от общей численности субъектов МСП, в 2016 году — порядка 1% [4]. За 2010—2016 годы количество занятого населения у субъектов МСП сократилось на 3,2 млн рабочих мест, или на 17%;

— в отчете СП РФ о результатах контрольного мероприятия «Проверка порядка предоставления и эффективности использования в 2013—2016 годах субсидий субъектам Российской Федерации на создание и развитие инфраструктуры поддержки субъектов МСП, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность» был сделан вывод: «механизм господдержки экспортно-ориентированных МСП неэффективен» [5].

О какой эффективности можно вести речь, если более 12 лет значительные бюджетные средства вливаются на становление и развитие ключевого сектора экономики, а средства не доходят до предпринимателей (особенно в кризисный период).

Продолжим рассмотрение актуальных проблем государственного управления. В соответствии со статьей 3 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [6] государственное управление — это деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономи-

ческого развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Если государственное управление строится на принципе гласности, то, на наш взгляд, одним из факторов обеспечения данного важнейшего принципа является обеспечение возможности непосредственного общения граждан, представителей общественных организаций, предпринимателей с представителями органов власти. Если государственное управление — это открытая управленческая система, то необходимо создать инструменты обратных связей с представителями гражданского общества. Важно на законодательном уровне определить открытый тип взаимодействия государства и граждан, предоставить реальную возможность общения с избранными населением руководителями регионов, а также другими лицами, наделенными властными полномочиями в сфере государственного управления.

Такая практика уже существует: прямой диалог Президента Российской Федерации с гражданами России. В.В. Путин отвечает на их вопросы в прямом эфире с 2001 года, и, по его мнению, такой диалог с россиянами — наиболее эффективный формат общения, так как позволяет определить проблемы, волнующие граждан, и своевременно устранить их. Получение актуальной информации о том, что в данный момент времени волнует и интересует общество, является стратегическим ресурсом, позволяющим принять необходимые решения (в том числе при сглаживании социальной напряженности, конфликтах, недоверии к органам власти на местах и других проблемах).

Следует уходить от сложившейся практики, когда непосредственно президент влияет на решение проблемной ситуации в удаленных регионах, например невыплата заработной платы на отдельных предприятиях и даже стратегических объектах (если данная ситуация доходит до критического уровня). Почему должностные лица, на местах наделенные полномочиями по решению таких проблем, не выполняют свои обязанности? В 2018 году в прямом эфире, отвечая на вопросы граждан, Президент Российской Федерации задавал вопросы и губернаторам, если нарушались права граждан (например, права многодетных семей).

Важно именно сейчас законодательно закрепить обязанность руководителей субъектов Российской Федерации два раза в год осуществлять прямую линию с населением региона.

Обратимся к Указу Президента Российской Федерации от 14 ноября 2017 года № 548

«Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [7] (далее — Указ об эффективности деятельности ОИВ». В перечне из 24 показателей для оценки эффективности определена: оценка населением деятельности ОИВ субъекта Российской Федерации.

На наш взгляд, в целях реализации вышеприведенного Указа регулярные встречи руководителей регионов с населением, представителями общественных организаций, предпринимателями позволят в рамках прямого диалога оперативно решать сложившиеся проблемные ситуации. Следует обеспечить прямой диалог населения с руководителями регионов, но обязательно в каждом случае необходимо присутствие представителей всех ключевых министерств и ведомств субъекта Российской Федерации, а также представителей МВД, Прокуратуры, Следственного комитета, Контрольно-счетной палаты, Роспотребнадзора и другого, что позволит наиболее значимые (проблемные) вопросы оперативно решать должностным лицам, в обязанности которых они находятся.

Выявление фактов (обязательно подтвержденных) неисполнения возложенных обязанностей на должностных лиц должно автоматически вести к предупреждению о неполном служебном соответствии либо к привлечению к ответственности в соответствии с законодательством. Важно обеспечить обязательное принятие прокуратурой к рассмотрению выявленных фактов, и тогда проблемы неэффективности, безответственности, исполнительской дисциплины при выполнении указов и постановлений, по нашему мнению, в большей степени будут решены.

Формат прямого общения руководителей субъектов с населением позволит своевременно получать значимую информацию, что даст возможность оперативно выполнять поставленные Президентом Российской Федерации задачи, а правоохранительным органам — своевременно реагировать на нарушения прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [8] (далее — Указ Президента РФ № 204) определены национальные цели на период до 2024 года. Органам государственной власти субъектов Российской Федерации также поставлена задача совместно с Прави-

тельством Российской Федерации разработать и представить до 1 октября 2018 года национальные проекты (программы) по следующим направлениям (см. табл.).

Таблица

Национальные проекты (программы)

№ п/п	национальные проекты (программы)
1.	демография
2.	здравоохранение
3.	образование
4.	жилье и городская среда
5.	экология
6.	безопасные и качественные автомобильные дороги
7.	производительность труда и поддержка занятости
8.	наука
9.	цифровая экономика
10.	культура
11.	малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы
12.	международная кооперация и экспорт

Полагаем, что следует внести изменения в Указ об эффективности деятельности ОИВ, так как данные показатели необходимо привести в соответствие с национальными проектами (программами), закрепленными в Указе Президента Российской Федерации № 204.

Конечно же, представители власти осуществляют встречи с населением, но необходимо развивать новый формат открытости государственного управления, основанный на открытом диалоге с обществом представителей всех уровней государственной власти, что, на наш взгляд, благоприятно скажется на достижении масштабных задач, стоящих перед страной, в том числе и в социально-экономическом развитии России.

Предлагаемые изменения позволяют:

- оптимизировать процесс получения информации и, как следствие, качество принимаемых решений, эффективность их реализации;
- повысить доверие населения к государственным институтам;
- повысить ответственность и дисциплину представителей государственного аппарата.

Эффективное государственное управление позволит совершить настоящий рывок в повышении качества жизни людей, в модернизации экономики, инфраструктуры, а также осуществить прорывное (эффективное) развитию России.

В заключение приведем мнение Д. Валдо — автора ряда работ, посвященных поведенческой модели государственного управления: классическая система бюрократического

властвования — это болото из неэффективности, коррупции и покровительства. Важно, чтобы вышеприведенные характеристики ни в коей мере невозможно было бы отнести к государственному управлению в современной России на всех уровнях власти.

Примечания

1. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 года всенародным голосованием // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Российская газета. 2017. 15 мая.
3. Петров В. Глава Счетной палаты обсудила с президентом господдержку малого бизнеса // Российская газета. 2016. 15 июля.
4. URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/video/28493#30152 (дата обращения: 12.03.2018).
5. URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/28483 (дата обращения: 12.03.2018).
6. Российская газета. 2014. 3 июля.

7. Собрание законодательства РФ. 2017. № 47, ст. 6963.

8. Российская газета. 2018. 9 мая.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted on December 12, 1993 by the popular vote. *Rossiyskaya gazeta*, 1993, December 25. (In Russ.)
2. *Rossiyskaya gazeta*, 2017, May 15. (In Russ.)
3. Petrov V. Head of the Auditing Chamber discussed issues with the President state aid to small businesses. *Rossiyskaya gazeta*, 2016, July 15. (In Russ.)
4. URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/video/28493#30152 (accessed 12.03.2018). (In Russ.)
5. URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/28483 (accessed 12.03.2018). (In Russ.)
6. *Rossiyskaya gazeta*, 2014, July 3. (In Russ.)
7. *Collection of legislative acts of the RF*, 2017, no. 47, art. 6963. (In Russ.)
8. *Rossiyskaya gazeta*, 2018, May 9. (In Russ.)

УДК 340
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10231

Черных Евгения Евгеньевна
Evgenya E. Chernykh

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника по научной работе
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (law), associate professor, deputy head for scientific research
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: ewg.cherniykh84@yandex.ru

Васильев Павел Вячеславович
Pavel V. Vasiliev

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (law), deputy chief of the department of theory and history of state and law
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: vapv22031979@yandex.ru

**Инновационная модель проведения юридических
научно-представительских мероприятий:
критерии результативности и эффективности**

**Innovative model of legal research and representation activities:
criteria of effectiveness and efficiency**

В статье авторы критически оценивают существующую практику организации и проведения юридических научно-представительских мероприятий. Указанная критика осуществляется с позиции отсутствия научно обоснованных юридических критериев для оценки результатов юридических научно-представительских мероприятий. Авторы предлагают инновационную модель проведения юридических научно-представительских мероприятий. Данная модель основана на системе критериев результативности и эффективности. Она позволяет развивать юридическую науку по пути решения научных и практических проблем.

Ключевые слова: юридическая наука, юридические научно-представительские мероприятия, научная проблема, юридические критерии, результативность, эффективность.

In the article the authors criticize the existing practice of organizing and conducting legal research and representational events. This criticism is carried out from the position of the absence of scientifically based legal criteria for assessing the results of legal research and representation activities. The authors propose an innovative model of legal research and representational events. This model is based on a system of performance and efficiency criteria. It allows you to develop legal science on the way to solving scientific and practical problems.

Keywords: legal science, legal research and representation events, scientific problem, legal criteria, effectiveness, efficiency.

Всемирную известность приобрел XXII Петербургский международный экономический форум, проведенный с 24 по 26 мая 2018 года

под патронатом Президента Российской Федерации. Всего форум собрал на своей площадке более 14 тысяч участников из 143 стран мира.

© Черных Е.Е., Васильев П.В., 2019

Среди них главы 700 компаний из России и 400 иностранных компаний. На форуме было подписано 475 инвестиционных соглашений, меморандумов и соглашений о намерениях на общую сумму 1817,9 млрд рублей (не считая соглашений, сумма которых составляет коммерческую тайну) [1]. Можно привести примеры других весьма результативных и эффективных политико-экономических представительских мероприятий. Полагаем, что они должны служить образцами не только иным политическим и экономическим представительским мероприятиям, но и юридическим научно-представительским мероприятиям (далее — ЮНПМ), проводимым в формах конференций, форумов, круглых столов и др.

В социокультурном институте юридической науки сегодня нет ничего по указанным критериям подобного XXII Петербургскому международному экономическому форуму. Это связано с тем, что ЮНПМ часто не обеспечивают получение решений реальных практических и доктринальных проблем.

Результатом XXII Петербургского международного экономического форума стали концептуализированные политические позиции государств и многомиллиардные контракты. ЮНПМ вряд ли станут основой для получения результатов, измеряемых в денежном эквиваленте. Отдельные исключения могут выражаться в договорах о совместном научном творчестве. Однако такие договоренности в настоящее время не получают юридического оформления в силу их межличностного характера и регулируются неюридическими нормами.

Низкие научные результаты ЮНПМ часто обусловлены тем, что участники делают доклады, не получающие надлежащего обсуждения. Это наблюдается в тех ситуациях, когда аудитория в должной степени не подготовлена к обсуждению. При этом затрачиваются ресурсы на организацию и проведение ЮНПМ, на подготовку выступлений, на опубликование сборников и т. д. Следствиями этой проблемы являются низкие официальные показатели участников ЮНПМ и его организатора по РИНЦ и другим наукометрическим системам, понижение статуса организатора в различных официальных и иных рейтингах, а также иные негативные последствия.

Проблемы неприемлемо низкой результативности ЮНПМ и эффективности затрат на их проведение во многом обусловлены отсутствием системы формализованных критериев для оценки научной составляющей

указанных мероприятий. Каждый участник социокультурного института науки субъективно оценивает ЮНПМ по таким критериям, как степень релевантности заявленной темы направлению его научных интересов, наличие/отсутствие определенного статуса мероприятия (международный, всероссийский, региональный, межрегиональный, внутриорганизационный), наличие/отсутствие каких-либо приглашаемых участников и некоторым другим. Однако в данной работе мы не рассматриваем материальные и организационные аспекты ЮНПМ, ограничиваясь оценкой лишь их научной составляющей.

Отметим, что в науке управления стало аксиомой утверждение о том, что управлять можно только количественно измеряемыми явлениями.

Полагаем, что следует разработать формализованные юридические критерии, позволяющие официально измерить научную состоятельность ЮНПМ, после чего создать схемы их организации и проведения.

Следует различать два внешне схожих, но принципиально нетождественных явления — это эффективность и результативность. Не вдаваясь в анализ понятийных дискуссий, поясним, что мы используем указанные термины в значении, определенном пунктом 3.7.10 ГОСТа Р ИСО 9000-2015 [2]. Эффективность есть отношение результата к ресурсу (efficiency), а результативность (effectiveness) — степень реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов, то есть отношение результата к поставленной цели.

Результативность ЮНПМ в настоящее время часто оценивается по критерию наличия/отсутствия сборника материалов. Полагаем, что такой сборник является существенным элементом ЮНПМ, но его нельзя признать окончательным их итогом. Однако *назначение ЮНПМ видится в их способности не столько продуцировать различные сборники, сколько предлагать реальные варианты решения научных и (или) практических проблем.* Обнаружением последних призваны заниматься ученые. Для этого существует своя методология, включающая теорию наблюдения, интервьюирования, опроса, изучения письменных источников и др. Выявленную проблему следует концептуально сформулировать в форме рассматриваемых вопросов и обобщить в виде формулировки темы. Далее организационными мерами тема и перечень рассматриваемых вопросов доводится до участников социокультурного института юридической науки, практических работников и иных

потенциально заинтересованных лиц. После этого должно осуществляться *главное* — это предложение потенциальным участникам кратко в форме основных тезисов сформулировать проблему, которую необходимо обсудить, и гипотезы ее решения. Это обязательные элементы подготовительной стадии ЮНПМ, так как без них никаких работоспособных результатов в ходе мероприятия получить не представляется возможным. *Факультативные элементы тезисов, такие как наиболее релевантные методы решения указанной проблемы, сферы общественных отношений, формы внедрения результата и другие следует предлагать указывать по возможности.* Необходимость концептуализации проблемы и гипотезы объясняется тем, что это дает потенциальным участникам возможность составить четкое представление об объекте (сфера юридической реальности), предмете (проблема) и предполагаемом автором результате (понятие, концепция, теория, практические рекомендации, иные схемы деятельности и др.) научной деятельности. Тезисы проблемы и гипотезы должны доводиться путем опубликования на официальном интернет-сайте организатора или иным способом так, чтобы имелась возможность с ними ознакомиться. Полагаем, что выпускать сборник таких тезисов на стадии подготовки ЮНПМ не следует, так как при живом общении позиции авторов могут измениться. *Цель ЮНПМ должна заключаться в комплексной концептуализации проблемы и систематизации общих и частных гипотез ее решения.* В соответствии с целью итогом должно стать внедрение предлагаемых результатов в практику. Отметим, что закономерности форм внедрения нуждаются в отдельном исследовании. В данной работе мы полагаем возможным ограничиться определением самых общих критериев результативности ЮНПМ и эффективности используемых ресурсов.

Результативность ЮНПМ представляет собой отношение получаемого результата к его цели. При этом следует определять субъективную и объективную результативность. *Результат любой научно-исследовательской деятельности — это получение нового знания о решении проблемы.* По критерию объективности/субъективности он может быть объективным или субъективным. Субъективная новизна представляет собой возникновение у исследователя понимания факта решаемости существующей научной проблемы на основе ранее отсутствующей у него информации. Объективная новизна производна от субъективной

и является возникновением у всего общества возможности решать правовые проблемы на основе ранее неопубликованной информации. Таким образом, *основной критерий для определения новизны — это степень решаемости проблемы на основе ранее отсутствующей информации.*

Далее рассмотрим возможность квантификации критериев результативности и эффективности ЮНПМ. Субъективно для каждого исследователя результативность понимается как отношение количества полученного результата к цели. Например, исследователь рассчитывает получить в результате участия в ЮНПМ две проработанные новые гипотезы решения одной проблемы. Его ожидаемая результативность будет $2/1=2$. Если ему удалось сформулировать только одну новую гипотезу, то его субъективная результативность будет равна 1. Если исследователь рассчитывал решить 4 новые проблемы, а смог только 2, то его субъективная результативность будет $2/4=0,5$.

Раздельная формализация проблем и гипотез позволит аналитически проследить субъективную результативность по проблемам и гипотезам. Далее мы получаем возможность измерить общую субъективную результативность участника ЮНПМ путем сложения имеющихся значений. При этом возможны различные сочетания данных позиций. Все зависит от постановки целей и идентификации результатов.

Теперь рассмотрим возможности исчисления эффективности ЮНПМ. Она представляет собой соотношение числа решенных на мероприятии проблем к количеству затраченного ресурса. В качестве примера возьмем количество приглашенных участников (человеческий ресурс). Таким образом, эффективным ЮНПМ по человеческому ресурсу — это арифметическое частное, полученное в результате деления числа решенных проблем на количество участников.

Критерий эффективности является вспомогательным по отношению к результативности, так как позволяет сравнивать только одноуровневые по сложности ЮНПМ. Возьмем, к примеру, две ситуации. В первом случае научная проблема решена привлечением 100 участников, а в другом — только 50. Результативность в первом и втором случае будет одинаковой и равна 1, так как результатом стало решение одной проблемы из одной запланированной. Эффективность использования человеческого ресурса, напротив, во втором случае в два раза выше. Но это в современных условиях социо-

культурного института науки мало о чем говорит. Однако эффективность можно измерять также по количеству затраченного времени, материальных средств и другим ресурсам. Но что для общества важнее, получать решение существующих проблем или подсчитать экономию? Полагаем, что первое. По этой причине результативность должна стать основным критерием для оценки ЮНПМ, а различные показатели эффективности — только вспомогательными. Тем не менее, развитие информационных технологий позволяет существенно удешевить проведение ЮНПМ посредством современного программного обеспечения и специальной организации. Так, например, в Нижегородской академии МВД России апробировано проведение ЮНПМ в режиме онлайн с использованием возможностей программного обеспечения TrueConf. Достаточно высокая стоимость последнего (порядка 500 тыс. руб.) в долгосрочном плане компенсируется отсутствием затрат на проезд и размещение участников ЮНПМ и может учитываться при бухгалтерском измерении эффективности последних как основное средство, подлежащее амортизации. При децентрализованном подходе к проведению конференции, предполагающем вовлечение большего количества участников за счет разбиения информационного пространства на тематические секции, эффективность и результативность ЮНПМ могут быть существенно повышены.

В целом методика квантификации собственно научных результатов ЮНПМ также представляется достаточно простой. Принимая во внимание субъективно-объективный характер непосредственных результатов ЮНПМ (субъективная и объективная новизна), наиболее релевантным методом видится опрос в форме анкетирования. В дальнейшем статус организатора ЮНПМ можно оценивать по индексу цитируемости, а также по корреляции данных анкетирования и индекса цитируемости. С методической точки зрения представляется оправданным регистрация и учет всех ценных в научном плане идей, высказанных участниками ЮНПМ. Основным средством для этого должен стать протокол ЮНПМ, в котором секретарь станет делать отметки в графах соответствующих научных и (или) практических проблем. Представляется весьма несложным зафиксировать высказывание по существу проблемы. Относимость последнего к обсуждаемой проблеме может определять ведущий при согласии участников ЮНПМ. Регистрация высказываний, содержащих ценные научные идеи, позволит

обосновать возникновение авторских прав на них. Таким образом, *объектами учета должны стать предлагаемые на обсуждение новые, то есть по существу ранее не заявлявшиеся проблемы и гипотезы их решения, высказывания, содержащие аргументированные коррекции проблем, новые состоятельные гипотезы их решения, состоятельные коррекции гипотез, а также факультативные научные элементы ЮНПМ.* В итоговом решении должна подводиться статистика ЮНПМ.

Однако полагаем, что в идеале следует стремиться к прослеживаемости решения реальных социальных проблем. В настоящее время это возможно только в части прикладных исследований, предполагающих измерение результатов. Таковыми по критерию эффективности являются экономия/перерасход материальных средств, выгода/убыток и др. Оценка объективной результативности теоретико-правовых ЮНПМ по решению реальных социальных проблем возможна только за период ориентировочно в 5—10 лет, так как примерно такой срок требуется для концептуализации идеи в форме проекта правового акта, его принятия и оценки изменений в правовой реальности. Таким образом, фундаментальные правовые идеи по этим критериям могут быть оценены только в очень отдаленной перспективе. Например, ценность предлагаемой модели ЮНПМ может быть исчислена только приблизительно и весьма нескоро.

Однако квантификация проблем, гипотез и фактов их решения предоставляет наукометрии уже сейчас получить определенный вектор развития. *В перспективе ЮНПМ станут оцениваться не столько по официальному статусу, количеству и научным регалиям приглашенных участников, сколько по способности решать существующие социально-правовые проблемы.*

В предлагаемой модели усматривается существенный стимулирующий потенциал. Удачно сформулированные проблемы и (или) гипотезы, а также другие ценные в научном отношении высказывания станут объектами наукометрического учета и основой научного статуса участника социокультурного института юридической науки.

Гарантирующими правовыми средствами реализации предлагаемой модели могут стать следующие. Регламент времени, отводимого на выступление, предложения и реплики, который не позволит злоупотреблять временным ресурсом. Истечение времени станет юридическим

фактом для автоматической санкции прекращения права на выражение мнения. Заявление о плагиате идеи может решаться в научном арбитраже (полагаем возможным создать такой орган в качестве третейского суда) или в суде. Неоднократное ложное обвинение в плагиате может наказываться автоматической санкцией дисквалификации на один год. Неаргументированные высказывания должны порицаться только в рамках проводимого ЮНПМ. Так, например, участник может лишаться права выступать в случае трех безосновательных выступлений. Выдвижение необдуманных проблем в самом начале реализации предлагаемой модели не должно порицаться, так как научное юридическое сообщество еще не обладает навыками постановки и решения актуальных проблем в предлагаемом формате. В дальнейшем следует вводить автоматическую дисквалификацию на нормативно установленный срок.

Таким образом, выгоды от реализации предлагаемой модели видятся в создании правового механизма для развития наукометрии и принятия соответствующих управленческих решений, ученые приобретут стимулы к решению проблем, научное юридическое мышление за счет регламентации времени станет более оптимизированным, так как будет стремиться к максимальной лаконичности, социокультурный институт юридической науки приобретет четкий вектор развития — это выявление, концептуализация и решение научных и (или) практических проблем.

Однако реализация предлагаемой модели сопряжена с трудностями двух видов: переходного периода и магистральными.

Трудности переходного периода будут представлены тем, что далеко не все участники захотят принять новый порядок. Очень многие станут опасаться за свой статус в социокультурном институте юридической науки. Это неизбежно повлечет сопротивление с их стороны. Несложно понять, что наличие/отсутствие имеющихся научных регалий (ученая степень, ученое звание, почетные звания и должности и др.) станет при реализации предлагаемой модели ЮНПМ только вспомогательным критерием. Далеко не все смогут принять это без психического дискомфорта. Последний также станет наблюдаться у участников ЮНПМ, привыкших пространно мыслить и много говорить. Им тяжело будет перестроиться на сообщение информации кратко и по существу проблемы. Однако в перспективе предлагаемая модель позволит гарантированно развиваться талантливой молодежи, так как на

основе предлагаемых критериев будет создан механизм правового регулирования отношений, в которых будет осуществляться генерация прогрессивных научных юридических идей. Это станет мотивационной основой для развития научного методологического знания, позволяющего результативно выявлять и решать реально существующие проблемы.

Кроме того, система материальной и организационной поддержки социокультурного института юридической науки приобретет четкий вектор развития. Финансироваться станут не сами ЮНПМ, а решение научных и (или) прикладных проблем, то есть ресурсы станут выделяться для получения конкретного результата.

Магистральные трудности усматриваются в следующем. Реализация предлагаемой модели потребует серьезных финансовых вложений, так как авторы действительно стоящих идей захотят пропорциональных материальных выгод. Увеличится вероятность коммерциализации науки — идеи могут стать товаром. Сейчас это наблюдается в латентных формах и потому относительно приемлемо. Если за высказанные ценные идеи будут платить или как-то поощрять, то сами идеи станут товаром. Это может приобрести формы скрытого паразитизма — в ЮНПМ станут участвовать с чужими идеями. Также в числе негативных явлений будет наблюдаться регистрация непродуманных идей. Полагаем, что лучше зарегистрировать десять непродуманных, чем пропустить одну ценную.

Однако полагаем, что выгоды от реализации предлагаемой модели существенно преобладают над трудностями. К числу выгод также представляется возможным отнести четкое разделение труда между менеджерами науки (управленцами) и учеными. Участники ЮНПМ не будут «отсиживать» время, а станут стремиться генерировать новые идеи. Авторам не придется платить за свои публикации, а действительно стоящие идеи вновь обретут ценность. Юридическая наука станет привлекательным «социальным лифтом» для действительно талантливых исследователей. В перспективе реализация предлагаемой модели за счет оптимизации использования всех видов ресурсов позволит обеспечить их экономию и выгоду в денежном эквиваленте.

Конкретной формой реализации предлагаемой концепции должен стать регламент ЮНПМ, принятый локальным нормативным актом организатора.

Таким образом, несмотря на достаточно существенные трудности реализации представ-

ленной модели, ее состоятельность обеспечивается выгодами для отдельных талантливых исследователей, социокультурного института юридической науки и всего общества в целом.

Примечания

1. Васильева Ю. Создавая экономику доверия // Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/05/23/reg-szfo/v-sankt-peterburge-nachal-rabotu-xxii-mezhdunarodnyj-ekonomicheskij-forum.html> (дата обращения: 26.09.2018).

2. Об утверждении национального стандарта: приказ Росстандарта от 28 сентября 2015 г. № 1390-ст.

Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.09.2018).

References

1. Vasilyeva Yu. Creating an economy of trust. *Rossiyskaya gazeta*. URL: <https://rg.ru/2018/05/23/reg-szfo/v-sankt-peterburge-nachal-rabotu-xxii-mezhdunarodnyj-ekonomicheskij-forum.html> (accessed 26.09.2018). (In Russ.)

2. On the approval of the national standard: the order of Rosstandart of September 28, 2015, no. 1390-st. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 26.09.2018). (In Russ.)

УДК 343.1
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10232

Шарифзода Файзали Рахмонали
Fayzali R. Sharifzoda

кандидат юридических наук, доцент, начальник
Академия МВД Республики Таджикистан (734012, Республика Таджикистан, Душанбе,
ул. М. Мاستонгулова, 3)

candidate of law, associate professor, head
Academy of the Ministry of internal affairs of the Republic of Tajikistan (3 M. Mastongulova st., Du-
shanbe, Republic of Tajikistan, 734012)

E-mail: faizali_74@mail.ru

Роль оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел в обеспечении национальной безопасности Республики Таджикистан

The role of operational-search activity of the internal Affairs bodies in ensuring national security of the Republic of Tajikistan

В статье рассматривается роль оперативно-разыскной деятельности в обеспечении национальной безопасности. Указаны основные направления и задачи, которые обеспечивают национальную безопасность, также перечислены некоторые аспекты, которые служат для обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, национальная безопасность, оперативно-разыскные мероприятия, организованные преступные группы, конфиденциальность.

The article considers the role of investigative activities in ensuring national security. Its main directions and tasks which provide national security are specified. Also listed are some aspects that serve to ensure national security.

Keywords: operational-search activity, national security, operational-search activities, organized criminal groups, confidentiality.

Сфера национальной безопасности представляет собой социально-политическое пространство, заключающее в себе фундаментальные основы общественного бытия Республики Таджикистан. Обеспечение состояния безопасности личности и упорядоченности социальной среды проживания является основной социально обусловленной функцией государства потому, что общество, социальные регуляторы и государственные институты образуются и существуют в силу потребностей защиты гражданина от возникающих угроз как необходимого условия сохранения мира и стабильности, сплочения нации, свободы и независимости, развития экономики Таджикистана и повышения на этой основе уровня жизни населения. В Послании Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона

Маджлиси Оли подчеркнуто, что «...свобода и независимость являются для нас величайшим завоеванием и священной национальной идеей, несмотря на имеющиеся проблемы, мы и в дальнейшем будем направлять все свои стремления и усилия на их защиту, прочность и устойчивость, будем беречь и защищать это великое достояние нашей нации, словно зеницу ока» [1].

В современных условиях возможными очагами напряженности и конфронтации могут быть: стимулирование сепаратистских вооруженных конфликтов с доведением их до всеобщего кризиса и распада государства; социально-политический раскол общества, ценностной системы; резкая активизация различных форм и методов информационного воздействия, массовых панических настроений, полная деморализация ключевых институтов государственности [2,

© Шарифзода Ф.Р., 2019

с. 151]. Поэтому специального регулирования в интересах защиты от угроз и опасностей требуют не все явления и процессы, характеризующие конкретную совокупность отношений, а те из них, которые определяют жизненную основу развития таджикского общества и его граждан.

Таджикское государство путем целенаправленной деятельности государственных общественных институтов и граждан страны в соответствии со своей Конституцией, конституционными законами и другими законодательными актами осуществляет регулирование политической, экономической и социальной безопасности объектов национальной безопасности [3]. И тем не менее реальность обеспечения национальной безопасности во многом зависит от критического анализа устоявшихся в юриспруденции и правоохранительной практике стереотипов в теоретическом осмыслении ее концептуальных положений, тактики, форм и методов практической реализации в современных условиях. Это тем более важно, когда реальным «узким местом» является система правоприменения, институциональное и функциональное построение прежде всего правоохранительных органов. Интенсивно изменяющаяся геополитическая, геоэкономическая и технологическая картина современного мира ставит перед нашим государством задачу превентивного и устойчивого экономического развития и принятия мер по обеспечению национальной безопасности [4].

Своевременное обнаружение различных по степени вызовов, то есть совокупности проблем, рисков, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов и реагирования на них со стороны системы обеспечения национальной безопасности, имеют первостепенную важность в практической деятельности по защите жизненно важных интересов личности, общества и государства в целом. Поэтому в современных условиях наиболее емкие источники роста эффективности государственных органов состоят в первую очередь в использовании собственного потенциала, поиске и реализации внутренних ресурсов, инновационной работы, использования новых информационно-коммуникационных технологий.

Одной из эффективных мер противодействия внутренним угрозам национальной безопасности является вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов,

уполномоченных на то Законом Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» [5], в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий. Можно согласиться с мнением, что деятельность оперативных подразделений правоохранительных органов является наиболее приоритетной, поскольку именно от них в первую очередь зависят выявление и раскрытие совершенных преступлений [6, с. 85]. Цель такой деятельности — защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, всех форм собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Право осуществлять оперативно-розыскную деятельность на территории Республики Таджикистан предоставляется оперативным подразделениям органов внутренних дел; органов национальной безопасности; органов обороны; органов юстиции; органов по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией; органов по контролю за наркотиками; Национальной гвардии; таможенных органов.

Особое место среди элементов системы обеспечения национальной безопасности занимают органы внутренних дел (далее — ОВД) и ее составная часть — милиция как государственный правоохранительный орган исполнительной власти Республики Таджикистан и одно из основных звеньев в правоохранительной системе. Органы Министерства внутренних дел Республики Таджикистан (далее — МВД Таджикистана), являясь важнейшим элементом сил обеспечения национальной безопасности, в процессе повседневной кропотливой работы оказывают непосредственное влияние на факторы, способствующие реализации национальных интересов фактически во всех сферах жизнедеятельности общества Таджикистана, ибо они наряду с другими правоохранительными органами и военными структурами играют ключевую роль в защите высших ценностей государственности, обеспечении безопасности государства и общества, то есть верховенства закона [7, с. 20].

Наиболее критичные риски, угрозы национальной безопасности Таджикистана носят внутренний характер и в большей или меньшей степени связаны с особенностями функционирования социально-экономической и политической сфер, которые таят в себе внутренние противоречия, являющиеся источником социальных конфликтов и возможных кризисных ситуаций. Социально одобряемая деятельность

сотрудников таджикской милиции позволяет в необходимой мере сохранять приемлемый уровень общественной безопасности. Однако преступность, будучи системным, самовоспроизводящимся явлением, очень быстро приспосабливается к применяемым формам социального контроля, снижает его эффективность и опережает его реализацию. Отсюда вытекает вывод о необходимости приведения органов внутренних дел и всех системных свойств МВД Таджикистана в соответствие с обновлением модели построения государственных органов исполнительной власти и национальным законодательством, рационализации организационных структур органов управления, оптимизации распределения ресурсов с учетом вызовов и угроз национальной безопасности.

В структуре таджикской милиции имеются подразделения уголовного розыска, по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, собственной безопасности, информационного центра, технических мероприятий и оперативно-поисковые подразделения, которым дано право проводить специальные, основанные на принципах конспирации, разведывательные мероприятия, связанные с использованием оперативно-тактических средств, с целью получения сведений о готовящемся, совершенном преступлении, лице, его совершившем, которые могут послужить источником доказательств. Эти подразделения осуществляют оперативно-разыскную деятельность по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений общеуголовной и экономической направленности, в том числе носящих межрегиональный, транснациональный характер, вызвавших большой общественный резонанс, противодействию организованной преступности, терроризму, националистическому и религиозному экстремизму, сепаратизму. К ним относятся убийства представителей исполнительной, законодательной и судебной власти; преступления против личности, против половой неприкосновенности и половой свободы; тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, выявление и пресечение деятельности преступных сообществ (преступных организаций), организованных групп, направленных на подрыв экономических интересов государства, в том числе сформированных по этническому принципу, носящих транснациональный и межрегиональный характер; выявление, пресече-

ние и раскрытие преступлений, связанных с бандитизмом, похищением людей, незаконным лишением свободы и торговлей людьми, иными преступлениями.

При осуществлении оперативно-разыскной деятельности, которая в определенных случаях ограничивает конституционные права человека и гражданина на неприкосновенность личной жизни, личной и семейной тайны, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, в соответствии с принятым Законом Республики Таджикистан «Об оперативно-разыскной деятельности» комплекс оперативно-разыскных мероприятий проводится по мотивированному постановлению, утвержденному одним из руководителей органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, и ходатайству уполномоченного прокурора на основании судебного решения уполномоченного на то судьи. В их число входят: оперативный опрос, наведение справок, оперативный сбор образцов для сравнительного исследования, личный сыск, оперативная проверочная закупка, оперативное исследование предметов, документов и иных объектов, оперативное наблюдение, оперативное отождествление личности и иных объектов, оперативное обследование жилища, помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, оперативный контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание и запись телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, оперативное внедрение, контролируемая поставка, оперативный эксперимент, получение компьютерной информации, образование юридического лица [5].

Основаниями для проведения оперативно-разыскных мероприятий в рамках возбужденного уголовного дела являются поручения органа дознания, следователя, прокурора или определения суда (судьи). Основаниями также становятся ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, а также о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу общественной государственной, военной, экономической, информационной или

экологической безопасности Республики Таджикистан; о лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от отбывания уголовного наказания; лицах, без вести пропавших, и об обнаружении неопознанных трупов. В группу оснований входят запросы других органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность; постановление о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц, осуществляемых уполномоченными на то государственными органами в соответствии с законодательством Республики Таджикистан; запросы правоохранительных органов иностранных государств или международных правоохранительных организаций в соответствии с международными договорами. В ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий используются видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка, а также другие технические средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде. При этом информация об используемых или использованных при проведении оперативно-разыскных мероприятий силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-разыскной деятельности, о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, а также об организации и о тактике проведения оперативно-разыскных мероприятий составляет охраняемую законом государственную тайну [8].

Вся оперативно-разыскная деятельность основывается на принципах законности, гуманизма, равенства перед законом, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств.

Соблюдение провозглашенных прав и свобод обеспечиваются:

— деятельностью субъектов оперативно-разыскной деятельности в строгом соответствии с требованиями оперативно-разыскного законодательства, касающимися прав и обязанностей всех участников общественных отношений в данной сфере (объектов проводимых оперативно-разыскных мероприятий, связей проверяемых и разрабатываемых лиц, лиц, содействующих оперативно-разыскным органам и сотрудничающих с ними на конфиденциальной основе, представителей общественности и др.) [9, с. 6];

— судебным контролем и прокурорским надзором за законностью и обоснованностью проведения оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, иных действий оперативно-разыскных органов и их должностных лиц [10].

Результаты, полученные в ходе оперативно-разыскной деятельности, могут быть использованы при подготовке и осуществлении следственных и судебных действий, проведении оперативно-разыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от отбывания наказания, без вести пропавших, и установлению имущества, подлежащего конфискации.

Исходя из многих фактов, следователям и дознавателям (оперативным работникам) как в России, так и в Таджикистане целесообразно выдвигать и разрабатывать версии о том, что существуют преступные группы, которые умышленно заранее планируют свои действия по убийству тех или иных лиц например, приехавших по разным причинам в Россию (работать, учиться, на лечение, в гости, в командировку и т. п.). Цель таких преступных групп (зачастую эти группы состоят из ранее судимых как в Таджикистане, так и в России) — отомстить своим обидчикам или их родственникам. Эти так называемые «преступные мстители» могут совершать убийства из-за причин, возникших в Таджикистане до отбытия ими уголовного наказания и после отбытия наказания, которые выехали в Россию, но злоба у которых осталась на свидетелей (по уголовным делам в отношении «преступных мстителей»), потерпевших, милиционеров, судей, прокуроров и их родственников. Также не надо исключать версию о том, что среди «преступных мстителей» имеются лица, которые ранее состояли в «группах скинхедов» и продолжают мстить лицам другой национальности, культуры приехавшим из стран СНГ. Места где «преступные мстители» совершают свои злодеяния, являются например, леса Подмосковья, железные дороги, московская кольцевая автомобильная дорога (далее — МКАД), стройки, то есть где имеются благоприятные условия к тому, чтобы инсценировать несчастный случай.

Так, например, сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации в 2017 году и в первом полугодии 2018 года на территории

России задержано (установлено местонахождение) 178 обвиняемых, разыскиваемых органами внутренних дел Республики Таджикистан. Из них в отношении 34 лиц розыск инициатором был прекращен. В свою очередь МВД Таджикистана за аналогичный период задержано (установлено местонахождение) 287 лиц, разыскиваемых органами внутренних дел Российской Федерации, установлено местонахождение 13 лиц, без вести пропавших [11].

В то же время согласно Закону Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» гражданин, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, то есть в отношении которого в возбуждении уголовного дела отказано либо уголовное дело прекращено в связи с отсутствием события или состава преступления и которое располагает фактами проведения в отношении его оперативно-разыскных мероприятий и полагает, что были нарушены его права, вправе истребовать от органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, сведения о полученной о нем информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственных секретов. При отказе в предоставлении запрошенных сведений или если гражданин полагает, что сведения получены не в полном объеме, он вправе обжаловать это в установленном законом порядке в вышестоящий орган, осуществляющий оперативно-разыскную деятельность, прокурору, в суд (судье).

Прямое или косвенное склонение лица к совершению преступного деяния для создания в дальнейшем видимости его изобличения является нарушением правовых основ осуществления оперативно-разыскной деятельности и расценивается как способ искажения ее результатов. Представляемые оперативным сотрудником документы, свидетельствующие о якобы выявленном или предотвращенном преступлении, если это деяние было им самим же и спровоцировано, фактически искажают реальность и расцениваются как сфальсифицированные.

В случае если в отношении предполагаемого нарушения прав человека и гражданина исчерпаны внутригосударственные средства правовой защиты, лицо может обратиться в международные судебные и арбитражные органы, например, в Европейский суд по правам человека [12].

В своем послании Маджлиси милли и депутатам Маджлиси намояндагон в декабре 2018

года Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон еще раз напомнил, что «обеспечение верховенства закона, правопорядок, защита стабильности и спокойствия общества, защита прав и свобод человека и гражданина, интересов государства и общества является главной задачей правоохранительных органов страны. С учетом этого и неспокойной ситуации в мире и регионе необходимо, чтобы правоохранительные органы и военные структуры страны усилили свою деятельность в направлениях борьбы против преступности, особенно организованной и транснациональной преступности, обеспечения безопасности и правопорядка, укрепления оборонной мощи страны, каждый сотрудник этих структур и органов должен выполнять свои служебные обязанности с чувством высокой ответственности и верности. Каждый должен работать от чистого сердца и по совести» [13].

Для Республики Таджикистан характерен такой специфический фактор, как менталитет таджикского народа, включающий его самобытность, религиозность, наличие своих традиций и обычаев, особенно в сельской местности; влияние на значительную часть населения страны несовременного правового и культурного воспитания, религиозного фанатизма многих мулл, излишних суеверий, пережитков прошлого. Специфическими факторами, требующими глубокого совместного изучения учеными Таджикистана, являются трудовая миграция населения Таджикистана, а также наличие приграничной зоны с Афганистаном, что связано с повышенной наркотизацией населения, летальным исходом для многих наркоманов, совершающих преступления, так и остающиеся нераскрытыми.

Оперативно-разыскная деятельность органов внутренних дел должна сочетаться с реализацией иных социально важных функций, осуществляться в тесном взаимодействии с другими государственными органами, органами самоуправления поселков и сел и организациями, несущими в пределах своих полномочий всю полноту ответственности за обеспечение безопасности в рамках единой политики государства. Отсюда вытекает вывод о том, что человек, гражданин, являясь субъектом обеспечения национальной безопасности, становится в свою очередь и главным ее объектом. Об этом свидетельствует статья 1 Конституции Республики Таджикистан, где провозглашено, что Таджикистан, «...являясь социальным государством, создает условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие каждого

человека», а также статья 5, где отмечено, что «права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством».

Примечания

1. Послание Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 22 декабря 2016 г. URL: <http://www.president.tj/ru/node/13747> (дата обращения: 12.10.2018).

2. Ким М.О. Проблемы национальной безопасности на современном этапе развития общества // *Философия права*. 2017. № 3 (82).

3. Джалилов К. Принципы обеспечения национальной безопасности в Конституции Таджикистана URL: <http://www.avesta.tj/sociaty/29186-principy-obespechenie-nacionalnoy-bezopasnosti-v-konstitucii-tadzhikistana.html> (дата обращения: 12.10.2018).

4. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года — Утверждена постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 1 декабря 2016 г. № 636. URL: <http://www.gst.tj/nasionalnaya-strategiya-razvitiya-respubliki-tadzhikistan-na-period-do-2030-goda.html> (дата обращения: 12.10.2018). (In Russ.)

5. Об оперативно-розыскной деятельности: закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 (с изм. и доп. по состоянию на 18.07.2017). URL: <https://mayopravohome.files.wordpress.com/2019/01/d09ed091-d09ed09fd095d0a0d090d0a2d098d092d09dd09e-d0a0d09ed097d0abd0a1d09ad09dd09ed099-d094d095d0afd0a2d095d09bd0acd09dd09ed0a1d0a2d098.pdf> (дата обращения: 18.10.2018).

6. Лахин А.Н. Совершенствование правового регулирования использования информационно-аналитических технологий оперативными подразделениями органов внутренних дел // *Вестник Волгоградской Академии МВД России*. 2016. № 4 (39).

7. Выступление Лидера нации, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона по случаю Дня знания и открытия нового здания Академии Министерства внутренних дел // *Труды Академии МВД Республики Таджикистан*. 2017. № 3 (35).

8. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие. 7-е изд., перераб. и доп. М.: «Проспект», 2011. 304 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.11.2018).

9. Железняк Н.С. О необходимости судебного санкционирования оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых в неотложном порядке // *Вестник Сибирского юридического института ФСКН России*. 2016. № 3 (24).

10. Румянцев Н.В. Обеспечение прав и свобод граждан в процессе оперативно-розыскной профилактики преступлений // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2018. № 3.

Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.10.2018).

11. Материалы Решения Объединенной коллегии министерств внутренних дел Российской Федерации и Республики Таджикистан от 16 октября 2018 г. № 1 кобР-Т/1. Приложение № 1 к приказу МВД России и МВД Республики Таджикистан от 16 октября 2018 г. № 675/677 «Об объявлении решений Объединенной коллегии министерств внутренних дел Российской Федерации и Республики Таджикистан». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 18.11.2018).

12. Постановление Европейского суда по правам человека от 7 ноября 2017 г. № 29431/05. Дело «Зубков и другие против России». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.11.2018).

13. Послание Лидера нации, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 26 декабря 2018 г. URL: <http://www.president.tj/ru/node/13747> (дата обращения: 12.01.2018).

References

1. Message from the Leader of the nation, President of the Republic of Tajikistan dear Emomali Rahmon Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan 22.12.2016. URL: <http://www.president.tj/ru/node/13747> (accessed 12.10.2018). (In Russ.)

2. Kim M.O. Problems of national security at the present stage of development of society. *Philosophy of law*, 2017, no. 3 (82). (In Russ.)

3. Jalilov K. Principles ensuring national security in the Constitution of Tajikistan. URL: <http://www.avesta.tj/sociaty/29186-principy-obespechenie-nacionalnoy-bezopasnosti-v-konstitucii-tadzhikistana.html> (accessed 12.10.2018). (In Russ.)

4. National development strategy of the Republic of Tajikistan for the period up to 2030-Approved by the resolution of Majlisi Namoyandagon Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan dated December 1, 2016 no. 636. URL: <http://www.gst.tj/nasionalnaya-strategiya-razvitiya-respubliki-tadzhikistan-na-period-do-2030-goda.html> (accessed 12.10.2018). (In Russ.)

5. On operational-search activity: law of the Republic of Tajikistan of March 25, 2011 no. 687 (as amended and supplemented as of 18.07.2017). URL: <https://mayopravohome.files.wordpress.com/2019/01/d09ed091-d09ed09fd095d0a0d090d0a2d098d092d09dd09e-d0a0d09ed097d0abd0a1d09ad09dd09ed099-d094d095d0afd0a2d095d09bd0acd09dd09ed0a1d0a2d098.pdf> (accessed 18.10.2018). (In Russ.)

6. Lakhin A.N. Improving the legal regulation of the use of information and analytical technologies by operational units of the internal affairs bodies. *Bulletin of the Volgograd academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2016, no. 4 (39). (In Russ.)

7. Speech by the Leader of the nation, the President of the Republic of Tajikistan Emomali Rahmon on the oc-

casation of the Day of knowledge and opening of the new building of the Academy of the Ministry of internal affairs. *Proceedings of the Academy of the Republic of Tajikistan*, 2017, no. 3 (35). (In Russ.)

8. Bezlepkin B.T. Criminal process questions and answers: textbook. Moscow: «Prospect» Publ. 2011. 304 p. (accessed 18.11.2018). (In Russ.)

9. Zheleznyak N.S. About the need for judicial authorization of operational investigative measures carried out urgently. *Bulletin of the Siberian legal Institute of the Federal grid service of Russia*, 2016, no. 3 (24). (In Russ.)

10. Rumyantsev N.V. Ensuring the rights and freedoms of citizens in the process of operational and investigative crime prevention. *Penal system: law, economy, management*, 2018, no. 3. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 18.10.2018). (In Russ.)

11. Material decisions of the joint Board of the ministries of internal Affairs of the Russian Federation and

the Republic of Tajikistan from October 16, 2018 no. 1 kobR-T/1. Appendix no. 1 to the order of the Ministry of internal affairs of Russia and Ministry of internal affairs of the Republic of Tajikistan from October 16, 2018 no. 675/677 «On announcement of the decision of the joint Board of the ministries of internal affairs of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan». Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 18.11.2018). (In Russ.)

12. Resolution of European court of human rights of November 7, 2017 no. 29431/05. The case of Zubkov and others V. Russia. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 18.11.2018). (In Russ.)

13. The message of the Leader of the nation, the President of the Republic of Tajikistan Emomali Rahmon MA-Delisi Oli of the Republic of Tajikistan 26.12.2018. URL: <http://www.president.tj/ru/node/13747> (accessed 12.01.2018). (In Russ.)

УДК 378.126

DOI 10.24411/2078-5356-2019-10233

**Мартынова Людмила Ивановна
Liudmila I. Martynova**

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранного языка и культуры речи
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (pedagogy), associate professor, assistant professor of the department of foreign language and culture of speech

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: lobaslucy@gmail.com

Формирование педагогического мастерства преподавателя Академии МВД России

Developing pedagogical know-how of instructors working at Academies of the Ministry of internal affairs of Russia

В статье представлена авторская разработка учебной программы школы педагогического мастерства для подготовки к педагогической деятельности практических работников органов внутренних дел, привлекаемых в высшую школу с целью повышения качества практико-ориентированного обучения. Определяются цели и задачи обучения, а также компетенции, формируемые в результате освоения данной образовательной программы.

Ключевые слова: авторская разработка учебной программы, формирование педагогического мастерства, улучшение, качество практико-ориентированного обучения, цели программы, инструментальные компетенции.

The article presents the author's curriculum and syllabus design to develop pedagogical know-how of practicing law enforcement officers employed by Academies of the Ministry of Internal Affairs to improve the quality of practice-oriented teaching. The aims of teaching and competences acquired on the basis of the curriculum and syllabus in question are specified.

Keywords: the author's curriculum and syllabus design, development of pedagogical know-how, improvement, the quality of practice-oriented teaching, the aims of the curriculum, instrumental competences.

Формирование педагогического мастерства представляет собой пролонгированное во времени поступательное наращивание личностных качеств и новообразований в процессе использования имеющихся знаний, умений, навыков и способов деятельности в постоянно изменяющихся внешних условиях.

Согласно дидактическим принципам преемственности содержания образования и поэтапного формирования навыка, систему поступательного овладения научно-педагогической квалификацией преподавателем-предметником можно структурно представить иерархией следующих этапов:

1. Основная образовательная программа (ООП) по соответствующему направлению под-

готовки в образовательной организации высшего образования.

2. Школа педагогического мастерства (ШПМ).

3. Аспирантура (адъюнктура).

4. Программа дополнительной квалификации «Преподаватель высшей школы».

Базовые знания основ общей педагогики и психологии, требуемые в качестве «входных» для формирования педагогического мастерства, обеспечиваются на первом этапе дисциплинами психолого-педагогической направленности: «Педагогические основы воспитательной работы в ОВД», «Психология», «Психология в деятельности сотрудников ОВД», «Этнопсихология», «Профессиональная этика и служебный

© Мартынова Л.И., 2019

этикет». На этом этапе уровень педагогической квалификации можно определить как *докомпетентный*. Основой деятельности служит обыденное знание педагога, случайный опыт, подражание коллегам. Педагогические задачи обычно решаются бессистемно, интуитивно.

Объектом изучения на втором этапе (в ШПМ) является дисциплина «Педагогика и психология высшей школы» — частная педагогика, в основе которой лежат законы и принципы общей педагогики, адаптированные к условиям работы в высшей школе. «Входные» знания расширяются с учетом специфики учебно-воспитательного процесса в высшей профессиональной школе, устраняются когнитивные лакуны, система базовых знаний, умений и навыков дополняется специальными компетенциями, необходимыми для формирования педагогического мастерства. Степень сформированности педагогической компетентности достигает *репродуктивно-продуктивного* уровня. Деятельность педагога характеризуется алгоритмизацией и рационализацией обучающих действий. ШПМ создает дидактический плацдарм для развития педагогической компетентности на последующих этапах, закладывая *основы педагогического мастерства и мотивации креативной деятельности*, которые являются необходимой предпосылкой осуществления педагогической деятельности на высоком научно-исследовательском уровне.

Достижение относительно высокого творческого уровня научно-педагогической квалификации происходит в процессе обучения в аспирантуре (адъюнктуре) и/или по дополнительной образовательно-профессиональной программе «Преподаватель высшей школы», предназначенной для подготовки к педагогической деятельности в высшем учебном заведении магистров, аспирантов (адъюнктов) и специалистов с высшим профессиональным образованием.

В настоящей статье представлена авторская разработка учебной программы школы педагогического мастерства для подготовки к педагогической деятельности практических работников органов внутренних дел, привлекаемых в высшую школу с целью повышения качества практико-ориентированного обучения, стаж педагогической работы которых не превышает трех лет. Предполагается, что наряду с начинающими преподавателями из числа практических работников школу педагогического мастерства как *звено системы повышения квалификации и переподготовки специалистов* внутри образовательного учреждения могут посещать на добровольных началах преподаватели любой

категории профессорско-преподавательского состава Нижегородской академии МВД России, желающие совершенствоваться в педагогическом мастерстве.

Программа, как известно, является ядром программно-методического обеспечения любого курса и определяет, прежде всего, цели и задачи обучения.

Цели и задачи программы

Программа ориентирована на комплексную психолого-педагогическую и информационно-технологическую подготовку начинающих преподавателей к продуктивной педагогической деятельности в образовательной организации высшего образования на базе основной программы высшего профессионального образования и дисциплины «Педагогика и психология высшей школы».

Целями учебной программы «Педагогика и психология высшей школы» являются:

— психологическая и педагогическая подготовка к обучению и воспитанию курсантов образовательной организации МВД России;

— раскрытие особенностей педагогического процесса в школе высшего профессионального образования указанного профиля;

— оказание действенной помощи практическим работникам, начинающим педагогическую деятельность, в овладении компетенциями, необходимыми для профессии «Преподаватель профильной высшей школы»;

— выполнение функции внутривузовского звена системы повышения квалификации профессорско-преподавательского состава академии;

— формирование мотивации к научно-исследовательской деятельности в области педагогики высшей профессиональной школы.

Задачи Программы обусловлены поставленными целями и отражают их реализацию в логике алгоритма реальной деятельности преподавателя, включающей:

1) понимание целостности образовательной системы образовательной организации высшего образования во взаимосвязи и единстве всех ее составных частей;

2) определение содержания, значения и места преподаваемой дисциплины в целостной структуре учебно-воспитательного процесса данной образовательной организации высшего образования;

3) выбор целей обучения и оптимальных стратегий преподавания;

4) овладение комплексом современных средств обучения;

5) применение традиционных и инновационных образовательных технологий обучения;

6) внедрение приемов учебного сотрудничества и разнообразных форм педагогического общения в образовательный процесс;

7) осуществление контроля учебной деятельности и управление самостоятельной работой обучающихся;

8) самоорганизацию, рефлекссию и оценку результатов собственной педагогической деятельности.

Компетенции педагогического мастерства, формируемые в результате освоения образовательной программы ШПМ

Идея академика И.А. Зимней о целостной социально-профессиональной компетентности и входящих в нее частных, парциальных компетенциях, каждая из которых представляет собой множество с целой номенклатурой подмножеств [1], послужила теоретической основой выделения групп ключевых компетенций, подлежащих формированию в школе педагогического мастерства.

Педагогическая компетентность трактуется как уровень владения совокупностью компетенций, необходимый и достаточный для эффективной педагогической деятельности в заданной предметно-профессиональной области знания.

Педагогическое мастерство понимается как *поведенческая, действенно-практическая сфера* педагогической компетентности, ее *базовый комплекс инструментальных компетенций* [2], позволяющих эффективно выполнять конкретные дидактические задачи, действия и функции в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО), основной образовательной программы (ООП) образовательного учреждения и рабочих учебных программ преподаваемых дисциплин.

Ранее автором была предпринята попытка конкретизировать виды компетенций, составляющих комплекс педагогического мастерства [3, с. 239]. В целях упорядочения всего множества требуемых **частных** компетенций **составные части** инструментального комплекса **объединены в следующие модули**: *когнитивно-профессиональный, стратегический, психолого-коммуникативный, информационно-технологический и организационно-методический*.

1. Когнитивно-профессиональная компетенция

Под *когнитивно-профессиональной компетенцией* понимается уровень культуры интеллектуальной и предметно-профессиональной деятельности преподавателя.

Профессиональный компонент данной компетенции представляет собой *дуалистическую систему* знаний, умений и способностей, составляющих основу деятельности преподавателя как специалиста в области преподаваемой дисциплины, так и педагога — систематизатора знаний и организатора учебно-воспитательного процесса. Специальные знания и умения, относящиеся к основной квалификации преподавателя, как правило, находятся на высоком уровне. В целевом фокусе Программы ШПМ находится дополнительная *педагогическая* квалификация начинающего преподавателя, которая нуждается в целенаправленном формировании и развитии. Интеграция двух составляющих профессиональной компетенции требует способности понимать и использовать идеи и мысли, которая является сущностью когнитивной компетенции.

Когнитивная компетенция имеет двойную обращенность к субъектам педагогического процесса.

С одной стороны, это *интеллектуальный инструментальный познания* самого преподавателя, включающий операции наблюдения, сравнения, анализа, синтеза, обобщения, систематизации, дедукции, индукции, вероятностного прогнозирования, моделирования и т. п. Операции логического мышления необходимы для эффективного преобразования научного знания в доступное, предметно и логически точное содержание учебного материала. Когнитивная компетенция, ко всему прочему, дает преподавателю возможность самообразовываться и самосовершенствоваться в педагогическом творчестве.

С другой стороны, следуя принципу дидактического триединства образования, развития и воспитания, преподаватель призван оснащать базовыми методами познания обучающихся, развивая определенными приемами их способность системно и критически мыслить.

2. Стратегическая компетенция

Стратегическая компетенция — это способность к целенаправленному планированию учебно-педагогической деятельности на длительную перспективу. Психологическим меха-

низмом реализации этой способности служит четкое видение ориентиров обучения и мысленное моделирование учебно-воспитательного процесса — создание мысленных проектов, определяющих стратегии обучения, воспитания и развития — как на весь срок обучения в образовательном учреждении, так и на период изучения преподаваемой дисциплины и время проведения отдельных занятий.

Основными составляющими стратегической компетенции являются *проектировочный* и *конструктивный* компоненты.

Проектировочная компетенция обеспечивает стратегическую реализацию направленности обучения на конечную цель и включает в себя способность предварительно проектировать основные детали предстоящей деятельности педагогов и учебно-познавательной деятельности обучающихся с учетом специфики будущей профессиональной деятельности.

Конструктивная компетенция связана с оборотом, композицией, разработкой учебного материала, выбором форм и методов проведения занятий, то есть обеспечивает педагогическую реализацию *тактических* целей, создавая материальные основания для использования разработанного проекта на практике.

Проектировочная и конструктивная функции стратегической компетенции осуществляются в практике разработки нормативных документов: образовательных стандартов, рабочих программ и учебных планов, регламентирующих содержание образования на различных уровнях системы обучения.

3. Психолого-коммуникативная компетенция

Психологическая компетенция в самом общем виде представляет собой структурированную систему знаний о человеке, позволяющую познать других людей и самого себя. Высокий уровень психологической компетентности обеспечивает успешную деятельность и взаимодействия в системах «человек — человек», «человек — коллектив», «человек — социальные группы».

Современная личностно ориентированная парадигма образования постулирует необходимость тщательно изучать и максимально вовлекать в процесс обучения личность студента, учитывать взаимосогласованность его целей и желаний, с одной стороны, и психофизиологических возможностей — с другой. Знание преподавателем психологических особенностей студенческого возраста, опора на «зону ближайшего развития» и снятие отрицательных

эмоциональных состояний обучающегося считаются важнейшими условиями создания эффективной системы обучения.

Психологическая компетенция преподавателя реализуется, прежде всего, во взаимоотношениях с обучающимися, и в этом аспекте рассматривается как неотъемлемый компонент коммуникативной компетенции.

Коммуникативная компетенция в социальной психологии означает совокупность знаний, умений и навыков, необходимых человеку для общения с людьми. Под коммуникативной компетенцией в рамках педагогического мастерства следует понимать высокую степень обученности педагогическому общению, сформированность умений социально-академического взаимодействия, регулируемого преподавателем с учетом особенностей академической среды и в соответствии с современными директивами политики образования.

Коммуникативная компетенция считается стержневой компетенцией, лежащей в основе развития всех других компетенций, и по своему составу является многокомпонентной. В обобщенном виде все множество компонентов коммуникативной компетенции можно представить психологически, лингвистически и методически организованной системой, включающей, наряду с психологическим, *языковой, речевой, дискурсивный, социокультурный, этический и прагматический* компоненты. Формирование названных компетенций обеспечивает изучение дисциплины «Культура речи», в которой разработаны вопросы, связанные с характеристикой различных дискурсов академической речи, описаны правила их создания и прагматические пути осуществления речевой деятельности с учетом коммуникативных целей и условий педагогического общения.

4. Информационно-технологическая компетенция

Информационно-технологической компетенция в широком смысле определяется способностью работать с различными источниками информации, информационными ресурсами и технологиями с целью формирования ресурсно-информационной базы для решения профессиональных задач.

Основными составляющими данной компетенции являются *информационный* и *технический* компоненты.

Информационная функция связана с целенаправленной передачей учебной информации от преподавателя к обучающемуся. Информа-

ционная компетенция означает способность применять основные методы, способы и средства поиска, получения, хранения, систематизации, обработки и передачи информации.

Техническая грамотность дает возможность преподавателю, с одной стороны, самостоятельно приобретать с помощью информационно-технических средств новые знания и умения, связанные со сферой профессиональной деятельности, а с другой — обеспечивать широкое использование в процессе обучения компьютерной и другой информационной техники (аудиовизуальных средств связи, телекоммуникационных сетей и т. п.).

5. Организационно-методическая компетенция

В целом организационно-методическая компетенция отражает требования к реализации преподавателем модели управления процессом обучения, определяющей пути решения проблемы «Как учить?».

Организационная компетенция педагога заключается в умении организовать такую личностно ориентированную обучающую, развивающую и воспитательную среду, в которой становится возможным координировать деятельность обучающихся, используя разнообразные методы, способы и технологии в целях формирования профессионально значимых способностей специалиста. Организаторский уровень педагогического мастерства достигается при владении навыками научной организации педагогического труда, включающей в себя как организацию процесса обучения в вузе, так и самоорганизацию деятельности преподавателя.

Методическая компетенция — базовая интегративная характеристика преподавателя образовательной организации высшего образования, отражающая качество его работы, определяемое умением осваивать современные дидактические технологии и соединять их адекватными авторскими методиками, максимально адаптированными к собственному опыту, специфике предмета и возрастным особенностям обучающихся.

Методическое мастерство преподавателя проявляется не только в способности транслировать новую учебную информацию. Преподаватель должен уметь производить ее мето-

дическую обработку, выбирать определенную методику обучения и предлагать соответствующий алгоритм обучающих действий, давать ориентировочную основу самостоятельной деятельности и рациональные приемы выполнения различных видов заданий, обеспечивать обратную связь в обучении через различные виды контроля и самоконтроля.

В методической компетенции преподавателя сосуществуют две дидактические системы умений:

- 1) умения педагога осуществлять традиционную педагогическую деятельность;
- 2) умения применять современные педагогические инновации, прогнозировать ожидаемый результат реализации инновации и описывать критерии оценивания ее эффективности.

Ключевые компетенции педагогического мастерства определяют содержание курса обучения в ШПМ, которое предполагается рассмотреть в следующей публикации.

Примечания

1. Зимняя И.А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека // Высшее образование сегодня. 2005. № 11. С. 14—20.
2. Болонский процесс: поиск общности европейских систем высшего образования (проект Tuning) / под науч. ред. В.И. Байденко. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006.
3. Мартынова Л.И. Компоненты педагогической компетентности преподавателя вуза // Компетентный подход в обучении: формирование и оценивание компетенций: материалы межвузовской учебно-методической конференции. Омск, Омская академия МВД России, 2013.

References

1. Zymnyaya I.A. Common culture and social-professional competence of a person. *Higher education today*, 2005, no. 11, pp. 14—20. (In Russ.)
2. Bologna Process: the search for European higher education systems community (Tuning project) / under the scientific editorship V.I. Baydenko. Moscow: Research centre of specialists training quality problems, 2006. (In Russ.)
3. Martynova L.I. Pedagogical competency components of a higher school instructor. *Competence approach in teaching: competency development and assessment: materials of the inter-institution academic-methodical conference*. Omsk, 2013. (In Russ.)

УДК 343.9.01
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10234

Арефьев Сергей Александрович
Sergey A. Arefev

заместитель начальника отдела по расследованию организованной преступной деятельности в сфере оборонно-промышленного комплекса следственной части

Главное следственное управление Главного управления МВД России по Нижегородской области (603950, Нижний Новгород, ул. Горького, 71)

deputy head of the department for the investigation of organized criminal activity in the field of military-industrial complex of the investigative part

Main investigative department of the Main department of the Ministry of internal affairs of Russia in the Nizhny Novgorod region (71 Gorky st., Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: sarefev@mvd.ru, arefev.s@gmail.com

Общее и особенное в структуре преступной деятельности в топливно-энергетическом и оборонно-промышленном комплексах России (по материалам оперативных подразделений органов внутренних дел)

General and particular in the structure of criminal activity in the fuel and energy and military-industrial complexes of Russia (based on materials of the operational units of the internal affairs bodies)

В статье показана взаимосвязь и взаимозависимость топливно-энергетического и оборонно-промышленного комплексов (ТЭК, ОПК) как важнейших стратегических сфер национальной безопасности России, охарактеризована производственная инфраструктура с ее региональными чертами, исследованы основные элементы структуры преступной деятельности, представлены особенности выявления хищений активов предприятий, определены основные направления оперативного поиска подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции в сферах ТЭК и ОПК.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс, оборонно-промышленный комплекс, производственная инфраструктура, структура преступной деятельности, выявление преступлений, статистический учет.

The article shows the interconnection and interdependence of the fuel and energy complex and military-industrial complex as the most important strategic areas of Russia's national security, describes the production infrastructure with its regional features, explores the mail elements of the structure of criminal activity, identifies the theft of enterprises' assets, identifies the main directions of operational search units of economic security and anti-corruption in the areas of fuel and energy and military-industrial complexes.

Keywords: fuel and energy complex, military-industrial complex, production infrastructure, structure of criminal activity, crime detection, statistical accounting.

Концепция государственно-правовых документов в области поддержания национальной безопасности российского государства базируется на всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости стратегий национальной безопасности [1], научно-технологического развития [2], экономической безопасности [3] и других нормативных правовых актах.

Подобные взаимосвязь и взаимозависимость отчетливо проявляются в крупнейших экономических сферах Российского государства, таких как топливно-энергетический и оборонно-промышленный комплексы (далее — ТЭК, ОПК). К примеру, выделенные комплексы входят в единую федеральную систему государственного резерва Российской Федерации.

© Арефьев С.А., 2019

Нижегородская область располагает развитым топливно-энергетическим комплексом, основу которого составляют теплоэнергетика, электроэнергетика, нефтепереработка.

Основными поставщиками электроэнергии для функционирования производственно-научных структур оборонной промышленности являются ТЭЦ ЗАО «Саровская Генерирующая Компания» (обслуживание Российского Федерального Ядерного Центра); ТЭЦ ФКП «Завод имени Я.М. Свердлова» (базовое предприятие боеприпасной продукции); Приволжский филиал ОАО «Оборонэнерго».

Поставки основной массы углеводородного сырья и продуктов его переработки осуществляются по трубопроводным магистралям. Производственные мощности ТЭК, вырабатывающего порядка полутора миллионов тонн дизельного топлива, бензина и аналогичных нефтепродуктов, полностью обеспечивают годовое потребление подобной продукции населением и промышленными комплексами.

Серьезную проблему составляет «неустойчивость» (слабая техническая защищенность) нефтетрасс и перекачивающих станций, способствующая совершению хищений нефти, горюче-смазочных материалов и тому подобного, например, путем незаконных врезок [4, с. 231].

Нижегородская область — один из наиболее развитых регионов Российской Федерации, обладающий диверсифицированной экономикой. Базовыми промышленными отраслями считаются химия и нефтехимия, являющиеся крупными поставщиками сырья, полупродуктов, различных материалов и изделий почти во все отрасли промышленности, включая ОПК. К наиболее крупным и уникальным предприятиям отрасли относятся следующие организации: ООО «Корунд» — многопрофильное химическое предприятие, принадлежащее компании «Petrochemical Holding» (Австрия); ОАО «Акрилат» — единственное в России предприятие по производству акриловых мономеров; ОАО «Синтез» — единственный производитель этиловой жидкости на территории Российской Федерации. С точки зрения государственного оборонного заказа ОАО «Акрилат», ОАО «Синтез» принадлежат к категории «единственный поставщик».

Инфраструктура ОПК Нижегородской области на сегодняшний день объединяет около 60 предприятий, организаций и учреждений всех оборонных сегментов. Более 40% исполнителей государственного оборонного заказа (ГОЗ) зарегистрированы в качестве головных

разработчиков и производителей, обеспечивающих потребности Министерства обороны Российской Федерации и других силовых ведомств. Только в 2018 году предприятиями ОПК региона исполнялось 108 государственных контрактов на общую сумму 150,2 млрд рублей. Всего при исполнении ГОЗ на предприятиях Нижегородской области в качестве контрагентов и поставщиков различного оборудования задействовано около 1800 юридических лиц, которые зарегистрированы как на территории Нижегородской области, так и в других субъектах Российской Федерации.

Металлообрабатывающая и машиностроительная отрасли, составляющие основу оборонно-промышленного производства региона, специализируются главным образом на автотранспортном машиностроении, судостроении, выпуске ПАК (перспективных авиационных комплексов), радиоэлектронных систем и др. Международными брендами стали многие технологии и изделия холдинговых компаний государственных корпораций «Ростех» и «Росатом», «Группы ГАЗ» (сухопутные средства доставки и снабжения войск, легкая бронетехника), заводов «Сокол», «Гидромаш», «Теплообменник» (фронтовая авиация), «Красное Сормово», ЦКБ имени Р.Е. Алексеева (проектирование и строительство надводных и подводных кораблей), «Нител», «Нижегородский завод имени Г.И. Петровского», «ННПО имени М.В. Фрунзе» (радиоэлектронное оборудование).

Проблема выявления преступления в ОПК становится особо актуальной в связи с тем, что согласованный объем государственной программы вооружений (ГПВ) на 2018—2025 годы составляет 19 трлн рублей [5].

В предметной области криминологических исследований экономической преступности (ее состояние и структура, детерминанты, меры предупреждения и др.) предприятия ТЭК и ОПК, как правило, упоминаются в одном ряду [6, с. 298].

В информационно-аналитической работе подразделений ЭБиПК определение структуры преступной деятельности в том или ином экономическом сегменте направлено на решение оперативно-тактических задач. Вместе с тем, стремление оперативных аппаратов увеличить число выявленных преступлений может привести к искажению структуры преступной деятельности. Обратный эффект, или снижение показателей по выявлению преступлений в сфере ТЭК, например, в 2016 году связан со снятием с учета прокуратурой Нижегородской области

15 из 18 уголовных дел, поскольку лишь в трех преступлениях предмет посягательства являлись товарно-материальные ценности.

Ограничить манипулирование статистикой и визуализировать реальную структуру выявленных преступлений способны межведомственные и ведомственные нормативные правовые акты, регулирующие учетно-регистрационную дисциплину.

В соответствии с указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России от 24 февраля 2010 года № 66/85/1 «О внесении изменений в статистические карточки и в Инструкцию о порядке заполнения и представления учетных документов» уточнены характеристики преступлений, подлежащих отнесению к сопряженным с ТЭК (код 077). Таковыми признаются преступления, связанные с процессом осуществления экономической деятельности в сфере добычи, переработки, транспортировки и реализации топливно-энергетических полезных ископаемых; производства, передачи и распределения электроэнергии; производства и распределения газообразного топлива. При квалификации деяния по статьям главы 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) преступления относятся к категории совершенных в сфере ТЭК в случаях, в которых объектом преступного посягательства являются нефть, нефтепродукты, ГСМ, бензин, природный газ, уголь, торф, электроэнергия, а также различного рода техническое оборудование, обеспечивающее функционирование объектов ТЭК. Преступления, связанные с хищением талонов на бензин, не принадлежат к данной категории ввиду незначительности причиняемого интересам государства вреда.

Исходя из приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 декабря 2014 года № 703 (ред. от 19 декабря 2017 г. № 852) «Об утверждении и введении в действие статистического отчета “Надзор за исполнением законов в оборонно-промышленном комплексе”» по форме ОПК и инструкции по его составлению», к преступлениям, связанным с ОПК, следует относить уголовно наказуемые деяния, совершенные в рамках размещения и исполнения государственного оборонного заказа, в сфере разработок, производства, модернизации, испытания, хранения, поставки, продажи и покупки, ремонта и утилизации вооружения, боеприпасов и взрывчатых веществ, военной и специальной техники, производства вещевого имущества военного назначения, осуществления фундаментальных и прикладных исследова-

ний в интересах обороны и безопасности страны, а также в сфере строительства и эксплуатации объектов недвижимости ОПК.

Структура преступной деятельности представляет собой расчленение целого на отдельные части по каким-либо критериям, которых может быть множество. В статистических формах учитываются те признаки, которые считаются наиболее важными для практики. В анализе оперативной обстановки существующая структура преступной деятельности оценивается через призму уголовно-правовых признаков (квалификация содеянного, категория преступлений, характер ущерба и др.).

Авторский коллектив ученых и практиков (ВНИИ МВД России, Волгоградской академии МВД России, Следственного департамента МВД России) в структуру преступной деятельности в ОПК включает в первую очередь мошенничество, присвоение или растрату. Эти формы хищения могут сочетаться с такими преступлениями, как незаконное предпринимательство, незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица, незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления, злоупотребление полномочиями и др. [7, с. 4].

Изучение оперативно-служебных документов УЭБиПК ГУ МВД России по Нижегородской области за период 2015—2018 годов позволяет обозначить структуру региональной преступной деятельности в сферах ОПК и ТЭК.

В ОПК выявлены следующие преступления: мошенничество (ст. 159 УК РФ); присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ); незаконное использование товарного знака (ст. 180 УК РФ); незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ); сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов (ст. 199.2 УК РФ); коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ); злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ); получение взятки (ст. 290 УК РФ); подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков (ст. 327 УК РФ).

В числе выявленных преступлений по линии ТЭК: невыплата заработной платы и иных выплат (ст. 145.1 УК РФ); мошенничество (ст. 159

УК РФ); присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ); незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ); незаконное использование товарного знака (ст. 180 УК РФ); незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ); уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией — плательщиком страховых взносов (ст. 199 УК РФ); неисполнение обязанностей налогового агента (ст. 199.1 УК РФ); коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ); получение взятки (ст. 290 УК РФ); производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ).

Лидером в структуре выявленной преступной деятельности в сферах ОПК и ТЭК является мошенничество, которое в криминологической литературе именуется И.В. Ильиным, В.Д. Ларичевым и другими «экономическим мошенничеством», имеющим определенную видовую окраску [8, с. 101—103]. Иные наиболее распространенные в исследуемых сферах формы хищения — присвоение или растрата.

Представляется, что структура преступной деятельности в ОПК и ТЭК подвержена некоторым колебаниям, зависящим от оперативности и наступательности подразделений ЭБиПК, по следующим направлениям:

— выявление, предупреждение и пресечение преступлений, связанных с хищением активов предприятий. Например, по результатам ОРМ «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности, транспортных средств», иных оперативно-разыскных действий областного УЭБиПК возбуждено уголовное дело в отношении руководителей среднего звена ОАО «Завод имени Г.И. Петровского» Б. и С. по факту хищения денежных средств в особо крупном размере, выделенных предприятию Минпромторгом России в рамках государственных контрактов на выполнение работ по поддержанию законсервированных мобилизационных мощностей;

— противодействие коррупционным проявлениям в сферах оперативного обслуживания. Для иллюстрации: Военно-следственным отделом СК России по Мулинскому гарнизону по предоставленным оперативным материалам сотрудников УЭБиПК ГУ МВД России по Нижегородской области возбуждены уголовные дела по обвинению двух должностных лиц Волго-Вятского филиала АО «Оборонэнерго» по факту получения ими взяток в крупном размере;

— установление коммерческих структур, аффилированных с руководством оборонно-промышленных предприятий, ТЭК, организаций-соисполнителей государственного оборонного заказа. К примеру, в процессе реализации оперативных материалов возбуждены уголовные дела по факту совершения мошеннических действий в особо крупном размере при реализации ООО «Синтез-ПВ» 20 тонн высококонцентрированного пероксида водорода ПВ-85, предназначенного для предприятий ракетно-космической отрасли и Министерства обороны Российской Федерации, произведенного на предприятии в рамках соисполнения ГОЗ. Сумма ущерба составила более 30 млн рублей;

— обнаружение фальсифицированной и контрафактной продукции, производимой и (или) используемой в промышленности. Так, в результате проведенных оперативно-разыскных и иных мероприятий в марте 2018 года пресечена деятельность подпольного цеха, который организовали сотрудники ФГУП «НИИ химии и технологии полимеров имени В.А. Каргина с опытным заводом» для производства контрафактного герметика, используемого в ОПК Российской Федерации для склеивания конструктивных элементов боеприпасов. Изъяты контрафактная продукция на общую сумму более 1 млн рублей, оборудование для производства.

В научной литературе предлагаются различные заслуживающие анализа методы выявления и предупреждения преступлений.

В.А. Прокошин представляет возможности камерально-правового анализа профилактики типичных видов преступлений, посягающих на экономическую безопасность: определение наиболее криминогенных сфер управленческой деятельности; получение реальной характеристики личности преступников; выявление соотношения статистических и фактических показателей ущерба, причиняемого преступлениями; составление профилактического прогноза относительно динамики этих деяний [9, с. 383—384].

С двумя последними утверждениями трудно согласиться, если речь идет о выявлении материального ущерба и о профилактическом прогнозе.

Во-первых, в практике известна активно тиражируемая преступная схема, условно названная нами «безущербное хищение». Этот термин можно охарактеризовать как своеобразный уголовно-правовой оксиморон [10, с. 462] с профессионально-жаргонным оттенком (оксиморон — стилистический оборот, в котором сочетаются семантически контрастные слова, создающие неожиданное смысловое единство.

Проблемные ситуации на стадии доследственных проверок сопряжены с отсутствием заявления потерпевшего юридического лица, продиктованным отрицательным отношением к возбуждению уголовного дела; неполнотой данных и произвольной оценкой оперативно-разыскным органом характера и размера материального вреда; отказом руководства предприятий от гражданского иска и направления представителей для выполнения необходимых уголовно-процессуальных действий.

Например, в ноябре 2018 года по таким причинам прекращено уголовное дело по обвинению В. в злоупотреблении должностными полномочиями, повлекшем тяжкие последствия.

Схожая обстановка наблюдалась в оперативно-следственной практике УЭБиПК и ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области: по уголовным делам № 330045 по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 159.4 УК РФ; № 131843 по обвинению М. в совершении четырех преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 159.4 УК РФ; № 104133, возбужденному по части 4 статьи 159 УК РФ; № 104422 по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного частью 4 статьи 159 УК РФ, а также в ходе рассмотрения ряда материалов проверок в порядке статей 144, 145 УПК РФ.

Сложность обнаружения такого механизма состоит в том, что в ценообразование инвестиционного проекта предварительно закладываются средства, предназначенные для будущих хищений, взяточничества и коммерческого подкупа в производственной цепи «заказчик — поставщик».

На данную проблему следует посмотреть и с другой стороны. Уголовные дела, прекращенные за отсутствием состава преступления (в части невыявленного ущерба), обладают неким предупредительным эффектом, поскольку закономерно наблюдается временное «свертывание преступного промысла», а в отдельных случаях — отказ от совершения преступления.

Во-вторых, в дискуссии о «профилактическом прогнозе» В.А. Прокошина уместно ориентироваться на теоретические разработки видных российских ученых. Так, Г.А. Аванесов полагает, что криминологический прогноз представляется совокупностью сведений, на основе которых определяются возможности борьбы с преступностью (видом преступности) с учетом наличных сил и средств, и выступает в качестве метода приведения в соответствие настоящих и будущих задач организации и планирования

мер предупреждения и пресечения преступлений [11, с. 310].

Согласно позиции М.П. Клейменова, в уголовно-правовом прогнозировании (предвидении последствий криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации и др.) и применительно к предмету нашего исследования существенное значение имеет усиление либо ослабление предупредительной функции уголовного закона [12, с. 9—10].

В теории оперативно-разыскной деятельности одной из задач, с точки зрения С.С. Овчинского, является создание прикладного учения прогнозирования, обеспечивающего решение оперативно-тактических и профилактических задач [13, с. 186].

Таким образом, по меньшей мере три вида прогнозирования (криминологическое, уголовно-правовое, оперативно-разыскное) направлены на борьбу с преступностью, предупреждение преступлений. В ОРД камерально-правовой анализ способен служить поисковым признаком для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений.

В качестве общего в структуре преступной деятельности в сфере ТЭК и ОПК можно выделить:

- 1) условную (ведомственную) относимость преступных деяний к группе преступлений экономической направленности, что лишь в незначительной степени совпадает с классификацией Особенной части УК РФ;
- 2) высоколатентный характер совершения основной массы преступлений;
- 3) превалирование замаскированных форм хищения, таких как мошенничество, присвоение или растрата;
- 4) осуществление большинства преступлений специальными субъектами — должностными лицами и лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих организациях;
- 5) отсутствие судимости, высокий образовательный и профессиональный уровень преступников, их позитивные проявления в производственной и социальной сферах общественной жизни.

Специфика оперативной работы в сфере ОПК связана со следующими особенностями:

- 1) особый характер режима секретности, основанный на предписаниях статьи 5 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5485-1 (ред. 29 июля 2018 г. №256-ФЗ) «О государственной тайне» и адаптированных в ведомственных нормативных правовых актах. В данном случае речь идет не столько об организации и тактике оперативно-разыскной

деятельности. Имеет место необоснованное засекречивание руководством предприятий ОПК документации, необходимой для выемки и использования в качестве доказательства преступной деятельности должностных лиц. Разумные доводы о рассекречивании могут рассматриваться соответствующей комиссией Минпромторга России в течение многих месяцев, а то и нескольких лет;

2) усиленное контрразведывательное обеспечение объектов ОПК в соответствии со статьей 9 Федерального закона от 3 апреля 1995 года № 40-ФЗ (ред. от 7 марта 2018 г. № 56-ФЗ) «О Федеральной службе безопасности».

По этому поводу основоположник отечественной контрразведки П.С. Дмитриев дал некоторые существенные для предмета исследования разъяснения. Во-первых, недостаточно полной является характеристика иной деятельности, направленной на нанесение ущерба безопасности России, которая может выражаться и в посягательствах на экономическую безопасность и обороноспособность страны. Во-вторых, необоснованным выглядит указание на общий порядок осуществления негласной контрразведывательной (КРД) деятельности в соответствии с правовыми актами ФСБ России, поскольку негласные методы и средства КРД, ограничивающие конституционные права граждан, реализуются только в случаях, установленных федеральными законами или на основании судебного решения [14, с. 26, 27].

Выделенные нами обстоятельства не так ярко проявляются в сфере ТЭК. Вместе с тем, в отличие от ОПК, необходимо назвать особенность оперативного обслуживания электроэнергетики, состоящую в отсутствии возможности накопления и складирования конечной продукции по причине одновременности процессов производства и потребления электроэнергии.

Примечания

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2018).
2. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2018).
3. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2018).

4. Бочаров А.И., Арефьев С.А. Анализ оперативной обстановки и особенности проведения оперативно-профилактических мероприятий в сфере подрыва экономических основ незаконного оборота нефти и нефтепродуктов // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2006. № 6. С. 230—237.

5. Бондарев В. Согласованный объем ГПВ на 2018—2025 годы составляет 19 трлн рублей. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/474605> (дата обращения: 12.10.2018).

6. Криминология: курс лекций / А.А. Глухова, О.Д. Калашников, М.А. Меркулов, М.В. Мытарев. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. 301 с.

7. Особенности расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере оборонно-промышленного комплекса: методические рекомендации. М.: ВНИИ МВД России, 2018. 75 с.

8. Ильин И.В. Теоретические основы борьбы с мошенничеством, совершаемым в экономической сфере (уголовно-правовые и криминологические проблемы): монография / под общ. ред. В.Д. Ларичева. М.: Юрлитинформ, 2010. 328 с.

9. Прокошин В.А. Право, власть и жизнеобеспечение народа: основы новейшей камералистики: монография. М.: Каталог, 2000. 469 с.

10. Словарь иностранных слов / отв. ред. В.В. Бурцева, Н.М. Семенова. 5-е изд., стереотип. М.: Русский язык — Медиа; Дрофа, 2008. 817 с.

11. Аванесов Г.А. Криминология: учебник. М.: Академия МВД СССР, 1984. 500 с.

12. Клейменов М.П. Уголовно-правовое прогнозирование: монография. Томск: Изд-во Томского университета, 1991. 169 с.

13. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация: монография / под ред. А.С. Овчинского и В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2000. 367 с.

14. Дмитриев П.С. Комментарий к статье 9 Федерального закона «О Федеральной службе безопасности» // Оперативник (сыщик). 2006. № 3 (8). С. 26, 27.

References

1. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 31.12.2015 no. 683 (accessed 12.10.2018). (In Russ.)
2. On the Strategy for the Scientific and Technological Development of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation of 01.12.2016 no. 642 (accessed 12.10.2018). (In Russ.)
3. On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the Period up to 2030: decree of the President of the Russian Federation of 13.05.2017 no. 208 (accessed 12.10.2018). (In Russ.)

4. Bocharov A.I., Arefev S.A. Analysis of the operational situation and features of the operational and preventive measures in the field of undermining the economic foundations of the illegal turnover of oil and oil products // Economic security of Russia: political guidelines, legislative priorities, security practices: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006, no. 6, pp. 230—237. (In Russ.)
5. Bondarev V. The agreed amount of state armaments program for 2018-2025 is 19 trillion rubles. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/474605> (accessed 12.10.2018). (In Russ.)
6. Criminology: a course of lectures / A.A. Glukhova, O.D. Kalashnikov, M.A. Merkulov, M.V. Mytarev. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 301 p. (In Russ.)
7. Features of the investigation of criminal cases of crimes committed in the field of the military-industrial complex: guidelines. Moscow: All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 75 p. (In Russ.)
8. Ilyin I.V. Theoretical foundations of the fight against fraud committed in the economic sphere (criminal law and criminological problems): monograph / ed. by V.D. Larichev. Moscow: Yurlitinform Publ., 2010. 328 p. (In Russ.)
9. Prokoshin V.A. The right, the power and the livelihood of the people: the basics of the newest camera studies. Monograph. Moscow: «Catalog» Publ., 2000. 469 p. (In Russ.)
10. Oxymoron (greek, literally — witty-stupid) — a stylistic turn, which combines semantically contrasting words, creating an unexpected semantic unity. Dictionary of Foreign Words / ed. by V.V. Burtseva, N.M. Semenov. 5th ed., stereotype. Moscow: Russian language — Media; Drofa Publ., 2008. 817 p. (In Russ.)
11. Avanesov G.A. Criminology. Textbook. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1984. 500 p. (In Russ.)
12. Kleimenov M.P. Criminal law forecasting. Monograph. Tomsk: Tomsk University Press, 1991. 169 p. (In Russ.)
13. Ovchinsky S.S. Operational search information. Monograph / ed. A.S. Ovchinsky and V.S. Ovchinsky. Moscow: INFRA-M Publ., 2000. 367 p. (In Russ.)
14. Dmitriev P.S. Commentary to article 9 of the Federal Law «On the Federal Security Service». *Operative (detective)*, 2006, no. 3 (8), pp. 26, 27. (In Russ.)

УДК 34

DOI 10.24411/2078-5356-2019-10235

Арзамасов Владислав Юрьевич
Arzamasov Vladislav Yu.

преподаватель колледжа

Российский университет кооперации (141014, Московская область, Мытищи, ул. В. Волошиной, 12/30)

teacher of the college

Russian University of cooperation (12/30 V. Voloshina st., Mytishchi, Moscow region, Russian Federation, 141014)

E-mail: arzamasov.vladislav@gmail.com

**Современное состояние модели правового регулирования,
устанавливающей уголовную ответственность
за нарушение норм лесного законодательства**

**The current state of the model of legal regulation establishing
criminal liability for violation of the norms of forest legislation**

В статье рассмотрены действующие модели лесоохраны. Автор приходит к выводу, что Лесной кодекс Российской Федерации не определяет точной юридической ответственности за лесонарушения, а отсылает к нормам административного, уголовного и гражданского законодательства. В законодательстве отсутствуют важные понятия «лес», «массовая рубка» и др. Ставится вопрос: какая же модель правового регулирования лесоохраны является оптимальной?

Для создания такой модели предлагается разработать новые методики определения юридической ответственности за лесонарушения, а для повышения эффективности уголовной ответственности за нарушение норм лесного законодательства автор предлагает внести необходимые изменения в уголовное и лесное законодательство, что подтверждает анализ составов преступлений за нарушение норм лесного законодательства. Отмечается, что новая модель правового регулирования, устанавливающая уголовную ответственность за нарушение норм лесного законодательства, должна быть многоуровневой, при ее разработке необходимо учитывать как позитивные, так и негативные отклонения от действующей правовой конструкции. Создавать такую оптимальную модель должны не только специалисты в области уголовного и лесного законодательства, но и нормотворцы — профессионалы в области нормотворчества.

Ключевые слова: модель правового регулирования, механизм лесоохраны, лесное законодательство, уголовное законодательство, уголовная ответственность, нормы лесного законодательства, нормотворец.

The article deals with the current models of forest protection. The author comes to the conclusion that the Forest Code does not define the exact legal responsibility for forest disturbances, but refers to the norms of administrative, criminal and civil legislation. In the legislation there are no important concepts of «forest», «mass cutting», etc. The question is: which model of legal regulation of forest protection is optimal?

To create such a model, it is proposed to develop new methods for determining the legal liability for forest disturbance, and to increase the effectiveness of criminal liability for violating the norms of forest legislation, the author suggests making the necessary changes to the criminal and forest legislation, which is confirmed by an analysis of the offenses for violation of forest law. It is noted that a new model of legal regulation that establishes criminal liability for violating the norms of forest legislation should be multi-level, in its development it is necessary to take into account both positive and negative deviations from the current legal framework. Such an optimal model should be created not only by experts in the field of criminal and forestry legislation, but also by normo-professionals who are professionals in the field of rule-making.

Keywords: model of legal regulation, forest protection mechanism, forest legislation, criminal legislation, criminal liability, norms of forest legislation, normoreiter.

© Арзамасов В.Ю., 2019

В системе современного российского права уголовное и лесное законодательство тесно взаимосвязаны. При этом нормы уголовного закона не просто дополняют положения норм Лесного кодекса Российской Федерации (далее — ЛК РФ), но также способствуют выстраиванию целостного механизма лесоохраны. При этом мы придерживаемся точки зрения Е.И. Немировского, который под правовой охраной лесов предлагает понимать совокупность норм юридической ответственности за нарушения лесного законодательства и государственного управления в области охраны и использования лесов [1, с. 9—15]. Данный тезис подтверждает глава 26 «Экологические преступления» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Проведенный анализ показал, что конструкция механизма регламентации наказания за нарушение лесного законодательства в нашей стране смоделирована таким образом, что без санкций охранительных норм УК РФ он не сможет работать. Следовательно, институт уголовной ответственности за нарушение норм лесного законодательства в Российской Федерации выступает определенным структурным элементом уголовного закона, без которого общественные отношения в сфере лесоохраны окажутся фактически не урегулированными.

Современной теории и практике как отечественного, так и зарубежного нормотворчества известны такие способы изложения норм права, как прямой способ, ссылочный и бланкетный. При прямом способе нормы права располагаются в самом нормативном правовом акте (законе, указе, постановлении, инструкции, административном регламенте и т. д.). При ссылочном имеется ссылка либо на статью или пункт, если это касается нормативных указов Президента, а также нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, этого же нормативного правового акта, либо в ссылочной норме четко указано название акта, на который идет ссылка. При бланкетном способе и соответственно в бланкетной диспозиции прямой ссылки нет, но она (ссылка) вытекает из анализа содержания данной нормы. По мнению И.А. Михайловой, «особенности бланкетных норм, заключающиеся в том, что описание признаков состава преступления содержится не только в уголовном законе, но и в нормативных правовых актах иных отраслей права» [2, с. 3].

Сообразно с выбранными способами изложения норм права выстраиваются и модели правового регулирования тех или иных общественных отношений.

Между тем в отечественной науке недавно появилось совершенно противоположное рассматриваемому термину понятие — «отклонение от правовой модели». Как подчеркивает профессор Ю.А. Тихомиров, авторы данного понятия «стремились показать влияние социальных конфликтов на ход реализации моделей, с ними органически связаны проблемы выявления и преодоления конфликта интересов в публичном и частном праве. Причинами таких противоречий служат как дефекты в праве, так и сложный механизм противоправного поведения» [3, с. XIV].

Анализ норм российского законодательства, если в данное понятие включать все федеральные нормативные правовые акты, свидетельствует о том, что классической моделью правового регулирования в современной России является модель, разработанная по формуле «федеральный закон — подзаконный нормативный правовой акт — правоприменительный акт». Довольно часто для регулирования общественных отношений применяются такие варианты указанной модели, как: «федеральный закон — постановление Правительства — правоприменительный акт»; «федеральный закон — ведомственный нормативный правовой акт — правоприменительный акт».

Однако в российской теории и практике нормотворчества возможны и такие формулы моделирования: «указ Президента Российской Федерации — постановление Правительства — правоприменительный акт»; «Постановление Правительства — ведомственный нормативный правовой акт — правоприменительный акт».

Как видим, примеры моделей правового регулирования довольно разнообразны и перечисление их можно продолжать. Первичные (отправные) нормы могут содержаться не только в федеральных законах, но и подзаконных актах высших органов государственной власти (нормативных указах Президента, постановлениях Правительства) и даже в нормативных актах федеральных органов исполнительной власти (ведомственных актах).

Однако такие правовые модели могут навести нас на мысль о нарушении принципа разделения властей в Российском государстве. Конкретный ответ на данный вопрос 30 апреля 1996 года дал Конституционный Суд Российской Федерации, в постановлении, которого «По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. № 1969 “О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Рос-

сийской Федерации» и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным указом» говорилось, что не противоречит Конституции Российской Федерации издание Президентом России «указов, восполняющих пробелы в правовом регулировании по вопросам, требующим законодательного решения, при условии, что такие указы не противоречат Конституции Российской Федерации и федеральным законам, а их действие во времени ограничивается до принятия соответствующих законодательных актов» [4].

В регламентации отношений лесоохраны в Российской Федерации также существует не одна модель правового регулирования, созданная по формуле «федеральный закон — федеральный закон — акт применения права», а различные модели. Хотя превалирует здесь модель, согласно которой первичные нормы ЛК РФ содержат ссылочную, если сказать более точно, бланкетную диспозицию, отсылающую к санкциям норм УК РФ, на основе которых, при наличии установленных сотрудниками Следственного комитета обстоятельств дела, судья выносит приговор за преступления в сфере лесоохраны.

Как показал проведенный нами анализ, модели правового регулирования лесоохраны не ограничиваются рассмотренной выше конструкцией. В данном случае под такой конструкцией мы понимаем определенное средство нормотворческой юридической техники, применяемое для создания специальной структуры нормативного материала, которое соответствует определенному виду правоотношений и форме ответственности юридически обязанных лиц.

Зачастую исследование и выбор правовой модели осуществляется в так называемом «имитационном режиме». Однако что же делать законодателю, если модель правового регулирования «дает сбой», неэффективно регулирует общественные отношения?

Методологическое решение в данном вопросе должно быть следующим. Перед совершенствованием модели правового регулирования следует рассматривать и учитывать разные факторы влияния на правовую конструкцию, как явные (основные), так и неосновные. Данные факторы могут носить и совершенно противоположный характер. Для того чтобы найти оптимальный вариант такого вида правового воздействия на общественные отношения, как правовое регулирование, необходимо проводить комплексный анализ. При этом нужно

учитывать не только негативные, но и так называемые позитивные отклонения, в которых, по мнению Ю.А. Тихомирова, «...выражается сложность юридико-познавательного процесса. Возникают новые правовые явления, взгляды и позиции, выявляются пробелы и ошибки в правовом регулировании, на основе социального опыта появляется много инициативных способов саморегулирования» [3, с. XIV].

В статье «Моделирование в праве: проблемы и перспективы» Е.Н. Салыгин предложил два возможных варианта решения данной проблемы. Так, он отмечает: «если модель не дает истинных, достаточных данных и не позволяет достигнуть намеченных целей, то она должна быть скорректирована или заменена на другую». Для проверки «истинности (верификации)» правовой модели, автор предлагает использовать «экспертные опросы, социальные эксперименты» [5, с. 28]. Иными словами, он указывает на необходимость шире использовать социологические методы в правовом регулировании. В этой связи С.А. Балашенко правильно, на наш взгляд, предупреждает, что «...изменения в модели могут также привести к ее неэффективности, и велика вероятность, что предполагаемые результаты не будут достигнуты» [6, с. 95].

Здесь следует заметить, что проблема эффективности правового регулирования возникла не сегодня, к ней неоднократно обращались разные ученые (теоретики права, представители уголовного, административного, экологического и других отраслей права). Ее истоки уходят еще в советское время, однако и сегодня данная проблема является актуальной, что позволяет нам говорить о необходимости повышения эффективности правового регулирования лесоохраны. Несомненно, что данная проблема актуальна и нуждается в самостоятельном изучении. В этой связи возникает справедливый вопрос: какая же модель правового регулирования лесоохраны является оптимальной? И может ли она быть единой, унифицированной?

Структурное разнообразие моделей правового регулирования связано, прежде всего, с определением меры уголовного наказания. На практике у правоприменителей нередко появляется необходимость обращаться к другим нормативным правовым актам для решения задачи в форме привлечения виновного к уголовной ответственности. Анализ норм ЛК РФ показывает, что в нем нет никакой информации по данному вопросу, а административные и уголовные правонарушения часто пересекаются и имеют смежный характер, поскольку отграничиваются друг

от друга лишь степень общественной опасности и размерами степени материального вреда.

В этой связи для эффективного правового регулирования появляется необходимость обращения не только к актам, обладающим высшей юридической силой федерального закона, но и к подзаконным нормативным правовым актам, например, таким как постановление Правительства Российской Федерации от 19 февраля 1996 года № 158 «О Красной книге Российской Федерации». В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2004 года № 400 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере природопользования и внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 22 июля 2004 г. № 370» функции по ведению Красной книги Российской Федерации возложены на Федеральную службу по надзору в сфере природопользования.

Более того, при рассмотрении дел, касающихся экологического законодательства, судам необходимо в каждом отдельном деле выяснять размер нанесенного ущерба, так как аналогия в данном вопросе просто недопустима [1], поскольку существует огромная разница между преступлениями, совершенными в заповеднике, на территории земель городского леса или же в тайге.

Сегодня большинство современных ученых, как и российский законодатель, отрицают аналогию в уголовном праве, так, например, Р.Р. Галиакбаров отмечает, что «...по наличию аналогии в законодательстве можно судить в определенной мере о состоянии законности в государстве» [7, с. 92—93]. Между тем и в учебной литературе [8, с. 48], и в диссертационных исследованиях мы находим высказывания в поддержку применения аналогии в уголовном праве [9].

Ключевое значение в ответе на данную проблему имеет стоимость и ценность различных пород деревьев и какую роль они играют для общества и страны в целом. Поскольку цена одной редкой голубой ели, находящейся в красной книге, может в несколько раз превышать стоимость сосны. В этой связи при установлении объема возмещения экологического вреда и расчета ущерба необходимо следовать как централизованно утвержденным методикам подсчета и установленным таксам, так и региональным нормам, конкретизирующим положения норм федерального законодательства [10].

Таким образом, в регламентации отношений лесоохраны в нашем государстве применяются и такие довольно сложные модели правового регулирования, как «федеральный закон — фе-

деральный закон — постановление Правительства — постановление Правительства — акт применения права»; «федеральный закон — федеральный закон — постановление Правительства — нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации — акт применения права».

Проведенный нами анализ позволяет сделать ряд предложений, направленных как на повышение эффективности правового регулирования лесоохраны, так и методологического характера. Считаем, что необходима разработка и применение новых методик определения юридической ответственности за лесонарушения, в том числе обязательно должны быть внесены изменения в уголовное и лесное законодательство, а также в постановление Правительства Российской Федерации от 8 мая 2007 года № 237 (ред. от 11.10.2014, с изм. от 02.06.2015) «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» (далее — постановление № 237) [11], поскольку в настоящий момент данные акты устарели, пробельны, следовательно, они не соответствуют современным реалиям. Рассмотрим данную проблему более подробно.

Во-первых, ЛК РФ не определяет точной юридической ответственности за лесонарушения, а отсылает к нормам административного, уголовного и гражданского законодательства.

Во-вторых, отсутствует норма-дефиниция, раскрывающая понятие «массовая рубка», не говоря уже про само законное определение леса. Такой по существу терминологический пробел затрудняет применение уголовной ответственности, поскольку за данное нарушение, на наш взгляд, должно быть установлено наказание, адекватное содеянному.

В-третьих, отсутствие в законодательстве ответственности за вырубку редких и особо охраняемых растений и деревьев, хотя в свою очередь в УК РФ встречаются статьи: статья 258¹ «Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации» и статья 259 «Уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации», является пробелом в уголовном законе и нуждается в законодательном восполнении.

В-четвертых, в законодательстве имеется явный терминологический пробел, поскольку норма-дефиниция, раскрывающая понятие

«массовая рубка» в отечественном законодательстве отсутствует. Российский законодатель ни в одном из нормативных правовых актов не раскрыл данное понятие, поэтому вопрос определения массовости рубки ложится опять же на правоохранителей, что создает очередные прецеденты. Помимо этого, такое положение вещей выступает определенным коррупциогенным фактором, поскольку предоставляет широкие возможности для судебного усмотрения.

В-пятых, в связи с вышеперечисленными проблемами возникла другая проблема, а именно исчисление нанесенного ущерба экологии и государству в целом, поскольку в постановлении № 273 были упущены вопросы регламентации массовой вырубке, а также вырубки редких растений. В данном документе речь идет лишь о разделении на хвойные породы деревьев, кустарники и лианы, а редкие виды растений фактически выпали из данного перечня. Казалось бы, что такое «перечень»? Это чисто технический прием! Но в результате, что мы имеем на практике? Правонарушитель за уничтожение редких растений и распространенных повсеместно растений несет одинаковое наказание, что в реальности нарушает как общеправовой, так и отраслевой принцип справедливости.

Данный пример ярко подтверждает мысль, высказанную профессором В.М. Барановым о том, что «правотворчеством должны заниматься профессионалы». В этой связи, сетуя на то, что «системного обучения этой специальности в реальности нигде **не ведется** и диплом соответствующего образца не существует» [12, с. 19], профессор В.М. Баранов предлагает интересное решение — профессионалов готовить специально и именовать «норморайтерами» [12, с. 19]. Для того чтобы придать большую значимость данной профессии и наполнить ее структуру необходимыми компетенциями, он предлагает «разработать профессиональный стандарт норморайтера» [12, с. 20].

Что же касается лесоохраны, то важным решением этой проблемы, на наш взгляд, будет даже не создание нового кодекса, чем должны заниматься норморайтеры в области лесного и уголовного законодательства, а внесение дополнений в существующее законодательство в форме необходимых норм-дефиниций. Без специальных знаний лесного, уголовного законодательства и без определенных знаний, умений и навыков применения средств нормотворческой юридической техники в решении этого вопроса не обойтись. Это обусловлено, прежде всего, тем, что статьи ЛК РФ в вопросах применения

наказания имеют форму исключительно бланкетной структуры, соответственно в этих нормах отсутствует как таковая санкция, необходимая для привлечения данного лица к уголовной и административной ответственности. В этом отношении следует отметить, что норморайтеры должны обладать навыками и приемами формулирования норм права в различных областях.

Конечно, для создания новой модели лесоохраны нужна политическая воля руководства страны, но, как справедливо подчеркивает В.М. Баранов, «миссия юриста — преобразовать политическую волю государственных руководителей в выгодную правовую форму» [12, с. 25]. Осуществление данной задачи под силу только высокообразованным норморайтерам.

Вернемся к анализу норм лесного законодательства. В главе 13 «Ответственность за нарушение лесного законодательства» в статье 99 «Административная, уголовная ответственность за нарушение лесного законодательства» говорится лишь о том, что «лица, виновные в нарушении лесного законодательства, несут административную, уголовную ответственность в порядке, установленном законодательством Российской Федерации». Таким образом, законодатель из ЛК РФ намеренно исключил санкцию из данной статьи. Такая же ситуация обстоит и с другими статьями ЛК РФ.

Конкретный уголовный запрет и санкции за нарушение норм лесного законодательства мы находим в статье 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений». Рассмотрим с формально-юридических позиций состав данного преступления.

Во-первых, определим объект указанного преступления. В качестве объекта выступают лесные насаждения. Однако неконкретное, нечеткое понятие лесных насаждений привело к необходимости официального нормативного толкования, которое осуществил Пленум Верховного Суда Российской Федерации. В пункте 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 года № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (далее — постановление № 21) предметом преступлений, предусмотренных статьями 260 и 261 УК РФ, он определил «лесные насаждения, то есть деревья, кустарники и лианы, произрастающие в лесах, а также деревья, кустарники и лианы, произрастающие вне лесов (например, насаждения в парках, аллеях, отдельно высаженные в черте города деревья,

насаждения в полосах отвода железнодорожных магистралей и автомобильных дорог или каналов)». При этом высший судебный орган отметил, что «не имеет значения, высажены ли лесные насаждения или не отнесенные к лесным насаждениям деревья, кустарники, лианы искусственно либо они произросли без целенаправленных усилий человека» [13].

Также в анализируемом постановлении подчеркивалось, что «не относятся к предмету указанных преступлений, в частности, деревья, кустарники и лианы, произрастающие на землях сельскохозяйственного назначения (за исключением лесных насаждений, предназначенных для обеспечения защиты земель от воздействия негативных (вредных) природных, антропогенных и техногенных явлений), на приусадебных земельных участках, на земельных участках, предоставленных для индивидуального жилищного, гаражного строительства, ведения личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства, животноводства и огородничества, в лесопитомниках, питомниках плодовых, ягодных, декоративных и иных культур, а также ветровальные, буреломные, сухостойные деревья, если иное не предусмотрено специальными нормативными правовыми актами». Однако в постановлении также говорилось, что «рубка указанных насаждений, а равно их уничтожение или повреждение при наличии к тому предусмотренных законом оснований могут быть квалифицированы как хищение либо уничтожение или повреждение имущества».

Объективную сторону состава рассматриваемого преступления составляет деяние в форме противоправного виновного преступного действия, каким является незаконная рубка насаждений. Согласно статье 16 ЛК РФ, рубками лесных насаждений (деревьев, кустарников, лиан в лесах) признаются процессы их валки (в т. ч. спиливания, срубания, срезания), а также иные технологически связанные с ними процессы (включая трелевку, частичную переработку, хранение древесины в лесу).

Согласно нормативному толкованию, осуществленному постановлением № 21, в которое постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 мая 2015 года № 19 были внесены изменения, «незаконной является рубка насаждений с нарушением требований законодательства, например рубка лесных насаждений без оформления необходимых документов (в частности, договора аренды, решения о предоставлении лесного участка, проекта освоения лесов, получившего положи-

тельное заключение государственной или муниципальной экспертизы, договора купли-продажи лесных насаждений, государственного или муниципального контракта на выполнение работ по охране, защите, воспроизводству лесов), либо в объеме, превышающем разрешенный, либо с нарушением породного или возрастного состава, либо за пределами лесосеки». Помимо этого, Пленум призвал «обратить внимание судов на то, что договор аренды лесного участка или решение о предоставлении лесного участка на иных правах для заготовки древесины либо других видов использования лесов не являются достаточным правовым основанием для проведения рубок лесных насаждений. В частности, рубка лесных насаждений арендатором лесного участка считается незаконной в тех случаях, когда у такого лица отсутствуют документы для рубки лесных насаждений на арендованном участке (например, проект освоения лесов, получивший положительное заключение государственной или муниципальной экспертизы) либо были вырублены деревья, рубка которых не предполагалась проектом освоения лесов или произведена с нарушением сроков».

Субъектом данного состава преступления являются вменяемые лица, достигшие к моменту совершения преступления возраста привлечения к уголовной ответственности, то есть шестнадцати лет.

Однако на практике было много вопросов связано с привлечением к уголовной ответственности лиц, действующих организованной группой. В этой связи Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении № 21 по данной проблеме в пункте 19 дал следующее официальное толкование: «При квалификации незаконной рубки, совершенной организованной группой (ч. 3 ст. 260 УК РФ), следует учитывать, что под организованной группой понимается устойчивая группа из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений». Помимо этого, в данном интерпретационном акте высшей судебной инстанции в Российской Федерации подчеркивалось, что «действия всех членов организованной группы, принимавших участие в подготовке или в совершении незаконной рубки насаждений, независимо от их фактической роли следует квалифицировать по части 3 статьи 260 УК РФ без ссылки на статью 33 УК РФ».

Помимо этого, у правоприменителей (дознателей, следователей, судей, прокуроров) нередко возникали вопросы привлечения к ответ-

ственности лиц, которые сами непосредственно не совершали рубку леса, но являлись организаторами таких преступных деяний. Решить данную проблему Верховный Суд также попытался с помощью нормативного толкования, указав в пункте 20 анализируемого нами постановления, что «если лицо совершило незаконную рубку лесных насаждений, посредством использования другого лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств (в том числе в связи с прекращением в отношении этого лица уголовного дела за отсутствием в деянии состава преступления), его надлежит привлекать к ответственности как исполнителя преступления, предусмотренного статьей 260 УК РФ».

По нашему мнению, лицо, организовавшее рубку леса, следует привлекать к уголовной ответственности именно как организатора, а не как исполнителя преступления, что фактически является подменой юридических понятий и смягчением уголовной ответственности.

Субъективную сторону рассматриваемого состава преступления составляет, прежде всего, такая форма вины, как прямой умысел субъекта, осуществляющего незаконную рубку. Целью данного преступления является незаконное завладение вырубленными деревьями, кустарниками, либо лианами, если это касается незаконной рубки, производимой в лесах. Что касается мотивов как составных элементов субъективной стороны преступления, то они в рассматриваемом составе преступления могут быть разными. Например, это может быть жажда наживы, нанесение вреда окружающей среде, расчистка площадки под строительство жилых, промышленных зданий, для сдачи в аренду и т. п. Хотя, с другой стороны, для квалификации рассматриваемого преступления судами, мотивы данного вида преступления на практике особого значения не имеют.

Также необходимо указать на статью 261 УК РФ для конструктивного решения обозначенной проблемы. Данная статья регламентирует уголовную ответственность за уничтожение или повреждение лесных насаждений и иных насаждений в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности.

Причем часть 3 данной статьи устанавливает уголовную ответственность за уничтожение или повреждение лесных насаждений и иных насаждений путем поджога, иным общеопасным способом либо в результате загрязнения или иного негативного воздействия.

При этом законодатель, по мнению Ю.А. Тимошенко, «описывая объективную сторону составов данных преступлений, использовал одно и то же отглагольное существительное “повреждение”. Данный термин может трактоваться и как процесс (равнозначно глаголу “повреждать”) и как результат этого процесса, деятельности (исходя из значения глагола “повредиться”). В такой ситуации точный смысл должен выясняться исходя из общего контекста уголовно-правового запрета» [14, с. 202].

Н.А. Лопашенко, рассматривая составы статей 260 и 261 УК РФ, утверждает, что обязательными признаками объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 261 УК РФ, выступают: деяние в двух альтернативных формах (уничтожение и повреждение лесных и иных насаждений) и способ их совершения — неосторожное обращение с огнем или иным источником повышенной опасности [15, с. 234].

В отличие от статьи 260, где субъективной стороной преступления является вина в форме прямого умысла, в статье 261 формой вины выступает, как правило, небрежность в виде легкомыслия. Однако на практике при квалификации данного состава преступления может быть и альтернатива.

Анализ норм статей 260 и 261 УК РФ дает основание сделать следующие выводы.

1. Структура норм, содержащихся в статьях 260 и 261 УК РФ, имеет схожий характер, так как состоит из трех необходимых для охранительной нормы права элементов — гипотезы, диспозиции и санкции.

2. Санкции норм рассмотренных статей также имеют схожий характер, однако они недостаточно строги для правонарушителей, поскольку не носят сдерживающий от преступлений характер. В этой связи необходимо, помимо основного уголовного наказания в виде штрафа либо лишения свободы, привлекать лиц, совершивших преступления, предусмотренные статьями 260 и 261 УК РФ, к лесовосстановительным работам. Такая санкция по своей природе будет кумулятивной, поскольку предусмотренный в ней вид дополнительного уголовного наказания, если не в полной мере, то хотя бы частично способствует восстановлению лесных массивов, уничтоженных правонарушителями в процессе совершенных преступлений.

3. Норма-дефиниция, раскрывающая в УК РФ понятие «крупный ущерб», является дефектной. Она не конкретная, не ясная, так как мы можем под крупным размером понимать два, три или десять и более деревьев.

4. Нормы уголовного закона России, регламентирующие уголовную ответственность за нарушение лесного законодательства, не отвечают современным требованиям, предъявляемым к содержанию норм уголовного права, и нуждаются в серьезных корректировках, направленных на совершенствование механизма лесоохраны.

Резюмируя сказанное выше, можно сделать вывод, что современное состояние российской модели правового регулирования лесоохраны не является оптимальным. Данная модель сложна, запутана, пробельна как в терминологической части, так и в части установления санкций, предусматривающих уголовную ответственность за нарушение норм лесного законодательства. Актуализируется проблема создания эффективной многоуровневой модели правового регулирования лесоохраны, для разработки которой необходимо учитывать как позитивные, так и негативные отклонения от действующей правовой конструкции. Создавать такую оптимальную модель должны не только специалисты в области уголовного и лесного законодательства, но и нормотворцы — профессионалы в области нормотворчества. Здесь следует согласиться с мнением профессора В.М. Баранова, который отмечает, что только высокообразованные специалисты «переориентируют правотворческую политику и станут непреодолимой преградой для эффективного правотворчества» [12, с. 28].

Примечания

1. Немировский Е.И. Правовая охрана лесов. М., 1987.
2. Михайлова И.А. Бланкетные нормы в уголовном законе и их применение органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
3. Акопян О.А., Власова Н.В., Грачева С.А. и др. Правовые модели и реальность: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2014.
4. Собрание законодательства РФ. 1996. № 19, ст. 2320.
5. Салыгин Е.Н. Моделирование в праве: проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 3. С. 12—35.
6. Балашенко С.А. Правовое моделирование как метод правотворческой деятельности // Весник БДУ. Серья 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. 2015. № 3. С. 94—97.
7. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Р.Р. Галиакбарова. Саратов, 1997.
8. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996.

9. Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.

10. Красная книга редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений Бурятской АССР. Улан-Удэ, 1988.

11. Российская газета. 2012. 31 октября.

12. Баранов В.М. Нормотворец как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. С. 16—29.

13. Тимошенко Ю.А. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение лесных насаждений: вопросы квалификации // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 202—207.

14. Лопашенко Н.А. Экологические преступления: комментарий к гл. 26 УК РФ. СПб., 2002.

References

1. Nemirovsky E.I. Legal protection of forests. Moscow, 1987. (In Russ.)
2. Mikhailova I.A. Blanket norms in the criminal law and their application by the bodies of internal affairs. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2009. (In Russ.)
3. Akopyan O.A., Vlasova N.V., Gracheva S.A. and others. Legal models and reality: monograph / отв. ed. Yu.A. Tikhomirov, E.E. Rafalyuk, N.I. Khludeneva. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation, 2014. (In Russ.)
4. *Collection of legislative acts of the RF*, 1996, no. 19, art. 2320. (In Russ.)
5. Salygin E.N. Modeling in law: problems and prospects. Right. *Journal of Higher School of Economics*, 2013, no. 3, pp. 12—35. (In Russ.)
6. Balashenko S.A. Legal modeling as a method of law-making activity. *Bulletin of the BDU. Economic Rights*, 2015, no. 3, pp. 94—97. (In Russ.)
7. *Criminal law of the Russian Federation. A common part* / ed. R.R. Galiakbarov. Saratov, 1997. (In Russ.)
8. Naumov A.V. *Russian criminal law. A common part. Lecture course*. Moscow, 1996. (In Russ.)
9. Kaufman M.A. Gaps in the criminal law and ways to overcome them. Dissertation... doctor of legal sciences. Moscow, 2009. (In Russ.)
10. *Red book of rare and endangered species of animals and plants of the Buryat ASSR*. Ulan-Ude, 1988. (In Russ.)
11. *Russian gazeta*, 2012, October 31. (In Russ.)
12. Baranov V.M. Normoreiter as a profession. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2017, no. 6, pp. 16—29. (In Russ.)
13. Timoshenko Yu.A. Criminal liability for the destruction or damage of forest plantations: qualification issues. *Russian Journal of Legal Studies*, 2016, no. 2 (7), pp. 202—207. (In Russ.)
14. Lopashenko N.A. *Ecological crimes: a comment to ch. 26 of the Criminal code*. St. Petersburg, 2002. (In Russ.)

УДК 343.236.3

DOI 10.24411/2078-5356-2019-10236

Благодатин Анатолий Борисович
Anatoly B. Blagodatin

начальник кафедры огневой подготовки

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

chief of the department fire training

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: blagodatin@list.ru

Направления совершенствования института оконченного преступления в отечественном уголовном законодательстве

Directions of the Institute over crimes in national criminal law

Рассматриваются существующие проблемы правоприменения института оконченного преступления в современном отечественном уголовном законодательстве. Предлагается ряд конкретных мер модернизации отдельных технико-юридических конструкций Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), в том числе затрагивающих вопросы толкования и классификации завершенного преступного посягательства.

Ключевые слова: оконченное преступление, квалификация, уголовный закон, время преступления.

Deals with the existing problems of law enforcement of the institution of the finished crime in the modern domestic criminal legislation. In view of this, a number of areas and specific measures for the modernization of certain technical and legal structures of the criminal code, including those affecting the interpretation and classification of the completed criminal offense, are proposed.

Keywords: consummated crime, qualifications, criminal law, the time of the crime.

«Нет предела совершенству», — эта фраза, уходящая своими корнями в глубокую древность, сопровождает нас и по сегодняшний день. Возможно, именно этим руководствуется отечественный законодатель, внося уже не одну сотню поправок в действующий Уголовный кодекс, которому всего лишь два с небольшим десятка лет. В данном ключе подобная логика представляется нам вполне приемлемой, поскольку стремление к модернизации, усовершенствованию того, что было ранее, звучит гораздо приятнее, чем исправление своих же недоработок, упущений и ошибок. Здесь происходили криминализация деяний и их декриминализация, перемещение составов преступлений из одной главы в другую и множество других перспективных изменений, касающихся юридической оценки общественно опасных посягательств. Однако одна из ключевых проблем правоприменения по сути так и не нашла своего

разрешения. Судам неоднократно приходилось выносить постановления, разъясняющие важнейший аспект квалификации, а именно момент окончания того или иного правонарушения. Причиной выступает недостаточная унифицированность норм, образующих главу 20 УК РФ.

Настоящие высказывания нельзя назвать голословными, ведь если открыть текст уголовного закона не трудно будет заметить, что ни одной поправки в вышеуказанные положения с момента их принятия внесено не было, хотя проблема является очевидной уже далеко не первый год. Об этом вполне наглядно свидетельствуют и судебно-следственная практика, и исследования отечественных ученых в области уголовного права.

Наиболее эффективным способом выхода из сложившейся ситуации выступает необходимость разработки соответствующих направлений совершенствования правоприменения института оконченного преступления.

© Благодатин А.Б., 2019

Наиболее целесообразным решением выступает кардинальное видоизменение статьи 29 УК РФ «Оконченное и неоконченное преступление». В частности, предлагается изменить редакцию части 1 настоящей статьи, которая будет содержать более оптимальное и унифицированное определение юридически завершенного посягательства. При этом, исходя из специфики исследуемого феномена и взаимосвязанных с ним категорий (состав преступления, уголовная ответственность), а также технико-юридических конструкций отдельных преступлений, достаточно оправданным решением будет конкретизация в рамках этой же нормы его характерных признаков и отличительных критериев. Она невозможна без процесса классификации общественно опасных посягательств по моменту их юридической завершенности. В связи с этим нами предлагается следующее видение обозначенных положений уголовного закона:

Часть 1. Оконченное преступление есть юридический факт завершенности уголовного деяния, имеющий особенности законодательной конструкции, определенные в статьях Особенной части УК РФ, время наступления которого представляет собой различную вариантность относительно момента наступления общественно опасных последствий.

Часть 1.1. В зависимости от момента юридической завершенности, необходимой для привлечения виновного лица к уголовной ответственности за оконченное преступление, предусмотренные настоящим Кодексом, подразделяются на материальные преступления, нематериальные преступления и смешанные преступления.

Часть 1.2. Материальное преступление признается оконченным с момента наступления материальных последствий, предусмотренных диспозицией конкретной нормы Особенной части УК РФ.

Часть 1.3. Нематериальное преступление признается оконченным в момент создания непосредственной угрозы наступления материальных последствий либо с момента наступления нематериальных последствий, предусмотренных диспозицией конкретной нормы Особенной части УК РФ.

Часть 1.4. Смешанное преступление объединяет в себе понятия материального и нематериального преступления, и соответственно на него распространяются правила их квалификации в зависимости от того, какой вид альтернативных последствий (ма-

териальные или нематериальные), предусмотренных диспозицией конкретной нормы Особенной части настоящего Кодекса, имел место быть.

Часть 4. При квалификации преступлений в качестве оконченных или неоконченных необходимо учитывать признаки объекта преступления, определяющие характер наступивших или возможных общественно опасных последствий, а также направленность умысла (при его наличии) виновных лиц и степень его реализации.

Четвертая часть предлагаемой редакции статьи 29 УК РФ обеспечивает унифицированность разработанных норм посредством добавления двух факультативных критериев (направленность умысла и степень его реализации), которые не нашли своего отражения в сконструированной классификации, поскольку распространяются далеко не на все общественно опасные деяния (к таковым относятся неосторожные преступления). Однако при их наличии они обязательны для учета в процессе квалификации противоправного поведения в качестве юридически завершенного. В этой связи наиболее оптимальным решением, на наш взгляд, выступило выделение указанных положений в самостоятельную часть обозначенной статьи УК РФ.

При этом стоит отметить, что аргументация понятий, признаков и правил квалификации, использованных в предложенной выше технико-юридической конструкции, достаточно подробно рассмотрена в рамках предыдущего параграфа, в связи с чем, считаем целесообразным на этом не останавливаться и перейти к другим разработанным мерам по совершенствованию правоприменения института оконченного преступления в уголовном законодательстве.

Таким образом, мы в определенной степени затронули и еще одно направление, а именно — конкретизация признаков и критериев оконченного преступления. Все они имеют прямую взаимосвязь и при определенных условиях дополняют и усиливают друг друга. Тем не менее стоит сделать оговорку, что мы ведем речь далеко не обо всех классификациях оконченного преступления, а приводим и работаем лишь с теми, которые имеют непосредственное практическое значение и перспективу для своей законодательной регламентации.

Итак, скорее всего никто не станет спорить, что и с теоретической, и с практической точек зрения особый интерес представляет установление момента окончания общественно опас-

ных деяний, которые совершаются в течение более или менее длительного времени. Это так называемые длящиеся и продолжаемые преступления. Они в отличие от множественности преступлений образуют единое правонарушение, хотя внешне и похожее на серию самостоятельных посягательств.

Там, где законодательная конструкция преступления предполагает последующее невыполнение обязанности лица после какого-либо юридического факта, в законе отсутствует четко определенный срок, а также нет технической возможности фиксации этого срока, содеянное принято считать «длющимся». К таковым можно отнести асоциальное поведение, наказание за которое предусмотрено статьями 157, 177, 192, 193, 194, 338 УК РФ.

Особенностью этих преступлений является именно тот факт, что они представляют собой непрерывно осуществляемое в течение определенного отрезка времени преступное деяние, совершаемое в рамках оконченного преступления, выражающееся в действии (бездействии), сопряженном «с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования» [1, с. 5].

Длющийся характер преступления начинается с момента совершения преступного действия (бездействия), после которого оно может осуществляться в течение нескольких лет и заканчивается вследствие того, что сам виновный прекращает преступные действия либо наступают события, препятствующие дальнейшему совершению преступления [2, с. 26—27]. Практика пока не выработала иных критериев, с которыми может быть связан момент их фактического окончания, кроме тех, что были названы в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 года «Об условиях применения давности и амнистии к длющимся и продолжаемым преступлениям» [1, с. 5].

В ряде случаев довольно затруднительно сразу определить момент окончания некоторых из таких преступлений. И проблема эта осложняется оценочными понятиями, которыми закон оперирует при изложении отдельных преступных деяний. Так, при описании отдельных длящихся преступлений, к которым можно отнести преступления, регламентируемые статьями 177, 181¹, 314, 315, 330¹ УК РФ, законодателем используется признак «злостность», предполагающий определенные формы уклонения в виде действий, совершаемых в течение определенного промежутка времени, но законом содержа-

ние самого понятия не раскрывается. Очевидно, что начало и окончание этих преступлений связано с моментом, когда действия лица, уклоняющегося от выполнения возложенных на него обязанностей, становятся «злостными». Следовательно, чтобы определить момент окончания таких «длющихся» преступлений, необходимо выяснить, что означает оценочное понятие «злостность», было ли злостным поведение субъекта и можно ли в данном случае говорить, что преступление вообще было совершено.

Ответ на этот вопрос можно попытаться найти в судебной практике, в частности, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 года № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (п.п. 38 и 46) «злостность определяется как неисполнение каких-либо обязанностей после сделанного контролирующим органом предупреждения в письменной форме о недопустимости повторного нарушения» [3, с. 7]. Схожей же позиции придерживается и отечественная доктрина, в частности, можно привести в пример точку зрения А.П. Кузнецова, который под этим понятием подразумевает: «...продолжительное по времени неисполнение судебного акта... игнорирование неоднократных требований суда исполнить решение» [4, с. 979].

Таким образом, при длящихся и некоторых продолжаемых преступлениях понятие оконченного преступления охватывает известный отрезок времени, иногда значительный. Следовательно, правильное решение вопроса о месте и времени совершения преступления имеет многоплановое значение:

- 1) оказывает непосредственное воздействие на квалификацию;
- 2) позволяет отграничить оконченное преступление от неоконченного;
- 3) влияет на правильное решение вопросов, касающихся применения срока давности и амнистии.

Нужно признать, что настоящее время в главе 2 УК РФ, посвященной действию уголовного закона, имеются весьма примечательные положения. В части 2 статьи 9 УК РФ говорится, что временем совершения преступления признается момент осуществления общественно опасного деяния независимо от времени наступления последствий. Такое решение предлагалось некоторыми авторами, однако от него отказывались, начиная с УК РСФСР 1922 года. Нельзя признать данную норму удачной в силу ряда обстоятельств [5, с. 18].

Во-первых, в Особенной части УК РФ дана характеристика именно оконченных видов преступлений, а глава 6 «Неоконченное преступление» начинается с характеристики оконченного преступления, коим признается деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Даже если согласиться с таким определением (чего мы, конечно же, делать не стали), то все равно возникает вопрос: согласуется ли оно с частью 2 статьи 9 УК РФ, в которой, как уже упоминалось, говорится, что временем совершения преступления признается момент осуществления общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий. Очевидно, такое противоречие никак не объяснить темпоральной и содержательной коллизией, и найти выход из него трудно [5, с. 18].

Во-вторых, налицо противоречие между частью 2 статьи 9 УК РФ и статьей 8 УК РФ, указывающей, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Последствия же в настоящее время, как принято считать, являются необходимым признаком материальных составов преступления, из чего следует, что уголовная ответственность за оконченное посягательство может наступать и тогда, когда для этого нет предусмотренных уголовным законом оснований.

Справедливости ради заметим, что не было единого мнения по вопросу о времени совершения преступления и в доктрине уголовного права.

Так, Н.Д. Дурманов считал, что если «состав преступления включает в качестве признака объективной стороны деяния наступление общественно опасных последствий, преступление надо считать совершенным тогда, когда эти последствия наступили» [6, с. 261].

Иного мнения придерживаются М.И. Блум и А.А. Тилле, указывающие, что «преступления, где результат отдален во времени от вызвавшего его преступного деяния, временем совершения преступления будет время совершения самого деяния, образующего объективную сторону конкретного преступления. Временем же деяния... во всех рассмотренных категориях преступлений будет момент окончания деяния. Наступивший впоследствии результат деяния (например, смерть человека), даже если он составляет необходимый элемент определения состава преступления, учитывается при квалификации деяния или при назначении наказания,

остаётся за рамками времени совершения преступного деяния» [7, с. 48].

Приведенные позиции отражают основные взгляды на проблему времени совершения преступления, но не решают многих связанных с ней вопросов.

Во-первых, почему последние авторы настаивают именно на таком решении вопроса. С одной стороны, это продиктовано практической значимостью в случаях, когда новый закон усиливает наказание [7, с. 45—46], с другой — сам законодатель дал повод решать его таким образом. Дело в том, что в части 1 статьи 7 УК РСФСР 1960 года термин «деяние» имел точное значение, выраженное конструкцией «деяние — действие или бездействие), поэтому временем совершения преступления считалось время совершения деяния, то есть действия или бездействия, а указанные в диспозициях норм УК преступные последствия оставались за рамками времени совершения преступного деяния. В УК РФ 1996 года законодатель устранил скобочное уточнение понятия «деяние», тем самым включив в него помимо действия (бездействия) причиненные им общественно опасные последствия (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Однако уже в части 2 статьи 14 УК РФ термину «деяние» придается второе значение — как понятия, отождествляемого только с действием (бездействием). Логично, что подобное решение вызвало различное толкование данной дефиниции. Мы согласны с теми авторами, которые полагают, что этот термин в буквальном смысле употребляется для обозначения действия или бездействия как акта внешних форм преступного поведения, так и для обозначения преступления в целом [8, с. 68—69]. Таким образом, получается, что статья 9 УК РФ «Действие уголовного закона во времени» при определении времени совершения преступления исходит из поведения человека, выразившегося вовне в виде конкретных актов действия или бездействия. Однако статья 8 УК РФ «Основание уголовной ответственности» помимо указанного критерия берет еще один, а именно: как материальная сторона преступления выразилась в преступном поведении лица, то есть выразилась ли она в совершении неоконченного либо оконченного преступления, имеющего особенности законодательной конструкции, не учитываемые статьей 9 УК РФ.

Что тогда могло служить мотивом закрепления в законе нормы с таким определением момента совершения преступления?

Для начала отметим, что данная норма была заимствована из УК ФРГ: «Временем соверше-

ния деяния считается то время, в течение которого исполнитель или соучастник действовал или, в случае бездействия, должен был действовать. Момент наступления последствий значения не имеет» (§ 8) [9, с. 13]. Германская доктрина объясняет такую конструкцию нормы следующим образом. «Тот факт, что УК ФРГ приурочивает время действия закона к моменту совершения действия (бездействия), а не наступления последствий, не случаен. Такая позиция законодателя определяется положениями «уголовного права деятеля». Опасность последнего по такому уголовному праву достаточно ясно объективируется в процессе самого действия и потому излишне ожидать наступления последствий» [10, с. 52]. Видимо, по этой же самой причине российский законодатель переносит правовые последствия деяния с причинения ущерба на сам процесс действия. Раз, по мнению законодателя, преступная воля и вместе с тем опасность субъекта в полной мере проявляются в момент совершения преступного действия (бездействия), то и оценивать совершенное им необходимо тоже в этот момент. Такое решение, как указывает Э.Т. Борисов, более чем правильно, поскольку предложение считать временем совершения преступления время наступления последствия приводит к неприемлемому выводу, что вопросы об уголовной противоправности деяния, о возрасте и вменяемости субъекта должны решаться применительно ко дню наступления последствия [11, с. 11].

Какой же можно найти выход в сложившейся ситуации?

А.Н. Игнатов предлагает признавать «временем совершения преступления — время совершения общественно опасного действия (бездействия) или время наступления общественно опасных последствий, если они предусмотрены уголовным законом» [12, с. 14].

Подобная позиция представляется нам достаточно спорной, поскольку если не брать так называемые одномоментные преступления (к примеру, террористический акт, в результате которого погибли люди), то в таком случае время совершения преступления будет растягиваться до совершенно абсурдных пределов. Допустим, убийца нанес жертве несколько ударов ножом в область груди, после чего скрылся. Благодаря стечению обстоятельств на месте происшествия своевременно оказалась карета скорой помощи, которая доставила потерпевшего в больницу, где тот скончался спустя неделю. При подобного рода обстоятельствах, следуя вышеуказанной точке зрения, получает-

ся, что время совершения преступления будет состоять из весьма значительного количества дней, а может быть недель, месяцев и т. д. Это могло бы выглядеть органично с точки зрения уголовного закона и элементарной логики, если бы речь шла о побеге из места лишения свободы (т. е. о делящемся преступлении), так как здесь преступник продолжал бы осуществлять действия, предусмотренные объективной стороной состава преступления. Но в иных случаях такое представляется абсолютно недопустимым в связи с тем, что глагол «совершать» все же подразумевает участие лица в каких-либо действиях, и как только те будут выполнены, соответственно и закончится время совершения преступления.

Далее считаем целесообразным привести точку зрения М.В. Гринь, который, аргументируя необходимость устранения несоответствия между частью 2 статьи 9 УК РФ и статьями 8 и 29 УК РФ, предлагает часть 2 статьи 9 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Временем совершения неоконченного преступления признается время:

- а) совершения приготовления к преступлению;
- б) совершения покушения на преступление.

Временем совершения оконченного преступления признается время совершения лицом деяния, содержащего все признаки оконченного состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом» [13, с. 16—17].

Не акцентируя внимание на последнем абзаце, который содержит пробелы, не раз упоминаемые в настоящей работе, остановимся лишь на идее сопоставления времени совершения общественно опасного деяния с его стадиями. Здесь мы можем лишь отметить, что предлагаемая норма с учетом имеющейся законодательной конструкции и даже правовой действительности не содержит фактически никаких противоречий и вполне логична. Однако в то же время перед нами предстала содержательная тавтология, не несущая практически никакой смысловой нагрузки, так как, по сути, нам лишь говорят, что время совершения неоконченного преступления = времени совершения неоконченного преступления. Наряду с чем остается неясным вопрос относительно значения общественно опасных последствий в обозначенной технико-юридической конструкции.

Наша же позиция по этому вопросу заключается в следующем. Рассмотрим ее на примере. Предположим, что А. в возрасте 17 лет совершил преступление, за которое ему может быть назначено наказание в виде смерт-

ной казни или в качестве замены пожизненное лишение свободы, но последствие, являющееся обязательным признаком такого деяния, наступило в момент, когда А. исполнилось 18 лет. Вопрос: справедливо ли ухудшать положение лица только потому, что норма о времени совершения преступления будет зависеть от видов законодательной конструкции оконченого преступления. Но, с другой стороны, подобные преступления достигают высшей степени общественной опасности именно в момент наступления преступных последствий. Вопрос о времени совершения преступления возникает только при наличии уголовно наказуемых деяний (неоконченное и оконченое преступление). Проблем с решением этого вопроса не будет возникать и при неоконченном преступлении, поскольку, с одной стороны, временем совершения преступления в таком случае будет признаваться момент прерывания преступной деятельности лица по не зависящим от его воли обстоятельствам, с другой стороны, имеются законодательные конструкции, вовсе не допускающие этапов реализации лицом своего преступного намерения, а значит исключающие и неоконченное преступление. Последние приобретают уголовно-правовое значение только в момент окончания преступления. Следовательно, решать вопрос о времени совершения преступления мы должны относительно оконченого преступления. В отношении преступлений, законодательная обрисовка которых не содержит прямых указаний на конкретные последствия, этот вопрос решается по схеме: момент (полного или частичного) совершения действия (бездействия) = время совершения преступления. Относительно преступлений, оканчивающихся в момент объективирования преступных последствий, укажем следующее. Среди подобных преступлений немало таких деяний, которые получили название одномоментных, то есть не имеющих практически никакого разрыва между совершением действия (бездействия) и причинением преступного вреда. Не возникает сложностей с применением части 2 статьи 9 УК РФ относительно сложных единичных преступлений, в том числе продолжаемых и длящихся преступных деяний, в рамках которых время их совершения вполне очевидно, тогда как момент их окончания нередко вызывает трудности у правоприменителя.

Следовательно, остается относительно небольшая часть преступлений, в которых преступный результат может (но не обязатель-

но) наступить по прошествии определенного времени. Более того, эти преступления могут быть прерваны либо выявится неудача в преступном посягательстве. Как уже можно было понять, речь идет о приготовлении и покушении, которые также являются неотъемлемой частью современной криминальной обстановки в стране. Стоит ли ради таких преступлений делать исключение в законе и подстраивать под нее основную массу общественно опасных деяний.

Таким образом, мы полагаем, что норма о времени совершения преступления должна соответствовать выделяемым в законе разновидностям оконченого преступления.

Исходя из вышеизложенного и в целях устранения имеющихся в законе противоречий и иных неточностей, предлагаем статью 9 УК РФ «Действие уголовного закона во времени» изложить в следующей редакции:

1. Преступность и наказуемость деяния определяются законом, действовавшим во время совершения этого деяния.

2. Временем совершения оконченого преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий.

3. Временем совершения неоконченого преступления признается время совершения общественно опасного действия, составляющего приготовление к преступлению, или общественно опасного действия (бездействия), составляющего покушение на преступление независимо от времени и факта наступления последствий.

Думается, что такая редакция статьи не только сделает текст закона более понятным, но и поможет выработать единое мнение по вопросу о времени совершения преступления, а значит, стабилизирует судебно-следственную практику. Наряду с этим, стоит отметить, что в третьей части данной статьи также сделано указание не только на время наступления последствий, но и на сам факт их наступления, поскольку в отдельных случаях не исключается, что таковые вообще могут отсутствовать как по воле самого преступника, так и по независящим от него обстоятельствам. Также необходимо учитывать, что если было осуществлено приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению, а затем произошло покушение на это правонарушение, то время совершения преступления соответственно сместится со стадии приготовления на покушение, что обусловлено логикой уголовного закона.

Примечания

1. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М.: Спарк, 1995.
2. Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 16 ноября 1957 г. по делу Басько С.Е. // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1958. № 1.
3. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 года № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В.К. Дуюнов и др.; отв. ред. Л.Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2005.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: Официальный текст: Ввод. в действие с 1 января 1997 г. / вступ. ст. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М.: Инфра-М: Норма, 1996.
6. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М.: МГУ, 1967.
7. Блум М.И., Тилле А.А. Обратная сила закона. М.: Юрид. лит., 1969.
8. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права: в 2 т. Общая часть. М.: Норма, 2001. Т. 1.
9. Уголовный кодекс ФРГ. М.: Юрид. колледж МГУ, 1996.
10. Кузнецова Н., Вельцель Л. Уголовное право ФРГ. М.: МГУ, 1980.
11. Борисов Э.Т. О терминологии, традициях и содержании проекта Уголовного кодекса // Проблемы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте Уголовного кодекса Российской Федерации): сборник научных статей и тезисов. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1994.
12. Игнатов А. О действии уголовного закона во времени // Уголовное право. 2002. № 1.
13. Гринь М.В. Неоконченное преступление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: КубГАУ, 2003.

References

1. Collection of decisions of Plenums of the Supreme Courts of the USSR and the RSFSR (Russian Federation) in criminal cases. Moscow: Spark Publ., 1995. (In Russ.)
2. Definition of the Military collegium of the Supreme Court of the USSR of November 16, 1957 in the case Basko S.E. *Bulletin of the Supreme Court of the USSR*, 1958, no. 1. (In Russ.)
3. On the practice of appointment of criminal punishment by the courts of the Russian Federation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 11, 2007 no. 2. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2007, no. 4. (In Russ.)
4. Comment to the Criminal code of the Russian Federation (article) / V.K. Duyunov et al.; resp. ed. L.L. Kruglikov. Moscow: Volters Kluver Publ., 2005. (In Russ.)
5. Criminal code of the Russian Federation: Official text: Enter. effective 1 January 1997 / introductory article — A.N. Ignatov, Yu.A. Krasikov. Moscow: Infra-M: Norma Publ., 1996. (In Russ.)
6. Durmanov N.D. Soviet criminal law. Moscow: Moscow state University Publ., 1967. (In Russ.)
7. Bloom M.I., Tille A.A. Retroactivity of the law. Moscow: Yurid. lit. Publ., 1969. (In Russ.)
8. Ignatov A.N., Krasikov Yu.A. Course of Russian criminal law: 2 vol. General part. Moscow: Norma Publ., 2001. Vol. 1. (In Russ.)
9. The criminal code of Germany. Moscow: Yurid. College of Moscow state University Publ., 1996. (In Russ.)
10. Kuznetsova N., Welzel L. Criminal law of Germany. Moscow: Moscow state University Publ., 1980. (In Russ.)
11. Borisov E.T. On terminology, traditions and content of the draft Criminal code. *Problems of criminal liability and its differentiation (in the draft Criminal code of the Russian Federation): collection of scientific articles and abstracts*. Yaroslavl: Yaroslavl state un-t Publ., 1994. (In Russ.)
12. Ignatov A. On the action of the criminal law in time. *Criminal law*, 2002, no. 1. (In Russ.)
13. Grin M.V. Unfinished crime. Author's abstract... candidate of legal sciences. Krasnodar: KSAU Publ., 2003. (In Russ.)

УДК 342.72/73
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10237

Бобков Алексей Геннадьевич
Alexey G. Bobkov

заместитель Фурмановского межрайонного прокурора Ивановской области, аспирант
Университет прокуратуры Российской Федерации (117638, Москва, ул. Азовская, 2/1)

deputy Furmanovsky inter-district Prosecutor of the Ivanovo region, a graduate student
University of the Prosecutor's office of the Russian Federation (2/1 Azovskaya st., Moscow, Russian
Federation, 117638)

E- mail: al-b-mail@mail.ru

Некоторые аспекты состояния правоприменения в сфере жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации

Some aspects of the state of law enforcement in the sphere of housing and communal services of the Russian Federation

В настоящее время жилищно-коммунальное хозяйство (далее — ЖКХ) является одной из основных отраслей в экономике. В современных условиях состояние ЖКХ определяет качество жизни и социального благополучия населения.

Конституцией Российской Федерации и законами Российской Федерации закреплено право граждан на жилище, и его реализация остается одной из самых актуальных и сложноразрешимых проблем. Решение жилищного вопроса является одной из самых главных задач на современном этапе развития нашего государства, что требует от прокуратуры Российской Федерации активизации и совершенствования надзора на данном направлении деятельности. В статье 2 Конституции Российской Федерации с учетом требований международных правовых актов закреплены нормы, согласно которым человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека. Данная конституционная норма является основополагающей для определения дальнейшего направления развития всех отраслей законодательства Российской Федерации и послужила импульсом для исследования различных аспектов прав и свобод человека в юридической науке. В современной российской юридической науке не получили достаточное освещение все вопросы, характеризующие сущностное содержание права на жилище. На основе правоприменительной практики рассмотрены некоторые аспекты состояния правоприменения в сфере жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации.

Now housing and communal services (further: housing and communal services) is one of the main branches in economy. In modern conditions, the state of housing and communal services determines the quality of life and social well-being of the population.

The Constitution of the Russian Federation and the laws of the Russian Federation enshrine the right of citizens to housing and its implementation remains one of the most urgent and difficult to resolve problems. The solution of the housing problem is one of the most important tasks at the present stage of development of our state, which requires the Prosecutor's office of the Russian Federation to activate and improve supervision in this area of activity. In art. 2 the Constitution of the Russian Federation, taking into account the requirements of international legal acts, establishes the norms according to which a person, his rights and freedoms are the highest value, and the state is obliged to recognize, observe and protect human rights and freedoms. This constitutional norm is fundamental for determining the further direction of development of all branches of legislation of the Russian Federation and served as an impetus for the study of various aspects of human rights and freedoms in legal science. In modern Russian legal science, all the issues characterizing the essential content of the right to housing have not received sufficient coverage. On the basis of law enforcement practice some aspects of the state of law enforcement in the sphere of housing and communal services of the Russian Federation are considered.

© Бобков А.Г., 2019

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, административно-правовой механизм, регулятивные административные правоотношения, охранительные административные правоотношения, мониторинг правоприменения, собственники жилья, законность, органы прокуратуры, жители, жилище, жилищное строительство, жилищно-коммунальные услуги, ресурсоснабжающие организации, многоквартирные дома, органы местного самоуправления, федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, Стратегия развития жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации, Кодекс административных правонарушений Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.

Keywords: housing and communal services, administrative and legal mechanism, regulatory administrative legal relations, protective administrative legal relations, monitoring of law enforcement, owners of housing, legality, bodies of Prosecutor's office, inhabitants, dwelling, housing construction, housing and communal services, resource supplying organizations, apartment houses, local governments, Federal Executive authorities, Executive authorities of subjects of the Russian Federation, Strategy of development of housing and communal services in the Russian Federation, The code of administrative offences of the Russian Federation, Code of administrative procedure of the Russian Federation.

Жилищно-коммунальная сфера в России традиционно считается тяжелым грузом для экономики государства. Решить данную проблему возможно лишь совместными усилиями самого государства и органов местного самоуправления.

На примере сферы функционирования жилищно-коммунального хозяйства (далее — ЖКХ) привлечем внимание к некоторым аспектам состояния правоприменения в жилищно-коммунальном хозяйстве Российской Федерации.

Как известно, конституционное право на жилище представляет собой сложный по составу правовой институт. Исходя из названной особенности государственно-правовой механизм, действующий в этой сфере, также носит обособленно-усложненный характер. В зависимости от вида решаемых вопросов он функционирует на трех управленческих уровнях (федеральном, региональном и местном) и отличается множественностью государственных и негосударственных субъектов, участвующих в складывающихся регулятивных и охранительных публичных правоотношениях.

В государственном управлении специалисты отмечают недостаточное акцентирование внимания на вопросах стратегического развития. Например, по мнению ректора Финансового университета при Правительстве Российской Федерации Михаила Эскиндарова «сегодня никто реально не отвечает за стратегическое развитие экономики» [1]. Подобные проблемы на протяжении ряда лет наблюдаются и в сфере ЖКХ. Принятая в 2016 году «Стратегия развития жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации на период до 2020 года» (Распоряжение Правительства Российской Фе-

дерации от 26 января 2016 г. № 80-р) [2] позволяет сделать вывод о том, что данная проблема в сфере ЖКХ при определенной государственной целеустремленности в ближайшее время может быть успешно решена.

Отмечаемая на протяжении последних 10 лет чрезмерная мобильность Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ) не лучшим образом сказывается на формировании понятной и стабильной практики применения жилищного законодательства. Более сорока изменений и дополнений, внесенных в него в данный период, возможно охарактеризовать как реакционные попытки законодателя урегулировать «стихийно» возникающие проблемы правового регулирования (например деятельности управляющих компаний, организация капитального ремонта жилья). Отсутствие должного использования прогностических возможностей государства существенным образом снижает эффективность деятельности законодателя в данной сфере.

В ходе проведения ежегодного мониторинга правоприменения положений ЖК РФ отмечено, что в 2014 году было принято 8 федеральных законов, а также 16 подзаконных нормативных правовых актов. Вместе с тем, при анализе правоприменительной практики по показателю наличия нормативных правовых актов, необходимость принятия которых предусмотрена актами большей юридической силы, было установлено, что при этом не было реализовано еще «29 положений ЖК РФ» [3].

Процесс совершенствования правоприменения в рассматриваемой сфере имеет постоянный характер и в субъектах Российской Федерации. Например, в Центральном Федеральном округе Российской Федерации к наи-

более частым правонарушением, допускаемым в данной сфере, относятся «многочисленные неплатежи и нецелевое расходование денег, отключения подачи тепла и электричества, запоздалые меры по устранению аварий, проведению ремонта жилого фонда» [4]. Даже из перечисленных далеко не полных примеров видно, что их виновниками являются не только организации, но и сами жильцы. Это тоже одна из особенностей допускаемых в этой сфере правонарушений.

Активную позицию в решении этой проблемы занимают органы прокуратуры [5]. Генеральный прокурор Российской Федерации Юрий Чайка отметил, что заявления граждан по поводу нарушений их прав в сфере ЖКХ «по-прежнему составляют значительную часть обращений в прокуратуру» [6]. Позже с целью наведения порядка в данной сфере он предложил поручить Минстрою России совместно с Фондом содействия реформированию ЖКХ выработать механизм эффективного контроля за деятельностью региональных операторов при расходовании средств населения на капитальный ремонт [7].

Определенная часть населения России продолжает проживать в признанных территориальными органами власти аварийном и ветхом жилье. Например, по утвержденным Правительством Российской Федерации целевым показателям на 2014—2015 годы предстояло расселить граждан, проживающих на 5,37 млн квадратных метрах жилья, признанного аварийным. По данным Минстроя, с января по октябрь 2015 года уже расселено 3,78 млн квадратных метров. При этом использовались различные способы расселения [8, с. 4]: долевое строительство и покупка на первичном рынке (67%); строительство (27%); выкуп помещений (4,7%); приобретение на вторичном рынке (1,3%).

В Ивановской области в деятельности местных администраций имели место нарушения сроков реализации программных мероприятий, а также факты отсутствия надлежащего контроля за соблюдением подрядчиками сроков строительства многоквартирных домов для переселения граждан из аварийного жилья и качества выполнения строительных работ.

Органами местного самоуправления не выполняются требования ЖК РФ в части осуществления гражданами права на жилье, использования бюджетных средств и иных не запрещенных законом источников для улучшения жилищных условий граждан, контроля исполнения жилищного законодательства, сохранности муниципального жилищного фон-

да, соответствия жилых помещений установленным санитарным, техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства, признания в установленном порядке жилых помещений муниципального жилищного фонда не пригодными для проживания. Не всегда своевременно принимаются решения об отселении жильцов из домов, признанных аварийными, капитальный ремонт домов не проводится, вследствие чего создается угроза жизни проживающих в них граждан, так как происходят обрушения элементов отделки здания. Таким образом, должностные лица органов местного самоуправления (администрации) уклоняются от исполнения обязанностей по решению вопросов пригодности жилых домов или проведения капитального ремонта.

Так, до настоящего времени на территории области не завершены этапы реализации региональной адресной программы «Переселение граждан из аварийного жилищного фонда на территории Ивановской области на 2013—2017 годы».

Обеспечение законности при переселении граждан из аварийного жилья является одной из наиболее актуальных проблем как в Ивановской области, так и в целом по стране. При этом меры прокурорского реагирования не всегда оказываются достаточно эффективными по причине их применения преимущественно после нарушения закона и прав граждан.

В этой связи решающее значение приобретают меры прокурорского реагирования упреждающего характера, применение которых возможно путем оперативного и своевременного получения полной, достоверной, а главное своевременной информации о состоянии законности на поднадзорной территории и возможных нарушениях законодательства.

Органами прокуратуры области принимаются меры реагирования в связи с ненадлежащим формированием программы капитального ремонта общего имущества в период с 2015 по 2018 год.

Выборочным анализом многоквартирных домов (далее — МКД), включенных в краткосрочную программу по г. Иваново, выявлено свыше 50 ветхих МКД с высоким процентом износа — от 70 до 80%. Вместе с тем, Департаментом меры по исключению из региональной программы капитального ремонта таких домов не принимаются. Вместе с тем, нормативный правовой акт во исполнение пункта 1 части 2 статьи 168 ЖК РФ, определяющий порядок, сроки проведения и источники финансирования реконструкции

или сноса многоквартирных домов, физический износ основных конструктивных элементов которых превышает семьдесят процентов, региональным законодателем не разработан.

В этой связи прокуратурой области решается вопрос о выходе с соответствующей инициативой в правительство Ивановской области.

В своем информационном письме Генеральная прокуратура Российской Федерации отметила [9], что во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 19 декабря 2014 года № Пр-2901 организован надзор за приведением в субъектах Российской Федерации нормативных правовых актов в соответствие с исчерпывающим перечнем процедур в сфере жилищного строительства, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2014 года № 403. В частности, в результате принятых мер прокурорского реагирования в ряде регионов были отменены не предусмотренные перечнем разрешительные процедуры, а также правовые акты, устанавливающие не предусмотренные законом основания для отказа в предоставлении публичных услуг.

С 15 сентября 2015 года вступил в действие новый Кодекс об административном судопроизводстве Российской Федерации [10]. Посредством предъявления исковых требований он предусматривает рассмотрение споров в судах общей юрисдикции, возникающих между сторонами в сфере действия регулятивных и охранительных административных правоотношений.

Несмотря на предпринимаемые государством меры многочисленные примеры на протяжении длительного времени показывают об отсутствии обоснованной логики в системе ценообразования услуг, предоставляемых населению государством и предпринимателями (и не только в этой легко ранимой социальной сфере). Об этом свидетельствует следующий пример, определяющий долю расходов населения в сфере ЖКХ (%): жилищно-коммунальные услуги — 33,1; учреждения культуры — 14,9; бытовые услуги — 11,4; связь — 10,9; транспорт — 10,8; медицина — 6; образование — 5,3; санаторно-курортные услуги — 1,8; прочее — 5,8 (по данным Росстата) [11, с. 1].

Многочисленные нарушения допускаются управляющими компаниями при установлении платы за жилые помещения. Вопросы устранения «правонарушений в сфере жилищно-коммунального хозяйства, прозрачности и обоснованности установления тарифов по оплате ЖКХ» находятся в центре постоянного внимания орга-

нов прокуратуры [12]. В частности, Генеральная прокуратура Российской Федерации и органы прокуратуры по федеральным округам регулярно готовят информационные письма, отражающие не только анализ проблемных вопросов, влекущих за собой нарушение законности в сфере ЖКХ, но и определяющие пути их решения [13].

Коллегия Генеральной прокуратуры Российской Федерации регулярно определяет широкий круг вопросов, подлежащих надзору в деятельности органов ЖКХ [14], а именно: законность предоставления гражданам жилья; соблюдение законов при выборе управляющих компаний и организации управления многоквартирными домами; пресечение фактов неправомерного взимания с граждан платежей, не предусмотренных действующим законодательством; завышение тарифов по оплате коммунальных услуг; нецелевое расходование собранных средств; нарушения прав участников долевого строительства жилья и др.

Одним из важных направлений прокурорского надзора определено принятие дополнительных мер по приведению правовых актов, определяющих требования к организации и проведению регионального государственного и муниципального жилищного контроля, в соответствие с федеральным и региональным законодательством.

Прокурорами ведется работа, направленная на недопущение принятия незаконных нормативных актов в указанной сфере, что позволяет предотвратить значительное количество нарушений закона на стадии их разработки.

Анализ работы органов прокуратуры области по приведению нормативной правовой базы в соответствие с действующим федеральным законодательством свидетельствует о том, что в 2018 году типичные нарушения законодательства в региональных и муниципальных нормативных правовых актах допущены при регламентации вопросов осуществления государственного контроля (надзора), предоставлении государственных услуг в сферах исполнения капитального строительства и в жилищно-коммунальной сфере.

Прокурорами оспорено свыше 1750 незаконных нормативных правовых актов исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления. По результатам принятых мер прокурорского реагирования нормативные правовые акты приведены в соответствие с требованиями законодательства.

Такое внимание органов прокуратуры к надзору за соблюдением Конституции Российской

Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации в сфере функционирования ЖКХ, имеет достаточно веские основания. Всего по фактам нарушения жилищного законодательства органами прокуратуры ежегодно рассматривается более 200 тыс. обращений. Исключением стал 2014 год, когда было рассмотрено более 120 тыс. подобных обращений [15].

Сложный характер содержания регулятивных правоотношений, складывающихся в сфере функционирования ЖКХ, а также неоднозначность понимания границ правовых предписаний влекут за собой необходимость обращения физических и юридических лиц в судебные инстанции (суды общей юрисдикции и арбитражные суды). Не всегда решения судебных органов устраивают обратившихся. Для унификации правового понимания вопросов, являющихся предметом спора, неоднократно принимались решения Пленумов Верховного и Высшего арбитражного (до 2014 г.) судов Российской Федерации.

Чаще всего предметом юридической характеристики спорных вопросов в решениях пленумов являются жилищные споры, требования об отмене ранее состоявшихся судебных решений, а также не соответствующие законам решения органов местного самоуправления. По данным вопросам свою правовую позицию неоднократно высказывал и Конституционный Суд Российской Федерации [16].

Вновь принимаемые законы нередко содержат много отсылочных статей, размытые формулировки юридически значимых понятий и декларативный характер текста. Неподготовленность законопроектов субъектами законодательной инициативы приводит к пробелам в административном законодательстве.

Законодательная база, лежащая в основе складывающихся в данной сфере правоотношений, отличается громоздкостью. Она состоит из множества законов и других различных по юридической силе подзаконных нормативных актов, носящих как специальный, так и общий характер. Нередко их содержание противоречит друг другу, а иногда дублируются некоторые положения и в определенных случаях отличаются излишней заорганизованностью. Поэтому одним из основных требований к формированию административно-деликтной политики в сфере ЖКХ является необходимость разработки четкого и логически завершенного государственно-правового механизма, в том числе и посредством реализации целевых программ.

Примечания

1. Зыкова Татьяна. Не тунеядец, а самозанятый (Михаил Эскиндаров знает, как заставить граждан, работающих «в тени», обозначить свои доходы) // Российская газета. 2016. 4 октября.

2. Собрание законодательства РФ. 2016. № 5, ст. 758.

3. Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2014 год.

4. Егоров Иван. Кому ночью прокуроры снятся (Владимир Малиновский: нарушения в сфере ЖКХ в Центральной России исчисляются десятками тысяч) // Российская газета. 2016. 14 апреля.

5. В Московской области бизнесмен осужден за хищение более 600 млн рублей, инвестированных гражданами в строительство жилого комплекса // Прокуратура области (Московская область). 2017. 17 мая. URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1192525/?print=1&ELEMENT_ID=1192525; В Челябинске по материалам прокурорской проверки возбуждено уголовное дело о хищении денежных средств дольщиков при возведении крупного жилого комплекса // Прокуратура области (Челябинская область). 2017. 19 мая. URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1193469/?print=1&SECTION_CODE=archive&ELEMENT_ID=1193469; Министр строительства, ЖКХ и энергетики Магаданской области привлечен к дисциплинарной ответственности за принятие мер к недопущению конфликта интересов // Прокуратура области (Магаданская область). 2017. 4 июля. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1208951/>; В Кировской области прокуратура пресекла нарушения законодательства в сфере ЖКХ при оказании услуг по теплоснабжению социально значимых объектов // Прокуратура области (Кировская область). 2017. 20 декабря. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1306262/>; Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации Юрий Гулягин провел совещание по вопросам обеспечения законности в сфере жилищно-коммунального хозяйства Сахалинской области // Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации (Дальневосточный федеральный округ). 2017. 19 декабря. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1305332/>; В Сибирском федеральном округе прокуроры уделяют повышенное внимание вопросам соблюдения законов в сфере ЖКХ // Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации (Сибирский федеральный округ). 2018. 22 января. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1318998/>; и др. (дата обращения: 19.04.2019).

6. Егоров Иван. Хватку не ослабим (Юрий Чайка: о коррупционерах и беглых преступниках) // Российская газета. 2016. 12 января.

7. В Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялось расширенное заседание коллегии по итогам работы прокуроров в 2017 году // Генеральная прокуратура Российской Федерации.

2018. 15 февраля. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1333942/> (дата обращения: 20.04.2019).

8. Российская газета. 2015. 5 ноября.

9. Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 76/1-366-2015 «Об исчерпывающем перечне процедур в сфере жилищного строительства». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2019)

10. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10, ст. 1391.

11. Российская газета. 2016. 10 февраля.

12. Иван Егоров. Прокурор просит год // Российская газета. 2015. 11 января.

13. См., например: Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 76/1-266-2015 от 13.10. 2015 г. «Об исчерпывающем перечне процедур в жилищном строительстве»; Информационное письмо заместителя Генерального прокурора Российской Федерации в Уральском федеральном округе Пономарева Ю.А. «О состоянии законности и практике прокурорского надзора за исполнением законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов в Уральском федеральном округе» от 23.09 2015 г. и др.

14. См., например: Решение коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 24 марта 2015 г. «Об итогах работы органов прокуратуры за 2014 год и задачах по укреплению законности и правопорядка на 2015 год».

15. Огурцова М.Л. Прокурорский надзор за соблюдением жилищных прав несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

16. По делу о проверке конституционности подпункта «г» пункта 18 Правил предоставления молодым семьям социальных выплат на приобретение (строительство) жилья и их использования (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 года № 1050) в связи с жалобой гражданки Е.А. Дурягиной: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июля 2014 г. № 21-П; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «ЖКХ Витим» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 1 статьи 544 Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2014 г. № 2105-О; Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Конституционного Суда Республики Башкортостан о проверке конституционности пункта 2 части 6 статьи 20 Федерального закона «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2011 г. № 743-О-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2019).

References

1. Zykova Tatyana. Not a parasite, and self-employed (Mikhail Eskindarov knows how to force the citizens working «in a shadow» to designate the income). Rossiyskaya gazeta, 2016, October 4th. (In Russ.)

2. *Collection of legislative acts of the RF*, 2016, no. 5, st. 758. (In Russ.)

3. Report on the results of law enforcement monitoring in the Russian Federation for 2014. (In Russ.)

4. Egorov Ivan. Who dreams of prosecutors at night (Vladimir Malinovsky: violations in the housing sector in Central Russia in the tens of thousands). Rossiyskaya gazeta, 2016, April 14th. (In Russ.)

5. In the Moscow region businessman convicted of stealing more than 600 million rubles invested by citizens in the construction of a residential complex. Prosecutor's office of the region (Moscow region), 2017, May 17. URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1192525/?print=1&ELEMENT_ID=1192525; In Chelyabinsk for materials of public Prosecutor's check criminal case on embezzlement of funds of co-investors in the construction of major residential complex. Prosecutor's office of the region (Chelyabinsk region). 2017. May 19. URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1193469/?print=1&SECTION_CODE=archive&ELEMENT_ID=1193469; Minister of construction, housing and communal services and energy of Magadan oblast brought to a disciplinary responsibility for failing to prevent conflicts of interest. Prosecutor's office of the region (Magadan region). 2017. The 4th of July. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1208951/>; In the Kirov region the Prosecutor's office stopped violations of the legislation in the sphere of housing and communal services at rendering services in heat supply of socially significant objects. Prosecutor's office of the region (Kirov region). 2017. December 20th. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1306262/>; Deputy Prosecutor General of the Russian Federation Yuri Gulyagin held a meeting on the rule of law in the field of housing and communal services of the Sakhalin region. Department of the Prosecutor General of the Russian Federation (far Eastern Federal district). 2017. December 19th. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1305332/>; In the Siberian Federal district, prosecutors pay increased attention to compliance with laws in the housing sector. Department of the Prosecutor General of the Russian Federation (Siberian Federal district). 2018. January 22nd. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1318998/>; etc. (accessed 19.04.2019). (In Russ.)

6. Egorov Ivan. The grip will not relax (Yuri Chaika about the corrupt fugitive offenders). Rossiyskaya gazeta, 2016, January 12th. (In Russ.)

7. The Prosecutor General's office of the Russian Federation held an extended meeting of the Board on the results of the work of prosecutors in 2017. Prosecutor General's office of the Russian Federation. 2018. February 15th. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1333942/> (accessed 20.04.2019). (In Russ.)

8. Rossiyskaya gazeta, 2015, November 5. (In Russ.)
9. Information letter no. of 13 October 2015 from the Prosecutor General of the Russian Federation 76/1-366-2015 «On an exhaustive list of procedures in the field of housing construction». Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 20.04.2019). (In Russ.)
10. Code of administrative procedure of the Russian Federation: federal law of the Russian Federation dated 8 March 2015 no. 21-FZ *Collection of legislative acts of the RF*, 2015, no. 10, art. 1391. (In Russ.)
11. Rossiyskaya gazeta, 2016, February 10th. (In Russ.)
12. Ivan Egorov. Prosecutor wants a year. Rossiyskaya gazeta, 2015, January 11th. (In Russ.)
13. Information letter of the Prosecutor General of the Russian Federation no. 76/1-266-2015 from 13.10.2015 «About the exhaustive list of procedures in housing construction»; Information letter of the Deputy Prosecutor General of the Russian Federation in the Ural Federal district Ponomarev Yu.A. «About a condition of legality and practice of public Prosecutor's supervision of execution of the legislation on participation in share construction of apartment houses in the Ural Federal district» of 23.09.2015, etc. (In Russ.)
14. Decision of the Board of the General Prosecutor's office of the Russian Federation of March 24, 2015 «On the results of the work of the Prosecutor's office for 2014 and tasks to strengthen the rule of law for 2015». (In Russ.)
15. Ogurtsova M.L. Prosecutor's supervision over observance of housing rights of minors. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2015. (In Russ.)
16. In the case of checking the constitutionality of subparagraph «g» of paragraph 18 of the Rules of providing young families with social benefits for the purchase (construction) of housing and their use (approved by the Government of the Russian Federation of December 17, 2010 no. 1050) in connection with the complaint of a citizen E.A. Duryagina: Decision of the constitutional Court of the Russian Federation of 08.07.2014 no. 21-P; About refusal in acceptance to consideration of the complaint of limited liability company «Housing and communal services of Vitim» on violation of constitutional rights and freedoms of paragraph 1 of article 544 of the Civil code of the Russian Federation: The constitutional Court of the Russian Federation dated 25.09.2014 no. 2105-About; About refusal in acceptance to consideration of inquiry of the constitutional Court of the Republic of Bashkortostan about the verification of constitutionality of paragraph 2 of part 6 of article 20 of the Federal law «About Fund of assistance to reforming of housing and communal services»: decision of the constitutional Court of the Russian Federation dated 07.06.2011 no. 743-O-O. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 20.04.2019). (In Russ.)

УДК 342.7

DOI 10.24411/2078-5356-2019-10238

Зуева Юлия Владимировна
Yulia V. Zuyeva

адвокат

Нижегородская областная коллегия адвокатов (603005, Нижний Новгород, ул. Пискунова, 27а)

lawyer

Nizhny Novgorod regional bar association (27a Piskunova st., Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603005)

E-mail: zuevajulia2009@yandex.ru

Самозащита в системе юридических механизмов обеспечения социально-правового статуса субъекта права (введение в проблему)

Self-defense in the system of legal enforcement mechanisms social and legal status of the subject of law (introduction to the problem)

В статье актуализируется потребность осуществления самозащиты, возникающая в связи с нарушением субъективных прав и законных интересов, злоупотреблением ими, неисполнением юридических обязанностей, возникновением между сторонами спора. Самозащитная деятельность раскрывается в юрисдикционной и неюрисдикционной формах. Институт самозащиты анализируется на примере различных отраслей российского права. Обозначается необходимость коррекции законодательства в части положений о самозащите права, введения дополнительных регуляторов к данному правовому институту, и в целом определению точного места феномена самозащиты в теории и практике современного права.

Ключевые слова: гражданская самозащита, субъективные права, законные интересы, юрисдикционная и неюрисдикционная формы самозащиты, институт самозащиты, самоуправство, самосохранение, законодательство.

The article actualizes the need for self-defense, which arises in connection with the violation of subjective rights and legitimate interests, their abuse, non-fulfillment of legal duties, and the dispute between the parties. Self-defense activities are disclosed in jurisdictional and non-jurisdictional forms. The institution of self-defense is analyzed on the example of various branches of Russian law. It indicates the need to correct the legislation in terms of the provisions on self-defense of the law, the introduction of additional regulators to this legal institution, and in general the definition of the exact place of the phenomenon of self-defense in the theory and practice of modern law.

Keywords: civil self-defense, subjective rights, legitimate interests, jurisdictional and non-jurisdictional forms of self-defense, self-defense institution, self-government, self-preservation, legislation.

Субъект права, включаясь в рамках своей многоплановой деятельности в различные юридические связи с другими участниками социально-правовой жизни, актуализирует присутствующий ему правовой статус, «заставляя» работать многие из составляющих этот статус элементы: субъективные права, обязанности, деликтоспособность, правозащитные возможности в сфере частного и публичного права. В одних случаях эти элементы функционируют в нормальном режиме: некоторые субъектив-

ные права и правомочия получают реализацию (поскольку обязанные стороны готовы к неприкосновенному исполнению своих обязательств); обязанности, составляющие один из элементов правового статуса лица, также осуществляются (поскольку для этого есть необходимые правовые и иные — неправовые (экономические, политические и другие условия); проявляют себя и иные статусные компоненты (способность нести ответственность, возможность защитить свое правовое положение).

© Зуева Ю.В., 2019

Однако нередко статусное состояние субъекта права (речь в данном случае о его правомочных характеристиках) может испытывать «нагрузки» (например, обязанная сторона не выполняет предписанного, есть попытки «покушения» на отдельные субъективные права и правомочия). Поэтому субъект права будет нуждаться в дополнительных ресурсах для поддержания своего юридического статуса в необходимом объеме.

Для этих целей в дело, как правило, вступают объективные (существующие независимо от воли и сознания субъекта) правозащитные механизмы в государстве (правовой системе государства), поскольку известные статусные «перегрузки» бывают связаны непосредственно с нарушениями одними лицами субъективных прав других. Потребность в защите субъективных прав и законных интересов возникает в связи с нарушением этих прав, злоупотреблением ими, неисполнением юридических обязанностей, возникновением между сторонами спора. Таким образом, механизм правовой защиты внедряется в сферу правового регулирования тогда, когда необходимо преодолеть и устранить препятствия, возникающие на пути осуществления прав и законных интересов субъекта права, иными словами — защитить (обеспечить) правовой статус лица.

Согласно Конституции Российской Федерации (ч. 2. ст. 45): «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» [1]. Формулировка этой статьи дает основание специалистам высказывать мнение, что здесь признаются (легитимируются) различные законные способы защиты субъективных прав, в том числе осуществляемые непосредственно самими субъектами как самозащита данных прав [2, с. 106].

В общем защиту субъективных прав можно связывать со всеми случаями, когда имеет место реализация санкции правовой нормы, предусматривающей негативную оценку противоправного поведения. При этом формы реализации санкции могут быть различны. Поскольку реализация санкций правовых норм возможна в порядке властного акта юрисдикционного органа (должностного лица), а также в добровольном порядке — обязанной стороной в правоотношении, в предусмотренных законом случаях — управомоченной стороной в правоотношении, то можно говорить о двух основных формах защиты субъективных прав и законных интересов: юрисдикционной и неюрисдикционной.

Защита прав и свобод граждан и организаций в юрисдикционных органах включает в себя элементы материально-правового и процессуально-правового порядка. С материально-правовой стороны акт защиты субъективных прав состоит в принятии мер материально-правового характера (материально-правовых санкций) в отношении обязанной стороны, в констатации (признании) прав и интересов управомоченного субъекта. С другой стороны, защита субъективных прав осуществляется соответствующими юрисдикционными органами в процессуальной форме, когда заинтересованные лица наделяются комплексом процессуальных прав, посредством которых обеспечивается защита материальных прав и законных интересов. С этой точки зрения защита носит процессуальный характер (здесь реализуются диспозиции норм процессуального права). Классическим институтом для защиты субъективных прав здесь выступает судебная инстанция (судебная власть) [3—5].

Неюрисдикционная форма, имея локальный характер, достигается в результате действий фактического порядка и протекает не в юрисдикционной и процессуальной формах, а в рамках охранительного материального правоотношения, субъектами которого выступают его стороны (как правило, говорят о фигурах кредитора и должника).

Основное различие между юрисдикционной и неюрисдикционной формами заключается в том, что защита прав в юрисдикционной форме осуществляется компетентными государственными и общественными органами с присущим каждому из них определенным процессуальным порядком деятельности, в то время как защита во внеюрисдикционной форме протекает в рамках материального правоотношения и осуществляется самими сторонами в правоотношении.

К числу неюрисдикционных способов защиты (и, по сути, к первому в их ряду) относится способ самозащиты субъективных прав, который характерен прежде всего для области частного права, где бывает крайне уместен, поскольку стороны частноправовых отношений, удовлетворяя свои имущественные интересы, на первых этапах локальных юридических кризисов межсубъектных отношений склонны решать многие вопросы также в частном порядке (самостоятельно), хотя нередко в известных локальных юридических конфликтах своевременно «подключить» юрисдикционный способ защиты прав объективно бывает сложно, поэтому участникам правовой жизни приходится

действовать в защиту своих прав и законных интересов самостоятельно.

В российском гражданском законодательстве способ самозащиты как отдельный способ защиты прав был одним из первых в этом плане предусмотрен с принятием части I Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) статьи 12 ГК РФ в числе иных основных способов защиты гражданских прав. Согласно статье 14 ГК РФ допускается самозащита гражданских прав, при этом способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения [6]. Одновременно с этим самозащиту как способ защиты субъективных прав знает и современное российское трудовое законодательство. Так, в соответствии со статьей 379 Трудового кодекса Российской Федерации в целях самозащиты трудовых прав работник вправе отказаться от некоторых видов работ (не предусмотренных договором, опасных для жизни и здоровья и некоторых др.). Проявления этого института (правового института самозащиты) есть и во многих иных отраслях российского права (например, семейном [7] и др.), что говорит о реальной востребованности рассматриваемого юридического механизма.

Легализованное понимание института самозащиты в гражданском праве можно обнаружить в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», где в пункте 10 говорится: «Лицо, право которого нарушено, может прибегнуть к его самозащите, соответствующей способу и характеру нарушения» [8]. Иными словами, субъекту права предоставляется возможность осуществить в случае нарушения его права самостоятельную защиту данного права в соответствии с тем, в какой форме и какого характера испытываемое нарушение. При этом, как отмечается в документе: «По смыслу статей 1 и 14 ГК РФ самозащита гражданских прав может выражаться, в том числе, в воздействии лица на свое собственное или находящееся в его законном владении имущество. Самозащита может заключаться также в воздействии на имущество правонарушителя, в том случае если она обладает признаками необходимой обороны (статья 1066 ГК РФ) или совершена в состоянии крайней необходимости (статья 1067 ГК РФ)» [8]. Это свидетельствует, прежде всего, о том, что объектом самозащиты в гражданском праве (и связанных с нею последствий, как пра-

вило, негативных) выступает не личность нарушителя, а имущество: в частности, свое имущество, воздействуя на которое можно остановить (пресечь) факт нарушения (например, в случае с имуществом лица, права которого нарушаются, когда это имущество физически удерживается от попыток захвата иной стороной, или этому имуществу наносятся повреждения, чтобы оно осталось в обладании лица, испытывающего нарушения); чужое имущество, в ходе ограничения надвигающейся опасности со стороны нарушителя в рамках необходимой обороны или крайней необходимости, когда, воздействуя на имущество нарушителя, этому чужому имуществу причиняется обоснованный (исходя из правовой ситуации) материальный вред.

В целом очевидно, что путем самозащиты лицо защищает свое право и интересы собственными действиями, не прибегая к помощи суда и иных органов. Это бывает значимо в кризисных ситуациях, в процессе которых просто объективно бывает невозможно задействовать ресурс юрисдикционных государственных органов, способных такую защиту предоставить в силу принадлежащих им полномочий (по причине отдаленности от государственно-правовых учреждений, отсутствия лимита времени, отсутствия средств связи и пр.).

Присутствие в праве, несмотря на развитые формы цивилизованного (с участием государственной власти) разрешения известных коллизий и споров между участниками разнообразных правовых отношений (судебный, административный юрисдикционные порядки), санкционированного средства самозащиты, думается, не случайно. Во-первых, у этого института есть весомые объективные социально-исторические основания. В современном институте самозащиты скрываются глубокие исторические корни, идущие от так называемой практики самоуправства, которая существовала как реальная альтернатива еще не сложившейся государственной власти и которая предполагала, что сторона, чьи права нарушены, может проявить активность к нарушителю и постараться самостоятельно (или, как правило, вместе с так называемыми «поручниками», или «пособниками») восстановить нарушенные права за счет нарушителя.

Так, акты торжественного самоуправства были включены в законодательство XII таблиц. Среди них — судопроизводство посредством наложения руки (*legis actio per manus iniectioem*); захват кредитором с произнесением торжественных слов вещи должника и удер-

жание таковой (*legis actio per pignoris capionem*); призыв истцом ответчика в суд (*in ius vocatio*); протест на какую-либо стройку, заявляемый лицом, считающим свои права нарушенными (*operis novi nuntiatio*) и др. [9, с. 83—91]. Подобные же проявления самозащиты (в древнем понимании — самоуправства) обнаруживаются и в законодательствах многих иных стран прошлой истории (законы Ману древней Индии, Салическая правда древней Германии, Судебник города Лондона X века, Византийская Эклога и пр.) [10].

Во-вторых, функционально, можно отметить, самозащита — объективно необходимое средство обеспечения прав человека и гражданина. Юридическим основанием для совершения действий по самозащите является неотчуждаемое право на самозащиту. С объективно-социальной точки зрения действия по самозащите основываются на одном из исторически первых инстинктов человека — инстинкте самосохранения. Все это позволяет в юридической литературе делать вывод, что «право на самозащиту является естественным правом человека как биологического существа и необходимость реализации этого права определяется условиями существования человека в естественной среде» [11, с. 18], где нужно уметь отстаивать свои интересы, в том числе используя инструментарий самозащиты, который современное российское законодательство предусматривает.

И, в третьих, сегодня самозащита — это субсидиарный юридический (правозащитный) механизм, который практически во всех правовых отношениях (какой бы природы (дозволительной, охранительной, комплексной и пр.) они не были) важен как реальное практическое средство отстаивания субъективных прав и законных интересов, позволяющее субъектам права «заявить» о своих правах и проявить активность (как писал С.А. Муромцев — «личную энергию» [9, с. 127—128]) в деле их защиты. В целом приведенный выше вводный анализ проблемы, ее многоаспектность, защищенные диссертации [12—25], а также проводимые в современной юридической науке исследования правового института самозащиты (который во многом резонно именовать «комплексным» и/или «межотраслевым» правовым институтом [26]) могут утвердить в мысли, что данная тема, несмотря на некоторую видимую «простоту», далеко не так однозначна и проста, на фоне этой темы переплетаются исторические, глубинно доктринальные, а равно — исклю-

чительно практические линии рассуждений, каждую из которых еще предстоит отчетливо обозначить и уверенно построить в системе координат юридического знания, составить полное научное представление о правовой самозащите, провести возможную коррекцию законодательства в части положений о самозащите права, ввести дополнительные регуляторы к данному правовому институту, иными словами, определить точное место феномена самозащиты в теории и практике современного права.

Примечания

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31, ст. 4398.

2. Белянская О.В. Реализация права личности на самозащиту: теоретико-правовой аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 2 (42). С. 106—109.

3. Трофимов В.В. Правосудие в системе юрисдикционных форм защиты субъективных прав и гарантий правового государства // Правовое государство и правосудие: проблемы теории и практики: материалы VIII международной научно-практической конференции (15—19 апреля 2013 г.) / отв. ред. В.М. Сырых, В.Н. Власенко. М.: РАП, 2014. С. 101—112.

4. Трофимов В.В. Правозащитная функция правовой политики в сфере инноваций: теоретическое определение и проблемы реализации // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2 (3). С. 51—55.

5. Трофимов В.В. Функция правовой защиты в системе задач правовой политики в области инноваций: введение в проблему // Актуальные вопросы юридической науки и практики: сборник научных трудов членов Тамбовского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» / отв. ред. Н.С. Ельцов. Тамбов: Принт-Сервис, 2014. С. 57—61.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть I) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

7. Некрасова Е.В. Самозащита прав в семейном праве Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4 (105). С. 56—58.

8. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

9. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М.: «Статут», 2003. 685 с.

10. Уздимаева Н.И. Право на самозащиту и механизм его реализации / науч. ред. Н.И. Матузов. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. С. 6—33.

11. Драничникова Н.В. О правовой природе и содержании права граждан на самозащиту в Российской Федерации // Проблемы правоохранительной деятельности. 2011. № 1. С. 117—120.

12. Страунинг Э.Л. Самозащита гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 167 с.

13. Усанова В.А. Конституционное право человека на самозащиту в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 230 с.

14. Веретенникова С.Н. Меры самозащиты в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 189 с.

15. Гаранин М.Ю. Самозащита как социально-философская проблема : дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2004. 144 с.

16. Горбачева С.В. Самозащита прав по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. 199 с.

17. Зиновьева О.П. Самозащита гражданских прав в законодательстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 166 с.

18. Казакова Е.Б. Самозащита как юридическое средство: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. 226 с.

19. Меркурьев В.В. Теоретические и методологические проблемы уголовно-правового обеспечения права человека на самозащиту: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2006. 458 с.

20. Микшис Д.В. Самозащита в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. 175 с.

21. Халиков В.Р. Самозащита в российском трудовом праве: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 192 с.

22. Лазаренкова О.Г. Право удержания и самозащита в современном гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2007. 197 с.

23. Мальцев М.Н. Самозащита субъективных прав по российскому законодательству теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 194 с.

24. Лебедев С.И. Самозащита гражданских прав в договорных отношениях: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 184 с.

25. Газаева А.А. Конституционное право на самозащиту в Российской Федерации: теория и практика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 214 с.

26. Уздимаева Н.И. Правовая самозащита — новый комплексный институт в системе российского права // Проблемы в российском законодательстве. 2011. № 4. С. 23—26.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993) (as amended by the RF laws on amendments to the RF Constitution of December 30, 2008 no. 6-FKZ, of December 30, 2008 no. 7-FKZ, of February 5, 2014 no. 2-FKZ, dated July 21, 2014 no. 11-FKZ). *Collection of legislative acts of the RF*, 2014, no. 31, art. 4398. (In Russ.)

2. Belyanskaya O.V. Realization of the right of an individual to self-defense: the theoretical and legal aspect. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 2006, no. 2 (42), pp. 106—109. (In Russ.)

3. Trofimov V.V. Justice in the system of jurisdictional forms of protection of subjective rights and guarantees of the rule of law. *The rule of law and justice: problems of theory and practice. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference (April 15—19, 2013)* / ed. V.M. Syrykh, V.N. Vlasenko. Moscow: RAP, 2014. Pp. 101—112. (In Russ.)

4. Trofimov V.V. The human rights function of legal policy in the field of innovation: a theoretical definition and problems of implementation. *Russian Journal of Legal Research*, 2015, no. 2 (3), pp. 51—55. (In Russ.)

5. Trofimov V.V. The function of legal protection in the system of tasks of legal policy in the field of innovations: an introduction to the problem. *Actual problems of legal science and practice: a collection of scientific papers by members of the Tambov regional branch of the All-Russian public organization «Russian Bar Association»* / ed. N.S. Eltsov. Tambov: Print-Service, 2014. Pp. 57—61. (In Russ.)

6. Civil Code of the Russian Federation (Part I). *Collection of legislative acts of the RF*, 1994, no. 32, art. 3301. (In Russ.)

7. Nekrasova E.V. Self-defense of rights in family law of the Russian Federation. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2015, no. 4 (105), pp. 56—58. (In Russ.)

8. On the application by courts of certain provisions of section I of part one of the Civil Code of the Russian Federation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 25 of June 23, 2015. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2015, no. 8, art. 2. (In Russ.)

9. Muromtsev S.A. Civil law of ancient Rome. Moscow: «Statute», 2003. 685 p. (In Russ.)

10. Uzdimayeva N.I. The right to self-defense and the mechanism for its implementation / scientific. ed. N.I. Matuzov. Saransk: Publishing House Mordov. University, 2015. Pp. 6—33. (In Russ.)

11. Dranichnikova N.V. On the legal nature and content of the right of citizens to self-defense in the Russian Federation. *Problems of law enforcement*, 2011, no. 1, pp. 117—120. (In Russ.)

12. Strauning E.L. Self-defense of civil rights. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 1999. 167 p. (In Russ.)

13. Usanova V.A. Constitutional human right to self-defense in the Russian Federation. Dissertation... candidate of legal sciences. Volgograd, 2003. 230 p. (In Russ.)
14. Veretennikova S.N. Measures of self-defense in Russian civil law. Dissertation... candidate of legal sciences. Ekaterinburg, 2004. 189 p. (In Russ.)
15. Garanin M.Yu. Self-defense as a socio-philosophical problem. Dissertation... candidate of philosophical sciences. Nizhny Novgorod, 2004. 144 p. (In Russ.)
16. Gorbacheva S.V. Self-Defense of Rights under Russian Law. Dissertation... candidate of legal sciences. N. Novgorod, 2005. 199 p. (In Russ.)
17. Zinovyeva O.P. Self-defense of civil rights in the legislation of Russia. Dissertation... candidate of legal sciences. Rostov-on-Don, 2006 166 p. (In Russ.)
18. Kazakova E.B. Self-defense as a legal tool: problems of theory and practice. Dissertation... candidate of legal sciences. Tambov, 2006. 226 p. (In Russ.)
19. Merkur'ev V.V. Theoretical and Methodological Problems of the Criminal Law Ensuring the Human Right to Self-Defense. Dissertation... doctor of legal sciences. Ryazan, 2006. 458 p. (In Russ.)
20. Mikshis D.V. Self-defense in the civil law of Russia. Dissertation... candidate of legal sciences. Tyumen, 2006. 175 p. (In Russ.)
21. Khalikov V.R. Self-Defense in Russian Labor Law. Dissertation... candidate of legal sciences. Chelyabinsk, 2006. 192 p. (In Russ.)
22. Lazarenkova O.G. The right of retention and self-defense in modern civil law. Dissertation... candidate of legal sciences. St. Petersburg, 2007. 197 p. (In Russ.)
23. Maltsev M.N. Self-Defense of Subjective Rights under Russian Law, Theoretical and Legal Research. Dissertation... candidate of legal sciences. Saratov, 2007. 194 p. (In Russ.)
24. Lebedev S.I. Self-defense of civil rights in contractual relations. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2010. 184 p. (In Russ.)
25. Gazaeva A.A. The constitutional right to self-defense in the Russian Federation: theory and practice. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2018. 214 p. (In Russ.)
26. Uzdimaeva N.I. Legal self-defense — a new integrated institution in the system of Russian law. *Gaps in the Russian legislation*, 2011, no. 4, pp. 23—26. (In Russ.)

УДК 340.141

DOI 10.24411/2078-5356-2019-10239

Игнатьева Екатерина Юрьевна
Ekaterina Yu. Ignatieva

соискатель кафедры теории права и гражданско-правового образования
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корп. 20)

an applicant department of theory of law and civil law education
Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (48/20 nab. River Moika, St. Petersburg, Russian Federation, 191186)

E-mail: e.ignatieva90@mail.ru

Народные юридические обычаи и обычное право в трудах российских юристов периода «Великих реформ» 1860—1870-х годов

Folk legal customs and customary law in the writings of Russian jurists of the period of “Great reforms” of 1860-1870 years

В статье рассматривается значение народных юридических обычаев и обычного права в трудах российских ученых-правоведов периода «Великих реформ» 1860—1870-х годов. Исследуются мнения ученых, опиравшихся на достижения русской юридической школы различных направлений предшествовавших исторических периодов развития законодательства по использованию в правотворчестве юридических обычаев и обычного права как источников права наряду с законами и другими юридическими актами. Исследователи, придерживавшиеся разных научных воззрений, открывали для юридического сообщества юридические памятники и институты права, отмечали влияние правовых обычаев и обычного права на правовую жизнь народа, обосновывали значение юридических обычаев и различных направлений обычного права для судебного правотворчества.

Ключевые слова: народные юридические обычаи, обычное право, нормы права, источник права, правотворчество, сравнительно-исторический метод, развитие законодательства, писаное право, индуктивные юридические выводы.

The article considers the importance of folk legal customs and customary law in the works of Russian legal scholars of the periods of “Great reforms” of the 1860—1870. The article examines the opinions of scientists who rely on the achievements of the Russian law school of various directions of the previous historical periods of development of lawmaking, on the use in lawmaking of legal customs and customary law as sources of law along with laws and other legal acts. Researchers with different scientific views discovered legal monuments and legal institutions for the legal community, noted the influence of legal practices and customary law on the legal life of the people, justified the importance of legal customs and various areas of customary law for judicial lawmaking.

Keywords: folk legal customs, customary law, legal norms, sources of law, lawmaking, comparative historical method, development of legislation, written law, inductive legal conclusions.

Достижения русской юридической школы различных направлений накануне реформ 1860—1870-х годов в Российской империи основывались на признании юридического обычая одним из источников писаного права, при этом противоречие проявлялось только в одном — ученые-юристы расходились во мнении

о степени влияния обычного права на развитие российского законодательства.

Усвоение российскими правоведами для рассматриваемого времени новых научных идей, а также применение сравнительно-исторического и других научных подходов, открытие и исследование большого количества древних

© Игнатьева Е.Ю., 2019

источников права способствовали ускоренному накоплению юридического материала, его осмыслению, распространению и критическому использованию достижений в юридических научных исследованиях и при разработке правовых актов.

Поэтому в трудах российских юристов периода «Великих реформ» 1860—1870-х годов, впитавших в себя уже обширное юридическое наследие, народные юридические обычаи и обычное право используются как источник права наряду с законами и другими юридическими актами. Интенсивное развитие российской юридической науки в этот исторический период позволило представить обществу лучшие образцы отечественного юридического творчества европейского уровня.

Рассмотрим юридические обычаи и обычное право в трудах юристов периода «Великих реформ».

Правовед, профессор М.Н. Капустин (1828—1899), сторонник исторической школы, обосновывал деление истории права на следующие периоды: донациональный, национальный и национально-общий (право народов европейской цивилизации) [1, с. 32]. Остановимся на его воззрении по отношению к значению обычного права в жизни народа и в развитии юриспруденции. Так, в своем труде «История права» он отмечал, что собственно возникновение права происходит под влиянием различных условий и требований жизни, и поэтому право становится важным инструментом быта народов и его культуры [1, с. 2]; что различные моменты бытия права отображаются в законодательной деятельности народа, и в этом процессе история права отождествляется с историей известных юридических памятников, и что без изучения юридических памятников сознательное отношение к государственным институтам и их критическое понимание не может проявляться должным образом. Обосновывая свою мысль, он в своем труде утверждал, что общий характер применяемого права воспроизводится в созданных законодателем кодексах, в обычном праве, его нормах, а также в мнениях юристов и в аргументированных толкованиях определенных юридических положений.

В своем исследовании профессор М.Н. Капустин, указывая на необходимость научного развития права, убеждал, что история права осуществляет связь между прошлым и настоящим в юридической жизни народа и в связи с этим предостерегает новые поколения от разрыва с тем, что было выработано за длительное вре-

мя исторического развития общества и поэтому не может быть отвергнуто или уничтожено без бедственных потрясений в общественном организме [1, с. 4]. По его мнению, это происходит потому, что обычное право выступает в роли определенных форм отношений и уважение к ним поддерживается в значительной степени преданиями и передается из поколения в поколение [1, с. 17].

Ученый глубоко исследовал национальные особенности права, так как обращал внимание на заимствования юридических обычаев, которые происходили в ходе развития народов, а это, по его мнению, оказывает важные влияния, при которых движется народная цивилизация. Он утверждал, что происходит слияние общего права и особенного национального, и это приносит определенную лепту в юридическую жизнь цивилизованных народов и формирует из нее основы для своего развития [1, с. 30]. В результате обоснования своего мнения о значении обычного права исследователь убедительно заявлял, что выработанное и используемое право на определенном этапе своего развития было выражением своего времени и являлось подготовлением к дальнейшему его развитию [1, с. 32].

Можно с уверенностью сказать, что М.Н. Капустин в своих трудах показывал великое значение народных юридических обычаев для развития законовещения и судебного правотворчества.

Профессор, ректор Новороссийского университета Ф.И. Леонтович (1833—1911), занимавшийся исследованием русского и русско-литовского права, а также права славян, указывал, что имеется явное недостаточное число современных работ по русскому праву. Это обстоятельство подвигло его создать основательное юридическое руководство, в котором были бы представлены основные источники, занимающие главенствующее место для глубокого ознакомления с предметом права [2, р. IV].

Исследуя устойчивость обычного права славян и его влияние на законодательство, Ф.И. Леонтович отмечал, что сфера действия обычного права ограничивалась очень медленно с течением веков развития общества, и что правовой обычай постепенно уступал свое значимое место закону, сохраняя за собой роль вспомогательного источника права в течение всего древнего периода развития общества [2, с. 105], то есть он обращал внимание, что обычное право действовало в течение всей древней истории России и при этом изменялось незначительно.

Обычное право претерпевало определенные изменения во время создания письменных источников права, при этом ученый указывал, что только с времен преобразований Петра I правовой обычай перестает влиять на поступательное развитие права в Российском государстве [2, с. 106].

Юрист и сенатор, мыслитель консервативно-охранительного направления К.П. Победоносцев (1827—1907) состоял членом комиссий, готовивших проекты судебных реформ 1860-х годов. В своем творчестве он опирался на истоки русского права, русские юридические памятники и юридические обычаи. Так, обращая внимание на образование юристов, он полагал, что лучшей школой для их подготовки будет изучение юридических памятников, объясняя это положение тем, что в России в рассматриваемом историческом периоде еще не была сформирована эффективно действующая правоведческая школа для образования и подготовки квалифицированных специалистов юридического профиля. Убеждая изучать историю известных давних правовых учреждений, К.П. Победоносцев обосновывал, что эти учреждения не были придуманы, а они были выработаны в процессе прошедшей правовой жизнью, вышли из истории народной и потому освящены в его мнении авторитетом истории своего развития [3, с. 952].

Сторонник неукоснительного соблюдения законности, К.П. Победоносцев в то же время утверждал, что на формирование законодательства влияют юридические обычаи. В связи с этим он писал, что, кроме действующих законов, объективно имеется разумная сила и разумная воля, которые оказывают властное воздействие в процессе применения закона, и этой силе общество сознательно повинует [3, с. 953].

Воззрения К.П. Победоносцева проявились в его труде «Курс гражданского права» [4; 5], где в первом томе, исследуя вотчинные права, он указывал на своеобразность русского права, его положение особенного укоренения в историческом прошлом российского народа. Представляет также интерес его Сборник правил, положений и примеров, извлеченных из теории и практики гражданского судопроизводства [6], который воспринимался современниками и использовался как судебное руководство. Так, в рассматриваемом труде он убеждал, что закон является только опорой для лиц, осуществляющих правосудие. Разъяснял, что закон требует от своих служителей знаний и глубокого понимания, которое приобретает не по писаному

закону, а из обширного накопленного опыта, который собирается кропотливым трудом предшествующих поколений [3, с. 953].

Научное юридическое творчество К.П. Победоносцева прочно основывалось на исторических реалиях русской правовой культуры.

Историк права, юрист и профессор Н.Л. Дювернуа (1836—1906) в своих исследованиях [7—9] использовал сравнительный исторический метод — древнерусские институты гражданского права сопоставлялись им со схожими институтами права Древнего Рима, Византийской империи и Германии.

В своих трудах Н.Л. Дювернуа исследовал характерные для древнерусского права особенности. Он отмечал, что обычай как форма правовых представлений является наиболее приближенным к народному сознанию, так как берет начало из духа народа. Ученый утверждал, что другие формы правовых представлений не могут в полной мере олицетворять право, как обычай, представляющий собой первоначальный, естественный продукт правовой жизни народа [8, с. 6]. Дювернуа рассматривал правовые обычаи в качестве источника наследственного права. Он доказывал, что бытовавшие обычно-правовые представления народа признавались судебной практикой и эту свою мысль подтверждал обращением к тому обстоятельству, что в известных исторических правовых духовных грамотах закрепляется понятие и состав наследства, которые не устанавливаются законодательно [8, с. 249].

Дювернуа и другие исследователи отмечали правотворческую силу обычаев. В доказательство этого ученый предлагал сравнить московское или новгородское завещание XV века с положениями о наследстве Русской Правды или бессудной Мстиславской грамоты, что, по его мнению, убедительно доказывает, что исторически всегда действовала сила обычаев, которая направляла развитие права и при этом не уступала в плодотворности поступательному законотворчеству [8, с. 4].

Юрист, цивилист К.И. Малышев (1841—1907), также применявший в исследованиях сравнительно-исторический метод, при рассмотрении сущности обычного права для установления причинной связи использовал индуктивный способ умозаключений. По его мнению, обычное право представляет собой совокупность определенных индуктивных юридических выводов, которые исходят из настоящего устоя гражданских отношений в той или иной общественной сфере, то есть естественными норма-

ми быта граждан признается вся совокупность понятий и правил, по которым исторически складывался быт народа и которые являют установившийся в обществе порядок и склад правовых отношений [10, с. 35]. При этом в обычном праве он рассматривал формы народную или общественную, судебную и научную.

К.И. Малышев писал, что народная форма обычного права выступает в качестве его первоначальной формы, а сами понятия об отношениях, проявляющихся в процессе быта и фактах быта, вырабатываются преимущественно в самом народе [10, с. 38]. Раскрывая судебную форму обычного права, он отмечал, что если народный быт складывается вне суда, то сам процесс формулирования юридических понятий и определения их точного выражения в основном развивается в судебной практике. Суд при этом выступает главным органом, применяющим нормы обычного права, и до момента законодательного установления общих норм быта, судопроизводство осуществляется с учетом народных обычаев, выражая этим представления народа о праве. В процессе неоднократных судебных оценок и повторений вырабатываемые правила применения норм обычного права постепенно определяются и обретают все более точные формулировки [10, с. 46]. Ученый отмечал важность процесса перехода обычного права в судебную практику, так как до той поры, пока народный обычай не прописан и не обрел свою твердую форму, а живет только в сознании людей, он является сравнительно неопределенным. Суд путем накопления решений придает обычаям точную форму и юридический смысл, что в дальнейшем служит доказательством действительности обычая [10, с. 47].

Проявление научной формы обычного права К.И. Малышев видел как результат практического развития народного права, отражающего его историю, и обращал внимание, что дальнейшее его развитие зависит от условий правового быта [10, с. 51]. Формулируя задачу науки при изучении обычного права, он отмечал, что прежде всего она состоит в бережном собирании и обобщении правового материала. В этой работе на первенствующее место он выдвигал практические судебные решения и систематизацию юридических выводов из них, а также своды судебной правды [10, с. 51].

Юрист, правовед А.А. Борзенко (1847—1915), как и большинство юристов-правоведов рассматриваемого исторического периода, в своих трудах опирался на сравнительно-исторический метод, но в то же время выявлял недостатки

исторической школы. Критикуя позицию школы естественного права, объяснявшую явления права самостоятельной деятельностью законодателя, исходившую от осмысленного усмотрения, он с точки зрения обычного права указывал на то, что естественное право, имеющее отвлеченный субъективный характер, не может обойти и не принимать во внимание явления обычного права. В результате естественное право принимает обычно правовые положения, обязанные своим значением продолжительному их применению [11, с. 66—67].

В своем труде А.А. Борзенко отмечал, что понимание обычного права состоит в сложной работе по приведению односторонних проявлений положений исторической и естественной школ права к их необходимому единению. Он доказывал, что историческое и механическое понимание обычного права в соединении позиций народного права из духа народа и из внешнего соблюдения правил представляют обычное право как особый вид права, выработанного сознанием народа [11, с. 71]. При рассмотрении отличия позиций школ естественной и исторической в их воззрении на обычай, он вывел, что с точки зрения естественного права обычай по своему свойству — это прецедент, а с точки зрения исторической школы — последствие.

Исследуя наследование по завещанию, ученый объясняет связь обычая и закона тем, что наследование по завещанию значительно старше по историческому времени, чем наследование по закону, так как сам закон мог возникнуть только из обычая, а обычай, в свою очередь, сформировался из однообразного воспроизведения завещаний [11, с. 73].

А.А. Борзенко, рассуждая о значении и роли юридического обычая, о постепенном переходе обычая в форму закона, устанавливает следующий этап научной полемики, высказывая мысль о том, что обычное право, формально уступая закону, несмотря на нечеткость своих положений и проявляющееся как опосредованное народное сознание о праве, — в дальнейшем, по мере развития правотворчества, обретет преобладающую позицию в части определения содержательной стороны закона и получит более совершенную форму законных правил [11, с. 80].

Профессор права А.Д. Градовский (1841—1889), один из создателей русского государственного права, основываясь на историческом подходе, в своих рассуждениях использовал институты государственного права как исторические факты.

А.Д. Градовский в институтах государственного права определял основное их начало, что помогало выявить сущность определенного института. Ученый описывал институты русского государственного права как юридические институты [12, с. 542]. Он отмечал, что история законодательства каждого народа образуется от начала истории развития обычного права, при этом он выделил два начала, в которых определил отношения писаного закона: 1) уровень применения норм обычного права определяется законом, то есть обычно-правовые правила применяются, поскольку это допущено законом; 2) некоторые законодательства непосредственно указывают, в каких случаях при осуществлении правосудия возможно руководствоваться обычно-правовыми нормами [13, с. 17].

Профессор Градовский отмечал устойчивое применение юридических обычаев в российском народе, так как имеется область отношений, в которой сила обычая не может быть законодательно отклонена. К таким отношениям, лежащим в обычно-правовом поле, следует отнести торговые, что объясняет признание российским законодательством отдельных необходимых исключений из общих правил. Так, определенные изъятия выработаны для всех сословий и, кроме этого, специально сделаны для крестьян. Подданным Российской империи, ведущим кочевой уклад жизни и иным инородцам, проживающим в своих исторических местностях, совершенно дозволяется управляться, основываясь на своих правовых обычаях [13, с. 17]. В судебном правотворчестве по делам торговым можно увидеть примеры узаконений, когда решения коммерческих сословных судов, с одной стороны, основываются на законе, а с другой стороны, в случаях, которые законодательно не прописаны, разрешается вырабатывать решение на основании торговых обычаев и примеров состоявшихся судебных решений в конкретном суде [13, с. 18].

Правовед, сенатор П.П. Цитович (1843—1913), рассматривал обычай как источник права. Первый том Курса русского гражданского права он посвятил рассмотрению источников права, под которыми ученый предлагал понимать и различать формы, в которых зарождаются, действуют и заканчиваются установления положительного права, и формы, в которых таких процессов происходить не может [14, с. 30]. Он доказывал, что для русского гражданского права существуют два источника права — это закон и обычай [14, с. 31].

Ученый полагал, что от источников как форм положительного права «нужно отличать те проявления, в которых обнаруживается умственная деятельность той эпохи, направленная на понимание современного ей права. По цели, вызывающей такую деятельность, она является в двух формах: в форме науки и практики» [14, с. 31].

В отличие от К.И. Малышева, рассматривавшего в обычном праве формы народную или общественную, судебную и научную, П.П. Цитович полагал, что ни юридическая наука, ни судебная, нотариальная и каутелярная практика не являются источниками права или формами положительного права, а только лишь выступают в качестве проявлений умственной деятельности, направленной на определенное понимание права [14, с. 32]. Понимание права в виде науки и практики постоянно движется, развивается и изменяется, что обеспечивает ее приспособляемость к потребностям и воззрениям каждого последующего исторического периода развития общества. Определяя источники права, он доказывал, что познание может осуществляться на основе изучения различных видов памятников, к которым он относил памятники, закрепившие источники права определенного исторического периода — известные сборники законов и обычаев; сохранившие понимание определенного права — памятники юридической литературы, сборники судебных решений и руководства нотариальной практики, а также различные литературные историко-юридические памятники [14, с. 32].

Таким образом, ученые-правоведы, российские юристы периода «Великих реформ», придерживавшиеся разных научных воззрений, не могли в своем творчестве обойти влияние правовых обычаев и обычного права на правовую жизнь народа. Происходило открытие и изучение юридических памятников и институтов права, ускоренное накопление юридического материала, понимание значения юридических обычаев и различных направлений обычного права для судебного правотворчества.

Исследователи, применявшие сравнительно-исторический метод, особенно в сочетании с подходами естественного права, обосновывали передовые позиции и направления правотворческой деятельности в российской юриспруденции. Это обеспечивало быстрое, основательное и в то же время бурное развитие юридической науки, что позволило ей продемонстрировать лучшие образцы творчества европейского уровня.

Примечания

1. Капустин М.Н. История права // Временник Демидовского Юридического Лицея, ч. 1. Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1872. Кн. 2. С. 1—88; Кн. 3. С. 89—240; 1873. Кн. 4. С. 241—271.
2. Леонтович Ф.И. История русского права. Одесса: Изд-во Императорского Новороссийского Университета, 1869. Вып. 1. 154 с.
3. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб.: Тип. И.А. Ефрона, 1898. Т. 23А. С. 475—958.
4. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права / 4-е изд., с переменами и дополнениями. СПб.: Тип. Синодальная, 1892. 794 с.
5. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Вторая часть: Права семейственные, наследственные и завещательные / 3-е изд., с переменами и дополнениями. СПб.: Тип. Синодальная, 1889. 712 с.
6. Победоносцев К.П. Сборник правил, положений и примеров, извлеченных из теории и практики гражданского судопроизводства с полным указателем к судебным и распорядительным решениям по сему предмету кассационных департаментов сената. СПб.: Печатьня В. Головина, 1872. 553 с.
7. Дювернуа Н.Л. Значение римского права для русских юристов // Временник Демидовского Юридического Лицея. Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1872. Кн. 1. С. 33—57.
8. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права. М.: Тип. Университетская, 1869. 419 с.
9. Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву: в 2 т. / под. ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. Т. 1. XXVI. 540 с.
10. Малышев К.И. Курс гражданского права. СПб.: Литография Боровкова, 1880. 303 с. [Литография].
11. Борзенко А.А. Русское гражданское право // Временник Демидовского Юридического Лицея. Ярославль: Тип. Губернской Земской Управы, 1874. Кн. 8. С. 1—48; 1875. Кн. 9. С. 49—134.
12. Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII—XX веков: Очерки жизни и творчества: в 2 т. М.: Зерцало, 2007. Т. 1. 672 с.
13. Градовский А.Д. Начала русского государственного права: в 3 т. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1875. Т. 1. 436 с.
14. Цитович П.П. Курс русского гражданского права. Т. 1: Учение об источниках права. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1878. Вып. 1. 128 с.

References

1. Kapustin M.N. History of Law. *Temporary Demidov Juridical Lyceum, Part 1*. Yaroslavl: G. Falk Publ., 1872. Book 2, pp. 1—88; Book 3, pp. 89—240; 1873. Book 4, pp. 241—271. (In Russ.)
2. Leontovich F.I. History of Russian law. Odessa: Publishing House of the Imperial Novorossiysk University, 1869. Issue 1. 154 p. (In Russ.)
3. Encyclopedic dictionary Brockhaus and Efron: 86 vol. St. Petersburg: I.A. Efron Publ., 1898. Vol. 23A, pp. 475—958. (In Russ.)
4. Pobedonostsev K.P. The course of civil law. First part: Land rights / 4th ed., with changes and additions. St. Petersburg: Synodal Publ., 1892. 794 p. (In Russ.)
5. Pobedonostsev K.P. The course of civil law. Second part: Family, hereditary and testamentary rights / 3rd ed., with changes and additions. St. Petersburg: Synodal Publ., 1889. 712 p. (In Russ.)
6. Pobedonostsev K.P. The collection of rules, regulations and examples extracted from the theory and practice of civil proceedings with a full reference to judicial and administrative decisions on this subject of cassation departments of the Senate. St. Petersburg: Prints by V. Golovin Publ., 1872. 553 p. (In Russ.)
7. Duvernois N.L. The value of Roman law for Russian lawyers. *Temporary Demidov Juridical Lyceum*. Yaroslavl: G. Falk Publ., 1872. Book 1, pp. 33—57. (In Russ.)
8. Duvernois N.L. Sources of law and court in ancient Russia. Experiments on the history of Russian civil law. Moscow: University Publ., 1869. 419 p. (In Russ.)
9. Duvernois N.L. Reading on civil law: in 2 vol. / ed. by V.A. Tomsinov. Moscow: Mirror Publ., 2004. Vol. 1. XXVI. 540 p. (In Russ.)
10. Malyshev K.I. Civil Law Course. St. Petersburg: Lithograph of Borovkov, 1880. 303 p. [Lithography]. (In Russ.)
11. Borzenko A.A. Russian civil law. *Temporary Demidov Juridical Lyceum*. Yaroslavl: Type. Provincial Zemsky Council Publ., 1874. Book 8, pp. 1—48; 1875. Book 9, pp. 49—134. (In Russ.)
12. Tomsinov V.A. Russian lawyers of the XVIII — XX centuries: Essays on life and work: in 2 vol. Moscow: Zertsalo Publ., 2007. Vol. 1. 672 p. (In Russ.)
13. Gradovsky A.D. The beginnings of Russian state law: in 3 vol. St. Petersburg: M. Stasyulevich Publ., 1875. Vol. 1. 436 p. (In Russ.)
14. Tsitovich P.P. The course of Russian civil law. Vol. 1: Teaching about the sources of law. Odessa: G. Ulrich Publ., 1878. Vol. 1. 128 p. (In Russ.)

УДК 343.24/.29

DOI 10.24411/2078-5356-2019-10240

Ковалев Александр Федорович
Aleksandr F. Kovalev

адъюнкт адъюнктуры

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

postgraduate student

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: velnos@mail.ru

Сравнительно-правовой анализ системы уголовных наказаний романо-германской и англосаксонской правовых семей

Comparative legal analysis of the criminal penalties of the Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal family

В статье проводится сравнительно правовой анализ систем уголовных наказаний стран, представляющих романо-германскую и англосаксонскую правовые семьи, в целях выявления положительных примеров, которые в случае адаптации к правоприменительной практике в Российской Федерации будут способствовать повышению эффективности системы наказаний, в том числе и достижению целей уголовного наказания.

Ключевые слова: сравнительно правовой анализ, уголовные наказания, романо-германская правовая семья, англосаксонская правовая семья, цели наказания, система уголовных наказаний.

The article provides a comparative legal analysis of the system of criminal punishments in countries representing the Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal family, in order to identify in them positive examples that, if adapted to the realities of the law-enforcement practice of the Russian Federation, will enhance the effectiveness of the penal system, including and achieving the goals of criminal punishment.

Keywords: comparative legal analysis, criminal penalties, Roman-Germanic legal family, the Anglo-Saxon legal family, the purpose of punishment, the system of criminal penalties.

Система уголовных наказаний является неотъемлемым элементом уголовно-правовой системы любого государства в прошлом и настоящем. Анализ системы наказаний позволяет понять дальнейшее направление развития уголовной политики. Проведение сравнительно-правового анализа систем уголовных наказаний, действующих в странах, являющихся яркими представителями романо-германской и англосаксонской правовых семей, даст представление не только о состоянии и путях развития уголовно-правовой политики внутри них, но фактически будет иллюстрировать мировые тренды.

Учитывая процессы глобализации, которые затрагивают Европу, Азию и практически все остальные страны мира, отечественное право не может находиться в состоянии изоляции и

не обращать внимания на положительный опыт других государств, в том числе касающийся уголовно-правовой сферы.

В настоящей статье автор проводит сравнительно-правовой анализ систем уголовных наказаний иностранных государств в целях выявления положительных элементов, которые в случае адаптации и переноса в отечественную систему наказаний могут быть полезны и эффективны для достижения целей, стоящих перед наказанием.

Первым этапом исследования является проведение анализа системы уголовных наказаний в странах, которые традиционно относят к романо-германской правовой семье.

Первым и наиболее ярким представителем является Федеративная Республика Германия (далее — Германия). Систему уголовных нака-

© Ковалев А.Ф., 2019

заний Германии в первую очередь характеризует отсутствие самого понятия уголовного наказания и целей наказания.

Уголовно-правовая доктрина Германии под наказанием предлагает понимать определенные уголовным законодательством последствия, которые наступают при нарушении заповедей, установленных Уголовным кодексом.

Профессор А.Э. Жалинский, М.Ю. Дворецкий и А.А. Кузьмина занимавшиеся исследованиями, посвященными изучению системы уголовных наказаний Германии, предлагают понимать под уголовным наказанием предусмотренную законом компенсацию за виновно совершенное деяние, которая направлена на возмещение ущерба и предупреждение новых преступлений [1, с. 311].

Весь массив уголовных наказаний Германии следует разделить на две группы: основные наказания (лишение свободы (g 38—39), денежный штраф и имущественный штраф (g 40—43)); дополнительные наказания (запрет на управление транспортным средством (g 44)) [2].

Кроме этого, систему наказаний формируют ограничения прав осужденного, наступающие с вынесением судом обвинительного приговора:

1) ограничение должностной правоспособности (лишение возможности занимать публичные должности);

2) ограничение прав на избрание и голосование (лишение активной и пассивной формы избирательного права гражданина Германии) [2].

Данные ограничения могут наступать как автоматически (g 45) [2], так и могут быть предусмотрены специальной нормой Уголовного кодекса Германии. Например, за совершение должностных преступлений, кроме наказания в виде лишения свободы, судебные органы могут дополнительно лишить виновного права занимать публичные должности на срок от двух до пяти лет (g 358) [2].

До 1949 года в систему уголовных наказаний Германии входила крайняя мера государственного принуждения в виде смертной казни. Но 102 статья Конституции ФРГ отменила ее, с этого времени самым тяжким наказанием является пожизненное лишение свободы. Необходимо отметить, что минимальным сроком лишения свободы является 1 месяц.

Кажущаяся простота системы наказаний компенсируется наличием мер безопасности, которые являются ее составным и неотъемлемым элементом.

К мерам безопасности относятся: запрет заниматься определенной профессией (для лиц,

совершивших преступления, связанные с исполнением своих служебных обязанностей); руководящий надзор за поведением осужденного (для лиц, совершивших преступное деяние, предусматривающее наказание от шести лет лишения свободы, а равно совершившее менее тяжкое преступление, если есть основания полагать, что лицо не прекратит преступную деятельность); помещение в психиатрическую больницу (для лиц, страдающих хроническими или временными психическими расстройствами); помещение в медицинское учреждение (для лиц, зависимых от алкоголя или наркотических веществ); превентивное заключение (для лиц, ранее совершавших преступления (два и более), либо совершивших одно, но предусматривающее наказание в виде лишения свободы на срок не менее двух лет, поведение которых может быть опасным для общества) [1, с. 313].

Представляется возможным провести аналогию между вышеприведенными мерами безопасности и «иными мерами уголовно-правового характера», указанными в разделе 6 Уголовного кодекса Российской Федерации. Но в отличие от отечественного законодательства в Германии данные меры используются как вместе с уголовными наказаниями, так и отдельно. На наш взгляд, это оправдано менее затратным характером реализации мер безопасности как со стороны усилий госслужащих, потраченных на их исполнение, так и экономической стороной, выражающейся в привлечении меньшего количества бюджетных средств.

Кроме этого, применение указанных мер безопасности способствует достижению целей наказания в виде предупреждения совершения новых преступлений и декриминализации общества посредством глубокой дифференциации ответственности и акцентирования внимания не только на исправлении личности преступника, но и на причинах, которые побудили его к совершению преступного действия [1, с. 313—314].

В соответствии с законодательством Германии возраст, с которого человек может быть привлечен к уголовной ответственности, — 14 лет, а соответственно несовершеннолетним, совершившим преступление, будет лицо, достигшее к моменту совершения преступления 14 лет и не достигшее 18 лет. К подобным лицам применяются меры воспитательного и исправительного характера, а также уголовные наказания, не связанные с лишением свободы. Хотя в исключительных случаях (совершения тяжкого преступления и рецидива) наказание в виде лише-

ния свободы может быть применено, но его срок не может превышать 10 лет [3, с. 76].

Из всего вышеизложенного относительно системы уголовных наказаний Германии уместен вывод о том, что основным вектором развития является изменение акцента правоприменительной практики с применения уголовных наказаний на применение комплекса мер уголовно правового характера (мер безопасности, мер исправительного и воспитательного воздействия). Благодаря этому происходит более глубокая индивидуализация ответственности, что помогает при достижении целей наказания, повышая эффективность системы в целом.

На наш взгляд, сравнение статистических данных Германии и России о количестве совершенных тяжких преступлений служит одним из индикаторов эффективности системы уголовных наказаний. Например, сравнивая данные о количестве убийств на 100 тысяч жителей, мы увидим, что в Германии данный показатель равен 1, в то время как в России — 11 [4].

Следующим традиционным представителем романо-германской правовой семьи является Французская Республика (далее — Франция).

Говоря о системе наказаний Франции, необходимо отметить, что все преступные деяния в зависимости от тяжести содеянного делятся на три независимые группы: *преступления* — умышленные деяния, за которые применяют уголовное наказание в виде лишения свободы на срок не менее десяти лет; *проступки* — умышленные и неосторожные деяния, за которые назначают исправительные наказания в виде лишения свободы на срок до десяти лет, штрафа, штрафа-дней, ограничения прав, общественно полезные работы (неоплачиваемые); *нарушения* — умышленные и неосторожные малозначительные деяния, за которые предусмотрено применение полицейских наказаний, а именно штрафа до десяти тысяч франков, лишения различных прав, конфискации имущества (полученного в результате или предназначенного для совершения преступного деяния).

Так же, как и в уголовном законе Германии во Франции отсутствуют понятия «уголовное наказание» и «цели наказания». Но, учитывая форму уголовно-правовой системы Франции (преимущественно кодифицированную), возможно обратиться к иным нормативным правовым актам. Так, в Уголовно-процессуальном кодексе Франции от 1958 года в ряде статей указаны следующие цели наказания: медицинская и психическая адаптация к жизни в обществе (ст. 718 УПК Франции); социальное исправле-

ние и ресоциализация осужденного (ст. 720-4, 721-1, 763-3 УПК Франции).

Отсутствие законодательно закрепленного понятия наказания и его целей, по мнению Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой, связано с продолжающимся во Франции противоборством сторонников двух концепций: новой социальной защиты и современного неоклассицизма. Сторонники первой концепции говорят о необходимости увеличивать количество мер уголовно-правового воздействия, которые будут направлены на исправление и ресоциализацию виновного. Сторонники второй концепции убеждены в необходимости ужесточения уголовной ответственности через отмену возможности условно-досрочного освобождения виновного, а равно иного ее смягчения и улучшения условий отбытия наказания. Они мотивируют это тем, что при проявлении лояльности в отношении исполнения наказания теряется его устрашающий характер и снижается эффективность всей системы уголовных наказаний [5, с. 464].

Соразмерно содеянному, система уголовных наказаний Франции предусматривает три вида мер воздействия на виновного: уголовные, исправительные и полицейские наказания.

К наиболее строгим мерам уголовно-правового воздействия (уголовных наказаний) относятся: пожизненное лишение свободы; заточение — лишение свободы за совершение преступлений политической направленности (деяния против государства и общества); заключение — за совершение преступлений общеуголовной направленности (деяния против личности); лишение свободы (заточение или заключение) на срок свыше 10 лет. Важно, что при равной длительности сроков уголовное заключение относится к более тяжкому наказанию, нежели заточение.

К мерам уголовно-правового воздействия в виде исправительных наказаний относятся: тюремное заключение (на срок от шести месяцев до 10 лет); штраф; штраф в виде штрафа-дней; неоплачиваемые работы в общественных интересах; лишение или ограничение прав.

К последнему виду мер уголовно-правового воздействия (полицейским наказаниям) относятся: штраф и лишение (ограничение прав).

Кроме этого, система уголовных наказаний Франции предусматривает основные и дополнительные виды наказаний. К числу основных относятся два вида: тюремное заключение и штраф, а к дополнительным наказаниям, которые назначаются за совершение преступлений и проступков, — пять видов: ограничение пра-

воспособности; лишение определенных прав (водительских прав, права на охоту); запрет использования или конфискация определенного имущества (оружия, выдача чеков (расписок)); афиширование судебного постановления; закрытие (в отношении юридического лица) [6, с. 280—281].

С 1981 года во Франции самым суровым наказанием является пожизненное лишение свободы.

Важное место в системе наказаний Франции занимает привлечение к ответственности несовершеннолетних. Действующий Уголовный кодекс не содержит норм об ответственности несовершеннолетних, так как они находятся в самостоятельном нормативно-правовом акте [7]. В соответствии с его положениями выделяют четыре возрастные группы: несовершеннолетние, не достигшие к моменту совершения преступного деяния 10 лет и не подлежащие уголовной ответственности. Но в отношении них могут назначаться меры безопасности (по аналогии с данными мерами, указанными в законодательстве Германии) (ст. 2); несовершеннолетние, достигшие возраста 10 лет, но не достигшие 13 лет. В отношении данной группы применяются меры безопасности и воспитательные санкции (помещение в медицинское учреждение или государственную коррекционную школу, обязанность возместить причиненный преступлением вред, запрет приближаться к потерпевшему или посещать определенные места и др.) (ст. 15-1); несовершеннолетние, достигшие возраста 13 лет и не достигшие 16 летнего возраста. В отношении данной группы кроме мер указанных выше, возможно применять исправительные и полицейские наказания (при совершении тяжких преступлений и (или) неоднократном совершении проступков, возможно применить и уголовное наказание с минимальными санкциями); несовершеннолетние, достигшие 16 лет, но не достигшие возраста 18 лет (совершеннолетия). К данной категории уже применяют весь спектр наказаний (уголовных, исправительных, полицейских) [8, с. 338—345; 9, с. 261].

Необходимо отметить, существенных отличий от отечественного законодательства, касающихся восприятия невменяемости лица, совершившего преступные действия, в уголовном законодательстве Германии и Франции нет. В то же время в систему уголовных наказаний Франции входит институт уменьшенной вменяемости. Основное отличие его состоит в психическом или нервно-психическом расстройстве, которое не лишило, а лишь ухудшило способ-

ность виновного осознавать, а равно контролировать свои действия. Данное обстоятельство по усмотрению суда может быть учтено в качестве смягчающего обстоятельства.

Подводя итог эффективности системы уголовных наказаний Франции, считаем верным обратиться к статистическим данным о количестве тяжких преступлений, а именно убийств из расчета на 100 тысяч населения. Сравнивая указанный показатель во Франции (1,58) с данными, отраженными нами ранее, можем сделать вывод о том, что система уголовных наказаний во Франции и в Германии более эффективна, чем отечественная [4].

В то же время необходимо заметить, что наши выводы носят больше вероятностный характер, так как на уровень преступности влияет множество факторов, в том числе: уровень дохода на душу населения, уровень социальной защищенности общества в целом и отдельных социально-возрастных групп в частности (пенсионеры, несовершеннолетние, сироты, инвалиды и др.), уровень безработицы и др.

Вышеобозначенный вывод может являться справедливым, так как в Германии и во Франции система уголовных наказаний более индивидуализирована, содержит сложную систему мер дополнительного уголовно-правового воздействия как на совершеннолетних, так и на несовершеннолетних осужденных. Отсутствие законодательно закрепленного понятия наказания и его целей компенсируется доктринальными разработками и законодательными дефинициями, которые направлены на достижение фундаментальных целей наказания в виде возмещения причиненного вреда, исправления и ресоциализации осужденного, а в конечном итоге и предотвращения совершения новых преступлений. В свете сказанного можно считать уровень законодательной техники уголовно-правового законодательства Франции и Германии выше отечественного.

Вторым этапом является анализ наиболее крупных и значимых представителей англосаксонской правовой семьи. К их числу непременно относятся Англия и Соединенные Штаты Америки.

Говоря о системе наказаний, действующей в Англии, необходимо обратить внимание на отсутствие кодифицированной формы. Нормы уголовно-правового характера, регламентирующие цели, виды наказания, порядок их назначения содержатся в разных законах, которые не объединены в единую кодифицированную систему. В отличие от уголовного законодатель-

ства Англии нормы уголовно-правового характера России практически всегда были кодифицированы, что упрощало не только их изучение, но и применение. В рамках настоящей статьи особую ценность для нас имеют цели и принципы наказания. Закон «Об уголовной юстиции» (Criminal Justice Act, 2003, с. 44), принятый в 2003 году, в статье 142 закрепил основные цели уголовного наказания в Англии: наказание преступников; снижение уровня преступности; исправление и ресоциализация преступников; защита общества от совершения новых преступлений; возмещение преступниками вреда, нанесенного преступлением [10].

Сравнительный анализ целей, указанных в законодательстве Англии и закрепленных в части 2 статьи 43 Уголовного кодекса Российской Федерации, позволяет утверждать, что они близки не только по своему содержанию, но и значению. Например, защита общества от совершения новых преступлений напрямую соотносится с предупреждением совершения новых преступлений. Исправление и ресоциализация преступника практически совпадает с исправлением осужденного. Но, на наш взгляд, норма английского уголовного законодательства является более верной. Ресоциализация особенно востребована по отношению к несовершеннолетним, воспитывающимся без родителей, и несовершеннолетним из неблагополучных семей, родители которых не занимались воспитанием или сами обучали детей преступной деятельности и поведению (цыганские семьи). Также в ресоциализации нуждаются совершеннолетние лица, долгое время употребляющие наркотические и психотропные вещества.

Восстановление социальной справедливости можно соотнести с возмещением преступником вреда, нанесенного преступлением, хотя нужно учитывать, что в отечественном уголовном праве вкладывают более глубокий смысл в данную цель, нежели простое возмещение вреда, причиненного преступлением. Но в английской уголовно-правовой науке подход к цели наказания как к возмещению вреда, причиненного преступлением, остается достаточно традиционным, связанным с отношением к наказанию, как к справедливому воздаянию преступнику за нарушение закона [11, с. 189]. Это подтверждается тем, что целью наказания под номером один является наказание преступников.

Проанализировав законодательство Англии в части, касающейся определения видов наказаний, можно утверждать, что виды наказаний располагаются бессистемно и законодателем

не предусмотрено деление наказаний на основные и дополнительные, в связи с этим большинство санкций носят альтернативный характер. По своему смыслу все наказания в английском законодательстве можно поделить на две группы: основные и дополнительные [12, с. 87]. Как и в отечественном уголовном праве, в санкциях английского законодательства предусмотрен дифференцированный подход к наказанию виновных. Санкции содержат наказания как назначаемые судом в обязательном порядке (размер может варьироваться, но вид не изменяется), так и наказания, назначаемые по усмотрению суда, для достижения всех его целей.

В настоящее время систему уголовных наказаний Англии составляют восемь видов: пожизненное тюремное заключение; тюремное заключение на определенный срок; условная отсрочка от отбывания наказания в виде тюремного заключения с назначением надзора или без его назначения; запрет на занятие определенной деятельностью; запрет покидать в определенные часы установленное место жительства; штраф; компенсация вреда, причиненного преступлением; конфискация имущества. Крайняя мера наказания в виде смертной казни в Англии была отменена в 1965 году [13].

Возраст привлечения к уголовной ответственности — 10 лет был установлен в 1998 году статьей 37 Закона о преступлениях и беспорядках (Crime and Disorder Act, 1998, с. 37) [14, с. 141]. Возраст совершеннолетия в английском законодательстве равен 21 году [11, с. 189].

Особенностью привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности является существование трех возрастных категорий, к каждой из которых применяются разные виды наказаний.

Фактически дети до 10 лет не привлекаются к уголовной ответственности, а с 10 до 14 лет считаются недееспособными, но могут быть обвинены в совершении преступления [9, с. 37].

В соответствии с законодательством Англии невменяемым, не подлежащим наказанию может быть только лицо, у которого имеются дефекты интеллекта и сознания. Таким образом, при вынесении приговора суды в обязательном порядке учитывают лишь приобретенные и наследственные заболевания, а временные расстройства эмоций и воли могут не приниматься во внимание. Связана данная позиция с правовой основой, действующей с 1843 года — «Правила Макнатена» (M'Naghten rules) [9, с. 138].

Еще одним фактором, влияющим на эффективность системы наказаний Англии, является

широкое применение судами — проба́ция (проба́ция — наложение судом на виновного определенных ограничений (не употреблять алкоголь, не посещать определенные места, не общаться с определенными людьми и др.) и обязанностей (возместить вред, причинный преступлением, материально поддерживать лиц, находящихся на иждивении, обучиться специальным навыкам или получить специальное образование и др.)). Некоторые авторы считают проба́цию разновидностью условного осуждения, а также, несмотря на наличие всех признаков наказания у проба́ции, в силу ее сугубо личностного характера причисляют ее к мерам уголовно-правового воздействия [11, с. 180]. На наш взгляд, проба́ция является перспективным видом наказания, который должен заменить некоторые существующие наказания. Проба́ция имеет глубокий личностный характер воздействия на виновного и устанавливает ограничения в тех областях, которые послужили детерминантами преступного поведения. С распространением применения судами проба́ции (особенно эффективна она в отношении виновных, совершивших преступления небольшой и средней тяжести), индивидуализация наказания сможет выйти на качественно новый уровень.

Статистические данные, имеющиеся в нашем распоряжении, показывают, что за 2016—2017 годы количество общеуголовных преступлений снизилось [15]. Если обратиться к данным об уровне преступности в мегаполисах за 2018 год, то столица Англии имеет достаточно низкий показатель — 1,2; в то же время показатель Нью-Йорка — 3,4; показатель Москвы — 2,5. Таким образом, уровень преступности в Лондоне ниже, чем в Москве в 2 раза и Нью-Йорке — в 3 раза [16].

Фактически это может служить подтверждением эффективности проводимой работы по обеспечению общей и частной превенции, за что в том числе отвечает и система уголовных наказаний.

В результате анализа системы уголовных наказаний Англии уместен вывод о ее стабильности и эффективности, при этом отсутствие кодифицированной формы законодательства не оказывает какого-либо влияния на эти показатели. Кроме этого, вектором развития системы наказаний является дифференциация ответственности, а наряду с этим и расширение перечня методов воздействия на преступников, не связанных с изоляцией от общества.

Анализируя систему наказаний Соединенных Штатов Америки (далее — США), как одного из

ключевых представителей стран с англосаксонской правовой системой, необходимо определить, что в соответствии с американским законодательством понимается под наказанием.

Анализ законодательства США позволил выделить четыре неотъемлемых признака уголовного наказания: лишение, а равно существенное ограничение прав личности; принудительный характер назначения и исполнения наказания (зависит от поведения виновного); государственная воля (сила государства, которая устанавливает, поддерживает назначение и исполнение наказания); строгая регламентация порядка, условий, назначения и исполнения наказания [17, с. 310]. Уголовное законодательство США содержит указание о двух целях, достигнуть которые должна система наказаний: предупреждение совершения новых преступлений, а также содействие исправлению и социальному восстановлению личности преступника.

Законодательством Америки проводится классификация преступлений по тяжести на три большие группы: *тяжкие* (felonies) — преступления срок лишения свободы, за которые превышает один год; *не тяжкие* (misdemeanours) — преступления, наказание за которые не превышает одного года лишения свободы; *преступное поведение* (mala prohibita) — все преступные посягательства, за которые наказание не превышает пяти дней лишения свободы и штрафа на сумму не более 5 тыс. долларов.

Система наказаний США включает в себя следующие виды наказания: смертная казнь; лишение свободы; проба́ция; штраф; конфискация имущества; ограничение (лишение) конкретных прав; выполнение общественных работ.

Наказание в виде смертной казни всегда входило в систему уголовных наказаний США. Данный вид наказания назначается за ряд тяжких преступлений: совершение убийства при отягчающих обстоятельствах; совершение тяжкого преступления, в результате которого произошло лишение жизни; убийство федерального служащего (полицейского) при исполнении; совершение террористического акта. В законодательстве предусмотрено пять способов приведения приговора в исполнение: смертельная инъекция, электрический стул, расстрел, газовая камера, повешение. Важно, что законодательством некоторых штатов приговоренному предоставляется право самостоятельно выбрать вид смертной казни, в остальных случаях данное решение принимает суд.

Кроме указанных видов, предусмотренных федеральным законодательством, штаты имеют право самостоятельно устанавливать иные виды наказаний (в США действует двухуровневая правовая система. Существует федеральное законодательство (федеральный уголовный закон) общее для всех и законодательство штатов (уголовно-правовые нормы, действующие только на территории конкретного штата). Указанный порядок регулируется разделом 18 Свода законов США). Например, в Уголовном кодексе Калифорнии предусмотрен дополнительный вид наказания в виде операции с целью предупреждения производства осужденным потомства. Кроме этого, существует дополнительный вид наказания для лиц, совершивших преступления против половой свободы и неприкосновенности, — введение инъекций, существенно снижающих половое влечение [18, с. 123]. Кроме уголовных наказаний, систему формируют и меры безопасности. Данные меры применяются в целях исключить саму вероятность совершения преступления (запрет приближаться к потерпевшему ближе, чем на определенное расстояние).

Возраст привлечения к уголовной ответственности в США в соответствии с федеральным законодательством равен 16 годам, но в некоторых штатах он существенно меньше. Например, по уголовному законодательству штата Колорадо и Луизианы возраст уголовной ответственности наступает с 10 лет. В штате Иллинойс и Джорджия — с 13 лет, а в штатах Нью-Гемпшира и Техаса — с 15 лет [19, с. 136].

Интересной особенностью уголовного законодательства США является принцип абсолютного сложения наказания. Он предусматривает, что суд при вынесении приговора виновному по совокупности совершенных преступлений не имеет предельно допустимых границ. Например, в 1980 году серийный убийца Джон Грейси за убийство тридцати трех человек с отягчающими обстоятельствами был приговорен судом к двадцати одному пожизненному лишению свободы [20].

Подводя итог эффективности системы уголовных наказаний США, необходимо сравнить имеющиеся статистические данные о количестве убийств из расчета на 100 тысяч населения. Данный показатель равен 5, что пусть и выше аналогичного показателя Англии, Франции и Германии, но в два раза ниже чем в Российской Федерации [4]. При этом США является единственной страной, в которой легализован оборот оружия среди гражданского

населения, пускай и с определенными ограничениями.

Подводя итог сравнительно-правовому анализу систем уголовных наказаний стран, относящихся к англосаксонской и романо-германской правовой семье, необходимо отметить, что, несмотря на существующие отличия, которые выражаются в различии форм законодательства, наличии (отсутствии) наказания в виде смертной казни, декларировании целей наказания и тому подобном, фактически перед ними ставятся общие задачи по обеспечению общей и частной превенции, исправлению и ресоциализации осужденных. Методы достижения данных целей также очень схожи и состоят в индивидуализированном подходе к личности виновного и совершенному им преступлению, а равно в дифференцированном подходе к выбору меры государственного воздействия на последнего. При этом наблюдается общая тенденция, которая состоит в приоритете наказаний, не связанных с лишением свободы, а лишающих виновного иных прав и свобод, а также мотивирующих его к возмещению причиненного преступлением ущерба. При этом достижение задач, стоящих перед системой уголовных наказаний, зачастую происходит за счет применения к виновным иных мер уголовно-правового воздействия — не уголовных наказаний. Кроме этого, уголовно-исполнительная система данных стран акцентировала внимание не только на исправлении виновного, но и на ресоциализации, а равно социальном восстановлении личности преступника. На наш взгляд, подобная тенденция должна внедряться и в отечественную уголовно-правовую и уголовно-исполнительную практику. Приведенная в настоящей статье статистика о количестве совершенных убийств на 100 тысяч населения показывает, что самый низкий уровень в странах, которые полностью исключили смертную казнь из системы уголовных наказаний и находятся в лидерах по применению наказаний и иных мер уголовной ответственности, не связанных с лишением виновного свободы. Учитывая стабильность систем наказаний в странах, проанализированных нами, можно сделать вывод о том, что они проверены временем и эффект от их воздействия не является временным.

Таким образом, необходимо дальнейшее исследование и изучение элементов, включенных в систему уголовных наказаний иностранных государств, которые несут в себе потенциальную пользу для отечественного законодательства для дальнейшей их имплементации.

Примечания

1. Дворецкий М.Ю., Кузина А.А. Система наказаний в законодательстве Российской Федерации и Федеративной Республики Германии: проблемы эффективной реализации уголовной ответственности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 1 (117).
2. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / науч. ред. Д.А. Шестаков, пред. Г.-Г. Йешек, пер. Н.С. Рачкова. СПб., 2003.
3. Сулейманова И.Е. Сравнительный анализ законодательства зарубежных стран по противодействию молодежной преступности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 1.
4. Преступность в странах мира. Информационно статистический портал. URL: <http://stattur.ru/journal/20180227/> (дата обращения: 25.04.2019).
5. Голоднюк М.Н., Зубкова В.И., Крылова Н.Е. и др. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2: Учение о наказании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М.: ИКД Зерцало, 2002.
6. Малиновский А.А. Сравнительное уголовное право: учебник, 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрлитинформ, 2016.
7. Закон (Ордонанс) «О несовершеннолетних правонарушителях» от 2 февраля 1945 г. № 45-174.
8. Уголовное право зарубежных стран: учебник. Общая и Особенная части / под ред. Н.Е. Крыловой. М., 2013.
9. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учебное пособие / под. ред. И.Д. Козочкина. М., 2003.
10. Criminal Justice Act, 2003, art. 142. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=323509 (дата обращения: 02.12.2018).
11. Жабский В.А. Наказания по уголовному законодательству зарубежных стран: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2011.
12. Стромов В.Ю. Система уголовных наказаний: реализация и эффективность: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2009.
13. Murder (Abolition of the Death Penalty) Act 1965.
14. Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. М.: Проспект, 2009.
15. Crime rate in England and Wales soars as cybercrime is included for first time // EURODIGEST. URL: <https://eurodigest.ru/page/158> (дата обращения: 06.04.2019).
16. Действительно ли Лондон опаснее Москвы и Нью-Йорка? // Русская служба BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43653877> (дата обращения: 06.04.2018).

17. Hall J. General Principles of Criminal Law. 2. Indianapolis, 1960.
18. Кубанцев С.П. Основные виды наказания в уголовном праве США // Журнал российского права. 2004. № 9.
19. Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб., 2007.
20. Самые длинные тюремные сроки и суровые приговоры в истории // Аргументы и факты. URL: <http://www.aif.ru/society/law/37825> (дата обращения: 20.04.2019).

References

1. Dvoretzky M.Yu., Kuzina A.A. The system of punishments in the legislation of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany: problems of effective implementation of criminal responsibility. *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, 2013, no. 1 (117). (In Russ.)
2. Criminal Code of the Federal Republic of Germany / scientific. ed. D.A. Shestakov, before. G.-G. Yeshek, trans. N.S. Rachkova. St. Petersburg, 2003. (In Russ.)
3. Suleymanova I.E. Comparative analysis of the legislation of foreign countries on countering youth crime. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 1.
4. Crime in the world. Informational statistical portal. URL: <http://stattur.ru/journal/20180227/> (accessed 25.04.2019). (In Russ.)
5. Golodnyuk M.N., Zubkova V.I., Krylova N.E. and others The course of criminal law. A common part. Vol. 2: The doctrine of punishment. Ed. N.F. Kuznetsova and I.M. Tyazhkova. Moscow: Zertsalo Publ., 2002. (In Russ.)
6. Malinovsky A.A. Comparative Criminal Law: textbook. 2nd ed., rev. and exp. Moscow: Yurlitinform Publ., 2016. (In Russ.)
7. Law (Ordinance) «On Juvenile Offenders» February 2, 1945, no. 45-174.
8. Criminal law of foreign countries. General and Special parts: a textbook / ed. N.E. Krylova. Moscow, 2013. (In Russ.)
9. Criminal law of foreign countries. General part: studies. benefit / ed. I.D. Kozochkin. Moscow, 2003. (In Russ.)
10. Criminal Justice Act, 2003, art. 142. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=323509 (accessed 02.12.2018).
11. Zhabsky V.A. Penalties for the criminal legislation of foreign countries: theoretical and applied research. Dissertation... doctor of legal sciences. Ryazan, 2011. (In Russ.)
12. Stromov V.Yu. The system of criminal penalties: implementation and effectiveness. Dissertation... candidate of legal sciences. Volgograd, 2009. (In Russ.)

13. Murder (Abolition of the Death Penalty) Act 1965.
14. Esakov G.A., Krylova N.E., Serebrennikova A.V. Criminal law of foreign countries. Moscow: Prospectus Publ., 2009. (In Russ.)
15. Crime rate in England and Wales soars as cybercrime is included for the first time // EURODIGEST. URL: <https://eurodigest.ru/page/158> (accessed 06.04.2019).
16. Is London really more dangerous than Moscow and New York? // Russian BBC. URL service: <https://www.bbc.com/russian/features-43653877> (accessed 06.04.2018). (In Russ.)
17. Hall J. General Principles of Criminal Law. 2nd ed. Indianapolis, 1960.
18. Kubantsev S.P. The main types of punishment in US criminal law. *Journal of Russian law*, 2004, no. 9. (In Russ.)
19. Kozochkin I.D. Criminal law of the USA: successes and problems of reforming. St. Petersburg, 2007. (In Russ.)
20. The longest prison sentences and the harshest sentences in history // Arguments and Facts. URL: <http://www.aif.ru/society/law/37825> (accessed 20.04.2019). (In Russ.)

УДК 101.1:316.75
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10241

Сергачев Дмитрий Михайлович
Dmitry M. Sergachev

аспирант

Нижегородский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (603057, Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 46)

post-graduate student

Nizhny Novgorod Institute of management of the Russian presidential Academy of national economy and public administration (46 Gagarin av., Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603057)

E-mail: d.m.sergachev@yandex.ru

Право и ценности в процессе формирования социально-исторической памяти

Law and values in the process of formation of socio-historical memory

В статье представлена проблема формирования социально-исторической памяти как основы социального единства современного общества. В качестве методологической основы исследования проблемы предложен ценностно-нормативный подход. В данном контексте проведен анализ правовых норм, регулирующих мемориальную сферу общественных отношений. Автор приходит к выводу, что ценности социально-исторической памяти должны выступать смысловым ядром и критерием эффективности правовых норм, регламентирующих процессы ее формирования.

Ключевые слова: социально-историческая память, история, культура, ценности российского общества, политика памяти.

The article presents the problem of formation of socio-historical memory as the basis of social unity of modern society. A value-normative approach is proposed as a methodological basis for the study of the problem. In this context, the analysis of the legal norms regulating the memorial sphere of social relations is carried out. The author comes to the conclusion that the values of socio-historical memory should be the semantic core and the criterion of the effectiveness of legal norms regulating the processes of its formation.

Keywords: socio-historical memory, history, culture, values of Russian society, politics of memory.

Проблема формирования социально-исторической памяти определяется потребностью консолидации современного общества в условиях нарастания рисков и опасностей на всех уровнях его существования. Социальное единство является условием жизнеспособности общества, его готовности к разрешению проблем любой сложности. Среди значимых факторов, обуславливающих социальную сплоченность, стоит выделить социально-историческую память. Она выступает духовной основой единства в восприятии мира, процессов, его характеризующих, места и роли своей страны и народа в мировой истории. Социально-историческая память является основанием национально-культурной

идентичности народа, становления его патриотических чувств. Сущность ее возникновения заключается в способности и потребности каждого индивида идентифицировать себя среди иных, самоопределиваться на основе связи с опытом предков, традициями восприятия мира, его ценностей и норм. Влияние на выбор человека при этом оказывают когнитивные процессы, образованные путем накопления и преобразования опыта прошлого в способность воспроизведения в будущем. Функционирование коллективной памяти обусловлено способностью человеческого рода к длительному сохранению информации о событиях внешнего мира и многократное введение ее в сферу сознания и поведения.

© Сергачев Д.М., 2019

Совокупность процессов запоминания, сохранения и воспроизведения, включающих узнавание, воспоминание и припоминание присущи каждому члену общества. Они формируют сознание, определяют границы поведения и характер социальных норм. Искусственные изменения или стирания промежутков исторического прошлого в корне преобразуют сознание личности и общества, а возникновение феномена контрпамяти может спровоцировать «эффект бабочки». Манипуляции с историческим прошлым отдельными социальными группами с целью личной выгоды и в ущерб интересам общества, государств или мира приводят к разрушительным последствиям, дестабилизации в общественных отношениях, человеческим жертвам. В таких условиях вопрос защиты социально-исторической памяти от внутренних и внешних вызовов приобретает особую актуальность.

Нам представляется, что социально-историческая память может быть определена как совокупность знаний, воспоминаний, представлений об исторических событиях, общность их оценки с позиций интересов и перспектив развития общества. На современном этапе политического развития нашей страны предпринимаются попытки укрепить социально-историческую память, оживить, а там, где это требуется, воссоздать и актуализировать события исторического прошлого. Выступая как социально-психологический феномен, социально-историческая память не ограничивается историческими знаниями, она формирует систему жизненных смыслов и ценностей, выполняет важные социально-психологические функции в сознании групп, несет в обыденном сознании эмоциональный и нравственный заряд [1, с. 4].

На наш взгляд, представляется перспективным использование ценностно-нормативного подхода в качестве методологической основы исследования проблемы формирования социально-исторической памяти. Идеи В. Виндельбанда и Г. Риккорта представляют особый интерес для осознания сущности данного подхода. Так, неокантианцы понимали ценности как идеальное бытие, соотносимое с трансцендентальным или «чистым» сознанием. Ценности не находятся в прямой зависимости от человеческих потребностей, однако их связь с реальностью, которая нормативно регулируется, весьма прочна. Именно ценности — культурные блага, — утверждал В. Виндельбанд, — обуславливают значимость явлений этого мира (например, науки, истории, социальной памяти) [2]. Для индивида они преобразуются в виде требования

долженствования, определяя, таким образом, поведение.

Общество как ценностно-нормативную систему рассматривал и Э. Дюркгейм. Он определил «известное состояние коллективной души» как конгломерат, включающий в себя верования, стремления, обычаи, нравственные и правовые нормы, политическую организацию жизни, способы ведения экономической деятельности, методы воспитания. Возникновение новых коллективных форм бытия Э. Дюркгейм видел в «психоорганических конституциях индивида» и условиях, окружающих индивида. Они обособлены от социологических явлений и выступают как социо-психологические» [3, с. 126].

Ценностно-нормативный подход, таким образом, позволяет рассмотреть социально-историческую память через призму значимого, ценного для человека и общества, находящего свою реализацию в нормировании социальных взаимодействий. При таком подходе социально-историческая память предстает как целостная социокультурная система, исторически сложившаяся совокупность взаимодействующих ценностей и норм, выступающая регулятором процессов духовного единения людей. Таким образом, содержание социально-исторической памяти может быть определено через правовые нормы, посредством отражения в них социальных ценностей.

Применение ценностно-нормативного подхода к исследованию социально-исторической памяти определяет необходимость укрепления ценностно-смысловых доминант российского общества, а также направляет к обоснованию формирования структуры политики социально-исторической памяти как системы традиционных ценностей, идеалов и смыслов. К ценностям социально-исторической памяти следует отнести социальное единство, национально-культурную идентичность, патриотизм. Под социальным единством мы понимаем сплоченность общества, необходимую для поддержания благополучия граждан. Национально-культурная идентичность — это способность индивида относить себя к сообществу граждан на общенациональной и общекультурной основе. Патриотизм представляет собой чувство любви к своей Родине, верности своему Отечеству, побуждающей к выполнению гражданского долга и обязанностям по защите Родины и ее интересов. В качестве средств их реализации в практике общественных отношений необходимо выделить факты и смыслы памятных исторических событий, традиции их увековечения,

формы закрепления в общественном сознании, которые объективно имеют направленность к своему нормативному закреплению. В данном контексте становится возможной качественная оценка системы нормативных правовых актов, направленных на решение задач по регулированию мемориальных процессов.

Отечественная история богата фактами, обладающими значительным духовно-нравственным потенциалом. Россиянину есть чем гордиться. Он живет в великой стране, с великим историческим наследием. Осознание этого каждым — путь к усилению социального единства, а значит могущества всей страны. Но это осознание должно прийти, его надо формировать, а иногда и защищать от вмешательства сил, незаинтересованных в укреплении духовных основ нашего общества [4].

Будущее Российской Федерации зависит от выбора стратегии, политического курса, а также действий государственных органов власти, реализуемых во всех сферах жизни общества. Принятая в 1993 году Конституция Российской Федерации объявила человека, его права и свободы высшей ценностью. Государство взяло на себя обязанность признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина (ст. 2). Это определило вектор взаимоотношений государства с обществом. Иными словами, Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7). В своем реальном воплощении провозглашенные Конституцией принципы становятся серьезным основанием для формирования в сознании россиян ценностей государства, уважения к своему Отечеству и его прошлому, к отечественной культуре.

Одним из важнейших нормативных актов, регулирующих решение вопросов социально-исторической памяти в Российской Федерации, является Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273 «Об образовании в Российской Федерации» [5]. В статье 3 указанного Закона приводятся принципы основных направлений государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования. Среди них отмечены гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма и другие. Таким образом, отечественная система образования признана действенным субъектом сохранения общей памяти, патриотического

воспитания, проводником государственной политики в этой области.

Иным источником формирования единства духовных оснований жизни нашего общества признается героическое прошлое нашей страны, персонифицирующееся в ветеранах. Активизировать потенциал этого ресурса призван Федеральный закон от 12 января 1995 года № 5-ФЗ (ред. от 16.11.2011) «О ветеранах». Статья 8 этого Закона определяет, что политика, проводимая государственными органами в отношении ветеранов, предполагает комплекс мер по пропаганде добросовестной военной службы, самопожертвования и патриотического духа, трудовой деятельности, значения государственных наград за ратные и трудовые подвиги, используя в том числе и средства массовой информации (телевидение, газеты, Интернет-ресурсы и др.).

В этом же ключе был призван действовать Федеральный закон от 13 марта 1995 года № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России». Данный закон исходит из убеждения, что Отечество должно помнить героев, примеры их мужества, силы духа, и слава русского народа есть неотъемлемая часть истории Российской Федерации. Подчеркнем, что важность Закона заключается в том числе и в закреплении значимых исторических событий, укрепляющих как культурные и духовные ценности, так и военные победы в социально-исторической памяти.

Наибольшим воспитательным потенциалом, как это сложилось с советских времен, признается история Великой Отечественной войны, примеры героизма нашего народа, проявленные в борьбе с мировым злом. Этот аспект был учтен Федеральным законом от 19 мая 1995 года № 80-ФЗ «Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». Закон исходит из идеи глубокой патриотической сущности хранения традиций народов России, цель которого сберечь память о защитниках Родины, героях, патриотах, всех тех, кто отдал свои жизни в борьбе за свободу и независимость страны. Законом провозглашается необходимость заботы об участниках, ветеранах и жертвах войны, что, в свою очередь, является историческим долгом гражданского общества и государства.

Наиболее системно специфику патриотической работы в современной России отражает Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016—2020 годы» [6]. Определение патриотизма в Программе сформулировано как любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стрем-

ление служить его интересам и готовность к его защите. Результативность данной программы рассматривается в тесной взаимосвязи с совершенствованием исторического образования и историко-воспитательной работы с молодежью.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р) определяет, что в сфере государственной молодежной политики целью является формирование условий для успешной социализации и эффективной реализации потенциала молодежи, развитие способностей молодежи и их применение в интересах инновационного развития страны [7]. Кроме того, важное место отводится гражданскому и историческому образованию, патриотическому воспитанию молодежи, содействию в формировании правовых, культурных и нравственных ценностей среди молодежи.

Согласно прогнозу долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года важным приоритетом социальной и экономической политики является развитие культурно-познавательного туризма, направленного на сохранение культурно-исторического наследия, облика исторических поселений с целью формирования положительного образа страны за рубежом [8]. Оживить интерес молодежи к изучению исторического и культурного наследия своего края и Родины можно путем развития культурно-познавательного туризма, благодаря которому будут формироваться культурные и нравственные ценности, развиваться кругозор молодого поколения, сохраняться традиционные мировоззренческие установки российского общества. Таким образом, будут решены многие задачи гражданского образования и патриотического воспитания молодежи.

В современном российском правовом поле наблюдается и рост внимания к укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Так, в Указе Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» отмечается важность сохранения и развития общероссийской идентичности народов Российской Федерации. Решение задач по укреплению единства и целостности социокультурного пространства, обеспечению значимой роли Российской Федерации на международной арене в гуманитарном и культурном аспектах призвано обеспечить национальную

безопасность нашей страны. При этом наука, технологии и образование должны обеспечить поддержку при реализации указанных мер. Особое внимание в этом контексте уделяется гуманитарному, историческому образованию [9].

Тенденция стратегического развития политики памяти на период 2019—2024 годов нашла отражение в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204. Так, в целях сохранения духовно-нравственных ценностей и становления гражданской идентичности был подготовлен национальный проект «Культура» [10]. В проекте отмечена важность укрепления единства нации, проведения работы по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию. Для этого планируется создать 180 памятных мест, связанных с военной историей России. В рамках задач по укреплению гражданской идентичности российского общества поддержку получают 600 творческих проектов. Для укрепления единства нации, духовно-нравственного и патриотического воспитания будет реализовано 48 выставочных проектов федеральных и региональных музеев в субъектах Российской Федерации.

К угрозам, противостоять которым призвана политика памяти нашего государства, следует отнести деградацию традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также ослабление единства многонационального русского народа под воздействием внешнего (иностранного) культурного и информационного влияния. Пропаганда вседозволенности и насилия формирует серьезные риски национальной безопасности. Кроме этого, возникновение очагов национальной, расовой и религиозной нетерпимости способствует росту рискогенности российского общества. Утрата национальных ценностей, например «кризис» родного языка, снижение качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации исторической действительности, злоумышленные посягательства на объекты культуры стирают социально-историческую память из сознания, которое при неблагоприятном исходе может быть занято недостоверной информацией, разрушающей духовные скрепы нашего общества. Противостоять угрозам национальной безопасности возможно, усилив государственную политику памяти на основе достижений современной науки.

Перспективы развития нормативно-правового поля сохранения социально-исторической памяти в Российской Федерации мы усматриваем в принятии единой государственной концепции

решения данной задачи и включения ее основных идей и принципов в систему нормативных правовых актов разного уровня. Совместными усилиями институтов гражданского общества, научного сообщества и государственных органов власти необходимо подготовить конкретные предложения по реализации политики памяти. На наш взгляд, первостепенными мерами должны стать введение в нормативное поле понятия «социально-историческая память», ее основных ценностей и форм их правового закрепления. В своем практическом воплощении это будет способствовать укреплению культурного единства, воспитанию духа патриотизма в российском обществе. Ценности социально-исторической памяти должны быть определены в качестве смыслового ядра и критерия эффективности правовых норм, регламентирующих процессы ее формирования.

Примечания

1. Емельянова Т.П. Коллективная память о советском прошлом: назад в СССР? // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 47. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.03.2019).
2. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: в 2-х т. М.: Терра-Канон-Пресс-Ц, 2000. Т. 1. 640 с.
3. Громов И.А., Лукьянов В.Г. Методология научного познания и теория ценностей Э. Дюркгейма // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 123—132.
4. Ивашевский С.Л. Политическая идеология и образование: опыт и перспективы взаимодействия: монография. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской акад. гос. службы, 2010. 159 с.
5. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2019).
6. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016—2020 годы»: постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493 (ред. от 20.11.2018). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2019).
7. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 28.09.2018). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2019).
8. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2019).

9. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1. Ч. II, ст. 212.

10. Паспорт национального проекта «Культура» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2019).

References

1. Emelyanova T.P. Collective memory of the Soviet past: back to the USSR? *Psychological research*, 2016, vol. 9, no. 47. URL: <http://psystudy.ru> (accessed 12.03.2019). (In Russ.)
2. Windelband W. History of new philosophy in its connection with the general culture and separate sciences: in 2 vol. Moscow: Terra-Canon-Press Publ., 2000. Vol. 1. 640 p. (In Russ.)
3. Gromov I.A., Lukyanov V.G. Methodology of scientific knowledge and value theory of E. Durkheim. *Sociological research*, 2010, no. 8, pp. 123—132. (In Russ.)
4. Ivashovsky S.L. Political ideology and education: experience and prospects of interaction: monograph. Nizhny Novgorod: publishing of Volga-Vyatka Academy public service, 2010. 159 p. (In Russ.)
5. On Education in the Russian Federation: federal law of 29.12.2012 no. 273-FZ. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 12.03.2019). (In Russ.)
6. State program «Patriotic education of citizens of the Russian Federation on the period of 2016-2020 years»: decision of the Russian Federation Government from 30.12.2015 no. 1493 (ed. from 20.11.2018). Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 12.03.2019). (In Russ.)
7. Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation until 2020: order of the Government of the Russian Federation of 17.11.2008 no. 1662-R (ed. from 28.09.2018). Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 12.03.2019). (In Russ.)
8. Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 12.03.2019). (In Russ.)
9. On the Russian Federation's National Security Strategy: edict of the Russian Federation President from 31.12.2015 no. 683. *Collection of legislative acts of the RF*, 2016, no. 1, part II, art. 212. (In Russ.)
10. Passport of the national project «Culture» (app. the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation on strategic development and national projects, Protocol of 24.12.2018 no. 16). Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 12.03.2019). (In Russ.)

УДК 343.3/.7

DOI 10.24411/2078-5356-2019-10242

Чукичева Наталия Владимировна
Natalia V. Chukicheva

адъюнкт адъюнктуры

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3

postgraduate student

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of the internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: chuknatali@yandex.ru

**Преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг
для обеспечения государственных и муниципальных нужд
как угроза экономической безопасности**

**Crimes in the sphere of procurement of goods, works, services for state
and municipal needs as a threat to economic security**

Преступления в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд наносят государству колоссальные материальные потери, представляя тем самым реальную угрозу экономической безопасности. Со стороны государства данной проблематике уделяется особое внимание, однако даже с введением новых норм в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) ситуация не изменилась. В статье выделен перечень преступных деяний, которые наиболее часто совершаются в контрактной системе, и сделан анализ юридических коллизий, возникших в связи с введением статей 200⁴, 200⁵ УК РФ.

Ключевые слова: государственные и муниципальные закупки, коррупция, экономическая безопасность, квалификация преступлений, преступные схемы.

Crimes in the sphere of procurement of goods, works and services for state and municipal needs cause enormous material losses to the state, thus posing a real threat to economic security. The state pays special attention to this issue, however even with the introduction of new norms in the criminal code of the Russian Federation, the situation has not changed. The article highlights the list of criminal acts that are most often committed in the contract system and analyzes the legal conflicts that arose in connection with the introduction of articles 200⁴, 200⁵ of the criminal code.

Keywords: state and municipal procurement, corruption, economic security, qualification of crimes, criminal schemes.

Эффективное обеспечение экономической безопасности — первостепенная задача каждого государства. Именно оно позволяет гарантировать защищенность общественных отношений путем устранения возможных или существующих угроз и вызовов. Об этом свидетельствует Стратегия экономической безопасности Российской Федерации [1], направленная на защиту национальных интересов, а также на реализацию национальных приоритетов, стратегически важных для нашего государства. В указанном документе одним из основных на-

правлений обеспечения экономической безопасности выступает развитие системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в экономической сфере. К числу основных задач такого направления относятся: осуществление контроля закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд (далее — государственные закупки, закупки, госзаказ); повышение эффективности бюджетных расходов; предотвращение картельных сговоров. Государственным закупкам уделяется особое внимание, и в силу

© Чукичева Н.В., 2019

наличия криминогенных факторов государство стремится на законодательном уровне минимизировать возможность совершения преступлений в рассматриваемой области по причине исходящей от них серьезной угрозы для экономической безопасности.

Ее криминальная привлекательность подтверждается не только публикациями в средствах массовой информации, где достаточно часто освещаются незаконные деяния при осуществлении государственных закупок [2], но и результатами деятельности правоохранительных органов, квалифицирующих посягательства на установленный законом порядок проведения государственных закупок по различным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (159, 160, 163, 165, 171, 174¹, 178, 179, 200⁴, 200⁵, 200⁶, 201, 201¹, 204, 238, 285, 285¹, 285³, 285⁴, 286, 289, 290, 291, 291¹, 292, 293, 304, 327). При этом нужно подчеркнуть, что с учетом многогранности исследуемого спектра криминальной деятельности их перечень не является исчерпывающим.

Учитывая разнообразие преступных деяний, совершаемых в сфере государственных закупок, и их высокую латентность, сложно подсчитать точную сумму ущерба, наносимого экономической безопасности нашего государства. Расходы федерального бюджета Российской Федерации в 2018 году составили 16,7 трлн рублей [3]. По сведениям официального сайта Единой информационной системы в сфере закупок, в 2018 году государственных контрактов заключено на общую сумму 6,883 трлн рублей, то есть чуть менее половины годовых бюджетных средств [4].

Государство, совершая такие колоссальные затраты, рассчитывает на эффективное расходование выделенных средств, однако еще в июне 2017 года Сергей Жаворонков (старший эксперт Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара) заявил, что согласно проведенным исследованиям ежегодные потери при осуществлении государственных закупок приблизительно варьируются в районе 2 трлн рублей [5]. Наряду с этим, по сведениям о результатах работы подразделений ЭБиПК, за январь-декабрь 2018 года размер причиненного материального ущерба по уголовным делам, связанным с госзаказом и направленным в суд, составил более 4 млрд рублей [6]. Этот диссонанс наиболее наглядно иллюстрирует наличие проблем выявления, доказывания и раскрытия такого рода преступлений.

На основании приведенных данных мы приходим к неутешительному выводу о том, что

приблизительно восьмая часть бюджетных денежных средств ежегодно может «оседать в карманах преступников» и только малая толка уголовных дел компенсирует понесенный ущерб.

Несомненно, сложившаяся ситуация не осталась без внимания государства. Так, в Федеральном законе (далее — ФЗ) от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [7] одним из направлений повышения эффективности противодействия коррупционно-должностным преступлениям является обеспечение добросовестности, открытости конкуренции и объективности при осуществлении государственных закупок. Президент Российской Федерации Владимир Путин считает, что недопустимо прикрываться законом о госзакупках для манипуляций на рынках [8] и необходимо проводить планомерную борьбу с жульничеством в этой сфере [9].

Наряду с этим, в конце мая 2018 года в рамках проведения Петербургского международного экономического форума — 2018 председатель Счетной палаты Российской Федерации Алексей Кудрин отметил, что данная сфера в Российской Федерации является серьезной коррупционной проблемой, и заявил, что намерен с участием Счетной палаты Российской Федерации и Министерства финансов Российской Федерации сделать решительные шаги в ближайшие два-три года в направлении снижения уровня ее криминализации [10]. В последующем реализация вышеотмеченного направления нашла свое отражение в Национальном плане противодействия коррупции (на 2018—2020 годы) [11]. В частности, в нем выделен отдельный раздел, посвященный совершенствованию мер по противодействию коррупции при осуществлении закупок. В этой связи перед Правительством Российской Федерации, Минтрудом России поставлены конкретные задачи по борьбе с преступлениями в рассматриваемой сфере, в том числе и коррупционной направленности. Однако достижение задекларированных целей в вышеотмеченных документах усложняется наличием следующих факторов.

Во-первых, достаточно часто при совершении противоправных действий в сфере закупок нарушается принцип обеспечения конкуренции, закрепленный в статье 8 ФЗ от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — ФЗ № 44), что способствует криминальным злоупотреблениям в исследуемой сфере.

Например, между субъектами, участвующими в этих правоотношениях с использованием различных комбинаций, устанавливаются договоренности о предоставлении необоснованных преимуществ и/или обеспечении победы при осуществлении закупки конкурентным способом. Как правило, после оказания такого содействия лицо(а), оказывающее(ие) содействие, получает(ют) «откат» в виде денег, ценных бумаг, иного имущества, а также в форме оказания услуг имущественного характера либо путем предоставления иных имущественных прав [12]. Для этого используются следующие схемы:

— регистрация нескольких фирм, по факту принадлежащих одному лицу или группе лиц, для одновременного участия в одной закупке;

— договоренность организаций поочередно выигрывать в закупках;

— разработка извещения, документации под конкретного участника и/или заблаговременное предоставление информации о закупке (оператором электронной площадки, заказчиком);

— вынесение контролирующими органами обязательных для заказчика предписаний в чьих-то интересах с нарушением закона или же, наоборот, сокрытие выявленных недостатков;

— понижение критериев оценки товаров, работ, услуг путем направления жалоб в Федеральную антимонопольную службу с целью заключить контракт и реализовать при этом некачественные товары, работы, услуги;

— предоставление участником фальшивых документов с целью соблюдения предъявляемых к нему требований, указанных в документации. Данные действия зачастую позволяют недобросовестным лицам становиться победителями закупки (ст. 327 УК РФ).

Вышеуказанные действия направлены, в том числе, на вытеснение добросовестных участников, готовых предоставить качественный товар или качественно оказать услугу (выполнить работу за «адекватную», то есть отражающую реальные затраты, цену, без ее искусственного занижения или завышения). Наряду с этим, лица, ограничивающие конкуренцию, как правило, не привлекаются даже по части 1 статьи 178 УК РФ, не говоря уже о части 2 этой статьи, в силу установления законодателем условия об извлечении дохода в крупном размере (пятьдесят миллионов рублей) или причинения крупного ущерба гражданам, организациям или государству (десять миллионов рублей).

Во-вторых, имеющиеся злоупотребления приводят к неэффективному расходованию бюджетных средств:

— приобретение с целью дальнейшего списания и завладения в личное пользование товаров, работ, услуг, обладающих избыточными (т. е. сверх норм, согласно ст. 19 ФЗ № 44 и нормативным актам, изданными в его развитие) потребительскими свойствами либо в соответствии с законодательством относящихся к предметам роскоши (ст. 285, 286 УК РФ) [13];

— подписание акта о приеме-передаче товара (выполнении работы, оказании услуги), свидетельствующего о выполнении обязательств в полном объеме и отсутствии претензий при наличии информации о неисполнении или ненадлежащем исполнении условий контракта (ст. 159, 160, 293 УК РФ);

— внесение в официальные документы заведомо ложных сведений, исправлений, которые искажают их действительное содержание (ст. 292 УК РФ);

— подготовка экспертом, экспертной организацией заключения по договоренности, не отражающего выявленные недостатки (ст. 200⁶ УК РФ).

Проблемы возникают и в рамках уголовно-правового противодействия преступлениям, совершаемым в сфере государственных закупок. Практика показывает, что существующие нормы уголовного закона недостаточно качественно обеспечивают охрану рассматриваемой группы общественных отношений, хотя уголовная политика в исследуемой области динамично видоизменяется. Так, апрельские и декабрьские изменения 2018 года [14] включили в структуру уголовного закона такие новые деяния, охраняющие сферу государственных закупок, как злоупотребления (ст. 200⁴ УК РФ), подкуп (ст. 200⁵ УК РФ), заведомо ложное экспертное заключение (ст. 200⁶ УК РФ), провокация подкупа (ст. 304 УК РФ). Пока эти нововведения не исправили сложившуюся ситуацию. Данные обстоятельства еще раз доказывают, что преступления, совершаемые в области госзаказа, создают реальную угрозу для экономической безопасности государства, что требует дальнейшей трансформации уголовной политики в исследуемой области. Подтверждается это и наличием в рассматриваемом вопросе ряда юридических коллизий.

Так, в статье 200⁴ УК РФ законодатель подчеркнул, что закрепленные в диспозиции лица, являющиеся субъектами этого преступления, не относятся к числу должностных, а в статьях 200⁵ и 304 УК РФ вообще отсутствует указание на особые признаки лиц, их совершающих. В таком случае при буквальном толкова-

нии положений статьей 200⁵ УК РФ под понятие иного уполномоченного лица, представляющего интересы заказчика в сфере закупок, подпадают и специальные субъекты (должностные лица). В этой связи встает вопрос о разграничении вышеотмеченных норм со смежными составами.

К категории специальных субъектов статьей 200⁴ УК РФ также относится и контрактный управляющий. Согласно части 2 статьи 38 ФЗ № 44 им является **должностное лицо**, на которое возлагается ответственность за одну закупку/несколько закупок, а также исполнение каждого контракта [15]. Причем кто будет выступать в качестве такового, зависит от совокупного годового объема закупок и способа образования контрактной службы. Так, в случае если объем закупок составляет более 100 млн рублей, на заказчика возлагается обязанность по созданию контрактной службы в форме отдельного структурного подразделения либо наделению такими функциями работников этой организации. В случае же если совокупный объем закупок за год насчитывает менее 100 млн рублей — назначается контрактный управляющий.

Согласно пункту 9 Типового положения (регламента) о контрактной службе [16] руководитель контрактной службы назначается на должность приказом руководителя заказчика либо лицом, исполняющим его обязанности и имеющим соответствующие полномочия. Если данная служба создана на базе организации без образования отдельного структурного подразделения, то ее возглавляет руководитель заказчика либо один из его заместителей. Контрактный управляющий выполняет все функции контрактной службы и назначается из числа лиц, числящихся в штате организации. При этом он обязан иметь высшее или профессиональное образование в области осуществления закупок, и при его назначении не должно возникнуть конфликта интересов.

Все эти лица осуществляют функции по управлению, а также распоряжению денежными средствами, хранящимися на банковских счетах организаций и выделенными для обеспечения государственных и муниципальных нужд [17]. В целом эти функции относятся к административно-распорядительным, и поэтому лица, их выполняющие, являются должностными лицами. В этой связи возникает коллизия, нашедшая свое закрепление в рамках статьи 200⁴ УК РФ, где в качестве субъекта преступления выделен контрактный управляющий, не относящийся к категории должностных лиц.

Наряду с этим, исключение в статье 200⁴ УК РФ из числа субъектов лиц, выполняющих в коммерческой или иной организации управленческие функции, и указание в статье 200⁵ УК РФ на отсутствие признаков преступлений, закрепленных в частях 1—4 статьи 204 УК РФ, необоснованны. Подтверждается это тем, что субъектами в статьях 200⁴ и 200⁵ УК РФ всегда выступают работники или сотрудники государственных организаций, деятельность которых не направлена на извлечение прибыли, в отличие от коммерческих организаций. По правовой природе сфера государственных закупок не сопряжена с предпринимательской деятельностью.

При сравнении рассматриваемых деяний со смежными составами, закрепленными в статьях 201, 285, 286 УК РФ, приходим к выводу о необоснованном занижении характера и степени общественной опасности деяний, нашедших свое отражение в статьях 200⁴ и 200⁵ УК РФ. Так, деяния, являющиеся по отношению к рассматриваемым общими, наказываются более строго и отнесены к категории средней тяжести. Деяния, посягающие на установленный законом порядок проведения государственных закупок, учитывая их особую социально-политическую и экономическую вредность, создающую реальную угрозу для национальной безопасности страны (ст. 200⁴ и 200⁵ УК РФ), являются преступлениями небольшой тяжести. Полагаем, что это свидетельствует об их недооцененности. Получается, что при совершении тождественных преступлений, отличающихся субъективным составом, нарушается принцип справедливости.

Таким образом, учитывая, что преступления в сфере государственных закупок представляют собой особую угрозу экономической безопасности, следует скорректировать уголовную политику в области охраны бюджетных средств, выделяемых государством для обеспечения нужд государства и муниципальных образований. Это может быть достигнуто путем:

— четкого определения субъектного состава рассмотренных в статье деяний, а также соразмерного и справедливого определения степени их общественной опасности;

— правильного определения содержания общественных отношений, вред которым причиняется при различных криминальных формах посягательств на установленный порядок осуществления государственных закупок;

— унификации уголовного законодательства в исследуемой области.

Примечания

1. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2019).

2. Хищения в сфере госзакупок медицинского оборудования. URL: <https://regnum.ru/dossier/1735.html> (дата обращения: 17.11.2018); В Нижегородской области возбудили уголовное дело за нарушение прав предпринимателя на госзакупках. URL: <https://torg94.ru/news/v-nizhegorodskoj-oblasti-vozbudili-ugolovnoe-delo-za-narushenie-prav-predprinimatelyana-goszakupkah-2018-10-22/> (дата обращения: 17.11.2018); Фигуранты дела о взятках при госзакупках осуждены в Хабаровске. URL: <https://www.dvnovosti.ru/incidents/2018/05/24/83293/#ixzz5XNgY8hDL> (дата обращения: 17.11.2018).

3. Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации.. URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/35956 (дата обращения: 08.04.2019).

4. Единая информационная система в сфере закупок. Федеральное казначейство. URL: <http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 23.03.2019).

5. Тодорова М., Григорьева И. Два триллиона нарушений при госзакупках. URL: <https://iz.ru/603198/mariia-todorova-inna-grigoreva/vziatki-pri-goszakupkakh-otcenili-v-2-trln-rublei> (дата обращения: 20.11.2018).

6. Сведения о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации за январь-декабрь 2018 г. // Сборник по России. Форма «5-БЭП». Том 9. Лист 723 (дата обращения: 08.04.2019).

7. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.04.2019).

8. Путин указал на несовершенство закона о госзакупках при закупках лекарств. URL: <http://prozakupki.interfax.ru/articles/1156> (дата обращения: 08.04.2019).

9. Путин требует бороться с преступными схемами в сфере госзакупок. URL: <https://forum-goszakaz.ru/pressroom/news/путин-требует-бороться-с-преступными-схемами-в-сфере-госзакупок.html> (дата обращения: 08.04.2019).

10. Фейнберг А., Тадтаев Г., Филипенко А. Кудрин назвал госзакупки «болевым точкой» в плане коррупции. URL: <https://www.rbc.ru/society/24/05/2018/5b06a3569a79472dfdf51b2a?story=5af980859a7947b069a0a9d3https://www.rbc.ru/society/24/05/2018/5b06a3569a79472dfdf51b2a?story=5af980859a7947b069a0a9d3> (дата обращения: 19.11.2018).

11. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018—2020 годы: указ Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. № 378. До-

ступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.04.2019).

12. Приговор Мотовилихинского районного суда г. Перми № 1-55/2016 от 15 марта 2016 г. по делу № 1-55/2016. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 18.11.2018).

13. Апелляционное определение Московского городского суда от 15.04.2016. Приговор: ст. 285, 286 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями; превышение должностных полномочий). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.11.2018).

14. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 520-ФЗ. Доступ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.04.2019).

15. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2018).

16. Об утверждении Типового положения (регламента) о контрактной службе: приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 29 октября 2013 г. № 631. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2018).

17. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2018).

References

1. On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the Period until 2030: Presidential decree of May 13, 2017 no. 208. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 08.04.2019)/ (In Russ.)

2. Plunders in the field of public procurement of medical equipment. URL: <https://regnum.ru/dossier/1735.html> (accessed 17.11.2018); In the Nizhny Novgorod region opened a criminal case for violating the rights of the entrepreneur in public procurement. URL: <https://torg94.ru/news/v-nizhegorodskoj-oblasti-vozbudili-ugolovnoe-delo-za-narushenie-prav-predprinimatelyana-goszakupkah-2018-10-22/> (accessed 17.11.2018); Persons involved in bribes in public prosecutions convicted in Khabarovsk. URL: <https://www.dvnovosti.ru/incidents/2018/05/24/83293/#ixzz5XNgY8hDL> (accessed 17.11.2018). (In Russ.)

3. Official website of the Accounts Chamber of the Russian Federation. URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/35956 (accessed 08.04.2019). (In Russ.)

Чукичева Н.В. Преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд как угроза...

4. Unified procurement information system site. Federal Treasury. URL: <http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (accessed 23.03.2019). (In Russ.)
5. Todorova M., Grigorieva I. Two trillion violations in public procurement. URL: <https://iz.ru/603198/mariia-todorova-inna-grigoreva/vziatki-pri-goszakupkakh-otce-nili-v-2-trln-rublei> (accessed 20.11.2018). (In Russ.)
6. Information on the results of the work of the economic security and anti-corruption units of the internal affairs agencies of the Russian Federation in January-December 2018. *Collection on Russia*. Form «5-BEP». Vol. 9. Sheet 723 (accessed 08.04.2019). (In Russ.)
7. On Combating Corruption: federal law of December 25, 2008 no. 273-FZ. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 08.04.2019). (In Russ.)
8. Putin pointed to the imperfection of the law on public procurement in the procurement of drugs. URL: <http://prozakupki.interfax.ru/articles/1156> (accessed 08.04.2019). (In Russ.)
9. Putin demands to fight criminal schemes in the field of public procurement. URL: <https://forum-goskaz.ru/pressroom/news/putin-demands-to-fight-criminal-schemes-in-the-field-of-public-procurement.html> (accessed 08.04.2019). (In Russ.)
10. Feinberg A., Tadtaev G., Filipenok A. Kudrin called public procurement a «sore point» in terms of corruption. URL: <https://www.rbc.ru/society/24/05/2018/5b06a3569a79472dfdf51b2a?story=5af980859a7947b069a0a9d3https://www.rbc.ru/society/24/05/2018/5b06a3569a79472dfdf51b2a?story=5af980859a7947b069a0a9d3> (accessed 19.11.2018). (In Russ.)
11. On the National Anti-Corruption Plan for 2018—2020: Presidential decree of June 29, 2018 no. 378. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 08.04.2019). (In Russ.)
12. The verdict of the Motovilikhinsky District Court of Perm no. 1-55/2016 dated March 15, 2016 in case no. 1-55/2016. URL: <http://sudact.ru> (accessed 18.11.2018). (In Russ.)
13. Appeal definition of the Moscow City Court of 15.04.2016. Verdict: art. 285, 286 of the Criminal Code of the Russian Federation (abuse of office; abuse of office). Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 17.11.2018). (In Russ.)
14. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: federal law of April 23, 2018 no. 99-ФЗ; On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: federal law of December 27, 2018 no. 520-ФЗ. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 08.04.2019). (In Russ.)
15. On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs: federal law of April 5, 2013 no. 44-FZ. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 12.11.2018). (In Russ.)
16. On Approval of the Model Provision (Regulations) on Contract Service: order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation of October 29, 2013 no. 631. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 12.11.2018). (In Russ.)
17. On judicial practice in cases of abuse of power and abuse of power: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 16, 2009 no. 19. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 12.11.2018). (In Russ.)

УДК 343.9

DOI 10.24411/2078-5356-2019-10243

Парилов Олег Викторович
Oleg V. Parilov

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

doctor of sciences (philosophy), professor of the department of philosophy
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoe shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: olegparilov@yandex.ru

Треушников Илья Анатольевич
Ilya A. Treushnikov

доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

doctor of sciences (philosophy), head of chair of the department of philosophy
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoe shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: treushnikovilya@mail.ru

**О состоявшейся в Нижегородской академии МВД России конференции
«Коррупция как угроза развития общества и государства»**

**About on the conference held in Nizhny Novgorod academy
of the Ministry of internal affairs of Russia “Corruption as a threat
to the development of society and the state”**

В статье речь идет о ходе и результатах организованной кафедрами философии и криминологии академии Всероссийской научно-практической конференции (онлайн) «Коррупция как угроза развития общества и государства», в которой приняли участие профессорско-преподавательский состав, практикующие юристы, представители государственных органов и общественных организаций, священнослужители. Приводятся тезисы сделанных на конференции основных докладов, подводятся ее итоги.

Ключевые слова: борьба с коррупцией, ценностные ориентиры, антикоррупционное поведение, экономическая безопасность, государственная власть, полиция.

The article explores the course and results of the All-Russian Scientific and Practical Conference (online) «Corruption as a threat to the development of society and the state» organized by the departments of philosophy and criminology, which was attended by faculty members, practicing lawyers, representatives of state bodies and public organizations, clerics. The theses of the main reports made at the conference are given, its results are summarized.

Keywords: the fight against corruption, values, anti-corruption behavior, economic security, state power, the police.

18 апреля 2019 года в Нижегородской академии МВД России состоялась Всероссийская научно-практическая конференция (онлайн) «Коррупция как угроза развития общества и государства».

Цель конференции — широкое обсуждение вопросов правового противодействия коррупции, дискуссии о духовно-нравственных, педагогических, политических мерах профилактики коррупционного поведения.

© Парилов О.В., Треушников И.А., 2019

Предметом обсуждения стали следующие проблемы:

1. Ценностные ориентации и мировоззренческие аспекты антикоррупционного поведения.
2. Коррупция как социальное явление, усилия государства и гражданского общества в деле формирования антикоррупционного поведения.
3. Антикоррупционное воспитание в семье и системе образования.
4. Коррупция как одна из основных угроз экономической безопасности государства.
5. Коррупция в органах государственной власти и местного самоуправления.
6. Детерминанты коррупционной преступности и особенности личности коррупционного преступника.
7. Основные направления предупреждения коррупционной преступности.

География участников была представлена следующими городами: Нижний Новгород, Москва, Санкт-Петербург, Волгоград, Иркутск, Екатеринбург, Красноярск, Краснодар, Орел. В работе конференции приняли участие представители Нижегородской академии МВД России, Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Нижегородского государственного педагогического университета имени К. Минина, Нижегородского института управления (филиал РАНХиГС), Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, Нижегородской духовной семинарии, Академии Управления МВД России, Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Санкт-Петербургского университета МВД России, Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, Восточно-Сибирского института МВД России, Волгоградской академии МВД России, Волгоградского государственного технического университета, Уральского юридического института МВД России, Сибирского юридического института МВД России, Краснодарского университета МВД России. Ее участниками также стали руководители государственных органов и общественных организаций, священнослужители и практикующие юристы.

Открыла конференцию заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по научной работе) Е.Е. Черных. Поприветствовав участников, она акцентировала внимание на актуальности и специфичности обсуждаемой темы: коррупция сегодня несет ощутимую угрозу национальной безопасности, стратегическим интересам России. Порождая чувство несправ-

едливости, дискредитируя государственную власть, она способна стать причиной обострения социальных противоречий, дестабилизировать российское общество. Евгения Евгеньевна высказала убеждение, что исключительно ужесточением уголовного преследования коррупции не искоренить. Эта сложная многогранная проблема требует комплексного, междисциплинарного подхода к решению. Не случайно организаторами научного форума выступили кафедры философии и криминологии. Столь обширная география участников свидетельствует об осознании социальной значимости обсуждаемой проблемы.

С первым докладом «Состояние исследованности коррупции в России» выступил профессор кафедры философии Нижегородской академии МВД России И.И. Сулима. Доклад стал результатом масштабной работы автора по анализу и систематизации нескольких тысяч исследований в области природы коррупции и борьбы с ней. Подобная систематизация необходима для определения приоритетных направлений в исследованиях по методам и формам борьбы с этим социальным злом. Во всем многообразии публикаций по проблеме коррупции им было выделено 8 ведущих направлений: теоретические труды, посвященные природе коррупции и ее социальной опасности; обобщающие труды, посвященные характеристике борьбы с коррупцией, борьбе с коррупцией в России; работы по истории борьбы с коррупцией; работы, дающие сравнительный анализ борьбы с коррупцией в России и за рубежом; обобщающие работы, исследующие теоретические аспекты правовых средств борьбы с коррупцией; исследования конкретных уголовно-правовых мер, оперативно-розыскных действий в противостоянии коррупции; исследования социокультурных проблем преступности, социокультурных корней коррупции и воспитательных мер борьбы с ней (в этой группе особо выделяется сборник «Борьба с коррупцией: возможности и перспективы»); исследования природы человека-коррупционера, в частности, психологические работы.

В докладе «Формирование правовой культуры личности как условие успешного противодействия коррупции» начальник кафедры философии Волгоградской академии МВД России Е.А. Матвиенко сосредоточил внимание на максимальной открытости как ключевом средстве противодействия коррупции в органах внутренних дел. Средства достижения этой открытости — социальный аудит за деятельностью правоохранителей и обнародование результа-

тов аудита в СМИ. Также докладчик обратил внимание на проблему двойственности статуса полицейского: на словах он — защитник общества, на деле — средство государственного принуждения. Если «развернуть» полицейского к обществу, человеку, то механизм общественного аудита будет вполне реализуем. В противном случае тотальный госконтроль приведет к умножению контролируемых органов и неизбежно — к увеличению коррупции.

Основная идея доклада «Антикоррупционная устойчивость сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, и психолого-педагогические технологии предотвращения конфликта интересов в их деятельности» профессора кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России Н.В. Сердюк и профессора кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России Ю.Г. Наумова такова: профилактика и преодоление конфликта интересов и профессиональной деформации являются необходимой составной частью педагогической работы с персоналом органов внутренних дел, поскольку в самой правоохранительной деятельности есть ряд объективных факторов, способствующих ее развитию. Совершенствование практики предварительного изучения и отбора кандидатов на службу, а также правовой, специальной, морально-психологической подготовки; формирование идеологии государственной службы, системы воспитательной и профилактической работы, оперативного контроля за контактами и нравственным состоянием, жизненными проблемами личного состава наряду с качественным улучшением его государственной защиты (политики социального патернализма) способны значительно уменьшить коррупционные риски в правоохранительной деятельности вообще и деятельности ее субъектов в территориальных органах МВД России в частности.

На катастрофическую ситуацию с коррупцией в нашей стране обратил внимание профессор кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России К.И. Сотников в докладе «Проблемы розыска и возврата похищенных активов по коррупционным преступлениям». Реальность такова, что за границу уходят сотни миллиардов долларов, и наши западные партнеры эти активы никогда не вернут, так как деньги «растворяются» в коммерческих проектах Европы и США. Ущерб экономике России от коррупции по сравнению

с прошлым годом возрос на 66%, а возмещение ущерба мизерно. По убеждению докладчика, путь к решению проблемы — подготовка в системе МВД элитных специалистов, владеющих методикой отслеживания, замораживания и возвращения активов. Он считает, что нужно в корне изменить тактику борьбы с коррупцией. Сегодня компетентные органы начинают реагировать только тогда, когда похищенные средства уже переведены в зарубежные банки. Зачастую в фирмы, уличенные в коррупции, приходят с обыском только через несколько месяцев. Необходимо работать на опережение.

Доцент кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России М.Н. Косарев в докладе «Коррупция как угроза национальной безопасности Российской Федерации: состояние и перспективы» связал взрывной характер экономической преступности с прогностикой грядущего тотального обрушения мировой экономической системы. Этим, по его убеждению, обусловлен рост «элитарной» коррупции — массового увода активов за рубеж. В качестве меры борьбы с коррупцией докладчик предложил цифровизацию экономики как средство сведения к минимуму контактов с чиновничеством.

В сообщении «Коррупция как культурное явление» преподаватель кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России В.А. Кузьменков высказал парадоксальную мысль, что многим социальным системам коррупция имманентна. В советском государстве коррупцию порождал тотальный дефицит. В странах, где крепки семейные узы, как ни странно, уровень коррупции в целом выше: формула «ради блага семьи» служит оправданием коррупционного поведения. В европейских протестантских государствах коррупцию удалось снизить, когда преданность закону стала превалировать над преданностью семье. Вывод докладчика заключался в необходимости преодоления двоемыслия: на словах коррупцию осуждают, на деле — готовы на все ради выгоды. Человек, совершающий коррупционные действия, должен перестать себя оправдывать.

В борьбе с коррупцией непродуктивно механически копировать западный или какой-либо другой зарубежный опыт — таково мнение профессора кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского А.А. Иудина, прозвучавшее в его докладе «Социологический мониторинг проблем корруп-

ции». Ученый справедливо отметил значимость цивилизационных особенностей: коррупция всегда существует в конкретной социокультурной среде. Российский тип культуры докладчик определил как «идеократический», то есть в центре российского самосознания всегда стоит духовная идея, в частности, идея справедливости. Из этого необходимо исходить в методике борьбы с коррупцией. Ключевая мысль докладчика такова: понимание коррупции и борьба с ней возможны только на фундаменте обстоятельного эмпирического измерения, социологического мониторинга.

Старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России Ю.В. Жукова в докладе «Основные направления предупреждения коррупционной преступности» высказала убеждение в необходимости наступления на коррупцию широким фронтом, по всем направлениям: совершенствованием законодательства (чтобы коррупция была невыгодна), антикоррупционным просвещением, включением на полную мощь репрессивной государственной машины.

Профессор кафедры философии Нижегородской академии МВД России О.В. Париллов в своем докладе «Православные установки как фактор противодействия коррупционному поведению» высказался о том, что при всей значимости законодательных, репрессивных мер все же ключевое значение имеет мировоззренческая переориентация общества. В этом смысле необходима опора на национальную, сформированную православием, духовную традицию [1; 2]. Исторический опыт показывает, что страх перед наказанием — плохой сдерживающий фактор. Осознание себя «ходящим пред Богом», страх совершить грех, христианская экзистенциальная формула — «все сокровища мира не стоят души» — более эффективные установки, сдерживающие коррупцию.

После перерыва на круглом столе оживленная полемика развернулась вокруг главного доклада доцента Нижегородской духовной семинарии иеромонаха Лаврентия (Собко) «Антропологический аспект преодоления коррупции». Отец Лаврентий обратил внимание на антропологическую коннотацию термина «коррупция» — «растление», «порча человеческой природы». В качестве путей преодоления коррупции докладчик предложил следующие: уменьшение или вообще исключение человека из коррупционных механизмов автоматизацией частных и государственных процессов; легали-

зация коррупции, как это имело место в императорской России и существует в современных США (система лоббирования). Один из путей решения проблемы коррупции, считает отец Лаврентий, — кардинальная переориентация работы полиции: сделать приоритетной защиту интересов человека, а не государства. Необходимо, чтобы полиция не на словах, а на деле стала народной, как это было в дореволюционной России или сегодня в европейских странах. Но это возможно лишь при условии преодоления современной социальной атомизации, при условии самоорганизации граждан в единые общины. «Народная» полиция возможна, если есть народ — сплоченные общины, и невозможна в условиях существования безликого населения.

Начальник кафедры философии Нижегородской академии МВД России И.А. Треушников поддержал акценты, расставленные в ходе доклада о. Лаврентия, напомнив, что в центре общественной системы стоит человек с его интересами, способностями и всем духовно-культурным укладом. В свое время, завершая статью, посвященную национальной безопасности России в контексте философии хозяйства, И.А. Треушников сделал вывод о том, что данная проблема имеет ярко выраженный антропологический аспект [3, с. 69]. Так или иначе, и проблема борьбы с коррупцией должна замыкаться на человеческой личности.

После каждого выступления докладчики отвечали на вопросы участников конференции, все доклады и сообщения вызвали интерес и оживленную дискуссию среди присутствующих.

Завершилась конференция тем, что модераторы И.А. Треушников и А.А. Глухова подвели итоги работы, выразили благодарность участникам за проявленный интерес к проблемам борьбы с коррупцией. По итогам работы конференции готовится издание сборника докладов участников, который будет индексирован в РИНЦ.

Примечания

1. Париллов О.В. Роль самобытников в развитии русского самосознания: монография. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. 125 с.
2. Париллов О.В. Хилиастические мотивы в творчестве Ф.М. Достоевского, сформированные под влиянием концепции всемирной теократии В.С. Соловьева // Соловьевские исследования. 2013. № 2 (38). С. 16—29.
3. Треушников И.А. Национальная безопасность в контексте философии хозяйства // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения:

Вестник Нижегородской академии МВД России. 2002. № 2.

References

1. Parilov O.V. The role of traditionalists in the development of Russian self-consciousness: Monograph. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy, 2001. 125 p. (In Russ.)

2. Parilov O.V. Chiliastic motifs in the works of F.M. Dostoevsky, formed under the influence of the concept of world theocracy V.S. Solovyov. *Solovyov studies*, 2013, no. 2 (38), pp. 16—29. (In Russ.)

3. Treushnikov I.A. National security in the context of the philosophy of the economy. *Economic security of Russia: political guidelines, legislative priorities, security practices: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2002, no. 2. (In Russ.)

УДК 34
DOI 10.24411/2078-5356-2019-10244

Беляева Лариса Ивановна
Larisa I. Belyaeva

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовной политики

Академия управления МВД России (125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8)

doctor of sciences (law), professor, honored lawyer of the Russian Federation, professor of the department of criminal policy

Management academy of the Ministry of the interior of the Russian Federation (8 Zoi Aleksandra Kosmodemyanskih, Moscow, Russian Federation, 125171)

E-mail: odir_amvd@mvd.ru

Рецензия на монографию Н.В. Павличенко
«Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности
в оперативно-розыскной деятельности» (М., 2016. 185 с.)

Review of the monograph N.V. Pavlichenko “Legal and theoretical problems
of ensuring secrecy in operational investigative activities” (Moscow, 2016. 185 p.)

Сегодня нам, рядовым читателям (под рядовым читателем здесь понимаются все, кто не занимается оперативно-розыскной деятельностью; обыватели — как говорили в старину), все кажется простым и ясным, в том числе и в области оперативно-розыскной деятельности. Ведь она уже ни для кого не секрет. Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) доступен каждому, кому интересен, его теперь и в институтах изучают. Мы смотрим бесконечные и вечные сериалы о милицейско-полицейских буднях, где только и говорят об информации, поступившей от агента, где мы видим и встречи с агентами, и методы работы с ними. Словом, все обычно и привычно. Однако стоит ознакомиться с одним лишь введением рецензируемой книги и становится ясно, как много в этой области нерешенных проблем. Одни из них лежат на поверхности, и они очевидны; другие как бы «проплывают легким туманом» между строк, а третьи — улавливаются лишь острым чутьем профессионалов. Известно, что осознание проблем — первый шаг к изменению действительности. А второй — изменение ее. И здесь любопытно, каковы возможности и устремления автора.

Его внимание сосредоточивается на том, что составляет суть и смысл оперативно-розыскной

деятельности — негласность, закрытость, конфиденциальность.

Работа открывается историческим обзором процесса зарождения и развития негласных форм деятельности в отечественной практике. Обзор построен на уже известных источниках по данному вопросу и является обобщающим. Обращение же автора к этой проблеме свидетельствует о его стремлении к проникновению в ее истоки и начала. Здесь автор приводит читателя к пониманию того, что чем выше общественная опасность деяний, тем актуальнее и неизбежнее использование негласных форм работы в обеспечении безопасности от криминальных посягательств.

Стоит отметить, что несмотря на деликатность темы рецензируемой работы, автор не объясняется на полутонах, на недосказанности. Он сторонник определенности и ясности в отношениях с читателем. Этим оправдывается характеристика понятия негласности. Особенно ценным является то, что это понятие анализируется всесторонне, системно, компаративистски. Автор обосновывает легальность термина, показывает его правовое разнообразие, многофункциональность в правоприменении. Любопытным является сравнительный анализ законодательства государств-участников СНГ, предусматривающего негласные следствен-

© Беляева Л.И., 2019

ные (розыскные) действия. Автор анализирует средства достижения негласности, к которым он относит конспирацию, режим секретности, ограничение доступа и неразглашения информации, не составляющей государственной тайны, но способной рассекретить силы, средства и методы оперативно-розыскной деятельности (фоновая информация). На основании изложенного в работе делается соответствующий профессиональный, научно обоснованный вывод о природе и значении негласности в правоохранительной деятельности. Но еще более ценным является то, что рассуждения исследователя приводят неискушенного читателя к самостоятельному выводу о том, что негласность — необходимое, а в ряде случаев неизбежное условие обеспечения безопасности от криминальных посягательств.

В работе дается характеристика и раскрывается содержание (структура) фоновой информации. При этом здесь показано значение ее в оперативно-розыскной деятельности, ее влияние на правильность и своевременность принятия необходимых решений сотрудниками оперативных подразделений.

Примечательно, что здесь же обращено внимание на необходимость быть осмотрительными и внимательными при использовании такой информации, в противном случае возникает опасность безрезультативности оперативно-розыскных мероприятий или, что еще хуже, нарушения законности.

Любопытно, что, как следует из работы, при всей казалась бы ясности в этом вопросе, на самом деле существует немало проблем. Одна из них состоит в том, что в настоящее время не обеспечена правовая защита фоновой информации, отличающейся большим многообразием. Автор предлагает решение этой проблемы, которое состоит в том, чтобы использовать возможности уже существующих правовых предписаний. При этом очень актуальным и значимым является вывод о том, что в случаях нарушения прав человека и гражданина путем несанкционированного распространения конфиденциальной и фоновой информации, он может защищать их всеми способами, которые не запрещены законом, как это определено Конституцией Российской Федерации (ст. 45), хотя бы это и не согласуется с Законом об ОРД (ст. 5). Нельзя не признать очень грамотной, привлекательной, современной ситуацию, в которой профессиональный сыщик, каковым и является автор работы, отдает предпочтение Конституции страны, а не Закону об ОРД. Это одновременно

и презентация внутреннего мира автора, и рекомендация, наставление для коллег, и уважение для читателя.

В работе внимание акцентируется на том, что правильность решения оперативно-розыскных задач зависит от того, как сотрудник оценивает имеющуюся информацию и насколько он лично подготовлен профессионально и готов к этому с точки зрения психоэмоциональной. Это автор называет «внутренним убеждением», обращая внимание на то, что это понятие пока не нашло научного осмысления в теории. Восполняя этот пробел, автор, во-первых, формулирует понятие, во-вторых, эмпирическим путем выявляет его содержание. Это позволило сделать вывод о том, что внутреннее убеждение складывается из показателей, характеризующих самого сотрудника, и показателей, относящихся к среде функционирования.

В работе совершенно справедливо подчеркивается, что объем и содержание информации, лежащей в основе принятия решения оперативно-розыскного характера, с одной стороны, совпадает с той, которой располагают другие правоприменители, а с другой — совершенно отличается от нее, например, связанная с противодействием оперативно-розыскной деятельности. Это, безусловно, требует от сотрудника системности, объемности и дисциплинированности мышления, что порой на одиноличном уровне и невозможно. Этим и объясняется распространенность выработки коллегиального решения по оперативно-розыскным вопросам.

Представляется, что все изложенное полезно практическим работникам, ибо систематизирует знания в исследуемой области, восполняет пробелы в знаниях, способствует росту профессионализма.

Однако особая ценность данного материала, как видится, заключается в том, что он раскрывает суть и смысл оперативно-розыскной работы не с точки зрения профессиональной (во всяком случае не только и не просто), а с точки зрения ее социальной значимости, личной ответственности сотрудника, сложности и напряженности работы. И это заставляет читателя по-иному взглянуть на тех, кто выявляет, предотвращает и раскрывает преступления.

В начале работы автор отмечает, что «негласность» и «конспирация» близкие, но не синонимичные понятия. И вполне логично, что, проанализировав и охарактеризовав негласность как понятие и как характеристику специфической деятельности, автор уделяет внимание конспирации.

В работе показана юридическая природа конспирации. Несмотря на то, что конспирация есть основной, хотя и не единственный способ обеспечения негласности, понятие при многообразии взглядов пока не сформулировано.

В целях выработки такого понятия автор анализирует уже имеющиеся, сравнивает существующие точки зрения, отдавая дань должного уважения каждому исследователю, обращавшемуся к данной проблеме; прибегает к методу экспертных оценок в целях определения содержания термина; проводит сравнительный анализ нормативных правовых актов, в которых затрагиваются вопросы, относящиеся к предмету внимания, что и позволило установить круг субъектов конспирации и особенности их деятельности в этой области, способы осуществления, отличие от других способов обеспечения негласности. На основании этого в работе дается авторское понятие конспирации. Это важно, поскольку способствует расширению знаний о ней.

Как известно, статья 3 Закона об ОРД к ее принципам относит и принцип конспирации, суть которого состоит в том, что оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) строится на началах сохранения тайны, секретности, закрытости. Автор же рассматривает конспирацию не как принцип ОРД, а как способ соблюдения одноименного принципа. Это предполагает особый порядок получения, оформления, хранения и использования оперативно-розыскной информации, а также соблюдение правил обращения с оперативно-служебными документами.

При этом в работе показано, что исследователями неоднозначно понимается и суть конспирации, и меры, и средства ее обеспечения. Автором делается попытка анализа различных точек зрения и выработки обобщающих выводов по рассматриваемому вопросу.

Автор полагает, что конспирация как специфическая деятельность осуществляется в соответствии с определенными принципами. Как отмечается в работе, практическая деятельность на них и держится, хотя теоретического обоснования они не получили. И вполне логичным является стремление автора восполнить существующий пробел. И это в известной мере удается. Здесь рассматриваются четыре принципа: активности, надежности, своевременности, вариативности. С чем в общем и целом можно согласиться. Однако из предыдущих рассуждений исследователя вытекают выводы, которые тяготеют к принципам конспирации. Это, например, принципы нравственности, обоснованности.

Безусловно, данная реплика никак не умаляет заслуги исследователя, а лишь свидетельствует о том, что разговор на заданную тему не закончен и она не исчерпана.

Конспирация, как совершенно справедливо отмечается в работе, осуществляется в строгом соответствии с установленными правилами. Анализ ряда нормативных правовых актов, проведенный автором, свидетельствует, что они предписывают соблюдение правил конспирации, однако с научной точки зрения они пока не осмыслены: не дано их понятия, классификации, характеристик. Это и послужило основанием для восполнения указанных пробелов. Автором сформулировано вполне приемлемое понятие привил конспирации.

Автор в ходе исследования приходит к выводу о том, что в силу большой вариативности и множественности факторов, обуславливающих ее, систематизация этих правил и невозможна, и нецелесообразна, поскольку во всяком случае она не будет ни полной, ни содержательной. А потому целесообразным является обобщение и выработка общих, объемлющих правил, приемлемых для любой оперативно-тактической ситуации. Поэтому автор считает возможным классифицировать эти правила по степени их общности, определив несколько видов: общие, специальные и частные. В работе показаны их особенности и проблемы, связанные как с нормативным правовым оформлением, так и с правоприменением.

Негласная информация в ОРД, конечно, не является самоцелью. Ее назначение состоит в том, чтобы способствовать принятию обоснованных решений по обеспечению безопасности от криминальных посягательств. Как совершенно справедливо отмечает автор, использование такой информации предполагает ее гласный характер, что и нужно сделать, имея в основе информацию негласную. Известно, что существует определенная процедура, позволяющая перевести негласную информацию в гласную. При этом, обращает внимание автор, в зависимости от содержания информации необходимо учитывать те или иные условия.

Значительное внимание в работе уделяется информации, связанной с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие оперативно-розыскным органам. Из изложенного автором становится очевидным, что работа с указанными лицами — это не самостоятельность, не простая совокупность встреч и бесед. Это, напротив, сложная, урегулированная нормами права деятельность, связанная с полу-

чением, обработкой и использованием информации, полученной от указанных лиц, а также информации об этих лицах.

Негласная оперативно-розыскная информация играет важную роль в принятии уголовно-процессуальных решений лицами, на то уполномоченными: экспертами-криминалистами, судьями, прокурорами. Поскольку круг этих лиц достаточно широк, возникают проблемы, связанные, во-первых, с доступом к этой информации, во-вторых, с установлением объемов необходимой для конкретных лиц информации, и, в-третьих, с обеспечением ими негласности. Хорошее знание практики позволило исследователю проанализировать указанные проблемы и предложить варианты их решения прежде всего путем правовой регламентации всех вопросов, связанных с использованием негласной информации. Анализ проблем обеспечения негласности оперативно-розыскной информации на стадии, предшествующей возбуждению уголовного дела, данным исследователем, имеет важное значение как для специалистов, так и для тех, кто с правоприменением не связан. Первыми он показывает в обобщенном виде те проблемы, которые существуют в действительности и нуждаются в разрешении. А обычным гражданам дает возможность понять, насколько сложна и неоднозначна работа тех, кто добывает оперативно-розыскную информацию, которая может быть обращена «и во благо, и во зло». Автор довольно убедителен в том, что только бережное отношение к оперативно-розыскной информации всех субъектов, с ней соприкасающихся, позволяет не обращать ее «во зло».

Не меньше вопросов, связанных с обеспечением негласности оперативно-розыскной информации, возникает в связи с использованием ее в уголовном процессе. В работе дается подробный анализ правовых возможностей обеспечения негласности оперативно-розыскной информации, предусмотренных соответствующими статьями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). Особое внимание здесь уделено вопросам безопасности потерпевших, свидетелей, конфиденентов. Как вполне обоснованно отмечает исследователь, принятие мер безопасности в отношении них неизбежно приводит к расширению круга лиц, владеющих информацией о защищаемых, что не исключает ее утечки. Автор в связи с этим приходит к выводу о необходимости законодательного ограничения круга лиц, могущих быть допущенными

к информации о защищаемых лицах, в частности, конфиденентов.

В целях разрешения проблем отечественного законодательства и правоприменительной практики автор обращается к международному опыту обеспечения негласности персональных данных лиц, оказывающих негласное содействие правоохранительным органам. Для этого в работе проанализированы решения Европейского суда по правам человека по указанной проблеме и решения Верховного Суда Российской Федерации. Это позволило автору прийти к выводу о том, что Европейский суд с пониманием относится к вопросу об обеспечении негласности и допускает принятие мер к этому, в частности использование анонимного допроса свидетелей.

Рецензируемая работа снабжена приложениями. Одни из них статичны — это извлечения из Закона об ОРД, УПК РФ, но они обеспечивают мобильность, динамичность работы, поскольку дают возможность читателю соотнести мнение исследователя с нормами права.

Другие, напротив, динамичны, поскольку способствуют развитию научных взглядов на проблему и решению конкретных вопросов в исследуемой области (приложение 4).

Нельзя не заметить, что работа написана с большой любовью к тому делу, которое близко автору. Известное своеобразие работе придают эпиграфы, сопровождающие каждый параграф. Каждый эпиграф — суть, зерно, господствующая мысль параграфа. Их подбор — свидетельство скрупулезности, вдумчивости и интеллектуальности автора. Эпиграфы, приведенные в работе, можно, а может быть и нужно читать отдельно. Их выбор — показатель вкуса автора.

Работа, безусловно, полезна и интересна практическим работникам, поскольку помогает найти правильное решение в затруднительных случаях. При этом невозможно переоценить ее просветительское значение. Она ведь выполнена для неограниченного круга читателей. Это, с одной стороны, делает ее полезной для студентов (аспирантов) юридических факультетов, где изучается Закон об ОРД. В монографии показана роль прокурора, судьи, адвоката (а ими и станут выпускники) в решении вопросов, связанных с негласной оперативно-розыскной информацией.

С другой стороны, она раскрывает содержание деятельности оперативных сотрудников, показывает ее сложности, уровень и степень ответственности (профессиональной и личной) за принимаемые решения, их неоднозначность.

РЕЦЕНЗИИ

То есть она показывает значение, место и роль ОРД в системе обеспечения безопасности.

Стоит отметить, что автор ни в чем не покривил душой. Им сказано все об этой работе, что допустимо для непосвященных. И при этом — ни одного слова, выходящего за этот предел. Однако профессионал читает здесь больше того, что выражено печатным словом.

Автор настойчив, в известной степени смел, но всегда корректен в обосновании своей позиции по тем или иным вопросам. В качестве доводов приводятся: сравнительный анализ взглядов, законодательства, эмпирический материал. И все это очень аккуратно, но неизбежно и неотвратно «захватывает» читателя.

С сожалением следует сказать и о тех упущениях, которые замечены. Так, автор приводит сведения об опросах практических работников. Однако никакой информации о содержании опросов, обобщенных материалов в

книге не содержится, что в известной степени обедняет ее.

Не очень понятной является некоторая избирательность автора в отношении к исследователям: одних он называет по имени, отчеству и фамилии, других — только по имени и отчеству, а третьих — обозначает инициалами.

Некоторые приложения, имеющиеся в работе, существуют как бы сами по себе, то есть «не живут» в тексте. Например, приложение 4 «Технические способы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности». Интересное само по себе, оно не нашло отражения, обоснования в тексте.

В целом же монография актуальна, содержит в себе интересную и новую информацию по рассматриваемому вопросу. Она читается с большим интересом. И, без сомнения, может быть признана успешной и полезной для тех, кто к ней обратится.

УДК 34

DOI 10.24411/2078-5356-2019-10245

Зуева Юлия Владимировна
Yulia V. Zuyeva

соискатель Нижегородской академии МВД России, адвокат

Нижегородской областной коллегии адвокатов (603005, Нижний Новгород, ул. Пискунова, 27а)

postgraduate degree seeker of the Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia, lawyer

Nizhny Novgorod regional bar association (27a Piskunova st., Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603005)

E-mail: zuevajulia2009@yandex.ru

Козлов Александр Викторович
Aleksandr V. Kozlov

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Нижегородский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (603155, Нижний Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12)

candidate of sciences (law), associate professor, associate professor of the department of criminal law and criminal process

Nizhny Novgorod branch of the National research university "The Higher school of economics" (25/12 Bolshaya Pechorskaya st., Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603155)

Необходимая оборона как элемент системы гражданской самозащиты (общеправовой аспект). Рецензия на книгу М.А. Фомина «Необходимая оборона. Как доказать правомерность действий» (М., 2019. 448 с.)

Necessary defense as an element of the civil self-defense system (general legal aspect). Review of M.A. Fomin's book "Necessary defense. How to prove the legality of actions" (Moscow, 2019. 448 p.)

Жанр рецензирования научных изданий, хотя и имеет определенные традиции, отмечается весьма значительной свободой в выборе подходов, оценок, выводов, рекомендаций.

Это всегда субъективный (в глубоком и богатом смысле этого понятия) взгляд на предмет доктринального анализа. Можно бесконечно долго дискутировать о разумном багаже положительной и критической частях рецензии, об акцентах на содержании либо форме исследуемой публикации.

В предлагаемой читателю рецензии есть одна методологическая и методическая особенность — предпринята попытка оценить проделанную М.А. Фоминым работу с широких общеправовых позиций. Дело в том, что институт необходимой обороны как отраслевой феномен (и здесь неважно — уголовно-правовой,

гражданско-правовой, международно-правовой) представляет регулятивную и иную ценность лишь в том случае, если он «вписывается» в уже сложившуюся систему гражданской самозащиты, дополняет ее новыми импульсами развития.

В этом контексте работа М.А. Фомина заслуживает высокой положительной оценки: исследователь довольно часто выходит за узкие отраслевые уголовно-правовые рамки и обращается к общеправовым, общекультурным и общенаучным иллюстрациям.

Так, например, автор отмечает, что государство не в состоянии предотвратить каждое отдельное правонарушение, взять под охрану каждого человека. Именно поэтому государство закрепило право людей защищать самостоятельно свои права. Такая самозащита, по

© Зуева Ю.В., Козлов А.В., 2019

мнению М.А. Фомина, рассматривается государством как дополнение к охранительной и предупредительной деятельности самого государства. При этом право на самозащиту не создается государством, а лишь признается и санкционируется, поскольку самозащита продиктована инстинктом живого человека защищать себя от опасности, инстинктом самосохранения (с. 6, 9, 415).

Трудность рецензирования работы заключается в том, что автор не определяет жанр своего труда: в аннотации и вступительном слове неоднократно фигурирует понятие «настоящее издание» и лишь однажды — «книга».

Несмотря на несомненную научную и учебную ценность труда М.А. Фомина, перед нами не монография, не научная разработка, не учебник и не учебное пособие. Хотя бы потому, что книга не содержит ни одной сноски на ранее предпринятые исследования по этой актуальной теме. Отсутствует в исследовании М.А. Фомина и библиография по избранной теме. Работа получилась «безличной» — иногда приводится позиция, но чья она, не отмечается.

Речь идет о том, что реальная познавательная ценность и практическая значимость исследования, нацеленного на поиск тактических рекомендаций, частных методик весьма велики, но оценивать их надлежит совсем по другим критериям, нежели монографическую докторальную работу.

Представляется, что автор, хотя и заявляет в аннотации, что издание предназначено не только для практикующих работников, но и преподавателей, аспирантов, студентов, представителей общественности, законодателя и широкого круга читателей, в первую очередь, на наш взгляд, хотел поделиться своими соображениями с практиками — «коллегами по цеху», предложить им конкретные рекомендации — как действовать в той или иной ситуации, связанной с необходимой обороной. К такому выводу мы приходим не только потому, что автор — практикующий адвокат, председатель Президиума Московской городской коллегии адвокатов «Фомин и партнеры», а в подзаголовке книги упор делается именно на то — «как доказать правомерность действий».

О практической направленности книги можно судить, например, по ее оглавлению. Законодатель проявил «лаконичность» при описании необходимой обороны. Об этом говорит и сам автор, отмечая, что закон сообщает не обо всех условиях наличия или отсутствия необходимой обороны (с. 51). Данное обстоятельство

предопределило рождение очередной юридической конструкции. Теоретиками и практиками уголовного права для целей, в первую очередь, правоприменения институт необходимой обороны «разделен» на составляющие признаки. Для того чтобы признать в действиях лица необходимую оборону, нужно установить условия правомерности необходимой обороны применительно к посягательству (общественная опасность, действительность и наличность посягательства, мнимая необходимая оборона и др.), к защите (отсутствие в действиях лица провокации необходимой обороны либо превышения пределов необходимой обороны, причинение вреда только посягающему лицу и др.).

В оглавлении книги нет характерного для монографии или учебника научного и образовательного посыла. Автор не рассматривает историю института необходимой обороны, зарубежное законодательство в данной сфере, не ставит целью совершенствование уголовного законодательства (хотя и критикует законодателя, что будет нами отмечено ниже). Мы видим только условия правомерности необходимой обороны.

Чтобы не возвращаться к оглавлению книги, отметим, что оно не в полной мере комфортно для читателя. Книгой гораздо более удобно было бы пользоваться, если бы автор внутри ее глав выделил параграфы. Например, в главе 2 можно было бы выделить такие параграфы, как: 1) общественная опасность посягательства; 2) наличность посягательства; 3) действительность посягательства. Тогда проще было бы найти нужный материал. Тем более, что фактически в главе 2 М.А. Фомин именно по такой схеме структурирует материал, выделяя *курсивом* обозначенные условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к общественно опасному посягательству (с. 58, 77, 144). Странно, правда, что наличность посягательства рассматривается автором и в главе 3, например, на странице 300.

О практической направленности книги можно судить и по ее содержанию. Основное содержание книги — извлечения из судебной практики по делам, связанным с признанием в действиях лица необходимой обороны, либо по делам о преступлениях, совершенных при превышении необходимой обороны.

В основном М.А. Фомин называет то или иное условие правомерности необходимой обороны и приводит пример (или примеры) из судебной практики. Так, на странице 215 автор приводит более чем очевидное и не оспариваемое по-

ложение из теории уголовного права о том, что «при необходимой обороне вред, причиненный посягающему, может быть больше того вреда, который мог бы быть причинен в процессе осуществления посягательства». И на 22 страницах книги (с. 215—238) подкрепляет данное положение извлечением из приговора Старооскольского городского суда Белгородской области от 27 декабря 2016 года по уголовному делу в отношении Р.

Иногда М.А. Фомин обращается к сфере уголовного процесса и доказывания. Так, например, на 10 странице он отмечает, что обороняющиеся лица сами становятся обвиняемыми и тратят значительное время и усилия, чтобы доказать правомерность своих действий. И в качестве примера на 14 страницах (с. 10—24) приводит описание и развитие фабулы дела и приговора Ленинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 21 сентября 2017 года по уголовному делу в отношении М.

Конечно, изобилие фабул уголовных дел, объединенных одной тематикой, является определенным плюсом с той точки зрения, что они могут быть изучены читателем самостоятельно в научных или образовательных целях, либо для нужд правоприменения.

Вместе с тем, уместно отметить, что с общеправовой позиции не вполне приемлемо приводить в работе объемные фрагменты из конкретных уголовных дел и после этого не предлагать каких-либо комментариев, общетеоретических тезисов, межотраслевых выводов. В исследовании М.А. Фомина такого рода формат изложения материала превалирует.

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что объем цитирования того или иного приговора суда зачастую превышает достаточный с точки зрения подтверждения того или иного тезиса автора. Хотя читатель может возразить рецензентам на том основании, что чем больше по объему извлечение из приговора, тем больше информации, которая может подтолкнуть читателя к самостоятельным выводам и рассуждениям.

Автор не всегда в работе вопросы теории и практики, связанные с необходимой обороной, раскрывает при помощи приговоров судов. В некоторых случаях М.А. Фомин ссылается на постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Так, например, на странице 300 автор задает вопрос о том, как оценить действия обороняющегося, который продолжает причинять вред после того, как посягательство окончено? И соглашается с постановлением Пленума Вер-

ховного Суда Российской Федерации в той части, что необходимая оборона в данном случае может быть, если для обороняющегося лица, исходя из обстоятельств, момент окончания посягательства не был ясен.

В отдельных случаях М.А. Фомин просто называет то или иное условие правомерности необходимой обороны, никак не комментируя его и не ссылаясь ни на приговоры судов, ни на правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации, ни на мнения теоретиков и практиков. Так, например, на странице 215 автор просто констатирует, что при необходимой обороне вред должен быть причинен посягающему лицу, а не третьим лицам, так как право на необходимую оборону возникает вследствие общественно опасных действий посягающего, для пресечения которых и возникает необходимость причинения ему вреда. И ставит на этом точку.

Несмотря на очевидную практическую направленность книги, автор, что не удивительно, приводит в ней выводы обобщающего характера. Например, М.А. Фомин справедливо отмечает, что институт необходимой обороны обычно применяется, когда осуществляется посягательство против жизни и здоровья, однако дела подобного рода практически не встречаются в случае с защитой от посягательств на имущественные блага (с. 415).

Но более важен тезис М.А. Фомина о том, что институт необходимой обороны не отвечает интересам обороняющегося (с. 4). К такому заключению автор приходит на основе обобщения судебной практики. Автор отмечает, что правоприменительная практика стабильно идет по пути привлечения к уголовной ответственности обороняющегося, а не того, кто совершил посягательство (с. 4—5). Действия обороняющегося квалифицируются, как правило, по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за умышленные преступления, на общих основаниях, без рассмотрения вопроса о нахождении этого лица в состоянии необходимой обороны (с. 4). Наблюдается большое количество фактов необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, которые воспользовались правом на необходимую оборону (с. 4).

В сложившейся ситуации М.А. Фомин «обвиняет» органы предварительного расследования, которые «при возбуждении уголовных дел в отношении обороняющихся не могут правильно проанализировать обстоятельства дела и дать им правовую оценку, в результате чего совершаются ошибки, которые выражаются не только в необоснованном привлечении лица к

уголовной ответственности, но и в подрыве эффективности института необходимой обороны, что, в свою очередь, свидетельствует о недостаточной гарантии прав граждан на необходимую оборону» (с. 3—4).

Но главную проблему сложившейся ситуации автор видит в несовершенстве законодательства и выделяет, по сути, несколько основных дефектов законодательной регламентации статьи 37 УК РФ.

Так, М.А. Фомин отмечает, что «норма закона о необходимой обороне не в достаточной степени раскрывает условия правомерности действий обороняющегося, что позволяет субъектам доказывания прибегать к собственным оценкам действий как посягающего, так и обороняющегося, и не в пользу последнего» (с. 4, 51).

По тому, насколько детально прописаны условия правомерности необходимой обороны в уголовном законе, УК РФ сопоставим с уголовными кодексами большинства зарубежных стран. Можно, конечно, пойти по пути молдавского законодателя, указавшего в тексте статьи 36 «Необходимая оборона», например, условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к посягательству (защита от *прямого, немедленного, материального и реального* нападения) [1, с. 12].

Но сам же М.А. Фомин отмечает, что «между тем такие условия установлены судебной практикой и именуются условиями правомерности необходимой обороны» (с. 51). Вся книга М.А. Фомина посвящена анализу данных условий. При этом автор в тексте работы не подвергает их сомнению, не предлагает изменения их формулировок и толкования, не предлагает иные условия правомерности необходимой обороны. Поэтому указание в законе исчерпывающего перечня условий правомерности необходимой обороны проблему едва ли решит.

Другую проблему законодательной регламентации необходимой обороны автор видит в том, что закон ставит обороняющегося в такую ситуацию, при которой он должен дожидаться момента начала посягательства (с. 4). Логично предположить, что М.А. Фомин видит решение данной проблемы в законодательном дозволении необходимой обороны и в преддверии посягательства.

В статье 37 УК РФ «Необходимая оборона» посягательство определяется как действия, сопряженные с насилием, опасным либо не опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Законодательно предоставить лицу право на необходимую оборону, не дожидаясь начала посягательства, означает разрешить обороняющемуся причинять вред другому лицу, не дожидаясь насилия или угрозы насилия с его стороны. Едва ли данная мера представляется правильной, поскольку заключает в себе скрытую провокацию на агрессию обороняющегося в отношении лица, которое может и не нести угрозы.

Одним из условий правомерности необходимой обороны, относящимся к посягательству, является его наличность. Наличность посягательства и означает, что насилие или угроза насилия существуют здесь и сейчас. Напомним, что условия правомерности необходимой обороны, включая признак наличности посягательства, критике со стороны автора в работе не подвергались.

Еще одну законодательную проблему, влекущую ущемление прав обороняющегося, автор видит в наличии в статье 37 УК РФ оценочных понятий. Такие понятия, по мнению автора, необходимо из данной статьи исключить (с. 4—5). В действительности в статье 37 УК РФ содержится только одно оценочное понятие: под превышением пределов необходимой обороны понимаются умышленные действия, *явно не соответствующие характеру и опасности посягательства*. Что такое *явное несоответствие* законодатель не определяет, оставляя данный признак на судебское усмотрение.

Можно последовать опыту французского (ст. 122-5 УК Франции [2, с. 81]), швейцарского (ст. 33 УК Швейцарии [3, с. 12]) или австрийского (ст. 3 УК Австрии [4, с. 45]) законодателя, которые под превышением пределов необходимой обороны понимают умышленные действия, соразмерные посягательству. И соразмерность определять по верхнему сроку или размеру наиболее строгого из перечисленных в санкциях соответствующих статей Особенной части УК РФ наказаний.

Но вся рецензируемая книга пропитана симпатией М.А. Фомина к обороняющемуся лицу. И если в действующей редакции УК РФ при необходимой обороне лицо может причинить в том числе больший вред нападающему (о чем на странице 215 издания говорит сам автор), то замена *явного* на *соразмерное* поставит обороняющееся лицо в более невыгодное положение.

Подводя итог, еще раз отметим, что основное содержание рецензируемой книги составляют примеры из судебной практики, связанные с условиями правомерности необходимой

обороны. В основном в работе представлены оправдательные приговоры по делам о привлечении обороняющегося к уголовной ответственности. При этом автор, очевидно, преследует благородную цель — распространение такого положительного опыта в общероссийскую практику применения статьи 37 УК РФ для гарантии прав граждан на необходимую оборону, о чем сам говорит на странице 7 книги.

К сожалению, автор довольно значительные по объему извлечения из приговоров судов в большинстве случаев не анализирует и даже не комментирует. Ценность работы, главным образом, в наличии данных извлечений.

В отдельных случаях автор высказывает свои иногда небесспорные суждения относительно причин ущемления прав обороняющихся, проблем правоохранительной деятельности по вопросам применения законодательства о необходимой обороне, а также современного состояния данного законодательства и путей его совершенствования.

Хочется пожелать автору в дальнейшем при написании подобного рода работ придерживаться традиций анализа представляемого материала, работы с библиографией, оперирования мнениями ученых.

Примечания

1. Уголовный кодекс Республики Молдова. Кишинев: Falmec-Lux, 2017.
2. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой; пер. с франц. и предисл. Н.Е. Крыловой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
3. Уголовный кодекс Швейцарии / пер. с нем. М.: Зерцало, 2000.
4. Уголовный кодекс Австрии / науч. ред. и вступ. ст. С.Ф. Милюкова; предисл. Эрнста Ойгена Фабрици; пер. с нем. Л.С. Вихровой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.

References

1. Criminal code of the Republic of Moldova. Kishinev: Falmec-Lux Publ., 2017.
2. The penal code of France / scientific. ed. by L.V. Golovko, N.E. Krylova; transl. from the French. and foreword. N.E. Krylova. St. Petersburg: Law center Press, 2002. (In Russ.)
3. Of the Swiss criminal code / transl. from German. Moscow: Mirror Publ., 2000. (In Russ.)
4. Austrian criminal code / scientific. ed. and introductory art. S.F. Milyukov; preface Ernst Eugen Fabrizi; transl. from German L.S. Vikhrova. St. Petersburg: Law center Press, 2004. (In Russ.)

**Требования к рукописям статей,
представляемым для опубликования в журнале
«Юридическая наука и практика:
Вестник Нижегородской академии МВД России»**

1. К опубликованию принимаются рукописи статей, соответствующие тематике Журнала.

2. Рукопись статьи должна содержать:

— **универсальный десятичный код (УДК)** (см.: <http://teacode.com/online/udc/>);

— **сведения об авторе на русском и английском языках** (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, рабочий адрес, адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), контактные телефоны и домашний адрес для отправки авторского экземпляра журнала);

— **заголовок на русском и английском языках;**

— **аннотацию на русском и английском языках;**

— **ключевые слова на русском и английском языках;**

— **список библиографических ссылок на русском и английском языках** (в журнале принята затекстовая система библиографических ссылок, оформленных в соответствии с ГОСТ 7.0.5—2008, с размещением в тексте номера источника и страницы в квадратных скобках; использование подстрочных ссылок не допускается).

3. Статья объемом **не более 12 машинописных страниц** направляется в редакцию в распеча-

танном и электронном вариантах (в формате RTF), которые должны быть идентичны.

4. Текст статьи печатается гарнитурой Times New Roman, размер шрифта — 14, интервал — 1,5. Поля — по 2 см с каждой стороны. Нумерация страниц обязательна.

5. Редакция оставляет за собой право осуществлять техническое редактирование (не меняющее смысла) авторского оригинала.

6. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

7. Автор несет ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, наличие сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати. После вычитки отпечатанного текста автор на последней странице собственноручно пишет: **«Рукопись вычитана, цитаты проверены (дата, подпись)»**.

8. При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи в сети «Интернет» (на сайте Нижегородской академии МВД России, сайтах научных электронных библиотек).

9. Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей.

Почтовый адрес:
603950, г. Нижний Новгород, Бокс-268,
Анкудиновское шоссе, д. 3,
Нижегородская академия МВД России (РИО).
Тел.: 8 (831) 421-73-21.
E-mail: rio_na@mvd.gov.ru
Сайт: na.mvd.rf